Андре НОРТОН

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

III · V

Андре НОРТОН

Эс
Торовы топи
Эсткаунт
Обитель мудрейших
Зеленая долина
Эстфорд
Кольцо Мерлиров
Форт Горвана
Мертвый город

Черная башня
Дорога
Впадина
река
протока
Черная скала
Озеро Кроганов
Котлован
С
З
В
Ю

АНДРЕ НОРТОН

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7 США
Н 83

Перевод с английского
Анатолия Пахомова, Натальи Лебедевой
и Аллы Смирновой

Нортон А.
Н 83 Трое против Колдовского Мира: романы /Пер. с англ. —СПб.: Северо-Запад, 1992 — 607 с.
ISBN 5—8352—0013—7

Три романа, объединенные названием «Трое против Колдовского Мира», продолжают сказочно-фантастическую эпопею «Колдовской Мир».

Три повествования, написанные от лица детей Саймона и Джелиты, рассказывают о событиях, разыгравшихся в Колдовском Мире спустя два десятилетия после победы над кольдерами. Близнецы Килан, Каттея и Кемок, обладающие поразительной психической связью друг с другом, а потому представляющие вместе серьезную силу, предпринимают рискованное, полное приключений и испытаний, путешествие на восток — в страну Эскор, исконную родину древней расы, отрезанную от остального мира неведомым заклятьем.

© А. Пахомов, перевод, 1992
© Н. Лебедева, перевод, 1992
© А. Смирнова, перевод, 1992
© «Северо-Запад», составление, оформление, 1992

ISBN 5—8352—0013—7

КНИГА III

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

1

У меня нет дара слагать песни. Я не чета сулькарским бардам, чьи баллады так вдохновляют морских волков на подвиги. Недостает мне и терпения, чтобы следить за тем, как я использую слова. Я вовсе не красноречив. Но если человеку случается пережить невероятные события, в нем рано или поздно пробуждается желание поведать о них — пусть и не складно — своим потомкам, дабы те знали, на что способны были предки, и в этом знании черпали бы силы для себя.

Итак, я начинаю повествование о трех уроженцах Эсткарпа, вступивших в борьбу с теми, кто правил их страной. Они отважились на это, чтобы освободить древнюю расу от заклятия, наложенного на нее тысячу лет назад и помрачившего разум ее людей. Эти трое были мы: Килан, Кемок и Каттея. По крови мы лишь наполовину принадлежали к древней расе, и это было нашей болью, но и нашим спасением. С детства мы чувствовали себя как бы от всех в стороне — ведь мы происходили из рода Трегартов.

Наша мать, госпожа Джелита, была до замужества одной из владычиц — колдуньей, обладавшей Даром Силы. Она не утратила его и после того, как вышла замуж и родила нас — близнецов. И хотя Совет Владычиц не вернул ей Камень Силы, которого ее лишили в час замужества, все же Мудрейшие вынуждены были признать, что она осталась колдуньей, и продолжали считаться с ней.

Отец наш явился в Эсткарп из другого мира — пройдя через Ворота. В том мире, откуда он пришел, он был воином, и отнюдь не рядовым; он привык командовать людьми. Но судьба заманила его в ловушку. Враги грозили ему расправой, и он вынужден был скрываться от их преследования, пока не нашел Во-

рота. Так он появился в Эсткарпе — в самый разгар войны с кольдерами.

Но именно благодаря ему и моей матери с кольдерами навсегда было покончено, и с тех пор дом Трегартов стал пользоваться почетом. Отец и мать заслужили славу тем, что нашли логово кольдеров и закрыли Ворота, через которые эти демоны явились в наш мир. С кольдерами было покончено, но след их пребывания на этой земле остался надолго. Эсткарп продолжал задыхаться от нападений; то и дело нужно было отбиваться от врагов — и с севера, и с юга. Мы родились в мрачную пору.

Наше появление на свет тройней было случаем, уникальным для древней расы. Когда мать перед родами уложили в постель в последний день уходящего года, она стала напевать заклинания; она решила, что ее первенцу предстоит быть воином, как того требовало смутное время. Первым явился в этот мир я — заходясь в плаче, будто уже предчувствовал все грядущие печали и беды.

С моим появлением на свет муки матери не кончились, и потому меня поспешили успокоить и, спеленав, положили возле нее. Мучения ее продолжались еще много часов, и все боялись, что она уйдет из этого мира через последние врата — вместе с теми, кто был еще в ней. И тут в Южном Форте появилась никому не известная женщина. Оказавшись во дворе, она заявила, что ей велено быть с госпожой Джелитой. К тому времени отец пришел в такое смятение, что велел немедленно позвать женщину в дом.

Подойдя к ложу, она извлекла из-под плаща меч, сверкнувший холодным светом, и, наставив его на мать, стала напевать заклинания. Все, кто был рядом, застыли, как вкопанные. Но мать отозвалась на пение и, порвав путы боли и забытья, приподнялась в постели. Она начала что-то быстро говорить, и ее слова показались всем горячечным бредом.

— Воин, мудрец, колдунья, — бормотала она. — Триединство — такова моя воля!.. Каждый из троих — дар... Все вместе — Сила...

И в час второй нового года появились на свет мой брат и сестра — почти одновременно, будто связан-

ные чем-то друг с другом. Мать, однако, вконец лишилась сил. Женщина-ворожея поспешно отложила в сторону меч и приняла новорожденных в свои руки — с таким видом, будто имела на это полное право. Никто не мешал ей, потому что мать погрузилась в беспамятство.

Так Анхорта, женщина из племени сокольничьих, стала нашей кормилицей и заботливой нянькой, под присмотром которой мы сделали первые шаги в этом мире. Она была изгнанницей. Презрев жестокие законы сокольничьих, Анхорта бежала ночью из женского поселения. У сокольничьих, этого воинственного народа, были странные обычаи, совершенно чуждые людям древней расы, среди которых женщины пользовались властью и уважением. Настолько чужды были колдуньям Эсткарпа законы сокольничьих, что они издавна не позволяли им селиться на своей земле. Сокольничьи обитали в горах, расположенных между Эсткарпом и Карстеном.

Мужчины-сокольничьи не обзаводились семьями. Они проводили жизнь в войнах и набегах и были помешаны на своих соколах-разведчиках, к которым явно питали любовь большую, чем к женщинам. А женщин они содержали в деревеньках, построенных в горных долинах, куда время от времени и наведывались, дабы не зачахло племя сокольничьих. Новорожденных, однако, подвергали безжалостному отбору. Так, ребенок Анхорты был умерщвлен только потому, что одна ножка у него оказалась хилой. Анхорта покинула деревню и пришла в Южный Форт. Но почему она явилась в форт именно в тот день и тот час, будто чувствовала, что мать нуждается в ней, — так и осталось для всех загадкой. Да никто и не решался спросить ее об этом — с обитателями форта она держалась весьма отчужденно.

Нам же она дарила тепло и ласку, заменяя мать, которая, родив нас, тяжело заболела. День за днем она проводила в постели и ела только тогда, когда пищу клали ей в рот. Она не замечала, что происходит вокруг. Так продолжалось несколько месяцев. Отец обратился за помощью к колдуньям, но те ответили: Джелита всегда держалась своего пути, они не

хотят вмешиваться в ее судьбу, да и не могут — она давно стала недоступной какому-либо их влиянию.

После такого ответа отец ушел в себя, стал замкнутым и угрюмым. То и дело он устраивал со своими людьми набеги на Карстен, порой неоправданно жестокие, проявляя несвойственную ему страсть к кровавым побоищам. Пошли разговоры, будто он упрямо ищет новый путь и, похоже, это путь к Черным Воротам. Нами он, можно сказать, не интересовался.

Прошел почти год, и вот мать наконец поднялась. Но она была еще очень слаба, быстро уставала и часто ложилась отдохнуть. Она казалась угнетенной, словно ее преследовало предчувствие какой-то беды. Но постепенно и это прошло. Настали те светлые дни, когда сенешаль Корис и его жена, госпожа Лоиса ненадолго пожаловали в Южный Форт, чтобы погостить у нас и отпраздновать окончание войны с соседями и заключение с ними мира. Впервые за многие годы не нужно было спешно выезжать в рейды — ни на север, чтобы отбиваться от назойливых ализонцев, ни на юг, где из-за царившего в Карстене беспорядка постоянно возникали пограничные стычки.

Но мир оказался недолгим. Это была всего лишь передышка. На пятый месяц нового года над Эсткарпом нависла угроза новой войны, зачинщиком которой был некто Пагар. После того, как во время войны с кольдерами был убит герцог Ивиан, в Карстене шла непрерывная борьба за власть. На это распадающееся герцогство имелись права и у госпожи Лоисы. Будучи законной женой герцога, несмотря на то, что ее обручили с ним насильно, она, однако, с самого начала не претендовала ни в какой мере на правление Карстеном. Со смертью герцога, она могла бы стать полновластной хозяйкой там. Но ничем не манила ее к себе эта страна, где ей пришлось перенести столько страданий. Полюбив Кориса, она с легким сердцем отреклась от всяких прав на Карстен. Госпожа Лоиса была полностью согласна с владычицами Эсткарпа в том, что не нужно затевать с соседями войну за власть — забот хватало и без того. К тому же и Корис, и Саймон, способствовавшие, насколько это было в их силах, поддержанию пошатнувшегося могущест-

ва древней расы, знали, чем может обернуться нападение на воинственного соседа. Им более разумным казалось оставить в покое врага, погрязшего в междоусобицах и неспособного развязать до поры до времени войну.

Но вскоре произошло то, чего и следовало ожидать. Владелец земель на юге герцогства, Пагар из Гины, собрал приверженцев и объявил себя сначала правителем двух южных провинций, а затем привлек на свою сторону местную знать из Карса — в основном разорившихся торговцев, готовых выдвинуть в вожди всякого, кто посулит надежду на восстановление мира в стране. К тому времени, когда нам исполнился год, Пагар уже был достаточно силен, чтобы отважиться на борьбу со своими соперниками. Четыре месяца спустя он был провозглашен герцогом.

Он пришел править страной, разоренной худшей из войн — внутренней междоусобицей. Его единомышленники представляли собой банду — разношерстную и трудно управляемую. Большинство из них были наемными воинами, которых собрала под знамена герцога возможность существовать безбедно за счет грабежей. Надо было найти способ сплотить этих людей, пока они не разбежались.

Пагар поступил так, как и предполагали мой отец и Корис: он решил напасть на кого-нибудь из соседей, и в первую очередь обратил свой взор на север. Эсткарп с давних пор не давал покоя карстенцам. Ивиан, послушный внушениям кольдеров, устроил травлю и резню людям древней расы, основавшимся в Карстене в столь давние времена, что даже из их памяти стерлось, когда именно они начали обживать эти земли. Не имея возможности дать отпор, они бежали за горы к сородичам, оставив за собой право на возмездие. Потому-то карстенцы боялись, что рано или поздно Эсткарп нападет на Карстен, чтобы отомстить за убитых. Пагару требовалось только сыграть на этом страхе, чтобы сплотить наемников и объединить карстенскую знать под своим началом.

Однако прежде чем затеять войну, Пагар собирался прощупать силы Эсткарпа, который был грозен не только суровыми воинами из людей древней расы, но

и тем, что его колдуньи имели доступ к Силе и могли распоряжаться ею по своему усмотрению, защищая страну. Кроме того, существовал прочный союз между людьми древней расы и сулькарцами — этим племенем морских бродяг, которые своими набегами некогда принудили Ализон к прекращению военных действий. Они могли в любой момент направить свои корабли на юг и начать набеги на побережье Карстена, а это сразу настроило бы против Пагара карстенских торговцев.

Учитывая все это, Пагар готовился к войне тщательно и осторожно. Рейды карстенцев вдоль границы Эсткарпа начались в то же лето, правда, они не представляли большой опасности. Однако частые атаки, даже и легко отбиваемые, могли истощить силы обороны: несколько человек потеряно здесь, несколько там, ряды защитников неумолимо редели.

Эсткарп ответил на атаки тем, что бросил на юг корабли сулькарцев, предоставив им полную свободу действий вдоль побережья Карстена. Это заставило Пагара задуматься. Капитан сулькарцев Густвар собрал флот из двадцати кораблей, привел их, несмотря на жестокий шторм, к устью Карса и, сломив оборону, прошел по реке до самого города, где устроил побоище, после которого герцог Карстена затих на целый год. Тем временем возник мятеж на юге страны, родине Пагара, который возглавил его единоутробный брат, что тоже прибавило хлопот герцогу.

В какой-то из дней той неспокойной поры нас троих увезли из родного форта — но не в Эс, ибо отец и мать держались подальше от города, где находился Совет Владычиц. Госпожа Лоиса обзавелась небольшим поместьем в Эстфорде, и пригласила нас туда пожить среди ее домочадцев. Нашим ангелом-хранителем по-прежнему оставалась Анхорта, у которой с хозяйкой Эстфорда сразу же сложились дружеские отношения.

Наша мать, оправившись после долгой болезни, снова начала оказывать отцу посильную поддержку в его ратных делах. Совместно они владели Силой — но пользовались ею по-своему, не так, как колдуньи, и те относились к ним с ревностью и подозрением.

Мудрейшим было оскорбительно сознавать, что Даром Силы может владеть и мужчина: они объясняли эту странность отступничеством матери от их кодекса. Они не желали больше иметь с нею дела. В ту пору Совет Владычиц не проявлял интереса к нам, детям странных родителей. Сказать точнее, колдуньи намеренно игнорировали наше существование. Каттея не была подвергнута испытанию на владение колдовскими способностями, как все шестилетние девочки древней расы.

Я почти не помню, какой мать была в те годы. Она приезжала в Эстфорд в сопровождении защитников границы, которые интересовали меня больше, чем кто-либо другой. Едва научившись ходить, я норовил дотопать до кого-нибудь из них, чтобы схватиться за полированную рукоять меча. Мать посещала нас нечасто, а отец — еще реже. Они почти все время пребывали вблизи границы. Со всеми своими детскими бедами мы шли к Анхорте. Нежную привязанность питали мы и к госпоже Лоисе. А наше отношение к родителям было проникнуто чувством благоговейного трепета, в особенности это касалось отца. Он был не из тех, кто легко находит общий язык с детьми, а возможно, испытывал к нам неосознанную неприязнь — за те муки, которые наше появление на свет причинило его жене, самому дорогому для него существу.

У нас не было близости с родителями, и поэтому заменой ей служила тесная связь между нами — детьми, хотя мы были очень разными. Как и предвидела мать, я стал воителем, а Кемок — философом. Сталкиваясь с какой-нибудь трудностью, он не шел напролом, а пытался разобраться, в чем суть. Он рано начал задаваться мудреными вопросами и, когда понял, что никто не может дать на них ответа, то решил сам постигнуть тайны окружающего мира.

Каттея же отличалась способностью остро и глубоко чувствовать. Она пребывала в единстве со всем, что ее окружало — с животными, с деревьями, с ручьями, и даже с неподвижными холмами. В какие-то моменты от ее наития было гораздо больше поль-

зы, чем от моей решительности или от рассудительности Кемока.

Мне трудно вспомнить, когда мы осознали, что тоже наделены Даром Силы. Как-то нечаянно выяснилось, что нам совсем не нужно быть рядом, чтобы общаться. Временами мы становились словно бы единой личностью: я был ее волей, Кемок — разумом, Каттея — душой и чувствами. Осторожность удерживала нас от того, чтобы открыться в этом другим, хотя я почему-то не сомневался, что Анхорт знает о нашей совокупной силе.

Кемоку и мне было лет шесть, когда нам вручили небольшие, специально для нас выкованные мечи, а также — детские самострелы и стали учить искусству владения оружием. Учителя — сулькарца, изуродованного в морских сражениях, — прислал отец. Звали его Откелл. Он превосходно владел всеми видами оружия и был одним из лучших офицеров капитана Густвара, который возглавлял набег на Карс. Откелл был очень требователен к нам.

Впервые нам довелось проверить нашу боевую выучку, когда нам шел двенадцатый год. К тому времени Пагар навел порядок в своем герцогстве и намеревался снова попытать счастья в набеге на север. Он воспользовался тем, что флот сулькарцев рейдировал вдоль берегов Ализона, и направил на Эсткарп несколько отрядов, одновременно пересекающих границу в пяти разных местах.

Сокольничьи уничтожили один из них, защитники границы — два других. Однако оставшиеся два отряда проникли в долину Эса, чего никогда раньше врагу не удавалось сделать, и оказались в ловушке. Не имея возможности отступить, вражеские воины дрались, как звери.

Горстке этих безумцев удалось пробиться к реке, где они захватили баркас, приставив мечи к глоткам тех, кто на нем был. Они спустились вниз по реке, надеясь достичь моря. Но на них уже началась охота — корабль в устье реки перекрыл им путь.

Им пришлось направить захваченный баркас к берегу, и местный люд устремился туда. Откелл, с небольшим отрядом, тоже помчался к реке, отказавшись

взять с собой нас. Вскоре после его отъезда Каттея вдруг уловила чей-то зов. Она восприняла его так отчетливо, что даже вскрикнула. Мы стояли в тот момент на сторожевой площадке башни. Кто-то взывал о помощи — взывал, конечно, не к малолетней девочке, а к какой-то колдунье.

Мы не стали раздумывать: украдкой вывели лошадей из конюшни, чтобы отправиться на зов. Мы не могли не взять с собой Каттею: без нее мы бы не знали, куда ехать.

Трое детей выехали из Эстфорда. Но мы были не совсем обычными детьми... Мы мчались по безлюдным тропам туда, где затаились злодеи из Карстена, захватившие заложницу... Поистине, есть боевое везение. Бывают командиры-счастливчики, которые хранят своих людей от гибели и всегда умудряются вовремя подоспеть с ними куда надо. Конечно, «везение» можно объяснить выучкой, сообразительностью, опытом. Но некоторых многоопытных командиров счастливая случайность почему-то не балует... В тот день нам повезло. Мы нашли место, где скрывались злодеи, и уничтожив всех пятерых, спасли захваченную ими женщину — связанную, в кровоподтеках, но не утратившую, однако, гордого вида.

По серому платью мы поняли, кто она. Ее испытующий взгляд нас сильно смутил и даже как-то разобщил на время. Затем я заметил, что колдунья не смотрит ни на меня, ни на Кемока, а сосредоточила все внимание на Каттее. И в этом ее пристальном взгляде я почувствовал угрозу нам всем.

Откелл не мог простить этой самовольной вылазки, несмотря на ее благополучный исход: лишь несколько дней на мне и на Кемоке были видны следы схватки с карстенскими злодеями. Но на душе у нас было легко: колдунья, проведя в Эстфорде ночь, навсегда ушла из нашей жизни.

Много позже мы узнали о последствиях ее недолгого пребывания у нас. Совет Владычиц потребовал, чтобы наши родители прислали к ним Каттею. Те отказались, и колдуньи сделали вид, что смирились с отказом. Мудрейшие полагались на время.

А время и в самом деле служило им. Два года спустя Саймон Трегарт ушел на корабле сулькарцев в море, чтобы обследовать группу дальних островов, на которых, по слухам, Ализон возводил какие-то странные сооружения. Поговаривали, что там вновь объявились кольдеры. С тех пор об отце ничего не было слышно.

Мы не знали отца близко, и потому его исчезновение мало что изменило в нашей жизни — пока в Эстфорд не прибыла в сопровождении своего эскорта наша мать, в этот раз надолго.

Она почти не общалась с нами. Ее голова была занята чем-то другим. Она словно всматривалась во что-то — но видела не холмы и деревья, а нечто такое, чего не видели мы. Она часто запиралась на несколько часов в какой-нибудь комнате вместе с госпожой Лоисой. После этих таинственных уединений госпожа Лоиса являлась пред очи домочадцев бледная как полотно, будто совсем лишенная жизненных сил. Мать же худела с каждым днем, и взгляд ее становился все более тусклым и отрешенным.

И вот однажды она собрала нас в одной из комнат башни. Там было сумрачно, несмотря на светлый день за окнами. Правда, все они были завешены, кроме одного — обращенного на север. На полу комнаты смутно выделялись какие-то линии. Ткнув пальцем в пол, мать стала водить рукой вдоль этих линий, и они вдруг вспыхнули мерцающим светом, образовав рисунок, напоминающий звезду. Не произнеся ни слова, мать жестом велела нам встать по краям узора и начала бросать в небольшую чашу какие-то высушенные травы. Из чаши заструился дым, обволакивая каждого из нас. Спустя мгновение мы все трое словно слились воедино, как это бывало с нами в тех случаях, когда нам что-то грозило.

Затем — я не знаю, как передать это словами — я, точно стрела, выпущенная из лука, был выброшен неведомой силой в безграничное пространство, потеряв при этом ощущение времени и ощущение самого себя. В том полете было и направление, и цель, мне оставалось только отдаться ему. Так летит камень по воле человека, метнувшего его.

...Столь же внезапно все вернулось на свое место: мы снова стояли в той же комнате и смотрели на мать. Только теперь она не казалась нам чужой — мы испытывали к ней настоящую сыновнюю близость. Она протягивала к нам руки, и по ее осунувшемуся лицу текли слезы.

— Мы дали вам жизнь, — сказала она, — и вы в ответ принесли нам свой щедрый дар, дети мои.

Она взяла со стола коробочку и высыпала ее содержимое в жаровню, на догорающие угли. Вспыхнуло пламя, и в нем возникли какие-то подвижные тени, природа которых была мне непонятна. Вскоре они пропали, и я почувствовал, что больше не являюсь частью нашего триединства, но опять стал самим собой. Мать снова заговорила, глядя на нас.

— Так уж суждено, дети мои. У меня свой путь, у вас — свой. Никто из нас не виноват, что они расходятся. Это судьба так нещадно разделяет нас. Отныне я посвящаю себя поискам вашего отца, ибо он жив. У вас же другое предназначение. Обращайтесь к тому, что заложено в вас, и да будет это вам и мечом, и щитом. Знайте, это всего лишь слова, будто у всех пути разные. Со временем вы поймете, что у нас один путь.

2

Так мать совсем ушла из нашей жизни. Жарким летним утром она вместе со своей охраной покинула Эстфорд. С площадки башни мы смотрели, как отряд выезжал из ворот замка. Дважды мать оглянулась, посмотрев наверх, и, обернувшись во второй раз, подняла руку в воинском приветствии, а мы с Кемоком отсалютовали ей сверкнувшими на солнце мечами. Но стоявшая между нами Каттея поежилась, как от порыва холодного ветра.

— Я видела его, — сказала она. — Когда мать была вчера с нами, я видела его. Он совсем один. Там скалы, голые скалы и грозное море... — Она содрогнулась всем своим маленьким телом.

— Где это? — спросил Кемок.

Сестра покачала головой.

— Я не могу сказать где. То место очень далеко и отделено от нас не просто морем или сушей...

— Это не остановит мать, — заметил я, вкладывая меч в ножны. Я испытал горечь утраты. Но отчего? Мать и отец жили в другом, своем мире, который создали сами. Они считали его совершенным и никому не позволяли проникать в него. И я знал, что пока мать дышит, никакая сила не удержит ее от поисков отца. Я знал также, что если бы мы предложили ей свою помощь, она бы не позволила нам отправиться с ней.

— Зато мы остаемся вместе. — Кемок, как это случалось не раз, прочел мои мысли.

— Надолго ли? — бросила Каттея, не повернувшись к нему.

Кемок порывисто схватил ее за плечо.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он. Мне же показалось, что я понял ее.

— Сестра, — сказал я, — колдуньи не посмеют забрать тебя, родители запретили им это.

До Кемока дошло, о чем речь.

— Родители больше не могут постоять за нее! — возразил он мне.

Нам всем стало не по себе. Сестре и в самом деле грозило пребывание в затворничестве. Девочки, которых колдуньи забирали в ученичество, на долгие годы расставались с близкими, чтобы вести суровую жизнь в глухой обители. Когда посвященная в колдовство снова возвращалась в свои края, она уже не признавала родства по крови, как будто его заменяло родство по призванию. Мы могли потерять Каттею навсегда. Кемок был прав: в отсутствие наших родителей, кто мог встать между нашей сестрой и требованием Совета Владычиц?

С того часа над нашей жизнью нависла тень. Но угроза разлуки еще сильнее соединила нас. Мы угадывали мысли и чувства друг друга, хотя я уступал в этой способности Кемоку и Каттее. Какое-то время в нашей жизни ничего не менялось. Страх утрачивает свою остроту, если не усиливается новыми тревогами, и мы успокоились.

Мы не знали тогда, что мать позаботилась о нас, прежде чем покинуть Эсткарп. Она встретилась с Корисом и уговорила его поклясться на Топоре Вольта, — этом священном оружии, которое он извлек из истлевших рук того, кого предки считали если не богом, то уж во всяком случае не простым смертным, — поклясться в том, что он защитит нас от козней Мудрейших.

Шли годы, и набеги на Эсткарп становились все более частыми. Пагар продолжал истощать оборону Эсткарпа. Но и ему пришлось понести потери, когда весной — восемнадцатой в нашей жизни — его большой отряд был разгромлен в горах при переходе через перевал. В том сражении мы с Кемоком оказались в числе разведчиков, которым выпало прочесывать горы в окрестностях перевала, чтобы добить остатки разбежавшегося войска. Мы убедились, что война — дело скверное. Но ради выживания племени кто-то должен браться за меч...

Однажды во время рейда, когда мы, не спеша, ехали по горной тропе, я вдруг явственно услышал голос Каттеи, будто она была где-то рядом и кричала, взывая о помощи. Я оглянулся, увидел, как Кемок пришпорил свою лошадь и пустил ее галопом следом за ним.

Нашим командиром был Дермонт — беженец из Карстена, вступивший в ряды защитников границы еще тогда, когда мой отец только организовал пограничную службу. Обогнав нас, он преградил нам путь. Мы остановились.

— Куда это вас понесло? — спросил командир холодно.

— Так надо, — дерзко ответил я, готовый пустить в ход даже свой меч, вздумай он и дальше преграждать дорогу. — Нас зовет сестра, ей грозит опасность.

Он пристально посмотрел мне в глаза и, почувствовав, что я говорю правду, направил своего коня в сторону, освободив тропу.

— Езжайте, — не то разрешил, не то приказал он нам.

Догадывался ли Дермонт о том, что происходит? Он не остановил нас, но и не предложил свою по-

мощь. Должно быть, он решил дать нам возможность самим постоять за себя.

Мы пустились в путь. Нам пришлось дважды менять лошадей на биваках, делая при этом вид, что мы едем по заданию. Дорога отняла у нас много времени. И вот, наконец, среди недавно скошенных полей показались башни Эстфорда. С виду все было тихо — никаких признаков набега на замок, но от этого нам не стало легче.

Сквозь звон в ушах я смутно различил, как протрубил в рог часовой на башне. Мы пришпорили лошадей, принуждая их в последний раз скакать во весь опор. Наши плащи были покрыты пылью, но герб Эстфорда на них все же был различим.

Моя лошадь споткнулась и упала, едва мы въехали во двор. Я замешкался, вытаскивая из стремени занемевшую ногу. Кемок, опередив меня, побежал к дому.

Она стояла в дверях и, казалось, едва держалась на ногах. Нет, не Каттея — Анхорта. Встретившись с ней взглядом, Кемок застыл на месте, и я с разбега налетел на него.

— Ее здесь нет, ее увезли? — растерянно спросил брат. Анхорта кивнула, и даже это движение стоило ей немалых усилий. Пряди волос упали ей на лицо; еще недавно темные, они были теперь наполовину седыми. Что с ней случилось? Она выглядела старухой, лишенной жизненных сил. И тут мы оба поняли, что она была подвергнута воздействию Силы. Анхорта пыталась защитить свою питомицу от колдуний и не смогла...

— Ее нет... — промолвила она отрешенно. — Они окружили ее стеной. И ехать за ней нельзя — вам грозит смерть...

Нам не хотелось верить, но судя по всему она говорила правду. Колдуньи похитили нашу сестру и отгородили ее от нас смертельной завесой. Мы погибли бы, бросившись выручать Каттею, и наша гибель не принесла бы ей никакой пользы.

Кемок больно вцепился в мою руку. Мне хотелось оттолкнуть его, даже ударить, чтобы выместить хотя бы на нем свою бессильную ярость. В исступлении я

чуть было не затеял драку, но нас спасла усталость от долгой езды, ибо когда Кемок, вскрикнув, ткнулся лицом мне в плечо, я не удержался на ногах и вместе с ним свалился на пол.

Не прошло и часа, как Анхорта умерла. Должно быть, она из последних сил цеплялась за жизнь, чтобы увидеть нас. Перед смертью она успела поговорить с нами.

— Вы оба воины, — начала она. — Мудрейшие видят в вас силу без разума и ждут, что вы не медля броситесь спасать сестру. Но до поры до времени сделайте вид, что вы против них ничего не имеете, и они в это поверят.

— А они тем временем будут мутить мозги Каттее... — не сдержался Кемок.

— Ты недооцениваешь свою сестру, — возразила Анхорта. — Она не маленькая девочка, которой можно замутить мозги. Колдуньи, быть может, еще пожалеют, что связались с ней. Но не стоит являться к ним сейчас, когда они этого только и ждут.

Мы сызмальства учились у Анхорты уму-разуму и потому прислушались к ее словам. Но мы не могли простить владычицам сотворенного ими зла; в тот час мы навсегда отказались подчиняться им.

Как выяснилось позже, наше несчастье было невольным следствием другой беды. В бою на юге тяжело ранили Кориса, и госпожа Лоиса уехала к мужу, оставив Каттею без присмотра, чем и воспользовались владычицы.

— Что будем делать? — спросил Кемок, когда мы, навек простившись с Анхортой, сидели с ним в погрузившейся во мрак комнате.

— Будем возвращаться... — ответил я.

— Куда — в отряд? — Кемок сделал большие глаза. — Чтобы защищать подлых колдуний?

— Нет, не за этим, — сказал я, стараясь быть спокойным. — Нам надо пока что затаиться. Анхорта ведь предупредила: владычицы ждут от нас опрометчивых действий и готовы разделаться с нами.

— Пожалуй, ты прав, — согласился он. — В их глазах мы — дети. Ну и будем изображать из себя детей, а подспудно — накапливать знания...

Он меня удивил.

— О чем это ты? — спросил я. — Если ты имеешь в виду тайные знания, то тебе должно быть известно, что они дают доступ к Силе только женщинам.

— Это не так, — возразил он. — Разве наш отец не имел доступа к Силе? Другое дело, что он пользовался ею по-своему, не так, как колдуньи. Их учение о Силе — всего лишь одна из догм... Скажи, слышал ли ты что-нибудь о Лормте?

В первый момент я не понял, о чем он толкует, но тут мне вспомнился подслушанный разговор между Дермонтом и одним беженцем из Карстена, с которым он держался вместе. Лормт — это хранилище старинных рукописей.

— Кое-что слышал, — ответил я. — Но что можно извлечь из записей о старинных семьях?

Кемок улыбнулся.

— Записи не исчерпываются семейными хрониками, в них говорится еще и о востоке. Ты когда-нибудь задумывался о востоке?

Я растерялся. Чего он от меня хочет? Восток... Причем здесь восток? Почему я должен думать о нем? Имело смысл думать о севере, где находится Ализон, готовый вцепиться нам в глотку; или о юге, где нам не давал покоя своими набегами Карстен; или о западе, где простиралось море, скрывающее за горизонтом неведомые острова, вроде того, на котором отец с матерью обнаружили обиталище кольдеров. На востоке же не было ничего примечательного, о чем я и заявил Кемоку.

— Почему ты так уверен в этом? — спросил он. — Ведь у наших земель есть и восточная граница. Но слышал ли ты когда-нибудь, чтобы о ней говорили? Скажи, что у нас на востоке?

Я закрыл глаза, чтобы представить себе карту Эсткарпа, которую мне не раз доводилось видеть у наших командиров.

— Горы... — ответил я нерешительно.

— А за ними?

— Тоже горы, ничего другого. Во всяком случае, так обозначено на любой карте.

— Но почему такая неопределенность?

Он был прав — в самом деле, почему? У нас были весьма подробные карты местностей, расположенных к северу и к югу от наших границ, а также карты моря, составленные сулькарцами. Но я не видел ни одной карты, описывающей местность к востоку от нас. И это действительно было странно.

— Я могу тебе сказать почему, — продолжил Кемок. — Никто не способен даже думать о востоке!

— Не понял... — промямлил я.

— Это в самом деле так. Спроси кого угодно, что он знает о восточных землях, и тебе никто ничего не скажет.

— Не хотят говорить?

— Не в этом суть, — заявил Кемок. — Что там не хотят, не могут. Умы людей были подвержены колдовскому воздействию, они вообще не способны мыслить о востоке. Клянусь...

— Но почему?.. — удивился я.

— А вот это нам и предстоит выяснить... — сказал он загадочно. — Видишь ли, Килан, мы не сможем оставаться в Эсткарпе, если освободим Каттею, подумай, колдуньи так просто не выпустят ее из своих рук. А куда нам податься? Ализон и Карстен, конечно, примут нас, но сразу сделают пленниками. Дом Трегартов слишком известен. И сулькарцы не станут выручать нас, если колдуньи окажутся нашими врагами. Но допустим, что мы скроемся в стране, о существовании которой никто не знает...

— Да, Кемок, да! — отозвался я с жаром. Это был блестящий выход. Но меня тут же одолели сомнения.

— Однако... если в сознании людей что-то искажено намеренно, значит, тому есть причина...

— Конечно, — согласился он. — Нам нужно узнать, почему это сделано, и нельзя ли извлечь из этого пользу.

— Но если все живущие в Эсткарпе — с вывихом, почему это не коснулось нас? — спросил я. И тут же ответил сам себе: — Потому что по крови мы только наполовину принадлежим к древней расе?

— Я тоже не нахожу этому какого-то другого объяснения, — признался Кемок. — Нам необходи-

мо побывать в Лормте. Возможно, там мы и найдем разгадку.

Я вскочил на ноги. Мной овладел порыв немедленно действовать.

— А как нам туда попасть? Ты полагаешь, что в такой момент владычицы позволят разгуливать нам по Эсткарпу, как заблагорассудится? Мне-то казалось, ты настроился быть послушным и хотел вернуться в отряд.

Кемок вздохнул.

— Ты не находишь, брат, что в молодости трудновато быть сдержанным и осторожным? — спросил он. — Конечно, за нами будут следить. Мы не знаем, известно ли колдуньям, что мы способны мысленно общаться с Каттеей. Безусловно, наше появление здесь по ее зову должно насторожить их. Почему-то я не могу услышать ее с тех пор... — Он не взглянул на меня, чтобы убедиться, что я тоже ничем не могу похвастаться. Хотя мы никогда об этом не говорили, однако все трое знали, что мысленная связь Каттеи с Кемоком была прочнее, чем со мной — словно промежуток времени между нашим появлением на свет отделил меня от них.

— Послушай, — сказал я. — Та комната в башне, куда нас позвала мать... — Мое воспоминание о таинстве было смутным, но я готов был обратиться к помощи чего угодно, лишь бы узнать что-нибудь о сестре. Однако Кемок, сразу поняв меня, отрицательно покачал головой.

— Наша мать, Килан, владела Даром Силы, она много лет обращалась к ней. Нам с нею в этом не тягаться. Мы не готовы вступить на этот путь. Но все же в нас осталось что-то от нее, и это будет нам опорой. Что касается Лормта, то ты ведь и сам знаешь: страстное желание рано или поздно открывает любые двери. Мы найдем дорогу в Лормт.

Не знаю что именно, быть может, какое-то наитие заставило меня поправить его.

— Лормт найдешь ты, Кемок, — сказал я. — Лормт — твоя задача, я в этом уверен.

Мы не стали задерживаться в Эстфорде, там нечего было делать. Откелл возглавил небольшой эскорт,

чтобы проводить госпожу Лоису в Южный Форт, к Корису, а больше никто из оставшихся в замке не мог помешать нам уехать обратно, в отряд. Утром, отправившись в путь, мы начали упражняться в мысленном общении друг с другом — с упорством, какого за собой и не подозревали.

Мы не прекращали наших упражнений и пребывая в отряде, но старались скрывать это от всех, с кем имели дело. Однако все наши усилия так и не вызвали отклика Каттеи. Со временем до нас дошло известие о том, что она упрятана колдуньями в недоступную обитель, где в числе других послушниц ей предстоит пробыть долгое время.

Способность соприкасаться с Силой проявилась в нас косвенным образом. Кемок обнаружил, что может подробно и навсегда запомнить однажды услышанное или увиденное, а также читать мысли других людей. Ему все чаще и чаще поручали допрашивать пленных. Дермонт, возможно, и подозревал, в чем причина его успеха, но никак не обмолвился на эту тему.

Я же, хоть и не был способен на что-нибудь подобное, начал замечать, что во мне тоже проявляется кое-что от родительского дара. Я стал обостренно воспринимать настроение животных. Скажу без ложной скромности, что никто из защитников границы не понимал лошадей так, как я. Я умел приманивать к себе или отпугивать диких зверюшек, сосредоточивая на них свою волю...

Что касается мечты Кемока попасть в Лормт, то, казалось, ей не дано сбыться. Стычки вдоль границы становились все более кровопролитными, и нам все чаще приходилось действовать из засады. Силы Эсткарпа истощались, и мы подозревали, что в скором времени окажемся изгоями в завоеванной врагом стране.

Корис долго не мог оправиться от ран, а когда выздоровел, стал совсем немощным, он не мог даже поднять Топор Вольта. Ходили слухи, будто он ездил к морским скалам на юге и вернулся домой без священного топора, и что с той поры счастье изменило ему и его люди терпели одно поражение за другим.

В течение многих месяцев Пагар держал Эсткарп под угрозой сокрушительного удара, но так и не наносил его. Враг медлил, опасаясь очевидно, что владычицы обратятся к Силе.

Спустя год с небольшим после того, как Каттею увезли из Эстфорда, Кемоку открылась дорога в Лормт. Правда, она оказалась для него не такой уж легкой. Он попал в засаду, где ему страшно изуродовали правую руку. Нужно было время, чтобы она зажила и он смог бы ею как-то владеть. Я успел повидаться с ним, перед тем как его увезли лечиться.

— Можно быстро поправиться — если этого очень хочешь, — сказал он, глядя на меня потускневшим от боли взглядом. — Я постараюсь выздороветь как можно скорей, и тогда...

Он мог не продолжать, я прекрасно понимал его.

— Мы можем не успеть, — сказал я. — Карстен способен задавить нас в любой момент.

— Не надо терять надежды, — ответил он. — Ты же знаешь, какой мне представился шанс...

Я не испытывал чувства одиночества, когда его увезли. Он по-прежнему постоянно был со мной, а я — с ним. Расстояние, разделившее нас, лишь слегка ослабило связь между нами, и как только он попал в Лормт, я сразу же узнал об этом. Но вскоре он предупредил меня, что нам следует прервать контакт, пока не возникнет в том крайняя необходимость. Ему показалось, будто он подвергся воздействию Силы, и он увидел в этом угрозу для нас обоих.

Так на несколько месяцев наша связь с ним прервалась.

Я по-прежнему ездил в рейды и, несмотря на то, что был совсем молод, получил под свое командование небольшой отряд. Общие невзгоды объединяли нас, и в отряде у меня появились преданные друзья. И все-таки прочнее дружеских уз для меня оставались узы, которыми были связаны мы — трое. Я знал, что если вдруг Каттея или Кемок позовут меня, я тотчас помчусь на их зов, не думая ни о чем. Опасаясь именно этого, я решил подготовить себе замену и жить по строгим правилам воинской службы. Но я постоянно чего-то ждал...

3

Тощие, как ализонские гончие, и обтрепанные, как морские бродяги, мы скитались по горным тропам, каждое утро удивляясь тому, что проснулись живыми, а вечером — что вернулись в лагерь.

Если бы Ализон и Карстен объединили свои силы, Эсткарп не смог бы им противостоять, он был бы сломлен и опустошен. Но похоже, Пагар не собирался распить кубок братства с Фасселианом из Ализона. На то были причины, и главная из них — страх перед колдуньями. Те уже не раз доказали, что им не составляет никакого труда расправиться с кем-угодно из смертных. Однако действие Силы значительно ослабевало, если она направлялась одновременно на большое число людей. В таких случаях требовалось совокупное использование жизненной энергии множества колдуний, после чего те оказывались на какое-то время почти на грани смерти.

И все-же, Мудрейшие решили воспользоваться даже таким крайним средством. Это было осенью, спустя год после того, как Кемок отбыл из отряда. По всем постам разослали приказы Совета Владычиц, следуя которым мы должны были покинуть горы и перебраться в глубь страны, на равнины. В местах, где мы воевали столько лет, не должно было остаться ни одного человека, носящего герб Эсткарпа.

Стороннему наблюдателю все происходящее могло показаться безумием. Однако судя по слухам, врагу готовилась грандиозная западня. Колдуньи, обеспокоенные постоянными потерями людей в бесконечных стычках, решились на последнюю акцию, исход который мог быть двояким: либо Пагар получит урок, которого никогда не забудет, и оставит Эсткарп в покое, либо страна падет в одночасье.

Люди Пагара, почуяв, что охрана границ ослабла, сначала вели себя осмотрительно, так как им слишком часто приходилось попадать в наши засады, но постепенно они начали все глубже внедряться в горы.

Флот сулькарцев стянулся в бухту к устью Эса, и пошла молва, будто корабли здесь на тот случай,

чтобы увезти за море остатки древней расы, если замысел Мудрейших провалится.

Волей случая мой отряд оказался в нескольких милях от Эстфорда. Поздно вечером мы разожгли костер и выставили дозор. Наши лошади, уже давно расседланные, стояли на привязи. Казалось, они чем-то встревожены. Я пошел к ним посмотреть, что их беспокоит, и сам вдруг почувствовал нечто неладное.

На меня что-то давило, словно надвигалась гроза; стало трудно дышать, навалилась усталость, и мне показалось, будто все вокруг вянет и теряет силы — трава и деревья, животные и люди.

— Сбирание Сил... — Пришла ко мне неизвестно откуда странная мысль, но я не сомневался, что именно это и происходит. То, что составляло живую основу Эсткарпа, сбиралось в единый сгусток...

Я пытался успокоить лошадей, но сам ощущал всем нутром это высасывание жизненных сил из всего, что было вокруг. Наступила гнетущая тишина, умолкли птицы, в недвижном воздухе не колыхалась ни травинка, надо всем навис тяжелым покрывалом зной. И в этом мертвом затишье мое сознание пронзили три слова:

— Килан... Эстфорд... торопись!..

Я вскочил на расседланную лошадь, освободив ее от привязи и тут же пустив в галоп, направляясь в сторону Эстфорда. За спиной послышались крики, но я не обернулся.

— Кемок! — возопил я мысленно, — что там?

— Торопись!.. — снова потребовал он, и только.

Пустошь, по которой я мчался в Эстфорд, казалась вымершей. Все вокруг было сковано неподвижностью и тишиной, и моя бешеная скачка среди этого безмолвия казалась мне кошмарным сном.

Но вот показалась башня замка. Я не увидел ни флагов по ее углам, ни часового на сторожевой площадке. Ворота были приоткрыты, но ровно настолько, чтобы проехал всадник.

Кемок ждал меня в дверях дома, как ждала нас в тот давний день Анхорта. Но он не показался мне ни умирающим, ни лишенным сил. Напротив, он был полон энергии, и я это сразу почувствовал. Нам не было

нужды обмениваться словами приветствия. Мы — как бы это сказать? — словно и не разлучались, так как внутренне всегда были вместе, хотя сейчас и не все вместе — ибо в этом единстве недоставало третьей доли. Кемок ощущал то же самое.

— Не спеши... — сказал он и жестом позвал меня в дом.

Я отпустил лошадь, и она пошла в стойло, будто ее вел за уздечку конюх. Вновь мы оказались вдвоем под кровлей Эстфорда. Дом был пуст, куда-то подевалась вся утварь. Я помнил, что госпожа Лоиса уехала к Корису и осталась с ним в приграничной крепости. И все же оглядывался по сторонам, надеясь увидеть привычные вещи.

У дальнего конца большого стола стояла скамья. На столе лежали походные хлебцы и собранные в саду фрукты. Но мне не хотелось есть.

— Да, немало воды утекло... — сказал брат. — Но чтобы подыскать ключ к замку, требуется время.

Мне не нужно было спрашивать, чем увенчались его поиски, — я понял это по его глазам, светящимся торжеством.

— Сегодня ночью владычицы нанесут удар по Карстену. — Кемок ходил взад-вперед, он не мог усидеть на месте. Я же валился с ног от усталости и рухнул на скамью.

— А через три дня, — он резко повернулся ко мне, — они подвергнут Каттею обряду посвящения и она даст клятву!

У меня перехватило дыхание. Надо было срочно что-то делать. «Либо Каттея высвободится из колдовских пут до рокового часа, либо мы навсегда потеряем ее», — подумал я.

— Ты знаешь, как ее спасти? — спросил я.

Кемок пожал плечами.

— Есть только один способ: мы похищаем ее из Обители Мудрости и все трое бежим из страны — на восток.

Что просто на словах, непросто на деле. Похитить послушницу из обители — все равно, что заявиться в Карстен и похитить самого Пагара.

Кемок взглянул на меня и улыбнулся. Он положил на стол свою покалеченную руку. По ней шел глубокий шрам, и когда Кемок попробовал сжать пальцы в кулак, два из них так и остались несогнутыми.

— Вот чем я расплатился, чтобы попасть в Лормт. А там пришлось поработать еще вот этим... — он постучал себя пальцами по лбу. — В Лормте я докопался-таки до нужных сведений, просмотрев старинные хроники вперемешку с мифами. Но я добрался до сути, отбросив шелуху. Мне теперь известен путь на восток. Что касается Обители Мудрости...

— Вот, вот — что касается... — поддразнил я. — Интересно узнать, что ты думаешь об ее охране. Нас не спросят, кто мы такие, если мы безо всякого на то разрешения окажемся возле Обители. Говорят, стражи там не мужского пола, и оружие у них не такое, с каким мы привыкли иметь дело.

— Зря ты так уж боишься, брат, — ответил он. — Верно, охрана там особая, но и мы не мальчики... К тому же, завтра стражницы не будут столь сильны, как обычно. Теперь ты понял, что произойдет этой ночью?

— Владычицы нанесут удар по врагу...

— Да, но какой именно? Слушай, они хотят воспользоваться Силой сполна, как никогда ею не пользовались. Они собираются повторить то, что свершили когда-то очень давно — на востоке.

— На востоке? Что же такое они собираются повторить?

— Они заставят двигаться сами горы. Они подчинят своей воле твердь земную. Это крайняя мера, на которую они решились, дабы только не исчезнуть с лица земли.

— И они что, в самом деле способны на такое? — Я знал, что с помощью Силы можно создавать наваждения, общаться на расстоянии, даже убивать... Но я не мог поверить, что с ее помощью можно устроить гигантскую катастрофу.

— Да, — ответил Кемок. — Но им понадобится столько энергии, что их силы совсем истощатся на какое-то время. Меня не удивит, если некоторые колдуньи умрут после этого. Во всяком случае, все

стражницы будут обессилены, и мы без труда проникнем в Обитель.

— Ты сказал, что однажды они уже сотворили такую катастрофу, — напомнил я, — на востоке.

— Да. — Он снова принялся ходить взад-вперед. — Родина древней расы вовсе не Эсткарп. Ее люди пришли сюда с востока, очень давно. Они бежали от какой-то страшной опасности и, обратясь к Силе, воздвигли за собой горы, чтобы они служили им защитой от той угрозы. Эти люди поселились здесь, и детям, которые у них рождались, они упорно внушали: незачем думать о востоке, там ничего нет, кроме гор. Так продолжалось из поколения в поколение, пока полное безразличие к этой части света не стало врожденной чертой расы... Скажи, встречал ли ты кого-нибудь, кто хоть как-то обмолвился бы о востоке?

— Не припомню такого, — признался я, поймав себя на том, что и сам избегал этой темы. — Но я вот о чем подумал... Если люди древней расы бежали от какой-то угрозы, то...

— То смеем ли мы соваться туда — ты это хотел сказать? — перебил меня Кемок. — Но почему бы не допустить, что там теперь все изменилось? Тысяча с лишним лет отделяет нас от того времени. И люди древней расы сейчас совсем не те, какими были когда-то. Всякое пламя рано или поздно гаснет... Я уверен, что колдуньи начнут охотиться за нами, как если бы мы были лазутчиками из Карстена или Ализона. Но никто не осмелится последовать за нами на восток.

— Мы и сами принадлежим к древней расе, хотя и наполовину, — заметил я. — Сможем ли мы перебороть то, что заложено и в нас?

— Этого мы не узнаем, пока не начнем действовать, — ответил он. — Во всяком случае, мы можем об этом думать и говорить, а они — нет. Меня поразило в Лормте то, что даже сам хранитель архива не имел понятия о рукописях, которые я у него попросил.

Кемок меня убедил. Каким бы отчаянным ни казался его план, другого не было. Но от Обители Мудрости нас отделяло много миль, и нам следовало, не

теряя времени, отправляться в путь, о чем я ему и сказал.

— У меня есть пять лошадей торской породы, — ответил он. — Два коня сейчас здесь, трех других я держу в тайном месте — они понадобятся нам под конец.

Он заметил мое удивление и рассмеялся.

— О да, мне это кое-чего стоило. Я покупал их по отдельности в течение всего года, чтобы не вызвать ни у кого любопытства.

— Но откуда ты знал, что они нам понадобятся, и притом в таком количестве?

— Я, конечно, не знал, как все получится, но верил, что какая-то возможность побега нам рано или поздно подвернется, и готовился к этому, — ответил он. — Однако ты прав, брат, нам следует поторопиться, пока бич Мудрейших не опустился на нас.

Лошадей торской породы выводили в краю вересковых пустошей, расположенных на границе Торовых Топей. Эти лошади отличались резвостью и выносливостью — свойствами, редко встречающимися в одном и том же животном. Они ценились очень высоко, и купить пять таких лошадей — большая удача; тем более, что большинство из них находилось на учете у самого сенешаля. Внешне они ничего особенного собой не представляли: мышастой масти, с черными гривами и тусклой шерстью, которая никогда не блестела, как бы лошадь ни холили. Зато по сообразительности, резвости и выносливости они не уступали никакой другой породе.

Оба коня были уже оседланы. Они нервно пританцовывали на привязи, когда мы к ним подошли. Видимо, и на них действовала гнетущая тишина вечера. Мы вывели их из стойла, однако прежде чем вскочить в седло, провели через двор за ворота. Солнце село, и все небо на западе было в багровых полосах.

Брат заранее разведал кратчайший путь, но в тот вечер даже наши торские кони едва передвигались — будто угодили в плавун и вязли в песке по колено. Тучи на горизонте сгустились, исчезли последние полосы заката.

Мрачный ландшафт насытился призрачным голубоватым светом... Как-то однажды мне довелось ехать по границе Торовых Топей, и я наблюдал за слоем тумана мерцающие синие огни; это явление не было редким в тех местах. Такие же огни вспыхивали теперь вокруг нас, они были всюду — на деревьях, на кустах. Раньше такого здесь никто не примечал.

С конями начало твориться что-то неладное: они храпели, становились на дыбы.

— Хватит их погонять, иначе они взбесятся! — крикнул я Кемоку.

Последнюю полумилю я пытался сдерживать коней, воздействуя на них силой воли; и все-таки вскоре они перестали подчиняться мне. Мы спрыгнули с коней, я встал между ними и, положив руки им на холки, попытался мысленно успокоить, не давая им сорваться с места. Кемок присоединился к моим мысленным усилиям, и кони присмирели.

Успокаивая коней, я перестал замечать, что творится вокруг, и поэтому был напуган неожиданной вспышкой в небе, сопровожденной глухим рокотом, непохожим на гром и исходившим словно из-под земли, которая начала содрогаться у нас под ногами. Кони испуганно заржали, но остались стоять на месте. Они прижались ко мне боками, и я обхватил их за шеи, словно они были мне спасительным якорем в этом обезумевшем мире.

Тусклые огни, мерцавшие здесь и там, взметнулись вверх языками пламени. Снова небо озарила вспышка, и земля содрогнулась. На какой-то момент наступила тишина, а затем началось нечто невообразимое.

Земля заходила ходуном, как будто под ее поверхностью прокатывались гигантские волны — в сторону южных гор. Поднялся ураганный ветер с дождем. Он гнул деревья и ломал ветви, он не давал дышать, от него мутился рассудок. Этой буре невозможно было противостоять, оставалось только надеяться, что она когда-то кончится.

И уж если здесь это буйство стихий чуть не свело нас с ума, то в горах они разбушевались с еще большей силой. Той ночью волнение земной тверди раскачивало горы, и то, что раньше было горой, провалива-

лось вниз и становилось ущельем, а то, что было ущельем, вздымалось горой. Естественный барьер, созданный природой между Эсткарпом и Карстеном, ломался, разрывался, комкался — силой, разбуженной и направленной человеческой волей.

Взявшись за руки и слившись мысленно, мы с Кемоком по-прежнему составляли словно бы одно целое. Казалось, пришел конец света. Мы перестали видеть и слышать; осталась лишь способность осязать, и мы старались сохранить ее, чтобы не утратить всякого ощущения самих себя.

Но рано или поздно все заканчивается. Кончилась и эта неописуемая буря. Над нами еще висели тяжелые плотные тучи, но сквозь них начал просачиваться серый утренний свет. А мы так и стояли на дороге — Кемок, я и кони — будто окаменевшие. Земля больше не содрогалась под ногами, и к нам возвращалась ясность сознания.

К нашему удивлению, буря оставила не так уж много следов вокруг — там и сям виднелись сломанные ветки деревьев да лужи на дороге. Почти одновременно повернувшись, мы посмотрели на юг. В той стороне небо до сих пор было сплошь затянуто черными тучами, и в них время от времени вспыхивали молнии.

— Что там... — начал было Кемок, но затем отвернулся и замолчал.

Нам стало ясно, что Совет Владычиц воспользовался Силой так, как ею прежде в Эсткарпе не пользовались. Я не сомневался, что нападение Пагара сорвано: его войско, находящееся в горах, несомненно попало в эту невероятную катастрофу.

Я разгладил спутанную, мокрую гриву своего коня, и он захрапел, затоптался на месте, словно пробудившись от дурного сна. Садясь в седло, я не переставал удивляться тому, что мы остались живы.

— Настал наш час! — мысленно произнес Кемок.

Мы оба ощутили необходимость бессловесного общения, ибо казалось, что мысли, высказанные вслух, могут разбудить еще не иссякшие колдовские силы. Мы тронули коней, и на этот раз они резво взяли с места в галоп. Начало светать, птичий щебет нару-

шил тишину. Гнетущее чувство ушло, и, освободившись от него, мы мчались по дороге во весь опор, стараясь выиграть время.

Вскоре Кемок свернул на какую-то тропу. Там наше продвижение несколько замедлили деревья, поваленные бурей. Мы продолжали скачку, погоняя коней на открытых местах.

То ли мы оказались на заброшенных тропах, то ли жители Эсткарпа, измученные бурей, не спешили выходить из своих домов, но нам не встретилось по пути ни одной живой души, даже в полях у одиноких ферм. Все складывалось благоприятно для нас.

К ночи мы добрались до той заброшенной фермы, где Кемок прятал еще трех коней. Отпустив на луг тех, на которых мы примчались сюда, и подготовив к дороге трех других, мы поели и легли спать. Ночью Кемок разбудил меня. В небе светила луна.

— Пора выезжать, — сказал он тихо.

На этот раз мы были в пути совсем недолго. Когда мы спешились на краю какой-то лощины, я посмотрел вниз и увидел серое каменное строение, окруженное небольшой рощицей. Безо всяких объяснений я понял, что это — Обитель.

4

Чем дольше я разглядывал Обитель, тем больше мне казалось, что и строение, и все вокруг него видится словно бы через завесу раскаленного воздуха — дрожащим и неустойчивым. В подвижных пятнах света и тени то исчезали, то вновь возникали деревья и кусты; даже огромные валуны и камни вроде бы перемещались с места на место.

Кемок вытянул вперед покалеченную руку, я положил на нее свою и тут же почувствовал, что мой разум и воля сливаются с его волей и разумом, становясь единым целым. И тогда сквозь пелену ночной тьмы и лунного света он метнул, как копье, заряд нашей общей энергии — в самое сердце Обители.

Наша атака вызвала сильное сопротивление, и Кемок на мгновение расслабился — только для того,

чтобы с удвоенной энергией метнуть невидимое копье еще раз. После этого я ощутил себя вконец опустошенным.

Нам удалось пробить барьер Силы. И тут же — как пламя, вспыхнувшее на сухих ветках, — радостный отклик... Каттея! А я-то позволил себе усомниться в ней, предполагая, что она изменилась за это время и не потерпит нашего вмешательства в свою судьбу. Как же несправедлив я был! В ее отклике мы услышали радость и надежду на спасение. Но эта радость тут же сменилась страхом. По-видимому, она боялась за нас, но не имела возможности сообщить нам, какая именно опасность нас поджидает. Она знала, что охрана Обители состоит отнюдь не из гвардейцев. Сестра не могла позволить себе выйти к нам навстречу и даже прервала мысленный контакт с нами, чтобы не встревожить охрану.

— Пусть будет так, — сказал Кемок тихо.

Я отпустил его руку и непроизвольно потянулся к мечу, хотя уже понял, что стали будет отведена самая малая роль в том, что произойдет этой ночью.

— Пробежка влево под прикрытием деревьев, затем бросок к стене, вон там, — взялся я определять наши действия. Сработала привычка разведчика подмечать всякие мелочи вокруг, которыми можно воспользоваться.

— Годится... — Кемок согласился, чтобы командовал я, хотя и сам не был новичком в таких делах. Мы побежали вниз по склону, стараясь держаться в тени деревьев. Про себя я отметил, что если почаще отводить взгляд в сторону, то можно видеть все достаточно отчетливо.

Мы добежали до края рощи и почувствовали, что натолкнулись на первый защитный барьер Обители. Возникло такое ощущение, что мы уперлись в какую-то невидимую и неосязаемую стену, — мы не могли сделать дальше ни шага.

— Сосредоточься и представь, что перед тобой ничего нет, — сказал Кемок, не оборачиваясь, словно подбадривал самого себя.

Надо было настроиться действовать не руками, а головой. Усилием воли я заставил себя двигаться впе-

ред. Я упорно твердил про себя, что нет никакой стены, а есть только земля под ногами, деревья вокруг и этот лунный свет...

Кемок был прав, когда говорил, что после такого использования Силы, на какое решились Мудрейшие, она иссякнет в них. Так все и произошло. Невидимая стена не выдержала нашего натиска и пала, да настолько неожиданно, что мы едва не покатились кубарем.

— Это только начало, — предупредил Кемок. Он мог бы и не говорить этого, я и сам понимал, что колдуньи не ограничатся только такой мерой защиты средоточия своей Силы. Торжествовать было рано, нам предстояла борьба еще с другими их хитростями.

Мы заметили какое-то движение между деревьями. Я схватился за рукоять меча. На этот раз защита не была эфемерной: я увидел отблески лунного света на металле и тут же услышал шаги людей, которые приближались к нам.

Защитники границы?! Как они появились здесь?.. Шлем с птицей наверху — значит, кто-то из сокольничьих. А вот сулькарский шлем, с серебряными крылышками по бокам. Еще два шлема, простые... Кто такие? Сейчас подойдут, разберемся кто.

Я узнал их: Дермонта, Джорта и Никона — мне не раз приходилось выезжать с ними в пограничные рейды, я прикрывал их своим щитом в жарких схватках, лежал рядом у ночного костра. Но сейчас они смотрели на меня с ненавистью и презрением, называя меня предателем. «Они правы, — подумал я. — Так оно и есть. Пусть лишат меня жизни здесь и немедля, коль я оказался таким негодяем». Я бросил меч и даже готов был пасть перед ними на колени...

— Килан! — прозвучал крик у меня в мозгу. Сквозь захлестнувшую меня волну раскаяния и стыда брат проник в мое сознание. Разум взял верх над чувствами, он говорил мне: их не может быть здесь, моих собратьев по оружию. Это не они стоят сейчас передо мной, осуждая меня на смерть. Я не мерзавец.

И хотя чувство вины все еще давило на меня тяжким бременем, я старался преодолеть его — с тем же

упорством, с каким преодолевал невидимую защитную стену.

Прямо передо мной стоял Дермонт. Его взгляд пылал гневом, он нацелил самострел мне в горло. Но Дермонта никак не могло здесь быть! Да и других тоже. Это просто-напросто деревья или кусты, искаженные до неузнаваемости моим воображением, попавшим под воздействие Силы.

Я увидел краем глаза, как дрогнул от выстрела самострел в его руке...

Но я не почувствовал боли. Исчезли стоявшие передо мной воины и все эти лунные блики на металле, и я опять услышал дрогнувший голос Кемока.

— Это был второй круг защиты.

Мы двинулись дальше. Меня преследовал вопрос: откуда стражи Обители знают о нас так подробно, что сотворяют призраки именно тех людей, с которыми мы были близки в последнее время? Услышав, как рассмеялся Кемок, я даже вздрогнул от неожиданности. До смеха ли тут?

— Что же непонятного? — ответил он на вопрос, который мысленно прочел в моем уме. — Они всего лишь навязывают идею, а ты сам подбираешь образы для ее воплощения.

Меня задело, что я не додумался до этого сам: известно же, что наваждения — расхожая монета колдуний, они возникают, прорастая из семян, брошенных в умы других.

Наконец, мы достигли стены, которая оказалась не только видимой, но и осязаемой — мощная каменная кладка. Я удивился: ничто не помешало нам подойти к ней.

— Даже не верится, что к ним можно так легко проникнуть, — сказал я.

Кемок снова засмеялся.

— Я не сомневался, Килан, что ты уважаешь их, но надеюсь, ты не позволишь себе расслабиться. Трудности — впереди.

Я встал лицом к стене, Кемок забрался мне на плечи, а затем — на стену. Он протянул мне руку, и я, держась за нее и за его плащ, тоже вскарабкался наверх. Сидя на корточках, мы разглядывали сад. С

одной стороны его ограждала стена, на которой мы балансировали, с трех других — стены самой Обители. Недобрая, тревожная тишина царила в саду, но даже ночью было видно, как он красив.

Середину сада занимал фонтан, который с журчаньем струился в бассейн овальной формы. Запахи каких-то душистых цветов наполняли воздух. «Надо бы держаться подальше от всяких цветов, — подумал я. — Среди них могут быть такие, запах которых одурманивает человека и делает его рабом чужой воли».

— Не думаю, что здесь есть такие. — Кемок опять уловил мои мысли. — Ведь это их собственное обиталище. Уж наверное они заботятся и о своей безопасности, а потому вряд ли станут устраивать здесь подобные ловушки. — Он наклонился, насколько мог, и несколько раз втянул носом воздух.

— Нет, этого нам не стоит бояться. — Он спрыгнул на землю, и я, доверившись ему, прыгнул следом. Но как в этой серой громаде, не привлекая внимания ее обитателей, разыскать Каттею?

— Может, позвать ее мысленно? — спросил я.

— Ни в коем случае! — возмутился Кемок. — Мысленный зов — сразу насторожит их, они в миг его уловят.

Казалось, он, так же как и я, не представлял, что нам делать дальше. Мы стояли в растерянности.

Вдруг я заметил на фоне черного пятна дверной ниши движение другого пятна, чуть светлее. Я застыл на месте, чтобы не выдать свое присутствие. Кто-то вышел из двери в сад и продолжал идти — уверенно и без опаски.

Только по какому-то наитию удержался я от того, чтобы окликнуть ее, когда она вышла на открытое место, под свет луны. Она шла, слегка запрокинув голову, будто хотела, чтобы лучше были видны черты ее лица. Это была Каттея — ее не нужно было разыскивать — она сама вышла к нам!

Кемок, раскрыв руки, рванулся вперед, но тут настал мой черед решать за двоих. Я схватил его за плащ и вернул на место. Следовало вести себя осмотрительно. Нам только что являлся Дермонт — теперь

явилась Каттея. Быть может, это тоже всего лишь наваждение, порожденное нашими мыслями?

Она улыбалась. Она была поразительно красива — стройная, высокая. Шелковистые черные волосы резко оттеняли бледность ее лица. Она двигалась грациозно, как в танце, и протягивала к нам руки, и глаза ее искрились приветливостью и теплом.

Кемок попытался вырваться из моих рук. На меня он не глядел, все его внимание было сосредоточено на ней.

— Кемок... — позвала она тихим, полным радости голосом.

Я не отпускал его. Он с силой рванулся из моих рук, со злостью посмотрев мне в глаза.

— Это же Каттея! Отпусти меня, Килан!

— Каттея? Возможно, — ответил я, продолжая его удерживать, поскольку что-то мешало мне согласиться с ним.

Она приближалась к нам, и было видно, как подол ее платья задевает за цветы и приминает их. Как проверить, наваждение это или нет?

— Кемок... — опять позвала она тихо.

Но почему только его, ведь и я здесь? Однако она продолжала смотреть только на брата, звать только его. Казалось, она не видит меня. Почему?!

— Каттея? — негромко и вопросительно произнес я.

Ее взгляд не дрогнул, она не повернулась в мою сторону, будто меня не было вовсе. В этот момент Кемок вырвался из моих рук, бросился к ней и сжал ее в своих объятиях. Через его плечо она смотрела на меня невидящими глазами и улыбалась — но не мне.

Я все больше склонялся к тому, что вижу перед собой не Каттею. Если это не наваждение, а на самом деле женщина, то она несомненно затеяла какую-то хитрую игру. Но возможно ли такое? Ведь когда нам удалось установить мысленный контакт с Каттеей, в ее отклике было столько ликования! Я не мог представить, что чувство радости может быть поддельным. Неужели можно лгать не только на словах, но и в мыслях? Лично я на такое не способен...

— Пойдем! — Обняв девушку рукой за талию, Кемок повел ее к стене, окружающей сад. Я преградил им путь, хотя чувствовал себя не совсем уверенно. Но было еще не поздно избежать фатальной ошибки.

— Кемок, послушай меня! — На этот раз я вцепился в его плечо мертвой хваткой. Будучи более сильным от природы, я решил воспользоваться этим преимуществом.

Он попытался освободиться от меня, и ему пришлось отпустить девушку. Он был вне себя от бешенства.

— Кемок, это вовсе не Каттея, — произнес я медленно и с нажимом. Не обращая внимания на мои слова, девушка стояла и улыбалась, по-прежнему глядя только на Кемока, будто не видя меня.

— Ты сошел с ума! — прошептал брат, побелевший от ярости. Он не владел собой. «Он околдован, — понял я. — Как мне заставить его одуматься?»

Я завернул ему руку за спину и повернул лицом к улыбавшейся девушке. Держа его так, в то время как он безуспешно пытался сопротивляться, я проговорил ему прямо в ухо:

— Да посмотри ты на нее! Как следует посмотри!

Он не мог высвободиться, и ему пришлось подчиниться. Он перестал сопротивляться, и я решил, что он, наконец, образумился. Девушка все с той же невозмутимой улыбкой продолжала повторять его имя, будто у нее не было других слов в запасе.

— Кто же это? Кто она? — спросил он, и я тут же отпустил его, поняв, что он готов воспринимать действительность. Но в чем она заключалась? Когда мы убедились, что перед нами не Каттея, а наваждение, девица не исчезла — как те придуманные мною воины. Я дотронулся до ее руки и ощутил, что касаюсь плоти — теплой и, похоже, живой. Видение поражало своим совершенством.

— Я не знаю, кто она, — ответил я. — Но она не та, кого мы ищем.

— И если бы мы украли ее и убрались отсюда... — растерянно произнес Кемок.

— То это было бы только на руку колдуньям, — договорил я. — Однако если это — наваждение, то где же настоящая Каттея?

Кемок поборол смущение от того, что едва не совершил ошибку, и теперь на него снизошло вдохновение.

— Эта кукла появилась вон оттуда. — Он показал рукой в сторону двери. — Значит, Каттею нужно искать в другой стороне.

Мне показалось, что он слишком самоуверен, но у меня самого вообще не было никаких мыслей на этот счет.

— Кемок... — Девица снова протянула к нему руки. Она пристально смотрела на него и медленно двигалась в сторону стены, словно приглашая его бежать вместе с ней. Кемок передернулся и попятился от нее.

— Килан, торопись, нам нельзя мешкать. — Он повернулся и бросился бежать к дому. Я последовал за ним, боясь в любой момент услышать за спиной крики оставленной в одиночестве девицы.

В этой части дома была еще одна дверь. Кемок подбежал к ней чуть раньше меня. Предполагая, что она заперта на засов, я не знал, как он поступит. Но от толчка дверь тут же открылась; за ней была сплошная тьма.

— Держись за мой пояс, — приказал брат. В его голосе слышалась такая уверенность, что я подчинился ему, и мы шагнули в темноту.

Кемок шел вперед, уверенно ступая, словно видел, куда идет. Я задел плечом за косяк какой-то двери. Кемок свернул налево, продолжая вести меня за собой. Я вытянул в сторону свободную руку и шел, касаясь стен, чтобы опять не зацепиться за что-нибудь.

Кемок внезапно остановился и повернул направо. Я услышал, как он открывает какую-то дверь; слабый свет забрезжил в проеме. Мы стояли на пороге маленькой, похожей на келью комнатушки, и я разглядывал ее стены из-за плеча Кемока... На краешке узкой постели сидела наша сестра...

Она не выглядела столь обворожительной, как та дева, которую мы встретили в саду. Каттея повзрослела и казалась достаточно самостоятельной, ее лицо было грустным и усталым. Она тоже была красива, но ее красота была неброской. Заметив нас, она неслышно — это было заметно лишь по движению ее

губ — произнесла наши имена и бросилась к нам, протягивая руки.

— Нужно спешить, — прошептала она. — У нас так мало времени!

На этот раз мне не требовалось никаких доказательств того, что это наша сестра. В отличие от той девы, наша Каттея обняла не только Кемока, но и меня. Держа нас за руки, она повела нас за собой сквозь тьму. Мы выбежали в сад, и я огляделся, опасаясь, что мы наткнемся там на ее двойника. Но в саду никого не было.

Перебравшись через стену сада, мы побежали к роще. Каттея то и дело поддергивала подол своего платья, которое цеплялось за чертополох и колючки. Мы больше не думали о том, что нас заметят, а просто мчались изо всех сил и уже начали задыхаться, когда добежали до того места, где оставили на привязи коней.

Едва мы оказались в седлах, как послышался какой-то гул. Он наполнил покинутую нами лощину и напоминал гул, который мы слышали во время землетрясения. Наши кони, испугавшись, громко заржали и с места взяли в галоп. Я ожидал, что сейчас раздастся громоподобный грохот или, по крайней мере, крики преследователей, но ничего такого не услышал. Все же на душе было неспокойно, и я прокричал Каттее:

— Кого нам следует опасаться?

Она резко обернулась, так что ее волосы взметнулись.

— Во всяком случае — не воинов. Есть другие слуги. Но в эту ночь они не так могущественны.

Славные торские кони, казалось, обезумели от дикой скачки. Мне передалось их беспокойство, едва не переходящее в бешенство, но я не мог понять, что с ними творится. Вроде бы мы были уже достаточно далеко от Обители и могли не опасаться действия колдовских сил. Используя свой дар, я старался успокоить животных.

— Потяните удила! — крикнул я Кемоку и Каттее. — Придержите коней, иначе они понесут!

Я не сомневался, что Кемок справится с лошадью, но беспокоился за Каттею, ибо знал, что колдуньи развивали в ученицах силу разума, но вряд ли обучали их верховой езде.

Кони, закусив удила, мчались во весь опор; малопомалу внимая моим мысленным приказам, они начали сбавлять ход. И тут мы услышали впереди раскатистый рык снежного барса, который я не мог спутать ни с каким другим. Однако эта гигантская кошка — полновластный хозяин гор, и было непонятно, как горный барс оказался здесь, в низине.

Мой конь взвился на дыбы и засучил в воздухе передними ногами. Конь брата тоже затанцевал на месте, а конь Каттеи развернулся и, как бешеный, понес ее обратно по тропе. Я поскакал следом, надеясь воздействовать на ее коня силой воли, но мои попытки были безуспешны: животному казалось — я это почувствовал благодаря своему дару — что за ним гонится барс, готовый к смертоносному прыжку.

Мой конь вдруг начал взбрыкивать, пытаясь сбросить меня, и пришлось направить всю свою волю на него. Внедрившись мысленно в его мозг, я подчинил его себе.

Догнав Каттею, я попытался подобным образом воздействовать на ее коня, чего и добился, но лишь отчасти — нельзя было забывать и о своем коне. По крайней мере, мне удалось избавить животных от ужаса, вызванного наваждением, возникшим в их мозгу.

Мы повернули коней обратно. К нам подъехал Кемок. Я процедил сквозь зубы:

— Может случиться, что мы не справимся со скакунами.

— Колдовская сила? — спросил Кемок.

— Похоже, что так, — ответил я. — Надо убираться отсюда, и как можно быстрее.

Мы тронулись рысью за Кемоком по тропе, которую он разведал, готовясь к побегу. Замыкая шествие, я следил за поведением коней и, не имея возможности передохнуть, изнывал от усталости. Каттея ехала молча, но ее спокойствие было поддержкой нам обоим.

5

Впереди мы увидели свет. «Что это — уже утро? — удивился я. — Но утренний свет не может быть таким ярко-желтым, к тому же мерцающим».

Да это же огонь! Полоса пламени преграждала нам путь. Кемок остановил коня, и мы с Каттеей подъехали к нему. Зловещая огненная полоса пересекала тропу, уходя далеко в стороны, насколько можно было видеть. Кони храпели, вскидывали головы — не было и речи о том, чтобы двигаться дальше.

Каттея смотрела на огонь, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, будто отыскивала брешь в огненной стене. Вдруг она тихонько засмеялась.

— Неужто они считают меня такой глупой? Так я и поверила в этот пожар. Нас просто запугивают.

— Очередное наваждение? — спросил Кемок.

«Ничего себе наваждение!» — подумал я, улавливая запах дыма и отчетливо слыша треск горящих веток. Но Каттея кивнула Кемоку и затем повернулась ко мне.

— У тебя есть кресало? — спросила она. — Прошу тебя, сделай мне поскорее факел.

Я не стал спешиваться, опасаясь, что конь сорвется с места и ускачет, но заставив его сделать несколько шагов в сторону, наклонился в седле и вырвал с корнем торчащий рядом сухой куст. Обломав с него ветки, я связал их ремешком в пучок и достал из кармашка на поясе кресало. Мне долго пришлось высекать искру, прежде чем по одной из хворостинок побежал огонек.

Каттея схватила запылавший веник и пустила своего коня вперед. Я снова напряг волю, чтобы не дать двум нашим коням рвануться следом. Каттея раскрутила над головой свой необычный снаряд и метнула его в сторону огненной стены. Факел упал в сухую траву, та в один миг воспламенилась, и настоящий огонь устремился навстречу огненной полосе, слился с ней — и она пропала! Лишь продолжала тлеть трава на том месте, куда упал факел. Каттея снова рассмеялась — на этот раз задорно.

— Детская забава! — крикнула она. — Придумайте что-нибудь пострашней, Мудрейшие!..

— Ты что?! — Кемок протестующе замахал своей покалеченной рукой, направляясь к ней. — Не искушай колдуний! — набросился он на Каттею. — Нам и так повезло, что...

Она смерила его долгим взглядом.

— Ты не понимаешь... — сказала она спокойно и даже как-то назидательно. — Пусть они покажут, на что способны. Пусть выложатся сполна. Лучше сразиться с ними сейчас, а не тогда, когда они соберутся с силами, а мы выдохнемся. Я бросаю им вызов!

Конечно, в ее словах был смысл. Но мне показалось, что Кемок все-таки находит поведение сестры неоправданно дерзким, и я призадумался над этим. «А вдруг сестра, освободившись от заточения, настолько опьянела от свободы, что слегка тронулась умом?..» — подумал я.

Она резко обернулась, сосредоточив на мне взгляд.

— Нет, Килан, я не опьянела от свободы, как пьянеют с бутылки вина сулькарские моряки, вернувшись из дальнего плавания, — сказала она. — Поверь, я хорошо знаю тех, с которыми так долго жила под одной крышей. Мы не справились бы с нашими ночными приключениями, если бы Владычицы не израсходовали силы, двигая горы. И пока силы не вернулись к ним, я готова противостоять самому худшему, на что они способны сейчас.

Она тихо запела и, бросив уздечку, начала делать руками какие-то знаки; как ни странно, но конь стоял под ней, будто вкопанный. Слова, произносимые ею нараспев, были очень древними, и в некоторых из них я узнавал корни наших слов, но в большинстве они казались мне чужими.

И хотя они казались чужими, я угадывал их сокровенный смысл. Ее пение вызвало во мне чувство, которое я не раз испытывал, поджидая врага в засаде или пробираясь скрытно по его земле. Мне был знаком этот пробегающий по спине холодок от предчувствия предстоящей схватки. Но если раньше я отвечал на это чувство какими-то действиями, то сей-

час вынужден был ждать неизвестно чего, и это казалось мукой.

Каттея бросала вызов колдуньям — противопоставляла себя их совокупной силе, подобно тому, как противопоставила иллюзорному пожару пламя истинное. Неужели ей удастся одолеть Мудрейших? Я был готов к тому, что вот-вот начнет рушиться мир...

Но откликом на ее заклинания было не содрогание тверди и не страшные видения. Владычицы откликнулись волной лютой злобы, действующей на разум подобно неведомой силе и сокрушающей его.

— Килан! Кемок!.. — прозвучало у меня в голове.

Превозмогая отупение, я откликнулся на зов сестры, и мы вновь составляли теперь одно целое, триедино противостояли воле многих. Нападать мы не могли, нам оставалось только защищаться, выдерживая натиск злых сил.

Я утратил ощущение себя, перестал быть Киланом Трегартом, превратясь из существа в бестелесную сущность, и непосредственно воспринимал мысли сестры и брата.

— Успокойся, — внушала мне Каттея.

Я подчинился ей — и чуть не оказался раздавленным силой, которой мы сопротивлялись.

— Будьте едины волей, держитесь, — воззвала она к нам обоим.

Казалось, нам не выстоять; но как борец обманным движением лишает противника равновесия, так и сестра, на миг поддавшись натиску колдовской силы, тут же нанесла ответный удар. Я ощутил еще несколько всплесков направленной на нас злобы, а затем она схлынула и ушла...

Снова мы узрели друг друга — во плоти.

— Временное затишье, — сказал Кемок.

— Да, это так, — согласилась Каттея, — и не могу сказать, надолго ли.

Уже рассвело, и мы могли бы ехать быстрей, но кони изрядно устали, и мы не решались подгонять их.

Впереди мрачным силуэтом на фоне светлого неба обозначились вершины восточных гор. Они отделяли Эсткарп от неведомой страны. Что там за ними?

Из манускриптов, которые Кемок читал в Лормте, следовало, что в давние времена людям на востоке грозила какая-то беда. Не ошибался ли он, полагая, будто по прошествии чреды веков эта опасность исчезла? Не случится ли так, что угроза, от которой мы бежим сейчас и которую хорошо себе представляем, обернется для нас новой бедой, еще более страшной?

День давно вступил в свои права. Мы ехали, стараясь держаться пустоши и не попадаться никому на глаза. Пока что все благоприятствовало нам. Здесь было совсем мало поселений, и находились они в отдалении друг от друга. Земли были заброшены и поросли кустарником. По мере продвижения мы все реже встречали на своем пути признаки присутствия людей.

Впереди все так же высилась стена гор, и казалось, мы ни на йоту не приблизились к ним. Было такое впечатление, что они на какой-то гигантской платформе, которая отодвигается и отодвигается от нас. Весь день я ожидал от колдуний новых нападений и уловок. Мне не верилось, что владычицы обессилели и не способны задержать нас, захватить в плен с помощью своих слуг.

И тем не менее, нас не беспокоили. Мы иногда останавливались, чтобы дать передышку коням, да и себе позволяли вздремнуть; однако кто-то из нас всегда оставался на часах. По пути нам не встретилось ничего примечательного, если не считать каких-то любопытных зверьков, которые глазели на нас, выскакивая из-за кочек и кустов. И все-таки чутье разведчика подсказывало мне, что нас ждет засада...

— Понимаешь, — отозвался на мои мысли Кемок, — они, вероятно, не подозревают, что мы надумали податься на восток. А если и подозревают, то, наверное, считают, что мы сами загоняем себя в ловушку, из которой единственный выход для нас — это вернуться назад и оказаться таким образом у них в руках.

В его словах был смысл, но я почему-то не мог согласиться с ним полностью; и когда мы остановились на ночлег возле небольшого, бегущего с гор ручья, я не переставал думать о том, что лучше выдержать

еще одну колдовскую атаку, нежели ждать неизвестно чего.

— Думать так, — услышал я голос Каттеи, — значит, ставить себя под удар. — Опустившись на колени у ручья, она плескала холодную воду себе в лицо. — Они только того и ждут, чтобы кто-нибудь из нас потерял голову.

— Но не стоит забывать и об осторожности, — заметил я.

— Да уж, конечно... — Она испытующе посмотрела на меня. — Скажи мне, а вообще-то у тебя есть на примете хоть какое-нибудь убежище?

Ее вопрос смутил меня. «Неужели она думает, что мы похитили ее из Обители ради того, чтобы скитаться по пустошам?» — обиделся я.

Каттея засмеялась.

— Нет, Килан, я так не думаю, я о вас лучшего мнения. Когда вы с Кемоком позвали меня, я поняла, что у вас есть какой-то план и что он как-то связан с этими горами, до которых мы так мучительно долго добираемся. Пора бы и рассказать мне о том, что вы задумали.

— Это Кемок, его идея, — ответил я. — Пусть он сам и расскажет.

Она стряхнула воду с рук и вытерла их о траву.

— Ладно, спрошу его.

Достав из походных мешков свой скудный провиант, мы уселись перекусить, и Кемок начал рассказывать Каттее о том, что узнал из манускриптов, хранящихся в Лормте. Она слушала его не перебивая и, когда он кончил, согласно кивнула.

— У меня есть еще одно подтверждение твоим догадкам, брат. Весь последний час я, честно говоря, ехала вслепую...

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Только то, что сказала, Килан. — Она, чуть нахмурясь, посмотрела на меня. — Я действительно ехала как в тумане. Местами он рассеивался, и я еще различала деревья, кусты, камни; но большую часть пути он был сплошным.

— И ты даже не обмолвилась об этом!.. — удивился Кемок.

— Да, я не стала ничего говорить, потому что, наблюдая за вами, поняла, что для вас никакого тумана не существует. — Она завернула остаток хлебца в салфетку и положила его в седельный мешок. — Но это не от колдуний. Ты сказал, что нам доступно думать о востоке лишь благодаря тому, что мы полукровки. Скорей всего, так и есть. И я опасаюсь, что мое общение с колдуньями в какой-то мере сковало во мне эту свободу. Похоже, что если бы я присягнула в верности их делу и стала бы одной из них, то оказалась бы вообще неспособной идти с вами на восток.

— А что если идти с нами дальше тебе будет еще трудней? — не удержался я.

— Тогда вы поведете меня, — ответила она спокойно. — Если этот запрет — только внушение, то, думаю, я рано или поздно справлюсь с ним, пусть даже не раньше, чем мы преодолеем этот символический барьер — горы. А мы его преодолеем. Я согласна с тобой, Кемок, что владычицы не будут пока чинить препятствий нам, ибо убеждены, что нам придется вернуться. Они не учитывают того, что двое из нас остаются зрячими...

Признаться, я не разделял ее уверенности, но с другой стороны, на своем опыте постиг ту истину, что излишняя озабоченность тем, что должно случиться, ничего не привносит в ход событий. Другое дело всегда нужно быть готовым к худшему. Как знать, не окутает ли и нас с Кемоком колдовской туман? Карабкаться по горам, ничего не видя, — дело отчаянное.

— Этот туман... — обратился Кемок к сестре, опередив меня. — Какого он рода? Ты говоришь, он не сплошной?

Каттея покачала головой.

— Вовсе нет. Больше того, я думаю, на этот туман можно влиять силой воли. Стоило мне сосредоточиться на чем-то, что виделось смутно, как тень, стоило напрячь волю, и я начинала видеть яснее. Но это требует большого напряжения воли и может сработать против нас.

— Почему? — спросил я.

— Видишь ли, я постоянно должна прислушиваться...

— Прислушиваться? — Я невольно оглянулся.

— Прислушиваться — но не ушами, а внутренним слухом. Этим я могу встревожить их. Пока они не препятствуют нам, потому что выжидают, однако где уверенность, что они не разъярятся, обнаружив, что нас не сдержали поставленные ими преграды.

— Хотелось бы знать... — задумчиво произнес Кемок, — а раньше случалось, чтобы кто-либо позволил себе вот так порвать с колдовством и колдуньями? Судя по всему, они ошарашены твоим бегством. Непонятно, почему им так необходимо держать тебя в Обители...

— Очень просто. Я не такая, как все они, и поначалу колдуньи не очень-то стремились заманить меня к себе — именно по этой причине. Владычицы опасались, что, оказавшись там насильственно, я внесу смятение в их среду. Затем, по мере того, как росла угроза со стороны Карстена, они больше озаботились тем, чтобы не упустить возможность прибрать к рукам девицу, обладающую, по всей вероятности, колдовскими задатками. Каждая новая послушница, со временем научившаяся соприкасаться с Силой, увеличивала тем самым могущество владычиц. И они хотели всего лишь, чтобы я стала еще одним проводником к Силе. Но они до сих пор не могли использовать меня в своих целях, ибо я еще не поклялась им в верности и не стала одной из них. Однако я сама не могла бесконечно долго воздерживаться от этого шага. Дело в том... — Она замолчала и опустила взгляд на руки. Согнув пальцы, сестра свела руки вместе, как будто держала в них что-то хрупкое. — Дело в том, что я мечтала приобщиться к их тайным знаниям, ибо была уверена, что тоже могу творить чудеса. Но я вдруг поняла, что, выбрав их путь, я отсекаю от себя часть своей жизни. Ощущая себя неразрывно связанной с вами, я не могу быть счастливой одна... Они не давали мне покоя, но я всячески увиливала от ответа на вопрос, что же мне мешает принять обет посвящения. И вот настал момент, когда владычицы пошли на риск, чтобы нанести удар Карстену.

Они сказали мне прямо: когда Силу используют таким образом, кто-то гибнет, жертвуя собой. Так и

было. Умирали многие, сжигаемые Силой, которую накопили в себе, а потом высвободили. Их нужно было кем-то заменять. У меня больше не было выбора. Владычицы дали мне понять, что я не вольна распоряжаться собой, и что они меня никуда не отпустят. Кроме того... — Каттея подняла на нас глаза. — Они намерены расправиться с вами обоими. Они никогда не доверяли нашему отцу и побаивались его, я поняла это, едва оказалась среди них. Они считают это противоестественным, если мужчина имеет доступ к Силе. Так же неприязненно относились они и к нашей матери, не желая смириться с тем, что, расставшись с ними, она сохранила в себе Дар Силы, которого, казалось бы, должна была лишиться, соединившись с мужчиной. Им это казалось каким-то извращением. Они сразу заподозрили, что и вы в какой-то мере способны соприкасаться с Силой. Минувшей ночью они убедились в этом, и это, конечно, пришлось им не по вкусу. До сих пор ни одно существо мужского пола не могло проникнуть в Обитель и, тем более, покинуть ее безнаказанно. Конечно, охрана Обители сейчас ослаблена. Тем не менее, они способны лишить жизни всякого представителя древней расы. А вы — живы; и значит, представляете для них угрозу, от которой они постараются избавиться.

— Каттея, а что это за девица была там, в саду? — неожиданно спросил Кемок.

— Девица? — удивилась она.

— Очень похожая на тебя, — ответил Кемок. — Я не сомневался, что это ты, даже был готов бежать с ней из Обители, но Килан не позволил. Правда, Килан? — Он повернулся ко мне. — Почему ты решил, что это не Каттея?

— Не знаю, почему... — растерялся я. — Она была очень назойлива, прямо вцепилась в тебя.

— Она что, действительно была похожа на меня? — спросила Каттея.

— Еще как, — ответил я. — Только держалась странно — все время улыбалась...

— Все ясно — двойник! — Каттея сверкнула взглядом. — Выходит, они ждали, что вы попытаетесь выкрасть меня; ведь для того, чтобы создать

двойника, требуется время. Интересно — какой из послушниц была поручена эта роль?..

— Ты говоришь о перевоплощении? — спросил Кемок.

— Да, о перевоплощении, — ответила Каттея, — притом весьма изощренном, рассчитанном на то, чтобы обмануть даже тебя — способного на мысленный контакт. Неужели они о нас так много знают? Остается только гадать, как скоро они начнут преследовать нас, обнаружив, что мы не угодили в их ловушку...

Нет ничего мучительнее неопределенности. В ту ночь нам было очень неспокойно... Журчал ручей, и слышалось топтание стреноженных коней, пасущихся неподалеку. Мы по очереди сменялись на вахте.

Наступило утро — ясное и прозрачное для меня и Кемока. Каттея же призналась, что по-прежнему видит все затуманенным. Она жаловалась на головокружение, когда мы тронулись в путь к подножью гор, и вскоре попросила нас привязать ее руки к седлу и взять у нее удила, ибо опасалась, что не совладает с навязчивым желанием повернуть своего коня назад.

Нам с Кемоком тоже было несколько не по себе. Время от времени происходило что-то необъяснимое — то возникало перед глазами дрожащее марево — как тогда, когда мы наблюдали за Обителью; то нас охватывало чувство, что мы движемся навстречу своей гибели.

Мы сделали так, как просила Каттея, — привязали ее руки к седлу. Но на этом ее мытарства не кончились. Едва мы двинулись дальше, как она закричала, чтобы мы остановились, и заявила, что впереди — глубокая пропасть. Никакой пропасти, конечно, там не было, и нам удалось убедить ее, что это ей только привиделось. Тогда она попросила завязать глаза платком, объяснив нам, что так ей будет легче не поддаваться панике.

След едва различимой тропы совсем пропал. Теперь мы ехали через дикие места. Я провел в горах немало времени и могу сказать, что знаю их. Но так петлять по их изломам мне еще не приходилось. Это было какое-то хаотическое нагромождение скал, и я вдруг понял, чем оно вызвано: подобно горам на юге, эти го-

ры, должно быть, и в самом деле подверглись когда-то невообразимой встряске.

На второй день после стоянки у ручья, вечером, мы добрались до мест, где ехать верхом уже было нельзя. Пришло время оставить коней и самим взбираться на кручи.

— Почему вы остановились и слезли с коней? — спросила Каттея.

— Дальше нет пути, — ответил я.

— Стойте! — Она наклонилась к нам. — Развяжите мне руки!

Это было сказано таким тоном, что Кемок тут же подскочил к ней.

Не снимая повязки, она уверенно протянула руки к лицу Кемока и, скользнув пальцами по его бровям, закрыла ему глаза. Держа пальцы на его веках, она выждала немного, потом сказала: — Повернись в ту сторону, куда нам предстоит двигаться.

Не убирая ее рук со своих глаз, брат медленно повернул голову налево, в сторону огромной крутой скалы.

— Да... да... я вижу!.. — возбужденно заговорила Каттея. — Вот он наш путь. Я вижу, как нам пробираться дальше.

«Допустим, это так, — подумал я. — Но как нам преодолеть эту кручу? Мы с Кемоком, может, и вскарабкаемся по ней, хотя ему с его покалеченной рукой придется тяжко. А как быть с Каттеей? Не тащить же ее на себе».

— Вам не придется делать этого, — отозвалась она на мои сомнения. — Но для того, чтобы собраться с силами, мне нужно поспать. Утром решим, как быть дальше. Я превозмогу внушенный мне запрет, уверена в этом.

Меня снова поразила ее уверенность. Я отнюдь не исключал вероятности того, что наша попытка преодолеть кручу окажется безуспешной, и мы будем вынуждены искать другой путь через горы.

6

Я не мог уснуть — хотя тело требовало отдыха. Покрутившись с боку на бок, я сбросил с себя походное одеяло и пошел к Кемоку, несшему вахту.

— Все спокойно, — упредил он мой вопрос. — Мы, должно быть, так далеко проникли на ничейную территорию, что можем не опасаться преследования.

— Интересно, кого мы встретим там, — сказал я, кивнув в сторону скал, на которые утром нам предстояло взбираться.

— Друзей или врагов? — он чуть повернулся, и в лунном свете блеснула рукоять самострела, лежавшего у него на колене.

— Кстати... — показал я рукой на оружие, — у нас осталось в запасе всего две обоймы. Похоже, что нам придется полагаться лишь на мечи да клинки.

Кемок поднял покалеченную руку, и когда сжал ее в кулак, три пальца так и не согнулись.

— Если тебя смущает это, брат, то напрасно. Я научился владеть левой рукой ничуть не хуже, чем правой. Завтра я подвешу клинок к своему поясу так, чтобы им можно было пользоваться.

— Не обижайся, — сказал я. — Я чувствую, что нам не избежать кровопролития.

— Возможно, ты прав, — ответил он. — Но лучше с оружием в руках бороться за себя там, — он кивнул на восток, — чем вернуться назад.

Я огляделся вокруг. Луна светила так ярко, что было не по себе. Кемок выбрал наблюдательную площадку на краю уступа, идущего по краю ущелья, где мы находились; но отсюда не прослеживалась тропа, которой мы пришли, и это не давало мне покоя.

— Пойду посмотрю, что там внизу, — сказал я. При такой лунище над головой, я без труда спустился по склону и, добравшись до его излома, заглянул вниз. Мы потратили целый день, чтобы от подножья горы подняться сюда. Здесь не было ни деревьев, ни кустов — ничто не мешало обзору. Я вытащил из поясного кармана трубку с линзами и навел ее в ту сторону, откуда мы пришли.

Вдали отдельными точками мерцали огни костров. Наши преследователи не только не старались как-то их скрыть, а наоборот, делали все, чтобы те горели поярче, давая тем самым понять, что они ждут нашего возвращения. Я насчитал около двадцати огней и усмехнулся — сколько внимания трем беглецам! Судя по своему воинскому опыту, я заключил, что нас поджидало внизу человек сто, не меньше — целое войско. Среди них наверняка были и те, кто хорошо знал и меня и Кемока. Свободные от патрулирования южной границы, они могли быть теперь использованы для погони за нами.

Неужели мы и впрямь в ловушке? Я повернулся назад и поглядел на скалистую стену, преграждавшую нам путь. Внимательно осмотрев ее в трубу, от северного края до южного, я не заметил ничего такого, что могло бы подсказать, где следует взбираться по ней. И тогда я подумал о тех, кто сидел сейчас у костров: «Остановятся ли они у какой-то условной черты или же продолжат преследование?»

Я вернулся к Кемоку.

— Значит, они собрались в долине и ждут нас... — Кемок угадал увиденное мною.

— Да, — сказал я. — Судя по кострам, там целый отряд.

— Должно быть, они обещали Мудрейшим, что не вернутся без нас. Но я сомневаюсь, что они способны добраться сюда.

— Ты знаешь, я не смог высмотреть еще какого-нибудь пути наверх, кроме как по скале, — сказал я, давая понять, что меня беспокоит, как быть с Каттеей.

— Не волнуйся, Килан. Каттея сможет подняться по скале, — ответил он.

— Ты считаешь, что она способна карабкаться по ней вслепую? — удивился я.

— Не совсем так. С ней буду я — в связке, и мысленный контакт со мной заменит ей зрение. Ты же будешь прокладывать путь — как сам уже догадался.

Я рассмеялся.

— Кемок, может, нам вообще обходиться без слов? Ты улавливаешь каждую мою мысль...

— Ты уверен? — спросил он. — Ты что, знаешь все мои мысли?

Я задумался. Он был прав, во всяком случае, в том, что касалось меня. Я мог вступать в мысленный контакт и с ним, и с Каттеей; но этот контакт возникал как будто сам по себе и так же, независимо от моей воли, пропадал. Обычно он устанавливался, когда мы сосредоточивались на чем-то, касающемся нас троих. Но когда Кемок не хотел того, я не мог угадать его мыслей.

— Так же, как и я твоих, — мгновенно отозвался он. — Мы можем быть едины волей, если того требует случай, но всегда каждый из нас будет оставаться отдельной личностью — со своими мыслями, со своими нуждами и со своей судьбой.

— И это прекрасно! — сказал я, не задумываясь.

— А иначе и быть не может. В противном случае мы были бы подобны тем, кого кольдеры использовали как рабов, — ходячим мертвецам, лишенным души и разума. Достаточно того, что мы можем приоткрыть свои мысли друг другу, когда это необходимо. Разум — это сокровенное.

— Завтра, когда я буду прокладывать вам путь, я постараюсь быть сосредоточенным и запоминать каждый выступ и выщерблину, — пообещал я. — Быть может, это позволит Каттее видеть путь с завязанными глазами.

— Будем надеяться. Но поскольку это требует большого напряжения воли, нам придется делать это по очереди. И еще... — Он снова вытянул покалеченную руку и попытался сжать ее в кулак. — Прошу, не считай меня калекой. Пусть эти пальцы и не гнутся, но все другие хорошо подчиняются мне.

Я в этом и не сомневался. Кемок встал и засунул самострел в кобуру. Я сменил его на вахте, давая ему возможность подремать. Мы договорились с ним не тревожить этой ночью Каттею — завтра ей предстояло бороться с чарами, которые наложили на нее колдуньи.

Всматриваясь в склоны ущелья, я ловил себя на том, что их подлунное сияние завораживает меня. Рассеянный серебристый свет странным образом ме-

шал ясно видеть — как то марево, которое заслоняло тогда от нас Обитель. Этот свет дурманил мозг и притуплял мысли.

Я не мог больше выносить отупляющего оцепенения — покинул уступ и стал ходить поперек ущелья, стараясь не останавливать надолго взгляд ни на чем. Незаметно для себя я оказался на том месте, где мы оставили стреноженными наших коней. Я обратил внимание на то, что их движения были чрезмерно замедленными, как будто они находились в каком-то полусонном состоянии, которое вряд ли можно было объяснить усталостью. Похоже, что воздействие, которому так долго подвергались люди древней расы и которое исказило их мышление, в какой-то мере затронуло и мозг животных.

Мы не могли взять коней с собой — зато они еще могли сослужить нам службу. Я снял с них путы, оседлал их, надел удила и, накинув уздечки на луки седел, завязал их там. Пока я седлал коней, они заметно оживились.

Я приготовился было мысленным усилием направить их вниз по тропе, как вдруг услышал за спиной какой-то шорох. Резко обернувшись и схватившись за рукоять самострела, я увидел Каттею, которая стояла поблизости и развязывала платок, закрывавший ей глаза. Сдернув повязку, она посмотрела на меня, щурясь, как близорукая.

— Что это ты?.. — начал я, но она прервала меня жестом руки.

— Ты не все продумал, брат, — спокойно сказала она. — На конях должны быть всадники.

— То есть, чучела? — сообразил я. — Но их не из чего сделать.

— Для того, чтобы создать наваждение, — сказала она чуть назидательно, — вовсе не обязательно использовать солому или тряпки.

— Да ведь у тебя нет Камня Силы, — возразил я. — Способна ли ты без него создать такое наваждение?

Она нахмурилась.

— Не знаю, попытаюсь. Наша мать рассталась с талисманом в день замужества и, однако, сохранила

способность творить чудеса. Быть может, вопреки уверениям Мудрейших, Камень не так уж необходим для обращения к Силе. Конечно, я не настолько опытна, чтобы судить об этих вещах, но я уверена, что никому неведомо, чего можно достичь единственно силой воли и желания... Ну да ладно... — Она сорвала с чахлого куста полузасохший лист. — Килан, выдерни прядь волос из головы — так, чтобы тебе было больно — брось сюда и смочи слюной.

Я не мог ослушаться ее — снял шлем и, накрутив на палец клок волос, рванул их. Затем поплевал на лист и положил туда вырванную прядь, чуть опередив Каттею, которая подвергла себя такой же экзекуции.

Она пошла будить Кемока, чтобы и он сделал то же самое. Сложив листья на ладони, она вернулась к коням. Бормоча какие-то заклинания, она свернула один из листиков в трубочку, вместе с его необычной начинкой и сунула его под уздечку — где я привязал ее к луке седла. То же самое она проделала с двумя другими листочками, а после этого отошла в сторону и, сложив ладони рупором, запела — сначала тихо, а затем все громче и пронзительней. От ее пения я погрузился в какое-то странное состояние. Мне казалось, что звуки ее голоса проникают в меня и заставляют пульсировать кровь согласно их ритму... И вдруг она прервала пение.

— Теперь прикажи коням уйти, — обратилась она ко мне.

Я снова мысленно коснулся заторможенного разума животных, чтобы взбодрить их и заставить двигаться. Они побрели вниз по ущелью, в сторону огней. Глядя им вслед, я заметил, как над их спинами туманно обозначились силуэты всадников.

— Мне кажется, сестра, — сказал Кемок, — люди даже не подозревают, на что способны колдуньи.

— Но колдовство тоже не дается так просто, — с усталой улыбкой ответила Каттея. — Как бы там ни было, у нас теперь есть время — хотя бы на то, чтобы поспать спокойно.

Она едва держалась на ногах, и мы помогли ей добраться до ложа, устроенного из веток, поверх кото-

рых были брошены походные одеяла. Она тут же уснула. Я взглянул на Кемока. Его лицо казалось спокойным. Сейчас не было нужды даже в мысленном общении, все уже решено — утром мы рискнем взобраться по скале. Благодаря придумке Каттеи, у нас появился запас времени и можно было не очень торопиться.

Стало светать. Я снова вышел на край ущелья. Вдали по-прежнему мерцали огни костров, хотя в утреннем свете они были не так видны. Достав трубку, я попытался разглядеть наших коней. Мне не сразу удалось отыскать их внизу, в долине, а когда я, наконец, увидел коней, то вздрогнул от неожиданности: на скакунах сидели всадники... Должно быть, воины у костров тоже заметили их и ждали, когда они подъедут ближе. Насколько реальным для них было это наваждение, я не мог судить, тем не менее, на какой-то срок оно прикрывало нас.

Подошел Кемок, и мы вместе наблюдали за конями, пока они не скрылись из виду. Потом мы пошли вверх по ущелью посмотреть на скалу, которую нам предстояло покорить. Она оказалась не такой уж неприступной — на ней хватало неровностей, а наверху виднелся уступ, где можно было передохнуть. Оставалось только гадать, что ждет нас за гребнем скалы. Но вряд ли там было что-то такое, с чем бы мы не смогли справиться.

День мы провели в лагере, отсыпаясь по очереди; Каттея восстанавливала силы, которые ушли на создание наваждения. С наступлением темноты я снова отправился на край ущелья, но на этот раз не увидел никаких огней, что могло означать одно из двух: либо созданные Каттеей призраки были так похожи на нас, что их взяли в плен и увезли на расправу, либо обман раскрылся, и все войско вновь пустилось за нами в погоню. Однако, наблюдая довольно долго за тем, что было доступно обзору, я так и не заметил ничего подозрительного.

— Думаю, они ушли, — сказала Каттея. — Да это и не имеет значения. С рассветом мы тоже уйдем. Туда. — Она показала рукой в сторону скалы.

Утром, упаковав провиант, оружие и одеяла в два тюка, мы с Кемоком забросили их себе на плечи. Каттею мы обмотали веревкой, концы которой привязали к своим поясам. Она сняла повязку с глаз, но не открывала их пока, стараясь «видеть» посредством мысленного контакта с нами, — она все еще не переборола в себе колдовской туман, мешающий ей двигаться вперед.

С самого начала мы поняли, что подъем на скалу будет долгим и трудным. Для меня он осложнялся еще и тем, что я шел в связке первым и должен был заботиться не столько о себе, сколько о Каттее, наблюдая за ее продвижением. Было удивительно, что с закрытыми глазами она проявляла такую поразительную ловкость: уверенно хватаясь за выступы, о которых я мысленно предупреждал ее, сестра ни разу не промахнулась. Но когда мы достигли площадки наверху скалы, я почувствовал себя вконец обессиленным и не способным дальше тащить за собой сестру и брата. Каттея присела возле меня на корточки, а Кемок, пристроившись рядом, положил руку на мое дрожащее от усталости и перенапряжения бедро.

— Остаток пути впереди пойду я, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

Да и что было возражать? Я слишком устал и не имел права подвергать сестру и брата бессмысленному риску. Отдохнув, мы поменялись местами, и Кемок стал ведущим. Я заметил, как напряглось его лицо, и поймал себя на том, что сам не успел расслабиться.

И все же хорошо, что я пропустил Кемока вперед. Последний участок подъема оказался каким-то кошмаром: у меня едва хватало сил, чтобы не отставать от брата, не быть мертвым грузом в связке. Наконец, преодолев гребень скалы, мы выбрались на широкую площадку — чуть ли не плато.

Налетел холодный ветер, и, чтобы укрыться от него, мы поспешили под защиту скал — туда, где темнела широкая расщелина. Как только мы добрались туда, Каттея запрокинула голову и, открыв глаза, издала радостный крик. Мы поняли, что она избавилась от проклятого наваждения.

В расщелине нам не стало теплее: там лежал снег. Мы сбросили тюки с плеч, вынули одеяла, завернулись в них и в таком виде пошли дальше по дну расщелины, пока не очутились у обрыва на ее краю.

Нашему взору открылась необычная картина. Склон горы, изрезанный вдоль и поперек множеством щелей и впадин, круто уходил вниз, исчезая в густом тумане, и нельзя было понять, что там внизу — бездна или земная твердь. Представьте себе грязную тряпку, которую скрутили, чтобы отжать, и бросили — примерно так выглядели эти горы, смятые, изрезанные множеством расщелин.

Каттея втянула носом воздух, словно принюхиваясь.

— Во всем этом... — начала она говорить, но почему-то осеклась. — Нет, я не собираюсь убеждать вас ни в чем. Скажу только, что эта земля претерпела катастрофу — вызванную не силами природы, а чьей-то волей. Это произошло давно, и следы катастрофы почти исчезли... Давайте спускаться вниз, здесь холодно.

Спуск оказался легче, чем подъем. Склон был иссечен множеством изломов, и местами по ним можно было идти, как по ступенькам лестницы.

Однако подножье склона скрывалось в тумане, и это не прибавило нам бодрости. Надо сказать, что если на западной стороне хребта нам попадались следы зверей и птиц, то здесь не было заметно никаких признаков жизни. Спустившись со скалы, мы попали в полосу низкорослых, чахлых кустиков с листьями неопределенного цвета и формы.

Когда наконец мы добрались до края ущелья, я сказал сестре и брату, что пора сделать привал. Ущелье выглядело необычно. Сначала я не мог понять, что там такое внизу, но осмотревшись и заметив неподалеку молодую поросль каких-то деревцев, я догадался, что под нами — лес. Это были диковинные и, вероятно, древние деревья. Они плотно заполняли собой ущелье и были такими высокими, что чуть не достигали вершинами уступа, на котором мы стояли.

Они — когда-то давным-давно — сначала росли, как все деревья, прямо. Однако достигнув футов десяти в высоту, продолжали развиваться почему-то не

вверх, а вбок; спустя какое-то время направление роста снова сменялось на вертикальное. Процесс повторялся многократно, и в результате лес представлял собой густую путаницу стволов и ветвей, скрывающую дно ущелья, куда можно было спуститься только по этим корявым деревьям, с риском сломать шею.

— Нам потребуется не меньше дня, чтобы спуститься в ущелье и выйти в долину, — сказал я сестре и брату, вернувшись с обрыва.

— Похоже, ты прав, — ответила Каттея, прикрыв глаза от лучей заходящего солнца. — Холодно здесь. Может, нам поискать какое-нибудь укрытие?

Кемок уже заприметил вблизи расселину, которая могла бы послужить нам убежищем. Мы натаскали туда камней и соорудили стенку, которая могла защитить нас от ветра. Вокруг валялось много хвороста, но мы не стали разжигать костер, чтобы не привлекать к себе внимания. Вместо того мы устелили ветками закуток и улеглись на них, накрывшись походными одеялами.

Если днем горы казались нам необитаемыми, то ночью они ожили и наполнились звуками. Мы услышали зычный крик снежного барса, упустившего добычу, и уханье каких-то хищных птиц над лесом в ущелье. Но никто из живых тварей не появился вблизи нашего укрытия.

7

Рано утром мы доели остатки хлебцев и обнаружили, что фляги, которые были наполнены водой из ручья, почти пусты. Кемок вытряхнул свой мешок.

— Еще один довод в пользу того, что нам следует шевелиться, — заметил он.

Облизнув губы, я попробовал вспомнить, когда в последний раз поел досыта. С того момента, как я откликнулся на зов Кемока, я довольствовался сухим пайком. Пока что мы не встретили никаких следов зверья. Однако ночью кричал снежный барс, а этот хищник не бродит там, где нечем поживиться. Я представил себе, как шкворчит на вертеле жаркое из

косули или горного козла. Размечтавшись об этом, я встал и пошел к краю ущелья. Внизу был лес, через который нам предстояло пробираться.

Радуясь, что нам удалось уйти от преследования, мы все-таки не забывали об осторожности и, чтобы уберечься от смертельного падения, снова связались веревкой. Я не считал себя новичком в скалолазании, но привык чувствовать под ногами камень, а не ветви деревьев. Едва мы начали спускаться по ним, как я был напуган одним из обитателей необычного ущелья. Прямо из-под моих ног с резким криком выпорхнула какая-то тварь с перепончатыми крыльями и тут же скрылась в ветвях соседнего дерева. Каттея вскрикнула, тоже испугавшись, и я ухватился за сук, помня о том, что мы связаны веревкой. Мы вынуждены были двигаться еще осторожней, а значит, и медленнее.

Еще раза три мы спугивали таких же летающих тварей. Более того, в одном месте, мы вынуждены были вернуться назад, чтобы миновать стороной другого обитателя древесного лабиринта — покрытое чешуей существо, которое, выстреливая своим раздвоенным язычком, наблюдало за нами холодными, немигающими глазами. Эта чешуйчатая тварь напоминала змею, но в отличие от змеи у нее были лапы, снабженные когтями, хорошо приспособленными для лазанья по деревьям. Странное существо имело весьма зловещий вид, и, похоже, встреча с нами его нисколько не напугала.

Но всему приходит конец. Вспотевшие, уставшие до головокружения, мы спустились на дно ущелья. Каттея повалилась на землю, совершенно обессиленная. Мы были исцарапаны и исхлестаны ветками до кровавых рубцов. Наше воинское одеяние почти не пострадало, зато платье Каттеи было сильно изодрано. В ее волосах застряло множество веточек, листьев и кусочков коры.

— Я, наверное, похожа на лесную ведьму, — сказала она с грустной улыбкой.

— Ага, на ведьму родом из этой страны, — не очень задумываясь, отозвался я, и вдруг заметил, что сестра и брат смотрят на меня так, как если бы я изрек сакраментальную истину.

— Он прав, — посмотрел на нее Кемок. — Ты у нас Фея Зеленого Безмолвия.

— Зеленое Безмолвие... Страна из сказки, которой пугают непослушных детей, — сказал я, намекая, что тоже знаю кое-какие легенды.

— Необязательно из сказки, — возразила Каттея. — Она могла быть в самом деле, но в Эсткарпе об этом ничего толком не знают, вот и все. А что ты скажешь о Вольте? Его ведь тоже считали легендой — пока наш отец и Корис не нашли его останки в прибрежном склепе.

— Это совсем другое дело, — возразил я. — Это не идет ни в какое сравнение с историями о лесных ведьмах, которые ищут кормилиц для своих отпрысков, о крылатых существах, которые мучают тех, кто пытается разгадать их тайны, о подземном царстве, куда завлекают людей, о людях-деревьях, властвующих надо всем живым...

— Но эти истории так же стары, как и Эсткарп, — сказал Кемок. — И возможно, они родились не в Эсткарпе, а стране, еще более древней.

— Послушай, — оборвал я его. — У нас полно других забот, и не время занимать голову сказками, от которых за каждым кустом мерещатся привидения.

«Как трудно иногда сдержать игру воображения!» — подумал я. Да, эта необычная страна могла бы служить богатым источником для разных легенд. Но я не забывал и о том, что легендарный Вольт — не вымысел. Такой человек был, и его бренные останки видел мой отец.

Мы уже вышли из ущелья на пологий склон, хотя нам все еще попадались на пути скалистые места. Ужасно хотелось пить. Вокруг была густая растительность, но мы не встретили ни одного родничка. Наступал день, зной усиливался, и по-прежнему впереди все было покрыто густым туманом, похожим на испарения.

Я не заметил, когда именно у меня появилось ощущение, что на этой покрытой туманом пустоши мы не одни. Вероятно, усталость и жажда на время притупили во мне чутье разведчика, но сейчас ощущение, что за нами наблюдают, усиливалось. Наконец, я не

выдержал и, велев сестре и брату спрятаться в ближайших кустах, вытащил из кобуры самострел и огляделся.

— Кажется, нам что-то угрожает... — Кемок так же, как и я, держал оружие наготове.

Каттея сидела с закрытыми глазами, словно к чему-то прислушиваясь.

— Ничего не чувствую, — прошептала она. — Ничего...

— Это уже ушло... — сказал я, краем глаза заметив движение за спиной — какая-то тень мелькнула и тут же исчезла. Жестом я позвал сестру и брата поспешить за мной.

По мере того, как мы продвигались, туман рассеивался и, наконец, исчез совсем. Поросший кустарником склон сменился низиной, покрытой плотным серым мхом, который пружинил под ногами. Мне почему-то не доставляло удовольствия ступать по нему.

Вокруг слышались голоса птиц, по мшистым кочкам сновали разные зверушки. У нас появилась возможность подстрелить какую-нибудь живность и утолить голод, но нас сильнее мучала жажда. Вскоре мы наткнулись на первые следы людского обитания — полуразрушенную изгородь из глины и камней, окружающую поле, заросшее высокой травой, среди которой кое-где виднелись жалкие колоски почти выродившихся злаков. Очевидно, когда-то здесь растили хлеб.

Мы побрели вдоль изгороди. Нещадно палило солнце, лишая нас последних сил, зато появилась надежда, что где-то рядом должна быть вода. Неожиданно Каттея споткнулась, но, схватившись за изгородь, удержалась на ногах.

— Я больше не могу, — прошептала она.

Кемок поддержал ее за локоть.

— Осталось совсем немного. — Он показал в сторону деревцев, где можно было укрыться от солнца. Нам повезло, и вдвойне: добравшись до них, мы увидели, что изгородь плотно оплетена лозой, увешанной гроздьями красных ягод. Мы решили, что это виноград. Ягоды, на вид спелые, оказались на вкус очень кислыми, однако жажду мы утолили.

— Где-то поблизости должна быть вода, нам нужно запастись водой, — сказал я. Сбросив с себя мешок, я проверил, заряжен ли самострел и, после этого, собрал все наши фляги для воды.

— Килан! — Каттея все еще ела ягоды. — Настройся на мысленный контакт с нами.

Кемок отрицательно покачал головой.

— Нет, брат, не надо. Не зови нас без особой нужды, не буди силы...

Я понял его — он так же остро, по-видимому как и я, чувствовал, что мы находимся совсем не в мертвом царстве. Что-то невидимое все время сопровождало нас, следило за каждым нашим движением.

— Постараюсь думать только о воде и ни о чем другом, — пообещал я. Уходя от них, я пытался зримо представить себе какой-нибудь родничок или ручеек.

Я пересек одно поле, за ним лежало другое. Их разделяла заброшенная дорога, сплошь заросшая бурьяном. По второму полю бродили какие-то двурогие животные, похожие на антилоп. Видимо, это была семья: крупный бык, фута четыре в холке, три самки, четверо телят и годовалый бычок. Его-то я и выбрал своей жертвой.

Самострел бьет бесшумно. Бычок дернулся и повалился на бок. Его сородичи вскинули головы, оглянулись на него и, внезапно сорвавшись с места, ускакали. Я перепрыгнул через развалленную изгородь и направился к своей добыче.

Разделывая бычка, я услышал журчание и плеск; должно быть, где-то неподалеку струился ручей. Завернув куски свежатины в шкуру, я взвалил тюк на плечо и пошел на звуки.

Но это был не ручей — я вышел к речке, и довольно бурной. Большие валуны торчали из воды, и она клокотала, встречая их сопротивление.

Я соскользнул вниз по обрывистому берегу и, опустившись на колени, стал черпать пригоршнями воду. Она была чистой и холодной. Напившись, я долго плескал воду в лицо и на голову, не в силах прервать удовольствие. Затем я сполоснул фляги, наполнил их по горлышко и заткнул пробками.

Теперь у нас было в достатке и пищи, и воды — Каттея и Кемок воспрянут духом. С флягами на боку и тюком мяса на плече, я попытался подняться наверх, но берег оказался слишком крутым, и мне пришлось искать более пологий подъем.

Пробираясь вдоль речки, я обогнул береговую кручу и обнаружил еще одно свидетельство тому, что эти места когда-то были обитаемы. Однако увидел я не развалины каких-то жилищ — передо мной высилась площадка из массивных каменных плит, поросших мхом и травой. На ней стояло множество колонн, расположенных не рядами, а по спирали. Насколько я мог судить, на них вряд ли когда-либо покоилось перекрытие, и я не мог понять их назначения. Любопытство толкнуло меня перебраться с прибрежных валунов на платформу. Я ступил на плиту, которая находилась между двумя крайними колоннами.

Затем... Затем, чувствуя, что не владею собой, я начал медленно двигаться между колонн по кругу, виток за витком, приближаясь к центру лабиринта. И чем ближе я подходил к нему, тем острее ощущал, что меня влечет туда нечто губительное. Я чувствовал себя жертвой какой-то злой силы, готовой поглотить меня.

Меня охватил невыносимый ужас, и я закричал, взывая о помощи всем своим существом, больше надеясь не на силу легких, а на то, что будет услышан мой мысленный зов.

И он был услышан. Я почувствовал приток силы, помогающей мне противиться почти необоримому влечению к центру каменной паутины. Я уперся руками в колонну и, оттолкнувшись от нее, сделал шаг назад.

Так, отталкиваясь от колонн, я стал рывками двигаться обратно, ощущая всем нутром флюиды ярости, которую источал невидимый хозяин лабиринта. На какой-то миг его ярость сменилась растерянностью: по-видимому, властелин каменной паутины не привык к тому, чтобы жертва сопротивлялась.

Я уже добрался до внешнего круга колонн, как вдруг увидел, что на меня надвигается черное облако, возникшее невесть откуда. Я снова закричал и, собрав остатки сил, попытался сделать еще несколько

шагов, но споткнулся и упал. Меня поглотила тьма — тьма небытия.

Должно быть, приступ рвоты помог мне прийти в себя. Меня выворачивало наизнанку. Кто-то помогал мне удерживаться на четвереньках. Я открыл глаза и увидел Кемока. Он подождал, пока у меня кончились спазмы, затем опустил меня на землю. Подумав с испугом, что все еще нахожусь среди колонн, я сел и огляделся.

Вокруг расстилалось широкое ровное поле, на котором под лучами вечернего солнца не было заметно никаких подозрительных теней. Каттея наклонилась, чтобы напоить меня из фляги. Я попытался взять флягу из ее рук, но у меня не хватило сил даже на это.

Странным показалось мне выражение ее лица — взгляд потухший, губы плотно сжаты. Кемок, за нею, став на колено, настороженно оглядывался по сторонам, как будто ждал нападения.

— Как скоро проявилось зло... — Каттея поддерживала мне голову, пока я пил. — Благодарение Силе, не давшей выплеснуться ему из клоаки до конца! Эта страна наполнена злом...

— Как я оказался здесь? — прошептал я.

— Попав в ловушку, ты успел позвать нас. И когда ты каким-то чудом сам выбрался из нее, правда, лишившись сознания, мы поспешили унести тебя подальше от гибельного места, опасаясь, что его дух витает не только среди колонн, но и в окрестностях. К счастью, этого можно не опасаться. — Она подняла голову, посмотрела по сторонам и, вздохнув глубоко, сказала: — Здесь хорошо, и нам ничто не угрожает. Но в том месте ты попал в паутину зла — древнего зла. И если так неожиданно обнаружилось одно из его средоточий, нам не избежать другой встречи с чем-нибудь подобным.

— О каком зле ты говоришь? — спросил я. — О Кольдере?

Называя это мрачное имя, я уже знал, что оно вряд ли имеет отношение к тому, с чем я столкнулся в каменном лабиринте.

— Мне не доводилось иметь дело с кольдерами, и все же я думаю, что зло, о котором я говорю, сродни

им. И еще оно... оно — сродни Силе!.. — Каттея посмотрела на меня так, будто сама испугалась своих слов.

— Но это же нелепость! — не сдержался Кемок.

— До сего дня я не посмела бы утверждать этого, — ответила она. — Но отныне уверена — это проявление не какой-то новой неизвестной силы, а почему-то обернувшееся злом проявление все той же Силы, с которой мы соприкасались с детства. Неужели я не могу распознать того, чему меня учили и чем я пользуюсь, даже если это до невероятности искажено и опорочено? В том и опасность, что нас может увлечь эта темная сила еще сохранившейся в ней частичкой истины. Что же произошло в этой стране? Почему благая Сила теперь используется во зло?

Мы не могли ответить ей.

Она положила ладонь на мой лоб и чуть отодвинулась, чтобы смотреть мне прямо в глаза, затем запела низким голосом, и я почувствовал, как тошнотворная боль уходит из меня, оставляя лишь память о том, чего не должно больше повториться.

Наконец ко мне вернулись силы, и мы двинулись дальше. Открытое пространство поля служило защитой от любых неожиданностей. Приближалась ночь, и нам было необходимо позаботиться о каком-то укрытии. Двигаясь вдоль разрушенной изгороди, мы поднялись на пригорок, где наткнулись на развалины, поросшие травой. Частично сохранившиеся две стены образовывали угол, и мы воспользовались этим убежищем.

Мы с Кемоком насобирали камней и возвели нечто вроде третьей стенки. Каттея отправилась за хворостом, который можно было набрать поблизости. Когда она вернулась, ее лицо заметно просветлело.

— Я не почувствовала ничего опасного. Скажу вам больше — здесь когда-то обитал целитель. Лечебные травы, если их посадить с любовью, не требуют за собой никакого ухода. Посмотрите, что я нашла. — Она разбросала на большом плоском камне свои находки.

— Вот это, — она коснулась резного листка, — камнеломка — снимает жар. А это, — она показала нам стебелек с лапчатыми листьями, — это ланглорн,

он освежает мозг и чувства. А вот самая сильная из трав, благодаря ей сохранились здесь все остальные растения. Это знаменитый ильбейн — Цветок Жизни.

Об этом цветке я знал. Даже в Эсткарпе сохранился древний обычай сажать его по весне где-нибудь рядом с жильем, чтобы осенью, собрав белые цветы и связав их в пучки, повесить над входом в дом или у ворот конюшни. Существовало поверье, что они оберегают от несчастий: запах этих цветов — не важно, выдернули их с корнем или оборвали — настолько устойчив, что может одурманить и отпугнуть любую нечисть.

Она начала раскладывать свои травки поверх хвороста, сложенного для костра. Я же, опасаясь, что белый, как молоко, дым от их воскурения может привлечь к нам внимание, хотел остановить ее, но Кемок жестом дал мне понять, чтобы я оставил сестру в покое. Сложив этот необычный костерок, Каттея украсила его парой цветков ильбейна. Подняв стебель с оставшимися на нем цветами, она принялась ходить с ним туда и обратно вдоль сооруженной нами стенки, изредка прикасаясь к камням, и наконец воткнула его между ними, как флажок.

— Разожгите костер, — попросила она. — Он не выдаст нас, напротив, будет оберегать этой ночью, отгоняя зло.

Я без труда зажег хворост, и он сразу разгорелся. Дым костра был насыщен дурманящим запахом. А после того, как травы сгорели, мы вдыхали другой аромат — жаря на вертелах из веток кусочки свежего мяса, и вскоре я совсем избавился от ощущения, что за нами кто-то следит...

8

В ту ночь мы спали крепко, безо всяких сновидений, и проснулись бодрыми, однако мысль о том, что нам следует быть настороже, не оставляла нас. Каттея, похоже, поднялась первой, ибо, когда я открыл глаза, она сидела на корточках, положив руки на сооруженную нами стенку и пристально смотрела

вдаль. Небо было покрыто облаками, утренний свет едва пробивался сквозь них.

Сестра повернулась ко мне.

— Килан, посмотри туда — что ты об этом скажешь?

Вдали, над небольшой рощицей, к небу поднимался светящийся столб — не красного, как отсвет огня, а зеленоватого, неестественного цвета.

— Не гаснет и не становится ярче, — пояснила она.

— Может, это какой-нибудь маяк? — предположил я.

— Может быть. Но зачем? — удивилась она. — Ты знаешь, вчера вечером я не видела ничего такого...

— Каттея...

Она обернулась.

— Послушай, — сказал я, — в этих местах полно ловушек вроде той, из которой вы меня вчера вытащили. Надо полагать, в эту страну нет хода тем, кто близок по крови нашей матери.

— Похоже, так, — согласилась она. — Но что удивительно, Килан: у меня такое чувство, будто мы пришли сюда не по своей воле, будто что-то направляет нас. А вообще-то, если не считать гиблых мест, вроде того, куда ты попал вчера, это благодатная земля. Ты только посмотри вокруг. Разве не прекрасны эти поля — даже под хмурым небом?

Она была права. Заросшие дикими травами окружающие нас поля необъяснимо притягивали меня — хотелось запустить руки в мягкую землю, которую давно не бороздил плуг; хотелось сбросить с себя кольчугу и шлем, которые мне осточертели, и побежать босиком по траве навстречу ветру. Я с детства любил это, но строгий Откелл всегда пресекал какое бы то ни было мальчишество.

— Ну как? — улыбнулась Каттея. — Неужели ты не примешь эту землю лишь потому, что ее поразила какая-то язва? Можно избежать гиблых мест и не думать о них. Скажу тебе больше: травы, которые я вчера собрала, не растут в местах, осквернённых Силой Тьмы.

И тут мы услышали голос Кемока.

— Чтобы где-то жить, необходимо иметь жилище и запас пищи. А это... — он показал на развали-

ны, — жилищем не назовешь. Что же касается пищи, то нам, пожалуй, пора заняться охотой. Да и вообще, мне бы хотелось познакомиться с соседями.

Я был согласен с ним. Всегда нелишне знать, что тень от дерева — это просто тень от дерева, а не какой-нибудь неприятный сюрприз.

Мы поели мяса вперемежку с кислым виноградом и стали готовиться в путь. Каттея, прежде чем покинуть холм, пошла собирать травы, потом завязала их в узелок, который сделала из подола своего платья, укоротив его почти до колен.

Зеленый луч, хорошо видимый в сером небе, неодолимо манил нас к себе. Но мы продвигались вперед осторожно, прячась в тени кустов и деревьев. Рощица, наполненная щебетаньем птиц и шорохами снующих в ней зверьков, не вызывала никаких тревожных чувств. Выйдя из нее, мы снова оказались на открытом месте и нашим взорам открылась река — та, которую мы уже видели. На ее излучине высилась серая башня, похожая на те, какие строят в крепостях и замках Эсткарпа. Из окон бойниц на третьем и четвертом ярусах струился призрачный свет, но гораздо больше света излучала корона башни, в парапете которой зияли бреши — свидетельство ее обветшания.

Я глядел на башню и не испытывал никакого желания приблизиться к ней. Она не влекла к себе в отличие от вчерашнего каменного лабиринта, но наоборот казалась стражем, готовым покарать всякого, кто преступит некую невидимую черту.

Я заметил, что Каттея стоит с отрешенным лицом, и понял, что она пытается мысленно проникнуть за стены башни.

— Нет, мне не удается постичь ее суть, — сказала она, покачав головой. — Ну что ж, значит так тому и быть — незачем соваться, куда не следует. Есть силы не добрые, но и не злые. Они могут излечивать, а могут и калечить. Не стоит играть с огнем.

У меня было ощущение, что с башни за нами наблюдают, и я уговорил сестру и брата вернуться в рощу, чтобы под ее прикрытием, сделав небольшой крюк, выйти снова к реке ниже по течению.

Хотя с утра было пасмурно, дождь так и не начался. Мы шли лесом, придерживаясь реки. В лесу было сумрачно, однако мне удалось разглядеть свежие следы турачей. Эта большая птица хорошо бегает, но плохо летает. В Эсткарпе мясо турача всегда считалось изысканным блюдом. Зная, насколько эта птица осторожна, я решил поохотиться на нее в одиночку, пообещав сестре и брату не отвлекаться ни на что другое. Я сбросил с себя котомку, флягу и даже шлем, дабы он не выдавал меня позвякиванием кольчужного шарфа.

Птиц следовало искать у реки — они кормятся там в зарослях диких злаков. Высокий камыш позволил мне подкрасться к ним, но что-то их спугнуло.

Сломанные ветки, прошлогодний камыш и другой мусор, оставшийся от половодья, скопились на противоположном берегу и образовали запруду, наполовину перегородившую реку. Поверх этой путаницы из прутьев и тростника сновали какие-то черные зверьки, которых становилось все больше и больше, словно что-то привлекало их своим скрытым присутствием. Вдруг они начали спрыгивать в воду и поплыли к берегу, на котором затаился я.

Быстрое течение относило их в сторону, но я понимал, что где-то они все же выберутся на берег. И тут до меня дошло: зверьки охотятся не за турачами, а за мной!..

— Нам грозит опасность! — мысленно предупредил я брата и сестру. — Выбирайтесь на открытое место!..

Я бросился бежать в сторону поляны, чувствуя, что с этими тварями лучше не иметь дела среди кустов.

Кемок откликнулся на мое мысленное предупреждение и, более того, подсказал направление, в каком мне лучше двигаться. Я остановился, развернулся лицом к реке и стал пятиться, чтобы избежать нападения с тыла, и вовремя: кустарник уже кишел черными тварями...

«Твари... А ведь у меня есть способность влиять на животных, — подумал я. — Почему бы не воспользоваться ею?»

Я попытался найти мысленный контакт со зверьками.

Ничего себе зверьки!.. На меня обрушился бешеный поток страсти умерщвлять и пожирать, несвойственной никакому другому зверью. Я испытывал отвращение и страх — какой обычно вызывает что-то стихийное и неуправляемое. Я совершил ошибку: мысленный контакт с этими тварями разъярил их еще больше и теперь они подбирались ко мне все ближе и ближе. Мне хотелось повернуться и бежать без оглядки через кусты, но я заставил себя медленно пятиться, держа наготове самострел.

Кое-как я выбрался на открытое место и краем глаза увидел Каттею и Кемока, которые двигались к центру поляны. Стая черных хищников продолжала преследовать меня, и я лихорадочно думал: «Как же избавиться от них?»

Я так спешил приблизиться к сестре и брату, что споткнулся и полетел кубарем, услышав, как вскрикнула Каттея. Перевернувшись через голову, я приподнялся и увидел, что хищные твари устремляются ко мне — безо всякой опаски.

Вблизи я рассмотрел их. У них были короткие лапки, однако это не мешало им быстро бегать. Их тельца, покрытые гладкой шерстью, были гибкими и подвижными. У них были маленькие заостренные мордочки с желтыми клычками и красными, как угольки, глазками.

Я выстрелил лежа. Вожак стаи закрутился волчком, пытаясь выдернуть зубами попавшую в него иглу, но несмотря на боль, которую он себе причинял, зверь не издал ни звука. Его агония вмиг охладила охотничий азарт стаи, и красноглазые твари, рассыпавшись во все стороны, скрылись, оставив своего собрата дергаться в предсмертных конвульсиях.

Я вскочил и побежал к Каттее и Кемоку. Кемок стоял с оружием наготове.

— Хищники, — сказал он. — Откуда они появились?

— Из-за реки, — задыхаясь, ответил я. — Я еще не встречал подобных тварей...

— Неужели? — удивилась Каттея. Она стояла, прижимая к себе пучок с травами, словно защищаясь ими. — Это же кутора.

— Кутора? — переспросил я. Мне бы в голову никогда не пришло сравнить водяную мышку, величиной с палец, с этими злыми хищниками, превышающими ее по размеру раз в двадцать-тридцать. А ведь и в самом деле — они были не чем иным, как увеличенными до невероятных размеров куторами.

— Куторы так просто не расстаются с выбранной жертвой, — напомнил Кемок.

Твари действительно шныряли поблизости, сплачиваясь в кольцо вокруг нас. Они вылезали из кустов, прижимаясь к земле, и походили больше на змей, чем на теплокровных.

Кемока не нужно было предупреждать — он уже начал стрелять. Три зверя, один за другим, подскочили вверх и закрутились на месте. Прекрасно. Только надолго ли нам хватит запаса игл? Вряд ли с помощью мечей и кинжалов мы сможем отбиться от этих вертлявых тварей.

— Я не могу с ними справиться! — крикнула Каттея. — Сила не действует на них...

— Похоже, что на них может подействовать только это! — Я приготовился выстрелить. Но казалось, здесь все было против нас — внезапно хлынул ливень. Однако на поведении хищников это никак не отразилось.

— Смотри, что это?! — крикнул Кемок в тот самый момент, когда я выстрелил. Я промахнулся, в бешенстве чуть было не рыкнул на него, но, глянув в сторону, увидел сквозь потоки дождя... человека, приближающегося к нам на коне. Всадник вклинился между нами и стаей хищников. На миг нас ослепила белая вспышка. Создалось впечатление, что этот человек каким-то образом вызвал молнию и хлестнул ею, как кнутом, по бешеным тварям.

Огненный кнут еще три раза хлестнул по земле, а всадник развернулся и скрылся в лесу. Над теми участками поляны, по которым прошелся луч его странного оружия, подымались белесые струйки дыма: ничто больше не двигалось там.

Мы с Кемоком схватили Каттею под руки и молча побежали в сторону леса. Там, прижавшись друг к другу под большим деревом, мы стали ждать, когда кончится дождь.

— Это снова было проявление Силы, — шепнула мне Каттея, — и скорее доброе, чем злое. Но ее посланник никак не откликнулся на мой призыв!.. — В ее голосе звучала обида. — Почему?.. Послушайте... — Она обняла нас за плечи. — Я вспомнила... Быстрая вода... Если мы найдем место посреди быстрой воды и произнесем заклинания, мы будем в безопасности.

— Но ведь эти, как их... куторы — плавают, — возразил я.

— Пусть плавают, — ответила Каттея. — Надо найти островок на реке, там нас никто не тронет.

У меня не было никакого желания возвращаться к воде — с ней были связаны все предыдущие злоключения. Я бы охотней пустился разыскивать всадника...

— Идемте же! — теребила нас Каттея. — Эта темень и дождь навлекут на нас здесь кучу бед, нужно найти безопасное место.

Ее слова не убедили меня, но я знал, что спорить с ней бесполезно, да и Кемок молчал. Хорошо уже то, что мне удалось склонить ее двигаться в ту сторону, где скрылся всадник.

По мере нашего продвижения лес становился все реже, и вскоре мы вышли на дорогу, которая опять вывела нас к реке. Каттее нельзя было отказать в ясновидении: посреди вспухшей от ливня реки высился небольшой островок.

— Нам нужно поторопиться, пока вода не поднялась еще выше, — сказал Кемок.

Каттея тут же вошла в реку, сразу оказавшись по пояс в воде. Течение сбивало ее с ног, но мы с Кемоком подоспели к ней и помогли перейти брод.

Удивительно — сама природа создала здесь небольшую крепость: три скалы служили ее стенами, а одна из них к тому же — хорошим возвышением для наблюдения. Скалы круто уходили в воду, и единственным доступом к островку была площадка, на которую мы так удачно выбрались. Только за ней и

требовалось следить в том случае, если хищники продолжат преследовать нас.

— Это место не тронуто порчей, — сказала Каттея, — и я обещаю вам защитить его.

Из пучков травы она вытащила ветку ильбейна, смяла ее, поднесла к губам и принялась петь заклинания, то и дело с силой выдыхая воздух на зажатый в руках цветок. Затем она опустилась на колени и стала натирать травой камни, по которым мы поднялись на островок. Вернувшись к нам, Каттея выглядела совсем измученной.

Ливень был сильным, но недолгим — вскоре он прекратился.

Мы не переставали думать о всаднике. Каттея уверяла нас, что он пользовался Силой, правда, как-то по-своему. Он не отозвался на попытку сестры установить с ним мысленный контакт, но это, на ее взгляд, еще не означало враждебности с его стороны. Услуга, которую он нам оказал, сама по себе говорила о его доброжелательности.

Из-за мрака и ливня мне не удалось разглядеть всадника как следует; я успел только заметить, что это, безусловно, был человек, а не какая-нибудь химера. Он прекрасно владел конем и в два счета расправился с мерзкими хищниками.

Сознание того, что в этой стране держат лошадей, не давало мне покоя. С той поры, когда в четырехлетнем возрасте я оседлал своего первого пони, у меня никогда не возникало желания долго идти куда-то пешком. После того, как мы оставили своих коней по ту сторону гор, меня не оставляло чувство утраты. «Если в этой стране есть лошади, — сказал я себе, — нам следует ими обзавестись, и чем раньше, тем лучше. По крайней мере, мы не будем тогда опасаться этих мерзких кутор. Завтра нужно постараться выследить всадника и узнать, что за люди живут здесь...»

— Замри и не двигайся, — уловил я предупреждение Кемока.

Над рекой показалась какая-то большая птица. Сложив крылья, она ринулась вниз, но у самой воды

расправила их и, описав в воздухе дугу, понеслась в сторону нашего островка.

Я моментально понял, что Кемок хочет ее подстрелить. Мы потеряли тюк с мясом, когда отбивались от кутор, и нам предстояло лечь спать с пустым желудком. Эта птица была довольно большой и могла бы утолить наш голод. Но стрелять в нее, пока она не окажется прямо над головой, не имело смысла — ее унесло бы течением.

Кемок уже прицелился, как вдруг Каттея ударила его по руке.

— Не смей! — крикнула она.

Приблизясь к островку, птица круто скользнула вниз, села на один из валунов, образующих стены нашего прибежища, и стала бочком перемещаться по нему в нашу сторону.

Ее оперение было удивительным — оно искрилось, как водная рябь под лучами солнца. Клюв и лапы птицы были ярко-красными, а глаза — темными и большими. Она сидела не двигаясь и поглядывала на нас, будто ждала чего-то. У меня вмиг пропало желание употребить это существо в пищу.

Каттея наблюдала за птицей с таким же вниманием, с каким та в свою очередь изучала нас. Затем сестра, размахнувшись, бросила в сторону крылатого гостя смятый лист какой-то из собранных трав. Птица вытянула шею и уставилась своими большими глазами на необычное подношение.

Ее оперение заиграло еще ярче. Сестра произнесла повелительным тоном какие-то слова и резко хлопнула в ладоши. Тотчас вокруг птицы возникло мерцающее облако, а когда оно рассеялось, мы увидели, что на камне сидит крылатое существо — но это была не птица.

9

— Фланнан!.. — прошептал я, не веря своим глазам.

Возможно, я ошибся, назвав это существо именем из мифологического бестиария. Но я был уверен, что

это никакая не птица, ибо в облике этого существа проступали человеческие черты.

Лапы у него были, как у птицы — красными и когтистыми, но ближе к телу они утолщались. Само же тело очень походило на человеческое. Из-под крыльев торчали маленькие ручки с пятью пальцами. Шея, правда, была тонковата, зато лицо — почти человеческое, если не считать того, что вместо носа на нем красовался здоровенный клюв. Существо было покрыто перьями, отливающими перламутром.

Оно топталось на месте, выставив вперед ручки, как если бы боялось, что его ударят.

Фланнаны. Полуптицы-полулюди. Мне вдруг припомнились сказки о них, и я подумал, что, очевидно, в сказках не все один только вымысел. О фланнанах в них говорится, что они дружелюбно относятся к людям, но что это очень легкомысленные существа, которые ни на чем не могут сосредоточиться. Многие сказочные герои, прибегнувшие к их помощи, как правило, досадовали потом на них. Но им все прощалось за то, что они никогда не связывались с силами зла.

Каттея вдруг издала негромкий звук, похожий на птичью трель. Фланнан подошел к ней ближе и, запрокинув голову, выдал ответную трель. Сестра нахмурилась, чуть помедлила, собираясь ответить ему, но он прервал ее продолжительной резкой трелью, в которой явно угадывалось раздражение.

— Он отзывается на действие Силы, — объяснила нам Каттея, — но я не могу понять его ответа. Мне кажется, что его заставили прилететь сюда.

— Чтобы следить за нами? — спросил Кемок.

— Может быть, — ответила Каттея.

— Тогда он поможет нам найти того, кто его сюда послал! — сказал я, все еще думая отыскать всадника.

— При условии, что он сам этого захочет. — Каттея засмеялась. — Иначе, брат, тебе придется отрастить себе крылья и пуститься вслед за ним.

У нее в руках снова оказался пучок с травами. Она вытащила из него весьма помятый стебелек ильбейна. Положив усохшее растеньице на ладонь, она поднесла его к носу, вернее, к клюву фланнана. Тот

посмотрел на травку, а затем с недоумением взглянул на Каттею. Лицо сестры просветлело.

— По крайней мере, я убедилась, что сказки не врут, — сказала она. — Фланнаны и вправду не связаны с дурными силами.

Она снова заворковала — на этот раз не спеша, с перерывами.

Фланнан повернул голову и поглядывал на Каттею одним глазом, как это делают птицы. В его ответном курлыканье как будто различались отдельные фразы — да и Каттея отмечала их кивком головы.

— Да, он был послан, чтобы следить за нами, — сказала Каттея. — В этой стране зло переплелось с добром и время от времени берет над ним верх. Нам велено вернуться туда, откуда мы явились.

— Кто его послал? — спросил я.

Каттея издала трель. Фланнан повернулся ко мне лицом — если так можно сказать — и равнодушно взглянул на меня большими глазами. Каттея снова потребовала у него ответа, на этот раз настойчивей. Но фланнан продолжал молчать. Тогда Каттея жестом начертала перед ним в воздухе какой-то знак.

И тут произошло нечто поразительное. Фланнан громко заклекотал — и снова превратился в птицу. Птица взмыла в воздух и начала кружить над островком. Она описала три круга, издавая пронзительный крик каждый раз, когда пролетала над нами. Я посматривал на Каттею. Она следила за птицей горящим взглядом и, скороговоркой бормоча что-то, делала в ее сторону резкие жесты. На какое-то мгновение птица зависла на месте, а затем стрелою помчалась на север.

— Ничего у них не выйдет! — прокричала Каттея. — Пусть я и не считаюсь колдуньей, но мне дано общаться с Силой, и эти троекратные облеты меня не запугают.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего особенного, — ответила Каттея. — Простейший колдовской прием: птица трижды пролетела над нами по кругу, и это значит, что теперь нам никуда отсюда не деться. Если те, кто ее прислал, считают, что так оно и будет, то они ошибаются.

— Птица полетела на север, — услышал я Кемока. — Она возвращается к тем, кто ее сюда послал?

— Наверное, — ответила Каттея. — Фланнаны не способны думать. Я напугала его, и он в страхе улетел на север, к своему повелителю.

— Значит, и нам нужно подаваться на север, — заключил Кемок.

— Кстати, в ту сторону ускакал всадник, — добавил я.

— Но в той же стороне находятся и лабиринт, и башня-страж, и, возможно, еще какие-то ловушки. Нам необходимо быть начеку. — В голосе сестры звучала растерянность, и мы с удивлением посмотрели на нее.

Каттея сидела, опустив руки на колени и сложив ладони лодочкой, как будто гадала, держа между ними воду.

— Тяжко быть кем-то лишь наполовину, — продолжила она. — Я не произнесла слов клятвы и не обладаю Камнем. Несмотря на это, я считаю себя колдуньей. Есть еще одно условие, чтобы называться так. Мне следует подвергнуться испытанию, запретному для тех, кто не произнес клятвы. Это необходимо для нашего спасения.

— Нет! — вскричал Кемок. — Ты не сделаешь этого! — Он, очевидно, знал, на что она намекает, хотя для меня это было загадкой. Он взял ее за подбородок, так чтобы она смотрела ему прямо в глаза. — Я говорю: нет! — повторил он.

— По-твоему, лучше слепо шагать навстречу опасностям, чем подвергнуться риску с целью прозреть? — спросила Каттея.

— Подумай, о чем ты говоришь, сестра, — упорствовал Кемок. — Не делай глупостей. Не многие из колдуний Эсткарпа позволили себе такое. Для этого требуется высшее искусство владения Силой...

— Все-то ты знаешь, — перебила его Каттея. — Но не очень-то верь тому, чего наслушался. В натуре Мудрейших — создавать вокруг своего ремесла ореол таинственности. Да, ты прав — не многие из колдуний прибегают к помощи Посланца. Все дело в том, что он им и не нужен. Они знают Эсткарп как свои

пять пальцев. Знают — какова эта страна сейчас и какой она была в древности. Другие же страны их никогда не интересовали. И не колдуньи, а наши отец и мать отважились на то, чтобы разыскать логово Кольдера. А ведь Кольдер был воплощением зла. Здесь же этого нет. Здесь встречаются лишь очаги того, что недоступно нашему пониманию. Проводник нам необходим...

— О чем она толкует? — обратился я к брату.

— О сотворении Посланца, — ответил он с загадочным видом.

— Посланца? — переспросил я, ничего не поняв. — Какого такого Посланца?

Каттея отвела от своего лица руки брата. Но, отвечая мне, продолжала смотреть на него, словно взглядом хотела убедить его в разумности своих намерений.

— Видишь ли, Килан, — медленно произнесла она, — мне нужен помощник, который знал бы эту страну такой, как она есть, а не как воспринимаем ее мы, который вернулся бы в ее прошлое и, узнав, что здесь происходило, помог бы нам найти спасительный путь.

— Для чего сестре потребуется ни больше ни меньше, как подвергнуть себя родовым мукам, — вмешался Кемок. — И хотя дитя будет всего лишь порождением духа и разума, а не плоти, роды могут оказаться смертельными.

— Всякие роды связаны с риском, — заметила Каттея. — Но я рассчитываю на вашу помощь и потому так спокойна. В Эсткарпе еще не было тройняшек, подобных нам, не так ли? Мы можем стать единым целым, когда в том есть необходимость. Клянусь, я не решилась бы на такое одна, без вашего согласия и помощи, и я прошу вас мне помочь.

— Ты считаешь, это так необходимо? — спросил я.

— Я предлагаю выбор: продвигаться вслепую — или идти с открытыми глазами, зная куда ступаешь, — ответила она. — Семена того зла, что угрожает нам, были посеяны давно. Время взрастило их, но и подвергло изменению. Если мы докопаемся до су-

ти и познаем их природу, то сможем уберечься от яда плодов, которые за многие годы произросли из них.

— Я не одобряю твоего выбора! — заявил Кемок.

— Кемок... — спокойно отозвалась на его протест Каттея. Она еще не выпустила его рук из своих и теперь, подняв вверх его покалеченную руку, поглаживала пальцами шрам на ней. — Скажи мне, был ли у тебя выбор, когда ты ввязался в бой и получил в награду вот это?

— Это совсем другое дело! — возразил брат. — Я воин, и это был мой долг — ответить силой на силу...

— Так почему же меня ты считаешь не способной отвечать за свои слова? — оборвала его Каттея. — Пусть мои битвы не требуют владения мечом, но за эти шесть лет я прошла школу не менее суровую, чем любой воин. У меня были такие противники, каких ты себе и представить не сможешь. Но я не настолько самонадеянна, чтобы заявлять, будто не нуждаюсь в вашей помощи. И потому прошу вас присоединиться ко мне, что, кстати, гораздо проще, чем быть в стороне.

Лицо Кемока все еще было напряженным, но он уже не возражал ей, и я понял, что она его убедила. Я же не остался на его стороне только потому, что не представлял меру опасности, которой Каттея себя подвергала. Я всегда верил в нее. В подобные моменты она выглядела отнюдь не девочкой — мне казалось, что из нас троих она — старшая.

— Когда? — спросил Кемок, давая понять, что он согласился с ней.

— Может, прямо сейчас? Только сначала было бы неплохо поесть. Сила тела подкрепляет волю и дух, — ответила сестра.

— Да, подкрепиться не грех, — шутливо заметил Кемок. Казалось, он втайне надеялся, что эта прозаическая потребность заставит Каттею отказаться от своего намерения. — Вот только, как раздобыть еду?

— В этом нам следует положиться на Килана, — сказала сестра, не взглянув на меня, и я понял, чего от меня ждут.

Тот, кто хоть в какой-то мере наделен способностью обращаться к Силе, знает, что есть определенные ограничения в пользовании ею. Если ими умышленно

пренебрегают ради выгоды, то за этим неизбежно следует расплата. Обнаружив еще в детстве, что могу влиять на животных, я никогда не пользовался своим даром при охоте на них. Несколько раз мне удавалось воспрепятствовать нападению дикого зверя на человека. Но я никогда не позволял себе приманивать зверя, чтобы убить его.

Теперь мне предстояло сделать именно это — во благо Каттеи. Мысленно, я призвал на себя всю кару за преступное пользование Силой, лишь бы последствия моих действий не коснулись сестры. Затем я настроился на охоту.

Мозг рыб и рептилий настолько отличается от человеческого, что они почти не поддаются мысленному воздействию — это я понял давно. Другое дело млекопитающие. Я вспомнил антилоп — они должны уметь плавать... Я попытался вызвать в своем воображении зримый образ животного. Добившись этого, я начал нащупывать мысленный контакт с невидимой жертвой. Мне еще не приходилось делать такое, и я не исключал неудачи.

Мои старания увенчались успехом — внезапно у меня возникло хорошо знакомое ощущение мысленного контакта. Усилием воли я стал подзывать жертву. Несколько мгновений спустя на берег выскочил молодой бычок. Я вынудил животное спрыгнуть в воду в том месте, откуда его течением понесло прямо на наш островок.

Кемок начал целиться, но я запретил ему стрелять. Я один должен был ответить за убийство. Животное откликнулось на мой зов, поэтому я же должен был отнять у него жизнь.

Я чувствовал на себе взгляд Каттеи, пока вытаскивал тушу из воды на камни.

— Не повредит ли это твоему общению с Силой? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой, но в ее взгляде угадывалось замешательство.

— Мы не можем обходиться без пищи, Килан, — сказала сестра. — Однако... ты обременил себя проступком, и чем ты за него поплатишься, я не могу сказать.

«Скорей всего — утратой своего дара», — подумал я.

Мы разожгли костер из сучьев, оставленных на островке половодьем, нажарили мяса и сытно поели.

— Скоро ночь. — Кемок приладил над огнем сырую ветку с нанизанным на нее мясом. — Не повременить ли, Каттея, до утра? Нам способствуют силы, питаемые светом. А в такое время — мы рискуем вызвать вместо них силы тьмы.

— То, что мы задумали, следует творить на заходе солнца, — возразила Каттея. — Свет и тьма не всегда противятся друг другу. Теперь оба выслушайте меня, ибо, когда я предамся действию Силы, вы уже ни о чем не сможете меня спросить. Вам нужно взять меня за руки и соединиться со мной разумом. Не обращайте внимания на то, что будет происходить со мной, и ни в коем случае не выпускайте моих рук из своих. Что бы ни случилось, не оставляйте меня!

Ей не нужно было просить нас об этом. И Кемок, и я тревожились за нее. Она была слишком молода и хрупка, хотя и прошла суровую школу колдовства. Сестра старалась казаться спокойной и уверенной в себе, каким старается казаться юный воин, которому предстоит первый бой.

Тучи, закрывавшие небо весь день, к заходу солнца рассеялись. Каттея позвала нас на западную сторону островка, откуда мы могли наблюдать закат. Мы взялись за руки и так замерли.

Мои ощущения были схожи с теми, что я испытывал, когда мать созвала нас помочь ей найти отца. Так же, как и в тот раз, я утратил осознание себя и, ничуть не противясь этому, растворился в каком-то пульсирующем потоке, словно сам стал этим потоком...

Не знаю, как долго это продолжалось. Внезапно я опять ощутил себя самим собой. Я держал за руку Каттею, которая, судорожно глотая воздух и стеная, дергалась всем телом, как в падучей. Свободной рукой я взял ее за плечо, стараясь сдержать эти конвульсии, и заметил, что Кемок тоже вцепился в нее обеими руками.

Она резко вскрикивала и дергалась так, что мы едва удерживали ее на месте. Глаза сестры были закрыты. Казалось, сознание покинуло ее, и тело само

собой продолжает противиться тем мукам, которые она ему навязала.

Вдруг она пронзительно закричала, изогнулась дугой и так застыла, а над ее телом возник узкий и длинный язык света, который чуть покачивался, как пламя свечи на ветру. Каттея задрожала и открыла глаза. Порожденное ею свечение изменило форму — оно приобрело вид крылатого жезла и больше не двигалось.

Поддерживаемая нами под руки, Каттея опустилась на колени перед этим сгустком света и стала что-то наговаривать — как тогда, когда общалась с фланнаном. Все еще соприкасаясь с нею разумом, мы были способны улавливать смысл произносимых ею слов: она твердила древние заклинания, уговаривая свое бестелесное создание быть послушным и послужить ей.

— Теперь лети! — крикнула она под конец.

Светящийся жезл исчез. Каттея поднялась с колен и провела по себе руками, будто снимая боль.

Я подбросил сучьев в костер. Огонь осветил Каттею, и она показалась мне чуть ли не старухой. Ее искаженное болью лицо ужасно осунулось. Кемок шагнул к сестре и притянул ее к себе. Она приникла к его плечу и, постояв так, подняла голову и провела рукой по его щеке.

— Вот и все, — сказала она, — кончились мои муки. Вы помогли мне, братья. Это дитя не связано ни пространством, ни временем. Наш посланец вернется и укажет нам путь, уверяю вас в этом. А теперь давайте спать.

Сестра и брат скоро уснули. Мне почему-то не хотелось ложиться; что-то не давало покоя, и я не мог понять что. Опасения за жизнь Каттеи? Но ее муки кончились. Боязнь подвергнуться нападению? Но мы находились на безопасном месте. Мой собственный проступок? Скорее всего. «Мне предстоит расплатиться за содеянное, — сказал я себе. — А пока лучше выкинуть это из головы».

Я улегся на подстилку, закрыл глаза и уже начал дремать, как вдруг был взбудоражен столь знакомым мне звуком: в ночи послышалось лошадиное ржание!

10

Я услышал глухой стук копыт и увидел — или мне это только показалось? — как раза два полыхнули белые вспышки на той стороне реки, откуда явились напавшие на нас куторы. Я заставил себя забыть об этих тварях и стал думать о лошадях, настраиваясь на то, чтобы утром что-нибудь разведать о них. Предавшись этим мыслям, я успокоился и уснул.

Поднялся я раньше всех, хотя лег последним. Угольки в костре догорели и только чуть-чуть дымились. Было холодно. Над рекой клубился туман, цепляясь за островок белесыми щупальцами. Я бросил на тлеющие угли охапку хвороста и присел, чтобы раздуть огонь, как вдруг увидел, что на другой стороне потока стоит конь, пришедший на водопой.

Кони торской породы в Эсткарпе считаются самыми резвыми и выносливыми. Но они отнюдь не красавцы: их шерсть не блестит, как бы за ними ни ухаживали, и они весьма низкорослые. Природа не наделила их статью и красотой, и с этим оставалось только мириться. Казалось, лучших коней можно было увидеть лишь во сне. И сейчас мне думалось, что я вижу сон: на берегу реки стоял так-таки сказочный конь — вороной масти, крупный, с длинными, стройными ногами.

Я смотрел на жеребца, и во мне разгоралось неодолимое желание завладеть им. Он поднял голову и посмотрел в мою сторону — без испуга, а скорее с любопытством, и я понял, что передо мной — дикий, не ведавший узды конь.

Он стоял и смотрел на меня, пока я двигался к краю островка. Затем, точно утратив ко мне интерес, он снова опустил голову и стал пить. Немного погодя он еще глубже вошел в реку, наверное получая удовольствие от того, что вода холодила ему ноги. Он завораживал меня своей красотой.

Не задумываясь, я стал нащупывать мысленный контакт с благородным животным, чтобы как-то удержать его, не дать уйти. Жеребец вскинул голову и захрапел. Он попятился из воды на берег и остано-

вился, глядя на меня с любопытством и настороженностью.

Сбросив шлем, кольчугу и оружие, я кинулся в воду и поплыл к коню, который нервно бил копытом и потряхивал гривой, оставаясь, однако, на месте.

«Он дожидается меня! Он будет моим!» — торжествовал я. Никогда еще мой контакт с животными не был таким успешным.

Когда я выбрался на берег, с меня ручьями текла вода. Она хлюпала и в сапогах, но я почти не замечал этого — все мое внимание было сосредоточено на большом прекрасном животном, которое ждало меня. Меня!.. Я подошел к коню и протянул к нему руку. Он опустил голову и, ткнувшись мордой в мою ладонь, шумно выдохнул воздух. Он позволил мне похлопать себя по крупу и вообще вел себя так, как будто давно был моим и понимал каждое мое движение. У меня не было сомнений, что он мне полностью послушен. Обхватив коня за шею, я вскочил ему на спину. Он тут же двинулся рысью, а затем пошел ровным наметом. Я был в восторге от его мощного хода. Никогда мне не приходилось скакать на таком сильном и гордом красавце. Радость от езды пьянила меня, как вино. Этот конь казался мне божеством, явившимся из далекого прошлого.

Где-то позади осталась река, перед нами простиралась открытая равнина. В этот миг в мире существовали только мы двое — одинокие и свободные. Едва уловимое волнение возникло в моем мозгу: «Только мы двое? Но ведь кто-то остался там — на реке...» Конь чуть напрягся и перешел в галоп. Я глубже запустил пальцы в его развевавшуюся на ветру гриву. Мы неслись по равнине, и меня переполняло ликование.

Уже поднялось солнце. Жеребец не сбавлял бега, словно его мышцы не знали усталости. Я понял, что он может так бежать час за часом. Мое ликование сменилось растерянностью. Река... Я оглянулся назад. Там далеко-далеко виднелась едва заметная дымка... Река, посреди которой островок...

«Да ведь там же Каттея и Кемок! Я, похоже, забылся, — пронеслось у меня в голове. — Назад! Надо немедленно возвращаться назад!» Для того, чтобы уп-

равлять конем без узды, мне не оставалось ничего иного, кроме как попытаться воздействовать на него силой мысли, и я приказал ему вернуться.

Это ни к чему не привело: жеребец продолжал галопом нестись вперед. Я снова попробовал воздействовать на него, но конь не сбавил бега и не изменил направления. Я сосредоточил всю волю на том, чтобы внушить животному свой приказ.

Вдруг до меня дошло, что подо мной никакой не конь, а создание, мне совсем чуждое и неведомое, и я почувствовал себя так, словно очутился по горло в болоте, а мои попытки подчинить это существо своей воле подобны барахтанью утопающего в горном потоке. Было ясно, что я оказался в какой-то колдовской ловушке, в которую завлек меня этот неукротимый зверь.

Я не решался соскочить с него из опасения сломать шею. «Куда и зачем уносит он меня?» — спрашивал я себя, мучимый мыслью о том, что все это, случившееся по моей глупости, неминуемо навлечет беду на сестру и брата.

«Они воспользуются мною как приманкой для Каттеи и Кемока, — подумал я. — А кстати, кто это — они? Кто они, правители этой страны, и что им от нас надо?» Я не сомневался, что сила, которая распоряжалась мною, была по своей природе губительной — вроде той, которая действовала на меня там, в лабиринте. Однако в этот раз мне следовало воздержаться от призывов о помощи.

Промчавшись через равнину, мы влетели в какой-то диковинный лес: здесь росли деревья, покрытые не зеленой, а совсем прозрачной, пепельной листвой. Их стволы и ветви были серые и как бы высохшие. Лес, словно смрадом, был пропитан флюидами зла.

Через него вела мощеная дорога. Копыта жеребца грохотали по ней так, будто он был подкован. Теперь он бежал почему-то не прямо, а петляя, и у меня вовсе пропало желание соскочить с него. Мне казалось, что сама земля источает здесь смертельный яд.

Лес кончился. Конь продолжал галопом нести меня по дороге. Впереди показались стены и башни города... По мере нашего приближения к нему все явствен-

нее ощущалось, что в городе витает тлетворный дух, и людей в нем нет. С каждым мгновением во мне росла уверенность, что, оказавшись в его стенах, я перестану существовать как Килан Трегарт.

Мчась навстречу своей гибели, я думал о сестре и брате, которых невольно предал, и во мне вскипала ярость. «Нельзя больше оставаться послушным злой силе! — сказал я себе. — Я должен немедля сразиться с ней!»

Собрав всю свою волю, я воспротивился тому, что несло меня навстречу смерти. Конь чуть сбавил бег и свернул с дороги. В ответ на мой выпад притягивавшая меня злая сила еще неодолимей стала действовать на меня — как магнит на стальные опилки. Конь продолжал бежать в сторону города. Я понимал, что обречен, но старался не впадать в панику, намереваясь сопротивляться до конца. Что-то, как вспышка, мелькнуло в небе, и я присмотрелся. Большая птица парила над нами, ее крылья переливались зеленоватым светом. Фланнан? Тот самый, что прилетал на островок? Что ему здесь нужно?

Внезапно птица ринулась вниз, прямо на нас. Жеребец вильнул в сторону и заржал рассерженно, но не сбавил бега. Снова и снова птица бросалась на нас, вынуждая коня изменить направление, пока он не повернул на север, в сторону холмов, поросших лесом — но зеленым, а не пепельно-серым.

Фланнан неотрывно летел над нами, следя за тем, чтобы конь не сворачивал с пути. Во мне затеплилась искорка надежды. Фланнан оказал мне добрую услугу, и хотелось верить, что он будет и впредь моим союзником и проводником в этой насыщенной пагубной силой стране.

Мне пришло в голову позвать себе в помощники еще какое-нибудь доброе существо, пользуясь чувством мысленного контакта, который так легко устанавливался между мной и сестрой или братом. Но из этого ничего не вышло, и я оставил попытки из опасения навлечь беду на них самих. Я надеялся, что им пока ничто не угрожает.

Мы пронеслись по холмам, покрытым лесом, и теперь преодолевали склоны каких-то гор. Они не были

так сильно иссечены изломами и складками, как горы, через которые мы пришли в эту страну, но все же бугров и впадин было предостаточно. Здесь нельзя было мчаться во весь опор. Я снова попытался мысленно коснуться разума жеребца и уловил, что он полностью подчинен одному только приказу: бежать и бежать, и мне не удалось освободить его от этого внушения.

Бешеная скачка кончилась, когда мы, перевалив хребет, оказались на тропе, идущей по краю обрыва. В мгновение ока я распрощался со всеми своими надеждами, ибо фланнан, в очередной раз бросившись на нас с небес, испугал коня, и тот спрыгнул с тропы — в пропасть...

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он начинает задумываться над тем, что такое смерть. Быть может, и противоестественно думать об этом, когда ты молод, но если ты — воин, ты постоянно ощущаешь дыхание смерти, ибо она скрывается за каждым взмахом вражеского меча. Воину не избежать размышлений о том, что происходит с человеком, когда перед ним раскрываются последние врата.

Один верит, что за теми вратами он продолжит свое существование — но в ином мире, где ему будет воздано за добро и зло, сотворенное им при жизни. Другой считает, что со смертью душа навсегда погружается в сон и растворяется в небытии.

Я и не подозревал, что расставание с жизнью — это долгая и невообразимая мука. Мир по ту сторону жизни оказался состоящим из одной лишь боли. Боль стала сутью моего посмертного бытия. Тела больше не существовало, я превратился в пламя, пожиравшее самое себя.

Но я не остался по ту сторону врат. Ко мне вернулось ощущение того, что я все еще во плоти, вернулась способность видеть... Надо мной было небо — голубое небо, к какому я привык при жизни. На его фоне я различил ветку дерева — сломанную и размочаленную на конце... Но невыносимая боль во всем теле туманила сознание и мгновениями ослепляла настолько, что я не видел ни неба, ни дерева с размочаленным суком.

Затем в отупевшем от боли мозгу мелькнула догадка: я испытываю все эти муки потому, что еще жив, и мне придется страдать до тех пор, пока смерть не избавит меня от них. Я закрыл глаза и, собрав остатки воли, стал призывать смерть.

Через некоторое время почувствовав, что боль притупилась, я открыл глаза, полагая, что смерть и в самом деле близка, поскольку не раз видел, как умирали люди, и знал, что в состоянии предсмертной агонии всякая боль пропадает. На ветке теперь сидела птица — не фланнан, а обычная птица, яркой голубовато-зеленой окраски, и поглядывала на меня. Заметив, что и я за ней наблюдаю, она подняла голову и испустила громкий и долгий призывный крик. Я подумал: «Неужто такая красивая птица питается мертвечиной, как те зловещие черные грифы, что летают над полями сражений?»

Я по-прежнему испытывал боль во всем теле, но она стала терпимей. Я попытался повернуть голову, но мышцы не слушались меня, они словно омертвели. Небо, ветка дерева, сидящая на ней птица — к этому сводился сейчас мой мир, и оставалось утешаться тем, что небо было голубым, птица — сказочно красивой, а боль — терпимой...

«Выходит, я могу не только видеть, раз услышал, как кричала сидящая надо мной птица», — подумал я и тут же уловил еще какой-то звук... Стук копыт! «Что это — черный жеребец? — удивился я. — Ну уж теперь-то он не сможет заманить меня к себе на спину. Хотя, похоже, я слишком дорогой ценой избежал ловушки». Стук копыт прекратился, вместо него послышались какие-то шорохи. Я не стал к ним прислушиваться, меня ничто уже не волновало. Ничто...

Передо мной возникло женское лицо.

Где найти слова, чтобы описать сон? Мне грезилось существо, сотканное из тумана. Какой светлый лик! Таких не встретишь в жизни...

Внезапно меня снова пронзила резкая, невыносимая боль. Я закричал, и крик эхом отдался в моем мозгу. Что-то прохладное коснулось моего лба, я перестал ощущать боль и провалился в небытие...

Передышка была недолгой, ко мне вернулось сознание. В этот раз я не увидел ни сломанной ветки, ни птицы, ни призрачного лика — лишь голубое небо. Но боль по-прежнему оставалась со мной, вспыхивала то здесь, то там — в разных местах моего разбитого тела, которое, казалось, кто-то подвергал новым, совсем бессмысленным пыткам.

Я стонал и просил моего мучителя оставить меня в покое, но он был глух к моим мольбам. Мне приподняли голову и что-то подложили под нее. Я открыл глаза, чтобы разглядеть тех, кто так безжалостно издевался надо мной.

Картина, которая мне открылась, была дрожащей и размытой — скорее всего из-за помутнения в глазах. Сначала я увидел свое тело — если то, что предстало моему затуманенному взору, можно было так назвать. Разум отказывался осмыслить кровавое зрелище. Большая часть ран была уже залеплена какой-то грязью красноватого цвета, оставшиеся обрабатывались таким же способом. Мне было трудно в полуобморочном состоянии разглядеть тех, кто возился со мной, но я пришел к заключению, что это были какие-то звери. Двое из них таскали в передних лапах комья красноватой глины и нашлепывали ее на мои неподвижные конечности. Вместе с ними суетился еще один зверь, покрытый чешуей, ярко поблескивающей на солнце. Четвертое существо, которое с большой осторожностью накладывало первый слой грязи на мои раны, было похоже... на фею из моего сна!

Ее очертания были зыбки и переменчивы, она казалась то призраком, то существом во плоти, и я не понимал, чем объясняется эта переменчивость: то ли нарушением моего восприятия, то ли свойством ее существа. Но в одном я почему-то не сомневался — она желала мне добра.

Неведомые звери трудились сосредоточенно и расторопно, замазывая и залепляя мои раны и переломы. Было непохоже, что они готовят мое тело к захоронению, но их поведение говорило о том, что они занимаются делом важным и тонким.

Ни одно из этих созданий ни разу не взглянуло на меня. Они делали вид, будто и не подозревают, что я

наблюдаю за их действиями. Это начало меня беспокоить — я задался вопросом: вижу ли я все наяву или это всего лишь вызванная болью галлюцинация?

Но вот мне положили последний ком глины под подбородок, и фея, возглавлявшая эту странную компанию, нагнулась надо мной и, разгладив пальцами глину, посмотрела мне в глаза. И поразительно — даже на таком расстоянии я не мог сделать никакого заключения о ее облике, настолько он был изменчив. В какой-то момент мне казалось, что ее волосы — темные, лицо — чуть продолговатое, глаза — вполне определенного цвета; но спустя мгновенье волосы оказывались русыми, глаза — совсем другого цвета, линия подбородка — тоже иной. Этот калейдоскоп лиц, принадлежащих одной и той же женщине, так ошеломил меня, что я поневоле закрыл глаза.

Потом я почувствовал на лбу ее руку и услышал, как фея тихо запела — так моя сестра напевала свои заклинания. От ее руки исходил успокаивающий холодок, который распространялся по всему моему телу. Боли утихли, и у меня появилось ощущение, будто я освободился от своего тела и существую вне пространства и времени — в каком-то ином мире.

В этом мире я без слов общался с бесплотными существами, занятыми чем-то не доступным моему пониманию, но я почему-то знал, что в их занятии есть какой-то тайный смысл. Дважды я возвращался в свое тело и, открыв глаза, видел перед собой женское лицо — каждый раз незнакомое. И в первый раз я видел его на фоне лунной ночи, а во второй — на фоне дневной голубизны и облаков.

Каждый раз, ощутив на себе мой взгляд, фея касалась меня рукой и тихо пела, а я вновь покидал и свое тело, и этот мир, смутно сознавая, что ищу не смерти, но жизненного обновления.

Пробудившись в третий раз, я почувствовал, что возле меня никого нет. Мой ум был ясен — каким не был с того утра, когда мне довелось связаться с проклятым жеребцом. Я по-прежнему лежал с приподнятой головой, что давало мне возможность осмотреть глиняный саркофаг, в который было замуровано мое тело. Глина высохла и затвердела на солнце. Никто

больше не держал рук у меня на лбу и не пел заклинаний. Это обеспокоило меня, и я попытался повернуть голову, чтобы разобраться, где же я нахожусь.

11

Слева от себя я увидел крутой и круглый, как стенка чаши, склон. У его подошвы бурлила пузырями большая лужа грязи — того же красноватого цвета, что и глина, которой я был обмазан. Над ней струйками подымался пар. Я медленно повернул голову направо, и обнаружил почти ту же картину: такой же склон и под ним такая же лужа, только грязь в ней была погуще и пыхала, как забродившее тесто.

Среди этого бульканья и пыханья я вдруг различил какой-то вой — в котором слышалось столько боли, что во мне едва не пробудились недавние переживания. Какой-то зверь показался на кромке котловины и заскользил по ее склону. Он выгибал спину дугой, его движения были скованными и угловатыми, и я понял, что зверь сильно покалечен.

Это был снежный барс! Его густая шерсть была обагрена кровью, а на боку зияла рана — такая глубокая, что я заметил в ней белизну оголившегося ребра. Жалобно скуля, он полз по направлению к ближайшей луже грязи. Собрав остатки сил, зверь погрузился в лужу раненым боком и затих. Его морда была обращена ко мне. Барс больше не скулил, и я бы решил, что он мертв, если бы не было заметно, как он дышит.

Несмотря на то, что моя голова была приподнята, обзор был ограничен. Я разглядел еще несколько луж в этой впадине и возле некоторых — холмики грязи, которые могли свидетельствовать о других страдальцах, приползших сюда со своими болячками.

Я вдруг осознал, что боли, которые терзали меня, исчезли. У меня не было желания ни двигаться, ни ломать сковывавшую меня глиняную корку. Я чувствовал приятную истому и удивительную легкость во всем теле.

На высохшей грязи вокруг виднелось множество вмятин; они остались и в глине, наложенной на меня. Я попытался разглядеть следы получше. Мне хотелось знать, было ли то явью или я видел сон, будто лежу в грязи, весь истерзанный и окровавленный, а двое мохнатых существ и одно, покрытое чешуей, заляпывают меня глиной, послушные многоликой фее... О ней самой свидетельствовал лишь четко обозначившийся отпечаток руки, прямо над моим сердцем.

Тонкие пальцы, узкая ладонь — это был след, оставленный рукой человека, а не лапой зверя или рептилии.

Я взглянул на барса. Его глаза были закрыты, но, как и прежде, было заметно, что он еще дышит. Защитная корка грязи уже начала засыхать на нем. Ни с того ни с сего мне вспомнились Каттея и Кемок, и я подумал: «Сколько же времени прошло с того момента, как я покинул их, соблазнившись злосчастной приманкой?»

Во мне появилось неудержимое стремление действовать, и я попробовал пошевелиться, но засохшая, спекшаяся на солнце глина не позволяла мне двинуть и пальцем. «Пленник в каменном мешке!» — подумалось мне, и это открытие вмиг вытеснило из головы все другие мысли.

Не знаю, почему я не закричал во весь голос. Вместо этого я возопил мысленно, но обращался не к брату и не к сестре, а к той, которая существовала, быть может, лишь в моем воображении.

— Что ты намерена сделать со мной?

Тотчас что-то юркое заскользило по склону котловины в мою сторону. Я не встречал в Эсткарпе подобного существа. Да, это была ящерица — но необычная: она не вызывала чувства неприязни, какое часто испытываешь по отношению к рептилиям. Напротив, она была мне даже чем-то симпатична. Остановившись у меня в ногах и встав на задние лапки, ящерка запрыгнула на саркофаг и проковыляла ко мне на грудь. Она уставилась на меня глазками-бусинками, и я почувствовал, что ее узкая, увенчанная гребешком головка наделена разумом.

— Привет, — сказал я.

В ответ ящерица пискнула — странный звук для чешуйчатой твари — и тут же исчезла, мелькнув зеленой искоркой вверх по склону.

Ее появление удивительным образом избавило меня от страха навсегда остаться замурованным в глине. Во мне появилась уверенность, что ни ящерица, ни те, кто оставил меня в одиночестве, не хотели мне зла. Как мое самочувствие, так и поведение снежного барса подтверждало мою догадку — это место было целебным, неспроста сюда сползалось больное зверье залечивать свои раны. Очевидно, я тоже оказался здесь не случайно. Можно было не сомневаться, что в оазисе живительной силы нет места злу. Какое-то возбуждение, вызывающее даже покалывание в коже, говорило мне, что вот-вот должно произойти что-то важное.

Вскоре несколько больших ящериц соскользнули вниз по склону котловины; за ними неспешно спустились два мохнатых зверя, которые своими заостренными мордами и пышными хвостами напоминали лазающих по деревьям ленивцев, — мне доводилось видеть их в Эсткарпе, только они были гораздо крупнее.

Следом появилась моя фея. Она бежала по склону легко и проворно, темные волосы струились по ее плечам. Только вот были ли они в самом деле темными? Уже через мгновение те же волосы виделись мне рыжеватыми, а еще через минуту — соломенными. На ней была голубовато-зеленая облегающая тело туника, с широким, унизанным изумрудными камешками поясом; на тонких запястьях обнаженных рук поблескивали браслеты с такими же камешками, а на ремне, перекинутом через плечо, покачивался золотой лук и колчан со стрелами.

Мне удалось разглядеть одеяние, но как ни старался, я не мог уловить черты ее лица, и это меня раздражало.

— Кто ты? — спросил я напрямик, едва она склонилась надо мной.

Она засмеялась в ответ и коснулась рукой моей щеки, лба... У меня словно бы прояснилось зрение: я наконец увидел ее лицо или, возможно, одно из мно-

жества ее лиц, но увидел ясно — черты больше не ускользали, не изменялись.

Женщин древней расы трудно спутать с другими: их отличает правильный овал лица, несколько заостренный подбородок, маленький рот, большие глаза. Всеми этими чертами была наделена склонившаяся надо мной фея. Помимо того, в ней угадывалось нечто особенное, что-то отличающее ее от других людей. Она могла пленить любого мужчину.

Гвардейцы могут судить о женщинах, ибо не чураются их в отличие от сокольничьих. Я тоже никогда не сторонился прекрасного пола, но откровенно говоря, женщины древней расы несколько холодны. Возможно, это у них в крови, а может быть, их колдовские способности стали своеобразным барьером между ними и мужчинами. Во всяком случае, я не увлекся серьезно ни одной женщиной Эсткарпа, довольствуясь мимолетными встречами с ними. Совсем иное чувство пробудилось во мне при взгляде на незнакомку, склонившуюся надо мной. Я испытал волнение, доселе мне неведомое.

Рассмеявшись, она снова стала серьезной и пристально посмотрела на меня.

— Скорее, это я должна спросить тебя — кто ты. — Она не боялась показаться неучтивой.

— Я Килан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — ответил я безо всякой обиды, чувствуя ее власть над собой. — И в свою очередь, хотел бы узнать твое имя.

— У меня много имен, Килан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — передразнила она.

Я не смутился.

— Назови хотя бы парочку.

— Ты, я вижу, за словом в карман не полезешь, — сказала она с иронией. — Может, я и назову себя — но попозже.

— Так и я ведь не всякому называю свое имя, — сказал я.

Ее пальцы дрогнули, она слегка отстранилась от меня, и я испугался, что из-за этого черты ее лица опять утратят четкость, но этого не произошло.

— Я — Дагона, — сказала она. — А еще меня зовут Моркантой — Хозяйкой Зеленого...

— Зеленого Безмолвия, — перебил я ее и тут же спросил себя: «Может, все это — сказка?» Отнюдь. Передо мной была живая женщина, и я чувствовал успокаивающую прохладу, которая исходила от ее рук.

— Значит, ты меня знаешь, Килан из рода Трегартов? — спросила она.

— Скорее, я знаю кое-какие легенды, — ответил я.

— Легенды? — переспросила она. — Легенда — это сказка, в которой есть доля истины, а я не считаю себя порождением чьей-то фантазии. Но скажи мне, храбрый воин, уверенный в том, будто Дагона всего лишь легенда, — что такое Эсткарп и где он.

— Это страна за горами на западе, — ответил я.

Она резко, будто обжегшись, отдернула руку, и ее лицо вновь поплыло у меня перед глазами.

— Неужто я такое чудовище? — спросил я.

— Как знать... — Она снова коснулась меня, и я увидел ее отчетливо. — Нет, конечно же, нет, хотя я и не пойму пока, кто ты. Существующее-Само-По-Себе попыталось увлечь тебя кеплианом, но ты оказался крепким орешком. Ты воспротивился пленению необычным образом, что позволило мне уловить в тебе силу добра, а не зла. Однако горы и то, что находится за ними, источают только зло — так говорят об этом наши легенды. Зачем ты пришел сюда, Килан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа?

Я почему-то доверился ей полностью и ничего не хотел скрывать.

— Зачем? — повторил я. — В надежде найти здесь убежище.

— Отчего же ты бежал? — спросила она. — Чем навлек ты на себя чей-то гнев?

— Тем, что не захотел быть таким, как все, — ответил я.

— Того же не захотели твои сестра и брат. — Она улыбнулась.

— Ты знаешь о Каттее и Кемоке? — удивился я. — Что с ними?

— Они выбрали свой путь, Килан. Твоя сестра прибавила нам хлопот. Мы не нуждаемся в колдунь-

ях, они приносят стране лишь беды. Была бы она чуть постарше да поопытней, она не стала бы без нужды мутить воду в омуте. Пока что ей все сходит с рук, но так не может продолжаться долго — во всяком случае здесь, в Эскоре.

— Я вижу, ты одна из Мудрейших, — проговорил я с такой уверенностью, как если бы обнаружил у нее на груди Колдовской Камень. Однако я понимал, что она по сути своей не имеет ничего общего с владычицами Эсткарпа.

— Мудрость бывает разной, как известно, — в голосе Дагоны прозвучала ирония. — Когда-то, очень давно, Путь Мудрости, которого придерживался древний народ Эскора, разветвился, и теперь в этой стране сосуществуют разные представления о ней. Они сильно отличаются одно от другого исходными моментами, а значит, и тем, что привносят в жизнь. Но за долгие годы Зеленый народ сумел установить равновесие между добром и злом и научился его поддерживать. Всякое же чужое колдовство, творимое даже с благой целью, способно только нарушить это равновесие и тем самым пробудить неведомые силы, всем на погибель. Твоя сестра этого не понимает. Она похожа на ребенка, который крутит прутиком в омуте, пуская рябь по воде, и не ведает о том, что дразнит этим дремлющее на его дне чудовище. Однако... — Она замялась, выражение ее лица изменилось, и я увидел в ней совсем юную девушку, вроде Каттеи. — Однако мы не можем запретить ей творить колдовство; мы только хотели бы, чтобы она занималась этим не здесь. — На ее лице снова появилась улыбка. — А теперь, Килан из рода Трегартов, давай освободимся от панциря.

Ее рука легла на глиняную корку у меня над грудью. Ногтем большого пальца Дагона прочертила на спекшейся глине линию вдоль моего туловища. Такие же линии она прочертила на руках и ногах.

Сопровождавшие ее звери тут же принялись соскребать глину вдоль этих линий и отламывать ее по кусочкам. Они трудились проворно, и по их движениям было видно, что им не впервой заниматься таким делом. Дагона встала и направилась к покалеченному

барсу. Она присела возле него и, разглядывая, как засохла глина на нем, поглаживала его по голове.

Несмотря на проворство ее помощников, им понадобилось достаточно много времени, чтобы высвободить меня из саркофага. Наконец, я поднялся из углубления, которое в точности повторяло форму моего тела. Оно было цело, но хранило на себе следы только что заживших ран.

— Смерть безвластна здесь, главное — попасть сюда, — сказала Дагона.

— И как же я оказался здесь, моя госпожа? — спросил я.

— При содействии многих сил, храбрый воин, у которых ты теперь в долгу, — ответила Дагона.

— Я готов заплатить свой долг, — сказал я рассеянно, смущенный своей наготой.

— А я вынуждена его увеличить, — засмеялась она. — То, в чем ты сейчас нуждаешься, найдешь там...

Она продолжала сидеть на корточках возле большой кошки, только показала рукой в сторону откоса. Я метнулся вверх по склону, сопровождаемый парой ящериц.

Наверху росла трава — почти по колено, мягкая и сочная. Между двух валунов лежал узел, стянутый ремнем. Я развязал его и начал знакомиться со своим новым одеянием. Все было завернуто в плащ зеленого цвета — одежда казалась сшитой из хорошо выделанной, мягкой кожи; на самом же деле это был какой-то неизвестный мне материал. Сапоги с мягкой подошвой были пристегнуты к штанинам, а на безрукавой куртке я не нашел пуговиц — их заменяла большая металлическая бляшка на уровне живота, отделанная голубовато-зеленым камнем, вроде тех, что были на украшениях Дагоны. На пояс, как я понял, мне следовало повесить не меч, а металлическую трубку длиной в локоть и толщиной с палец — какое-то неведомое мне оружие.

Одеяние подошло мне так, будто было сшито специально для меня. Я чувствовал себя в нем очень свободно, как ни в одном из тех, в которые мне приходилось облачаться раньше. Вот только руки у меня то

и дело тянулись к поясу, в безуспешной попытке нащупать старый добрый меч и самострел — оружие, к которому я привык.

Перекинув плащ через плечо, я пошел обратно, на край котлована, который оказался гораздо шире, чем я предполагал. По всему его дну беспорядочно были разбросаны лужи с булькающей грязью, и в некоторых из них смирехонько лежал какой-нибудь зверь, а то и птица.

Дагона все еще сидела возле барса, гладя его по голове. Но вот она обернулась и помахала мне рукой. Затем она поднялась наверх и, остановясь шагах в пяти, окинула меня взглядом.

— Ну вот, Килан из рода Трегартов, теперь ты — зеленый, — сказала она.

— Зеленый? — переспросил я. Наконец, я мог как следует разглядеть ее, но так и не понял, какого цвета ее волосы и глаза.

— Ну да, один из Зеленых Людей. — Она показала рукой на мой плащ. — Хотя сходство у тебя с ними сейчас только в наряде. Но и этого пока достаточно. — Она поднесла руку ко рту тыльной стороной, как делала Каттея, когда погружалась в колдовство, и вдруг издала громкий, чистый звук, подобный звучанию горна на высокой ноте.

Топот копыт заставил меня резко обернуться. Хотя разум и говорил мне, что можно не опасаться появления злосчастного жеребца, но все же по спине пробежали мурашки.

Пара похожих на лошадей животных выскочила из рощи и устремилась к нам. Они легко бежали, держась вровень, и по мере их приближения я все больше убеждался, что это не лошади. Они скорее напоминали антилоп, правда, были гораздо крупнее. Ни длинного, как у лошади, хвоста, ни гривы я не заметил, зато на голове у них красовался большой, плавно изогнутый вдоль шеи рог. Шерсть у обоих животных была светло-рыжей и блестела. Несмотря на их дикобинный вид, они показались мне очень красивыми.

Остановившись перед Дагоной, они повернули головы в мою сторону и посмотрели на меня большими умными глазами.

— Шабр... Шабрина, — представила мне их Дагона, и они по очереди поклонились — я бы сказал, с достоинством. Из травы вынырнула одна из ящериц и побежала к Дагоне. Та нагнулась и позволила ей взбежать по руке на плечо.

— Шабр в твоем распоряжении, — сказала Дагона, и один из рогачей подошел ко мне. — Этого скакуна ты можешь не бояться.

— Ему приказано везти меня к реке? — спросил я.

— К тем, кто тебя ищет. — Ее ответ показался мне странным. — Желаю тебе всего наилучшего.

— А ты... разве не едешь со мной? — удивился я.

Запрыгнув на Шабрину, она повернулась и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Почему я должна ехать с тобой? — спросила Дагона.

— Потому что я не могу расстаться с тобой вот так... — только и сказал я.

— Ты считаешь себя должником? — улыбнулась она.

— Да, я обязан тебе жизнью, — признался я, — но даже если бы и не был твоим должником, то все равно постарался бы разыскать тебя.

— Это не зависит от твоего старания.

Я кивнул.

— Знаю, госпожа. И поскольку у тебя нет никаких обязательств передо мной, реши сама, как поступить.

Она поиграла одним из своих длинных, доходящих почти до пояса локонов.

— Складно сказано. Ты забавен. Я думаю, мне будет небезынтересно пообщаться еще с одним выходцем из Эсткарпа. А пожалуй, мне следует повидаться и с твоей сестрой, которая наделала здесь столько шуму. Решено — еду с тобой. Эй-хо! — крикнула она, и Шабрина понеслась вперед.

Я вскарабкался на своего скакуна, ухватился за его рог и мне стоило немалого труда удержаться на его спине, когда он рванул следом за своей подругой.

Сквозь тучи пробилось солнце, и теперь Дагона была уже не темноволосой, — ее волосы, развевающиеся на ветру, отливали золотом, а сама она казалась воплощением стремительного движения.

12

Какой-то зверь неуклюже бежал вприпрыжку почти наперерез нам. Он то рывками двигался на трех конечностях, выставив вперед согнутую четвертую, то поднимался на две задних и ковылял на них. Дагона остановила Шабрину, и зверь приблизился. Задрав вверх узкую голову, он оскалил клыкастую пасть — на его черных губах белели клочья пены. Его темно-серая шерсть была не то полосатой, не то пятнистой. Он держал на весу и немного выставив вперед кровоточащую культю, в которую превратилась его передняя лапа в какой-то схватке.

Зверь зарычал и стал обходить Дагону стороной. У меня зашевелились волосы на голове, когда я вдруг разглядел, что это не просто зверь, а помесь волка и человека.

— Между нами мир, — прорычал человек-волк, взмахнув кровоточащей лапой.

— Между нами мир, — ответила Дагона. — Странно видеть тебя здесь, Фиккольд. Неужто дела так плохи, что тебе приходится искать спасения у нас?

Человек-волк сверкнул желто-красными глазами.

— Придет время... — рыкнул он.

— Да, придет время, Фиккольд, и мы сразимся с вами открыто, — прервала его Дагона. — Похоже, ты с кем-то уже сразился — не в свою пользу.

Существо отвернулось от Дагоны, будто не могло выдержать ее взгляда, уставилось своими желто-красными глазами на меня, и ощетинившись, глухо зарычало, намереваясь броситься. Я услышал окрик Дагоны.

— Не смей, Фиккольд! Пользуешься правом Договора, так и ступай себе с миром...

Человек-волк перестал щериться, и шерсть у него на загривке улеглась.

— Выходит, ты с ними заодно, Морканта? — прошипел он в ответ. — А ведь это не понравится не только серым. Я Договора не нарушу, а вот ты, кажется, забылась. И коль вступаешься за чужеземцев, то поторапливайся, они нуждаются в помощи.

Еще раз оскалившись на меня и прижав кровоточащую лапу к мохнатой груди, Фиккольд заковылял в сторону котлована с целительной грязью.

Я понял его намек: Кемок и Каттея — в опасности. Недолго думая, я пустил своего скакуна по кровавому следу

Дагона тут же догнала меня.

— Так нельзя! — крикнула она мне. — Нельзя скакать прямо по следу, ты станешь уязвимым.

Она заставила Шабрину бежать зигзагом, то и дело пересекая кровавую дорожку, которую Фиккольд оставил за собой. И хотя мне было досадно тратить время на такое маневрирование, я последовал ее примеру.

— Он сказал правду? — спросил я, поравнявшись с нею.

— Да, ибо ему такого просто не выдумать. — Дагона нахмурилась. — И если серые обнаглели до того, что не побоялись выступить против Силы, которой владеет твоя сестра, то это значит, что равновесие добра и зла нарушилось...

Она опять поднесла руку ко рту — как в тот раз, когда вызывала рогачей из рощи, однако я ничего не услышал. Звук возник у меня в голове — пронзительный и болезненный. Рогачи вскинули головы и заржали.

Я не очень-то удивился появлению фланнана. Он приблизился к Дагоне и, часто взмахивая крыльями, полетел с нею рядом. Немного спустя она с озабоченным видом повернулась ко мне.

— Фиккольд говорил правду, — сказала она. — Однако эта правда оказалась более суровой, чем я думала, Килан: твои сестра и брат попали в ловушку. Их заманили в гиблое место и заключили в три круга, разорвать которые не способна никакая колдунья,

владеющая Силой настолько, насколько ею владеет твоя сестра. И она, и твой брат обречены пребывать в заточении, пока не умрут...

Я не раз смотрел смерти в лицо и потому спокойно относился к мысли о том, что она скрывается за каждым взмахом вражеского меча. Но я не мог допустить, чтобы, пока я дышу, смерть грозила Каттее и Кемоку, — неважно, есть у меня какое-нибудь оружие или нет. Я ничего не сказал Дагоне, но был полон решимости постоять за сестру и брата, тем более, меня все время мучали угрызения совести.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь и на что решился, — сказала Дагона. — Но для этого требуется не только решимость и сила в руках. Где твое оружие?

— Я раздобуду его, — выдавил я сквозь зубы.

— А пока тебе остается только пользоваться вон той вещицей. — Дагона показала на стержень, который висел у меня на поясе. — Не знаю, подойдет ли тебе это оружие — оно для тебя непривычно. Им надо действовать как кнутом. Попробуй.

Мне вспомнились трескучие вспышки голубого огня, которым всадник-незнакомец истребил преследовавших нас кутор. Я отстегнул стержень от пояса и резко взмахнул им — так, как если бы к его концу была прикреплена плеть.

Раздался громкий треск, и яркий огненный луч полоснул по земле, оставив после себя дымящийся след. Я вскрикнул от восторга.

— Похоже, не такие уж мы разные, Килан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — улыбнулась Дагона. — Видишь, ты не безоружен. А сейчас нам нужно на время расстаться, но не думай, что я бросаю тебя одного, напротив — попытаюсь помочь. Пока же поезжай по кровавому следу и делай все, что в твоих силах, а я постараюсь кое-что предпринять.

Я не успел и рта раскрыть, как она пустила своего рогача с места в галоп, и мне только оставалось, глядя им вслед, дивиться его прыти — с ним не сравнился бы никакой жеребец. Я повернул своего скакуна, и он пошел рысью по тропе, отмеченной кровью Фиккольда.

Памятуя о наказе Дагоны, я старался почаще пересекать кровавый след. Мы спустились с холмов, по которым недавно мчал меня черный жеребец навстречу смерти; нам предстояло миновать гиблые места. Однако мы не встретили на пути ни рощи с пепельно-серыми деревьями, ни города-ловушки, если только серая полоска, показавшаяся вдали, не была им. Я заметил, что Шабр обегал стороной некоторые россыпи камней и участки, покрытые растительностью необычного цвета, и полностью доверился скакуну в выборе пути, ибо догадывался, что он избегает мест, которые являются средоточием губительной силы.

Шабр замедлил бег. Я поразился тому, какой длинный путь проделал Фиккольд, истекая кровью. Мы приблизились то ли к кустарнику, то ли к леску из низкорослых деревцев. С их корявых ветвей поднялась в воздух стая каких-то чернокрылых тварей, которые принялись кружить над нами, издавая скрипучие крики.

— Берегись! — прозвучало у меня в голове.

Я растерялся: откуда это предупреждение и что оно значит? Но тут Шабр вскинул голову, и я понял, что оно исходило от него. Я резко взмахнул вверх своим оружием. Одна из крылатых тварей заверещала, перевернулась несколько раз в воздухе и упала на землю. Стая рассыпалась в разные стороны, но, отлетев от нас немного, черные твари снова собрались в косяк, готовясь к новой атаке. Они нападали на нас трижды, и каждый раз я отгонял стаю ударами огненного кнута. Наконец твари улетели — в ту сторону, куда направлялись и мы, словно намеревались где-то там впереди устроить нам засаду.

Мы все еще спускались по предгорным холмам к равнине. Их склоны покрывала жесткая трава, которая местами была вытоптана. Во мне проснулся разведчик. «Нам лучше бы избегать открытых мест», — подумал я с надеждой, что Шабр воспримет мои мысли.

— О нас все равно уже знают, — уловил я отклик скакуна. — От тех, кто хозяйничает в этих краях, нельзя скрыться.

Шабр совсем замедлил бег и перешел на шаг. Подняв голову и расширив ноздри, он начал шумно втя-

гивать воздух, словно пытался определить, что впереди. Уйдя с кровавого следа, которого мы до сих пор придерживались, Шабр стал забирать от него все дальше и дальше вправо, и меня это озадачило.

— Колоннада будет нам защитой, — отозвался он на мое молчаливое недоумение.

Я воспринял это как абракадабру, его поведение оставалось для меня загадкой, поскольку я так и не улавливал вокруг нас ничего подозрительного. Но вскоре я почувствовал какое-то внутреннее напряжение — что-то тягостное давило на меня, отупляло разум. Это ощущение угнетало меня все сильнее по мере нашего продвижения.

Наконец, мы очутились на склоне, с которого открывался вид на равнину. Невдалеке темнела лента реки, а еще ближе к нам возвышались установленные по кольцу менгиры — огромные, грубо обтесанные монолиты. Некоторые из них покосились, а два вообще лежали на земле. Столбы окружали площадку, сложенную тоже из каменных глыб, голубовато-серого цвета, и на этой площадке я увидел тех, кого разыскивал, — Каттею и Кемока.

Вокруг кольца менгиров роилось сонмище всяких тварей: черными пятнами мелькали в траве куторы; несколько серых слонялось возле столбов — кто на всех четырех лапах, а кто на двух задних. Рядом с ними ползало на брюхе какое-то покрытое пластинчатым панцирем чудовище, которое время от времени угрожающе задирало вверх омерзительную морду. Стая чернокрылых тварей кружилась совсем низко над столбами. Но вся эта толпа нечисти, осаждавшей каменное кольцо, двигалась на некотором расстоянии от столбов, особенно избегая приближения к тем из них, что лежали на земле.

От кольца отходили две колоннады: одна простиралась в сторону реки, другая — в нашу сторону, поднимаясь по склону холма; обе были частично разрушены. Много колонн лежало на земле — целыми или распавшимися на обломки — и на них виднелись черные пятна гари, оставшиеся, вероятно, от попадания молнии.

Шабр трусцой направился к ближней колоннаде. Достигнув ее, он снова пошел зигзагами. Поваленные и разбитые на куски колонны он перепрыгивал — возле других сбавлял бег. Двигаясь рывками и кидаясь из стороны в сторону, он приближался к осажденному зверьем кругу.

— Килан! — прозвучало у меня в голове. Это мысленно приветствовали меня сестра и брат. Вслед за этим последовало предупреждение: — Берегись! Опасность слева!..

Неуклюже переваливаясь на когтистых лапах, к нам приближалось покрытое панцирем чудовище. Оно открыло пасть, готовое броситься на нас. Я взмахнул кнутом, огненная плеть полоснула зверя по щели в панцире, чуть позади головы, однако это его не остановило. Я хлестнул его огнем еще раз — по голове, но, издав страшный рык, зверь продолжал двигаться на нас.

— Держись!

Предупреждение исходило уже не от Кемока и Каттеи. Мой скакун чуть припал к земле и тут же взмыл в воздух. Допрыгнув до одной из покосившихся колонн, он встал, как вкопанный, возле нее. Чудовище в панцире, продолжая преследование, проковыляло несколько шагов, и тут с ним произошло нечто непонятное: оно изо всех сил скребло когтями землю, пытаясь продвинуться вперед, и все-таки оставалось на месте. Казалось, оно уперлось в невидимую стену, которую, несмотря на всю свою силищу, не могло преодолеть. Бесплодность попыток бесила глупого зверя, и он рычал все яростней. К нему присоединились с тявканьем несколько кутор и разъяренный человек-волк. Откуда ни возьмись над беснующимся зверьем возникло облако тумана...

— Держись!

Я стиснул бока скакуна ногами и левой рукой обхватил его шею, в правой держа наготове кунт. Шабр сорвался с места, намереваясь проскочить через обломки соседней колонны. Я обернулся и хлестнул кнутом по космам тумана, которые, как щупальца спрута, тянулись к нам. Мощная вспышка на миг ос-

лепила меня. То, что выглядело, как туман, вдруг стало пламенем. Я услышал истошные визги кутор.

Мы переметнулись на новый спасительный островок. До каменного кольца оставалось уже недалеко, но как раз на полпути лежали обломки упавшей колонны, и там нас поджидали куторы и серые.

— Не медли, Килан, скорее к нам!

Это звала меня Каттея. Она стояла на краю каменной площадки и что-то наговаривала в сложенные лодочкой ладони. Во мне вскипело негодование. Я больше не мог терпеть того, что мы оказались в плену у безмозглых тварей, и всякий страх перед ними исчез. Шабр взвился на дыбы и пустился галопом, а я принялся вслепую хлестать вокруг кнутом, расчищая нам путь.

Раздалось устрашающее рычание; один из серых прыгнул скакуну на спину, очевидно намереваясь скинуть меня, однако я успел ударить его кулаком по горлу. Человек-волк разодрал мне когтями руку, но я сумел удержаться на рогаче и даже не выронить кнут. Мы прорвались в спасительный круг.

Шабр рысью побежал к каменному помосту. Там все так же стояла Каттея, поодаль полулежа сидел Кемок — из-под спины у него высовывался походный мешок. Шлема на нем не было. В наспех перевязанной руке он держал нечто вроде ножа — по-видимому, обломок меча. На Каттею было больно смотреть — так она исхудала. Я соскочил на землю и бросился к ним, раскрыв объятья и выронив при этом кнут.

Кемок попробовал улыбнуться, но улыбка получилась грустной.

— Приветствую тебя, брат, — сказал он. — Мне бы давно следовало сообразить, что проще всего тебя можно привлечь дракой!

Каттея, устремившись к краю площадки, бросилась мне на грудь — как бросаются с берега в воду. Она долго стояла, прижавшись ко мне, и молчала — никакая не Мудрейшая и никакая не колдунья, а просто сестренка, натерпевшаяся страха. Она чуть отстранилась от меня и подняла лицо, но не открыла глаз.

— Ты касался Силы, — тихо произнесла она. — Когда и где?

Кемок приподнялся на локтях и внимательно посмотрел на мою грудь — распахнувшаяся куртка обнажила следы недавно зарубцевавшихся ран.

— Похоже, это не первая твоя битва, брат, — сказал Кемок. — Тебя, однако, надо бы подлечить. — Он указал на мою кровоточащую руку, израненную когтями серого. Каттея резко отстранилась от меня и, взглянув на руку, вскрикнула.

Я не чувствовал боли. Вероятно, действие целебной грязи продолжалось до сих пор, ибо стоило Каттее обтереть раны, как они тотчас перестали кровоточить и затянулись.

— Кто помог тебе, брат? — спросила она, осторожно касаясь рубцов.

— Владычица Зеленого Безмолвия, — ответил я.

Сестра пристально посмотрела на меня, словно хотела узнать, не шучу ли я.

— У нее есть и другие имена: Дагона и Морканта, — добавил я.

— Морканта?! — взволновалась Каттея. — Морканта из племени Зеленых Людей?.. Нам надо все разузнать о них!..

— А вам — удалось ли хоть что-нибудь узнать об этих краях? — спросил я. Уже несколько дней отделяло нас от той ночи, когда Каттея с нашей помощью сотворила чудо — создала Посланца, способного перемещаться во времени. — Расскажите, что произошло и как вы оказались здесь, — попросил я.

Кемок опередил Каттею.

— На первый твой вопрос отвечу: в этих краях можно в два счета навлечь на себя беду. Мы покинули островок потому, что... — Он замялся и отвел глаза.

— Потому, что пустились на поиски того, кто по своему недоумию едва не стал добычей врага? — договорил я за него. — Я правильно тебя понял?

— Да, — ответил брат. И это было лучше, чем если бы он солгал. — Когда мы проснулись, Каттея сразу поняла, что ты угодил в паутину зла.

— Ты ведь и сам понимал, что открываешь ему дверь, когда воспользовался своим даром с недобрым

намерением, пусть даже ради нашего блага, — продолжила за него Каттея. — Мы не знали, кто и как увел тебя от нас, знали только, что это случилось, и нам ничего другого не оставалось, кроме как отправиться на поиски.

— Но ведь вам нужно было дождаться возвращения Посланца, — возразил я.

— Его не нужно ждать, — улыбнулась Каттея. — Проводник найдет меня, где бы я ни была. Мы быстро обнаружили твой след — он угадывался легко по флюидам зла, которое ты разбередил, но не отважились последовать за тобой, ибо я до сих пор не знаю, как от него защититься. К тому же на нас началась охота, и мы вынуждены были спасаться и думали, что нам повезло, когда нашли это место, свободное от нечисти. Но наше убежище, как вскоре выяснилось, оказалось и нашей тюрьмой.

Сестра вдруг покачнулась, и я подхватил ее. Закрыв глаза, она припала ко мне, предоставив Кемоку возможность продолжить рассказ об их злоключениях.

— Мы уже три дня не ели, — сказал он, — и у тебя, как вижу, ничего с собой нет. Утром, правда, мы утолили жажду, собрав росу, но желудок требует чего-нибудь посущественней...

— Я прорвался к вам благодаря вот этой штуковине, — ответил я, подняв с земли огненный кнут. — Надеюсь, она поможет нам выбраться отсюда.

Кемок с сомнением покачал головой.

— Вряд ли. У нас не хватит сил. Каттея уже вконец измучилась.

Мне не понравилась безысходность, прозвучавшая в его словах.

— А что если мы посадим ее на рогача, а сами будем отбиваться от нечисти? — предложил я. — Может, попробуем?

Я понимал, что говорю глупость: стоит нам оказаться за пределами спасительного круга, и мы не сможем выдержать натиска чудовищных бестий. К тому же из рассказа брата и сестры я понял, что они очутились в этом круге отнюдь не по своей воле.

Каттея вдруг задергалась у меня в руках и застонала, как в ту ночь, когда сотворила Посланца. Она

широко раскрыла глаза и уставилась перед собой невидящим взглядом.

— Неси ее сюда на площадку! — крикнул Кемок. — Здесь ей станет легче.

На сизых каменных блоках было разостлано одеяло, которое, очевидно, ночью служило постелью сестре и брату. Я уложил на него Каттею, помог Кемоку пододвинуться к сестре и сам лег рядом с ней. Каттея продолжала тихо стонать, ее руки подергивались и словно что-то ловили в воздухе.

Наконец она схватила Кемока за руку и крепко стиснула ему пальцы. Я взял ее за другую руку, и тотчас во мне появилось предчувствие, что сейчас произойдет чудо.

Над помостом возникло свечение. Оно усиливалось и усиливалось, пока не превратилось в отчетливое видение крылатого скипетра. Продержавшись на месте мгновение-другое, светящееся видение стрелой метнулось вниз, прочертив яркую полосу, подобную вспышке молнии, а Каттея при этом выгнулась дугой и громко закричала — сотворенный ею Посланец вернулся к ней. Сестра обмякла и затихла. Знание, открывшееся ей, было доступно и нам, так как сестра по-прежнему была мысленно связана с нами, и перед каждым из нас разворачивалась картина далекого прошлого этой земли. С этой минуты мы были слепы и глухи к тому, что происходило вокруг нас.

13

Удивительное зрелище открылось нам: мы словно парили над этой землей и видели ее такой, какой она была когда-то очень, очень давно. Под нами простирались горы, поля, леса и реки прекрасной, еще не тронутой порчей страны. Она была обжита и обихожена — здесь и там по ней были разбросаны деревеньки и поместья, с домами, окруженными великолепными садами. В ней было три города — нет, пожалуй, даже четыре, ибо у подножья гор высилось несколько башен необычного вида и назначения, обра-

зующих в совокупности городок. Населяли страну в основном люди древней расы.

Жили в ней и другие народы, прародители которых были еще древнее, чем пращуры тех, кто составлял основное население. Наделенные необычными способностями, они были весьма почитаемы. Эта страна казалась озаренной золотистым светом и манила нас к себе, как манят в ночи путника огни в окнах дома, где его ждут друзья. Но нам не дано было побывать в той чудесной стране — нас отделял от нее барьер времени.

Затем эта цельная панорама распалась как бы на отдельные картины, и мы стали свидетелями происходящих в стране перемен. Здесь тоже властвовали Мудрейшие, но их правление не было таким деспотичным, как в Эсткарпе, ибо Даром Силы владели не только женщины, но и мужчины.

Как проникло в эту страну зло? Оно явилось результатом благих намерений, а отнюдь не следствием чьих-то злостных устремлений. Неуемные искатели знаний — хотя их было совсем немного — начали производить опыты с Силою, которую, как им казалось, они хорошо освоили. Они делали одно открытие за другим, не замечая, что эти открытия, в свою очередь, незаметно влияют на них самих, изменяя не только мышление, но также душу и тело. Однако если сначала они интересовались лишь тем, как можно использовать Силу, то впоследствии с неизбежностью заинтересовались самой ее природой — чтобы стать всемогущими. Их не устраивали больше естественные, постепенные перемены, и они всему начали навязывать перемены моментальные. Ради самосовершенствования они начали проводить опыты над самими собой!

Мелькали годы. В стране множились братства ищущих совершенства — тех, кто посвятил себя проведению опытов либо над собой, либо над другими людьми и животными. Вскоре стали появляться на свет дети, не похожие на родителей, и животные, дотоле не виданные. Некоторые из вновь выведенных животных были удивительно красивы и к тому же могли приносить людям пользу. Но такие создания

появлялись почему-то все реже и реже. Чаще всего результаты опытов оказывались неудачными. Сначала явных уродов просто умерщвляли, но потом их надумали изучать и стали содержать в клетках. По прошествии времени чудовищ начали выпускать на волю, предоставляя их самим себе, и некоторые из них вскорости погибали, а выжившие — быстро размножались.

Люди же настолько обнищали духом, что стали приручать чудовищных тварей и использовать их в своих низменных целях. А вскоре ни создатели уродов, ни те, кто делал их своими ужасными прислужниками, не знали уже никаких пределов, верша злодеяния.

Неистовство зла затмило в стране свет добра. Лишь среди людей древней расы еще нашлись те, кто не только не поддался этому буйствованию демонических сил, но и выступил против них, хотя это было похоже на попытку ковшом вычерпать воду из моря. Они потерпели полное поражение и могли сгинуть в болоте скверны, в которое превратился их родной край.

Некоторые из них считали, что лучше погибнуть, сражаясь с врагом, чем жить в мерзости под его началом; в смерти они видели спасение для духа. У них нашлись сторонники; люди семьями собирались в домах и расставались с жизнью, вызывая себе на погибель силы, никому не подвластные.

Но другие верили, что еще не настал конец древней расе. Их осталось совсем мало по сравнению с воинством Тьмы. Зато среди них были те, кто владел Силой в такой мере, что демоны побаивались вступать в открытую борьбу с ними. И вот эти люди призвали собраться под своим водительством всех, кто мог решиться покинуть родину, дабы найти себе пристанище в других краях.

Надо сказать, что люди древней расы были прочно связаны с родной землей — она питала их жизненной силой. Их никогда не тянуло в странствия, не интересовали чужие земли — разумом и духом они стремились к иному. Покинуть родину для многих было равнозначно смерти. И все-таки сейчас им не ос-

тавалось ничего другого, как уйти на запад, туда, где высились горы, за которыми они надеялись найти себе убежище.

Но им не позволили уйти спокойно — растленные слуги Врага преследовали их и днем, и ночью. В стычках гибли и мужчины, и женщины, подчас целые семьи, однако, несмотря ни на что, беженцы оставались верны своему намерению. Они были вынуждены отбиваться от преследователей даже в горах. Преодолев же горы, люди последний раз обернулись назад, и затем вожди воззвали к Силе. Поднялся невообразимый хаос, горы заходили ходуном, а когда все стихло, беженцы знали — непреодолимый барьер на века отделил их родину от земли, на которой они стояли сейчас.

А на родине, покинутой ими, зло, не встречая преград, распространилось повсеместно. И все же оно не стало полновластным хозяином в стране, хотя силы, сдерживавшие его господство, в первые годы никак себя не проявляли. Люди древней расы не взяли с собой ни одной твари, явившейся на свет в результате опытов; они пренебрегли даже созданиями, которые могли быть полезны. Между тем, некоторые из этих существ отличались не только красотой и силой, но и устойчивостью по отношению к дьявольской порче. Большинство их ушло в глухие места, чтобы не попадаться на глаза демонам. А еще в стране остались люди, предки которых жили на этой земле задолго до того, как на ней зародилась древняя раса.

Этих людей была всего лишь горстка, однако своим духовным могуществом они внушали страх, и демоны их сторонились. Люди эти не боролись со злом, не старались в избытке творить добро, но они владели такими силами, о которых демоны и не ведали. Тоже удалившись в глухие места, народ этот со временем приручил искусственно созданных животных, но ничем их особенно не утруждал.

Время текло подобно быстрой реке. Демоны, опьяненные доступом к Силе, дошли до полного сумасбродства, пользуясь ею. Новоявленные владыки мира начали навязывать друг другу свою волю, и в стране разразились междоусобные войны — с применением

дьявольских средств. Распри безумцев продолжались столетиями, грозя соперникам взаимным уничтожением. В конце концов в стране, расколотой на ряд владений, установилось равновесие враждующих сил, некое подобие мира.

Демоны, пресытившись опытами над естеством, избрали себе бесплотный способ существования и как бы погрузились в спячку. Те же, кто веками жил в глуши, вернулись на свои исконные земли и начали обживать их заново. Люди завладевали ими осторожно, стараясь не пробудить демонов, избегая какого бы то ни было противоборства с ними. Подобное сосуществование продолжалось так долго, что стало уже привычным образом жизни.

И вот в эту страну явились мы и нарушили установившееся в ней равновесие, нечаянно разбудив силы, в сравнении с которыми сами были пылинками на ветру.

Я открыл глаза — и встретил взгляд Кемока.

— Теперь мы знаем все, — сказал он спокойно. — Но от этого не легче. У нас нет возможности выжить в этой стране. А какой прекрасной она когда-то была! Впрочем, почему — была? Она и теперь прекрасна...

Я мог понять его ностальгическую тоску по сказке, явившейся нам в полете сквозь время. Вся моя жизнь прошла в предвестии кровавых побоищ. Я с малолетства знал, что живу в цивилизации, обреченной на скорую гибель. Наверное поэтому в душе у меня тоже защемило от сказочного видения. Но еще больнее было сознавать, что нам нет здесь места.

Каттея зашевелилась и открыла глаза. По ее щекам текли слезы.

— Сколько там света и тепла! — прошептала она. — Если бы мы владели Силой, мы смогли бы перенестись туда...

— Если бы у нас были крылья, — проворчал я, — мы смогли бы улететь отсюда... — Я огляделся по сторонам.

Гнусные твари по-прежнему маячили за кольцом каменных столбов, служивших нам защитой, и было ясно, что они никуда не уйдут до тех пор, пока не

убедятся, что мы умерли и больше не являемся угрозой их хозяевам.

Смеркалось, и хотя я не сомневался, что каменные столбы будут удерживать прислужников тьмы на расстоянии, я знал также, что с наступлением ночи нечисть набирает силу. К тому же мне хотелось есть, и я хорошо представлял себе, каково было Каттее и Кемоку. Оставаться под защитой камней, чтобы дождаться смерти? Нет, это было не по мне!..

Я подумал о скакуне. «Шабр доставил меня сюда. Быть может, он способен и выбраться отсюда? Он мог бы, по крайней мере, напомнить о нас Дагоне, ведь она обещала чем-то помочь. Да, она хотела что-то предпринять, однако прошло уже немало времени, а на помощь никто не пришел. Очевидно, ей не удалось уговорить владык — или владычиц». Я снова стал думать о том, как бы выбраться из этого места с помощью скакуна, но услышал слабый голос Каттеи.

— Разве ты забыл? Колдунье отсюда не уйти. Но может, вы с Кемоком попробуете пробиться?..

Ни меня, ни брата ее предложение не устраивало. Нужно было либо выбираться отсюда всем троим, либо всем вместе оставаться здесь.

— Можно ли подействовать на этих бестий с помощью Силы? — спросил я.

Сестра покачала головой.

— Я и так слишком часто обращалась к Силе, потому-то вся эта нечисть и навалилась на нас. Я разбередила зло. И все-таки, братья, нечисть не может добраться до нас, и мы должны благодарить судьбу уже за это, ибо телесная смерть — не самое страшное...

Я понял ее. Истина открылась мне, когда вороной жеребец мчал меня к мертвому городу.

Но я не собирался умирать без борьбы, какая бы ни ждала меня смерть — чистая или оскверненная. Я все еще не расставался с надеждой на то, что фея, спасшая мне жизнь, выполнит свое обещание и поможет нам.

Я закрыл глаза руками и попытался вызвать в своем воображении ее лицо, чтобы найти мысленный контакт с нею. Мне хотелось знать, есть ли у нас хоть какая-нибудь надежда на помощь, ибо в против-

ном случае я готов был действовать отчаянно и фатально.

Но как связать в единый образ черты, изменчивые как блики на воде? Перед моим внутренним взором неуловимо мелькало одно лицо за другим. Нет, Дагона не была искусственным созданием, родившимся по прихоти искателей совершенства. Она происходила из народа, который существовал еще до древней расы, и потому ее человеческое естество было таким зыбким и неуловимым.

Услышав тревожный храп Шабра, я огляделся. С наступлением сумерек над менгирами обозначилось свечение. По столбам, как побеги лозы, струились светящиеся нити. Каменный помост тоже излучал свет. Шабр вскинул голову, раздул ноздри и громко протрубил, словно вызывая на поединок соперника.

Я ожидал появления черного жеребца, который заманил меня в ловушку, но вместо того услышал уже знакомый треск и увидел вспышки на склоне холма — там, где на него взбегала колоннада. Сомнений быть не могло — это стегал по нечисти чей-то огненный кнут.

— Дагона! — воззвал я мысленно, вложив в этот зов всю свою волю.

Ответа не было. Еще одна вспышка озарила склон холма, следом раздались истошные визги и яростный рев.

— Шабр! — попытался я установить контакт с рогачом. — Кто это там?

— Не суетись, — отозвался он. — Не возбуждай силы зла.

Я поразился: то был контакт не с животным, а с существом, сходным по разуму — скакун упрекал меня за нетерпение!

Каттея, схватив нас с братом за руки, приподнялась.

— Нечисть вокруг оживилась, — пробормотала она. Из-за струящегося по каменным столбам света трудно было увидеть что-либо в темноте за ними.

— А ты могла бы хоть как-то повлиять на нее? — спросил Кемок.

— Нет, я не буду этого делать, — ответила Каттея. — Можно навлечь беду. Есть магия, и есть колдовство. В основе магии — ритуал, при колдовстве же прямо обращаются к природным силам, не выделяя как таковых ни добра, ни зла. В Эсткарпе Мудрейшие пытались владеть тем и другим, делая, однако, упор на колдовство. Сейчас нас может спасти только магия, но я ею не владею... Килан, расскажи мне о Владычице Зеленого Безмолвия и о том, как ты встретился с нею.

Продолжая всматриваться в темноту за столбами, я рассказал о своих приключениях, подробнее задержавшись на том, как меня лечили грязью.

— Это не что иное, как перевоплощение с помощью естественных сил, — заметила Каттея.

— Почему ты так уверенно говоришь об этом? — удивился я.

— Потому что это для меня не ново, — спокойно ответила сестра. — Обитатели Зеленого Безмолвия знают своих духов-хранителей. В магических заклинаниях они обращаются к ветру, воде, небу, но делают это не так, как мы. Они не навязывают им свою волю. Да, они могут, если надо, воспользоваться бурей — но не станут вызывать ее. Они могут заставить бурную реку служить им — но не станут обращать ее вспять. Им подчиняются животные, птицы и даже растения. Они могут принимать цвет окружающего их пейзажа и так сливаться с ним, что их не различишь ни среди деревьев, ни на открытом месте. Они — соль жизни, и потому силы разрушения боятся их. В чем-то они могущественней нас, несмотря на то, что мы владеем колдовством, а в чем-то — слабее. В Эсткарпе нет подобных им. Они не способны покинуть страну, с которой срослись. Но в Эсткарпе живут легенды о них...

— Легенды вековечной давности, — перебил я сестру — Уж не хочешь ли ты сказать, что в них упоминается Дагона?

— Я скажу только, что, вызывая ветер или бурю, мы часто обращаемся к Морканте, — ответила Каттея. — Заметь, что в отличие от наших колдуний Владычица Зеленого Безмолвия назвала тебе свое

имя безбоязненно. Она из тех, кто не страшится никакого колдовства.

Над нами раздалась пронзительная трель. Вздрогнув от неожиданности, мы подняли головы и увидели голубовато-зеленую птицу — точно такую же, какая прилетала ко мне, когда я, разбившись, лежал в ущелье на грани жизни и смерти. Она три раза пролетела по кругу над нами, каждый раз издавая долгую трель. У Каттеи вдруг сбилось дыхание, она больно вцепилась мне в плечо, ее лицо побелело.

— Они и в самом деле могущественны! — с трудом вымолвила сестра. — Они лишили меня памяти!

— О чем ты? — спросил Кемок.

— Я не могу вспомнить ни одного заклинания! — отозвалась Каттея. — Они потеряли для меня всякий смысл. Килан, ты можешь объяснить, почему они позволяют себе так обходиться с нами? Я чувствую себя совершенно безоружной. Килан, они хотят нам не добра, а зла! На сей раз они заодно со злом!

Она оттолкнула меня и прильнула к Кемоку. Прижимая ее к себе, он глядел на меня через ее плечо, и я впервые видел столько враждебности в его взгляде.

Но я не мог отрицать того, что у него были все основания так относиться ко мне. Я ведь вернулся к ним при содействии той силы, которая оказалась теперь враждебной Каттее. Я свалился им на голову, принеся, похоже, не спасение, а гибель. И все же я не мог согласиться с их отношением к тому, что происходило, хотя уже и сам не очень-то верил в чью-то помощь.

Твари, окружившие нас со всех сторон, становились все наглее. Волчья морда возникла из темноты возле одного из менгиров; серый угрожающе махал перед собой когтистыми лапами. Каттея отстранилась от Кемока и огляделась.

— Посмотрите на камни! — вскрикнула она.

Я пригляделся к менгирам. Если совсем недавно они излучали голубой свет, то теперь их свечение приобрело мутновато-желтый оттенок и вызывало тошнотворное чувство. Похоже, этот свет возбуждал осаждавших нас тварей, ибо все больше и больше

зловещих морд появлялось из тьмы в разных местах; нечисть все ближе подбиралась к нам.

Шабр вдруг ударил копытом в землю, и она отозвалась гулом, как если бы ударили в большой барабан. Я оглянулся на Каттею — сестра глотала воздух, пытаясь что-то выговорить, ее голова качалась из стороны в сторону, а вытянутые вперед руки судорожно дергались. Я понял, что она пытается защититься с помощью колдовства, но не может справиться со злыми чарами.

Тем временем Шабр начал трусцой двигаться вокруг площадки. Его бег становился все быстрее и вскоре перешел в галоп. Рогач начал издавать резкие трубные крики. А в желтоватом свете менгиров появлялось все больше и больше оскаленных морд мерзких тварей.

Затем я увидел картину столь невероятную, что сначала не поверил своим глазам. Шабр, который только что носился галопом по утоптанной траве, вдруг оказался в потоке зеленой воды, вращающемся по кругу. Вода доходила ему до колен, и казалось, своим бегом он ускоряет ее движение. Возможно, это была не вода, а лишь наваждение. Каменные плиты под нами почему-то вдруг начали нагреваться. По всем четырем углам помоста взметнулись вверх голубые лучи света, которые, изогнувшись дугой, коснулись зеленого водоворота и пропали в нем. Водоворот же все убыстрялся и расширялся, уже почти достигая кольца менгиров, а Шабр не переставал носиться по кругу. Я старался не смотреть на него — у меня кружилась голова.

Зеленый поток расплескался до самых столбов. Внезапно они исчезли в ослепительной вспышке света, подобной той, которая возникла на месте туманного облака, преследовавшего нас у колоннады, как только я хлестанул по нему огненным кнутом.

Я невольно зажмурился, а открыв глаза, увидел, что желтое свечение менгиров сменилось зеленым — таким ярким, что оно скрывало собой их грубые контуры. В темноте за камнями мне не удалось больше различить ни одной звериной морды.

Свечение, объявшее столбы, начало пульсировать, поднимаясь над ними подобно пламени; оно не позволяло видеть, что происходит за пределами каменного кольца, зато были слышны вой и визги убегающих тварей... Осада была отбита! Я спрыгнул с площадки и поднял огненный кнут, который обронил возле нее несколько часов тому назад.

Какое-то колдовство — быть может, совсем иного рода, чем то, какому нам прежде доводилось быть свидетелями, но все же колдовство — спасло нас. С кнутом в руке я стоял, всматриваясь в темноту.

— Дагона! — прошептал я, не сомневаясь, что получу ответ.

14

Их было трое. Они появились между двумя светящимися менгирами внезапно, словно с неба свалились. Во главе троицы красовалась на своем рогаче Дагона. Ее волосы на этот раз казались не русыми и не черными, а зелеными, и лицо тоже было зеленоватого оттенка, как и у тех, кто ее сопровождал. Всадники были вооружены огненными кнутами, но Дагона держала в руках заряженный лук. Она подняла его над головой и выпустила в небо стрелу — мы услышали затихающий свист.

И вдруг, словно снег, на нас посыпались искорки зеленого света. Всадники, оставаясь на скакунах, безмолвно глядели в нашу сторону.

Сопровождающими Дагоны были двое мужчин — если это определение применимо к существам, во всем похожим на мужчин, но имеющим на голове пару рожек. На них было такое же одеяние, как и то, каким целительница одарила меня. Их облик, в отличие от облика Дагоны, не изменялся: красивые лица казались застывшими и абсолютно бесстрастными.

— Выходите! — уловил я мысленный приказ Дагоны и был готов подчиниться ей — но она обращалась не только ко мне... Я повернулся и протянул руку Каттее. Сестра и брат, отозвавшись на мой жест, подошли ко мне и встали рядом, выжидающе глядя на

всадников, которые словно раздумывали, приближаться ли к нам. Меня осенила догадка: это место, послужившее нам прибежищем, было для них недоступно.

Один из всадников нетерпеливо взмахнул кнутом, и в землю ударил сноп искр.

— Выходите! — снова позвала Дагона, на этот раз вслух. — У нас нет времени. Серые убрались ненадолго.

Я обнял сестру за плечи, Кемок подошел к ней с другой стороны, и мы медленно пошли к поджидавшей нас троице. Я заметил, как Дагона, неотрывно глядя на Каттею, закинула за плечо лук и, чуть склонясь со скакуна, вытянула вперед руку. Она неторопливо начала водить ею, оставляя в воздухе светящиеся линии, сложившиеся наконец в узор наподобие звезды. В ответ Каттея тоже подняла и протянула вперед руку. Будучи в мысленном контакте с сестрой, я почувствовал, каких усилий ей это стоило. Мы с Кемоком тут же напрягли всю волю, чтобы придать сестре сил. Медленно-медленно ее пальцы распрямились, и она начала рисовать против узора Дагоны такой же — только его линии светились не зеленым цветом, а голубым — цветом камней площадки, которую мы покинули.

Один из всадников, сопровождавших Дагону, негромко вскрикнул, пораженный увиденным.

— Иди сюда, сестра... — Дагона протянула Каттее руку. Я заметил, как сестра облегченно вздохнула.

Странные ощущения испытали мы, проходя между менгирами. У меня мурашки пробежали по телу. Мельком взглянув на сестру и брата, я увидел, что те искрятся, словно покрытые блестками, и у меня зашевелились волосы на голове.

Дагона крепко сжала Каттее руку.

— Препоручите ее мне, — потребовала она. — Мы должны ехать, и не медля.

Нас с Кемоком ждал Шабр. Я забрался на него первым, Кемок устроился у меня за спиной, и мы тронулись. Впереди всех мчалась Дагона. Ее Шабрина двигалась плавно и легко, словно двойной груз, который она несла на себе, для нее ничего не значил. Сле-

дом за нею скакали мы с Кемоком, а за нами — двое всадников с огненными кнутами.

Оставив позади себя призрачно мерцающие менгиры, мы попали в какую-то зеленоватую туманную дымку, мешающую разглядеть местность, по которой мы мчались. Как ни всматривался, я так и не смог ничего увидеть, и в конце концов смирился с тем, что мы оказались в полной зависимости от Дагоны.

Дагона же, судя по всему, прекрасно знала, куда держит путь — ее Шабрина продолжала нестись галопом, не сбавляя бега. Я подивился выносливости рогачей.

— Куда мы мчимся? — спросил из-за спины Кемок.

— Не знаю, — признался я.

— Не попасть бы нам снова в какую-нибудь беду... — обеспокоился он.

— Не думаю, что нам это грозит, — попробовал я успокоить его. — Я не чувствую зла...

— А я не уверен, что молодцы, скачущие за нами, питают к нам симпатию, — возразил он.

— Но ведь они же спасли нас, — напомнил я.

Однако в чем-то Кемок был прав. Дагона высвободила нас из кольца менгиров, в котором мы оказались по собственной воле, и этим, безусловно, проявила свою благосклонность к нам; но это еще не значило, что мы не окажемся в другом заточении.

Хотя я и не видел, куда мы скачем, но почему-то был уверен, что мы возвращаемся в горы — в тот край, где расположена котловина, на дне которой бурлят источники целительной грязи.

— Не нравится мне эта скачка в никуда, — снова подал голос Кемок. — И я не думаю, что этот зеленый туман сотворен исключительно в нашу честь. Тут и без тумана не знаешь, куда податься... Как ты думаешь, что мы здесь до сих пор делаем, ищем убежище?

— Мне все больше кажется, — ответил я, — что мы явились в эту страну, дабы спасти ее.

Он рассмеялся.

— А почему бы и нет? Разве наши родители не выступили против кольдеров, положившись только на самих себя? Чем мы хуже их? К тому же, нас трое, а

не двое. Сдается мне, брат, что мы спешим на какую-то битву. Что ж, неплохая, вроде бы, подобралась компания...

Мы мчались и мчались сквозь туман, поглотивший пространство и не позволявший судить о ходе времени. Должно быть, ночь уже кончалась.

Туман начал рассеиваться. В тусклом свете сумерек стали различимы деревца, кусты и камни. Взбираясь по круче, скакуны перешли на шаг. С восходом солнца мы добрались до перевала и оказались на проторенной дороге, по обеим сторонам которой высились скалы. На них кое-где были высечены какие-то письмена — как будто знакомые мне своим начертанием, однако не поддающиеся прочтению. Я услышал, как Кемок с присвистом втянул в себя воздух.

— Ютаян! — произнес он громко.

— Что-что? — не понял я.

— Слово Силы, — объяснил Кемок. — Оно встретилось мне в одном из манускриптов, которые я изучал в Лормте. Это место, Килан, надежно защищено священными письменами от всякой напасти.

Цепочка письмен на скалах оборвалась, дорога снова пошла под гору. Перед нами открылась широкая долина, поросшая густым лесом; кое-где виднелись просторные луга. Серебристая лента реки вилась по дну долины. У меня сильнее забилось сердце: перед взором лежал последний уголок древней земли, оставшийся не тронутым дьявольской порчей. Картина ласкала глаз и согревала душу. Я словно перенесся в то безмятежное время, когда людям жилось свободно и радостно, и они не стремились к господству над природой себе на погибель.

Этот казалось бы затерянный мир не был пустынным: в небе парили птицы, мимо нас сновали по камням ящерицы, а в долине — паслись на лугу рогачи. Край дышал безмятежностью и покоем.

Миновав перевал с письменами на скалах, скакуны замедлили ход и теперь бежали рысцой. По краям дороги в изобилии пестрели цветы, словно выращенные садовником. Мы выехали к реке, на лугу высилось что-то, похожее на дом, но этот дом нельзя было назвать строением, ибо он вырос из земли сам: его

стены не были сложены из камней или бревен — их образовывали живые деревья необычной породы, сцепившиеся друг с другом узловатыми ветвями и густо обросшие вьющимися цветущими растениями. Особенно примечательной была островерхая крыша дома, крытая голубовато-зелеными перьями птиц, которых мы видели по пути.

Мы слезли с рогачей, и они потрусили к реке пить воду. Дагона обняла Каттею за плечи и повела к дому. Мы с братом пошли следом.

Внутри дом разделялся на ряд помещений перегородками, тоже увитыми цветущей лозой. Пол в доме был из плотного, упругого мха. Рассеянный зеленоватый свет заполнял все вокруг.

— Идите за мной, — позвал нас с Кемоком один из воинов. Дагона с Каттеей уже скрылись за перегородкой. Мы пошли за воином и оказались в комнате, где в полу был устроен небольшой бассейн. Вода в нем была густой и красноватой, со знакомым мне запахом — так пахла глина, которой меня лечили. Я быстро разделся, Кемок последовал моему примеру, и мы погрузились в целительную воду, которая быстро сняла с нас все боли и усталость.

Потом нам дали поесть какой-то необычной похлебки, в деревянных полированных чашках, и предложили поспать — на лежаках из сухого мха. Я быстро уснул и увидел сон.

Мне снилась златоцветная страна — не эта, куда нас привезли наши спасители, а та, древняя и обширная, которую мы увидели глазами Посланца. Я видел дома и замки, казавшиеся такими знакомыми, словно я жил или часто бывал в их стенах. Я видел знакомых мне людей — воинов, с которыми защищал границы Эсткапра, друзей-соплеменников, с которыми весело проводил время в редкие месяцы мирной жизни, а также мужчин и женщин, бывавших в Эстфорде.

И как во всяком сне, когда все так убедительно перемешивается, я верил, что прошлое слилось с настоящим, что угроз, омрачавших мою жизнь с малых лет, больше не существует, что мой народ вновь обрел

былое могущество и ему не страшны никакие враждебные силы.

Но во мне оставалась смутная память о великих испытаниях и о войне, в которой нам пришлось претерпеть немало поражений, прежде чем мы добились окончательной победы над врагами.

Проснувшись, я долго лежал с открытыми глазами, рассматривая в сумерках тени над головой. Сон взволновал меня. Как и большинство снов вообще, он был неправдоподобным, но я переживал его как нечто, случившееся со мной наяву, словно на меня возложили миссию, которой я не мог избежать. Возможно, так оно и было. Разве не действовали в этой стране силы, недоступные нашему пониманию? В этот час я прозрел, зная теперь с абсолютной уверенностью, что нужно делать, как если бы передо мной был развернут манускрипт, где эти действия были уже описаны, как свершившиеся.

Кемок все так же лежал рядом на лежаке, и его лицо было ясным и безмятежным. Я даже слегка позавидовал ему — его еще не коснулась та одержимость, которая завладела мною. Я не стал будить его, оделся в чистую одежду, оставленную нам взамен прежней, и вышел в зал.

Четыре ящерицы сидели вокруг большого плоского камня, передвигая лапками резные фигурки. Я понял, что они во что-то играют. Заметив меня, они повернули в мою сторону мордочки и уставились немигающими глазками. На меня посмотрели и те двое, кто следил за их игрой. Жестом руки я поприветствовал свою фею-спасительницу, сидевшую, скрестив ноги, на широком топчане, рядом с которым стоял столик с тремя чашками и высоким сосудом.

— Килан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа. — Она одновременно и приветствовала и представляла меня. Эфутур, Хранитель Зеленой Долины.

Сидевший рядом с ней неторопливо поднялся. Он был одного роста со мной, и его темные глаза встретились с моими. На нем была такая же куртка и такие же штаны, как на мне, но кроме того — пояс и браслеты, украшенные камнями. Его рожки были больше, чем у стражников, сопровождавших нас от

кольца менгиров; но если бы их не было, он, пожалуй, ничем не отличался бы от людей древней расы. Вот только я не мог угадать его возраст, вероятно, он был старше, чем выглядел. По его облику было видно, что он привык командовать людьми, привык к беспрекословному выполнению своих распоряжений, но и сам отвечал за свои решения — это был предводитель типа Кориса или моего отца.

В свою очередь, он осмотрел меня оценивающим взглядом, но меня это не задело, так как в эту минуту больше волновало воспоминание о сновидении.

Он протянул мне руку ладонью вверх, и я пожал ее. Рукопожатие оказалось не простым — я почувствовал братский контакт с ним, хотя и не столь явный, какой появлялся у нас с Кемоком или Каттеей. Я понял, что он признал во мне друга.

Дагона перевела взгляд с Эфутура на меня и улыбнулась. Она указала мне на свободный лежак и, плеснув из сосуда в чашку золотистой жидкости, подвинула ее мне.

— Что с Каттеей? — спросил я, прежде чем выпить.

— Она спит, — ответила Дагона. — Ей нужно как следует отдохнуть, она ведь устала не только телом. И хотя, по ее словам, она не присягала колдуньям, однако я вижу, что она не уступает им во владении Силой и может достичь многого.

— Если будет пользоваться ею разумно, — добавил Эфутур, до сего момента не произнесший ни слова.

Я взглянул на него поверх чашки.

— Она и не пользуется ею никак иначе.

Он улыбнулся, и улыбка еще больше его омолодила.

— У меня и в мыслях не было упрекнуть ее в чем-то, — сказал он. — Но эта страна не такая, как ваша, ее пронизывают токи Силы, которые очень опасны. Твоей сестре не понадобилось много времени, чтобы понять это. Однако... — Он чуть помедлил и, снова улыбнувшись, продолжил. — Однако, я думаю, вы вряд ли представляете, чем ваше появление здесь чревато для нас. Не так ли? Наш путь лежит на грани между исчезновением и хаосом. Темные силы пробудились и вынуждают нас сразиться с ними. Выступив против них, мы либо возродимся, либо погибнем.

Мы еще не решились, Килан, ибо риск велик. Эта долина — наше убежище. У нас есть союзники. И все же нас мало...

— А что если бы ваши ряды пополнились? — спросил я.

— Каким образом, друг? — он взял со стола свою чашку. — Я вот что тебе скажу: мы не зовем на помощь тех, кто живет иначе, чем мы. Когда-то давно такое произошло, и это стало источником наших бед.

— Не о том речь, — сказал я. — Что если ваши ряды пополнят люди древней расы, к тому же воины, проверенные в боях?

Дагона нервно шевельнулась.

— О ком ты говоришь? — спросила она. — Те, кто остался в Эскоре, сделали свой выбор давным-давно, они живут в глухих местах и ни во что не вмешиваются. А те, кто примкнул к нам, зеленым людям, оставили потомков, с которыми мы почти одной крови. Люди древней расы перевелись.

— Если не считать тех, кто ушел отсюда на запад и там продолжил свой род, — вставил я.

Я заинтересовал их, хотя они и не показали вида. «Неужели я так заворожен своим сном? — подумалось мне. — Но быть может, сон — вещий?»

— Запад отрезан от нас, — сказал Эфутур.

— Но ведь мы-то пришли оттуда, — напомнил я.

— Вы лишь наполовину принадлежите древней расе, — вмешалась Дагона. — Потому вы и преодолели барьер — другие не смогут.

— Других проведу сюда я.

— Зачем? — спросил Эфутур.

— Послушайте меня, — попросил я. — Мы тоже ступали по грани...

Я рассказал им о закате Эсткарпа — о том, какие беды обрушились на моих соплеменников.

— Нет, ни за что! — едва дослушав меня, вскричал Эфутур, стукнув при этом кулаком по столу. — Колдуньи нам здесь не нужны! От колдовства только зло и беды. Мы скорее сгинем с лица земли, чем свяжемся с колдовством.

— Кто говорит о колдуньях? — спросил я. — Предстань я сейчас перед нашими Мудрейшими, и

мне был бы конец. Но ведь и те, кто служит в войсках Эсткарпа, отнюдь не всегда думают только так, как диктует им Совет Владычиц. Дело в том, что колдуньи слишком омрачают людям жизнь.

И я объяснил, почему, упомянув о том, что браки между людьми древней расы стали редки, ибо Владеющие Силой не могут позволить себе расстаться со своим Даром; что рождаемость из-за этого сократилась, и раса обречена на вымирание; что многие и многие мужчины остаются всю жизнь холостыми, без семьи и дома.

— Но ведь там война. А воины присягнули Совету. Тебе не найти тех, кто пойдет за тобой, — возразил Эфутур.

— Надо полагать, война там на время прекратилась, — сказал я. — Удар, нанесенный Карстену, должен был образумить не только карстенцев, но и ализонцев. Конечно, чтобы знать это наверняка, мне следует вернуться в Эсткарп.

— Зачем тебе это? — спросила Дагона.

— Не знаю, — честно ответил я. — Должно быть, на меня возложена миссия, и мне не свернуть с пути...

— Миссия? — Дагона поднялась с лежака, подошла ко мне и, подавшись вперед, взяла меня за плечи. Она долго всматривалась мне в глаза пронизывающим взглядом, затем отпустила меня и встала.

— А он прав, — сказала она, повернувшись к Эфутуру. — На нем чей-то знак.

— Как это? — удивился тот. — Нами здесь никто не может повелевать. — Он вскочил и стал озираться по сторонам, будто высматривая врага.

— Очевидно, это ему ниспослано извне...

— Откуда?

— Этого мне не дано знать, но это так... — Дагона вздохнула. — Не завидую я тебе, Килан Трегарт. Тяжкий груз лег на тебя.

— Так уж суждено, госпожа, — ответил я.

15

Должно быть, мы ехали по тем же местам, где накануне нас преследовало всякое мерзкое зверье. И хотя я не заметил пока никаких следов нечисти, я остро чувствовал, что за нами наблюдают, и сознавал, что эта тишина — обманчива.

Меня сопровождали люди Эфутура. Рядом со мной ехала Дагона, которую мне не удалось отговорить от этого совсем ей не нужного и опасного путешествия. Мы направлялись к горам, которые мне снова предстояло преодолеть.

Мы почти не разговаривали, не считая того, что Дагона изредка роняла несколько слов, обращая мое внимание на тот или иной ориентир, будто неявно намекала на то, что ждет моего возвращения. Чем мог ответить я на ее надежду? Я был во власти непонятного мне самому веления. Не желая вовлекать в опасное дело ни Кемока, ни Каттею, я покинул их тихо и незаметно, пользуясь тем, что они пребывали в целительном сне.

На ночлег мы расположились в сени деревьев — не таких высоких и раскидистых, как те, что росли в Зеленой Долине, но той же породы; люди чувствовали себя под ними уютно. В ту ночь мне ничего не снилось, а может быть, сны просто не запомнились. Однако при пробуждении поутру я был охвачен вчерашним порывом и торопил всех в путь. Дагона опять ехала рядом со мной, на сей раз что-то тихо напевая, и у нас над головой кружили зеленые птицы, среди которых можно было различить Фланнана — по его переливающемуся оперению.

Дагона искоса взглянула на меня и улыбнулась.

— У нас тоже есть разведчики, храбрый воин. Они, конечно, помнят о своих обязанностях, но иногда их нелишне подбодрить. Скажи мне, Килан, ты уверен, что сможешь навербовать людей?

Я пожал плечами.

— Честно говоря, не очень. Все зависит от того, как обстоят дела в Эсткарпе.

— А ты, вообще-то, командовал людьми? — полюбопытствовала она.

— Нет, — сказал я, покачав головой. — Но многие из тех, с кем я служил на границе, не имеют ни клочка своей земли, ни крова над головой. Объявленные вне закона, они бежали из Карстена, и всем их достоянием были только — собственная жизнь да меч в руках. Своими мечами они могли бы отвоевать Эскор у нечисти.

— Для этого одних мечей недостаточно, — критически заметила Дагона. — Но быть может, эти обездоленные воины настолько безрассудны, что все же последуют за тобой. Люди всегда стремятся обзавестись клочком земли...

Я избегал встречаться с нею взглядом, ибо мне нечего было больше сказать. И по мере того, как приближался момент нашего расставания, я все больше противился велению неведомых сил. «Почему какая-то до сих пор мне непонятная миссия возложена именно на меня? — задавался я вопросом. — Я не очень-то умею командовать людьми, у меня нет дара красноречия, каким владеет, например, Кемок. А то, что я старший сын Трегартов, так это обстоятельство никогда не давало мне никаких преимуществ. В сражениях мне тоже не удалось отличиться особыми подвигами. Так почему же именно я должен нести бремя какой-то непонятной и заведомо обреченной на провал миссии?»

— Тот, кто противится велению, навлекает гибель не только на себя, — сказала Дагона. Она читала мои мысли и, может быть, во всех подробностях. Мне стало стыдно.

— Я знаю, — ответил я резко. — И потому еду в сторону гор, а не в обратную сторону.

— Не в таком уж бодром расположении духа, — холодно заметила она. — Тебе бы пора знать, что светлые мысли приносят человеку везение, а темные — беду. Я вовсе не думаю, что твой путь легок, но раз уж ты решился ступить на него... — Она умолкла, а когда заговорила вновь, ее голос зазвучал низко и как-то торопливо. — Я не знаю, на какие силы ты полагаешься. Ты покидаешь тех, кто желает тебе добра... Прими совет: если над тобой нависнет опасность, думай о сестре и брате. Что до меня, то

может статься, при их поддержке я буду способна оказать тебе какую-то помощь.

Она заговорила о всяких пустяках, которые не имели касательства к моему походу, зато рассказали мне о светлых минутах ее собственной жизни до той поры, как в Эскоре появились мы, нарушив в нем равновесие сил, которое и без того было неустойчивым. У меня возникло впечатление, что она провела меня за руку по сокровенным уголкам своей жизненной обители. Каким это было для меня подарком! Я увидел в ней не внушающую благоговейный трепет властительницу тайных сил, а всего лишь девушку, какой была и наша Каттея до того, как Мудрейшие увезли ее от нас, чтобы переделать по своему образу и подобию.

Незаметно Дагона разговорила и меня. Я начал рассказывать о себе — больше о детстве и юности, проведенных в Эстфорде, чем о последующих годах военной службы. Эстфорд вызывал хоть и грустные, но приятные воспоминания, и у меня потеплело на сердце.

— Ну вот, Килан из рода Трегартов, — сказала она, — я думаю, мы понимаем теперь друг друга чуточку лучше. И похоже, тебе это по душе. Не так ли?

Я почувствовал, как к шее и щекам прилила кровь.

— Мне не скрыть от тебя своих мыслей, госпожа, — ответил я.

— Да и нужно ли это? — спросила она серьезно и вместе с тем насмешливо. — Может, было бы лучше не скрывать их, начиная с того момента, когда мы впервые заглянули в глаза друг другу?

Нет, она не показалась мне нескромной — она просто назвала вещи своими именами. Во мне вспыхнуло неодолимое желание стиснуть ее в объятиях, меня так влекло к ней, что пришлось закрыть глаза и сжать кулаки, чтобы совладать с собой. Поддаться этому сейчас было бы ошибкой для нас обоих. Почему я был уверен в этом? Подобно велению, двигавшему мной, это убеждение возникло непонятно как, но было столь же неоспоримым.

— Да, да, ты прав, прав! — воскликнула она, разгадав мое смятение. — Скажи мне... нет, лучше сделай так, чтобы я увидела это — какой тропой ты будешь пробираться через горы? — Она тоже пыталась преодолеть влечение, возникшее между нами.

Я постарался как можно явственней припомнить наш переход через горы.

— Тебе предстоит долгий путь пешком, — сказала Дагона с глубокомысленным видом, будто это высказывание требовало тщательного обдумывания.

На мне была кольчуга Кемока и его шлем. Я прихватил с собой и его самострел, хотя игл в обойме оставалось мало. Мой самострел и меч остались на том островке посреди реки, когда брат и сестра спешно покинули его. Да, мне предстояло перебираться через горы, а потом неизвестно сколько идти пешком, не ахти как вооруженному.

Быстроногие рогачи вскоре домчали нас до скал.

— Надо бы проверить, так ли уж непреодолим невидимый барьер, — сказала Дагона. Запрокинув голову, она издала громкую трель.

На ее зов, откуда ни возьмись, явилась большая зеленая птица, которая пролетела над нашими головами, издав ответную трель, и устремилась на запад, поднимаясь все выше и выше. Мы наблюдали за ней, пока она не скрылась из вида, но Дагона и после этого время от времени посматривала в ту сторону, куда улетела птица. Вдруг она радостно воскликнула:

— Разведчик не ощутил барьера! Он уже по ту сторону гор и, может быть, вернется с какой-нибудь вестью...

И вот настал момент, когда я соскочил с рогача и ступил на узкую тропку, чтобы следовать по ней, пока она не кончится. Дагона и другие остались сидеть верхом, только стражники остановились чуть поодаль, предоставив нам возможность попрощаться. Дагона подняла руку — как в тот раз, когда впервые повстречалась с Каттеей, и опять сотворила в воздухе светящийся знак. Он ослепил меня, и я опять не различал ее черты, которые — как давно уже того не

было — вновь стали казаться мне зыбкими и изменчивыми.

Выбросив вверх, как в воинском приветствии, сжатую в кулак руку и резко повернувшись, я опрометью бросился бежать вверх по тропке, сознавая, что если замешкаюсь сейчас, то навсегда останусь в Эскоре.

Я долго бежал без оглядки — до самого ущелья с переплетенными между собой деревьями; но прежде чем решиться на его преодоление, я не удержался и оглянулся последний раз на отринувший меня мир: я казался себе настоящим изгоем, ибо не испытывал таких терзаний даже тогда, когда мы покидали Эскарп... Я ничего не увидел: подножье гор скрывала пелена тумана, и я был только рад этому

Ночь я провел высоко в горах, а наутро начал спускаться по той самой скале, по которой мы с Кемоком тащили вверх за собой Каттею с завязанными глазами. Спуск оказался нетрудным, ибо мне приходилось заботиться только о себе. Предстояло преодолеть невероятно искореженную местность, и это мало меня радовало, зато было время хорошенько все обдумать. Я надеялся завербовать в сподвижники своих бывших сослуживцев. В тот день, когда я покинул их, они располагались лагерем на предгорной равнине; но я не был уверен, что они все еще там.

Никто из сокольничьих не соблазнился бы тем, что я мог им посулить. Да, делом их жизни была война, они нанимались служить либо в армию Эскарпа, либо на корабли сулькарцев. Но они были привязаны к Эйру и не смогли бы расстаться со своими странными обычаями и образом жизни. В Эскоре они, скорее всего, не нашли бы себе места.

Что касается сулькарцев, — эти вообще не представляли себе жизни без моря.

Значит, оставалось надеяться только на людей древней расы, бежавших из Карстена. Кое-кто из беженцев прижился в Эскарпе и обосновался в нем навсегда, но таких было мало. В большинстве же они остались неприкаянными и скитались на юге, вблизи границы, пользуясь любым случаем, чтобы мстить карстенцам за резню, некогда устроенную их сопле-

менниками. После тех кровавых событий прошло уже лет двадцать пять, но изгои не забывали о них.

Они понимали, что им не дано вернуться в Карстен, и смирились с этим. Я нес им весть о стране, в которой они смогли бы стать хозяевыми, отвоевав ее своими мечами у злых сил, и надеялся, что они прислушаются ко мне. Оставалось только найти их, не попавшись на глаза тем, кто готов был без промедления передать меня суду Совета Владычиц.

Я добрался до склона, с гребня которого мы наблюдали за лагерными кострами тех, кто преследовал нас, и дождался темноты, чтобы выяснить, не оставлены ли по сей день дозоры на холмах. Огней я не увидел, но это не означало, что местность оставили без наблюдения. Я мог только гадать, насколько убедительным оказалось наваждение — те три всадника, сотворенные Каттеей. Признаться, к колдовству я, в общем-то, всегда относился с сомнением, больше полагаясь на простое оружие да еще на смекалку. Утром мне предстояло в очередной раз проверить свою боевую выучку.

До наступления сумерек я то и дело поглядывал на небо, надеясь увидеть птицу, которую Дагона послала за горы вперед меня. Смешно было ждать, будто птица как-то послужит мне, но увидеть ее все же очень хотелось. Однако все пролетавшие поблизости птицы были из этих мест — ни разу не сверкнуло их оперение изумрудной зеленью.

Утром я вышел на тропу, которая привела нас в эти истерзанные древней катастрофой горы. Мне хотелось идти побыстрей, но я не забывал о том, что следует придерживаться ориентиров, дабы не заплутать. Поэтому я шел не торопясь, неся за плечами котомку с припасами и флягу с водой, которыми меня снабдила Дагона. Я заметил, что за мной увязался волк, по-видимому, где-то здесь обитающий, и, воспользовавшись даром общаться с животными, предложил ему поохотиться не на меня, а на кого-нибудь другого; и он отстал от меня. Никаких туманов и других колдовских штучек вроде тех, что мучили Каттею, когда мы пробирались этой же тропой в горы, я не заметил, вероятно, они возникают только

тогда, когда движешься по этим местам с запада на восток.

Крадучись, я добрался до поля, на котором не так давно горели костры. От них остались только прогарины. Было похоже, что люди ушли отсюда совсем, однако я не терял бдительности.

Два бревна, лежащие вплотную, послужили мне укрытием на ночь. Я долго не мог уснуть, пытаясь воспроизвести в памяти картину местности. Нашим проводником по предгорью в те дни был Кемок, но я по укоренившейся на границе привычке старался запоминать по пути все примечательное и теперь надеялся без особых трудностей добраться до мест, которые знал как свои пять пальцев. Те края когда-то были обжитыми, но теперь обезлюдели, и я надеялся найти там прибежище.

...Я услышал позади размеренный стук копыт. Скакал кто-то один. «Никак патрульный?» — подумал я, не очень-то волнуясь. Мое укрытие было абсолютно неприметным, и только по невероятной случайности патрульный мог поинтересоваться им.

Приближавшаяся лошадь заржала, и я понял, что она направляется именно в мою сторону! Мне не хотелось в это верить, однако я выкарабкался из укрытия, отполз к ближним кустам и встал за ними, держа наготове самострел. Ржание послышалось снова, еще ближе, и, что поразительно, лошадь продолжала двигаться ко мне, чуть изменив направление бега, словно ее всадник видел меня как на ладони...

«Должно быть, на мне какая-то помета Силы, и она выдает меня, — подумал я. — Тогда, как ни прячься, от преследователя не уйти. Лучше встретить его в открытую».

Послышался шорох ветвей и треск хвороста — всадник не скрывал своего приближения, он был уверен в себе. Я продолжал оставаться в тени кустов, нацелив самострел туда, откуда должен был появиться мой преследователь.

Появился конь — без всадника, но оседланный и в сбруе. На его груди и на морде белела корка засохшей пены. Он таращил глаза и выглядел так, словно был чем-то напуган и долго бежал, одержимый стра-

хом. Я вышел из-за кустов, и конь отпрянул от меня, но я уже соприкоснулся с ним мысленно и смог его успокоить.

Он наклонил голову, и я взялся за уздечку, не исключая возможности, что и этот конь — приманка в какой-то новой ловушке. Однако в поведении животного не было ничего подозрительного.

Я повел его под уздцы — на юг. Казалось, конь был рад подчиниться мне, во всяком случае он явно избавился от страха и успокоился, я же старался увести его подальше от того места, где он нашел меня, будто кем-то направленный.

Наконец, я остановил его, снял седло и сбрую, спутал ему ноги и отпустил до утра пастись. Сам же устроился подремать под защитой кустов, подложив под голову седло. Меня мучала загадка: откуда появился конь и, притом, — так кстати.

Несколько раз мелькнула мысль о крылатом посланце Дагоны, и я начал подумывать, нет ли связи между ним и появлением коня, но, коснувшись памяти животного, не обнаружил в ней и намека на зеленую птицу.

Пришедший ко мне конь был явно не торской породы. Кому же он мог принадлежать? Я сел и, вытащив седло из-под кустов, в свете луны разглядел, что его лука украшена серебряным гребешком весьма замысловатого вида. Я стал припоминать седельные украшения, которые мне доводилось видеть. Гребешки на седлах сулькарцев были бесхитростны — головы животных, птиц или мифических тварей. Сокольничьи, люди без роду и племени, ограничивались в украшении седел фигуркой сокола с незамысловатым символом, указывающим на принадлежность воина к тому или иному отряду. Затейливая серебряная вязь на луке лежащего передо мной седла могла быть только эмблемой какого-то рода, принадлежащего древней расе, и поскольку в Эсткарпе геральдика вышла из моды, такое украшение свидетельствовало, пожалуй, о том, что хозяином коня является как раз один из тех людей, кто мне нужен, — беженец из Карстена.

Проверить правильность моей догадки было очень просто. Для этого всего-то и требовалось — поутру оседлать коня, внушить ему желание вернуться туда, откуда он пришел, и довериться ему. Конечно, я не собирался явиться в незнакомый лагерь на сбежавшем оттуда коне. На подъезде к лагерю разумней было бы отпустить коня, чтобы хозяин решил, будто тот погулял-погулял да и вернулся. Тогда у меня была бы возможность выйти на контакт с людьми, лишь когда я этого захочу.

«Вроде бы все просто, — думал я. — Но что скажу я людям, появясь в лагере? Кого увидят они во мне? Скорее всего, наглого чужака, склоняющего их к безрассудному походу в какую-то неведомую страну. В самом деле, с какой стати они должны верить мне на слово?»

Если бы я мог сначала связаться с людьми, которых знал, — с Дермонтом, например, или с другими боевыми товарищами — они бы прислушались к моим словам, несмотря на то, что я объявлен вне закона. Но как их разыскать? Мне, наверное, следует сочинить какую-нибудь историю для людей из того лагеря, откуда ушел конь, и потихоньку выведать у них, где мне искать своих соратников...

Мне не доводилось ни командовать большим отрядом, ни принимать решений, от которых зависела бы не только моя собственная жизнь. Смогу ли я склонить людей старше меня и более опытных к тому, чтобы они доверились мне?

Сомнения роились у меня в голове, не давая уснуть.

Наконец я погрузился в сон. Я решил ехать туда, откуда пришел конь, там отпустить его на волю, пока нас не заметили, а затем подкрасться к лагерю и попытаться разведать, что за люди расположились в нем.

Рано утром, оседлав коня, я пустил его рысью, и он направился на юг. Я не мешал ему, лишь изредка, дергая узду, направлял поближе к деревьям и кустам, дабы избежать открытых мест. И по-прежнему я всматривался в небо, не оставляя надежды увидеть зеленую птицу.

Мы покинули Эсткарп на исходе лета, и хотя я провел в Эскоре не так уж много дней, у меня создалось впечатление, что за это короткое время здесь воцарилась осень. Дул холодный, чуть ли не зимний ветер, и все вокруг выглядело каким-то побуревшим. Ближе к полудню я различил на горизонте подернутые лиловой дымкой горы. Однако, как ни всматривался, я не мог отыскать ни одного знакомого мне контура, а ведь я знал эти места столько лет! Должно быть, катастрофа, вызванная общими усилиями Владычиц, изменила их до неузнаваемости. И почему-то у меня не было ни малейшего желания знакомиться с тем, во что превратились эти места.

А конь продолжал бежать на юг, и вскоре мы достигли предгорья. Здесь нам то и дело преграждали путь провалы с торчащими из них корневищами упавших туда деревьев, нагромождения каменных глыб, вызванные горными обвалами, и пепелища от буйствовавших пожаров. Мне пришлось спешиться, ибо преодолевая все эти завалы из камней и деревьев, конь легко мог сломать ногу. В одной из ложбин я подхватил пригоршню пепла и посыпал им голову, вспомнив поверье, будто пепел от сгоревшего леса оберегает от дурных сил.

Конь взмотнул головой. Мысленно коснувшись его разума, я понял, в чем дело: мы приближались к его родным местам. Бросив уздечку, я похлопал его напутственно по крупу и пожелал найти хозяина, а сам, скрываясь за корневищами деревьев, поспешил на гребень ближайшего склона.

16

Распластавшись на вершине откоса, я поглядел вниз. То, что я увидел, нельзя было назвать биваком. Посреди поляны стоял дом, окруженный частоколом, — но еще не со всех сторон. На земле лежали бревна, приготовленные для его достройки.

На краю поляны был устроен загон, в котором находилось десятка два лошадей. Перед ним стоял отпущенный мною бродячий конь, приветствуемый ржа-

нием своих сородичей. Один из работников, занимавшихся сооружением частокола, сорвался с места и бросился к вернувшемуся коню-бродяжке, выкрикивая что-то на бегу.

На пороге тоже недостроенного дома возникло шафрановое пятно женского платья и еще несколько цветных пятен. Люди побросали плотницкие инструменты и поспешили к загону. Судя по их черным волосам, почти все они принадлежали древней расе, исключая тех, у кого волосы были посветлее, что говорило о примеси сулькарской крови. На всех были кожаные куртки, какие носят под кольчугой. Чем бы ни было это место, его обитатели, без сомнения, имели отношение к пограничной службе.

Поскольку я сам был защитником границы, я знал, что какой бы мирной ни казалась открывшаяся мне картина, где-то поблизости дежурит охрана, и если меня обнаружат, то мне не поздоровится.

На стене дома выделялся узор, подобный тому, который я разглядывал ночью при свете луны на луке седла. Я не придал этому особого значения. Из всего увиденного я заключил, что эти люди обосновались здесь надолго и не боятся угрозы со стороны Карстена. Вот только зачем эта возня с частоколом, если еще не достроен дом? Вероятно, они настолько привыкли к угрозе нападения, что не представляют себе жилья без защитной стены.

Я размышлял, как мне быть. Эти люди, по-видимому, решили навсегда поселиться здесь, в глуши, и они могли оказаться именно теми воинами, которые мне были нужны.

Собравшиеся вокруг коня глазели на него, будто он свалился с неба. Кто-то тут же ушел, чтобы вернуться к своим делам, а те, кто остался, придирчиво осмотрели седло, прежде, чем снять его с коня, и стали что-то обсуждать между собой. Вдруг они подняли головы и повернулись в сторону склона — в мою сторону. Я понял: они не верили, что конь вернулся сам.

Женщина в желтом платье скрылась в доме и вскоре появилась опять. Она несла в руках груду кольчуг, а следом за ней поспешала девочка, в руках у которой были шлемы.

Четверо из тех, кто занимался обработкой бревен, облачились в кольчуги, а пятый сунул пальцы в рот и громко свистнул. Ему ответили из пяти-шести мест, и еще свист раздался у меня за спиной... Я вжался в землю. «Может, меня уже обнаружили? — подумал я. — Тогда почему дозорный до сих пор позволил мне валяться на пригорке? Похоже, я не слишком умно себя веду. Лучше уж самому явиться к ним, чем ждать, пока схватят, как лазутчика».

Я встал, поднял руки вверх и начал спускаться по склону.

— Так и иди, — прозвучал голос у меня за спиной. — И не вздумай опустить руки.

— Я же сам их поднял, — ответил я, не оборачиваясь. — Я не враг, а друг...

— Может, оно и так, — ответил невидимый конвоир, — только друг не стал бы подкрадываться к своим друзьям ползком на брюхе, как наемник-головорез.

Наемник — головорез!.. Теперь у меня не было сомнений, что эти люди — беженцы из Карстена. Похоже, они были из тех фанатиков, кто поддались жажде мщения и превратились в дикарей.

Я старался не торопиться, спускаясь по откосу к дому. Между прочим, место для сооружения форта было выбрано со знанием дела — после достройки частокола его обитатели могли не страшиться неожиданных нападений.

Несколько человек ждали меня, стоя на том месте, где оставалось соорудить ворота. На воинах были кольчуги и шлемы, мечей они пока не обнажили.

У того, кто стоял в центре, на шлеме был герб, инкрустированный самоцветами. Похоже, этот человек был средних лет, но оставалось только гадать: возраст людей древней расы трудно определить по их виду, ибо от природы они долгожители, и прожитые годы почти не сказываются на их внешности.

Я остановился в нескольких шагах от него, и он мог хорошенько рассмотреть мое лицо, поскольку кольчужный шарф моего шлема был откинут. — Приветствую сей дом и желаю хозяину и обитателям благоденствия и успехов в добрых начинаниях, — произ-

нес я общепринятое приветствие и приготовился услышать ответ, от которого зависело то, кем мне себя отныне считать, — гостем или пленником.

Он продолжал стоять молча, глядя на меня оценивающим взглядом, напомнившим мне Эфутура, Хранителя Зеленой Долины. Белесый шрам от меча тянулся по его скуле, кольчуга была заштопана на плече кольцами иного размера.

Пауза затягивалась. Я услышал легкое покашливание за спиной и понял, что мой сопровождающий с нетерпением ждет от своего повелителя сигнала наброситься на меня.

— Кому открыл врата дом Дальмотов? — вопросил, наконец, суровый воин.

Я лихорадочно соображал, что ответить. Открыто назвать фамилию Трегартов было нельзя, ибо здесь могло быть известно, что я объявлен вне закона. Назваться вымышленным именем тоже было опасно, поскольку в форте мог находиться на службе глашатай, который тотчас бы обнаружил обман. Оставалось только прибегнуть к расплывчатой велеречивости. — Дом Дальмотов — да пребудет над ним благодать солнца, ветров и обильной жатвы — открыл врата тому, кто подчинился велению долга, — исхитрился я, не погрешив при этом против правды. В добрые старые времена такие слова освобождали человека от всяких расспросов, поскольку считалось, что лишние вопросы могут навлечь на него беду.

— Двери дома открыты тому, кто поклянется не вредить ни Дальмоту, ни обитателям дома, ни их ниве, ни их хозяйству, ни их лошадям... — Вершитель моей судьбы медленно выговаривал каждое слово, будто с трудом извлекал их из памяти.

У меня душа стала на место. Такую клятву я мог произнести со спокойной совестью и без оговорок. Мой повелитель извлек меч из ножен и наставил его острием на меня, давая этим понять, что в случае нарушения клятвы моя смерть неминуема. Я опустился на одно колено и коснулся губами холодной стали.

— Клянусь, что не намерен вредить ни хозяину дома, ни его семье и близким, ни их хозяйству, ни их ниве, ни их лошадям!

Должно быть, он сделал какой-то незаметный знак, потому что вдруг появилась женщина в шафрановом платье — она принесла кубок с вином. Я понял, что эти люди ревностно соблюдают старинные традиции и, вероятней всего, именно потому, что стали изгнанниками.

Хозяин дома отпил из кубка и подал его мне. Я набрал полный рот вина, но прежде чем проглотить, повернув голову из стороны в сторону, выпустил изо рта пару струек — в сторону дома и в сторону поля. Затем я передал вино соседу, и кубок пошел по кругу. Последним был мой конвоир, все еще подозрительно косившийся на меня, — поджарый и жилистый, как горный волк.

Так я оказался в поместье Дальмотов — хотя это пока и не было поместьем в полном смысле слова; хозяина дома звали Хорваном. Должно быть, когда-то раньше он владел несравнимо большим поместьем. Госпожа Крисвита, которая вела здесь хозяйство, была второй его женой: его первая семья погибла во время резни в Карстене. Крисвита родила ему двух дочерей и сына. Обе дочери вышли замуж за обездоленных парней и вместе с ними присоединились к семейному клану. За время приграничных войн, длившихся уже больше двадцати лет, к Хорвану примкнули несколько верных друзей, которые решили здесь обосноваться и начать новую жизнь.

— Мы приметили эту долину во время набегов, — сказал Хорван, усадив меня за стол, — и в течение ряда лет жили здесь лагерем и строили этот форт. Ты еще молод, а молодым трудно понять, что человеку необходимо пристанище. Мы пришли сюда, как только катастрофа в горах сделала эти места неприступными для врагов с юга, и решили остаться здесь навсегда.

Конечно же, мне было необходимо знать, что произошло в Эсткарпе за время, пока я находился по ту сторону восточных гор, но интересоваться этим было небезопасно.

— А что, горы теперь и в самом деле надежно ограждают Эсткарп от Карстена? — рискнул я спросить для начала.

Я заметил, как усмехнулся один из сидевших за столом — дозорный по имени Годгар.

Хорван едва заметно улыбнулся.

— Похоже, что так, — ответил он. — У нас нет никаких вестей. Но если кто-то из людей Пагара и уцелел во время катастрофы, то это уже не армия; Пагар лишился войска. Проходы в горах исчезли. Карстенцам потребуется много лет, прежде чем они снова решатся напасть на нас.

— Но мы ничем не защищены от Ализона, — как бы между прочим заметил я.

На этот раз Годгар рассмеялся откровенно.

— Ализон? Эти псы разбежались по своим конурам, они испугались, как бы такая же катастрофа... — Он вдруг осекся и даже слегка покраснел, а я заметил, как Хорван метнул на него красноречивый взгляд.

— О да! Мудрейшие слегка перестарались! — выпалил я. — Но благодаря им у нас есть время на передышку.

— Мудрейшие спасли нас, — проговорила госпожа Крисвита, присаживаясь на скамью рядом с мужем. — Но сами они жестоко пострадали. Нам известно, что они совсем лишились сил, а некоторые из них даже умерли. Но ализонцы не должны знать об этом, иначе они перестанут нас бояться.

Хорван кивнул головой.

— Ты, юноша, прав, называя нынешнее затишье передышкой. — Он уставился взглядом в столешницу. — Может, мы зря тратим силы на то, чтобы обосноваться здесь.

Рука жены ласково легла на его руку. Крисвита посмотрела на дочерей, стоявших немного в стороне со своими мужьями. Мне стало не по себе. «Если я каким-то чудом уговорю этих людей идти со мной на восток, что смогу я пообещать им кроме новых трудностей? — спросил я себя. — Не лучше ли оставить их в покое? Пусть поживут хоть немного в мире». Златоцветная страна померкла в моей памяти. И все же я не мог освободиться от бремени тайного веления.

Годгар кашлянул, будто прочищая горло.

— А скажи, юноша, — обратился он ко мне, — куда ты держишь путь? На тебе сапоги для верховой езды, а явился ты сюда вроде бы пешком.

Я был вынужден сказать правду.

— Я ищу людей, — ответил я.

— Людей?! — У Хорвана брови полезли на лоб. — Не одного какого-то человека? — Должно быть, он решил, что мною движет побуждение, которое в прошлом наверняка часто обуревало его самого, а именно — жажда мести. Так, похоже, он понял меня.

— Да, людей, — повторил я. — Таких, кто хотел бы начать новую жизнь. — Как иначе мог я определить свою миссию так, чтобы не раскрыть себя перед теми, кто мог бы выдать меня?

Хорван нахмурился.

— На сулькарца, который вербует рекрутов для морских набегов, ты не похож. Да для этого и незачем забираться в такую глушь: людей можно набрать вдоль реки или в любом порту. Не похоже и на то, чтобы готовился набег на Ализон — ведь сенешаль запретил всякие вылазки на север, не осененные его знаменем.

— Нет, я пришел сюда не за этим, — сказал я. — Я собираю людей для битвы — но не на море и не на севере. Я поведу их в прекрасную страну, чтобы отвоевать ее у нечисти.

Госпожа Крисвита, все это время внимательно изучавшая меня, теперь чуть подалась вперед и вперилась в меня взглядом, словно колдунья, способная распознать, говорю ли я правду или лгу.

— И где же находится эта заветная страна, воин? — спросила она.

Я провел языком по губам. Настал момент проверить этих людей.

— Эта страна находится на востоке.

На лицах окружающих появилось недоумение. «Неужели они и вправду неспособны мыслить о востоке? — поразился я. — Как же поведать им об Эскоре?»

— На востоке? — повторила Крисвита. — Где это?

Я решил рискнуть — мне к этому было не привыкать, ведь, что ни говори, вся моя жизнь — сплошные опасности. Я решил выяснить именно сейчас, именно

с этими людьми, есть ли у меня хоть какая-то надежда увлечь кого-то за собой. Для этого необходимо было рассказать этим людям всю правду об Эскоре, какой она открылась нам, чтобы выяснить, способны ли они освободить свой разум от оков и прозреть.

Я начал рассказывать им о манускриптах Лормта и о том, чему свидетелями были мы сами — там, в Эскоре. Рассказывая им обо всем этом, я все время следил за тем, чтобы не назвать свое имя, но госпожа Крисвита не упустила из внимания моих стараний.

— Если все это так, — произнесла она подозрительно, — тогда каким образом, воин, удалось тебе проникнуть за горы, которые не только непреодолимы, но, как ты говоришь, не поддаются даже осмыслению? Почему же ты — свободен мыслить о них? — Она явно намекала на то, что подозревает меня в каком-то обмане.

Муж, однако, как будто не слышал ее.

— А ведь и верно, — сказал он. — Я и думать забыл о востоке. В Карстене — думал, а здесь — нет. Будто и направления такого не существует.

— Госпожа задала вопрос и ждет ответа, — рыкнул Годгар, сидевший с другой стороны от меня. — Мне бы тоже хотелось его услышать.

Я понял, что играть в прятки бесполезно; чтобы меня не считали обманщиком, приходилось рассказать им, зачем я отправился на восток.

— Тому было две причины, — сказал я. — И одна из них — это то, что я, по всей вероятности, объявлен здесь вне закона...

— Так я и знал! — воскликнул Годгар и вскочил, угрожающе замахиваясь на меня кулаком. — Господин, этот мошенник исхитрился стать твоим гостем, но он не достоин права неприкосновенности. Ему надо снести голову с плеч, иначе он навлечет на нас беду!

— Спокойно! — потребовал Хорван и затем обратился ко мне. — Объявленный вне закона, назовись по имени. Только не болтай о возложенной на тебя миссии, теперь тебе это не поможет.

— Килан из дома Трегартов, — ответил я.

Воцарилась тишина, и я подумал, что, должно быть, моя фамилия им неизвестна. Но тишина была

недолгой. Годгар вдруг издал яростный рык и двинул мне кулаком в ухо с такой силой, что у меня зазвенело в голове, и я опрокинулся на пол. Не успел я подняться на колени, как на меня навалились стражники, и еще один удар по голове вверг меня во мрак и беспамятство.

Очнулся я почти в такой же темноте. По еле заметным полоскам света, образующим квадрат, и по ознобу, бьющему меня, я заключил, что нахожусь в подвале, сооруженном, наверное, на много лет раньше, чем началось строительство этого гостеприимного дома. Я лежал на полу со связанными руками.

«Почему я все еще жив? — подумалось мне. — Они могли лишить меня жизни еще там, наверху. Похоже, мое поруганное имя им все-таки известно, по крайней мере, Годгару. И если они не убили меня на месте, значит, надумали передать суду Владычиц. Лучше бы уж убили... Хотелось бы знать, долго ли я буду валяться в этой яме... Этот форт, это обиталище дикарей находится на крайнем юге страны, и посыльному потребуется не менее суток, чтобы доскакать до Эса».

Я попытался избавиться от пут, но это не удалось, они только сильнее врезались в руки. Тот, кто связал меня, знал, как это делается. Я понял, что своими силами мне не освободиться.

Зато у меня появилась куча времени спокойно поразмышлять. «Если мне не спастись, то, может быть, я хотя бы смогу помочь другим? Что если Владычицы обернутся во гневе на восток? Надо бы как-то известить о такой опасности тех, кто сейчас — по ту сторону гор».

Мне не оставалось ничего иного, как попытаться установить мысленный контакт с сестрой или братом, и я сосредоточился на образе Каттеи. Возникло едва уловимое видение, которое тут же исчезло; тогда я попробовал переключиться на Кемока, но из этого вообще ничего не вышло.

«Вот так-то. При всем нашем единстве мы больше не слышим друг друга, — с горечью подумал я. — Дагона ошиблась, полагая, что в крайнем случае я могу надеяться на мысленную связь с ними. С ними?

С сестрой и братом — или с нею тоже?» Я постарался представить себе ее — такой, какой она запомнилась мне при расставании.

Не образ, всего лишь смутная тень — явилась моему воображению, но я тотчас испытал хорошо знакомое чувство мысленного контакта. Оно было зыбким, и я понимал, что не могу рассчитывать на общение, подобное тому, какое происходило время от времени между мной и сестрой или братом. И все же я надеялся, что Дагона воспримет хотя бы мою тревогу — как предупреждение об опасности. Внезапно у меня закружилась голова, мне почудилось, что я слышу отчаянные крики на каком-то непонятном языке, и почему-то это было невыносимо, я начал задыхаться и лишился сознания.

Очнувшись через какое-то время, я все еще не владел собой — у меня бешено колотилось сердце, и я судорожно глотал воздух. Над головой послышалось шарканье, крышка погреба открылась, и в проем спустили лестницу. За мной явились. Я приготовился к тому, что сейчас на ступеньке появится нога в сапоге, но вместо этого по лестнице зашуршали юбки, — спустилась госпожа Крисвита. Она поспешно захлопнула за собой крышку, и опять в подполе наступил мрак. Я уловил терпкий запах папоротника, которым женщины перекладывают свежевыстиранное белье.

— Объясни, почему ты бежал из Эсткарпа, — спросила она, склонившись надо мной.

Ее голос звучал требовательно, и я удивился: теперь-то зачем ей понадобилось знать это?

Я рассказал, как все произошло здесь и чему мы оказались свидетелями за горами. Она выслушала меня внимательно, ни разу не перебив, однако мой рассказ, похоже, чем-то не удовлетворил ее.

— Ты говори дальше, — потребовала она. — Что же, ту затерянную страну — можно покорить?

— Не покорить — отвоевать у сил зла, — поправил я, и тут же спросил: — Госпожа, зачем тебе это знать?

— Вдруг понадобится, — ответила она спокойно. — Они послали гонца в Эс, скоро тебя заберут отсюда.

— Того и жду, — отозвался я.

По шороху платья я понял, что она собирается уйти.

— Бывает, что на некоторые вещи смотришь не так, как все другие, — загадочно произнесла она. — И оказавшийся вне закона — не обязательно злодей.

— Что ты имеешь в виду, госпожа? — спросил я, но она уклонилась от прямого ответа.

— Пусть тебе повезет, Килан из рода Трегартов, — сказала она. — Ты заставил меня задуматься кое о чем.

Она выбралась наверх и захлопнула за собой крышку, опять оставив меня наедине с моими мыслями.

17

Хмурым утром за мной, наконец, пришли. Небо заволокли тучи, и воздух был пропитан сыростью. Явились трое стражников, возглавляемые Годгаром, и, как ни странно, с ними не было никого из Совета Владычиц. Не знаю, как долго я провалялся в яме: мне приносили еду и воду, но на вопросы никто не отвечал.

Они усадили меня на какую-то хилую клячу и накрепко привязали к седлу, словно боялись, что я наброшусь на них. Кроме этих четверых, поблизости не было ни души, что меня очень удивило. Было похоже, что предстоящий вояж затеян исключительно Годгаром, поведение которого отнюдь не настраивало меня на бодрый лад.

При выезде из форта он был во главе кавалькады, за ним следовал один из стражников, тянувший на поводу мою лошадь; двое других замыкали шествие. Все стражники были уже в летах — с одинаково грубыми лицами, словно вырубленными топором. И хотя в обращении со мной они обходились без грубостей, я знал, что всякая моя попытка к бегству будет тут же пресечена.

Чуть проехав по тропе, мы свернули с нее и направились на север — неспешной рысью, вслед за Годгаром. Я оглянулся назад. Довольно странный визит

госпожи Крисвиты не выходил у меня из головы. Не сказать, чтобы я связывал с ним какие-то надежды, скорее, я был заинтригован ее словами о том, что не все в этих недостроенных стенах думают одинаково. Но теперь форт казался всеми покинутым.

Никто из охранников не заговорил со мной, да и у меня не было повода обращаться к ним с вопросами. Мы ехали молча — сначала под тяжелыми тучами, а потом под моросящим дождем, который стражников нисколько не беспокоил.

Несмотря на безнадежность своего положения, я продолжал присматриваться к конвоирам и к местности, выискивая какую-нибудь возможность для побега. Мои руки были привязаны к луке седла, а ноги — к стременам; поводья моей лошади держал едущий впереди воин. Меня оставили в кольчуге, но отобрали шлем и оружие. Клячу, на которой я восседал, легко могла сбить с ног любая из их лошадей.

Мы ехали по открытой местности, поросшей высокой травой, по-осеннему пожухлой. Этот край выглядел унылым, но все же был обитаем: невдалеке от тропы, по которой мы ехали, паслось стадо косуль. Изредка над головой пролетали птицы, и, наблюдая за ними, я вспомнил о фланнане...

Неожиданно Годгар остановил своего коня, подождал, пока всадник, который держал поводья моей лошади, поравняется с ним, что-то тихо сказал ему, и тот отдал ему поводья, а сам поскакал дальше. Годгар начал подтягивать поводья, пока моя лошадь не приблизилась вплотную к его коню.

— Кто прислал тебя к нам, клятвопреступник? — процедил он сквозь зубы, глядя на меня в упор. — Кто прислал тебя, чтобы вредить дому Дальмота?

Его вопрос был лишен, как мне показалось, всякого смысла.

— Я никакой не клятвопреступник и никогда никому не желал зла, — ответил я.

За эти слова я был вознагражден ударом в ухо, от которого, будучи привязанным к седлу, не смог увернуться.

— Мы умеем заставить говорить кого угодно, — рявкнул он. — Карстенцы научили нас этому.

— Не сомневаюсь, — заверил я его. — Только никак не пойму, что от меня требуется.

К счастью, в нем сохранилась толика здравого смысла, хотя он и привык полагаться на свои кулаки.

— Тебя везут на суд Владычиц. Если ты в самом деле тот, за кого себя выдаешь, знаешь, что тебя ждет? — спросил он.

— Еще бы, — отозвался я. Для Годгара, безусловно, воинская честь была превыше всего, а следствием этого, как известно, является полное равнодушие ко всему, что происходит на свете.

— Из тебя вытряхнут душу, — все же пояснил он мне. — Рано или поздно мы все равно узнаем, что нам нужно. Почему бы тебе не сказать прямо сейчас — кто послал тебя искать прибежища у Хорвана, чтобы очернить его имя?

— Никто не посылал. Я пришел случайно, — начал было я, но он меня прервал.

— Пришел?! Не пришел, а приехал! На одном из наших коней, который сбежал из форта и через пару дней — вернулся, тогда же, когда появился и ты. Ты ведь не скрывал, рассказывая о себе, что балуешься колдовством. Похоже, что история с конем — твоих рук дело. Только зачем тебе все это понадобилось? И зачем ты выступил против Хорвана? Он ведь не враждовал с твоей семьей. Кто надоумил тебя? — наседал Годгар.

— Мне было безразлично, чей это форт, мне подошел бы любой другой, — сказал я устало. Невозможно было заставить его поверить в это, он вбил себе в голову, будто я все-таки замышлял зло против его господина. Между тем, меня удивило то, что он сказал. Оказывается, между беженцами, принадлежащими к древней расе, все еще случается кровная вражда.

— Я же говорил: на меня возложена миссия — набрать воинов из людей древней расы, тех, кто захотел бы освободить от нечисти страну, бывшую когда-то их прародиной.

Я приготовился еще раз получить удар в ухо, но, к моему удивлению, Годгар с непроницаемым видом повернул голову на восток и хрипло захохотал.

— Неужто ты надеешься, что эти выдумки спасут тебя?

— Думай, что хочешь, — ответил я. — Только я сказал все как есть. Мою сестру насильно увезли колдуньи в Обитель Мудрости. Она наделена Даром Силы и могла мысленно общаться со мною и братом. Накануне своего посвящения и принятия Клятвы она известила Кемока о том, что не намерена примкнуть к Мудрейшим. Нам удалось похитить ее из Обители — только благодаря тому, что владычицы лишились сил, двигая горы. Вырвав ее из заточения, мы бежали с ней на восток. Нам удалось преодолеть горы и проникнуть в Эскор, где мы столкнулись с силами тьмы, но и нашли друзей; они нуждаются в людях, готовых помочь им победить зло. Еще раз говорю: мне было веление вернуться сюда, чтобы набрать людей, ничего другого не услышишь даже под пытками, ибо это — истинная правда!

Он пристально смотрел на меня.

— Я слышал о Хранителе Границы, Саймоне Трегарте, — сказал он.

— И о госпоже Джелите, — прибавил я. — Отец никогда не скрывал, что он из другого мира и что может соприкасаться с Силой — не так ли?

Годгар неохотно кивнул головой.

— Так почему же нельзя допустить, что мы — плоть от их плоти — тоже наделены Даром, не присущим другим? Мы родились в один день и всегда были едины душой, а зачастую и разумом. И потому, когда Каттее стало невмоготу в Обители, у нас не было иного выбора, как похитить ее оттуда — вот и все наше преступление...

Годгар ничего не сказал, только резко пустил своего коня, при этом дернув за поводья и мою лошадь.

Мы долго ехали по каменистой тропе под моросящим дождем. Годгар ни разу больше не заговорил со мной. В полдень мы остановились в каком-то скалистом месте, где под одним из уступов можно было укрыться от дождя. Там лежала куча собранного кем-то хвороста для костра, рядом с площадкой из почерневших от сажи камней. Должно быть, здесь ча-

сто останавливались на привал, и это место было хорошо известно многим.

Меня отвязали от седла и стащили с лошади со связанными руками. Спотыкаясь, я побрел под скалу. Стражники вынули из котомок хлебцы, вяленое мясо и фрукты. Мне-таки развязали руки, но один из стражников встал у меня за спиной и, как только я съел то, чем со мной поделились, тут же наложил мне на руки путы. Закончив трапезу, они, к моему удивлению, не встали и не пошли к лошадям. Вместо этого один из них начал складывать костер, в котором вроде бы не было уже никакой необходимости. При этом он проявлял какую-то совершенно ненужную аккуратность. Разведя огонь, он встал рядом с костром, держа в обеих руках свой плащ.

Он начал то поднимать, то опускать плащ, на короткие промежутки заслоняя свет костра. Он подавал сигналы! Однако он пользовался каким-то незнакомым мне кодом. Я посмотрел в сторону склона, ожидая увидеть где-нибудь на горизонте ответное мигание, но так ничего и не заметил.

Похоже, мои охранники не ждали ответа на свои сигналы. Дав костру прогореть, они уселись вокруг него, и по всей видимости, надолго. От их промокших плащей шел пар. Время от времени они подбрасывали в костер хворостину-другую. Наблюдая за ними, я понял, что они кого-то ждут. Но кого?

Годгар кашлянул и заговорил.

— Мы ждем тех, кто передаст тебя Совету Владычиц, — сказал он. — Они заберут тебя от нас, и тогда никто уж не заявит, что ты пытался найти прибежище у Хорвана.

— Но ведь ты же сам говорил, что, когда Мудрейшие начнут допрашивать меня с помощью Силы, то выведают все, — удивился я, не понимая, в чем смысл его неуклюжего маневра.

— В общем-то так оно и есть, — тупо отозвался Годгар.

И тут меня осенило. Мудрейшие не смогут допросить меня в том случае, если я буду доставлен им мертвым! Если те, кому предстояло везти меня в Эс,

привезут туда мой труп, Мудрейшие никогда не узнают о моем пребывании в доме Хорвана.

— Зачем же ждать, чтобы кто-то убил меня? — спросил я. — У тебя же есть меч.

Годгар молчал, но я решил добиться от него ответа.

— Или твой меч какой-то необычный и может навсегда обагриться кровавыми письменами, которые прочтут другие? — допытывался я. — В тебе нет и капли достоинства, присущего твоему господину. Он бы не обнажил меч перед тем, у кого связаны руки!

Годгар впился в меня бешеным взглядом. Я понял, что задел его за живое, и он испытывает жгучее желание заставить меня умолкнуть навсегда. Но он сдержался — какое-то понятие о чести у него все же было. И тут я вспомнил клятву, к которой прибегали лишь в исключительных случаях, ибо она считалась священной.

— Тебе известно мое имя, — сказал я. — Я — Килан из рода Трегартов. Как и ты, я служил здесь, на границе. Приходилось ли тебе хоть раз слышать мое имя помянутым недобрым словом?

По всей видимости, он не понял моего вопроса, но ответил прямо.

— Да, я знаю тебя. О тебе отзывались как о храбром воине.

— Ну так слушайте, что я вам скажу, ты, Годгар, и вы тоже, — обратился я к стражникам. — Пусть отсекут мне голову моим же мечом, если я замышлял зло против дома Дальмота или против кого-нибудь из живущих в Эсткарпе, — сказал я, отчеканивая каждое слово.

Это смутило их, воины заерзали и стали переглядываться.

— Уловка это! — рявкнул Годгар.

— Уловка?! — возмутился я. — Годгар, я поклялся, что не желаю зла ни тебе, ни этим людям, какая же это уловка? — Я повернулся к стражникам. — Вы-то хоть верите мне?

Они помедлили с ответом, затем сидевший в центре сказал: — Должны верить, раз ты дал такую клятву...

— Тогда о какой уловке ты говоришь? — снова обратился я к Годгару.

Он вскочил с места, походил взад-вперед и остановился передо мной, сверкая глазами.

— Для нас ты никто, — сказал он. — Мы должны покончить с тобой ради тех, кому присягнули в верности. Но твоя смерть обременит нашу совесть, и я не знаю, как быть. Видно, ты пользуешься колдовством, чтобы только спастись...

— Я такой же колдун, как и вы, — возразил я. — Я так же, как вы, жил всегда по присяге, но волей судьбы оказался вне закона. И вернулся я сюда по велению, а не по какому-то злому умыслу.

— Теперь поздно говорить об этом, — сказал вдруг один из стражников, показывая в сторону склона; там, вдали, показались фигуры всадников. Их было шестеро и направлялись они к нам.

— Это за тобой, — кивнул Годгар в их сторону. — Я и в самом деле намеревался отдать тебя им на растерзание, но поскольку ты пришел к Хорвану случайно и клянешься в этом, они доставят тебя к Владычицам живым, а не мертвым. Мне незачем брать на себя вину за твою смерть.

— Смотрите, что это?! — воскликнул тот же стражник.

Всадников отделяло от нас открытое пространство, поросшее высокими травами. Эти травы вдруг ожили, уподобясь волнам на море. Через них в нашу сторону двигалось диковинное войско — оно состояло из животных! Неторопливо, нисколько не боясь, к нам приближались антилопы; почти рядом с ними, но не обращая на них внимания, вперевалку трусил большой медведь, а следом тенью скользил степной барс — ничуть не уступающий по величине своим горным собратьям. Присутствовали в этом войске и небольшие звери. Их не было видно, но они угадывались по колыханию трав.

— Что это стряслось со зверьем? — растерянно проговорил Годгар. Он вряд ли смутился бы так же, увидев вооруженных людей. Вообще, это зрелище могло напугать кого угодно.

Я медленно встал. Никто из стражников не одернул меня, они стояли, завороженные увиденным.

Подобно тому, как заросли трав полнились четвероногими обитателями, воздух наполнился несметным количеством птиц. Они слетались со всех сторон и с криками бросались вниз, вынуждая нас тесниться под прикрытие скалы. Я попытался мысленно соприкоснуться с осаждавшими нас пернатыми и четвероногими и уловил в их поведении определенную направленность и настойчивость, но как-либо воздействовать на них не сумел.

Я вышел из укрытия, оставив там стражников, жавшихся к скале. Птицы с пронзительными криками носились надо мной, но ни одна из них не ударила меня — ни крылом, ни клювом. Четвероногие тоже сновали вокруг меня — поглядывая и огрызаясь на тех, кто меня сюда привел. Чуть помедлив, я зашагал вниз по склону — прочь от Годгара и его людей.

— Стой, а то буду стрелять! — раздалось у меня за спиной.

Я обернулся и увидел, что на меня нацелен самострел. Внезапно над скалой появилась большая зеленая птица — та, которую я так долго ждал. Она устремилась прямо на Годгара, он закричал и, попятившись, упал, выронив оружие. Я пошел дальше — мимо барса, который скалился на стражников и бил хвостом по земле, мимо сердито фыркающего бычка, мимо других зверей — крупных и мелких.

Я шел мимо них, а вернее, сопровождаемый ими, и пытался понять, чья воля собрала их здесь. Лошади, на которых мы сюда приехали, пронзительно ржали и дергались на привязи, их пугала близость хищников. Я снова услышал крики за спиной, но не обернулся.

Идти со связанными руками оказалось непросто. Я скользил по размытой дождем грязи и едва удерживал равновесие; приходилось постоянно следить за тем, куда ступаешь. Снова за спиной послышались какие-то звуки, да такие странные, что пришлось обернуться.

Мои конвоиры покинули укрытие и брели за мной, пошатываясь и спотыкаясь. Они шли не по своей воле — полчище зверей и птиц принуждало их к этому. Не знаю, куда подевались у стражников самострелы. Их лица были безумны — как у человека, разбуженного во время кошмарного сна и еще не пришедшего в себя.

Я направился на восток, и стражники двинулись следом за мной. Мы шли в сопровождении сонмища птиц и зверей, больших и малых, которые кричали, пищали и рычали, словно выказывали свое недовольство тем, что ими кто-то распоряжается, — а на то было похоже. Я посмотрел в ту сторону, где мы заметили всадников. Но они куда-то исчезли, испугались звериного воинства и ускакали?

Это шествие зверей казалось мне какой-то фантасмагорией. Мелкие твари постепенно отстали, и мы остались в сопровождении крупных зверей и пернатых, среди которых, однако, не было видно большой зеленой птицы.

Наконец я остановился и, обернувшись, посмотрел на тех, кто следовал за мной. Их лица были серыми, а глаза — остекленевшими, они казались начисто лишенными воли.

— Годгар! — резко крикнул я, чтобы вывести его из оцепенения. — Годгар, тебе бы лучше идти обратно — к дому Дальмота, которому ты так предан. Я не питаю к тебе вражды. Если бы у меня был меч, я бы обменялся с тобой в знак примирения.

Он больше не казался злобным.

— Что ж, — сказал он, — раз ты так говоришь, давай расстанемся с миром.

С опаской оглядываясь на зверей, Годгар и стражники повернулись, чтобы идти на юг. Медленно, словно нехотя, звери расступились перед ними. Годгар расправил плечи, затем посмотрел на меня.

— Мне придется доложить обо всем случившемся, — предупредил он.

— Понятное дело, — ответил я.

— Постой! — Он порывисто шагнул ко мне, и тут же степной барс припал к земле и зарычал, оскалившись на него. Годгар замер на месте. — Я хотел

только развязать тебе руки, — растерянно пробормотал он. Но барс так и не позволил ему подойти ко мне.

— Ладно, Годгар, оставь меня так, — сказал я. — Похоже, эти создания не совсем понимают нас. Ступай себе с миром и расскажи своим, как все было. Еще раз говорю: во мне нет ненависти ни к кому из вас.

18

Я обнаружил, что звери не только сопровождают меня, но и направляют, тем или иным образом давая понять, куда мне идти. Как только Годгар и его люди исчезли из вида, я повернулся кругом — и тут же увидел оскаленную морду барса, позади которого стоял сердито похрапывающий и бьющий в землю копытом буйвол. Извечные враги, сейчас, однако, эти звери проявляли полное равнодушие друг к другу. Барс зарычал; я повернулся лицом на восток — рычание прекратилось. В окружении всей этой разношерстной компании я двинулся в путь. Постепенно какие-то животные отставали, либо уходили прочь, но все же меня сопровождал весьма внушительный эскорт четвероногих, в основном — крупные хищники.

Над головой послышалась громкая трель — крылатый посланец Дагоны снова кружил в небе. Видимо, он тоже подсказывал мне путь. Я сошел с тропы и побрел сквозь заросли мокрой от дождя травы — такой высокой, что она порой скрывала от меня моих провожатых. Зеленый посланец описал надо мной еще один круг и устремился за горизонт.

«По чьей воле происходят все эти странные вещи? — задавался я вопросом. — По воле Дагоны? Она что же — последовала за мной через горы? Нет, такого не могло случиться; как и все ее соплеменники, она не могла даже на короткое время покинуть Эскор. А может быть, это происходит по воле Кемока? Нет, это еще менее вероятно. Ни Кемок,

ни даже Каттея не способны подчинить себе такую тьму зверей».

Впереди виднелись горы, до которых, судя по всему, оставалось идти не так уж долго. Я попытался если уж не порвать, то хотя бы ослабить бечевку, стягивающую мои руки, но она только врезалась мне в запястья до крови. Несмотря на боль, я не оставлял попыток ослабить петлю бечевки, пока, наконец, не вытащил из нее, содрав кожу, одну руку и не сбросил ее с другой.

Дождь прекратился, но небо по-прежнему закрывали темные тучи. Уже сгущались сумерки. Наступающая темнота угнетала меня; ноги заплетались от усталости. Я остановился и обернулся. По пятам за мной все так же следовали буйвол и чуть позади него — барс. Я попробовал сделать пару шагов в их сторону, и тут же раздалось сердитое фырканье и рычание. Я заметил в высокой траве и других зверей — поднявшихся на задние лапы или угрожающе присевших — и понял, что на запад мне хода нет. Меня явно выпроваживали из Эсткарпа.

Я добрел до каменистой гряды и присел, чтобы дать отдых ногам. Сапоги для верховой езды не очень-то пригодны для долгого хождения пешком. Я огляделся по сторонам. Мой эскорт поредел: медведи и антилопы исчезли, осталось несколько барсов; они не скалились и не рычали, но глаз с меня не спускали. Я задумался.

Было похоже на то, что кто-то стремился вернуть меня в Эскор. Все во мне бунтовало против такого насилия. Сначала меня принудили отправиться в Эсткарп во имя какой-то заведомо обреченной на неудачу миссии, теперь меня выпроваживали отсюда. Я не видел в этом смысла. Да и кому понравится, когда им распоряжаются как пешкой по чьей-то прихоти?

Дермонт рассказывал мне как-то о древнем обычае, существовавшем в Карстене очень давно, еще когда им правили люди древней расы. Раз в десять лет там проводилась ритуальная игра. На размеченной особым образом доске расставлялись вырезанные из дерева фигуры. По одну сторону доски садился самый

могущественный в стране человек, по другую — какой-нибудь обездоленный босяк, отважившийся на игру, грозившую ему гибелью в случае проигрыша. Этот пария олицетворял собой силы разрушения и зла, в то время как могущественный правитель — силы благодатные и созидательные. Ставкой в игре было не только богатство правителя, но и благополучие всей страны; ибо в том случае, если босяк одерживал победу над правителем, в стране неизбежно наступал период хаоса и разрухи.

«А не затеяна ли кем-то эта игра и сейчас? — подумал я. — Не являюсь ли я, Килан Трегарт, той самой фишкой? Как-никак в Эсткарпе установился определенный порядок жизни, который после оказанного Карстену отпора должен будет еще больше упрочиться. В Эскоре же царил все тот же изначальный хаос. Быть может, в той древней игре была сокрыта некая истина?»

Думать себе не запретишь, но иногда от этого бывает мало толку. Я потряс головой, встал и принялся рвать траву, чтобы устроить себе постель на ночь.

Хотя я лег спать на открытом месте, я не чувствовал страха. Может быть, потому, что я был не в себе и мне на все было наплевать, а может быть, потому, что сказывалась усталость.

Поднявшись утром с кучи сырой травы, я обратил взор на горы. «Похоже, я-таки фишка в какой-то игре, — сказал я себе, — и мне нет иного хода, как тащиться наверх, в горы». С урчащим от голода животом, совсем безоружный, я тронулся в путь. Дважды я оглядывался назад. Мои провожатые, возможно караулившие меня ночью, теперь не появлялись. Да у меня и не было желания еще раз соваться в Эсткарп.

В течение всего дня надо мной довлело чувство, что мною кто-то командует. «Глупость, сущая глупость... — мысленно твердил я себе. — Кому и зачем все это было нужно — заставить меня отправиться в Эсткарп и тут же изгнать из него? Чего я в результате достиг? Пообщался с беженцами из Карстена и произвел на них отнюдь не благоприятное впечатление...»

Мне-то казалось, что я был послан в Эсткарп набрать рекрутов; но мне не удалось даже приступить к выполнению своей задачи. Так в чем же тогда заключался истинный смысл моего пребывания в Эсткарпе? Бесполезно было пытаться это понять. Я знал только, что мною распоряжаются, и от этого мне было не по себе. Меня обуял необъяснимый страх, и я, как безумец, побежал вниз — по склону какого-то ущелья. В конце концов я споткнулся, упал и, судорожно глотая воздух, стал в отчаянии колотить распухшими, изувеченными руками по земле, пока не пришел в себя.

Когда кровь перестала стучать в ушах, я услышал журчание воды и пополз на звук. Добравшись до лужицы, которую питал родник, я припал к ней всем лицом и стал жадно пить. Холодная вода вмиг прояснила мне голову и помогла снова стать самим собой. «Всему можно найти объяснение, — подумал я. — И на этот раз его следует искать в Эскоре. Звериное воинство не могло быть послано Эсткарпом. Чем скорее я вернусь в Эскор, тем скорее узнаю, в чем смысл происходящего».

Голод терзал меня, но мне это было не впервой. Я заставил себя встать и двигаться дальше. «Только бы выйти в ту долину, откуда мы начали подъем на скалы», — с надеждой твердил я себе и тут заметил, что как-то вяло воспринимаю окружающее — то ли от голода, то ли потому, что снова оказался под влиянием сил, которые мешали нам тогда, при побеге из Эсткарпа.

Наступление темноты не остановило меня, я был одержим стремлением вернуться в Эскор. Наконец передо мной открылось какое-то узкое ущелье, и я заскользил по склону горы, слабо надеясь на то, что окажусь на заветной тропе. Спустившись вниз и осмотревшись, я увидел невдалеке свет костра... и оцепенел. «Меня опередили, — подумал я. — Они поджидают меня, чтобы снова взять в плен».

Я стоял и тупо соображал, как быть. «Если я побегу назад, то заблужусь в горах и не найду пути в Эскор», — подумал я.

— Брат... брат... — вдруг прозвучало у меня в мозгу.

Я был настолько погружен в размышления, что едва обратил на это внимание. Но спустя мгновение встрепенулся: «Кемок?.. Неужели это Кемок зовет меня?» Я сорвался с места и, выкрикнув имя брата, побежал к огню.

Он вышел мне навстречу, обнял, подвел к костру и усадил на кучу лапника. Затем протянул мне миску горячей, душистой похлебки.

Я с жадностью ел суп и время от времени бросал взгляд на брата. Он был в таком же одеянии, что и люди Дагоны, на поясе у него висел боевой кнут, и все же он оставался таким, каким запомнился мне во времена службы на границе. Мне казалось даже, что я снова сижу с ним у костра на бивуаке. Я первым нарушил молчание.

— Ты знал, что я возвращаюсь? — спросил я.

— Она знала — Владычица Зеленого Безмолвия, — ответил он, и я почувствовал холодок в его голосе. — Она сказала нам, что тебя схватили...

— И что дальше?

— Каттея порывалась броситься к тебе на помощь, но ей не позволили. Они лишили ее возможности мысленно общаться с нами! — Он сказал это со злостью. — Но меня они не стали удерживать, да и не смогли бы. Более того, они решили проверить на мне, как действует их особое колдовство. Они наложили на меня чары и отпустили искать тебя. Я не очень-то верил, что эти чары как-то помогут, тем более здесь, в Эсткарпе, но похоже, они-таки действуют, раз ты объявился... Килан, почему ты ушел от нас?

— Потому что так было надо, — ответил я и стал рассказывать ему обо всем, что случилось со мной с момента моего пробуждения от вещего сна, там, в Зеленой Долине. Я не скрывал и того, что чувствовал на себе постоянно чье-то давление, но чье — так и не смог понять.

— А Дагону ты не подозреваешь? — насторожился он.

Я покачал головой.

— Нет, ей это ни к чему. Видишь ли, брат, все мы являемся фишками в какой-то игре, смысла которой нам не дано постигнуть. Меня заслали сюда, а затем

позволили — нет, заставили! — вернуться в Эскор. Есть ли в этом какой-то смысл?

— Мне этого тоже не понять, — согласился он. — В Эскоре, судя по слухам, скапливаются темные силы, и люди готовятся сразиться с ними. Честно говоря, я этому даже рад: игры втихую — не по мне.

— А что Каттея? Ты сказал, будто ее лишили возможности общаться с нами.

— До тех пор, пока она не даст обещание не пользоваться Силой. Они утверждают, что это будит нечисть. — Он обернулся и показал рукой в сторону скалистого склона. — Завтра днем мы увидимся с зелеными, они нас ждут.

В ту ночь меня мучили сновидения. Мне снилось, что я вместе с другими воинами объезжаю на коне луга и поля Эскора, облаченный в доспехи и с мечом на поясе. Я узнавал среди воинов давних знакомых, но видел и множество незнакомцев. Я увидел даже госпожу Крисвиту, тоже одетую в кольчугу и с мечом на поясе. Она была в толпе конников, состоящей из людей древней расы, и улыбалась мне. Мы двигались куда-то единым войском: на нашем знамени была большая зеленая птица. Ветер трепал знамя, и казалось, что птица живая и машет крыльями. Какие-то невероятные чудовища угрожали нам со всех сторон, но мы оказывали им достойный отпор.

— Килан! — разбудил меня Кемок, тряся за плечо. — Что, кошмар снится?..

— Как сказать... — ответил я. — Брат, ты жаждал сразиться с нечистью, похоже, нас это ждет, и либо мы освободим Эскор от гадов, либо навсегда останемся в его земле. Трудное нам выпало время...

И вот нам пришлось второй раз взбираться по скалистой круче, как бы обозначившей границу Эскарпа. Выбравшись на гребень, мы не поспешили сразу к тропе, ведущей в Эскор, но дали себе немного отдохнуть и оглядеться. У Кемока была трубка с линзами; он вынул ее из кармана и поднес к глазам. Вдруг брат замер и весь напрягся.

— Что такое? — встрепенулся я.

Вместо ответа, он передал мне трубку. Я посмотрел в нее и увидел деревья, скалы и... людей! «Да что же это такое? — удивился я. — Неужели мои преследователи? Тогда они припоздали немного. Они ведь тоже с вывихом насчет востока, и дальше им ходу нет. Что-то их многовато...»

Я покрутил коленца трубки, чтобы настроить ее получше, и увидел: всадник... другой, третий... Невероятно! Я взглянул на Кемока. Он с недоумением уставился на меня.

— Килан, ты заметил, что среди них — женщины?

— Неужели сами Мудрейшие взялись преследовать нас? — пробормотал я растерянно.

Он рассмеялся.

— А ты видел хоть одну Мудрейшую с младенцем на руках?

Я снова навел трубку на всадников и на этот раз среди них разглядел женщину. Как и все остальные, она была в плаще и в штанах для верховой езды, только перед ней покачивалась привязанная к седлу детская колыбелька.

— Должно быть, Эсткарп подвергся нападению, и это — беженцы, — сказал я.

— Я так не думаю, — ответил Кемок. — Они явились с юго-запада. Нашествие на Эсткарп возможно только со стороны Ализона, с севера. Нет, это не беженцы. Скорее, это рекруты, за которыми ты был послан, брат.

— Какие рекруты? — возразил я. — Женщины с детьми? Я поведал о своей миссии только людям Хорвана, и они сочли все это выдумкой, когда я назвался по имени. Какой смысл им следовать за мной?..

— Об этом не тебе судить, — ответил он загадочно.

Не знаю почему, но мне вспомнилась сцена из детства — один их тех редких моментов, когда в Эстфорд приехал отец навестить нас. В тот день он привез с собой Откелла — нашего учителя боевому искусству. Отец рассказывал о недавнем происшествии на Горме. К острову прибило течением корабль сулькарцев, ходивший в дальнее плаванье. Вся команда на нем была мертва. По записям в судовом журнале выяснилось, что люди погибли от какой-то бо-

лезни, которой кто-то из них заразился в заморском порту. Корабль отбуксировали в море, подожгли, а затем потопили — вместе с мертвецами. А виной всему был один-единственный матрос, который принес с берега какую-то смертельную заразу.

«А что если я был отправлен в Эсткарп, чтобы заразить людей стремлением податься на восток...» — подумал я. Какой бы дикой ни казалась эта мысль, она кое-что объясняла.

Кемок взял у меня трубку, чтобы снова посмотреть на тех, кто к нам приближался.

— Я бы не сказал, что им туманят зрение или еще как-нибудь препятствуют, — заметил он. — Похоже, какие-то силы стремятся возродить древний народ.

— А может, всего лишь добавить фишек в игру, — не удержался и съязвил я.

— Им придется расстаться с лошадьми, — сказал он деловито, и мне почему-то захотелось стукнуть его по затылку. — Но у нас есть веревки, и мы поможем им поднять скарб...

— Ты уверен, что они направляются к нам? — спросил я. — Почему ты так уверен?

— Потому что это и в самом деле так, — услышал я за спиной голос Каттеи. Она подошла к нам и взяла нас за руки. — Но сюда идут только те, кто не мог не откликнуться на твой зов, Килан. А знаешь, почему так случилось, что посланцем оказался именно ты? Да потому, что из нас троих только ты мог заразить людей Эсткарпа стремлением идти на восток...

— Навстречу смерти, — добавил я.

— Может, и так, — сказала сестра. — Но разве каждый из нас со своего первого вздоха не приближается к смерти? Никто не волен определить час ее прихода, как не был волен и ты в своей миссии. Мы входим в новую жизнь, которой не понимаем. Оставайся воином, брат, каким был всегда. Разве можно винить меч за то, что он сеет смерть? Конечно же, ответственность всегда на том, кто им распоряжается.

— А кто распоряжается тем, что происходит сейчас? — спросил я.

— Тому имя — Вечность, — ответила сестра. Ее ответ поразил меня. Для меня не было откровением то, что многие верят в первопричину всех вещей, но явилось неожиданностью, что об этом заговорила Каттея, — ведь она хотела стать колдуньей.

— Нет, Килан, — продолжила сестра, уловив мои мысли. — Обретение знаний не обязательно лишает человека веры в Изначальное. Я не знаю, по чьей воле вступили мы на эту неизведанную стезю, но обратного пути нам нет.

...Так мы вошли в Эскор, который нам предстояло отвоевать у темных сил с помощью мечей, отваги и колдовства. Но об этом — особый рассказ...

КНИГА IV

ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЛДОВСКОГО МИРА

1

История нашего рождения многим уже известна. Наша мать, госпожа Джелита из Эсткарпа, пожертвовала своим Колдовским Даром ради брака с чужеземцем Саймоном Трегартом, но не полностью утратила Силу, и мы трое, рожденные ею в тяжких муках, унаследовали некоторые ее способности. Брату она дала имя Килан-воин, сестру назвала Каттеей, что значит — колдунья, а мое имя означает — мудрость. Правда, мудрость моя всегда сводилась к пониманию того, что знаю я слишком мало. И хотя жажды познания мне было не занимать, сколько ни примеривался я к чаше истинной мудрости, мне пока удалось лишь едва пригубить ее. Впрочем, быть может, и сознание собственного несовершенства — тоже мудрость.

С самого детства я никогда не знал одиночества: мы, трое близнецов, — явление доселе небывалое в Эсткарпе — всегда ощущали, как тесно связаны между собой наши души; Килан, казалось, был создан действовать, Каттея — чувствовать, а я — мыслить. Мы могли понимать друг друга без слов, и порой возникало чувство, что не только дух, но и тела наши по-прежнему находятся в некоем единстве. Потом настал тот печальный день, когда Владычицы отлучили от нас Каттею, и мы с Киланом надолго потеряли сестру.

Война поглощает все силы человека, одни тревоги сменяются другими, живешь от восхода до заката, от сумерек до рассвета. Так было и у нас с братом. Много дней провели мы в седле, защищая границы Эсткарпа от посягательств соседнего Карстена.

Но удача изменила мне, и один удар короткого клинка превратил здорового сильного воина в жалкого калеку. Однако, несмотря на телесные страдания, я был рад этой вынужденной передышке, благодаря

которой, вдобавок, наша сестра вновь оказалась на свободе.

Моя правая рука осталась изувеченной, воевать я не мог и, едва затянулась рана, отправился в Лормт. Воюя в горах, я узнал нечто весьма любопытное: да, к югу от Эсткарпа простирался враждебный Карстен, к северу — не менее враждебный Ализон, а на западе бороздили море, опустошая прибрежные земли, наши давние союзники — сулькарцы. Но в Эсткарпе ничего не знали о том, что происходит на востоке, как будто за горной цепью, видневшейся вдали в ясную погоду, был конец мира. У моих товарищей отсутствовало всякое понятие о восточном направлении — эта сторона света для них не существовала.

В Лормте седая древность ощущалась еще более явственно, чем где бы то ни было в Эсткарпе, история которого уходит так далеко в глубь веков, что ученые до сих пор не докопались до ее истоков. Некогда Лормт был процветающим городом, а ныне превратился в руины, среди которых уцелели лишь немногие строения, и было непонятно, зачем вообще построили его в этих пустынных местах. Под ветшающими сводами хранятся рукописи древней расы, и в них, как кроты, роются переписчики, выискивая то, что кажется им достойным остаться в истории. Хотя, конечно, у каждого свой вкус, и не исключено, что полуистлевшие страницы в соседнем шкафу таят нечто гораздо более важное.

В Лормте я искал разгадку тайны неизвестных восточных земель. Мы с Киланом никогда не оставляли надежды разыскать Каттею, чтобы вновь быть всем вместе. Но в таком случае нам пришлось бы скрываться от гнева Владычиц, и вот тогда-то мы могли бы найти прибежище в неведомой стране на востоке.

Поселившись в Лормте, я ставил перед собой две задачи: заняться древними рукописями и заново научиться держать меч — в левой руке. Я понимал, что живу в суровом мире, и горе всаднику, который появится безоружным, когда солнце в Эсткарпе, багровея, садится и земля погружается в полумрак.

Я узнал достаточно, чтобы убедиться: на востоке — действительно наше спасение, во всяком случае,

есть возможность укрыться там от гнева колдуний. Помимо того мне удалось почти полностью восстановить утраченные воинские навыки.

Удобный случай представился нам с братом, когда колдуньи решили нанести по Карстену небывалый удар и, сосредоточив все внимание на выполнении этой задачи, начали двигать и колебать горы, как будто кухарка размешивала варево в гигантском котле. Мы с Киланом встретились в родном Эстфорде и, воспользовавшись ночной неразберихой, отправились за сестрой в Обитель, где держали ее колдуньи.

А потом мы втроем устремились на восток, к горам, за которыми простирался Эскор — разоренная земля, откуда в давние времена ушла древняя раса; где светлые и темные силы, вырвавшись наружу, приняли самые причудливые формы. Вместе и поодиночке преодолевали мы враждебные силы. Воспользовавшись своими способностями для достижения нашей общей цели, Килан оказался во власти одной из этих сил и, попав в беду, прошел через многие испытания, пока мы не добрались до благодатной Зеленой Долины.

Ее жители были не совсем нашей крови. Да и мы сами только наполовину принадлежали к древней расе — наш отец пришел в Эсткарп из другого мира. В жилах обитателей Зеленой Долины текла кровь не только древней расы, их происхождение было еще более древним, ибо предки этого народа жили здесь еще до появления древней расы. В Эскоре существовало об этом множество легенд, которые распространились повсюду, и нам доводилось слышать их в детстве.

Под влиянием неведомой силы Килан вернулся через горы в Эсткарп. От него необъяснимая потребность идти на восток передалась потомкам древней расы, изгнанным из Карстена во время войны с кольдерами и с тех пор ставшим бездомными скитальцами. Килан возвратился в Эскор, и они пришли вместе с ним. И не только воины, но и их жены с детьми и всем своим нехитрым скарбом — чтобы поселиться на новом месте.

Жители Зеленой Долины вместе с Дагоной, их Владычицей (той самой, что помогла Килану в беде), и Эфуту-

ром, Хранителем Зеленого Безмолвия, провели пришельцев через горные ущелья в безопасную Долину.

Таковы предшествующие события. Они стоят несколько особняком по отношению к истории Великой Войны, но по праву связаны с ней, так как помогли приблизить решающую победу.

События, о которых пойдет речь далее, начались в Зеленой Долине — в этом светлом благодатном краю. Ее обитатели издавна пользовались знаками, которые охраняли Долину от злых сил, и каждый, кто попадал сюда, обретал покой и радость. Я встречал эти знаки в рукописях Лормта и верил в их чудодейственную силу.

Но как ни приятна была жизнь в Долине, нам не пришлось долго наслаждаться покоем — весь Эскор вокруг пришел в движение. В давние времена эту страну потрясали войны, не менее опустошительные, чем та, что ныне истощала нашу родину на западе. Здесь, в Эскоре, люди, стремившиеся овладеть знанием, преступили границу благоразумия. Иные рвались к власти ради самой власти, и, как всегда бывает при этом, над землей нависла Тень чернее ночи. Страну раздирали на куски, и часть древней расы ушла за горную цепь, воздвигнув за собой непреодолимый барьер, отрекаясь от прошлого.

Оставшиеся продолжали ужасную беспощадную войну, сметая все на своем пути. Некоторые — например, зеленые, не отступившие от законов, перебрались в необитаемые земли. К ним присоединились и другие люди, не потерявшие здравого смысла: часть из тех, на ком проводили опыты невежды, рвавшиеся к тайному знанию, еще не успела стать орудием зла.

Но таких было мало, и никто не мог противостоять Великим, опьяненным властью над непостижимыми силами. Приходилось выжидать, пока буря промчится и стихнет. А Темные уничтожали друг друга в сокрушительных схватках. Большинство из них ушло, открыв Ворота в другое время и миры, вроде тех, через которые появился в Эсткарпе мой отец. Но уходя, они оставляли за собой средоточия древнего зла, и к тому же отпущенных или забытых слуг — быть может, го-

товых при случае, если их призовут, снова служить злу.

Когда мы попали в Эскор, Каттея в безвыходной ситуации прибегла к своим колдовским познаниям. При этом она нарушила неустойчивое равновесие, которое так долго здесь царило. Темные силы проснулись и пришли в движение, в стране вновь стало неспокойно, и зеленые поняли, что вот-вот разразится новая война, но на этот раз необходимо сражаться, чтобы не быть стертыми в порошок между жерновами темных сил.

Все представители светлых сил собрались, чтобы обсудить план отпора грозящему злу. Совет этот созвал Эфутур, и присутствующие являли собой весьма пестрое сборище странных существ — не то людей, не то животных.

Эфутур выступал от имени зеленых. Справа от него я увидел одного из рентанов, которые могли перевозить на спине всадников и разговаривали человеческим голосом. Это был Шапурн, предводитель опытных воинов. Возле него на большом камне сидела покрытая радужной чешуей ящерица. Когтистыми пальцами она держала шнурок, унизанный серебряными шариками, и перебирала их, словно каждый служил напоминанием о каком-то вопросе, который необходимо было затронуть при обсуждении.

Рядом сидел человек в шлеме, а справа и слева от него — мужчина и женщина в торжественном церемониальном облачении. Это были Хорван Крисвита и командующий их войском Годгар. Возле них расположились Дагона, Килан и Каттея. А по соседству, на другом камне — фланнан Фарфар — с покрытым перьями человеческим телом, крыльями птицы и когтистыми лапами вместо ног. Его присутствие на совете было скорее вопросом престижа: я знал, что фланнаны слишком рассредоточены, чтобы составить настоящее войско, но они отличные гонцы.

Напротив разместились вновь прибывшие. Среди них выделялось существо с телом птицы и головой зубастой ящерицы, красноватая чешуя на его узкой голове резко контрастировала с сизым оперением тела. Существо то и дело беспокойно хлопало крыльями

и вертело головой, оценивающе разглядывая окружающих. Это был предводитель врангов, обитателей горных вершин. Дагона церемонно раскланялась с ним: «Привет тебе, крылатый Форлонг».

А четверо его соседей имели человеческий облик. Как нам сказали до их прибытия, это были потомки древней расы, которые бежали когда-то в горы. Главным среди них был высокий смуглолицый человек, чьи черты свидетельствовали о чистокровном происхождении. Он был молод на вид, но о возрасте представителей этого народа судить всегда трудно: признаки старения проявляются у них только за несколько недель до смерти — если они доживают до старости, что в последнее время случается редко. У него была привлекательная внешность и хорошие манеры.

А я вдруг почувствовал, что ненавижу его.

Будучи тесно связаны между собой, мы с братом и сестрой в прошлом привыкли не искать большой компании. Когда Каттею отняли у нас, я довольствовался привязанностью к Килану. При этом к кому-то из товарищей по оружию я мог относиться с симпатией, к кому-то — с неприязнью, однако никогда раньше не пронзала меня такая сильная ненависть — разве что в бою с карстенцами во время их очередного набега. Но в те минуты я испытывал ненависть скорее к врагу вообще, чем к определенному человеку. А этого горца Динзиля я ненавидел отчаянно, нестерпимо и сам не понимал за что. Это было так неожиданно, что, когда Дагона представила нас друг другу, я даже не сразу смог пробормотать приветствия.

И мне показалось, Динзиль угадал мое состояние, и это позабавило его, как забавляет взрослого поведение ребенка. «Но я не ребенок, — промелькнуло у меня в голове, — и, пожалуй, Динзилю скоро представится случай в этом убедиться».

Представится случай... Глядя в его спокойное красивое лицо, я понял, что меня одолевает не только ненависть, но и мрачное предчувствие.., как будто появление этого хозяина гор вот-вот навлечет какую-то беду на всех нас. Однако я рассудил, что если зеленые пригласили его, значит они видят в нем друга и

его прибытие для них — добрый знак. Им ли не знать, откуда может грозить опасность, и, конечно, они не стали бы открывать ворота тому, кто отмечен печатью зла.

Когда мы втроем впервые пересекали поля и леса Эскора, Каттея шутя сказала, что всегда носом чует враждебную колдовскую силу. К сожалению, мой нос ничего не говорил мне о Динзиле, и тем не менее какой-то внутренний страж предупреждал меня об опасности.

Динзиль очень толково говорил на Совете и выказал немалые познания в военном деле. Его спутники время от времени тоже вставляли слово-другое, упоминая о старых заслугах Динзиля перед своими соплеменниками.

Эфутур достал карты местности, искусно изготовленные из сухих листьев, прожилки и расцветка которых служили условными обозначениями. Карты переходили из рук в руки, и все обменивались замечаниями. Форлонг, всполошенно и невнятно квакая, сообщил, что холм, на котором расположены три круга менгиров, таит в себе такую угрозу, что даже пролетать над ним — смертельный риск. Мы отметили опасное место на карте, и она еще раз прошла по кругу.

Я разворачивал очередную карту, когда меня вдруг словно что-то толкнуло, и я перевел взгляд на свою покалеченную правую руку (она давно перестала болеть, и я уже почти забыл о ней, приспособясь пользоваться ею). Некоторое время я в замешательстве разглядывал свою руку, а потом поднял глаза...

Динзиль! Он смотрел на мои изуродованные пальцы, смотрел и едва заметно улыбался, но от этой улыбки я сразу вспыхнул, почувствовав желание отдернуть руку и спрятать ее за спину. Но почему? Ведь я получил ранение в честном бою, в этом не было ничего зазорного. И все-таки Динзиль так смотрел на мои рубцы, что мне стало не по себе. На его лице было написано, что любое уродство — презренно и его должно скрывать от людей.

Потом он поднял глаза, наши взгляды встретились, и снова я прочитал по его лицу, что он всего лишь

забавляется — так иных людей веселит зрелище чужого несчастья. Он заметил, что я все понял, — и это явно еще больше развлекло его.

«Нужно предупредить их, — лихорадочно думал я, — предупредить Килана и Каттею. Они прочтут мои мысли, разделят мои предчувствия и смутные подозрения и будут начеку. Но чего же именно следует опасаться? И почему?» Ответа на эти вопросы у меня не было.

Я снова взглянул на карту и стал демонстративно разглаживать ее двумя негнущимися пальцами покалеченной руки. Во мне клокотал смертельный гнев.

Наконец Эфутур сказал:

— Необходимо послать представителей к кроганам и фасам.

— Не стоит слишком рассчитывать на них, — заговорил Динзиль. — Раз они до сих пор сохраняют нейтралитет, не исключено, что и в дальнейшем предпочтут занимать такую же позицию.

Его нетерпеливо прервала Дагона:

— Ну если они считают, что даже сейчас, когда объявлена война, их нейтралитет может сохраняться, то они просто глупцы!

— Возможно. С нашей точки зрения, — ответил Динзиль. — Их интересы вряд ли противоречат нашим, но они не потерпят никакого нажима. Нам, горцам, доводилось иметь дело с кроганами, и мы знаем — если на них давить, они начнут огрызаться. Поэтому вступить с ними в контакт безусловно нужно, но без нажима и очень аккуратно. После передачи Меча Союза дадим им время собрать свой собственный совет, и не следует выражать недовольство, если они сперва ответят отказом. Борьба только начинается, она будет долгой, и тот, кто на первых порах останется в стороне, может под конец оказаться ее участником. Раз уж мы хотим, чтобы они встали под наши знамена, надо дать им возможность самим сделать выбор, когда придет время.

Эфутур кивнул в знак согласия, остальные вслед за ним тоже закивали. Я не мог затевать с ними спор: это их земля — им и решать. Но я понимал, что очень недальновидно начинать войну, когда кто-то не

определил свою позицию. а значит, в любой момент может стать врагом и ударить в слабое место.

— Итак, мы посылаем Меч Союза крогана м фасам, обитателям торфяных болот, — подвел итог Эфутур.

— Если только нам удастся их найти! — иронически заметила Дагона. — От них всего можно ожидать. Зато на тех, кто присутствует здесь, мы можем рассчитывать полностью, верно, господин Динзиль?

Он пожал плечами:

— Кто я такой, чтобы ручаться за других? Конечно, собрать всех, кто поддерживает дружеские отношения, — мера необходимая; сейчас важно, с кем и насколько переплетены наши интересы, хотя, возможно, даже давним друзьям нельзя доверять полностью. Я скажу вот что: все силы, на которые можно рассчитывать, находятся в этой тихой Долине; к ним присоединятся еще те, кого мы приведем сюда позже. Горы будут с вами. Посылайте миссию в низину.

Не решаясь прибегнуть к мысленному общению с Киланом и Каттеей здесь, на совете, я с нетерпением ждал его окончания. Не зная, какой силой или даром владеют присутствующие, я не рискнул мысленно призвать брата и сестру. Вскоре мне представился случай поговорить с Киланом, когда он сопровождал Хорвана, отправившегося искать место для своего лагеря. Но прежде я оказался рядом с Годгаром, мы разговорились о войне с Карстеном и выяснили, что в разное время воевали в одном и том же районе гор.

Я неплохо знал таких людей. Это прирожденные воины, из них получаются хорошие командиры, но чаще они исправно служат под началом того, кто пользуется их уважением. Они составляют крепкое ядро всякого войска, ведущего честную войну, а в мирное время чувствуют себя не в своей тарелке, словно утрачивая смысл существования, если меч слишком долго остается в ножнах. Годгар ехал и, будто принюхиваясь, скользил взглядом по сторонам, запоминая ориентиры на местности, как опытный разведчик, привыкший к любым превратностям судьбы.

Облюбовав место для лагеря, Хорван приказал разбить палатки, хотя климат в Долине был такой мяг-

кий, что вполне можно было заночевать под открытым небом. Наконец, я подъехал к Килану, мы пустили лошадей рядом, и я заговорил с ним о Динзиле.

Начав объяснять, в чем дело, я заметил, что Килан хмурится. Я замолчал и пристально посмотрел на него. Тогда я прибегнул к мысленному контакту и с удивлением обнаружил — впервые в жизни — его недоверие к моим словам. Я был поражен: брат считал, что я навожу тень на ясный день, пытаюсь посеять раздор...

— Нет, не то, — горячо запротестовал он, в свою очередь уловив мои мысли. — Но что ты имеешь против этого человека? Что, кроме неясных ощущений? Если он враг, то почему же его пропустили знаки, которые оберегают Долину? Я уверен, она надежно защищена от всех, кто связан с Великой Тенью.

Но как же он ошибался! Хотя тогда мы об этом не знали.

Чем мог я доказать верность моих подозрений? Что смущало меня? Выражение глаз Динзиля? Это было всего лишь ощущение — но именно такие ощущения служат нам, обыкновенно, последней защитой.

Килан улыбнулся мне, его недоумение постепенно прошло, но я уже замкнулся в себе. Как обжегшийся ребенок, доверчиво протянувший руку к раскаленным углям, привлеченный их светом и не ожидавший опасности, я теперь смотрел с подозрением на все вокруг.

— Считай, что ты меня предупредил, — сказал брат, и я понял, что он не верит моим предчувствиям.

В тот вечер был устроен пир, хотя, казалось бы, какое может быть веселье в преддверии войны. Но этикет есть этикет, и, возможно, его соблюдение в такой момент придавало собравшимся уверенности в том, что все идет своим чередом. Я до сих пор не поговорил с Каттеей — не решался после неудавшегося разговора с Киланом. Теперь меня угнетало, что она сидит за столом рядом с Динзилем, и он, улыбаясь, что-то говорит ей, а она улыбается и смеется в ответ.

— Ты всегда так молчалив, воин с суровым лицом?

Я повернулся и увидел Дагону — ту, что меняла свой прекрасный облик, становясь такой, какой хотел

ее видеть глядящий на нее человек. Сейчас ее волосы были цвета воронова крыла, и на белом лице играл легкий румянец, при заходе же солнца волосы казались золотисто-медными и кожа — золотисто-смуглой.

«Интересно, каково это — быть столь разной?» — спросил я себя.

— Какие думы владеют тобой, премудрый Кемок? — продолжала поддразнивать меня Дагона, и я вышел из оцепенения.

— Невеселые думы, моя госпожа.

Дагона посерьезнела, перевела взгляд на кубок, который держала в руках, слегка качнула его, и пурпурная влага плеснула в края.

— Мне кажется, твои думы слишком угнетают тебя.

— Так оно и есть.

Почему я это сказал? Я не привык ни с кем откровенничать — кроме брата и сестры, конечно; ведь мы трое раньше всегда были заодно. Были... А теперь? Я снова взглянул на Каттею, улыбающуюся Динзилю, и на Килана — тот был поглощен беседой с Эфутуром и Хорваном, словно стал между ними связующим звеном.

— Ветка, не цепляйся за листья, — мягко произнесла Дагона. — Наступит час — ветер все равно сорвет их и унесет прочь. Но взамен вырастут новые.

Я понял намек, зная, что между ней и Киланом установились особые взаимоотношения, но именно это нисколько меня не задевало. Я был готов и к тому, что когда-нибудь рядом с Каттеей тоже появится близкий человек. Я ничего не имел против того, чтобы Каттея смеялась в этот вечер, и женское кокетство заслоняло в ней и колдунью, и сестру. Но рядом с ней сидел Динзиль!

— Кемок!

Я снова взглянул на Дагону, испытующе смотревшую на меня.

— Кемок, что с тобой?

— Госпожа, — я смотрел ей в глаза. — Я чувствую опасность. Я боюсь...

— Динзиля? Боишься, что он отнимет у тебя взлелеянное тобой сокровище?

— Да, я боюсь Динзиля. А точнее — того, кем он может оказаться.

Не сводя с меня глаз, она поднесла кубок к губам.

— Я присмотрюсь к нему, воин. Очевидно, я неправильно поняла тебя поначалу. Не родственная ревность снедает тебя, этот человек неприятен тебе сам по себе. Почему?

— Не знаю. Просто смутное ощущение.

Дагона поставила кубок:

— Чувства вернее слов. Будь спокоен, я понаблюдаю за ним.

— Благодарю, госпожа, — тихо ответил я.

— Ты можешь ехать с легким сердцем, Кемок, — добавила Дагона. — И пусть тебе сопутствует удача. Но не выпускай из рук меч.

Я кивнул ей, поднимая свой кубок.

Таким образом, Дагона узнала о том, что меня мучило, и отнеслась к этому серьезно. И все-таки беспокойство мое не улеглось. Наутро мне предстояло отправиться с миссией к кроганам, а Динзиль явно не собирался покидать Долину.

2

Итак, решено было, что зеленые и все мы, к ним присоединившиеся, попытаемся заключить союз с жителями низинных областей. Килан должен был выехать с Дагоной к фасам, подземным обитателям, которых мы еще ни разу не видели. Их стихией были сумерки и ночь, но, насколько мы знали, к Великой Тени они никакого отношения не имели. А я отправлялся с Эфутуром к кроганам, чьими владениями были реки, озера и все водные пути Эскора. То, что я и Килан из Эсткарпа, должно было придать нашей миссии особый вес.

Мы с Эфутуром выступили в путь ранним утром. Килан и Дагона проводили нас. Они дожидались ночи — чтобы вызвать фасов, надо было установить факелы в отдаленном пустынном районе.

Лошадей мы оставили в Долине: я ехал верхом на одном из помощников Шапурна, а Эфутур — на самом Шапурне. Наши скакуны-рентаны были чуть крупнее вьючных лошадей. Их шкура, ярко-рыжая на спине и кремовая на животе, лоснилась; на лбу у каждого торчал длинный изящно выгнутый красный рог. Идя галопом, они задирали короткие пушистые хвосты, кремовые, как и пушок между ушей.

Рентаны были без узды — такие же полномочные представители, как и мы, из любезности предложившие нам свои услуги, чтобы ускорить наше путешествие. А поскольку все пять чувств у них были развиты острее, чем у нас, рентаны выступали также в роли разведчиков, чутко реагируя на любую опасность.

Эфутур был в зеленом одеянии жителей Долины, за поясом у него торчал боевой кнут, их излюбленное оружие. На мне была кожаная куртка и кольчуга Эсткарпа. После долгого перерыва кольчуга казалась непривычно тяжелой. Шлем с кольчужным шарфом тонкой работы я держал в руке, подставляя голову свежему рассветному ветерку.

Хотя в Эскоре стояла осень и недалеко было до холодов, но, казалось, лето не торопится уходить отсюда. Кое-где на деревьях и кустах мелькали желтые и красные листья, но ветер был теплый — утренняя прохлада быстро рассеялась.

— Обманчивая тишина, — произнес Эфутур. Его красивое лицо всегда было невозмутимо, почти не отражало эмоций, но сейчас во взгляде появилась настороженность. На лбу у Эфутура, как и у всех его соплеменников-мужчин, виднелись из-под кудрей светлые рожки. Как у Дагоны, только в меньшей степени, у него менялся цвет лица и волос. Пока не рассвело, у Эфутура были темные кудри и бледное лицо, однако с первыми лучами солнца кудри порыжели, а лицо посмуглело.

— Обманчивая тишина, — повторил он. — Тут на каждом шагу ловушки с приманкой.

— Уже видел такие, — заверил я его.

Шапурн чуть ускорил шаг и свернул с дороги, ведущей в Долину. Мой скакун последовал за ним, хотя я и не слышал никакого приказа. Казалось,

мы двигаемся назад, на возвышенность, но, проехав немного в гору, мы снова стали спускаться под уклон. Тропа, по которой мы ехали, была, по всем признакам, какой-то заброшенной дорогой. То тут, то там из земли выступали каменные плиты, образуя ступени, по которым осторожно шагали наши четвероногие товарищи.

Вскоре мы оказались в другой долине, покрытой темно-зелеными зарослями — не то низкорослыми деревьями, не то высокими кустами. Сквозь них виднелись остатки разрушенных древних стен.

— Ха-Гарк, — кивнул в их сторону Эфутур.

— То есть? — спросил я.

— Когда-то это было надежное укрепление.

— Разрушенное Великой Тенью?

Он покачал головой:

— Холмы заплясали, и все рухнуло. Под чьи вражьи трубы они плясали в ту ночь — неизвестно. Будем надеяться, что эта тайна неведома тем, к кому мы держим путь.

— Неужели кто-то снова захочет воспользоваться этим тайным знанием? — спросил я, сам понимая, что об этом можно только гадать.

— Трудно сказать... Многие Великие в той войне уничтожили друг друга. Остальные ушли через свои Ворота в другие миры навстречу новым испытаниям, новым победам и поражениям. Некоторые из них теперь так далеко от нас, что происходящее здесь лишено для них всякого смысла. Мы очень надеемся, что будем иметь дело не с самими Великими из прежних времен, а с их прислужниками, оставшимися здесь. Правда, нельзя забывать, что и это — внушительная сила.

«Мне доводилось их встречать — такое не забывается», — подумал я.

Наша заброшенная, едва различимая дорога шла теперь среди развалин. Местами они были покрыты землей, между камней виднелись засохшие деревца, попытавшиеся было пойти в рост. Много лет минуло с тех пор, как Ха-Гарк перестал существовать.

Дорога свернула влево, и вскоре мы выехали из этой мрачной долины на поросшую высокой травой

низменность. Солнце, стоявшее уже высоко, немного припекало, и Эфутур распахнул плащ. На коленях у него лежал Меч Союза, сделанный не из стали, а из светлого дерева. Широкий и тупой, он по всей длине был покрыт замысловатыми рунами, а рукоять оплетали красный и зеленый шнуры, причудливо перевитые между собой.

Мы уже проехали некоторое расстояние по открытой местности, когда Шапурн, подняв голову, вдруг остановился и мой скакун тоже замер на месте. Раздувая ноздри и поводя головой, Шапурн принюхивался.

— Серые, — мысленно сообщил он нам.

Я окинул взглядом волновавшуюся от ветра траву: она была достаточно высока, чтобы скрыть ползущего человека. После того, как нам с Каттеей пришлось спасаться от сонмища всевозможных чудовищ, я стал с подозрением относиться к любому ландшафту, каким бы безобидным он ни казался.

— Что им надо? — подумали мы с Эфутуром почти одновременно.

— Они подкрадываются...

— К нам?

Шапурн втянул в себя воздух:

— Нет. Они голодны и охотятся... Ага, вот вспугнули какую-то дичь. Теперь преследуют ее.

Послышался слабый отдаленный вой. За мной тоже когда-то так охотились, и я с жалостью подумал об их жертве. По обычно невозмутимому лицу Эфутура пробежала легкая тень недовольства.

— Совсем близко, — произнес он. — Нам надо почаще объезжать границы.

Его рука потянулась к боевому кнуту, но он не стал доставать оружие — обычай запрещал это тому, кто вез Меч Союза.

Рентаны рысью пустились вперед, мы быстрее ветра пересекли открытую равнину и въехали в овраг, края которого поросли густым кустарником. По песку и гальке змеился узкий ручей — след стремительного потока, бежавшего здесь весной. Вдруг я заметил, как в песчаной рытвине что-то сверкнуло. Я нагнулся и поднял голубовато-зеленый камень — из тех, что очень ценились в Долине. Такими же камнями были

украшены браслеты и пояс Эфутура. И хотя камень, лежавший у меня на ладони, был неровный и необработанный, он так и вспыхивал на солнце голубовато-зеленым огнем.

Эфутур нетерпеливо оглянулся, но увидев мою находку, воскликнул с удивлением и радостью:

— Ого! Вот так везение! Верная примета, что зло не проникло сюда — такие камни теряют блеск, если их касается Тень. Кемок, ты получил дар от этой земли, так пусть он принесет тебе удачу.

И подняв правую руку, лежавшую на рукояти Меча Союза, Эфутур сделал жест, о котором я узнал, читая лормтские рукописи — жест пожелания добра.

Находка явно приободрила моего спутника — он разговорился, и я с интересом слушал его рассказ об этих местах и их обитателях.

Кроганы, к которым мы направлялись, были народностью, образовавшейся в результате первых опытов Великих — из людей, которые, вероятно, сами, движимые любопытством, добровольно подверглись видоизменению и были превращены в подводных обитателей, способных часть жизни проводить на суше. Во время войны, опустошившей Эскор, они ушли на дно водоемов, и теперь их нечасто можно было встретить на земле. Изредка они селились на островах посреди озер или по берегам рек.

Кроганы никогда не враждовали с зелеными, а случалось и действовали с ними заодно. Эфутур рассказал, что как-то раз они затопили особо опасное гнездо злых сил, которое никак не удавалось разгромить всадникам из Долины. Теперь Эфутур надеялся сделать их нашими союзниками. До сих пор их содействие бывало временным и случайным. «Из них выйдут отличные разведчики, — пояснил Эфутур, — вода в этих местах повсюду, и для кроганов и их подводных слуг здесь нет недоступных уголков».

Пока он говорил, мы выехали к озеру, окруженному обширным заболоченным пространством. Как ни странно, растительность болота, казалось, была тронута засухой: тростник высох и порыжел. Но чуть подальше выступающие из воды кочки оставались зелеными. Еще дальше болото переходило в озеро.

И хотя вовсю светило солнце, над озером стлался туман. Мне показалось, я заметил острова, но туман колебался, и это сбивало с толку. Я невольно вспомнил Торовы Топи в Эсткарпе, где отец был в плену во время войны с кольдерами — таинственное место, куда никто не отваживался отправиться без приглашения.

Рентаны подвезли нас с Эфутуром к краю болота, и мы спешились. Держа Меч Союза в левой руке, правую Эфутур поднес ко рту и, сложив ладонь трубочкой, издал протяжный звук, оборвавшийся на подъеме, словно содержащий в себе вопрос.

Мы ждали. Я не заметил никого, кроме крупных водяных насекомых, которые пролетали над тростником или скользили по темной поверхности болотной воды. Не было ни птиц, ни следов животных, тина давно высохла и рассыпалась у нас под ногами в рыжую пыль.

Эфутур протрубил трижды, но ответа не последовало. В выражении его лица появился едва уловимый оттенок нетерпения, в остальном он сохранял полную невозмутимость.

Он все не двигался с места, и непонятно было, сколько же нам придется стоять вот так и ждать, когда неведомые обитатели этого озера-болота соизволят, наконец, откликнуться.

Вдруг я почувствовал их появление, уловив не звуки, а лишь колебание, движение воздуха. Подобное ощущение иногда возникало у меня при приближении матери или Каттеи, ощущение будто кто-то уверенно движется к своей цели. Это был, можно сказать, сильный поток энергии. Я вопросительно посмотрел на Эфутура.

Держа перед собой Меч Союза, он повернулся к полосе трясины, отделявшей нас от озера. Красный и зеленый шнуры ослепительно сверкали на солнце, словно сплетенные из расплавленных драгоценных камней. Эфутур больше не трубил, он стоял, протягивая вперед Меч Союза, как верительную грамоту.

В отдалении при полном безветрии зашевелился зеленеющий по краю озера тростник, и из воды поднялись, стоя по колено в иле, две фигуры.

Они легко и проворно двинулись к нам по топи через заросли тростника, и я увидел, что кроганы выглядят совсем как люди. Только ступни у них были клинообразной формы с перепонками между пальцев, а бледные плотные тела неестественно блестели на солнце. Короткие прилизанные волосы были едва темнее кожи. На горле с двух сторон виднелись круглые отметины — жабры, сейчас, на воздухе, закрытые.

Кроганы были в чешуйчатых набедренных повязках, переливавшихся всеми цветами радуги. К поясу у них вместо сумок были приторочены большие раковины. В руках, тоже с перепонками между пальцев, они держали жезлы — наполовину зеленые, наполовину черные, покрытые резьбой и заостренные с одного конца. Эти остроконечные жезлы походили на смертоносное оружие. Кроганы держали их остриями вниз, по-видимому, в знак того, что не имеют враждебных намерений.

Когда они наконец приблизились, я увидел, что, хотя издали они казались людьми, их немигающие глаза были, скорее, глазами животных — без белков — темно-зеленые, похожие на кошачьи.

— Эфутур. — Произнес вместо приветствия один из кроганов.

— Ориас? — спросил Эфутур.

Он слегка повернул Меч Союза, и рукоять снова ярко сверкнула на солнце.

Кроганы пристально смотрели на нас и на меч, затем главный сделал нам знак рукой, они повернулись в сторону озера, и мы, перепрыгивая с кочки на кочку, неуверенно двинулись за ними. Воздух был насыщен тухлым запахом болота, наши сапоги сразу облепил вязкий ил, к ногам же провожатых болотная грязь, казалось, совсем не приставала.

Наконец мы дошли до кромки воды, и я было решил, что нам предстоит добираться вплавь, но тут от одного из островов, видневшихся в тумане, отделилась неясная тень и стала приближаться к нам. Вскоре мы увидели, что это лодка, сделанная из кожи какого-то водяного животного, натянутой на костяной каркас. Лодку тащил за собой кроган. Сесть в нее, не перевернув, оказалось не так-то просто; рентаны, и не

пытаясь сделать это, поплыли рядом, а кроганы втроем потащили лодку за собой.

Запах болота постепенно пропал. В отличие от топкого берега озера, остров, к которому мы направлялись, был окаймлен широкой полосой мелкого серебристого песка. За ней поднималась какая-то невиданная растительность: ветви, высоко вздымавшиеся вверх, походили на мягкие перья, какие иногда привозили из-за моря сулькарские купцы. С этих тусклосеребристых ветвей свисали зеленые и бледно-желтые гирлянды цветов.

Песчаная полоса была разделена на четкие геометрические фигуры, выложенные при помощи больших раковин и камней разных оттенков. Между ними шли дорожки, окаймленные оградой из низких колышков, отшлифованных водой и выбеленных солнцем.

Нас провели по одной из этих дорожек. На разгороженных участках я увидел плетеные узорчатые циновки и корзинки; но тех, кому они принадлежали, не было. Мы вошли в заросли перистых деревьев и почувствовали аромат цветов. В некотором отдалении среди деревьев я мельком увидел тех, кого мы, должно быть, потревожили на песчаном берегу: в основном — мужчин, таких же как наши провожатые; и нескольких женщин, у каждой из которых распущенные волосы были перехвачены плетеным обручем из тростника, украшенным ракушками и цветами. Зеленоватые, бледно-желтые и розоватые одеяния женщин, более легкие, чем чешуйчатые набедренные повязки мужчин, были скреплены на плечах застежками из ракушек и перетянуты по талии узорчатым поясом.

Когда мы снова вышли из зарослей, то очутились перед множеством каменных глыб, над которыми, по всей видимости, поработали искусные камнерезы. На нас злобно и угрожающе смотрели каменные чудовища с глазами из раковин и тусклых драгоценных камней. Некоторые оскаленные морды были, скорее, забавны, чем страшны. Два чудовища охраняли плоский уступ, где, как на троне, восседал предводитель кроганов.

Он не поднялся нам навстречу; на коленях у него лежал остроконечный жезл наподобие тех, что были у его помощников. Предводитель придерживал жезл рукой и при нашем приближении не опустил его острием вниз.

Эфутур воткнул Меч Союза в мягкий песок и, отпустив рукоять, оставил его в таком положении.

— Ориас! — произнес он.

Предводитель кроганов был похож на своих соплеменников, приведших нас сюда, только на левой стороне лица у него от виска до подбородка тянулся шрам, задевавший веко, так что один глаз был наполовину прикрыт.

— Это ты, Эфутур? Зачем ты здесь? — голос у него был тонкий и невыразительный.

— Вот зачем, — Эфутур коснулся рукояти меча. — Нам нужно поговорить.

— Чтобы хвататься за копья, бить в барабаны, с кем-то сражаться?.. — прервал его кроган. — Это чужеземцы все взбудоражили... — повернув голову, он уставился на меня здоровым глазом. — Они разбудили то, что дремало, эти чужаки. Что у вас общего с ними, Эфутур? Разве мало вам прошлых нелегких побед?

— Прошлые победы не означают, что можно повесить оружие на самый высокий сук, чтобы оно ржавело, и забыть о нем, — спокойно ответил Эфутур. — Темные силы проснулись — не важно, кто их пробудил. Близится день, когда бой барабанов услышат все, и уши затыкать бесполезно. Горцы, вранги, рентаны, фланнаны, мы — зеленые и пришельцы из-за гор заключают союз и смыкают ряды. Надо объединяться — другого выхода нет. Скоро начнется такое, что не спрячешься ни в небе, ни под землей, — он помедлил, — ни в воде.

— Принять Меч Союза... Тут необходимо все взвесить.

Я понял, что Ориас хитрит, но не решился на мысленный контакт, это было слишком рискованно.

— И я один, — продолжал кроган, — не решаю за весь мой народ. Мы соберем совет. Вы можете переночевать на соседнем острове.

Эфутур кивнул, он не прикоснулся к мечу, оставив его воткнутым в песок. Нас провели через перистые заросли обратно к берегу и посадили в лодку, которую затем оттащили к другому острову, покрытому обычной растительностью. Здесь была вымощенная каменными плитами площадка, на ней — углубление для костра и возле него — куча хвороста. Мы с Эфутуром развязали походные мешки и поели. Потом я подошел к воде, пытаясь получше разглядеть серебристый остров вдали. Но странная, наверное колдовская, дымка, окутывавшая его, скрывала подробности. Мне показалось, я видел, как кроганы выходят из озера и снова возвращаются в него. Но возле нашего острова я не заметил никакого движения.

Эфутур гадал, каково будет решение совета Ориаса. Он сказал, что кроганы — сами себе закон, и Динзиль прав, никто не может на них повлиять. При упоминании о Динзиле тревожные предчувствия, которые я пытался заглушить, снова зашевелились во мне. И я, как мог, постарался исподволь расспросить Эфутура о предводителе горцев.

Он принадлежал к древней расе и, насколько знали зеленые, был обычным человеком. За ним утвердилась прочная слава доблестного воина. Возможно, Динзиль обладал тайной силой: в детстве он обучался у одного из немногих оставшихся чародеев, который использовал тайное знание, оберегая небольшую часть Эскора, куда он бежал. Эфутур отзывался о Динзиле с таким уважением, что я не решился заговорить о своих сомнениях. Да и что были мои смутные ощущения в сравнении с его непоколебимой уверенностью?

Стемнело, а с главного острова так и не последовало никакого сигнала, и мы легли спать, завернувшись в плащи. Посреди ночи я очнулся в холодном поту: мне приснился ужасный сон. Подобный кошмар я видел перед тем, как у нас отняли Каттею, и вот так же проснулся тогда, охваченный страхом, силясь вспомнить, что же мне снилось.

Больше я не уснул, но не решился разбудить Эфутура и поделиться с ним своей тревогой. Меня мучило желание поскорее покинуть этот остров, вернуться в Долину и убедиться, что с сестрой и братом не слу-

чилось беды. Собравшись с духом, я потихоньку спустился на берег и встал лицом в ту сторону, где, как я предполагал, была Долина, хотя в этих местах трудно было определить направление сторон света.

Закрыв лицо руками, я стал мысленно призывать Каттею. Я д о л ж е н был знать. Отклика не последовало, я собрал всю свою волю и снова позвал.

Донесся слабый, едва уловимый ответ. Каттея тревожилась за меня. Я сразу сообщил ей, что опасность грозит не мне, что я боюсь за нее и Килана. Она ответила, что у них все спокойно и что, наверное, на меня подействовало какое-то зло, пребывающее на пространстве, лежащем между нами. Затем она попросила оборвать связь, чтобы меня не обнаружила какая-нибудь враждебная сила. Каттея так настаивала на этом, что я подчинился. Но тревога не оставляла меня: хотя сестра и сообщила, что все в порядке, я чувствовал, что это ненадолго.

— Кто здесь? Кого ты зовешь? — донеслось из темноты.

Вздрогнув, я повернулся и выронил меч, сверкнувший в лунном свете: ко мне шла женщина, бесшумно ступая по песку перепончатыми ступнями. Мокрое одеяние облепило ее тело, она была маленькой и хрупкой, а лицо, казалось, было бледнее бледного. Откинув назад свисающие влажные пряди волос, она поправила на голове обруч из тростника и ракушек.

— Кого ты зовешь? — ее тихий голос был монотонным, как у Ориаса.

Я не из тех, кто готов откровенничать с первым встречным, но тут ответил:

— Мне приснилось что-то ужасное, я иногда вижу вещие сны. Я испугался за сестру и брата и разыскивал их.

— Я Орсия, а ты? — она словно не слыхала моих слов, так важно ей было узнать, кто я такой.

— Кемок, Кемок Трегарт из Эсткарпа, — ответил я.

— Кемок... — повторила она. — А, так ты один из трех чужеземцев, которые пришли, чтобы навлечь на нас беду...

— Нет, мы пришли не за этим, — возразил я, желая как-то переубедить ее. — Нам самим пришлось

спасаться от беды. Мы шли через горы и не знали, что нас ждет здесь. Мы просто искали прибежища и больше ничего.

— И все-таки вы нарушили наш покой.

Орсия подняла с земли камушек и бросила его в озеро. Раздался всплеск, по воде побежали круги.

— Вы разбудили древнее зло. А теперь ты хочешь втянуть в это кроганов?

— Тут дело не во мне, — возразил я. — Нам надо объединиться и вместе защищаться — нам всем.

— Вряд ли Ориас и остальные согласятся. Нет. — Она помотала головой и волосы, быстро высохшие, рассыпались у нее по плечам серебристой пеленой. — Ты напрасно совершил свой путь к нам, чужеземец.

Она вошла в озеро и, нырнув, исчезла под водой.

Орсия оказалась права. Когда утром нас снова перевезли на главный остров, Меч Союза по-прежнему торчал в песке, никто к нему не притронулся, и на нем не появилось новых шнуров. Трон пустовал, Ориаса не было — хозяева давали понять, что мы непрошеные гости и нам нечего здесь делать.

3

— Как же теперь быть? — спросил я, когда безмолвные кроганы, доставившие нас обратно на заболоченный берег, исчезли под водой, не успели мы с ними проститься.

— Ничего не поделаешь, — ответил Эфутур. — Они решили сохранять нейтралитет. Боюсь, им это не удастся. — Он говорил рассеянно, с тревогой оглядывая окрестные холмы.

Я проследил за его взглядом, но не увидел ничего особенного. А может быть, не заметил? Как и накануне утром светило солнце и местность казалась совершенно пустынной. Вдруг в небе появилась движущаяся черная точка, за ней — другая.

— Едем! — крикнул Эфутур. — Это рузы. Сейчас начнется!

Шапурн и Шил двинулись по оврагу вдоль почти пересохшего русла ручья и сразу пошли рысью. Втя-

нув в себя воздух, я почувствовал тухлый болотный запах и посмотрел вниз — не осталось ли на ногах болотной грязи, хотя мы и вытерли сапоги сухой травой.

Нет, грязи не было, а запах все усиливался. Я окинул взглядом высокие края оврага: война на границе Эсткарпа научила меня осторожности. Солнце светило вовсю, но мы ехали в тени, я надел шлем, застегнул кольчужный шарф и вынул из ножен тяжелый меч.

Запах усиливался с каждым дуновением ветерка, долетавшего в узкий овраг. Эфутур вез Меч Союза не перед собой, а на поясе — наша миссия посланников была завершена — и держал наготове боевой кнут. На холмах над нами собирал силы незримый враг.

Я по-прежнему не видел ничего подозрительного, было только ощущение опасности и запах. С поразительной скоростью вынесли нас рентаны из этой природной ловушки, и я так и не понял, почему она не захлопнулась, — враг упустил возможность, которой ему могло больше не представиться.

— Почему?

Эфутур сжал губы и, помедлив, ответил:

— Они бы не справились с нами. Но рузы полетели за подкреплением, и когда мы окажемся на открытом месте...

И вот мы выехали на равнину, где волновалась высокая густая трава, и я увидел тех, кто собирался преградить нам путь. Я узнал серых — жуткую помесь людей и волков; запрокидывая морды, они принюхивались и настороженно прислушивались. Вокруг них шевелилась трава, и я подумал, что в ней могут прятаться расти. Эфутур щелкнул боевым кнутом, и даже при свете солнца сверкнула вспышка, оставившая на траве тлеющий след.

Я пожалел, что при мне нет самострела, который служил мне по ту сторону гор. Я взял его с собой, когда мы бежали в Эскор, но иглы кончились, и он стал бесполезным. Теперь приходилось ждать, пока враг приблизится, чтобы пустить в ход меч.

Серые и их незримые союзники — если в траве скрывались расти — пока держались поодаль, побаи-

ваясь боевого кнута. Однако мы оказались в окружении и путь на Ха-Гарк был закрыт.

— Три круга! — крикнул Эфутур.

И снова я вспомнил лормтские рукописи: стоит позволить врагам трижды обежать вокруг нас, они смогут парализовать нашу волю, и таким образом справятся с нами, даже если не рискнут открыто напасть.

Шапурн и Шил рванулись вперед, и, ощущая под собой движение мощных мускулов, я подумал, что ни один конь в Эсткарпе не сравнился бы с рентанами. И тут, хотя никто не обучал меня колдовству, я выкрикнул несколько с л о в из древних рукописей.

И мгновенно у в и д е л эти слова так же явственно, как услышал. Я был потрясен, я онемел от изумления: могу поклясться, они были подобны огненным стрелам, выпущенным из того оружия, которого мне так не хватало. Они ударили в землю там, где бежали серые, производя такое же действие, как вспышки боевого кнута Эфутура. Все это сопровождалось раскатами грома. Потом над нами послышался зловещий визг. Эфутур, запрокинув голову, крикнул что-то, но я не разобрал. Кнут взметнулся в воздух, и визг резко оборвался; с неба что-то упало и, ударившись о землю, взорвалось, обдав нас клубами черного дыма, зловонного и удушливого. Шапурн и Шил, не успев на всем скаку свернуть, пронесли нас сквозь этот дым, и что удивительно, я не заметил на земле никаких останков.

Мы вырвались из зловонной завесы дыма, и тут я услышал вой серых и пронзительные, леденящие кровь крики из травы. Да, это были расти, они шли на нас цепью. Рентаны забили копытами и, встав на дыбы, завертелись на месте. Эфутур, щелкая кнутом и поджигая траву, расчищал путь. С серыми мы столкнулись там, где начиналась дорога на Ха-Гарк, и приняли бой. Мой меч со скрежетом рассекал тела врагов, а острые когти и лязгающие зубы впивались в бока Шила, и он выл от боли. Тогда я снова выкрикнул те с л о в а и увидел, как пламенеющие стрелы опаляют шкуры серых.

Затем раздался сокрушительный грохот, перекрывший шум боя. Этот удар, казалось, обрушился в рав-

ной степени на всех нас. Оглушенный, я приник к спине Шила и увидел, что рука Эфутура безвольно упала вдоль тела, хотя пальцы не выпустили кнут. Серые бросились врассыпную, зажав уши руками-лапами, дергая головами, как в агонии.

Не знаю, скоро ли я очнулся. Я почувствовал, как дрожит подо мной Шил. Он сделал шаг, другой, и, приподнявшись, я увидел, что он двинулся за Шапурном по дороге на Ха-Гарк, а Эфутур едет, опустив голову, словно в забытьи.

Я хотел посмотреть, не преследуют ли нас враги, но не смог повернуться, все еще находясь в каком-то оцепенении. Когда я наконец оглянулся, никаких признаков преследования не было; исчезло и зловоние, сопровождавшее нас от самого озера, но воздух был насыщен другим запахом — металлическим, непонятного мне происхождения.

Когда мы проезжали среди развалин, Эфутур очнулся и, обернувшись, посмотрел мне в глаза. Он был очень бледен, взгляд его выражал отчуждение.

— Больше никогда этого не делай! — слова его прозвучали как приказ.

— Я сам не знаю, как...

— Ты призвал древние силы, и они тебе о т в е т и л и. Никогда не прибегай здесь к колдовству, чужеземец. Я не знал, что ты можешь вызывать силы...

— Я и сам не знал, — сказал я, и это было сущей правдой. — Не понимаю, как это вышло. Я воин, а не колдун.

Я все еще не мог поверить в происшедшее. В Эсткарпе существовало твердое убеждение: управлять тайными силами и сообщаться с ними могут только колдуньи. Однако мой отец обладал некоторыми сверхъестественными способностями, и даже сами колдуньи признавали это. А моя мать, госпожа Джелита, разделила с ним свою силу, взлелеянную разумом и волей.

Но с меня было довольно случившегося. Мне хватило мудрости понять: пользоваться такими вещами без подготовки, без необходимой защиты — явное безрассудство, которое может принести вред не только мне,

но всем окружающим. Эфутур мог быть уверен, больше я этого не сделаю. И все-таки, вспоминая неописуемый грохот, потрясший все вокруг, я задумался о том, что бы это могло быть и откуда.

Очевидно, этот удар надежно защитил нас: мы окончательно убедились, что погони нет, и вскоре, проехав по ступенчатой дороге, ведущей из Ха-Гарка, достигли границы Долины.

Теперь мы ехали между камнями, на которых были высечены оберегающие знаки, которые отчасти были мне известны, и Эфутур, останавливаясь, водил над каждым из камней рукой. Я понял, что он снова замыкает и приводит в готовность защиту Долины. Эфутур подъехал к самому большому камню — Ютаяну; глубоко врезанный знак был инкрустирован зеленым.

— Подойди, приложи сюда ладони, — повернувшись, приказал мне Хранитель Зеленой Долины.

Я почувствовал легкое раздражение: он явно подозревал, что я представляю для Долины опасность и ради блага ее обитателей меня нельзя больше пускать в ее пределы. Он хотел испытать меня. Однако я сделал, как он велел — соскользнув с потной спины Шила, подошел к камню и приложил ладони к магическому знаку. Никакое зло не могло не то что прикоснуться, но даже приблизиться к нему. С замиранием сердца дотронулся я до холодной неровной поверхности камня, ощущая на ней принесенные ветром песчинки. Под моими пальцами в камне произошла неуловимая перемена. Я увидел — или мне это только показалось, — что зеленая инкрустация стала ярче, а сам камень немного нагрелся. Но со мной ничего не случилось, и не последовало никакого предзнаменования. Прижимая ладони к камню, я взглянул на Эфутура.

— Теперь ты убедился, что перед тобой не предатель?

Он в замешательстве смотрел на камень. Потом провел рукой по глазам, словно стирая пелену, мешавшую смотреть.

— Не знаю, что ты за человек, Кемок, но, похоже, ты не причинишь нам вреда. Я должен был в этом убедиться, — он говорил извиняющимся тоном.

— Это твой долг.

Конечно, так оно и было, хотя недоверие Эфутура задело мое самолюбие. Он не имел права проводить в Долину того, кто мог оказаться связанным с Великой Тьмой. А что Эфутур знал о нас, троице из Эсткарпа, кроме того, что мы делали после появления в Эскоре?

Был уже вечер, когда мы подъехали к домам, оплетенным вьющимися растениями и крытым голубовато-зелеными перьями. По пути к нам присоединились люди Эфутура. Никого из тех, кто сопровождал Динзиля, видно не было, и я почувствовал облегчение.

Спешившись на площадке, где раньше проходил совет, мы увидели нетерпеливо ожидавшую нас толпу. Лица у всех были серьезные, первой заговорила Дагона:

— Тут было... — она не могла подобрать слова, — что-то невообразимое. Что случилось? Вы не знаете?

— Спросите у Кемока, — коротко ответил Эфутур, и все внимание обратилось на меня. Килан явно был изумлен, Каттея, стоявшая рядом с ним, слегка нахмурилась.

— Не знаю, — сказал я. — Нас чуть не взяли в три круга серые и расти. Я только произнес слова, которые вычитал в Лормте... Сам не пойму, как это вышло. А потом... потом...

— Последовал о т в е т, — это сказала Каттея. — Какое недомыслие — соваться не в свое дело! Ты же не обучен колдовству!

Впервые в жизни я встретил в ней — нет, даже не то недоверие, которым недавно ошеломил меня Килан, — а явную неприязнь. Каттея словно закрыла от меня свои мысли, и это было необъяснимо. Может быть, ею двигало убеждение, внушенное колдуньями, будто ни один мужчина не способен овладеть тайным знанием? Но все равно это было так не похоже на Каттею, что я не мог с этим примириться. Она отдалялась от меня, а я был слишком уязвлен, чтобы просить объяснения, и инстинктивно боялся этого: мы часто цепляемся за неопределенность, опасаясь узнать истину.

Я обратился не к сестре, а к Дагоне:

— Не сомневайтесь, такое больше не повторится. Это была случайность.

Дагона́ шагнула вперед, положила руки мне на плечи и снизу заглянула в мои глаза, поскольку я был выше ее. Она ответила мне не мысленно, а вслух — несомненно желая, чтобы ее слышали все остальные:

— Скрытое в человеке — сила, воля или дар — проявляется, когда приходит необходимость. Ты получил о т в е т, и это потрясло всех нас: мы думали, Великие давно покинули эту землю. Но теперь благодаря тебе знаем, что нам необходимо считаться с ними, а это очень важно знать. Ты оказал нам сегодня огромную услугу.

Ее слова разрядили всеобщее напряжение, и Килан спросил, каков результат наших переговоров с кроганами. Узнав о неудаче, он помрачнел; Эфутур, в свою очередь, спросил о фасах.

— Они даже не вышли на свет факелов, — ответила Дагона. — Остается только гадать: то ли они решили соблюдать нейтралитет, то ли вступили в союз с врагом.

— Есть и другие вести, — сообщил Килан. — Дозорные на вершинах дали сигнал: из-за гор подходит еще один отряд.

— Надо их встретить и провести сюда, — сказал Эфутур. — Я уверен, приспешники Тьмы сделают все, чтобы помешать нам собрать войско.

Я направился к одному из местных бассейнов, чудесным образом восстанавливающих силы, чтобы искупаться и переодеться в легкие одежды зеленых. По пути я всюду высматривал Динзиля или кого-нибудь из его сопровождения, но так никого и не увидел. Когда я вышел из воды, появился Килан и, сев на скамью, стал наблюдать, как я одеваюсь и застегиваю золотистые пряжки куртки.

— Что-то Динзиля не видно, — не удержавшись, сказал я.

— Он уехал еще до рассвета, ему многое нужно сделать, чтобы поднять горцев. Так что же кроганы?

Брат слишком быстро сменил тему, он явно избегал разговора о Динзиле. Я рассказал ему обо всем, что видел у кроганов.

— Как ты думаешь, они для нас большая потеря? — спросил Килан.

— Эфутур говорит, они могут проникать повсюду, где есть вода. Никакого оружия, кроме жезлов, я у них не видел, но и эти жезлы выглядят устрашающе. А кто поручится, что у кроганов нет другого оружия? Эфутур считает, что они все еще соблюдают нейтралитет. Он принял их решение без спора.

Надо сказать, это весьма озадачило меня: насколько я могу судить, у Эфутура был слишком сильный характер, чтобы встречать отпор с такой кротостью.

— Он поступил по обычаю, — сказал Килан. — После того, как народы, спасаясь бегством, нашли каждый свое прибежище, в отношениях между собой они всегда избегали взаимного принуждения да вроде бы и просьб. Каждый шел своей дорогой и не мешал другому.

— Обычаи теперь никого не спасут, — возразил я и осторожно вернулся к своим расспросам. — А в какую сторону поехал Динзиль? Ты же знаешь меня, Килан, — разве стал бы я нагонять на тебя тоску, если бы не был уверен: нам троим грозит какая-то опасность.

Он посмотрел мне в глаза, как до этого — Дагона, и мы перешли на мысленный контакт.

— Я надеюсь, ты мне веришь, Кемок?

— Но ведь ты мне — не веришь?

— Верю и буду настороже, когда он вернется. Но вот что я скажу тебе, брат, — не пытайся настроить против него сестру, этим ты только оттолкнешь ее.

Я стиснул кулаки, и негнущиеся пальцы побелели.

— Так вот значит как... — это был не вопрос, а утверждение.

— Она не скрывает своего расположения к нему. Разубеждать ее бесполезно — ты восстановишь ее не против него, а против себя. Она очень... изменилась.

Килан тоже был растерян и сбит с толку, хотя и не испытал такой боли, как я час назад, когда Каттея закрыла от меня свои мысли.

— Она незамужняя девушка. Мы же знали, что рано или поздно она посмотрит на какого-нибудь мужчину так, как никогда не смотрела на нас. И мы были к этому готовы... Но этот человек — нет! — я словно произнес клятву, и Килан это понял.

Он медленно покачал головой:

— Здесь мы не властны. Все видят в нем достойного человека, и он ей нравится — это и слепой заметит. Твою неприязнь и она, и другие расценят как ревность. Нужно иметь доказательства.

Он был прав, но иногда слушать правду слишком тяжело. Так было и сейчас.

— Трудно поверить, что ты вызвал кого-то из Великих, и тебе о т в е т и л и. Нам всегда говорили, что на это способны только посвященные. Ни один мужчина в Эсткарпе никогда не ступал на эту стезю, и Каттее трудно принять такое. Как же тебе это удалось?

— Я действительно не знаю. Эфутур крикнул, что нас хотят взять в три круга, и мы поскакали, чтобы успеть прорваться.

Я рассказал о словах, принявших вид огненных стрел, и о сокрушительном грохоте, разметавшем всех.

— Когда наша мать давала нам имена, она просила для тебя мудрости, — сказал Килан задумчиво. — Похоже, ты действительно знаешь нечто такое...

Я вздохнул:

— Между знанием и мудростью громадная разница, брат. Не путай одно с другим. Я воспользовался знанием и не подумал о последствиях. Конечно, это был глупый поступок...

— Не совсем. Ведь это спасло вас, разве нет? И Дагона права, теперь мы знаем, что некие силы не ушли отсюда, а все еще действуют. — Он вытянул перед собой руки, задумчиво разглядывая их. — Большую часть жизни я воевал, но всегда — мечом. Теперь другая война, но я не колдун, и вся моя сила по-прежнему в моих руках, в моем теле, и ни к какой другой я не прибегну.

— И я отныне — тоже!

Он покачал головой:

— Не зарекайся, Кемок. Мы не в силах заглянуть в будущее и вряд ли захотели бы, если б могли, — ведь мы не властны изменить то, чему суждено случиться. Ты сделаешь то, что тебе выпадет, и я тоже, и любой в Эскоре. Мы будем идти к победе или поражению, и каждый сыграет в этом свою собственную, предопределенную ему роль.

Я прервал его невеселые рассуждения:

— Ты же говорил как-то, что тебе приснилось, будто на этой земле снова мир и здесь поселился наш народ, разве не помнишь?

— Сны обычно расходятся с явью. Ты ведь видел ужасный сон прошлой ночью?

— Тебе Каттея рассказала?

— Да. Она считает, что этот сон наслала какая-то темная сила, которая пытается на тебя повлиять.

— И ты так думаешь?

Килан встал:

— Возможно, вы оба правы: это и предзнаменование, и происки какой-то враждебной силы. В этом краю надо держать ухо востро и быть готовым ко всему...

А назавтра с рассветом мы опять отправились в путь — мы с Киланом, Годгар и Хорван, трое людей Эфутура и Дагона. Мы выехали в сторону западных гор встречать тех, кто шел к нам из Эсткарпа. Над головами у нас кружили фланнаны и птицы, служившие Дагоне гонцами и разведчиками; по их сообщениям, вокруг было неспокойно. На возвышенных местах мы видели наблюдателей — некоторые казались людьми, другие — чудовищами. Был ли то враг, готовящийся к удару, или только глаза и уши более мощного противника — этого мы не знали.

Подозрительные места мы миновали в обход. Когда возле реки нам встретился небольшой лесок, Дагона, остановившись лицом к нему, поднесла два расставленных пальца к губам и плюнула через них направо и налево. Мне этот лесок показался самым обычным, не хуже и не лучше любой рощицы в Долине, и вид его не вызвал никакой тревоги. «Сколько же всевозможных ловушек подстерегает в Эскоре несведущих и неосторожных», — подумал я.

Как ни быстроноги были рентаны, только через два дня достигли мы гор. Килан и я, спешившись, стали подниматься навстречу эсткарпцам. Нынешний подъем был не таким сложным, как наш переход в Эскор — теперь мы уже знали этот склон и двигались более коротким и легким путем.

Тех, кто сейчас шел с запада, должно быть, вело сюда стремление, зароненное в Эсткарпе Киланом. Это были воины пограничных отрядов, и с некоторыми из них нам довелось сражаться бок о бок. Увидев нас с Киланом, они стали в изумлении протирать глаза, как люди, пробудившиеся от глубокого сна, а потом с приветственными криками радостно устремились к нам; кто протягивал нам руки, кто хлопал по плечу, — мы не стали для них изгоями.

И снова прошлое, казавшееся таким далеким, догнало нас. Мы узнали новости из Эсткарпа: усилия, потраченные на решающий удар против армии Карстена, настолько ослабили Совет Владычиц, что он утратил безраздельную власть над страной; многие колдуньи погибли, и теперь там фактически правил Корис с Горма, давний товарищ нашего отца. Он был занят укреплением власти в стране, где иначе грозил воцариться полный хаос.

В Эскор пришел отряд, высланный, чтобы найти нас троих: Корис всегда был нам как отец, а его жена, госпожа Лоиса, стала нам даже больше матерью, чем та, что была слишком занята другими делами, чтобы предъявлять права на эту роль. Итак, если бы мы захотели, мы могли бы вернуться — изгнание наше закончилось. Но мы с Киланом знали, что обратного пути нет, и наше место в Эскоре.

Эти эсткарпцы встречались с людьми Хорвана, и им тоже передалось стремление двигаться на восток. Теперь они жадно слушали рассказ Килана и, кажется, не собирались возвращаться. Судьба очень услужила нам, послав этих испытанных воинов под наши знамена.

4

Мы быстро преодолели спуск, но за это время солнце скрылось, и по небу поползли тучи. Обитатели Долины ждали нас внизу. Дагона рассеянно приветствовала эсткарпцев, с беспокойством поглядывая вокруг, — один за другим подлетали и улетали ее крылатые гонцы.

У нас с Киланом тоже возникло какое-то гнетущее чувство, вызвавшее даже легкий озноб, но не оттого, что солнце скрылось за тучами и поднялся ветер, а от охватившего нас недоброго предчувствия, которое невозможно было побороть.

Но люди, совершившие переход через горы, устали; среди них были женщины и дети, для которых подъем и спуск оказались нелегким испытанием. Необходимо было где-то разбить лагерь.

— Скорее в путь! — сказала Дагона, махнув рентанам. — Задерживаться на ночь здесь нельзя, мы станем легкой добычей для того, что скрывается во мраке.

— А что это может быть? — спросил Килан.

— Не знаю, оно недоступно зрению моей пернатой стаи, но я чувствую, как оно приближается.

Мы тоже это чувствовали. Даже воины, пришедшие из Эсткарпа, лишенные Дара, тревожно озирались, кольцом окружив своих женщин, надевая шлемы и застегивая кольчужные шарфы.

— Эти люди не дотянут до Долины без отдыха, — предупредил я Дагону.

Она кивнула:

— Я знаю место, где можно разбить лагерь — жаль, это не слишком далеко отсюда, но все-таки там лучше, чем здесь.

И Дагона повела нас. В предгрозовом освещении ее волосы были серебристо-черными, а не золотисто-рыжими, как прежде. Всадники посадили с собой на рентанов женщин и детей. Со мной на Шиле ехала девочка-подросток с туго заплетенными косичками под алым капюшоном. Она крепко держалась за мой пояс.

— Куда мы едем, господин? — голос у нее был нежный, как свирель.

— Туда, куда ведет нас госпожа, — ответил я. — Это ее страна, и она знает здесь каждую тропинку. Меня зовут Кемок Трегарт, а тебя?

— Я Лоэлла из рода Мохакаров, господин Кемок. А что это за птицы летят за госпожой? Ой, да это не птица — это... это человечек!

Один из фланнанов забил крыльями, зависнув в воздухе рядом с Дагоной, повернувшейся к нему.

— Это фланнан, Лоэлла. Ты никогда не слыхала о фланнанах?

Я почувствовал, как она еще крепче ухватилась за мой пояс:

— Но ведь это выдумки, господин Кемок! Няня Гренвела говорила, что это сказки.

— В Эскоре, Лоэлла, многие сказки — быль. Держись-ка покрепче...

Мы выехали на ровную местность, и рентаны помчались вперед с такой скоростью, что ни одна лошадь в Эсткарпе не смогла бы за ними угнаться. Дагона возглавляла отряд. Нависшая над нами угроза, которую мы почувствовали в предгорьях, стала почти осязаемой: тучи окончательно заволокли небо, сгустились и почернели, погрузив все в зловещий сумрак.

В этом сумраке то тут то там появлялись тусклые огни, похожие на призрачные «свечи», маячившие на деревьях и кустах в ночь, когда колдуньи Эсткарпа заставили двигаться горы. Бледные, едва различимые в полумраке огни льнули к скалам, кустам, искривленным деревьям. Глядя на них, я не испытывал желания приблизиться.

Наконец мы въехали на небольшой холм и увидели огромные, грубо отесанные менгиры — не серые, а голубоватые, они светились. Однажды, спасаясь бегством после исчезновения Килана, мы с Каттеей нашли прибежище возле жертвенника из таких голубых камней.

Сюда и вела нас Дагона. Камни здесь не стояли по кругу, а были беспорядочно разбросаны, словно на этом месте разрушили некогда какое-то строение. В их голубом сиянии было что-то необыкновенно притя-

гательное, и мы спешились с чувством облегчения, надеясь найти здесь спасение от грозившей опасности.

Дагона сломала с куста, росшего среди камней, ветку и, спустившись к подножию холма, принялась хлестать ею по земле. Так она обошла весь холм, словно возводя вокруг него невидимый защитный барьер. Поднимаясь обратно, она то и дело останавливалась, собирая в подобранную полу плаща листья и веточки каких-то растений.

Тем временем между двух камней развели костер, и, вернувшись с целым ворохом зелени, Дагона принялась пригоршню за пригоршней бросать ее в огонь. Повалил дым, распространяющий приятный аромат, Дагона стала махать на него, и вскоре этим дымом заволокло весь холм.

Когда завеса рассеялась, я заметил, что тьма сгустилась. В этих неестественных сумерках «свечи» горели ярче, но они ничего не освещали. Мне почудилось какое-то движение за холмом, которое тут же прекратилось, стоило взглянуть прямо в ту сторону.

— Против кого мы собираемся обнажить мечи, Кемок? — ко мне подошел Ротхорф Долмейн.

— Против неизвестных существ, — что еще мог я ответить?

Как и некоторые другие защитники границы, Ротхорф был смешанного происхождения. Его мать, беженку из Карстена, спасли сулькарские моряки, и она вышла замуж за сулькарца. Но брак этот продлился недолго. Когда ее муж, настоящий морской волк, погиб во время очередного набега на побережье Ализона, она вернулась к своим родным. У ее сына были широченные плечи и светлые волосы морских бродяг Сулькара, чем он заметно выделялся среди людей древней расы. Но душой Ротхорф принадлежал народу своей матери, ибо его не тянуло в море, — он любил горы. Поэтому он и подался на границу, и первый в жизни бой еще совсем мальчишками мы приняли вместе.

— Значит, и правда это заколдованная земля... — задумчиво произнес он.

— Да. А раньше это был благодатный мирный край, и в наших силах снова сделать его таким. Хотя потребуется немало времени...

— Чтобы очистить его? — закончил Ротхорф за меня. — А какова тактика врага? — живо поинтересовался он, возвращая меня в те дни, когда мы на границе рассматривали карту гор в ожидании приказа выступать.

Во мне шевельнулось опасение: пусть мои боевые товарищи не новички на войне, но та война в сравнении со сложностью и запутанностью предстоящей, казалась мне игрой. Не окажутся ли эти бывалые воины перед лицом неведомых опасностей беспомощными, как дети? Зачем мы привели их сюда? Вернувшись из Эсткарпа, Килан упрекал себя за то, что подвергает наших соплеменников неоправданному риску. Теперь я понял, какие чувства он испытывал тогда.

— Тактика может быть самой неожиданной, Ротхорф, — такой, о которой мы и представления не имеем.

И я рассказал ему о серых и расти, о коварстве кеплиана — жеребца, который чуть не погубил Килана, и о ловушках, расставленных здесь на каждом шагу. Ротхорф слушал серьезно, не подвергая сомнению правдивость моих слов, хотя многое, должно быть, звучало для него дико.

— Земля ожившей легенды, — наконец произнес он. — Похоже, нам придется порыться в памяти и припомнить сказки, которые мы слышали в детстве, чтобы не попасть впросак. А далеко отсюда до этой безопасной Долины?

— Еще день пути. Мы стягиваем туда все силы.

— И где собираетесь начать наступление?

Я покачал головой:

— Еще неизвестно. Надо собрать под наши знамена всех, кто пока остается в стороне.

Ночной мрак окутал землю раньше обычного, и мы расставили сторожевые посты. Низкие тяжелые тучи, казалось, вот-вот разразятся бурей. Начался дождь. Холмы озарялись яркими вспышками, которые сопровождались треском, словно хлопали боевые кнуты зеленых, но это были молнии. Даже в

том, как буря медлила обрушиться на нас, чудилось что-то зловещее.

Килану, как и мне, было не до сна, и мы решили обойти развалины, среди которых укрылись наши люди, и проверить, нет ли каких-нибудь подозрительных перемен за пределами, очерченными Дагоной. Вот так же когда-то мы обходили дозором стены города Эса.

Владычица Зеленой Долины сидела у костра в окружении женщин и детей — на этом островке безмятежности виднелись улыбающиеся лица и слышался тихий смех. На коленях у Дагоны примостилась Лоэлла; девочка не отрываясь смотрела в лицо Владычице и слушала ее так, как истомленный жаждой ребенок пьет чистую прозрачную воду из журчащего родника.

В развалинах был такой родник, бивший посреди подернутого илом каменного бассейна, похожего на чашу разрушенного временем фонтана.

Наш походный ужин давно закончился, и сидевшие вокруг костра стали укладываться спать, заворачиваясь в плащи. Буря все не начиналась, но тучи по-прежнему нависали над нами. Ко мне подошел Годгар. Я стоял у торчащего из земли огромного камня, вглядываясь в темноту. Бледное мерцание «свечей» казалось еще более обманчивым. Я старался не смотреть на них, но они так и притягивали взгляд, и я, с трудом поборов себя, отвернулся.

— Что-то здесь затевается, — произнес Годгар. — Нет, не буря. Может, это и хорошая оборонительная позиция, но не хотел бы я, чтобы нам пришлось защищаться.

— Ничего не поделаешь, ехать дальше в темноте нельзя, — ответил я.

— Да, верно... Э, что это там такое? Иди-ка сюда, смотри.

Я подошел вслед за ним к бассейну, где журчал родник. Опустившись на колено, Годгар показывал на противоположную сторону каменной чаши. При свете костра я увидел, что стенка ее в этом месте явно когда-то была разрушена, а потом наспех восстановлена при помощи камней, оказавшихся под рукой. Но они хорошо служили своей цели: течи не было. Я не пони-

мал, почему это привлекло внимание Годгара, и вопросительно посмотрел на него.

— Похоже, это сделано неспроста, — произнес он.

— Но зачем?

Вместо ответа он подал мне знак, чтобы я обошел бассейн. Там я увидел каменную плиту, наполовину засыпанную землей и поросшую травой; рядом виднелись остатки площадки, выложенной такими же плитами. Годгар окопал плиту охотничьим ножом, и между ней и площадкой обнаружился провал.

— Сюда, как видно, выпускали воду.

— Для чего?

— Не знаю. Но это, наверное, было важно для тех, кто это делал. Пролом в стене бассейна пробили второпях и заделали на время, чтобы снова можно было разобрать.

— Да какое это имеет значение для нас? — спросил я нетерпеливо.

— Я уже говорил, не знаю. Но в нашем положении надо учитывать все странное и непонятное. И...

Неожиданно Годгар замолчал. Он стоял на коленях, опираясь на эту каменную плиту, и теперь смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Затем он бросился на землю и припал ухом к каменной плите.

— Слушай! — махнул он мне.

Я последовал его примеру и, растянувшись на земле, тоже приложил ухо к плите.

Снизу доносился странный вибрирующий звук. Убедившись, что нам это не кажется, я позвал Килана, а он — Дагону.

— Может быть, фасы... — предположила Дагона.

Она опустилась на колени, кончиками пальцев касаясь плиты, и закрыла глаза, словно призывая на помощь иное зрение, потом медленно покачала головой:

— Под землей — другой мир, не мой. Но вот что я скажу: что-то надвигается на нас снизу. Судьба благосклонна к нам, она посылает предостережение. Не думала я, что фасы примкнут к врагу. Хотя, может быть, они просто любопытствуют, но зачем тогда... — она покачала головой, — подкрадываться

тайком — союзники так себя не ведут и на нейтралитет это не похоже.

— А как же твой защитный барьер?

— Он защищает от тех, кто приближается по земле, а не под землей. Смотрите, эта плита отличается от других.

— Бассейн... — я поднялся на ноги. — Годгар считает, что воду использовали однажды, чтобы отразить нападение снизу. Почему бы и нам не сделать то же самое?

— Если со стороны фасов это просто любопытство, тогда мы только зря настроим их против себя. Оставим эту идею про запас. Давайте-ка получше рассмотрим водяную западню, — сказала Дагона.

Она вынула из костра горящую головню и поднесла ее к камням, закрывавшим брешь в стенке бассейна. Я убедился, что Годгар прав: раньше тут было пробито отверстие, чтобы дать выход воде, и заделан проем был не слишком основательно.

— Если ударить вот здесь и здесь, — сказал Годгар, — камни подадутся.

Мы снова подошли к плите. На этот раз под ней не было слышно никакого движения, но тревога, овладевшая мной, еще когда мы спустились с гор, усиливалась.

— А что если чем-нибудь как следует придавить плиту? — спросил Килан.

— Не знаю. У каждого свои возможности: у нас — в растительном мире, у кроганов — под водой, а фасы многое могут под землей. — Дагона подняла головню и посмотрела туда, где спали женщины и дети. — Надо быть начеку. Держись подальше от стоящих камней, они могут опрокинуться.

Годгар, сидя на корточках, по-прежнему держал руки на каменной плите. Когда Дагона вернулась к спящим, он неожиданно вскрикнул, и мы с Киланом тоже закричали: земля под нами зашевелилась, уходя из-под ног. Я ухватился за один из голубых камней, земля засыпала мне ноги. В лагере раздался грохот, треск, и я увидел, как по склону ползут и катятся камни.

Что-то рухнуло в костер, разбрасывая горящие головешки и искры. Слышались пронзительные крики. Я держался за камень, пытаясь нащупать ногами опору, но земля зыбилась и волновалась, как вода в озере кроганов.

Килан пытался воткнуть в движущуюся землю меч, чтобы подтянуться. Я последовал его примеру, надеясь продвинуться в сторону лагеря.

— Эй, сюда! — крикнул Годгар.

Его окружили, бешено атакуя, какие-то маленькие суетливые твари. Я взмахнул мечом и стал рубить наугад, чувствуя, как сталь кромсает чьи-то тела. Потом я увидел, что Годгар, споткнувшись, упал, и эти твари стремительно набросились на него; он отбивался, пытаясь подняться, а я наносил по ним удар за ударом, раскидывая их в разные стороны. Вокруг нас сверкали зловещие красные точки, и я понял, что это глаза, но какие лица могли быть у обладателей таких глаз, трудно было себе представить.

Годгар ухватился за меня, и я покалеченной рукой помог ему встать.

— Бассейн... надо пробить стенку... затопить их... — он, шатаясь, двинулся вперед и, дойдя до бассейна, распластался возле него, нащупывая камни, закрывающие пролом. Прокладывая себе путь через толпу маленьких визжащих тварей, я услышал резкий стук. Ноги и бедра саднило; на спину мне прыгнуло маленькое существо, пытаясь меня опрокинуть. Стряхнув его, я добрался до Годгара и стал ему помогать.

Мы работали в темноте, отбиваясь от мерзко пахнущих существ, вылезших из-под земли, и наконец, после удачного удара расшатали самый большой камень из преграждавших путь воде. Наружу вырвался бурлящий поток — я не ожидал, что в бассейне, где журчал маленький родник, таится такая сила.

Визг невидимых врагов перешел в вопль, словно воды они боялись больше, чем стали и огня. Пронзительно крича, они бросились врассыпную, а вода, прибывая и плескаясь вокруг, уже неслась с силой речного потока. Из бассейна устремлялось воды больше, чем когда-либо в нем помещалось.

Годгар закричал, пытаясь оттащить меня в сторону. Я оглянулся: светящийся голубой столб воды поднимался все выше и обрушивался вниз с нарастающей силой. Этот мощный фонтан не имел ничего общего со струйкой, которая не так давно журчала в бассейне.

Поток подхватывал маленьких косматых тварей, вертел их и нес к той дыре, откуда они, должно быть, явились. Разбушевавшаяся вода отыскала плиту Годгара, вернее, темную яму в земле, которая до этого была закрыта плитой, и устремилась в нее сокрушительным водопадом.

Спотыкаясь, мы с Годгаром отступали назад. Бурлящий поток отрезал нас от лагеря; шум воды заглушал все. Что-то, кружившее в водовороте, вцепилось мне в ногу, чуть не повалив меня. Я инстинктивно нанес удар, чтобы освободиться, но бедро уже пронзила жгучая боль, и у меня вырвался отчаянный крик.

Я не мог опираться на раненую ногу и привалился к одному из голубых камней, пытаясь на ощупь определить в темноте величину раны. Но рваная рана была настолько болезненной, что я не мог вытерпеть прикосновение собственных пальцев. Я из последних сил старался не упасть, рядом тяжело дышал Годгар, а вода все прибывала и прибывала из этого, казалось, неистощимого источника. На нашей стороне потока верещащих тварей уже не осталось, на противоположной же — снова вспыхнул костер и стали видны люди и блеск мечей. У самой воды неподвижно лежало какое-то существо — лицом вверх, устремив на меня невидящие глаза.

Я услышал крик Годгара, но не смог отозваться, боясь даже от небольшого усилия потерять сознание. Рана в бедре причиняла невыносимую боль.

Мертвое существо, лежавшее у воды, было маленьким и уродливым; его тощие, покрытые жесткими волосами конечности — подобие рук и ног — напоминали мохнатые корни. Тело, толстое и обрюзгшее, серовато-белое, бледнело у меня на глазах. Жесткие волосы покрывали его пучками — такого я еще никогда не видел ни у людей, ни у животных.

Шеи почти не было — голова, казалось, росла прямо из широких покатых плеч. Нижняя челюсть и маленький острый подбородок сильно выдавались вперед, вместо носа было небольшое возвышение с двумя отверстиями, глаза сидели неестественно глубоко. Одежды на этом существе не было, я мог бы принять его за зверя, если бы не чувствовал, что передо мной более, чем животное.

— Кто это? — спросил Годгар.

— Не знаю, — ответил я, понимая только, что это один из прислужников зла, вроде серых и расти.

— Смотри! — сказал Годгар. — Вода...

Столб воды, еще недавно такой высокий и мощный, теперь все уменьшался, а поток, отделявший нас от костра, становился все уже.

Я наблюдал за этим, не в силах даже обрадоваться, поскольку чувствовал, что вот-вот упаду и наверное больше не смогу подняться. А поток уже превращался в ручей, ручей — в тонкую струйку.

— Кемок! — кто-то у костра звал меня.

Я попытался ответить, но не смог. За меня отозвался Годгар, к нам устремились люди. Я упал на руки к Килану и провалился во мрак беспамятства, поглотившего боль.

Когда я очнулся, надо мной совещались Дагона и брат. С каким-то тупым безразличием я узнал, что укусы фасов — а напали на нас именно они — ядовиты и что Дагона своими травами может на время облегчить боль, но вылечить меня в таких условиях нельзя.

Я оказался не единственным раненым: были пострадавшие от падения камней и еще несколько укушенных фасами. Но мой случай был самым тяжелым и мог задержать нас в пути.

Килан сказал, что останется со мной, пока не пришлют помощь, но по глазам Дагоны я понял, что оставаться нам слишком рискованно. Пребывая в дремотном состоянии под воздействием ее снадобий, я не боялся ехать. Я знал: хотя, благодаря таинственному наводнению, фасам и пришлось отступить, вряд ли эта их вылазка будет последней, и быть отрезанными от Долины означало оказаться в ловушке.

— Привяжите меня к Шилу, — кое-как выговорил я, слыша свой голос как будто издалека. — Мы едем... иначе погибнем... надо ехать...

Дагона заглянула мне в глаза:

— Ты действительно этого хочешь, Кемок?

— Да.

На рассвете мы выехали; меня, как я и просил, привязали к Шилу. Дагона дала мне какие-то листья, велев их жевать. Кисловато-горький сок растения притуплял боль; она не исчезла совсем, но уже не причиняла невыносимых мучений.

Над нами по-прежнему нависали тяжелые грозовые тучи. Я ехал словно в полусне, видя окружающее то как в тумане, то совершенно отчетливо, а порой вовсе погружался в забытье.

Мы достигли реки, и тут я внезапно ощутил мысленный удар, такой сильный и враждебный, что задохнулся и едва удержал равновесие на спине у Шила. Рентан издал душераздирающий вопль и очертя голову ринулся вниз по крутому берегу — он был неуправляем. Позади слышались крики и топот копыт.

Словно спасаясь от погони, Шил бросился в реку. Надо мной сомкнулась вода, я стал отчаянно биться, пытаясь сбросить путы, державшие меня на спине обезумевшего рентана, уходящего все глубже под воду.

Наконец веревки ослабли, я вырвался и вынырнул на поверхность, задыхаясь, ловя ртом воздух. Плавал я хорошо — меня учил плавать Откелл, сулькарец, изуродованный в морских сражениях, которого приставил к нам наш отец. Но раненая левая нога не слушалась. Все еще задыхаясь, я подплыл к выступающему из воды валуну и из последних сил ухватился за него. Весь туман улетучился у меня из головы, боль вернулась, лишая сил; меня вот-вот могло оторвать от камня течением.

Вдруг кто-то обхватил меня сзади. Килан! Я хотел произнести его имя, но не смог. Тогда я позвал брата мысленно... Никакого ответа!

Кто-то крепко вцепился в меня и стаскивал в воду. Я закричал, вырываясь и тщетно пытаясь повернуться, чтобы увидеть, кто это. Но меня уже тащили

прочь от спасительного камня в противоположную от берега сторону.

Голова моя едва высовывалась из воды, я увидел на берегу Килана, который, сидя верхом на Шабрине, искал меня взглядом. Казалось, он смотрит прямо на меня, но я понял, что он меня не видит. В отчаянии я снова хотел позвать брата, но ни звука не сорвалось с моих губ. Я попробовал мысленно призвать его и словно наткнулся на высокую сплошную стену.

Килан пустил Шабрину вдоль берега, продолжая искать меня, хотя я был на виду. Меня тащили все дальше и дальше, прочь от брата и остальных. Я увидел, как Шил, выйдя из воды, вскарабкался по берегу и встал с опущенной головой. Потом все они исчезли за поворотом реки, и я потерял последнюю надежду на спасение.

5

Меня больше не уносило стремительное течение — я лежал распростертый на твердой сухой поверхности. Я не сразу открыл глаза, повинуясь первобытной потребности узнать как можно больше с помощью других чувств, не обнаруживая признаков жизни. Боль в бедре усиливалась.

Дул ветер, и меня начало трясти от холода. Ощупав пространство перед собой, я понял, что лежу на песке. Невдалеке слышался плеск воды, а над головой глухо завывал, как в голых ветвях, ветер. Больше я ничего не смог уловить, и открыл глаза.

Тяжелые тучи по-прежнему превращали день в сумерки. Надо мной в мрачном небе застыл корявый сухой сук, словно унылый памятник давно умершему дереву. Я попробовал приподняться, но голова закружилась, и все поплыло перед глазами. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, я повернулся, тело мое напряглось, и изо рта хлынул поток воды.

Отдышавшись, я снова с отчаянной решимостью попытался приподняться. Борясь с новым приступом тошноты, я осторожно повернул голову, огляделся вокруг и увидел, что лежу в двух шагах от воды.

Справа громоздились валуны, между которыми застряли побелевшие палки и обломки тростника — плавник, принесенный давним паводком.

Шлем и меч я потерял. Повязка, наложенная Дагоной, ослабла и вся пропиталась кровью. Рядом не было ни души. Тот, кто утащил меня по реке от брата и товарищей, не утопил меня, но обрек, может быть, на еще более жестокую участь: рана лишала меня возможности передвигаться, и я не мог надеяться на спасение.

Но мы, эсткарпцы, упрямый народ. Да и мой отец никогда не смирялся под ударами судьбы. Преодолевая боль, я подтянулся к валуну, обливаясь потом, заставил себя подняться на ноги и всем телом навалился на камень. Теперь я мог полностью оценить обстановку: положение мое было безнадежно.

Я находился не на берегу, а на островке посреди реки, который, судя по всему, временами полностью заливало водой. На нем не было никакой растительности: только песок и камни. Я вспомнил островок, на котором мы нашли прибежище, когда Каттея отправила посланника в прошлое Эскора. Но тогда я был цел и невредим, и, к тому же, в нашем триединстве еще не появилось трещины.

Оба берега реки были обрывистые, течение — быстрое. Если бы не моя рана, я бы скинул кольчугу и пустился вплавь, но с больной ногой я был совершенно беспомощным.

Привалившись к валуну, я попытался покрепче затянуть повязку. Едва прикоснувшись к ней, я вздрогнул от боли и заскрипел зубами, но сделал что мог. По-прежнему порывами налетал холодный ветер — на смену затянувшемуся лету надвигалась осень. Развести бы костер! В поясной сумке у меня был кремень, но огонь мог привлечь внимание врага.

Я медленно обвел взглядом берега и реку. За моим островком виднелся другой, побольше, местами покрытый зеленью. Я подумал, что хорошо было бы добраться до него, но понял, что не смогу бороться с течением.

Разве что... Я посмотрел на кучи застрявшего среди валунов плавника. Что если попробовать сделать

плот? Нет, не плот, конечно, хотя бы опору, чтобы, держась за нее, довериться течению в надежде, что удастся прибиться к берегу.

А что потом? Безоружный, способный только ползти, я стану легкой добычей для серых, расти или другой нечисти, бродящей в этих краях.

Но другого выхода не было, я нагнулся как можно ниже, стараясь не потерять неустойчивое равновесие, и попробовал подтянуть к себе плавник. Мой улов был слишком ничтожен — мелкие палки и прутья, настолько истертые водой и пересохшие, что они легко ломались. Одна палка оказалась подлиннее и потолще, и я попробовал, опираясь на нее, продвинуться вперед, прыгая на одной ноге. Боль и напряжение при этом были так велики, что после каждого «шага» приходилось отдыхать, обливаясь холодным потом и борясь с головокружением. Песчаная полоса оказалась слишком узкой, дальше идти было некуда — остальную часть островка покрывали валуны, и я не решился карабкаться через них.

С большими усилиями я все же натаскал и набросал кучу плавника и опустился на песок рядом с ней. Связать все это вместе было для меня задачей не из легких. Если бы при мне остался нож, я мог бы нарезать полосы из своей одежды. Однако нож я тоже потерял, а на островке не было никакой растительности, с помощью которой можно было бы связать плавник.

Я решил снять надетую под кольчугу кожаную куртку и использовать ее как мешок, набив сухим плавником. Но будет ли он держать меня? И будет ли вообще держаться на плаву?

Мысли в голове путались: как в полузабытьи цеплялся я за свой план, не очень-то веря, что смогу его осуществить. Меня мучила жажда. Я медленно пополз туда, где плескала в гальку вода, и, зачерпнув пригоршню, поднес ее к губам. Я пил жадно, горсть за горстью, затем плеснул себе в лицо и, проведя по нему ладонью, почувствовал, как оно горит, и подумал, что у меня, должно быть, жар.

Я принялся стаскивать с себя кольчугу, путаясь в ней, и мне пришлось несколько раз отдыхать, прежде

чем удалось ее снять. Теперь мне было уже не холодно, а жарко — так жарко, что я хотел тут же ринуться в блаженную прохладу реки...

Зачем я снял кольчугу?.. Что собирался делать?.. Я сидел, глядя на кучу металлических колец, лежавшую у меня на коленях, и пытался вспомнить, почему мне так необходимо было раздеться.

Куртка... Я дергал ее за ремешки. Надо снять ее... Но теперь малейшее движение давалось с таким трудом, что я задыхался после каждой попытки.

Пить... воды... воды...

Я снова подполз, обдирая о гальку руки, к реке и хотел было зачерпнуть воды...

Прямо передо мной появилась чудовищная пасть — огромная, зубастая, она разинулась, готовая поглотить меня. Я видел только пасть и зубы. Рванувшись назад, я подвернул раненую ногу и потерял сознание от боли...

— ...Очнись!

— Килан?

— Очнись! Дусса, помоги! Сделай что-нибудь, чтобы он пришел в себя!

Я почувствовал на лице прохладную влагу. Кто-то разговаривал со мной — не вслух, а мысленно.

— Килан?

— Очнись же! Очнись, если ты жив!

Нет, это не Килан и не Каттея. Я не узнавал этого голоса, тонкого, пронзительного, от которого появлялась резь в мозгу, как от иных звуков режет уши. Хотелось спрятаться от этого голоса, но он не отставал:

— Очнись!

Я открыл глаза, ожидая почему-то, что увижу то речное чудовище, но вместо него передо мной оказалось женское лицо — бледное, обрамленное серебристой пеленой волос.

— Очнись! — чьи-то руки трясли меня за плечи, пытаясь приподнять.

— Что?.. Кто это?..

Она все оглядывалась, словно тоже боялась чудовища, испугавшего меня. Она была явно встревожена, но мной владело полное безразличие, и, снова посмот-

рев на меня, она нахмурилась. Ее мысли, как ножи, вонзались в мой измученный головокружением мозг.

— У нас мало времени. Они заключили сделку: ты — обещанная плата! Ты что, хочешь попасть к т е м?

Я заморгал. Ее настойчивые мысленные призывы всколыхнули во мне инстинкт самосохранения, который спасает человека даже когда отказывается служить разум. Она пыталась тащить меня к реке, и я медленно пополз. Но, опомнившись, остановился, и начал сопротивляться ее усилиям:

— Там... там что-то...

В отчаянии она еще крепче обхватила меня:

— Не бойся, он послушный. Скорее! За тобой могут прийти.

Ее решимость сломила мое слабое сопротивление, я пополз дальше и вскоре уже барахтался в воде.

— На спину... перевернись на спину, — велела она.

Сам не знаю, как я оказался на спине, и меня снова потащили вниз по течению, на этот раз — осторожно поддерживая мою голову над водой... Моя спутница использовала течение, чтобы ускорить наше бегство. Да, это было именно бегство — в воде сознание мое прояснилось настолько, что я стал понимать: нам грозит какая-то опасность.

Начался ливень, он неистово хлестал по поверхности воды — тучи, так долго таившие в себе угрозу, наконец расставались со своей ношей. Дождь заливал мне лицо, я закрыл глаза и почувствовал, что тревога моей спутницы усилилась.

— Надо... надо выбраться на берег... пока вода не поднялась... — уловил я ее торопливую мысль.

Потом она издала мысленный сигнал такой высоты, что я не смог его воспринять. Но вскоре последовал Внезапный взрыв облегчения. Наконец она приказала:

— Теперь уходим под воду. Вдохни как можно больше воздуху и задержи дыхание.

На мой протест она не обратила никакого внимания, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Внезапно стало темно. Должно быть, мы не просто погрузились под воду, но очутились в какой-то подвод-

ной пещере. Человеку вообще свойственно испытывать страх перед неизвестностью, а во мне этот страх удесятерялся моей беспомощностью. Понимает ли она, что мне нужен воздух... воздух... с е й ч а с ж е!..

Потом вдруг мое лицо вынырнуло на поверхность, я опять смог дышать и стал жадно глотать воздух, ощущая запах какого-то животного, словно мы попали в чью-то нору, хотя вокруг плескалась вода. Несмотря на темноту, моя спутница уверенно двигалась вперед.

— Гды мы?

— В подземном коридоре, он ведет в жилище аспто в. Ага, вот здесь надо ползти. Держись за мой пояс...

Перевернуться со спины, да еще в тесном коридоре, было не так-то просто. Ее руки поддерживали и направляли меня, помогая нащупать пояс, утыканный остроконечными ракушками. Мы выползли в большую круговую пещеру, откуда-то сверху струился призрачный свет.

Пол был устлан сухим тростником и листьями, а стены и своды покрыты ровным слоем затвердевшего ила. Наверху виднелись небольшие сквозные отверстия, но, несмотря на это, воздух был насыщен все тем же запахом. Свет шел также от каких-то сухих растений, тут и там торчащих из стен и излучающих бледное таинственное свечение.

Мы были в пещере не одни. У противоположной стены сидело крупное мохнатое существо. Если бы оно встало на задние лапы, то оказалось бы мне по плечо. На его круглой голове я не заметил ушей, в глаза бросался широкий рот с выступающими наружу зубами; сильные лапы оканчивались длинными тяжелыми клешнями. Если бы я встретил его при других обстоятельствах, то смотрел бы на него с опаской. Существо расчесывало клешнями шерсть, глядя на мою спутницу. Я был уверен, что они мысленно переговариваются, хотя и не мог ничего уловить.

Моей спутницей была Орсия, но почему она забрала меня с островка и от какой опасности мы бежали, я не знал. Мохнатый обитатель пещеры, перевалива-

ясь, направился к дыре в стене и, скользнув туда, исчез. Орсия повернулась ко мне.

— Дай-ка, я посмотрю твою рану, — это была не просьба, а приказание, и я подчинился. Боль терзала меня по-прежнему, и я не знал, сколько еще смогу терпеть.

Вынув нож, Орсия распорола мне штанину, осторожно разрезала повязку — должно быть, она хорошо видела в полумраке — и внимательно осмотрела рану.

— Лучше, чем я думала. Та женщина из Долины знает толк в травах. Яд не проник глубже. Посмотрим, что тут можно сделать.

Я приподнялся на локтях, наблюдая за ней, но она, слегка надавив ладонью мне на грудь, снова уложила меня:

— Не двигайся! Я сейчас вернусь.

Орсия проползла в ту же брешь, где скрылось животное, и я остался один. Голова кружилась, боль прожигала бедро огнем.

Время тянулось томительно. Я собрал всю свою волю, чтобы вынести это ожидание, но чувствовал: еще немного и от сильного жара потеряю сознание.

Наконец Орсия вернулась и снова склонилась надо мной. Едва она прикоснулась к ране, я задохнулся от боли. Открыв большую плоскую раковину, Орсия стала обмазывать мне бедро чем-то мягким и влажным. Успокаивающая прохлада разлилась по ране, лишая ее чувствительности. Трижды обмазала Орсия бедро, каждый раз пережидая, пока подсохнет предыдущий слой, а затем налепила сверху большие широкие листья.

Покончив с этим, она приподняла мою отяжелевшую голову и сунула мне в рот какие-то шарики, велев жевать; они лопнули, наполняя рот горьковато-соленой жидкостью.

— Глотай! — приказала Орсия.

Преодолев отвращение, я проглотил тошнотворную жидкость, от которой запершило в горле, и Орсия, дав запить это водой из раковины-чаши, подложила мне под голову ворох тростника, который сгребла с пола.

Последнее, что я запомнил, засыпая: Орсия сидит у противоположной стены, поджав под себя ноги, держа в ладонях какой-то источник мерцающего света, рассеивающегося по стенам.

Проснулся я с ясной головой, боль в ране почти утихла. В пещере никого не было, и мне неожиданно захотелось наружу — на свежий воздух, где нет запаха этого животного — так захотелось, что будь при мне мой меч, я начал бы рубить и кромсать стены, державшие меня взаперти.

Попытавшись сесть, я обнаружил, что повязка, наложенная Орсией, стала твердой, как камень, и настолько отяжелела, что приковала меня к месту, словно меня оставили в кандалах. Я встревожился, но тут Орсия вползла в пещеру, неся что-то в сетке из водорослей.

Она окинула меня оценивающим взглядом:

— Хорошо. Яд вышел из раны. Теперь тебе надо поесть, чтобы набраться сил: опасность крадется за тобой по пятам.

Она стала вынимать из сетки небольшие сверточки — что-то завернутое в листья. Поесть? Да, я слишком долго ничего не ел и проголодался. Мне не терпелось поскорее узнать, что же в этих сверточках.

Там оказались кусочки белого мяса, должно быть, сырого. Орсия посыпала их чем-то вроде цветочной пыльцы. Приготовясь снова бороться с отвращением, я положил в рот первый кусок, но обнаружил, что это даже вкусно, и принялся с аппетитом есть. В других сверточках были какие-то очищенные корни, пряные, слегка обжигающие язык.

Когда я поел, Орсия свернула и убрала сеть:

— Теперь можно поговорить, чужеземец. Повторяю: тебе грозит опасность, во всяком случае — за пределами этих стен. Долина отсюда далеко. Твои друзья думают, что тебя нет в живых.

— Как я попал на остров?

Достав гребень, она стала с явным удовольствием расчесывать, разделив на прямой пробор, свои тонкие и легкие, как паутинка, волосы:

— Они послали Оборо, чтобы захватить тебя или еще кого-нибудь из вас. Кроганы — как вы зовете

мой народ — очень напуганы, они считают, что вы накликали беду, и очень злы на вас. Мы не собираемся ни к кому примыкать, мы сами по себе. Ты и Эфутур приходили к Ориасу просить помощи. Но до вас приходили другие — более могущественные. Когда вы ушли, они прислали к нам таких гонцов, что мы не осмелились им перечить. Нам не нужны никакие ваши войны. Не нужны, понимаешь?! — прозвенел у меня в мозгу ее мысленный крик. — Дайте нам спокойно жить в наших озерах и реках. Оставьте нас в покое!

— Но ведь Оборо похитил меня...

Орсия не отвечала, поглощенная распутыванием длинной пряди волос, словно в мире не было ничего важнее ее занятия, но я понял, что она просто прячется за ним, как укрываются от непогоды под развесистым деревом.

— Вы призвали воду на помощь в борьбе с фасами — воспользовались древним оружием, которое кроганы создали когда-то для властелина, давно уже почившего. Теперь фасы и те, кто их послал, обвиняют мой народ в тайном сговоре с вами и наблюдают за нами, они потребовали дань...

— Но зачем схватили меня?

— Ты один из чужеземцев, которые нарушили равновесие, ты помог выпустить воду. Раненый — ты был легкой добычей, — ответила Орсия без обиняков.

Вдруг я поймал себя на том, что наблюдаю за движением ее гребня с величайшим вниманием, как завороженный, мне стало не по себе. С трудом — и это еще больше насторожило меня — я отвел глаза и уставился на своды пещеры у нее над головой.

— Значит, Оборо решил, что я легкая добыча...

— Ориас велел при первой же возможности захватить одного из вас, чтобы жертвой умилостивить т е х и заключить с ними выгодную сделку — освободиться от их надзора.

— Но если это так важно для вас, почему же ты спасла меня?

Ее гребень замер.

— Потому что Ориас затеял опасное дело. Может случиться еще большая беда. Правда ли, что ты п о з в а л и кто-то из Великих о т в е т и л?

— Откуда... откуда ты знаешь?

— Разве ты забыл, кто мы, чужеземец? Когда-то очень давно наши предки были одной крови с вами. Но они выбрали другой путь, а мы появились под влиянием тайных сил, которыми управляли Великие. Так что когда кто-то из Великих начинает действовать, мы все знаем об этом, и если тебе ответят, ты сможешь навлечь на нас больше зло, чем т е.

— Но Ориас так не думает?

— Ориас верит в то, что ему сказали: будто ты просто случайно столкнулся с какой-то тайной силой, которая поколебала давно закрытые Ворота. Его убедили также, что лучше отдать тебя тем, кто вырвет у тебя этот ключ.

— Нет!

— И я говорю так, чужеземец.

— Меня зовут Кемок.

В первый раз она улыбнулась:

— Ну вот, Кемок, я бы предпочла, чтобы твое знание послужило живущим в Долине, а не кому-то другому, поэтому и забрала тебя с острова.

— А где мы сейчас? — огляделся я вокруг.

— В зимнем жилище асптов. Они обитают в реках и слушаются нас, если с ними хорошо обращаться. Однако, Кемок, время идет, и темные силы не бездействуют. По слухам, Долину скоро возьмут в осаду, тогда ты не сможешь перебраться туда по суше.

Я похлопал по отвердевшей повязке:

— И сколько же мне еще здесь сидеть?

Орсия снова улыбнулась и отложила гребень:

— Не дольше, чем потребуется, чтобы снять это.

С помощью ножа и камня она сколола панцирь, сковывавший мою ногу Я подумал, что состоял он, должно быть, из той же целебной глины, которая спасла от верной смерти моего брата. Когда отпали последние черепки, раны под ними не оказалось — только свежезатянувшийся рубец. Я мог свободно двигать ногой.

Орсия вывела меня по подводному коридору наружу, и мы укрылись в зарослях тростника. Было раннее утро, и над рекой стлался туман. Втягивая в себя воздух, Орсия словно принюхивалась к чему-то, недоступному моим ощущениям.

— День будет ясный, — сообщила она. — Это хорошо... Облака и тучи благоприятствуют Тьме, солнце — враг наших врагов.

— Как мне теперь добираться?

— Н а м, Кемок. Отпустить тебя одного, чтобы ты вслепую пробирался по этой земле, значит, обречь тебя на верную гибель. Мы будем добираться по воде.

И мы поплыли — сначала вниз по реке, а потом свернули в какой-то приток и направились на юг против течения. Залитые солнцем берега, казалось, дышали безмятежным покоем, но я внимательно следил за Орсией — не подаст ли она знак об опасности. Один раз нам пришлось затаиться под водой на неглубокой отмели в тростниковых зарослях, и я дышал через стебель тростника, пока в двух шагах от нас, ворча, лакали воду несколько серых.

Я не мог непрерывно находиться под водой, как Орсия, и в пути ей приходилось все время ко мне приноравливаться. Одна она наверняка двигалась бы раза в три быстрее. На ночь мы укрылись в чьей-то заброшенной норе, вырытой в береговом склоне.

Орсия рассказала мне о себе. Оказалось, она дочь старшей сестры Ориаса, и по законам кроганов приходится ему более близкой родственницей, чем его собственные дети. Она всегда была любознательнее и смелее, чем большинство ее сверстников, и часто ускользала из дома, исследуя такие места, куда не отваживались отправиться и мужчины-кроганы. Немало удивительного обнаружила она в горах. Теперь Орсия очень жалела, что из-за начавшейся войны ей пришлось отказаться от своих путешествий. Вспомнив о войне, она замолчала и через некоторое время, свернувшись калачиком, уснула.

Утром мы продолжили путь, но речка становилась все мельче, и вскоре оказалось, что плыть дальше невозможно. Орсия махнула рукой в сторону видневшихся впереди скал:

— Вон та вершина послужит тебе ориентиром, Кемок. Если ты поторопишься и будешь осторожен, то доберешься до своей Долины к заходу солнца. Мне нельзя долго без воды, нам придется расстаться здесь.

Я хотел поблагодарить ее за спасение, но от избытка чувств не мог найти нужных слов. Орсия опять улыбнулась, помахала мне и, нырнув, исчезла под водой, а я так и не успел ей толком ничего сказать.

Повернувшись, я зашагал в сторону скал.

6

Крылатые дозорные Долины заметили меня задолго до того, как я увидел их: откуда ни возьмись ко мне спикировал фланнан и улетел, хлопая крыльями. Я вошел в Долину не по известной мне дороге, а через узкий проход между двух камней. Наверное, это был какой-то заброшенный вход во владения зеленых, так как и здесь на камнях были высечены магические знаки. Один из ящеров, несших дозор в скалах, вглядывался в меня сверху изумрудными глазами.

— Кемок!

Ко мне бежал Килан. Он обнял меня, наши мысли и взгляды встретились, мы опять были едины.

Меня повели к зеленым домам, на ходу засыпая вопросами. Мое возвращение восприняли как великий праздник, но слушая мой рассказ о враждебности кроганов, люди мрачнели.

— Плохие вести! — Дагона, наполнявшая чашу гостеприимства, опустила сосуд с вином на стол, словно увидела нечто зловещее. — Если кроганы встанут на сторону врага... С водной стихией тягаться тяжело... Но кто те Великие, которых Ориас так боится, что пытается любой ценой купить их расположение? Ведь кроганы не из робких, и раньше они были с нами в хороших отношениях... Что если попробовать выяснить это с помощью сил?..

Эфутур отрицательно помотал головой:

— Пока не надо — только если убедимся, что иначе не узнать. Не забывай, тот, кто ищет, сам мо-

жет быть обнаружен, и сила на другой стороне может оказаться не меньшей, если не большей.

Оглядевшись, я не увидел Каттеи. Где сестра? Я вопросительно посмотрел на Килана. Неужели она избегает меня?

Но Килан, уловив мою тревогу, успокоил:

— Еще вчера мы думали, что тебя нет в живых, и она отправилась на восток; там на окраине Долины есть место, где можно войти в соприкосновение с некими силами, и Каттея хотела с помощью своих колдовских познаний узнать твою судьбу. Сестра была уверена, что ты жив; она так и сказала: «Если бы Кемок погиб, мы с тобой знали бы об этом».

Опустив голову, я закрыл лицо руками, вдруг почувствовав, что мне необходимо мысленное общение с сестрой, и стал вызывать ее, зная, что здесь, в защищенной Долине, это не опасно. Мысль Килана соединилась с моей, удвоив энергию призыва.

Я все усиливал мысленный поток, чувствуя, как одновременно нарастает поток Килана... Никакого ответа. Даже если сестра была занята колдовством, это не помешало бы ей услышать нас, и она бы отозвалась. Но мы оба вообще не ощутили присутствия Каттеи, словно вокруг нее снова сомкнулись стены Обители Мудрейших.

Тогда я стал рассылать стрелы мыслей во всех направлениях, но ни одна из них не достигла цели, ибо повсюду была зловещая пустота. Отняв дрожащие ладони от лица, я взглянул на Килана и, увидев, как он побледнел, понял, что он тоже охвачен страхом.

— Исчезла! — прошептал брат, и все услышали его в наступившей тревожной тишине.

— Но куда? — это было главное для меня. Когда я вызывал Каттею на озере кроганов, ее ответ был слабым и невнятным — между нами лежало огромное пространство, принадлежащее врагу — и все-таки мы услышали друг друга. А тут, в защищенной Долине, где нет никаких препятствий, я не мог отыскать ее.

Я повернулся к Дагоне:

— Где то место, куда она поехала?

— На восточной окраине Долины, в горах.

В горах!.. Динзиль! Ответ был ясен, словно написан в воздухе огненными рунами. Дагона сразу поняла мою мысль.

— Но зачем? — она не спорила со мной, а искала причину.

— Ну да, зачем? — повторил Килан. — Конечно, Каттея не скрывала своего расположения к нему. Но она не отправилась бы к нему вот так, не предупредив меня, и ведь она сказала, что едет узнать твою судьбу.

— Она отправилась к нему не по своей воле, — ответил я, стиснув зубы.

Дагона покачала головой:

— Навряд ли, Кемок. С ее способностями никто не выманил бы ее из Долины, ведь все ворота защищены.

— Не могла она согласиться...

— Откуда ты знаешь? Мало ли, как ее убедили! — сказал Килан.

Я повернулся к нему, мое отчаяние перешло в гнев и обрушилось на первого, кто попался под руку:

— Почему ты не поддерживал с ней мысленную связь, почему не узнал, что с ней происходит?

Килан вспыхнул от обиды, но сдержался:

— Она этого не хотела; сказала, что должна беречь энергию для колдовства; что хотя она многому обучена, но не давала клятву и не получила Колдовской Камень, поэтому иногда не уверена в себе и должна собрать все силы...

Это было похоже на Каттею; я знал, что брат говорит правду, и все же... Ведь он мог уберечь ее и не уберег — эта мысль жгла меня огнем.

— Может ли Шил отвезти меня туда? — обратился я к Дагоне.

— Не знаю. Но даже если отвезет, что это тебе даст? Ведь ты не защищен от сил, которые там обитают!

— Посмотрим! Я должен попробовать...

Но не успел я договорить, как на плечо Дагоне, пронзительно крича, села птица, извещавшая о какой-то беде. Все вскочили из-за стола и бросились к выходу.

— Кроганка сказала правду! Они идут на Долину, Кемок! — крикнула Дагона.

Так началась осада. Это было тяжелое время. Хотя все входы в Долину были надежно защищены магическими знаками, но на мили тянулись скалы, и вот теперь на них лезли, летели и карабкались всевозможные чудовища. Над скалистой грядой, где мы держали оборону, нависли грозовые тучи, ветер швырял в лицо потоки дождя. Атакующего врага скрывал сумрак, вспышки хлопающих боевых кнутов были подчас неотличимы от молний.

Мы отбивали атаку за атакой. Иногда наступала недолгая передышка — ведь и самые жестокие ураганы сопровождаются кратковременными затишьями. А потом неприятель снова обрушивался на нас с удвоенной силой, и всякий раз невозможно было предугадать, когда начнется следующий штурм.

Расти не могли взбираться по отвесным скалам; серые, используя свой получеловеческий облик, искали лазейки. Гораздо опаснее для нас, эсткарпцев, был клубящийся бесплотный туман, который невозможно было ни изрубить мечом, ни поразить копьем. Огромные броненосные чудовища возились по ту сторону скалистой стены, с мрачной свирепостью подкапывая ее мощными когтистыми лапами. В воздухе прямо над головой фланнаны и вранги сражались с какими-то летучими тварями. Эта битва была мрачным кошмаром, ужаснувшим даже тех воинов Эсткарпа, кто прошел через схватки с пугающей демонической силой кольдеров.

Сколько времени длилась эта осада, не знаю: днем было почти так же темно, как ночью. Утром на вершинах скал вспыхивали факелы; их свет, казалось, сдерживал врага.

Дагона вовсю использовала магию: зеленые собирали и бросали в бой подвластные им одним силы. Она опасалась удара с тыла, с озер и рек Долины — ведь кроганы были против нас. Ящеры-дозорные патрулировали берега, но ничего подозрительного не обнаруживали.

Эфутур считал, что нас осаждают пока только второстепенные прислужники зла, и никто из Вели-

ких еще не вступил в борьбу. В этом ему виделся дурной знак, если только Великие действительно не ушли так далеко в свои другие миры, что их трудно было вызвать снова.

Мы несли потери. Пал Годгар, взяв с собой сразу несколько врагов. Появились бреши в рядах зеленых и их четвероногих и крылатых союзников. Потери никто не считал: некогда было оглядеться, все силы поглощало упорное сопротивление. Хотя Килан сражался далеко от меня, я знал, что он цел и невредим. Но мне не давала покоя мысль о Каттее, я был уверен, что сестры в Долине нет.

Среди нас сражались и горцы, но Динзиля нигде не было видно, и это усиливало мое беспокойство, что бы ни говорили по поводу его отсутствия другие.

Может быть, нам помогли силы, призванные Дагоной, или враг, бросивший на нас все свои клыки и когти, вдруг обессилел — как бы то ни было, но наконец в тучах появился просвет, засияло солнце, и под его великолепными лучами воинство Тьмы отступило. Враги забрали с собой убитых, и мы не могли определить, насколько велики их потери. Но в том, что на этот раз мы одержали победу, сомнения быть не могло.

Собрав совет, мы подсчитали свои потери и пришли к выводу, что еще одна-две такие осады, и нам не выдержать. Поэтому во время представившейся нам передышки решено было соорудить укрепления, произвести разведку и по возможности нанести ответный удар.

Но у меня была своя задача, и я объявил об этом совету.

Тогда встал Килан и сказал, что идет со мной: мы трое едины, и когда между нами рвется связь, каждый из нас теряет частицу себя.

Я обратился к нему одному, сказав, что однажды мы уже были разлучены, когда он как воин исполнял свой долг, когда я был покалечен, а Каттею заперли в Обители. Теперь настало время каждому снова исполнить свой долг. Он воин, и здесь он нужнее. А Каттея со мной связана более тесно, и мой долг — идти за ней.

Думаю, Дагона и Эфутур поняли меня, но эсткарпцы — нет. Для них, привыкших на границе к суровым испытаниям, жизнь одной женщины ничего не значила, тем более — колдуньи: колдуний они не любили и боялись.

Отправляясь на восток, я не рассчитывал на чью-либо поддержку. Со мной был мой меч, небольшой запас еды и искра надежды. Шил предложил мне свою помощь, но я сказал, что поеду на нем лишь до границы Долины, я мог рисковать только собственной жизнью.

Килан неохотно отпускал меня одного. Наверное, его задели мои слова о более тесных узах между мной и Каттеей, хотя он знал, что это так и что к тому же его воинское умение необходимо здесь.

В Долине царили мир и покой, недавняя кровавая битва казалась страшным сном. Шил ровным галопом нес меня вдоль реки. Здесь не было ловушек, и мы двигались вперед быстро и беспрепятственно. Изредка вдалеке появлялись ящеры-дозорные, продолжавшие нести наблюдение на случай угрозы со стороны кроганов.

Я думал об Орсии, о том, что сделали бы с ней ее соплеменники, если бы узнали, что она спасла меня.

Обширные луга и тенистые рощи Долины сменились каменистым ландшафтом, обрамленным стенами отвесных скал, постепенно сходившимися друг с другом: где-то впереди они должны были сомкнуться. Там, по словам Дагоны, начиналась заброшенная дорога, ведущая в горы, куда отправилась Каттея, намереваясь обратиться к силам, внушавшим страх даже владычице Зеленой Долины.

У каждого своя магия, сказала мне как-то Дагона: жителям Долины подвластны силы растительного мира, фасам — подземного, кроганам — водяного; с ее же слов я понял, что там, куда отправилась Каттея, обитали силы воздуха.

И в самом деле, колдуньи Эсткарпа умели управлять ветром, дождем и бурями. Должно быть, сестра собиралась прибегнуть к их знанию, но если так, то, судя по всему, ей это не удалось.

Шил замедлил шаг и осторожно вошел в узкую расселину в скалах, где царил полумрак, хотя до захода солнца оставалось еще несколько часов.

Наконец рентан остановился:

— Дальше не могу, — уловил я его мысль.

Впереди была тропинка, но я тоже отчетливо ощутил, как что-то предостерегает меня от дальнейшего продвижения. Спешившись, я перекинул через плечо мешок с провизией:

— Благодарю тебя, быстроногий Шил. Передай, что ты доставил меня целым и невредимым.

Задрав голову, Шил осматривал возвышавшиеся над нами отвесные скалы, на поверхности которых негде было бы укрыться врагу, да и навряд ли в таком месте могло обитать воинство, которому мы дали отпор в Долине. Шил, раздувая ноздри, бил копытом:

— Я всем нутром чую здесь присутствие силы.

— Но это не злая сила? — спросил я.

Его золотистые глаза встретились с моими:

— Есть силы, которые лежат за пределами наших представлений о плохом и хорошем. Тебе придется идти наугад.

— У меня нет выбора...

Шил снова, раздувая ноздри, вскинул голову:

— Будь осторожен, смотри под ноги, по сторонам и вверх. Напряги зрение и слух...

Ему не хотелось оставлять меня одного, но он не мог преодолеть преграду, не пускавшую его дальше. Может быть, и на моем пути встанет такой же барьер. Я зашагал вперед, ожидая что через шаг-другой наткнусь на невидимую стену, вроде той, которая преградила нам с Киланом путь, когда мы пришли за Каттеей в Обитель Мудрейших. Но ничего такого не произошло.

Оглянувшись, я увидел, что Шил все еще стоит на том же месте и смотрит мне вслед. Я махнул ему рукой, он кивнул в ответ, и, повернувшись, я пошел, не оглядываясь больше, вперед, запретив себе думать обо всем, что осталось позади.

Тропинка полого поднималась вверх, и сначала идти было легко. Вскоре расселина сузилась настолько, что, расставив руки, я мог касаться стен. Впереди на-

чиналась вырубленная в скале лестница. На ступенях виднелись глубоко вырезанные в камне знаки. Некоторые напоминали те, что оберегали Долину, другие я видел впервые. Мне не хотелось ступать на эти знаки, но надо было подниматься, и я пошел. Семь ступеней — площадка шириной в три ступени — еще три ступени — следующая площадка — девять ступеней. Никакой естественной необходимости в таком расположении ступеней не было, и я подумал, что в нем может заключаться какой-то тайный смысл.

От площадки к площадке лестница постепенно сужалась. Последний ряд ступеней был так узок, что на одной едва помещались вплотную обе ноги. В этом последнем узком ряду было тринадцать ступенек — на ходу я шепотом считал.

Здесь все знаки были мне незнакомы, но я обнаружил, что на них неприятно задерживать взгляд, хотя в них не заключалось угрозы — я достаточно хорошо чувствовал проявление зла в Эскоре, чтобы это определить, — просто они не предназначались для человеческих глаз и ума.

Я испытывал непривычную усталость; в руках и ногах появилась какая-то тяжесть, и приходилось переводить дух на каждой ступеньке. Нет, моя рана, полностью зажившая, не давала о себе знать, и все-таки я ощущал странную тяжесть во всем теле и необъяснимую подавленность.

Наконец лестница осталась позади, и я оказался на вершине скалистой гряды, окружавшей Долину. По каменной поверхности была проложена тропа. Если лестница сужалась, то эта тропа — наоборот, начинаясь от последней ступеньки, постепенно расширялась, уходя в лес каменных столбов.

Пока я поднимался сюда, стемнело; и несмотря на то, что мне не терпелось идти вперед, усталость была так велика, что, пройдя несколько шагов, я повалился на каменную тропу и, завернувшись в плащ, уснул. Это не было обычное погружение в сон: я мгновенно провалился в небытие, и ничто не заставило бы меня очнуться.

Проснулся я тоже мгновенно, с трудом сел и стал разминать онемевшие руки и ноги. Брезжил рассвет.

Я немного поел и сделал несколько глотков из фляги. Давая мне в дорогу съестные припасы, Дагона предупредила, что расходовать их надо очень бережливо: в тех местах, куда проникла Тьма, нельзя прикасаться ни к какой — даже самой соблазнительной — пище, чтобы не попасть под воздействие злых сил.

Я отправился по расширяющейся дороге в каменный лес. Столбы стояли беспорядочно, я не заметил на них никаких следов обработки. Они походили на стволы окаменевших деревьев с обломанными верхушками и ветвями. Ощущение, что я в каменном лесу, было настолько сильным, что я огляделся по сторонам, ища у основания стволов упавшие ветки. Но на каменной поверхности ничего не было. Поднялся ветер, и послышался явственный шум листвы. Я зажмурился, мне почудилось, что я в зеленой роще, но открыв глаза, я увидел вокруг все тот же камень. Шум невидимой листвы все нарастал, хотя ветер ничуть не усилился. Раздались вопли и стоны, словно скорбящие всех времен оплакивали своих мертвецов. Потом все стихло и послышались другие звуки — что-то вроде с л о в на неведомом языке. Но я н е о т в е т и л в отличие от Того, кто ответил мне в низине. Эти слова, казалось, были произнесены в мире, смежном с тем, в котором пребывал я.

Чье-то зловещее присутствие ощущалось столь определенно, что я упал — или, вернее, был повержен на колени, боясь и подумать о том, с чьих уст могли слетать эти с л о в а.

Затем все смолкло — так внезапно, словно захлопнули дверь: ни шума ветра, ни воплей — полная тишина. Поднявшись с колен, я продолжил путь. Вскоре дорога оборвалась. Я остановился, оглядываясь вокруг.

Камни, ничего кроме камней... Но вдруг неподалеку мелькнуло яркое пятно. Я подошел: передо мной лежал, словно только что оброненный, голубовато-зеленый шарф. Я поднял его — тонкий, шелковистый, он цеплялся за мои шершавые, покрытые рубцами пальцы. Такие шарфы носили по вечерам, набросив на плечи, женщины Долины. Такой шарф был и на Каттее в тот вечер, когда она смеялась с Динзилем на пиру.

— Каттея! — сознавая, что кричать здесь нельзя, я решился позвать сестру мысленно. — Каттея! Где ты? — я стоял, теребя легкую полоску шелковой ткани.

Тишина... та мертвая зловещая тишина, что воцарилась после того, как захлопнулась дверь. Я продолжал звать, но не почувствовал и намека на ответ.

Свернув шарф, я сунул его за пазуху, почему-то будучи уверен, что это шарф сестры. С его помощью я надеялся установить с ней связь — он мог стать точкой притяжения для своей владелицы.

Но куда же она отправилась отсюда? Конечно, не обратно в Долину... Дорога, приведшая меня в это подозрительное место, здесь заканчивалась. Значит, Каттея пошла дальше между этих каменных столбов, и я отправлюсь следом.

Я двинулся вперед, но идя без дороги, вскоре обнаружил, что попал в лабиринт. Я перестал ориентироваться, и, в какую бы сторону ни пошел, покружив среди каменных стволов, снова выходил туда, где нашел шарф.

Я сел и задумался. Что это место заколдованное, я уже не сомневался — все здесь было странно и обманчиво. Я закрыл глаза, чтобы не видеть эту сбивавшую с толку путаницу каменных стволов, и сосредоточился на мысли о днях, проведенных в Лормте. Считалось, что ни один мужчина не способен воспользоваться колдовской силой, и потому древние рукописи не охранялись. Действительно, они настолько изобиловали иносказаниями и ссылками на неизвестные предметы, что были недоступны пониманию непосвященных. Я копался в них с единственной целью: узнать, где можно найти прибежище, и почти не обращал вимания на тайные сведения.

Однако кое-что из случайно попавшегося мне на глаза засело в памяти. Я запомнил слова, которые вызвали о т в е т, но снова использовать их не собирался. Что же еще могли подсказать мне лормтские манускрипты?

Я вызвал из глубины памяти картину: пергаментная страница, испещренная неразборчивыми архаическими письменами. Несколько строк мне удалось тогда прочитать. Может быть, попробовать? Сколько во

мне Силы? Не унаследовал ли я от отца его способности? Что если в отличие от других мужчин древней расы я тоже наделен особым даром?

Я вынул из-за пазухи шарф, осторожно скатал тонкую податливую ткань в жгут, затем связал вместе два конца и получившееся кольцо положил перед собой, — оно резко выделялось на сером камне.

Устремив взгляд на это яркое кольцо, я призвал на помощь всю свою волю. В моем распоряжении была только память о нескольких строчках на пергаменте и неодолимое стремление к цели.

Каттея... я мысленно представил себе сестру — может быть, не такой, как в жизни, но такой, как она виделась мне. Я полностью сосредоточился на этом, стараясь увидеть Каттею стоящей в зеленом кольце. Через миг мне предстояло узнать, кто я и что могу.

Медленно проведя руками над кольцом и произнося вслух три слова, я, затаив дыхание, ждал. Голубовато-зеленое кольцо дрогнуло... один его край приподнялся и теперь передо мной балансировал небольшой обруч. Он медленно покатился прочь, в глубь каменного леса, и я пошел следом: у меня появился проводник.

7

Зеленый обруч сновал между каменных стволов, и мне то и дело казалось, что он водит меня по кругу. И все-таки это была моя единственная надежда попытаться пройти через заколдованное место. Иногда я шел навстречу слепящему солнцу, и мне припомнилось старинное поверье: когда тень за спиной, сзади могут подкрасться злые силы. Однако этот невиданный лес казался не обиталищем зла, а препятствием, воздвигнутым, чтобы отпугнуть или запутать чужаков. Наконец лес кончился, и вслед за обручем я вышел на открытое пространство. Обруч, продолжая катиться, стал немного покачиваться, словно энергия его иссякала. Под ногами у меня была неровная каменная поверхность, обточенная временем и непогодой.

Впереди зияла пропасть. Докатившись до края и покружившись на месте, обруч остановился и упал, снова став обычным шелковым жгутом. Раз силы, которые я вызвал, сработали, значит, Каттея здесь проходила. Но зачем? И как она переправилась через пропасть?

Я поднял шарф, сложив, снова спрятал его за пазуху и прошел вдоль края пропасти, глядя вниз. Нет, спуститься здесь было невозможно.

Убедившись в этом, я вернулся назад и стал осматривать то место, где упал обруч. При свете заходящего солнца на каменной поверхности виднелись какие-то выбоины, как будто раньше здесь стояло что-то тяжелое. Я взглянул на противоположный край — там виднелась ровная площадка. Очевидно, над пропастью был мост. Но он исчез. Я потер бедро — от раны осталось одно воспоминание — и попытался прикинуть расстояние, разделявшее края пропасти.

Только самый отчаянный человек мог отважиться на такой прыжок. Но сейчас, угнетенный тревогой за сестру, я и был отчаянным человеком. Я снял с пояса меч, привязал к мешку с припасами и, с силой раскрутив мешок за лямку, запустил его на ту сторону. Послышался лязг меча о камень; котомка, перелетев через пропасть, упала примерно в футе от противоположного края.

Я снял сапоги, стянул их ремнем и бросил вслед за мешком. Босыми ногами я ощущал тепло нагретого солнцем камня. Я отошел назад, к окраине каменного леса, потом, собрав воедино всю силу и решимость, разбежался и, оттолкнувшись от края скалы, прыгнул, не веря, что долечу...

Перелетев на ту сторону, я упал ничком и так сильно ударился, что едва не переломал себе кости. Задохнувшись от боли, я долго лежал без движения, пока не осознал с ликованием, что я действительно на противоположной стороне. Я сел, превозмогая боль во всем теле, огляделся, затем кое-как встал, дохромал до сапог, обулся и закинул мешок за спину.

Отметины, которые я обнаружил на другом краю, здесь были отчетливее и тянулись к высокому камен-

ному выступу, словно туда что-то тащили по скале. Я пошел по этим следам и обнаружил за выступом мост — три бревна, связанных вместе ремнями. Судя по тому, что мост был спрятан, кто-то собирался снова им воспользоваться. Я задумался: может быть, лучше, в интересах тех, кто остался в Долине, сразу уничтожить его? Но как? Оттащить мост назад и спихнуть в пропасть у меня не хватило бы сил. Поджечь? Но тогда дым выдаст мое присутствие. Вдобавок, те, кто нам угрожал, вряд ли смогли бы пройти через каменный лес.

Спрятавшие мост оставили и другие следы, которые я сразу приметил наметанным глазом разведчика. На земле — а здесь был не только голый камень — виднелись отпечатки копыт рентана. На колючем кусте висел длинный клок шерсти. Тут была кое-какая растительность, хотя и карликовая из-за ветров и слишком тонкого слоя почвы.

Я отправился по следу и, спускаясь по крутому склону, вошел в лес, состоящий из причудливо искривленных деревьев. Поначалу они были высотой с меня, но по мере спуска становились все выше, и вскоре я оказался в сумрачной чащобе. С искривленных ветвей свисал густой мох, и, хотя листва на деревьях была совсем редкой, солнечный свет в этот лес не проникал. Местами мох ниспадал длинными покачивающимися полосами, словно меж деревьев висели дряхлыми лохмотьями пологи. Те, вслед за кем я шел, на ходу стягивали цепляющийся упругий мох с ветвей, и он ворохами лежал под ногами, издавая пряный аромат.

На земле тоже рос мох, мягко пружинивший под ногами; из него поднимались на тонких стеблях и колыхались при моем приближении бледные мерцающие цветы. Тут и там под деревьями виднелись еще какие-то огни, и чем дальше я забирался в глушь, тем ярче было их фосфорическое свечение. Эти огни имели форму шестиконечной звезды; когда я склонялся над ними, они тускнели, гасли, и на их месте оставалось только что-то вроде серой паутины.

Приближалась ночь, в темноте я не мог различить тропу, но надолго останавливаться в таком месте мне

совсем не хотелось. Хотя до сих пор я не заметил в лесу признаков чьего-либо присутствия, я понимал, что здесь меня могут подстерегать любые неожиданности.

И все-таки надо было подыскать место для ночлега — не возвращаться же назад! Чем дальше я спускался по склону, тем гуще становился поросший мхом лес. То и дело я напряженно прислушивался. Ветер колебал свисающий с деревьев мох, он зловеще шуршал, и звуки напоминали невнятный шепот, бессвязную речь, словно за мной следили и крались, переговариваясь, какие-то существа.

Я дошел до огромного, увешанного мхом дерева, и решил, что это подходящее место для привала. Мне необходимо было поесть, утолить жажду и отдохнуть. Ушибленное тело ныло, ноги подкашивались от усталости, и кроме того, двигаясь ощупью в темноте, я мог угодить в какую-нибудь ловушку.

Дерево давало ощущение безопасности — я сел под ним, прислонившись спиной к толстому стволу. В сгустившемся мраке бледные цветы и звезды во мху стали заметнее. Ветер доносил едва уловимое благоухание.

Я немного поел и попил. Походный паек у зеленых был необычайно питательным, и на день мне хватало совсем немного пищи. Однако желудок требовал большего, по привычке хотелось еще жевать и глотать, а после еды оставалась смутная неудовлетворенность, хотя умом я понимал, что уже сыт.

Сидя под деревом, я вскоре почувствовал, как меня одолевает странная необоримая усталость, подобная той, что охватила меня прошлой ночью после восхождения по лестнице. Заснуть в этом лесу было сущим безумием... безумием... Что-то во мне противилось этому, но волны сна уже накатывали на меня, и я погрузился в них.

Вокруг вода, она поднимается все выше и выше, смыкается надо мной! Я потерял Орсию, я тону в реке...

Задыхаясь, я проснулся. Нет, воды не было. Я погрузился в скопления, в волны мха, я был в них до подбородка, а свисающий с дерева мох покрывал ли-

цо. В ужасе я рванулся, пытаясь сбросить с себя жуткое одеяло, но не смог пошевельнуть ни рукой, ни ногой, словно меня связали. Мох, окруживший меня, не давал оторваться от ствола дерева. Неужели я действительно сгину в этом потоке? Я снова резко рванулся и, повернув голову, обнаружил, что мох над лицом раскачивается, не затрудняя дыхание, а путы вокруг тела не давят и не нарушают кровообращения. Я был пленником, но моей жизни пока ничто не угрожало.

Однако это было слабое утешение. Прекратив борьбу, я прижался затылком к стволу. В темноте под деревьями сияли звезды. До сих пор я не присматривался к ним, но теперь вдруг заметил, что они расположены в два ряда, уходящих влево от меня — словно нарочно выстроились, чтобы указать путь! Вот только кому и куда?

Подул ветер, мох, свисающий с деревьев, зашуршал. Кроме этого шороха ничто не нарушало тишину — ни стрекот цикад, ни крик ночного хищника.

Я перевел взгляд на опутавший меня мох — густые пряди тянулись не из земли, а с ветвей. При свете лесных звезд я увидел, что петли мха ослабили захват на ветвях, готовые упасть на меня. Мне сразу припомнились рассказы сулькарских моряков о неизвестных растениях в далеких южных странах, которые питаются человеческой плотью и кровью, захватывая жертву, как хищные звери. Пошевелившись, я заметил, что путы вокруг ушибленной ноги чуть ослабли, и я могу изменить ее положение — словно то, что держало меня, прочитало в моих мыслях жажду облегчения и отозвалось на нее.

Прочитало в моих мыслях? Но это невероятно, дико! Как могло растение прочитать мои мысли? Или это не растение? Нет, конечно деревья с листьями и мох вокруг меня — растительность... А может быть, эта масса, не отпускающая меня, — орудие в чьих-то руках?

— Кто ты? — я осторожно направил эту мысль во мрак. — Кто ты? Что ты собираешься со мной сделать?

Я не надеялся на ответ. И хотя ответа как такового не последовало, я все-таки уловил н е ч т о! Совсем, как в пещере, когда Орсия разговаривала с асптом — словно я на мгновение коснулся какого-то иного мыслительного уровня. Не такого, как у зеленых или у кроганов, а менее «человеческого». Может быть, животное? Нет, что-то подсказывало мне, что это не так. Теперь я полностью сосредоточился не на борьбе со мхом, а на мысленных призывах:

— Кто ты?

И снова это неуловимое касание, настолько мимолетное, что я даже не успел определить, был ли это верхний уровень — вроде того, который использовала Орсия, — или нижний, который никогда не встречался мне раньше.

Свет... стало гораздо светлее... Наступает утро? Нет, от лесных звезд, указывавших путь, шли лучи перламутрового сияния. Они словно что-то обещали.

— Кто ты? — теперь я попробовал нащупать мысленный контакт на нижнем уровне.

На этот раз я не только уловил, но и удержал соприкосновение с другим разумом, хотя оно было недостаточно долгим, чтобы мы успели обменяться мыслями. Однако я ощутил реакцию на мой вопрос — волнение, сменившееся недоумением, а затем — страхом.

Хуже всего был страх — он мог толкнуть кого-то невидимого на безрассудные действия.

— Кто ты? — я снова искал на нижнем уровне, но больше не уловил ничего.

Свет лесных звезд напоминал теперь пламя свечей, но это не были зловещие бледные огни, предвестники беды, — они не вызывали тревоги. Их свечение рассеяло мрак, и казалось, будто в лесу наступил пасмурный день.

По тропинке ко мне приближалась фигура — маленькая и сгорбленная, но при виде ее у меня не возникло ощущения, какое внушали мне суетливые обитатели мрака — фасы. Некто приближался очень медленно, то и дело останавливаясь и наблюдая за мной. Страх...

Фигура остановилась между двух ближайших «свечей», и я смог разглядеть ее. Это было существо с

длинными волосами, едва отличимыми от свисающего с деревьев мха, и такое же серое. Подняв корявые руки, оно раздвинуло волосы, чтобы лучше меня видеть, и моему взгляду открылось маленькое сморщенное лицо с плоским носом и большими глазами, которые были окаймлены густыми кустистыми ресницами. Потом существо откинуло назад ниспадающие космы, и я увидел, что это женщина. Обвислые груди и толстый живот прикрывало что-то вроде сетки из мха, в которую тут и там были впутаны бледные благоухающие цветы — жалкое подобие украшения.

В памяти всплыло слышанное в детстве: «В глухих чащах обитают моховухи; они выходят на человечьи тропы, чтобы найти себе мужа среди людей». Моховуха, по преданиям, стремилась родить ребенка от человека, и если кто-то заключал с ней сделку, она служила ему, открывая тайны зарытых в землю сокровищ. Это были добрые робкие существа, никому не делающие зла и страдающие оттого, что их необычная внешность отпугивает людей, которым они хотят помочь. Возможно, сейчас мне предстояло узнать, насколько верны эти легенды.

Моховуха неуверенно приблизилась еще на шаг. Она казалась немолодой, но было ли это так на самом деле, трудно сказать.

Она все еще разглядывала меня, и я снова попробовал прибегнуть к мысленному общению — безрезультатно. Если это с ней я нащупал контакт, значит, теперь она отгородилась от меня барьером. И все-таки от нее исходило какое-то робкое доброжелательство и неуверенность, словно она, не имея злых намерений, сама опасалась меня.

Тогда, отказавшись от попыток мысленного общения, я заговорил вслух, стараясь голосом и мимикой показать свое расположение, убедить ее, что бояться нечего и что я сам надеюсь на ее помощь. Бывая в разных концах Эскора, я обнаружил, что язык этой страны — хотя и отличающийся по выговору и сохранивший некоторые архаические обороты — это все-таки язык древней расы, и меня везде понимали.

— Перед тобой друг... — произнес я мягко. — Друг, понимаешь? Я пришел сюда с добром.

Она пристально вглядывалась в меня — и я выдержал этот взгляд — затем пошевелила сморщенными губами, словно обдумывая то, что собиралась произнести вслух.

— Друг, — прошелестела она, подобно шороху ветра в свисающем мхе.

Она еще какое-то время вглядывалась в меня, а потом словно открылась дверь — ко мне хлынула ее мысль:

— Кто ты, идущий по следу через мхи?

— Я Кемок Трегарт, пришел из-за гор, — начал было я, но заметил, что в отличие от других эскорцев, ей это ничего не говорит. — Я из Зеленой Долины, — на сей раз мои слова возымели действие.

Она что-то произнесла, и теплый поток умиротворения докатился до меня: в ее невнятном шепоте я различил древнее магическое слово, оберегавшее от злых сил:

— Ютаян.

Я тотчас во весь голос повторил это слово в доказательство того, что могу произнести его и меня не поразит гром.

Она отняла руки от волос и поводила в воздухе ладонями, повторяя движение колеблемого ветром свисающего мха. По мановению ее рук, мои путы шевельнулись и распались, освобождая меня, и я оказался сидящим в гнезде из мха.

— Пойдем! — она поманила меня, и я поднялся на ноги, а она при этом слегка отпрянула, словно ее испугал мой рост. Потом, закутавшись в волосы, как в плащ, она повернулась и пошла между двумя рядами «свечей».

Перекинув через плечо мешок, я двинулся за ней. «Свечи» освещали нам путь, но вокруг снова царил густой мрак, и я решил, что до рассвета еще далеко. Вскоре лесные светильники начали расступаться все дальше в стороны и тускнеть, и я прибавил шагу, чтобы не отстать от своей спутницы. Приземистая и коротконогая, шла она, однако, очень быстро.

Пологи мха меж деревьев становились все гуще и длиннее; кое-где они были почти сплошными и такими тяжелыми, что ветер уже не колебал их. Мне по-

думалось, что они похожи на стены и что, может быть, я иду среди чьих-то жилищ. И действительно, протянув руку, моховуха раздвинула один из таких пологов и знаком велела мне войти.

Я оказался под огромным деревом в шатре из мха. Посередине возвышался очищенный от коры ствол, под ногами лежал ковер из мха. Ствол, от земли до нижних ветвей, был усеян горящими звездами, и от них падал свет, как от костра.

На ковре из мха сидели... радушные хозяйки? мои судьи? враги? Этого я не знал, понял только, что передо мной моховухи — они были очень похожи на мою спутницу, и я решил, что все они сестры. Та, что находилась ближе всех к усеянному звездами стволу, знаком велела мне сесть. Я снял с плеча мешок и опустился на мох, скрестив под собой ноги.

Снова меня долго рассматривали. Затем та, что, по-видимому, была главной, назвала себя и остальных с церемонностью, свойственной жителям окраинных земель Эскора:

— Фуузу, Форув, Фроно, Фингри, Фубби.

Сюда меня привела Фубби.

— Кемок Трегарт, — ответил я и добавил по обычаю Эсткарпа: — Мир твоему дому, Фуузу, и твоим сестрам, и всему роду, и пажитям, и стадам.

Если даже они поняли не все, то суть моего доброго пожелания была ясна. Фуузу сделала другой знак, — сидевшая справа от нее Форув взяла деревянную чашу и наполнила ее темной жидкостью из каменного сосуда. Коснувшись губами края чаши, она протянула ее мне.

Хотя Дагона и предупредила меня, как опасно пить и есть что-либо в незнакомом месте, я не посмел отказаться от чаши гостеприимства и с опаской сделал глоток; жидкость оказалась горьковато-кислой. К счастью, мне не пришлось пить еще. Как принято, я наклонил чашу и пролил через край несколько капель на пол, желая процветания этому дому и этой земле.

Поставив чашу, я вежливо ждал, что еще скажет Фуузу.

— Зачем ты пришел в страну мхов, Кемок... Трегарт? — она слегка запнулась на моем имени. — И куда ты держишь путь?

— Я ищу ту, кого отняли у меня, и след ведет сюда.

— Здесь были те, что появились и ушли.

— Куда ушли? — меня охватило волнение.

Фуузу медленно покачала головой:

— Этого мы не знаем. Позади себя они оставили колдовскую завесу. Никто не сможет идти за ними.

Колдовская завеса? Я понятия не имел, что это такое. Но может быть, Фуузу еще что-то знает?

— А девушки с ними не было? — спросил я.

Фуузу кивнула на Фубби:

— Пусть она ответит, она видела их.

— Там была девушка и еще один из Великих...

«Один из Великих», — мысленно повторил я. Неужели я ошибся? Не Динзиль, а кто-то из врагов?..

— Я сразу поняла, что она принадлежит к светлым, но ее окружали темные, — продолжала Фубби. — Они проехали быстро-быстро, и за ними опустилась колдовская завеса...

— Ты можешь показать мне, в какую сторону они поехали? — не совсем учтиво прервал я ее. Динзиль, конечно, опасен, но что если Каттею захватили враги? Время... теперь само время становилось моим врагом.

— Я могу показать, но ты не сможешь пойти за ними.

Я не поверил ей — наверное, из-за чрезмерной самонадеянности, ведь до сих пор мне все удавалось. Слова «колдовская завеса» мне ничего не говорили.

— Покажи ему, — велела Фуузу. — Пусть убедится сам.

Я попрощался с Фуузу и ее приближенными и поспешно вышел из шатра. Пути, озаренного свечами, больше не было, но Фубби в темноте взяла меня за руку. Ладонь у нее была сухая и шероховатая, как кора дерева. Фубби крепко сжала мою руку и повела меня за собой.

Без нее я заблудился бы в этой поросшей мхом чаще. Наконец забрезжил рассвет, да и лес начал редеть. Пошел дождь, но мох быстро впитывал влагу. На свободных от мха клочках земли я заметил вмя-

тины от копыт рентана и понял, что снова иду по следу.

Лес кончился, и мы продолжали путь среди кустов. Уже совсем рассвело, когда я увидел впереди отвесную черную скалу, очень странную, пересеченную широкой красной жилой. След вел прямо к скале, вернее — в скалу, однако никакого входа не было — сплошная каменная стена. Подойдя, я ощупал ее, но не нашел даже щели, она не подавалась под моим нажимом, а следы, размытые дождем, вели именно сюда. Я не верил своим глазам.

Фубби стояла, завернувшись в волосы; с них капало, но они, очевидно, защищали ее от потоков дождя. Фубби взглянула на меня, и я заметил искру веселья в ее глазах.

— Они проехали сквозь скалу? — произнес я в надежде, что моховуха мне возразит, но вместо этого она повторила эхом:

— Проехали сквозь скалу.

— И где же они теперь?

— Кто знает. Это — колдовская завеса. Спроси у Лоскиты — может, она тебе что-нибудь подскажет.

— Лоскита? Кто это?

Фубби повернулась и, выпростав корявую руку из-под плаща из волос, показала на восток:

— Лоскита из Каменного Сада, Читающая-Судьбу-По-Песку. Может, она прочтет, и тогда ты узнаешь...

Сказав это, Фубби снова завернулась в волосы, проворно засеменила прочь, и не успел я остановить ее, как она скрылась в кустах.

8

Дождь быстро смывал следы проехавших сквозь каменную стену. Ежась под его струями, я оглянулся на лес, однако все во мне противилось возвращению назад. Так значит, на восток? Туда, где в своем Каменном Саду обитает эта Лоскита? Ни в одной из знакомых мне легенд о ней не упоминалось.

Уже сильно промокший, я пошел вдоль черно-красной скалы и свернул за ее выступ. Здесь не было ни

деревьев, ни кустов, ни травы: только странные низкие растения с мясистыми желтыми листьями, собранными в пучок на конце толстой ножки. Эти растения были очень колючими, что я обнаружил, поскользнувшись на размытой дождем грязи и больно оцарапавшись об одно из них. На некоторых из середины поднимались стебли, увенчанные гроздьями мелких плотно закрытых цветов. Под листьями копошились какие-то отвратительные мертвенно-бледные насекомые.

Чтобы не задевать эти листья, мне приходилось петлять — растения торчали из земли все чаще и становились все выше и вскоре достигли человеческого роста. Крылатое существо с шеей змеи и телом ящерицы, покрытым тускло-коричневыми перьями, опустилось с неба и, повиснув вниз головой на одном из стеблей, стало поедать насекомых, хватая их при молниеносном броске узкой головы. На мгновение оно замерло, с любопытством глядя на меня черными бусинками глаз.

Вид этого существа понравился мне не больше, чем окружающие заросли. Все здесь было чуждо человеческому глазу, во всем ощущалось какое-то предостережение, как и в каменном лесу. И все же я чувствовал, что это место не заколдованное, а просто неблагоприятное для человека.

Вокруг бежали мутные дождевые потоки, и я заметил, как от растений к ним тянутся тонкие усики; окунаясь в воду, они набухали и, насосавшись, снова поднимались вверх. Мне показалось, что листья при этом становились еще толще, словно накапливая влагу.

Очень хотелось есть, но я не собирался здесь останавливаться, и ускорил шаг, в надежде побыстрее пройти эту местность. Неожиданно передо мной возникло открытое пространство. Казалось, я стоял перед невидимой стеной: по эту сторону — растительность, по ту — ровный голый песок. Настолько сильным было это впечатление, что я протянул руку, ожидая нащупать стену, но моя ладонь не встретила преграды. В земле дождевые ручьи прорыли русла, а там на песке не было даже следа ни единой капли.

Я обвел взглядом раскинувшийся передо мной ландшафт. Слева возвышалась отвесная черно-красная скала, впереди справа тянулась сложенная из камней стена, а посередине лежало ровное песчаное пространство, нисколько не тронутое дождем.

Я не решался ступить на песок. Я знал, что вокруг Торовых Топей, например, есть обманчивые пески — на вид обыкновенная прибрежная полоса, — но попробуй встать на такой песок, и он поглотит тебя.

Оглядевшись, я подобрал камень величиной с кулак и бросил его перед собой. Камень остался лежать на песке. А если потяжелее? Я бросил вперед меч в ножнах, и он остался лежать, где упал. Но удивительно: ни под камнем, ни под мечом не было никаких вмятин, словно поверхность, казавшаяся мелким песком, на самом деле была твердой. Я опустился на колени и осторожно потрогал песок — на ощупь он был такой же мягкий, каким и казался, — почти пыль, но сколько я ни надавливал, на нем не оставалось ни малейшего следа.

Значит, по крайней мере, идти по песку было можно. А зачем воздвигнута эта каменная стена? Может быть, здесь и начинаются владения Лоскиты?

Я рискнул ступить на песок, и тут же дождь остался позади, — вокруг была полная сушь.

Я опоясался мечом. Черная скала и каменная стена параллельно поворачивали на север. Стена была сооружена из неотесанных камней разных размеров — от огромных валунов в основании до совсем маленьких камешков наверху. При этом они были так точно и плотно подогнаны друг к другу, что между ними не удалось бы просунуть и острие ножа.

За поворотом мне открылась круглая песчаная впадина, огибая которую стена смыкалась с черной скалой. Я дошел до края впадины и посмотрел вниз: песок на дне казался голубоватым, по нему беспорядочно были разбросаны камни неправильной формы, между ними и вокруг них по песку тянулись волнообразные борозды.

Пока я смотрел вниз, у меня возникло непередаваемое ощущение: там, подо мной, были не камни на песке — нет, я парил высоко над океаном, омывающим

острова, или, как дух облаков, взирал сверху на горные вершины, высившиеся над туманной бездной...

Целый мир лежал у моих ног, я ликовал от своего могущества. Я, исполин, мог, ступая с острова на остров, в несколько шагов перейти океан. Горы были для меня камнями, брошенными через ручей... Я был выше, сильнее целого мира...

— Чувствуешь ли ты свое величие, человек? Посмотри и ответь.

Услышал я этот вопрос или мне только почудилось?

Я окинул взглядом острова в океане и горы над бездной. Да! Да! Я мог, нагнувшись, выхватить из океана кусок суши и перебросить на другое место. Я мог пинком опрокинуть гору.

— Разрушить ты можешь, человек. Ответь, что ты можешь создать?

Я перевел взгляд с гор и островов на свои руки. Левая сжималась и разжималась свободно. Но правая, покалеченная...

Я не Великий, чтобы переделывать мир по своей прихоти. Я всего лишь человек, какой-то Кемок Трегарт. Помрачение прошло. Я снова увидел камни и песок, усилием воли отогнав безумие.

— Так значит, ты не всесилен? — насмешливо спросил голос ниоткуда.

— Нет! Не всесилен.

Я был уязвлен.

— Так запомни это, человек. А теперь отвечай, зачем ты потревожил меня?

Я огляделся: вокруг не было ни души, и все же я знал, что я здесь не один.

— Ты... ты Лоскита? — спросил я в пустоту.

— Есть у меня и такое имя. Со временем приобретаешь немало имен от друзей и недругов. Раз ты назвал меня так, значит, обо мне тебе сказали моховухи. Зачем ты пришел сюда?

— Фубби сказала, ты можешь мне помочь.

— Помочь тебе, человек? Но зачем? Какое мне дело до тебя? Разве ты мне родня? А скажи-ка, кто твои отец и мать?

— Мой отец — Саймон Трегарт, Хранитель Границы Эсткарпа, моя мать — госпожа Джелита, колдунья.

— Сын воина и колдуньи. Ты не моего рода! Почему же ты рассчитываешь на мою помощь? Может быть, ты связан со мной договором, человек из Эсткарпа?

— Нет.

Я по-прежнему озирался в поисках говорящей невидимки. Во мне росло раздражение: почему я должен стоять и отвечать на вопросы какого-то голоса.

— Значит, нас ничто не связывает — ни родство, ни договор. А может быть, ты торговец? Какое сокровище ты принес, чтобы просить с меня плату?

Только упрямство помогало мне терпеливо выдерживать этот допрос.

— Я не торговец.

— Нет, ты просто возомнил себя титаном, властителем миров, — насмешливо продолжал голос. — Постой-ка, что-то давно уже никто не приходил ко мне за советом. Уж не совет ли тебе нужен, человек? Совет я могу дать, спускайся вниз, только не вздумай ступить на поверхность моря, а не то как бы оно не оказалось больше, чем кажется, а ты — меньше, чем себя воображаешь.

Я прошел вдоль края впадины и в крутом склоне увидел ступени, по которым можно было спуститься на дно. Внизу, вдоль подножия каменной стены шла тропинка из желтого песка, по которой можно было пройти, не ступая на голубое.

Итак, я спустился и пошел по тропинке. Она привела меня к пещере, входом в которую служила трещина в скале. Заглянув внутрь, я понял, что это не совсем пещера — сводов не было, высоко над головой светилось небо. И тут я увидел говорившую со мной.

Наверное, у Лоскиты были общие предки с моховухами — она оказалась такой же маленькой и сморщенной, правда, не куталась в плащ из волос. Редкие пряди были на макушке собраны в пучок, стянутый кольцом из полированного зеленого камня. Браслеты из такого же камня болтались на костлявых запясть-

ях и лодыжках. На ней было одеяние без рукавов, словно обсыпанное голубым песком.

Лоскита казалась очень старой и хилой, но стоило встретиться с ней взглядом, и это впечатление тут же пропадало. Глаза, зеленые, как и ее каменные украшения, были очень живыми и сверкали, как у ястреба; они наверняка видели гораздо дальше и лучше самых зорких человеческих глаз.

— Здравствуй, человек.

Она сидела на камне перед небольшой выемкой, на дне которой песок тоже был голубой, как во внешней впадине.

— Меня зовут Кемок Трегарт, — сказал я: обращение «человек» звучало заведомо уничижительно в ее устах.

Она беззвучно расхохоталась, сотрясаясь всем своим маленьким сморщенным телом.

— Кемок Трегарт, — повторила она и, к моему удивлению, вскинула руку к голове, подражая приветственному жесту воинов Эсткарпа. — Кемок Трегарт, идущий навстречу опасности, как и подобает настоящему герою. Только, похоже, Кемок Трегарт, не в добрый час отправился ты в путь.

— Почему? — спросил я прямо.

— Почему? Да потому, что скоро ты встанешь перед выбором, и если ошибешься — все, чего ты хочешь, чем ты был и чем мог стать, превратится в ничто.

— Твое пророчество слишком темно, госпожа... — начал я.

Она выпрямилась, пронзив меня своим ястребиным взглядом.

— Госпожа, — передразнила она. — Я Лоскита, раз уж ты назвал меня этим именем. И ни в каких титулах не нуждаюсь. Не забывай, с кем говоришь, сын воина и колдуньи.

— Я совсем не хотел тебя оскорбить.

— Что ж, можно извинить твое невежество, — ответила она с надменностью не меньшей, чем та, что была присуща колдуньям Эсткарпа в обращении с мужчинами. — Да, я могу пророчествовать. Ты что же, хочешь узнать свое будущее? Стоило ради этого совершать такой путь! У всех людей один конец...

— Я ищу сестру, — прервал я ее. — Я дошел до черной скалы. Фубби сказала, сестра вошла в скалу и за ней опустилась колдовская завеса.

Лоскита сощурилась и, скрестив кисти рук, взявшись за браслеты на запястьях, принялась вращать эти зеленые каменные кольца.

— Колдовская завеса? Кто же из Великих или их приспешников сунулся через границы владений Лоскиты? Сейчас посмотрим.

Отпустив браслеты, она протянула руки над выемкой с голубым песком и стала быстро водить ими вверх-вниз, обмахивая ладонями дно. Голубые песчинки, крутясь, фонтаном поднимались в воздух и снова оседали вниз. Но теперь песок ложился неровно, бороздами, и на его поверхности появилось изображение башни. Она была похожа на сторожевые башни, стоявшие на границе Эсткарпа — только без бойниц.

— Ага... — Лоскита рассматривала изображение. — Черная Башня. Время не стоит на месте, а маленький человек надел слишком большие сапоги.

Лоскита резко подалась вперед, словно ее внезапно что-то поразило. Меня охватила смутная тревога. И опять Лоскита протянула руки перед собой — фонтан песка снова взметнулся в воздух и опал. На этот раз появилась не башня, а что-то похожее на один из гербов древней расы. Но присмотревшись, я понял, что это не герб, а магический знак.

Лоскита, не отрываясь, смотрела на него и водила пальцем в воздухе, повторяя замысловатое переплетение линий. Не глядя на меня, она спросила коротко:

— Твоя сестра колдунья?

— Она обучалась колдовству в Эсткарпе, но не давала клятву и не получила колдовской камень. Она обладает некоторой Силой...

— И большей, чем ты думаешь. Слушай внимательно, Кемок Трегарт. В давние времена на этой земле жили те, кто жаждал власти и притязал на управление силами, дотоле лежавшими под спудом. Иные рождаются с этой жаждой, она снедает их, как лихорадка, и они готовы бросать на ее алтарь, точно дрова в огонь, все, что, как им кажется, может приблизить их к желанной цели. В те дни некоторым

удалось возвыситься с помощью знания; они раздирали эту землю на куски и перенесли свою борьбу в такие места, о которых и помыслить трудно. Великие ушли, но желание походить на них вселяется в людей. Они знают мало, владеют лишь жалкими обрывками древнего знания, разрозненными и случайными, и пытаются собрать эти обрывки воедино, чтобы осуществить свои намерения. Здесь в горах есть человек, который немало преуспел в этом...

— Динзиль! — воскликнул я.

— Если ты знаешь, зачем тогда спрашиваешь?

— Я не знал. Я только чувствовал, что он...

— Отторгся от человеческого рода? — подсказала она. — Значит, ты почувствовал то, что в нем таится. Но ты не колдунья, Кемок Трегарт. Кем бы ты ни был или мог бы стать со временем, ты — не твоя сестра. Динзиль видит в ней средство продвинуться дальше по пути к своей вожделенной цели. Она обучена, но не давала клятву, а значит — уязвима для его влияния. Через нее он добьется...

— Но она не согласится! — горячо возразил я, не допуская даже мысли о союзе между Каттеей и тем, кто играет с темными силами, неосторожно спущенными с привязи.

— Ее согласие и не потребуется. Динзиль уверен, что если она откажется помогать ему добровольно, он все равно сможет использовать ее как ключ. Твоя сестра в Черной Башне, в самом центре его тайного мира.

— Я пойду туда...

— Ты видел действие колдовской завесы. Как же ты пойдешь? — спросила она.

— Фубби сказала...

— Фубби! — она вскинула руки. — Я Лоскита и делаю только то, что умею. А умею я читать будущее, я предлагаю его на выбор.

— На выбор?..

— Да. В каждой жизни много всяких «если». Пойдешь по одной дороге — и встретишь нищего, бросишь ему монету, а он украдкой пустится за тобой и воткнет тебе нож в спину, чтобы забрать все деньги. Но пойди по другой дороге — и твоя жизнь продлит-

ся еще много лет. Да, мы сами выбираем свое будущее, но вслепую, не ведая подчас, почему сделали именно такой шаг и чего он нам будет стоить.

— Если ты можешь увидеть будущее, покажи мне Черную Башню и дорогу к ней.

Я сомневался в ее возможностях.

— Откуда я знаю, есть ли в твоем будущем Черная Башня. Но могу тебя предостеречь, хотя и не мое это дело — если будущее откроется тебе, решимости в тебе поубавится.

Я не поверил ей и, встряхнув головой, сказал твердо:

— Я пойду за Каттеей, чего бы мне это ни стоило.

— Что ж, пеняй на себя.

Она быстрым движением схватила меня за руки и, дернув к себе, заставила встать на колени перед выемкой с голубым песком. Крепко держа меня за запястья, она стала быстро водить моими руками вверх-вниз. Голубой песок взметнулся фонтаном, а когда он осел, я увидел изображение — но не плоское, двухмерное, как прежде. Теперь я смотрел сверху на какую-то реальную местность, лежащую далеко внизу и маленькую, как Каменный сад.

Я обнаружил там, внизу, и себя; передо мной высилась Черная Башня без единого окошка. Когда я приблизился к ней, стена вытянулась и поглотила меня. Потом я увидел Каттею, подошел к ней и хотел увести, но оглянувшись, увидел перед собой — нет, не Динзиля, а какую-то зловещую тень. Каттея вырвалась от меня, и я прочитал ужас на своем лице. Потом... потом я увидел, как убиваю Каттею, чтобы она не соединилась с этой тенью!

Мой собственный крик ужаса еще звучал у меня в ушах, когда песок снова взметнулся фонтаном. Теперь я ехал верхом рядом с Киланом и другими воинами по Долине. Навстречу нам неслось сонмище каких-то призрачных всадников, а не тех чудовищ, что осаждали наши скалы недавно. Среди них была и Каттея: глаза ее сверкали, руки были воздеты и посылали на нас зловещие красные молнии, сеявшие среди нас смерть.

Затем я увидел, что несусь вперед, размахивая мечом, и бросаю его в Каттею, как копье. Он, достигая

сестры, рассекает ей череп, Каттея падает, и те, кто скакал рядом с ней, затаптывают ее.

И снова песок поднялся фонтаном и осел. Я стоял перед Черной Башней, оттуда ко мне бежала Каттея, и на этот раз я знал, что она не заодно с врагами, а убегает от них. Но вокруг меня сгущался мрак. Я вслепую размахивал мечом, словно сражаясь с кем-то невидимым, и когда Каттея подбежала ко мне, ища защиты, я опять убил ее. Мрак рассеялся, и я остался один на один с содеянным.

Лоскита отпустила мои руки.

— Три выбора, а конец один. Сейчас тебе известен исход, но не решения, которые к нему привели. Каждое будущее проистекает из многих событий.

Я очнулся:

— Ты хочешь сказать, что на самом деле судьба Каттеи была решена не в тот момент, когда я нанес удар мечом, а раньше — когда я совершил или не совершил какие-то действия, которые предрешили развязку? И что если эти действия будут или не будут совершены, то Каттея не... не...

— Не погибнет от твоей руки? Да.

Теперь уже я схватил ее за запястья, но гладкие каменные браслеты сами собой повернулись и выскользнули у меня из рук.

— Скажи! Скажи, что мне делать!

— Это не в моих силах. Что могла, я тебе показала.

— Но может быть, есть и другое будущее — в котором все хорошо?

— У тебя будет выбор. Если ты не ошибешься, принимая решения, и судьба окажется к тебе благосклонной — тогда, кто знает. Я многим читала по песку, но только один или два человека смогли избежать исхода, который я им показала.

— А... если я совсем ничего не буду делать? — спросил я.

— Ты можешь убить сам себя тем мечом, который угрожает твоей сестре. Но пока это не единственный выход. Каждый раз ты неизбежно будешь принимать решения, и теперь сможешь судить, какое правильное, а какое — нет.

— Вот что я сделаю. Я буду держаться подальше от Долины и Черной Башни. Я останусь в этих пустынных местах и...

— Решение... Это будет твое решение, — сказала Лоскита. — Каждое решение дает свое будущее. Кто знает, чем оно обернется и не приведет ли к концу, которого ты боишься. Однако я утомилась, Кемок Трегарт. Мне больше нечего тебе показать, так что...

Она хлопнула в ладоши, и этот резкий звук долго звенел у меня в ушах раскатистым эхом. Я съежился от внезапного порыва холодного ветра. Я стоял на склоне горы, внизу была черно-красная скала. Шел дождь, ветер усиливался, близилась ночь. Взволнованный, голодный, промокший и продрогший, побрел я вперед. Потом я оказался возле какого-то углубления, похожего на пещеру, и подойдя, я не то спрыгнул, не то свалился туда.

Была ли вообще Лоскита? И что означало показанное ею? Решения... каждое из них вплетает свою нить в узор судьбы. Если Лоскита показала мне правду — как победить судьбу и создать четвертое будущее?

Порывшись в мешке с провизией, я достал сухую крошащуюся лепешку и съел ее, чтобы заполнить сосущую пустоту в желудке. Я принял решение поесть, принял решение укрыться в этой пещере. Не приближает ли меня каждое из них на шаг к тому исходу, который трижды показала мне Лоскита?

Дважды он был связан с Черной Башней, один раз — с Долиной. Можно ли надеяться, что если я буду держаться подальше от Башни и от Долины, то смогу отсрочить или изменить будущее? Но я даже не знал, где находится Черная Башня. Что если я неожиданно набреду на нее в горах? Единственное решение, в котором я не сомневался, было не возвращаться в Долину. Но любая мелочь может на многое повлиять.

Я обхватил руками колени и уткнулся в них лицом. Верно ли то, что предсказала Лоскита? Неужели я могу спасти Каттею, только обратив свой меч против себя?

В двух показанных мне картинах будущего Каттея была на стороне сил зла: в Долине она убивала наших друзей, в Черной Башне — отрекалась от меня. В третьем случае Каттея бежала ко мне, а я был заколдован. В двух случаях из трех Каттея не была мне больше сестрой, поскольку принадлежала к темным. Может быть, пытаясь спасти ее жизнь, я предавал все самое дорогое для меня в Каттее?

Решения! Лоскита сказала, что кому-то удалось преодолеть предначертанное судьбой. Но если не знаешь, какое решение...

Уткнувшись лицом в колени, я раскачивался из стороны в сторону. Тягостные мысли не давали покоя. А что если Лоскита — еще одна защита Динзиля, прикрывающая его отход? Я видел наваждения, которые насылали колдуньи Эсткарпа, и был обманут ими. Может быть, Лоскита — такое же наваждение, и то, что она показала, тоже обман. Откуда мне было знать?

Я прислонился спиной к стене пещеры. Голова болела, у входа мрачным пологом висели дождь и мрак. Спать... хорошо бы уснуть... Еще одно решение — к чему оно приведет? И все-таки — спать.

9

Это был тяжелый сон с жуткими сновидениями, и я очнулся в холодном поту. Уснув опять, я оказался во власти еще более чудовищных кошмаров. Я не знал, порождены ли они моим собственным воображением или колдовством, витавшим над этими местами. Проснувшись серым утром с больной головой, я все еще не принял главного решения. Остаться здесь в добровольном заточении до тех пор, пока жизнь не покинет меня? Идти дальше с верой в правоту своего дела и попробовать преодолеть судьбу, предсказанную Лоскитой? Что выбрать?

«Если в Эскоре повсюду злые силы, то должны же быть и добрые, — вяло размышлял я. — Но как их вызвать?»

Эсткарпцы иногда, взывая о помощи, с мольбой произносили какие-то древние имена, но для большинства они давно уже утратили смысл, и люди чаще всего надеялись на самих себя и на поддержку колдуний.

Со мной по-прежнему был меч, я хорошо им владел, у меня был опыт войны на границе, но теперь мне представлялось, что все это ничего не значит. Силу, с которой я собирался вступить в единоборство, невозможно было одолеть мечом. Так что же у меня оставалось? Случайные крупицы древней мудрости, собранные в Лормте, слишком истертые временем, чтобы я мог на них полагаться.

Перед глазами неотступно стояли три картины, показанные Лоскитой.

Дождя не было, но и солнце не выглянуло, не расцветило пятнами горы — тяжелые низкие тучи застилали небо. Местность, открывавшаяся моему взору из пещеры, казалась застывшей и безжизненной. Всюду лишь скудная растительность, искривленная, уродливая, блеклая, да торчащие из земли каменные глыбы отталкивающего вида: на их поверхности проступало где злобное лицо, где — грозящая когтистая лапа или зияющая клыкастая пасть. Видения эти то появлялись, то таяли, то снова возникали чуть поодаль. Я отводил от них взгляд, закрывал глаза, чтобы не видеть этих мрачных серых камней, и пытался думать. Смутные мысли беспорядочно мелькали в мозгу, словно я метался по клетке, повсюду натыкаясь на прутья решетки.

Послышалось завывание — такое, как в каменном лесу, где я нашел шарф Каттеи... Шарф... я сунул руку за пазуху и нащупал тонкий шелк.

Каттея... Каттея, трижды погибающая и всякий раз — от моей руки. Можно ли верить тому, что показала Лоскита? Или, как подсказывало мне едва уловимое, словно покусывающее подозрение, это всего лишь уловка врага, заметающего след?

Я поел и сделал глоток из фляги. Воды осталось совсем немного. Без еды можно прожить дольше, чем без питья, и я не знал, хватит ли у меня духу оставаться здесь, пока меня не найдет смерть.

Да и не в моей натуре выбирать путь бездействия, даже если в этом состоит высшая мудрость. Слишком много во мне было от отца и матери — оба они всегда шли навстречу опасности, не дожидаясь ее прихода.

Наконец я все-таки выбрался из своей норы и осмотрелся. Я помнил — во всяком случае, считал, что помню, — как выглядела местность вокруг Черной Башни, виденная мной на песке у Лоскиты. Здесь не было ничего похожего. Где-то поблизости плескалась вода.

В питье и пище — опасность, предостерегала Дагона. Но, может быть, если смешать эту воду с оставшейся у меня во фляге, риск уменьшится? Решение...

Я старался не смотреть на каменные глыбы: зловещие видения, то появлявшиеся, то таявшие, стали отчетливее. Я был уверен, что это наваждение, и не хотел, чтобы оно сбивало меня с толку.

Завывание ветра действовало угнетающе: я мог бы поклясться на мече, что слышал стоны и вопли величайшего ужаса, будто кто-то взывал о помощи. Некоторые голоса казались мне знакомыми. Но я убеждал себя, что это всего лишь ветер завывает в скалах.

Я стал припоминать известные мне поверья. Сулькарцы утверждали, что воин не падет в бою, пока не услышит в шуме битвы свое имя. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь, не различу ли в завывании ветра протяжного «Кее-моок».

Некоторые — например, Айдан с окраины Эсткарпа, где упорнее следовали старинным обычаям, — носили талисман. Айдан однажды показал мне камень с круглым отверстием — считалось, будто такой талисман, полученный от любящей женщины, надежно защищает от беды. Айдан... Много лет не вспоминал я о нем. Где-то он теперь? Уцелел ли в пограничной войне, вернулся ли к той, что дала ему этот камень?

Впадина, по которой я шел, сворачивала и дальше вела вниз, в узкую долину. Там растительность была обильнее, и текла мелкая речка, плеск которой я слышал до того, как ветер поднял свой скорбный плач. Я оглядел берега реки... и привычно среагировав на опасность, тотчас метнулся за валун.

Даже вой ветра не мог заглушить внезапно раздавшиеся крики и звон металла. У самой воды шла жестокая схватка, в воздухе сверкали брызги. Трое кроганов — двое мужчин и женщина оказались в ловушке на мелководье. Какие-то мохнатые существа помогали им отбиваться. Атаковали же их воины с мечами, одетые в кольчуги и черные плащи. Выше по течению несколько фасов скатывали в воду камни и швыряли комья земли, спеша отгородить ту часть русла, где были кроганы, чтобы отрезать им путь к отступлению.

У одного из кроганов выбили из рук пику, он упал, и над ним блеснул меч. Надежды на спасение у защищавшихся не было: из зарослей с другого берега к врагу шло подкрепление — существа в балахонах с капюшонами, вооруженные посохами, на концах которых сверкали вспышки вроде тех, что высекали своими боевыми кнутами зеленые.

Один из черных меченосцев прошел по воде, пиная лежащие тела. Схватив за волосы, он приподнял из воды тело женщины, и я увидел ее лицо.

Орсия!

Он за волосы протащил по гальке ее безвольное тело и выволок на берег. Существа, вооруженные посохами, остановились поодаль, словно выжидая что-то, потом обменялись жестами с черными меченосцами и снова исчезли в кустах.

С неистовыми гортанными криками от запруды прибежали фасы и набросились на неподвижные тела в воде. Такой жестокости мне видеть еще не доводилось. Это было настолько ужасно, что я боялся взглянуть в сторону Орсии.

Не знаю, были ли мертвы поверженные кроганы, но фасы позаботились, чтобы ни они, ни их мохнатые спутники больше уже не поднялись. Утолив свою ярость, они направились к Орсии, которую обступили меченосцы. Один из фасов, наверное, главарь, приблизившись, уже протянул к ней свои отвратительные лапы, чтобы оттащить ее за одежду и отдать на растерзание своей гнусной шайке.

Но воин в черном замахнулся на него мечом, и фас, отдернув лапы, злобно обиженно заскулил. Еще

один взмах меча у него перед носом — и фас отскочил, скуля еще громче, зафыркал и заскрежетал зубами, молотя по воздуху лапами и брызгая слюной себе на грудь и на торчащий бочонком живот.

По знаку своего предводителя двое черных меченосцев с угрожающим, надменно-презрительным видом двинулись на фасов. Помедлив мгновение-другое, те бросились врассыпную, забегали, подхватили то, что лежало в окрашенной кровью воде, и со своей страшной ношей затрусили по берегу вверх по течению. Их главарь на ходу оборачивался и, стуча себя в грудь, пронзительно вопил.

Моя рука легла на рукоять меча: я увидел, как один из черных воинов, подняв легкое тело Орсии, перекинул его через плечо. Наверное, она была жива.

Я приподнялся, опираясь на валун. Их пятеро... Дать фасам удалиться... пойти за меченосцами вниз по течению... дождаться подходящего момента и...

Вдруг я обнаружил, что не могу двинуться с места!

Я мог встать на ноги, взяться за рукоять меча, повернуть голову, провожая взглядом тех, кто уносил Орсию. Они шли не таясь и не оглядываясь по сторонам, как идут по своей территории.

Но я словно прирос к месту! Либо это проклятье наслала на меня Лоскита, либо я сам навлек его на себя. Ведь я принял действительно важное решение — не то что там, выйти из пещеры на поиски воды или пройти мимо глыб-призраков. Решиться на такое — значило бы бросать камни удачи в стену судьбы. Последовав за черными меченосцами, чтобы освободить Орсию, я мог оказаться на пути, ведущем туда, где мой меч неотвратимо обагрится кровью Каттеи.

Орсии я обязан жизнью. Чем я обязан Каттее — не выразить словами. Я внутренне разрывался на части и по-прежнему не мог двинуться с места. А черные, унося Орсию, уходили все дальше. Обессиленный, словно получив смертельный удар, опираясь на валун, я смотрел им вслед. Они исчезли из виду, а я все смотрел на опустевший берег.

Затем с меня словно упали оковы, и я пошел к месту схватки. На мелководье еще лежало тело одного

из животных, изрубленное и искромсанное; вокруг виднелись и другие следы разыгравшихся здесь кровавых событий. Я нагнулся и зачем-то поднял обломок пики крогана. Вода стекала по древку и по пальцам моей изуродованной правой руки, а я тупо смотрел, как падают вниз капли.

Лоскита сказала, никто не знает, какое незначительное решение может привести к другому, более весомому и роковому Как она была права! Я принял одно решение — выйти из пещеры, другое — найти воду. И вот теперь должен принять третье, гораздо более серьезное — то, которого я пытался избежать — принять его или считать себя презренным трусом. На мне проклятье, а проклятый человек двигается во мраке.

Обломок пики выскользнул из моих негнущихся пальцев и стукнулся о камень.

Они забрали Орсию с собой, значит, она жива, в этом я был уверен. Ее не оставили фасам, но и не пощадят — в этом я тоже не сомневался. Я хожу, дышу, прикасаюсь к чему-то, вижу и слышу лишь потому, что Орсия однажды приняла решение. Вряд ли ей было это легко — ведь она пошла против воли своих соплеменников.

— Но Каттея? — вслух произнес я, сам не зная, к кому обращен мой вопрос.

Где-то впереди Черная Башня, по-видимому, надо смириться с этой мыслью. Мне отведена какая-то роль, и я должен ее сыграть.

Кому-то ведь удалось переломить судьбу...

Я смотрел на текущую мимо воду, мутную оттого, что размывало запруду, насыпанную фасами, и от крови, смываемой с камней. Затем, словно ломая стену, чтобы вырваться на свободу, я стряхнул с себя чары — если только это были чары, — действовавшие на меня после встречи с Лоскитой. Дышать, ходить, жить — это тоже решения, их принимаешь неизбежно. Но я способен принимать и те решения, которых требуют от меня сердце и ум, и делать это должен со всей дарованной мне мудростью. Только надо отвергнуть страх и действовать так, как я действовал бы до встречи с Лоскитой.

Я обязан Орсии жизнью! Не пора ли отплатить ей тем же? Пусть впереди Черная Башня; когда настанет час, у меня хватит мужества предстать перед этим гнездом Тьмы.

И я поспешил прочь от речной косы; больше во мне не было прежней раздвоенности, и я уже не чувствовал себя загнанным в угол.

Я вернулся на покрытый валунами склон и, прячась, перебегая от одного камня к другому, пустился за черными меченосцами. Я опасался, что у них где-нибудь стоят наготове лошади, и тогда мне их не догнать.

И еще одна мысль подстегивала меня. Хотя фасы ушли, они были раздражены и, если бы повернули назад за победителями, то оказались бы у меня в тылу. Поэтому, прячась за валунами, я осматривал окрестность не только впереди, но и позади себя.

Вскоре я увидел вдалеке черные фигуры. Теперь их было четверо; впереди шел тот, что нес Орсию. Его ноша по-прежнему казалась безвольным безжизненным телом. Но я понимал, раз они продолжают тащить ее, значит, Орсия жива.

Я вспомнил о виденных недавно огненных посохах. Против такого оружия я со своим мечом был бессилен и пожалел, что при мне нет самострела. Хотя с таким же успехом я мог бы пожалеть о том, что со мной нет вооруженного самострелами отряда!

Лошадей нигде не было видно. Но может быть, пятый меченосец ушел за ними вперед?

Достигнув длинного каменного выступа, я что было духу пробежал до его конца и, выглянув, увидел, что оказался на одной линии с черными фигурами внизу. Они остановились. Главный с жестоким равнодушием сбросил Орсию на землю. Она лежала без всяких признаков жизни; меченосцы расположились поодаль и чего-то ждали.

День был серый, сумрачный. Я мог бы укрыться в зарослях на противоположном берегу, но чтобы добраться до них незамеченными, мне пришлось бы вернуться немного назад и перейти через речку выше по течению. Я колебался, боясь потерять меченосцев из виду: пятый мог в любой момент привести лошадей.

Четверо... Вооруженный мечом, я мог сразиться с ними только в рукопашной схватке, но численный перевес врага был слишком велик, и в случае моего поражения мало было бы пользы и для Орсии, и для Каттеи.

И все-таки река притягивала меня. Я заметил, что глубина здесь больше. Если бы Орсия пришла в себя, она могла бы уйти под воду и спастись. В отличие от врага для нее вода — родная стихия, и в реке Орсия имела бы преимущество.

Надо было срочно что-то предпринять. Один из меченосцев раскрыл походный мешок и раздал остальным паек. Я снял с плеча свой мешок. Сверху лежал плащ — изумрудно-зеленый, какие носят в Долине, он резко выделялся на фоне серо-бурых камней. Я вытащил его и посмотрел вверх на усеянный каменными глыбами склон. Может ли человек быть одновременно в двух местах?

Я свернул плащ, засунул за пазуху и полез вверх, собираясь пристроить его между двух глыб. Дул ветер, но сейчас это было мне на руку. Мечом я нарубил с куста веток и, застегнув плащ, туго набил его ветками; издалека это вполне могло сойти за человеческую фигуру. Я быстро сплел из травы подобие веревки и одним концом обвязал получившееся чучело. Толкая и подтягивая его, я прополз вверх по склону и высунул чучело между двух камней. Только выдержит ли веревка?

Сползая вниз, я тянул за собой веревку и боялся, что в любой момент она может порваться, но, к счастью, этого не произошло. Я оценил на глаз расстояние до Орсии. Будь у меня веревка попрочнее и окажись под рукой еще что-нибудь, мои шансы, наверное, значительно возросли бы. Однако приходилось довольствоваться малым.

Вдохнув побольше воздуха, я издал особый гортанный крик — с тех пор, как я получил увечье, у меня ни разу не было случая поупражняться в этом умении — звук раздался не из того места, где я находился, а со стороны набитого ветками чучела. Получилось! Я не разучился перебрасывать голос! Я снова издал тот же крик, и результат оказался даже луч-

ше, чем я ожидал: эхо усилило звук, вторя ему с разных сторон, словно кричал не один, а несколько человек. Я дернул за травяную веревку, она порвалась, и освободившийся конец перелетел по воздуху ко мне. Все же этого рывка оказалось достаточно; чучело наклонилось, опрокинулось и исчезло между камней. Я посмотрел вниз.

Черные воины вскочили, выхватив мечи и вглядываясь в то место, где исчезло чучело. Потом главный и еще один бросились вверх по склону. Двое оставшихся внизу подошли друг к другу, не отрывая взгляда от скал.

Я быстро прополз вниз до следующего камня и снова прикинул расстояние до своей цели. Если бы мне удалось на мгновение чем-то отвлечь внимание оставшихся внизу, я бы подхватил Орсию, и, может быть, мы успели бы скрыться в кустах. Настал решающий момент...

Я снова издал крик, на этот раз — подобие команды, невнятно прозвучавшей со склона, — и, выскочив из своего укрытия, кинулся к Орсии — бесшумно, так как под ногами был дерн. Но те двое повернулись и увидели меня. Один что-то крикнул, и они двинулись ко мне, держа наготове мечи. Я крутанул над головой мешок и запустил его в того, что был дальше, а ближний бросился на меня, и я вступил с ним в поединок, ожидая, что вот-вот подоспеет второй воин. К счастью, второй не появлялся, и я сосредоточился на одном противнике.

Он хорошо владел мечом и был в кольчуге, что давало ему явное преимущество. Но у него не было такого учителя, как сулькарец Откелл, не имевший себе равных в боевой выучке, потому что владеть оружием сулькарские моряки учатся на вздымающейся палубе корабля, где требуется особое мастерство.

Поэтому я вскоре вонзил меч в горло моему противнику — у него не было кольчужного шарфа, какие мы носили в Эсткарпе. Кроме того, его явно смутило то, что я сражался левой рукой.

Я оглянулся на второго меченосца и увидел, что он лежит ничком без движения. Трудно было поверить, что мой мешок мог так сильно оглушить его, но я не

собирался это выяснять. Подхватив Орсию, я бросился через кусты к реке. Позади слышались крики — двое, поднимавшиеся по склону, бежали назад — вниз.

Добравшись до реки, я убедился, что глубина здесь действительно гораздо больше; из воды нигде не высовывались полуобсохшие камни, и дна не было видно. Я набрал в легкие побольше воздуху и нырнул, увлекая за собой Орсию, надеясь, что в воде она сразу придет в чувство.

С сильным всплеском мы ушли под воду, и я потащил Орсию туда, где вдали, упершись в противоположный берег, покачивалось на воде упавшее дерево — под ним можно было укрыться. Держа Орсию, я почувствовал, как бьется ее сердце у меня под рукой. Чтобы сделать вдох, мне пришлось на мгновение высунуться из воды, и я заметил щель между разбухшими от воды корнями.

Подплыв под них, я нашел положение, в котором мог, припав лицом к щели, дышать. Орсию я держал обеими руками, чтобы ее не унесло течением; ствол дерева сверху скрывал нас от глаз врага.

Я не видел, что происходит на берегу, и не знал, пустились ли те двое за нами в погоню, но понимал, что они могут обнаружить нас, если мне не хватит воздуха.

В таком положении я был слепым и глухим и поэтому решился на то, что в этих местах было отнюдь небезопасно — мысленно позвал:

— Орсия!

Ответа не последовало.

Я усилил мысленный поток, хотя хорошо понимал, что враг может нас обнаружить:

— Орсия!

Мой мозг уловил какое-то трепетание, совсем слабое, но у меня появилась надежда, и я попробовал в третий раз:

— Орсия!

Страх... страх и ненависть выплеснулись в ответ на мой зов. Орсия начала вырываться, и я едва удержал ее.

— Орсия!

Я уже не просто звал, а требовал, чтобы она узнала меня. Наконец она перестала вырываться...

— Кто... кто это?..

— Не двигайся! — я вложил в этот приказ всю властность, на какую был способен. — Мы прячемся в реке. Наверху нас ищут.

Я почувствовал, как ощупью двигается ее мысль — слабо, замедленно:

— Ты... Кемок?...

— Да.

— Они выследили меня... хотели вернуть... Они узнали...

— Что ты спасла меня? Зачем они хотели вернуть тебя? Чтобы судить?

— Нет... уже судили, пока меня не было... Наверное... решили отдать меня вместо тебя.

— Твои сородичи?!

Мысль ее постепенно окрепла и теперь лилась почти непрерывным потоком:

— Страх властвует их умом, Кемок. Не знаю, чем их запугал враг. Они теперь на все способны.

— Если кроганы собирались отдать тебя, тогда почему...

— Почему напали на Орфонса и Оббо? Не знаю. Может быть, сарны и те, с кем вел переговоры Ориас, не в ладах между собой. Это обычное дело, Кемок: союзы между темными держатся недолго, сегодня — союзник, завтра — враг.

— А кто такие сарны?

— Вооруженные отряды, которые объезжают эти предгорья. Говорят, они служат кому-то из Великих, который не совсем ушел из этого мира, и неизвестно, из чьих уст получают указания их командиры. Постой-ка...

Теперь распоряжалась она, а мне оставалось только ждать. Я дышал через маленькую щель в корнях и по-прежнему ничего не видел, но почувствовал, как напряглось тело Орсии.

10

Ждать приближение врага вслепую — все равно что со связанными руками готовиться к бою. Орсия прервала общение со мной, и я решил, что она направила свою мысленную энергию на обнаружение опасности, но не был в этом уверен.

Вода заплескалась, качнула меня и, обдав лицо, попала в нос. Я поперхнулся, ловя ртом воздух. Это не было естественное волнение реки. В любой момент нас могли пронзить мечи врага.

Орсия с силой сжала мое плечо, предостерегая от малейшего движения и не прибегая к мысленному контакту. Минуты казались часами, наконец вода успокоилась.

— Ушли пока, — осторожно сообщила Орсия. — Но поиски они не прекратят.

— Путь свободен?

Я не знал, как она определила, что враги ушли, но понимал, что она в этом уверена.

— Ты не можешь все время плыть под водой, — ответила Орсия.

— Зато ты можешь! Плыви. При мне меч, меня не так-то просто взять, — я старался говорить так же уверенно, как она.

— Глубокие места расположены ниже по течению. Им это известно, и они будут ждать нас там.

— А выше по реке фасы наполовину перегородили русло. Там совсем мелко, — добавил я. — Может быть, все-таки лучше плыть по течению?

— Ты забываешь, что мои соплеменники тоже охотятся за мной. Безопасно только там, где они не бывают; я как раз направлялась в такие места, да по пути меня поймали.

— ??

— Там, где на нас напали сарны и фасы, река мелкая, но выше по течению она сужается и снова становится глубже, а затем частично течет по подземному руслу. Кроганы туда не заглядывают, сарны вряд ли пойдут вверх по течению, а фасы хоть и обитают под землей, но есть места, которых и они боятся. — Она помедлила. — Я нашла один заброшенный

туннель, прорытый в незапамятные времена. На нем лежит заклятье, но оно ослабело от времени, и тот, у кого сильная воля, преодолеет его. Зато фасы с визгом ринутся прочь, потому что это заклятье наложено человеком и запечатлено огнем и воздухом. И сарны тоже не сунутся туда, даже если найдут вход, потому что он защищен магическим словом. Не знаю, что ждет нас внутри, но доступ туда для нас открыт.

— Но ведь придется двигаться вверх по течению через мелководье, — напомнил я.

— Да, по направлению к Черной Башне.

Простой смысл ее ответа не сразу дошел до меня. Я вздрогнул.

— Тебя это пугает? — недоумение Орсии было так же очевидно для меня, как для нее — мой испуг.

Тогда я рассказал ей о Лоските, Читающей-Судьбу-По-Песку, и о трех уделах, которые она мне предрекла.

— И все-таки я уверена, другого пути у тебя нет, — ответила Орсия. — Похоже, Черная Башня притягивает тебя с колдовской силой. Знать, не в твоей власти повернуться спиной к той, кого ты ищешь, даже если ты считаешь, что бегство от нее спасет вас обоих. Слишком тесно вы связаны друг с другом. Ты увидишь Черную Башню, но твоя судьба после этого совсем не обязательно совпадет с предсказанием Лоскиты. До меня доходили слухи о Каменном Саде Лоскиты и о ее магии. Но на этой земле ныне нет ничего неизменного и определенного, ибо в незапамятные времена здесь было нарушено равновесие. Мы живем одним днем и не заглядываем в будущее: то, что впереди, может не раз измениться, прежде чем мы достигнем его.

— Но Лоскита сказала... решения... самые пустяковые решения...

— Каждый должен сделать выбор и твердо его держаться. Насколько я знаю, все дороги к Черной Башне охраняются не только видимыми, но и невидимыми стражами. Я могу подсказать тебе один путь, наверняка неизвестный Динзилю и его людям.

В ее словах была логика. Если Башня — ядро владений Динзиля, все подступы к ней, конечно, дол-

жны быть надежно защищены. Самое лучшее было послушаться Орсию и отправиться вверх по реке, хотя на этом пути нас и ждали всевозможные опасности — только гляди в оба, да держи ухо востро.

Мы выбрались из своего укрытия и поплыли. Сарны могли подстерегать нас только ниже по течению. Орсия плыла впереди, прячась за каждым выступом берега, за каждым торчащим из воды валуном или полузатопленным бревном и высматривая оттуда возможных преследователей. Еще издалека мы заметили вилорогих коз, пришедших на водопой, что было хорошим признаком: эти робкие и чуткие животные не вышли бы к воде, если бы поблизости кто-то прятался.

Наконец мы оказались на мелководье, где нам пришлось уже не плыть, а идти. Вскоре мы дошли до места недавнего кровавого сражения, где убили соплеменников Орсии. Смеркалось, и я надеялся, что она не увидит пятен крови на камнях и труп мохнатого животного.

Было уж совсем темно, а Орсия все шла и шла, и я поражался ее выносливости — после всего, что выпало сегодня на ее долю, она, казалось, не испытывала ни слабости, ни усталости.

Мы давно миновали остатки запруды, сделанной фасами. Я шел, напрягая слух, потому что вокруг царил непроницаемый мрак. Чтобы не потерять друг друга, мы держались за руки. То и дело из темноты доносились какие-то странные пугающие звуки; останавливаясь, мы прислушивались, но они не приближались, и мы двигались дальше.

Потом, как и говорила Орсия, русло реки стало сужаться, и мы шли по пояс в воде. Тут и там со дна, крутясь, поднимались вереницы фосфоресцирующих пузырьков воздуха.

В отличие от Орсии меня начала одолевать усталость. Мне не хотелось признаваться в своей слабости, но я понимал, что количество шагов, которые я еще в состоянии сделать, весьма невелико. Наверное, Орсия прочитала мои мысли, а может быть, решила признать, что и она не из стали, как человекоподоб-

ные слуги кольдеров, а из плоти и крови, и тоже устала.

Она потянула меня за руку куда-то вниз, и мы на четвереньках вползли в нору вроде той, где укрывались по пути в Долину. Должно быть, здесь давно никто не жил — я не почувствовал запаха, свидетельствующего о пребывании животного. Нора была достаточно велика, чтобы мы вдвоем поместились в ней, тесно прижавшись друг к другу.

— Отдыхай, — сказала Орсия, — нам еще придется плыть, и в темноте трудно ориентироваться.

Я думал, что не усну, но усталость взяла свое. В отличие от предшествующей ночи, меня не преследовали кошмары, и, пробудившись, я не мог припомнить, снилось ли мне что-нибудь вообще. А разбудили меня голод и жажда. Съестные припасы остались в мешке, который я использовал для самообороны; с того времени прошел целый день, мы все время были в пути, и я забыл о еде. Теперь, хочешь не хочешь, предстояло пренебречь советом Дагоны.

В норе было так тесно, что я не мог вылезти, не разбудив свою соседку. Но сосущий голод гнал меня наружу. Орсия заворочалась:

— Что случилось? — уловил я ее мысль.

— Пока вроде бы все спокойно. Только надо как-то раздобыть пищу.

— Конечно, — она вылезла следом за мной и вошла в воду.

Солнце еще не появилось из-за скал, но небо было светлое, и я подумал, что день будет ясным.

Орсия шла вдоль берега по пояс в воде. Вдруг, словно кто-то схватил ее за ноги, она в мгновение ока скрылась под водой. Не зная, что и думать, я нырнул вслед за ней и обшарив дно руками, убедился, что она исчезла.

Когда я вынырнул, послышался тихий смех. Я обернулся, Орсия стояла у меня за спиной, отламывая длинные коричневые стебли от какого-то корня. Освободив корень, она с силой потерла его между ладоней, тонкая кожица легко сошла с него, и Орсия протянула мне свою добычу.

— Ешь, — это было не приглашение, а приказ.

— Дагона говорила... — я в нерешительности держал светлый продолговатый корень, глядя на него голодными глазами.

— Отличная еда, — перебила меня Орсия. — Да, верно, в тех местах, где обитает Тьма, лучше ничего не пробовать на вкус — пища и вода либо смертельно опасны, либо могут лишить воли, памяти, даже рассудка. Но здесь чистое место, а не заколдованная ловушка. Можешь есть без опаски, как в Долине.

Я надкусил корень; он оказался хрустящим и сладковатым. Я стал есть и убедился, что он не только вкусный, но сочный и утоляет жажду.

Орсия снова нырнула и, достав следующий корень, очистила его и протянула мне, потом достала еще два для себя. Берега здесь были уже выше и круче, а русло — глубже. Поев, мы поплыли дальше.

Я сразу отстал от Орсии и даже не пытался догнать ее, чтобы не тратить зря силы, довольствуясь тем, что вижу ее издалека. К счастью, она то и дело останавливалась, и подплывала к берегу в поисках своих отметок, которые оставила, бывая здесь раньше.

Один раз Орсия, махнув мне рукой, устремилась назад и, схватив меня за плечо, с силой увлекла под воду.

— На скале наблюдатель рузов, — мысленно сообщила она. — Они очень зоркие, но вода искажает все, что в ней находится. Если он не спустится ниже, нам нечего бояться.

Через мгновение Орсия отпустила меня, и я вынырнул на поверхность. Мы держались правого берега, казавшегося таким же диким и необитаемым, как местность вблизи владений Лоскиты.

С крутых берегов свешивались стебли каких-то похожих на лианы растений: одни — тонкие, другие — толщиной с мою руку. Орсии не пришлось предупреждать меня, чтобы я держался от них подальше, настолько отталкивающий был у них вид. Мертвенно-бледные, гладкие, они походили на трупы каких-то омерзительных существ. От них исходил такой смрад, что казалось, если подплыть ближе, можно задохнуться. Я заметил, что хотя растения свисали вниз, словно тянулись к воде, но те из них, которые достиг-

ли ее, высохли, превратившись в корявые остовы. Как видно, влага, благотворная для всего живого, была для них губительна.

В зарослях этих растений обитали какие-то существа, хотя ни одного из них я так и не разглядел. Они копошились в листве, колыхая ее, но ни разу не показались, да мне и не хотелось их увидеть.

— Ага, теперь уже недалеко, — с облегчением сообщила мне Орсия.

Впереди берег сильно выдавался в реку. Доплыв туда, Орсия остановилась. Заросли здесь были не так густы, и из их отвратительных сплетений выглядывала неровная каменная глыба. Вначале я принял ее за выступ скалы, но, поравнявшись с Орсией и приглядевшись, понял, что это не так.

Нет, здесь поработала чья-та рука. На берегу стояла не просто глыба, а огромная каменная голова — не то человека, не то животного, не то какого-то чудовища или духа. Она была наклонена вниз; казалось, через глубокие глазницы кто-то сверху смотрит на нас, и от этого взгляда хотелось спрятаться.

— Наблюдатель. Он остался от других времен, сейчас его можно не бояться, для чего бы он ни был оставлен здесь когда-то. А теперь нам нужно... — Орсия проплыла еще немного и снова повернулась ко мне. — Кроганам это ничего не стоит, Кемок, но для тебя... — Она явно колебалась. — Здесь придется плыть под водой и довольно долго. Не знаю, выдержишь ли ты.

Я вспыхнул при мысли, что в ее глазах я беспомощен, как ребенок, нуждающийся в опеке. И хотя здравый смысл подсказывал, что под водой все именно так и обстоит, я чувствовал себя уязвленным.

— Приготовься!

Я сделал несколько выдохов и вдохов, сначала выталкивая из легких весь воздух, а потом вновь наполняя их. Орсия нырнула, чтобы найти потайной вход и проверить, открыт ли он; затем снова появилась передо мной.

— Ты готов?

— Да.

Я сделал последний глубокий вдох и нырнул. Орсия держала меня за плечо, направляя вперед в тем-

ноту. Я поплыл под водой со всей скоростью, на какую был способен; я плыл и плыл — казалось, легкие мои вот-вот разорвутся, жажда воздуха заполонила все мое существо. Я больше не мог терпеть эту пытку и, подняв голову, затылком и плечами ударился о каменную поверхность. Я стал биться, рванулся вперед, больно ободрал руку и... моя голова вынырнула из воды, я снова мог дышать.

Вокруг стоял непроглядный мрак, и едва я почувствовал облегчение от того, что могу дышать, как сердце снова тревожно сжалось: тут не было ничего, кроме воды и темноты, давящей и душной, несмотря на холод.

— Кемок!

— Я здесь.

Оклика Орсии хватило, чтобы рассеять охватившее меня чувство одиночества и потерянности. К моему локтю прикоснулись пальцы Орсии — она была рядом. Ее голос как будто раздвинул мрак, и я ощутил себя снова в реальном — пусть и чуждом мне — мире.

— Это туннель. Нащупай стену и плыви вдоль нее, — велела Орсия. — Других подземных рек здесь нет — во всяком случае не было, когда я впервые попала сюда.

Я долго плескался во мраке, пока не коснулся вытянутой рукой каменной стены.

— Откуда тебе известен этот вход?

— Ты же знаешь, мы общаемся с другими подводными обитателями. Об этом туннеле я узнала от одного мерфея, он же показал мне и вход под водой. Он приплывает сюда, чтобы полакомиться: здесь на камнях большая колония квасти. Течением заносит водоросли, которыми они питаются, и квасти со своими раковинами тут вырастают до необыкновенных размеров. Я люблю бывать в незнакомых местах, и оказалось, я не первая, кто побывал здесь, кроме мерфеев и квасти.

— Почему ты так решила?

— Увидишь.

— Разве здесь можно что-то у в и д е т ь? Или под землей не везде так темно?

Я снова услышал ее тихий смех:

— Бывают светильники, Кемок, которые могут гореть даже в таких местах.

Но пока мы плыли вслепую. Наконец я заметил, что мрак постепенно начинает рассеиваться, и впереди брезжит бледный свет — не такой, как от факела или фонаря, а скорее похожий на предрассветный.

Затем туннель вывел нас на широкое пространство, настолько тускло освещенное, что о размерах его можно было только догадываться. Наверное, это была огромная пещера в горе. Из-под воды пятнами исходил свет, достигавший небольшого островка.

Я подплыл к нему, радуясь неожиданной возможности ступить на твердую землю, и выбрался из воды. Оглядевшись, я увидел, что свет льется из приоткрытых раковин, большая колония которых облепила камни под водой.

— Это квасти, — показала на них Орсия. — Лакомство не только для мерфеев; на глубине они вкуснее.

И она нырнула под воду. Я стоял мокрый на покрытом галькой островке и разглядывал пещеру. Нигде не было видно признаков того, что здесь побывали разумные существа.

Орсия вышла из воды — с волос текло, одежда облепила тело. В руках она несла сетку — это напомнило мне наше бегство в Долину — в сетке светились раковины. Они постепенно тускнели и, когда Орсия подошла ко мне, почти погасли.

Взяв у меня нож, она стала ловко открывать раковины, быстро пронзая острием лежавших внутри моллюсков, и протянула мне одну створку вместе с содержимым.

Я давно убедился, что неразумно проявлять излишнюю привередливость в подобных обстоятельствах: когда голоден, приходится есть все, что посчастливится найти. Жизнь воина на границе не баловала нас ни изысканной пищей, ни теплой мягкой постелью, ни спокойным сном.

Я стал есть. Мясо квасти оказалось жестким, и жевать его пришлось долго. Странное и непривычное на вкус, оно было вполне съедобно, хотя понравилось

мне меньше, чем корни. Главное, оно не вызывало отвращения, и, глядя на обилие кваст вокруг, я решил, что голод нам не угрожает.

Пустые раковины Орсия не выбросила, а сложила обратно в сетку, аккуратно разместив их внутренней стороной наружу и переложив камушками, чтобы они не перевернулись. Покончив с этим, она встала:

— Ты готов?

— Куда нам теперь?

— Туда, — махнула она рукой, и я уже не мог определить, какое это направление — север или юг, запад или восток.

Тщательно прикрепив сетку к поясу, Орсия вошла в воду. Я последовал за ней и заметил, что как только сетка погрузилась в воду, из нее полился призрачный свет, — в воде раковины словно зажглись.

Мы поплыли дальше. Впереди было меньше скоплений кваст и больше темных участков. Через некоторое время я ногами нащупал дно, оно стало отлого подниматься, и вскоре мы уже шли по пояс в воде. В полумраке с двух сторон замаячили стены пещеры, и я понял, что это подземная расщелина, ведущая дальше в глубь горы.

Вода была уже по колено, Орсия сняла сетку с пояса и потащила ее за собой по воде, чтобы раковины продолжали освещать нам путь. Расщелина стала расширяться, в воде опять появились сияющие скопления живых кваст. Но... я остановился, как вкопанный.

Здесь кваст держались не на камнях, но по краям постаментов, на которых возвышались высеченные из камня фигуры, стоявшие в два ряда, образуя галерею, в конце которой смутно виднелась какая-то темная масса.

Вода плескалась у ног статуй, по пояс облепленных рядами раковин — должно быть, раньше фигуры были наполовину погружены в воду.

Тела у них были человеческие, у иных — закутанные в длинные балахоны, скрадывавшие их очертания. Да, тела были человеческие... но лиц не было! Головы — едва обработанные круглые глыбы с

глубокими глазницами — такие же, как на скале снаружи.

— Пойдем! — таща за собой сетку с раковинами, Орсия двинулась по галерее. Она шла, не глядя на фигуры, направляясь прямо к маячившей впереди темной массе.

Я не отставал от Орсии, у меня было такое ощущение, что через эти глазницы за нами наблюдают — безучастно, но неотступно.

Я споткнулся и понял, что передо мной лестница; она вела на широкую площадку, посреди которой возвышалось какое-то строение: в сумраке трудно было определить его размеры. В стенах неясно виднелись темные бреши, судя по всему — окна и двери, но выяснить это без света было невозможно. Я сказал Орсии, что, похоже, ее светильник действует только в воде.

— Ты прав, — согласилась она, — но жди и смотри.

Мы вместе поднялись по лестнице и... Я ахнул от изумления. Стоило нам ступить на площадку, как от нее полился слабый свет, не ярче мерцания раковин, но его было достаточно, чтобы осветить нам путь.

— Здесь какая-то магия, — объяснила Орсия. — Нагнись, приложи ладони к камню.

Я сделал, как она велела, и она сама сделала то же самое. Там, где мои руки касались каменной поверхности (да и был ли это камень? на ощупь, во всяком случае — нет), свет становился ярче.

— Попробуй босиком! — Орсия прыгала на одной ноге, стаскивая с ног гибкие чехольчики, служившие ей обувью. — Так еще ярче.

Я стоял в нерешительности, но Орсия уверенно пошла вперед и вопросительно оглянулась на меня. Я стащил свои легкие башмаки и взял их в руку. Орсия была права: когда мы пошли по площадке босиком, свечение усилилось, и мы смогли разглядеть сооружение, темневшее перед нами.

Стоя перед пустыми окнами и зияющим проемом дверей, я пожалел, что при мне нет меча, который остался на берегу реки. У меня был нож с восьмидюймовым хорошо отточенным лезвием, но в таких местах

воображение сразу рисует опасности, встречать которые нужно с более серьезным оружием.

Вокруг пустых проемов не было ни резьбы, ни какой-то другой отделки — ничто не нарушало сурового вида голых стен. Когда же мы отважились войти внутрь, свет у нас под ногами вспыхнул вдвое ярче. Мы очутились в пустом помещении. В длинной противоположной стене было десять дверей, все они оказались плотно запертыми, но никаких запоров я не заметил. Орсия подергала одну из них, но дверь не подалась.

— Раньше я не заходила сюда, — сказала Орсия. — Тогда на этих стенах лежало древнее заклятье, сейчас оно исчезло.

— Но ведь мы безоружны! — меня возмутило, что она чуть не привела нас в ловушку.

— Это было очень старое заклятье, — отозвалась Орсия, — и оно отвечало на наши, а не на их защитные слова.

И тут мне пришла в голову мысль. Окинув взглядом ряд запертых дверей, я произнес два с л о в а из тех, что узнал в Лормте.

11

Это были не те Великие Слова, на которые я однажды получил ответ, но они служили для испытания и оберегали от зла.

Они эхом прокатились по длинному помещению, и свет у нас под ногами засиял так ярко, что Орсия негромко вскрикнула. Вслед за эхом раздался оглушительный треск и отдаленные раскаты грома. При ослепительном свете я увидел, как дверь, которую до этого дергала Орсия, раскалывается и распадается на куски. Орсия отскочила в сторону, и обломки, рухнув на пол, рассыпались в прах.

Это произошло только с одной дверью, словно прикосновение Орсии послужило каналом для магической энергии. Мне даже показалось, что дверь раскололась как раз в том месте, которого коснулись пальцы Орсии.

Затем последовал ответ — что-то вроде пения; оно быстро оборвалось, и я не разобрал ни слова.

— Что это?

— Не знаю, — Орсия покачала головой, — но это такая древность! Некоторые звуки... — Она снова покачала головой. — Нет, не знаю. Тут была какая-то защита, теперь она снята. Мы можем идти, бояться нечего.

Я не разделял ее уверенности. Орсия сделала шаг к дверному проему, я не успел удержать ее, и она решительно пошла вперед. Мне ничего не оставалось, как идти следом.

Нас окутало облако золотого сияния, пронизанное яркими отблесками. Мы оказались в квадратном помещении, в центре которого на возвышении в две ступени стоял трон с высокой спинкой и широкими подлокотниками; на троне кто-то сидел. В памяти всплыла история о том, как мой отец, Корис и другие уцелевшие при кораблекрушении гвардейцы обнаружили в горах Карстена пещеру легендарного Вольта, который вот так же сидел на троне, держа на коленях свой огромный топор. Кориса охватило желание обладать топором, и когда он взял его, останки Вольта рассыпались в прах, словно он только и ждал прихода отважного сильного воина, способного владеть оружием, выкованным не для обычного человека, но для того, кто почитался полубогом.

Сидящего перед нами мы не могли разглядеть — его окутывал столб голубого света, за которым лишь угадывалась неподвижная, словно окаменевшая фигура. И я понял: это склеп, такой же, как пещера Вольта.

Я не почувствовал ни страха, ни отвращения, наоборот, меня так и тянуло подойти поближе... Осознав свои ощущения, я был поражен.

— Кто это? — вглядываясь в столб голубой дымки, Орсия сделала вперед шаг, другой, третий; она была уже совсем рядом с возвышением.

— Тот, кто не причинит вам вреда, — донеслись до моего сознания слова из ниоткуда.

Вокруг помоста стояли ветхие полуистлевшие ларцы, в них сверкали несметные сокровища, но мой

взгляд сразу скользнул на верхнюю ступень — туда, где лежал отдельно ярко освещенный меч.

Я почувствовал, как нетерпеливо шевельнулись пальцы и рука сама потянулась к нему. Металл не отливал голубизной, как хорошая сталь, а казался золотистым — возможно, на нем просто лежали отсветы золотого сияния, наполнявшего помещение. Рукоять была словно высечена из цельного куска желтого кварца, на ней вспыхивали, как в дымке, красные, золотые и голубые искры. Меч казался немного длиннее обычного и совсем не был тронут временем.

Меня охватило непреодолимое желание владеть им, никогда, ничего в жизни мне так не хотелось; это желание было сильнее голода, сильнее жажды.

Не такие ли ощущения испытывал Корис, глядя на Топор Вольта? Если да, то не удивительно, что он решился взять топор. Но Вольт не помешал ему. Осмелюсь ли я сделать здесь то же самое?

Обобрать мертвого — это ужасно! Но ведь Корис попросил у Вольта топор и, взяв его, совершил с тех пор немало подвигов.

Взять у мертвеца оружие означало попытку сравняться по силе с прежним обладателем этого оружия. Сулькарцы верили, что в пылу сражения воин, взявший меч у мертвого, может быть одержим его призраком и либо совершит такие подвиги, на которые никогда не отважился бы сам, либо встретит в бою смерть, если призрак будет мстить или завидовать ему. Известно, однако, что сулькарцы похищали из гробниц славные, легендарные мечи — не в Эсткарпе, а на северном побережье, где у них когда-то были свои гавани, пока они не заключили союз с колдунь-ями Эсткарпа. О подвигах воинов, владевших такими мечами, ходили легенды.

Я старался преодолеть всепоглощающее желание взяться за эту золотистую рукоять. Но иные желания сильнее рассудка — даже у тех, кто, как я, стремится, чтобы действие опережала мысль. И я не смог победить искушение.

Я скользнул мимо Орсии и, встав на колени, протянул руку к мечу — не левую, а правую, покалечен-

ную; это вышло само собой, и пальцы, те, что еще могли сгибаться, сомкнулись на рукояти. Однако в последний момент благоразумие все же одержало верх, я заставил себя оторвать взгляд от меча и посмотрел в голубую дымку.

Там в глубине виднелась какая-то фигура; это было единственное, в чем я не сомневался. Да, Корис взял Топор Вольта, но в качестве дара, а не как грабитель. И я не знал, как поступить.

Разжав пальцы — с усилием, словно они против моей воли старались удержать меч, — я убрал руку и, стоя на коленях, заговорил с тем, кого скрывала дымка:

— Я Кемок Трегарт из Эсткарпа. Я ищу то, что отнято у меня обманом; свой меч я утратил в честном бою. Если я пойду дальше безоружный, я — проиграл. Я не гонюсь за славой. Я могу произнести слова...

И я повторил с л о в а из Лормта, открывшие нам дверь — но на этот раз не с вызовом и не как боевой клич, а как свидетельство того, что я не связан с Тьмой.

Я не знал, что последует за этим. Могло случиться все что угодно. Тот, кто сидел в голубой дымке, мог подняться и либо радушно встретить меня, либо сразить своим мечом. Но ничего не произошло, не было ни вспышки, ни раскатов грома.

Я замер, озадаченный, но тут же решительно вскинул правую руку, по-военному приветствуя сидящего, затем взял меч. Он был словно только что выкован — остро отточенный и блестящий. Я легко сжал его в покалеченной руке, как будто пальцы никогда и не отказывались мне служить.

Я поднялся на ноги, пошарив за пазухой, достал мокрый шарф и сделал из него перевязь для меча, который никак не входил в ножны, висевшие у меня на поясе.

— Ты поступил правильно, — в первый раз за все это время ко мне долетели мысли Орсии. — Нам не дано видеть вытканных Великими узоров — только отдельные нити их иногда становятся доступны нашему взгляду. Ты взял на себя больше, чем меч; пусть же эта ноша окажется тебе по силам.

Я не знал, разделяют ли крогаиы отношение сулькарцев к оружию мертвеца. Но меч не показался мне тяжелым. Взяв его в руки, я ощутил необычайное нетерпение, желание спешить вперед, поскорее выполнить задачу, которую я сам себе поставил.

Я было направился к двери, но Орсия замешкалась у возвышения, и, остановившись, я в недоумении оглянулся. Она медленно обходила вокруг трона и фигуры в дымке, рассматривая полуистлевшие ларцы с сокровищами. Может, ей придало храбрости то, что я присвоил меч, и она решила тоже что-нибудь взять себе? Я хотел уже остановить ее, но передумал — пусть поступает так, как сочтет нужным, я не вправе ни о чем спрашивать.

Позади трона Орсия задержалась и вышла оттуда, держа в руке короткий жезл конической формы, покрытый спиральной резьбой. Жезл был цвета слоновой кости, Орсия несла его острием вверх, и, когда пошевелила рукой, мне показалось, я увидел искру белого огня, заплясавшую на его конце.

Жезл не походил на оружие, но и не был украшен драгоценными камнями. Орсия несла его так бережно, словно для нее это была такая же ценность, как для меня — меч. Остановившись перед фигурой в дымке, Орсия опустилась на колени, как до этого опускался я, и заговорила вслух с присущей крогаиам странной монотонностью:

— Я Орсия, из крогаиов, хотя они больше не признают меня за свою. Я способна владеть тем, что взяла из ларца. У меня есть силы, хотя и небольшие, и оружие, хотя и не выкованное в огне из металла. Я беру это, и знаю, что это такое и для чего оно предназначено, ибо я та, кто я есть, и иду туда, куда иду.

Она вытянула руку с жезлом перед собой, и на его конце промелькнула уже не искра, а полоса белого огня. Потом Орсия повернулась ко мне, и мы молча поспешили назад.

Выйдя наружу, мы остановились на площадке перед галереей безликих, безглазых статуй. Я хотел вернуться тем же путем, но Орсия остановила меня движением руки. Она повела головой из стороны в сторону, раздувая ноздри, словно принюхиваясь. Но я

не уловил ничего, кроме запаха стоячей воды, а Орсия явно была чем-то встревожена.

— Что там? — спросил я полушепотом.

— Фасы, — ответила она так же тихо, — и кто-то еще.

Я снял с перевязи меч. Под землей фасы в своей стихии, и здесь мы с Орсией могли оказаться в таком же невыгодном положении, как я — под водой. Я тщетно пытался уловить в воздухе какой-нибудь новый запах — у меня было не такое острое обоняние, как у Орсии.

— Они приближаются... — Орсия показала жезлом на галерею. — Пойдем туда... — она махнула рукой направо вдоль передней стены склепа.

Я не понимал, что мы выигрываем таким образом, но решил, что Орсии виднее, раз она уже бывала здесь.

Мы обулись, чтобы свет не выдал наше присутствие, и поспешили мимо пустых оконных проемов.

Склеп занимал переднюю часть площадки, уходившей назад, вглубь, туда, где глухой тенью маячила стена пещеры. Орсия снова подняла голову, принюхиваясь.

— Ты чувствуешь? — спросила она вслух. — Оттуда идет воздух...

Да, я тоже почувствовал — из глубины площадки шел отчетливо ощутимый поток воздуха.

— Вода... там течет вода.

Она побежала, и я ускорил шаг, чтобы не отстать от нее. По мере нашего удаления от склепа вокруг становилось все темнее. Раковины в сетке у Орсии без воды были бесполезны, и мрак вскоре сгустился почти до черноты того туннеля, по которому мы приплыли. Я прислушался, нет ли преследования. А что впереди? Фасы наверняка сейчас роют ходы. Что если они выйдут нам навстречу?

— Впереди фасов нет, — ответила Орсия на мою мысль. — Вряд ли они бывали здесь раньше. Везде, где они прокладывают ходы, они оставляют свое мерзкое зловоние. Но... хотела бы я знать, откуда этот запах — совсем незнакомый.

Орсию сопровождал едва уловимый свет: она скинула чехольчик с одной ноги, чтобы хоть что-то было видно. Мы дошли до конца площадки. Перед нами в темноте виднелась стена пещеры, над головами нависал ее свод. Между краем площадки и стеной мерцала вода: стремительный поток бежал из туннеля справа, тек мимо нас и терялся во мраке. Орсия надела чехольчик, и снова стало темно.

— Этот шарф... на котором ты подвешиваешь меч... возьми его за один конец, другой дай мне, и спускайся в воду.

Я подчинился и, почувствовав, как шарф натянулся, двинулся за Орсией. Я боялся, что меня скроет с головой, но мне оказалось всего по пояс. В воде ракушечный светильник Орсии опять зажегся.

Она повела меня против течения в туннель. Раковины в сетке постепенно тускнели, и я боялся, что они вот-вот погаснут совсем. Орсия подтвердила мои опасения: пустые раковины квасти недолго сохраняют способность светиться, и скоро нас опять окутает мрак.

— Ты знаешь этот путь? — спросил я на всякий случай.

Орсия прижала жезл вместе с концом шарфа к груди, свободной рукой зачерпнула воды и попробовала ее:

— Нет, но эта вода текла под открытым небом, под солнцем — и совсем недавно. Поток выведет нас наружу.

В сгущающемся сумраке я двигался с трудом. Я всегда чувствовал себя неуютно в подземных ходах, и теперь мне приходилось преодолевать ощущение, будто стены сходятся все ближе и вот-вот раздавят меня. Орсия же, напротив, шла очень уверенно — должно быть, благодаря воде — и я не хотел, чтобы она догадалась о моем состоянии.

Вскоре, почувствовав резкий рывок за шарф, я остановился и настороженно прислушался. Рука Орсии, перебирая шарф, добралась до моей и сжала ее, предупреждая об опасности.

Теперь я тоже услышал впереди всплески. Раковины, едва мерцавшие, наконец совсем погасли, и мы

оказались в полной темноте. Я провел над головой мечом, описав короткую дугу вправо. Меч острием царапнул стену, и я направился туда, увлекая за собой Орсию, чувствуя себя возле стены увереннее. Всплески приближались. Какие чудовища могли обходить эти темные пути?

Орсия стояла совсем рядом, и я почувствовал на своей щеке ее дыхание, когда она прошептала:

— Я не знаю, кто это, не могу дозваться. Может быть, не из подводного мира.

— Фасы?

— Нет! Фасов за версту учуешь, — в ее словах сквозили отвращение и ненависть.

Я прислушался. Мы успели бы еще уйти назад, но, вернувшись в пещеру со склепом, могли встретить там фасов. Как бы в этот момент пригодилась мне способность Килана воздействовать на животных, подчиняя их своей воле! Он-то смог бы остановить это неизвестное существо и отослать прочь от нас — если только, конечно, это животное, а не какое-нибудь мерзостное порождение Тьмы.

Вдруг Орсия сильнее сжала мою руку. Впереди во мраке над самой поверхностью воды светились два бледных круга, отбрасывавших тусклые лучи света. Круги были расположены на одном уровне...

Глаза! Но какие! Светящиеся, величиной с мою ладонь, и так широко расставленные, что о размерах головы было страшно подумать!

Я заслонил Орсию, толкнув ее к стене. Меч я держал в покалеченной руке и теперь попробовал переложить его в левую, но с ужасом обнаружил, что она слушается меня меньше, чем правая.

Неожиданно глаза резко переместились от поверхности воды вверх, и послышалось громкое шипение. Я не сомневался, что чудовище уже заметило нас, хотя лучи света, отбрасываемые его глазами, не достигали того места, где мы стояли.

Не видя ничего, кроме этих бледных кругов, я решил, что их и буду атаковать. Шипение стало громче; в лицо ударил зловонный поток воздуха, должно быть, выдохнутого чудовищем. Я поднял меч, и хотя это было движение, привычное с детства, почувство-

вал, что никогда раньше не держал оружие, которое было бы словно продолжением моей собственной руки.

Огромные глаза качнулись вниз, они снова оказались на уровне воды, но уже гораздо ближе. Снова струя зловонного дыхания.

— Кемок! — услышал я мысленный крик Орсии. — Глаза... не смотри в них... А-а-а!.. не пускай меня... помоги...

Я почувствовал, что Орсия вся напряглась, силясь преодолеть давление моего тела, и вот-вот вырвется у меня из-за спины.

— Глаза... они притягивают меня к себе... не пускай меня! — Теперь Орсия, охваченная ужасом, кричала во весь голос.

Дольше ждать было нельзя. Я толкнул ее плечом, Орсия отлетела в сторону и раздался всплеск — должно быть, она упала в воду. Но как бы ни действовали эти глаза на Орсию, надо мной они власти не имели.

Ни пробежать, ни прыгнуть вперед было невозможно — не пускало сильное течение; я словно увязал в глубоком песке и боялся потерять равновесие. Глаза на уровне моего пояса... значит, челюсти должны быть под водой.

— Ситри!

Это незнакомое слово вырвалось у меня, как боевой клич. Теперь я был уже не Кемок Трегарт, а кто-то другой, кто знал, как вести такой бой, и чувствовал себя уверенно в темноте один на один с невидимым врагом. Мне казалось, что я с благоговейным трепетом наблюдаю со стороны за собственными действиями. Я почувствовал, что моя искалеченная рука повинуется мне лучше, чем до ранения, и, бросившись вперед, взмахнул мечом...

Я попал прямо в один из бледных кругов. Из воды с душераздирающим ревом взметнулась громадная масса. Что-то отбросило меня одним сокрушительным ударом — должно быть, огромная лапа, — но я не выпустил из рук оружие и снова поднялся на ноги, встав спиной к стене прямо перед единственным светящимся кругом.

Чудовище устремилось на меня, и я ударил мечом, почти ни на что не надеясь. Острие попало во что-то твердое, соскользнуло вниз и вонзилось точно во второй круг. Меня отбросило назад и огромной тяжестью придавило к стене. Если бы я оказался под водой, то неминуемо бы погиб, потому что слишком сильно ударился и потерял сознание. Придя в себя, я почувствовал, что по пояс придавлен гигантской неподвижной тушей.

Левой рукой я осторожно пошарил перед собой: чешуйчатая шкура — судя по всему, огромная конечность. Все тело у меня онемело, и я попробовал освободиться, однако это оказалось не так-то просто. Наконец я выбрался и, шатаясь, поднялся на ноги, по-прежнему держа меч, как будто ничто не могло заставить меня выпустить его.

— Орсия! Орсия! — позвал я сначала вслух, а потом мысленно.

Может быть, во время схватки чудовище навалилось на нее, и она лежит теперь, раздавленная его весом?

— Орсия!

— Иду... — мысленно ответила она откуда-то издалека.

Прислонившись к стене, я ощупал себя: весь бок болел, но ребра, кажется, остались целы. Куртка была разодрана на плече.

Да, мне повезло — слишком повезло, чтобы назвать это просто счастливой случайностью. Может быть, сулькарцы правы, и, после того, как я взял меч, в бою в мое тело вселился дух его прежнего владельца? И что означало то неизвестное слово, которое я, атакуя, бросил в лицо врагу (если только у чудовища могло быть лицо)? Надо запомнить это слово...

— Кемок!

— Я здесь.

Орсия шла ко мне. Вытянув перед собой руки, я наткнулся на нее, и ее пальцы горячо сжали мое запястье.

— Я упала в воду и, наверное, потеряла сознание. Меня унесло назад течением. Что... что здесь было?

— Чудовище мертво.

— Ты убил его!

— Его убил меч, я просто держал меч в руке. Но похоже, мы выбрали опасную дорогу. Впереди могут быть и другие неожиданности.

— Сзади идут фасы... а с ними то, другое...

— Что другое?

— Не знаю. Знаю только, что оно послано Тьмой. Оно даже отдаленно не похоже на человека, и фасы сами боятся его, хотя им и приходится сейчас иметь с ним дело.

Итак, нам оставалось двигаться только вперед. Мы перебрались через мертвую тушу, почти перегородившую поток, и отправились дальше. Раньше воды в туннеле было по пояс, а сейчас ее уровень из-за трупа чудовища, ставшего своеобразной запрудой, поднялся, и вода продолжала прибывать. Мы заторопились, опасаясь, что туннель затопит доверху.

— Глаза... ты сказала, что глаза притягивали тебя, — вспомнил я.

— А разве ты сам не почувствовал, — удивилась Орсия, — что ничего не можешь с собой поделать и сам идешь к нему в пасть? Но нет, ты, конечно, этого не чувствовал, иначе бы ты с ним не сразился! Значит, у тебя есть своя собственная защита, чужеземец!

Насколько Орсия могла объяснить, чудовище взглядом притягивало ее к себе, как будто парализуя ее волю. Может быть, так оно охотилось в этих темных туннелях, без труда захватывая жертву. Однако моя невосприимчивость к его магнетизму поразила нас обоих. Это могло быть связано с мечом. Какой бы невероятной ни показалась моя мысль, я не сомневался, что когда-то этот меч уже использовали против именно такого чудовища, и я вступил в схватку и победил лишь под воздействием памяти о том прошлом сражении.

К счастью, вода поднялась нам только по грудь, и я подумал, что будут делать фасы с этой перегородившей туннель громадой, когда наткнутся на нее.

Поток, по которому мы шли, вывел нас к подземному озерку. Здесь слышался плеск падающей с высоты воды. Свет, дневной свет, хотя и слабый, тусклый, падал сверху на пенящийся водопад, низвергавшийся из расщелины под сводами пещеры.

12

В воздухе висела водяная пыль, но все было видно. Я помог Орсии вылезти из воды, и мы встали спинами к стене напротив водопада — отсюда были хорошо видны расщелины вверху, пропускавшие свет (их было всего три).

Я понял, что вскарабкаться по отвесной стене возле самого водопада невозможно — слишком плотной была там завеса водяной пыли. Еще одна расщелина тоже была недоступна — она виднелась почти у нас над головой, и достичь ее мы бы могли только имея крылья. Я стал разглядывать третью расщелину — узкую и длинную — справа от водопада; можно было попробовать подняться к ней по скале.

Но даже если бы нам удалось выбраться наружу, мы не знали, где окажемся и что нас там ждет. Я поделился этой мыслью с Орсией, она покачала головой:

— Мы в горах. У тебя впереди по-прежнему — Черная Башня.

Меня удивила ее уверенность, но я не хотел спорить.

— Ты сможешь влезть на скалу? — спросил я.

Ее перепончатые ступни были наверняка мало приспособлены для такого восхождения.

— Не знаю, надо попробовать, — ответила она.

Скала блестела от воды, но была достаточно неровной, чтобы, цепляясь руками, лезть по ней босиком. Спешить тут было нельзя.

Я полез первым, ощупывая перед собой каждый выступ, то и дело оглядываясь на карабкавшуюся за мной Орсию. Подъем давался ей нелегко, и все же она медленно продвигалась вперед. Преодолев две трети пути, я встретил небольшой уступ, на котором мы могли сделать передышку — силы у нас были на исходе.

Выбравшись на уступ, я лег и протянул руку Орсии, помогая ей влезть на узкое пространство рядом со мной. Она растянулась вплотную ко мне; потом, раздувая ноздри, повернула голову к трещине в скале позади нас.

— Фасы!

— Здесь?

Уступ был совсем неподходящим местом для того, чтобы принять бой. Но лезть дальше и подвергаться нападению снизу мне тоже не хотелось.

— Сейчас их здесь нет, — сообщила Орсия через мгновенье. — Но эта трещина ведет в их нору. Надо скорее уходить.

Да, вход в нору фасов был неподходящим местом для отдыха, учитывая, что малейшего толчка в бок было достаточно, чтобы скинуть нас вниз. Я осторожно поднялся на ноги. Не обращать внимания на усталость, на боль в плечах и руках. Большая часть подъема уже пройдена. Думать только о нескольких дюймах впереди... о следующем выступе, за который можно ухватиться... а потом — о следующем...

Эта последняя часть пути была медленным мучительным восхождением. Моя покалеченная рука совсем онемела; я видел, как она хватается за камень, но не чувствовал его поверхности под непослушными пальцами. Вот-вот они разожмутся, и...

Но наконец рука моя просунулась в отверстие, ведущее наружу. Свет, лившийся из него, был неярким, и я решил, что наверху пасмурный день. Я вылез и оказался на дне ущелья, откуда бежал поток, низвергавшийся водопадом в пещеру. Кроме него вокруг были только отвесные скалы и песок. Повернувшись, я втащил за собой Орсию.

Вид у нас был истерзанный, одежда превратилась в лохмотья, перепачканные руки и ноги — в ссадинах и кровоподтеках. Но выбравшись из этих темных переходов, я почувствовал такое облегчение, что у меня закружилась голова; впрочем, это могло случиться и от голода.

Орсия подошла к потоку и опустилась возле него на колени, пристально вглядываясь в воду, как Лоскита в свой голубой песок. Затем она молниеносно сунула руку в воду и вытащила что-то отчаянно извивающееся, длинное и тонкое, похожее скорее на змею, чем на рыбу. Ударив свою добычу о камень, Орсия бросила ее на песок, потом снова сунула руку в поток. Как ни был я голоден, эти змееподобные твари

не вызывали у меня аппетита. Вытряхнув из сетки раковины, Орсия бережно собрала в нее свой улов.

Мы пошли по ущелью — я по песку, Орсия по воде. В пути она дважды останавливалась посреди потока, образующего вокруг ее ног водовороты, вылавливала рыбу и клала в сетку.

Ущелье постепенно расширялось, стала появляться какая-то растительность. Сгущались сумерки. Мы свернули в сторону от воды и нашли укромный уголок между огромным валуном и выступом скалы, где и решили заночевать. Орсия взяла у меня нож и принялась чистить рыбу, а я начал таскать камни и складывать из них переднюю стену нашего убежища.

Я думал о сырой рыбе без удовольствия, но когда Орсия протянула мне кусок, я не отказался от него, но постарался не думать о том, что ем. Вкус был не такой уж неприятный, как я ожидал. И хотя мне не хотелось бы есть такую пищу всю жизнь, я прожевал и проглотил свою порцию.

Уже стемнело, когда Орсия взяла обернутый в шарф Каттеи конический жезл и, развернув, осторожно установила его перед собой острием вверх. Нагнувшись, она подула на острие, потом начертала над ним руками какие-то знаки — некоторые из них я видел раньше, наблюдая за Каттеей. Я понимал, что в это время Орсию нельзя отвлекать, и подумал: «Кто же она такая? Может быть, у кроганов тоже есть свои колдуньи?»

Наконец Орсия выпрямилась, потирая руки, как будто они замерзли или что-то прилипло к ладоням.

— Ложись спать, ты можешь быть спокоен — на нас никто не нападет среди ночи, — пришла ко мне ее мысль. — У нас есть страж, какого не знали ни мои предки, ни предки моих предков.

Мне очень хотелось спросить, в чем состояло ее колдовство, но я знал правило: ничего не спрашивать у колдуний, если они не объясняют тебе сами. Орсия молчала, и мне оставалось только строить догадки; при этом я не сомневался, что ночью нам нечего бояться, и это было очень кстати — вряд ли у меня хватило бы сил бороться со сном и сторожить наше убежище. Я валился с ног от усталости.

Когда я проснулся, Орсия уже не спала: она сидела, держа ладони над острием жезла в позе человека, греющего руки над огнем. Услышав, что я пошевелился, она вышла из глубокой задумчивости и посмотрела на меня.

Волосы, теперь совсем сухие, легкой пеленой серебрились вокруг головы и плеч. Сейчас она почему-то меньше походила на человека и казалась более странной, чем когда я впервые увидел ее на острове у кроганов.

— Я занимаюсь проницанием... Ешь. — Она кивнула на оставленный для меня кусок рыбы. — И слушай!

Я почувствовал в ней ту же властность, что была в колдуньях Эсткарпа, и бессознательно подчинился. Проницание... Это слово было мне незнакомо. Я решил, что она имеет в виду прорицание — вроде того, что делала Лоскита, а я ничего такого больше не хотел.

Орсия, прочитав мои мысли, помотала головой.

— Нет, я не предсказываю будущее, а раскрываю опасности, которые могут поджидать нас на этой земле. Их здесь много повсюду...

Я огляделся, но ничего не увидел, кроме редких кустов и потока.

— Глазам здесь доверять нельзя, — снова ответила Орсия на мою мысль. — Что бы ты ни увидел, посмотри во второй, в третий раз, но и тогда не верь глазам.

— Наваждения? — догадался я.

Орсия кивнула:

— Да. Темные силы ловко нас морочат. Смотри.

Уперев ладонь в острие жезла, Орсия дотянулась до меня и положила другую ладонь мне на лоб, и я заморгал от изумления. Скала невдалеке вдруг стала бородавчатым серым чудовищем, которое озиралось вокруг и шевелило огромными когтистыми лапами.

— Теперь посмотри на свой меч, — мысленно велела Орсия.

Увидев скалу-чудовище, я, должно быть, невольно схватился за рукоять меча. На блестящем металле рдели руны, словно написанные свежей кровью, на неизвестном мне языке.

— Наваждение? Или действительно чудовище? Тогда почему же оно на нас не нападает?

— Потому что нас тоже скрывает наваждение.

Орсия отняла ладонь от жезла, и я снова увидел скалу.

— Пока мы вместе, ты защищен... — она помедлила. — Но я могу идти с тобой только там, где есть река или хотя бы ручей. Мне нельзя долго без воды. Так что последнюю часть пути ты проделаешь один.

— Тебе незачем идти со мной, — сразу ответил я. — У тебя есть средство обезопасить себя. Оставайся здесь... — я хотел сказать «оставайся здесь, пока я не вернусь», но вспомнил, что на возвращение особенно рассчитывать не приходится. Мои поиски касались только меня, и я не хотел ничем связывать Орсию.

Казалось, она не слышала моих слов, рассматривая свой жезл.

— Меч будет предупреждать тебя об опасности. Не в моей власти прочитать его историю: моя магия связана с водой и немного с землей, по которой она течет. Но от народа к народу кочуют легенды. Ты видел, при приближении зла на этом мече выступает кровь. Когда мы расстанемся, он послужит тебе как пробный камень: с его помощью ты узнаешь правду о том, что увидишь. Прекрасное может казаться отвратительным и опасным. То, что кажется отвратительным, может быть безобидным. Не полагайся на зрение. А теперь идем — уже утро.

— Там... эта тварь... — я поднялся на ноги с мечом в руке, готовый к тому, что скала вот-вот превратится в чудовище.

— Это, наверное, страж. — Орсия снова обмотала жезл шарфом Каттеи. — Дай мне руку и потихоньку иди за мной в воду. Он может почуять нас, но не увидит.

Я не сводил глаз со скалы, опасаясь, что пока вижу неподвижное наваждение-скалу, то, что скрывается за ним, может подкрасться к нам.

— Не думай об этом, — велела Орсия. — И не будем больше пользоваться мысленным контактом: хотя

эти твари нас не поймут, но они чутко на него реагируют.

Держась за руки, мы вошли в поток. Как и в тунеле, мы шли против сильного течения, по колено в воде. Я держал перед собой обнаженный меч, следя за его поверхностью. Пока мы проходили скалу, руны рдели, а потом стали бледнеть и исчезли.

Во второй раз они появились не скоро. Теперь опасность была видимой: на уступе скалы сновали маленькие суетливые фигурки — фасы! Они, притаскивая в корзинах землю и камни, высыпали и бежали назад. Орсия сжала мои пальцы, и я почувствовал, что ее захлестнула волна отвращения.

За выступом мы снова увидели занятых работой фасов. Они строили дорогу, ведя ее над обрывом. Среди них виднелись какие-то люди в шафранно-желтых плащах, держащие в руках не мечи, а палки. Они, очевидно, руководили работой, направляя фасов туда-сюда и заглядывая в какие-то свитки — наверное, карты и чертежи. Для чего нужна была эта дорога, оставалось для меня загадкой, я понял только, что это строительство имело для врага большое значение.

Отпустив на мгновение мою руку, Орсия поднесла палец к губам, и я понял, что ее предупреждение о необходимости молчать относится и к мысленному контакту. Она тут же снова сжала мою руку, словно оказаться порознь даже на мгновение было слишком опасно.

В отдалении множество фасов работало на берегу, некоторые громоздили посреди потока опору из камней, входя в воду с откровенной неохотой; их подгоняли двое в шафранных плащах. Пройти мимо них по воде было, как мне казалось, невозможно.

Я указал острием меча налево. Окинув взглядом левый берег, Орсия кивнула. Мне казалось, что идя по воде, мы плеском неминуемо привлечем к себе внимание. Но мы достигли противоположного берега незамеченными.

Я понял, что Орсия каким-то образом сделала нас невидимыми для работающих, но вздохнул с облегчением, только когда открытое пространство кончилось. Пробираясь среди кустов и огромных камней — та-

кой способ прятаться был для меня более привычен, — мы благополучно миновали суетившихся на другом берегу фасов. Я не мог понять, что они замышляют, ясно было только, что все это не сулит нам ничего хорошего.

— Послушай, я слазаю наверх... посмотрю, что впереди.

— Будь осторожен. Когда мы порознь, ты становишься видимым.

— Мне не впервой, — самонадеянно ответил я.

Орсия спряталась среди камней, а я привязал меч к поясу и стал карабкаться на утес, отколовшийся от скалы, по расщелине, отделявшей его от стены ущелья. Я почти достиг уступа, на который собирался вылезти, как вдруг сверху раздался зловещий угрожающий крик. Если бы нападавший не выразил так ясно свои намерения, я стал бы для него легкой добычей. Но услышав крик, я, упираясь ногами, оттолкнулся от утеса, привалился спиной к скальной стене — эта часть расщелины была достаточно узкой — и сорвал с пояса меч.

Летучая смерть с шумом пронеслась надо мной, подняв крыльями такой ветер, что я чуть не потерял равновесие. Затем она описала круг, вернулась и, сев надо мной на вершину, нацелилась на меня своим смертоносным клювом. Маленькая голова на длинной гибкой шее словно состояла из одного клюва да глаз, направляющих удар.

Я поднял меч, на нем пламенели руны. В расщелине невозможно было развернуться, чтобы свободно нанести удар. Казалось, это конец. Клюв метнулся ко мне. Короткий взмах меча в тесном промежутке, — руны ослепительно сверкнули — и... по чистой случайности я попал. Раздался пронзительный крик, змеиная шея судорожно вскинулась, и я увидел, что клюв отрублен до основания. Крылатая тварь взлетела и стала бешено метаться по воздуху взад-вперед, потом ударилась о скалу и, корчась, кувырком рухнула с шумом вниз.

Я в изумлении смотрел на меч. Как и в схватке с чудовищем в туннеле он действовал самостоятельно, словно ожил и исполнял какое-то свое предназначе-

ние. Я и не рассчитывал на такой удар, я всего лишь пытался отмахнуться. Что же за неведомую силу извлек я из таинственного склепа?

Мои мысли вернулись в настоящее. Крики крылатой твари наверняка привлекут внимание работающих у реки фасов. Надо скорее уходить. Я подтянулся к вершине и окинул взглядом то, что открывалось впереди.

Ущелье выходило на холмистую местность, усеянную каменными глыбами. Повсюду ощущалось какое-то движение, скрытое легкой дымкой. Вдали виднелась светлая полоска — вероятно, дорога. Но сколько я ни вглядывался, никакой башни не заметил. Чтобы двигаться дальше, нам предстояло пересечь эту дорогу.

Я спустился вниз, у подножия меня ждала Орсия.

— Скорее! — она протянула мне руку. — Они придут на крик руза и, когда найдут его, поймут, что здесь чужие. Не уверена, спасет ли нас тогда наша защита.

— Ты знаешь, где Черная Башня? — идти дальше наугад не имело смысла.

— Знаю только, что она где-то близко. Но у тебя есть проводник получше меня.

— О чем ты?

— О той, кого ты ищешь. Если узы между вами так прочны, открой свой ум и сердце, и они приведут тебя к ней.

— Но ведь нас могут обнаружить, — я вспомнил, что Каттея предупреждала меня об этом.

— Если ты прибегнешь к сверхъестественному — возможно. А ты используй жажду своего сердца, Кемок. Ты говорил, что вы трое — порой как единое целое, чем-то отделенное от других. Думай о сестре, призывая на помощь не знание и умение, а только свое собственное чувство.

— Но как это сделать?

Я мог думать о Каттее, беспокоиться за нее, стремиться ее увидеть — но это ли имела в виду Орсия?

— Отбрось свои страхи, в этих краях много такого, что, питаясь страхами, обращает их против тебя. Думай лучше о том времени, когда вы были неразлуч-

ны и счастливы. Вспоминай, какой она была в те дни. И вот еще что: остерегайся наваждений. Прекрасное может казаться отвратительным, отвратительное — прекрасным.

— Ты это уже говорила.

— И могу повторять сколько угодно. Дикий зверь и меч опасны, но еще большая опасность может гнездиться у тебя в голове.

Мы шли рядом. Орсия говорила с уверенностью, а я все не решался попробовать. Что такое мысленный контакт, я знал, но способ поиска, о котором сказала она, был мне незнаком — если только он не был похож на тот, что провел меня по лабиринту каменного леса. Магическая энергия шарфа уже иссякла, но он тогда сослужил мне хорошую службу. Может быть, попытаться снова?

Я рассказал об этом Орсии. Выслушав меня, она в раздумье, прищурившись, посмотрела на шарф, обернутый вокруг ее жезла.

— Прибегнуть в этих местах к магии — все равно что зажечь огонь маяка, он привлечет всю округу. Но шарф долгое время соприкасался с жезлом и приобрел силу... Хотя ты можешь оказаться не в состоянии управлять этой силой...

Она в раздумье перевела взгляд на меня. В следующий момент Орсия задала мне неожиданный вопрос, не имевший, казалось бы, никакого отношения к происходящему:

— Скажи, Кемок, был ли ты близок с женщиной?

— Да, — в недоумении ответил я.

Это было давно, во время затишья на границе, и я тогда был другим человеком.

— Значит, у тебя ничего не получится, но у меня... Какие слова ты произнес в каменном лесу?

Я шепотом медленно повторил эти слова. Орсия беззвучно двигала вслед за мной губами. Потом она кивнула.

— Мне нельзя уходить далеко от воды. Надо найти место, где я смогу укрыться и ждать тебя, а ты пойдешь дальше. Я произнесу слова, и шарф поведет тебя, но ты должен все время представлять себе образ Каттеи. Ведь я никогда не видела ее, и между

нами нет никаких уз. Запомни: твое сердце, а не ум будут направлять шарф. Вот это, — она прижала к груди свой жезл, — имеет силу только в руках девственницы. Это рог единорога, от прикосновения чужой руки он теряет часть силы.

Я в изумлении смотрел на видневшийся из шарфа конец жезла. Передо мной был редчайший предмет, о магической силе которого ходили легенды. Даже года у нас назывались именами древних животных: год Грифона, год Змея, год Единорога.

Прячась за камнями, мы добрались до дороги. Орсия жестом остановила меня: на мече опять выступили красные руны. Переходить дорогу было нельзя, и мы отправились вдоль нее, пока не дошли до пересекавшей ее речки. Моста не было, дорога обрывалась на одном берегу и продолжалась на другом. Орсия улыбнулась:

— Ага... с водой они пока не справились.

— Что-что?

— Видишь эту речку? Силы зла не могут преодолеть ее без помощи какого-нибудь сильнодействующего, сокрушительного колдовства. Они сделали дорогу и здесь, и на другом берегу, но пока им не удалось построить мост через поток. Вот тут-то мы и пройдем.

Она с удовольствием бултыхнулась в воду, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Мы поплыли посередине, подальше от берегов, но когда поравнялись с дорогой, руны заполыхали так ярко, что казалось, по лезвию вот-вот покатятся кровавые капли.

Когда мы миновали дорогу, я хотел было снова выйти на берег — на открытой поверхности реки нас легко могли заметить — но Орсия сказала, что мы по-прежнему невидимы для врага. Мы все еще спорили по этому поводу, когда она вдруг вскрикнула и указала назад, вниз по течению. Я оглянулся.

Кто-то невидимый плыл против течения, рассекая воду. Я посмотрел на меч, который держал наготове — его поверхность отливала холодновато-серым блеском, кровавых рун не было. Тем временем кто-то продолжал быстро приближаться к нам.

13

Орсия сделала шаг, потом другой ему навстречу. Меч показывал, что опасности нет, но неизвестное и невидимое всегда внушает страх — такова уж природа человека.

— Кофи! — позвала Орсия.

Клин рассекаемой воды повернул к ней. Потом, судя по плеску, невидимка пошел по мелководью.

— Что это? — спросил я.

— Мерфей, — ответила Орсия.

Она издала тихое щебетание, не похожее ни на какой знакомый мне язык. Слово «мерфей» ничего мне не говорило. Невидимка, обдав нас брызгами, поплыл дальше, а Орсия взяла меня за руку:

— Идем! Сегодня нам везет. Кофи выведет нас в безопасное место.

— Ты видишь его? — спросил я.

Глаза Орсии расширились от удивления:

— А ты разве нет?

— Я вижу только след на воде.

— Да вон же он... его отлично видно...

Но я ничего не мог разглядеть, как ни старался.

Орсия тряхнула головой:

— У них есть что-то общее с нами, но они гораздо меньше ростом и внешне это, скорее, животные. Они селятся в основном поодиночке и редко общаются с себе подобными. Но мы с Кофи родственные души — он любит отдаленные места, где не бывают его сородичи. Раньше мы много странствовали вместе. У него необычный ум — никакие наваждения его не обманут. Он обследовал здесь все водные пути и наблюдал при этом, что делают враги. Они готовятся к великому походу на запад...

— В Долину?!

— Может быть. Однако их час еще не пробил. Они ждут какого-то сигнала или приказа.

Я подумал о Динзиле и о том, что, по словам Лоскиты, он мог сделать теперь, когда Каттея у него в руках. Желание во что бы то ни стало отыскать Черную Башню вскипело во мне с удесятеренной силой. Я

пошел быстрее, за руку увлекая за собой Орсию. Наш невидимый проводник плыл, не сбавляя скорости.

Растительности на берегах становилось все больше и больше. Орсия по пути находила в воде съедобные корни, очищала их и складывала в свою сетку. Мы немного перекусили на ходу. Мерфей плыл впереди. Он на почтительном расстоянии обогнул лежащую в воде каменную глыбу, Орсия последовала его примеру и знаком велела мне сделать то же самое.

Проходя мимо этой глыбы, я увидел, что она обтесана и раньше могла служить опорой в каком-нибудь сооружении. Другие такие же лежали в беспорядке на берегу, словно разметанные каким-то титаническим ударом. Они были не голубые, как те, что могли послужить нам прибежищем, а желтовато-серые, неприятные на вид.

— Древнее обиталище Силы, — пояснила Орсия. — Горе тому, кто потревожит ее.

Проходя мимо, я почувствовал неприятный озноб, а может быть, мне это только показалось...

На смену кустам пришли деревья со странными призрачными листьями, вроде тех, что были в проклятом лесу, который встретился нам, когда мы перебрались в Эскор через искореженные горы, где колдовская сила воздвигла древний барьер между Эсткарпом и враждебной страной на востоке. Эти сетчатые листья, хоть и живые, насквозь просвечивали и напоминали высохшие останки от листьев. Высокая трава, обоюдоострая, как меч, грозила исполосовать в кровь каждого, кто по неосторожности ее заденет. Попадались и какие-то другие растения отталкивающего вида, до которых я ни за что не решился бы дотронуться.

В этих малопривлекательных зарослях виднелись проходы среди обычных деревьев и травы. Незримый Кофи свернул налево в боковой проток с берегами, образующими один из таких проходов.

В этой местности за горами почему-то невозможно было определить, где север, где юг. Но я решил, что мы, наверное, опять двигаемся на восток, все дальше в неведомое.

Впереди слышались всплески — проток становился все мельче, и Кофи, судя по всему, теперь не плыл, а шел, как и мы. Мои легкие башмаки почти совсем развалились, и я стал думать, чем бы их подправить. Может быть, отрезать полосу кожи от куртки, чтобы подвязать башмаки?

Над головами у нас смыкались густые ветви деревьев, образуя полог, непроницаемый для солнечных лучей. Под ним в сумраке клочьями плавал туман.

— Ну вот, здесь можно и остановиться! — впервые после того, как мы вошли в проток, нарушила молчание Орсия. — Спасибо, Кофи.

Перед нами посреди протока возвышался какой-то поросший кустарником холм, слишком правильной формы, чтобы принять его за естественный островок.

— Жилище аспта, и очень большое, — объяснила Орсия. — Вход должен быть со стороны берега. Похоже, проток сильно обмелел с тех пор, как здесь жили.

У кромки воды при полном безветрии качалась ветка. Орсия засмеялась:

— Видим, видим, Кофи. Еще раз благодарю тебя, — и она снова издала странное щебетание.

Мы подошли ко входу в холме, я вытащил оттуда клубок спутанных корней и несколько камней, и мы вползли внутрь, оказавшись в темной пещере, вроде той, где Орсия лечила мою рану. Кровля кое-где провалилась, сквозь отверстия проникал слабый свет, так что я передвигался не вслепую. Кофи был хорошим проводником — более укромное место для ночлега нам трудно было бы найти.

У противоположной стены послышался глухой стук. Может быть, это Кофи расположился с нами по соседству?

— Ну конечно, — ответила на мои мысли Орсия. — А что если... Давай-ка попробуем.

Она протиснулась позади меня и, наклонившись, положила ладони мне на лоб.

— Смотри внимательно, — велела она. — Видишь что-нибудь?

Я прищурился и заморгал. Клок тумана в сумраке? Нет, это был не проникший внутрь туман, а ка-

кое-то существо. Ну да — Кофи, я отчетливо увидел его.

Он был маленький, примерно мне до середины бедра, и в отличие от асптов, походил на человека: у него были руки и ноги, хотя и чешуйчатые, как у ящеров Долины, и перепончатые, как у Орсии. Круглая голова, казалось, росла прямо из плеч. Спереди и сзади тело покрывал сужающийся книзу панцирь. Едва я стал приглядываться к мерфею, как голова его мгновенно ушла в плечевую часть панциря, и остались видны только глаза.

Орсия отняла ладони, и Кофи пропал. Я протянул правую руку вперед ладонью кверху, показывая, что в ней ничего нет, — это был общепринятый знак мирных намерений — и произнес приветствие воинов Эсткарпа:

— Кемок Трегарт приветствует тебя, Кофи. Мир тебе.

Послышался шорох, я почувствовал легкое прикосновение к рубцам на руке, словно перепончатые пальцы Кофи легли на них, и я понял, что он признал во мне друга.

Орсия раскрыла свою сеть и вынула собранные в речке корни, отложив полдюжины в сторону. Мы стали есть, но кофи к нам не присоединился. Я спросил почему.

— Он ушел на охоту и принесет нам новости о том, что происходит вокруг этого чистого места.

Собрав оставшиеся корни, Орсия сказала:

— Положи это в поясную сумку, Кемок. Это тебе на дорогу. Не нарушай запрет Дагоны, не прикасайся даже к той пище, которая покажется тебе хорошо знакомой. А теперь надо отдохнуть. Кто знает, что предстоит нам завтра.

Я не знал, вернулся ли к нам Кофи. Но в ту ночь я спал плохо, меня не оставляла смутная тревога — будто поблизости таилось нечто, существующее за порогом моих ощущений. Ведало ли оно о моем присутствии и только ждало удобного момента, чтобы напасть? Думаю, мне было бы даже спокойнее, если бы я знал наверняка, что это так.

Орсия тоже почти не спала. Я слышал, как она ворочается, потом увидел слабую бледную вспышку и понял, что Орсия снова устанавливает с помощью жезла магическую защиту. Когда в наше прибежище заглянул серый рассвет, мы уже встали и были готовы отправиться в путь. Орсия снова обмотала рог шарфом Каттеи.

— А где Кофи? — спросил я.

— Ждет нас снаружи.

Выйдя, мы оказались в густом тумане. В зарослях тростника послышался всплеск, и Орсия ответила щебетанием. Потом помолчала, прислушалась и повернулась ко мне:

— Башня впереди. Кофи говорит, путь к ней лежит вдали от воды. Башня заколдована, раньше в ней был гарнизон, но теперь он распущен, и Башня охраняется по-другому. Мы с Кофи можем проводить тебя до начала подъема в гору, но дальше... — Она покачала головой. — Вода для мерфеев еще важнее, чем для нас, а я на суше — всего лишь обуза. Но все, что могу, я для тебя сделаю.

Впереди снова плеснул невидимый мерфей. Мы шли в таком густом тумане, что Орсия казалась лишь неясной тенью. До сих пор нас вел путеводный проток, но что если мне и потом, одному, придется идти в таком тумане? Как я найду Башню?

— Разве я не сказала, что тебя поведет твое сердце и вот это? — Орсия подняла конец шарфа. — Подожди отчаиваться, посмотрим, что будет дальше.

Лоскита предрекла беду и смерть, связанные с Башней... Даже если мне удалось избежать третьего будущего, ждущего меня в Долине, то ведь оставалось еще два...

— Нет! — Эта мысль, вырвавшись у Орсии, столкнулась с моей. — Верь, что будущее твое не предопределено, что ты можешь управлять судьбой. Послушай, если ты окажешься в безвыходном положении и поймешь, что тебе не уклониться от будущего, которое ты увидел на песке у Лоскиты, тогда произнеси те с л о в а, которые вызвали о т в е т. Худшее зло ты все равно не навлечешь, но кто знает, может быть, переломишь судьбу, если противопоставишь силе —

силу. Это опасно, но бывают обстоятельства, когда приходится решаться на крайние средства.

В тумане я утратил ощущение времени. Судя по свету, был день, но давно ли мы покинули нору, я не мог сказать. Проток постепенно мельчал, из воды все чаще выступали камни.

Орсия споткнулась об один из них.

— Здесь мы расстанемся, Кемок. Вот...

Она медленно развернула обмотанный вокруг жезла шарф и, выйдя из воды, села на камень. Ее мысли внезапно закрылись для меня — наверное, она была поглощена колдовством, стараясь усилить магическую связь между шарфом и той, что прежде носила его. Шарф лежал у Орсии на коленях, поверх обтрепанного зеленого шелка покоились ее руки, держащие рог, как горящую свечу. Орсия беззвучно шевелила губами, словно про себя произносила что-то нараспев.

Затем, наклонив рог, она подцепила острым концом шарф и протянула мне.

— Я сделала, что могла. Думай о Каттее и запомни — о той Каттее, с которой ты был крепко-накрепко связан, пусть даже она и живет теперь только в прошлом.

Я взял эту полоску шелка — уже совсем не такого яркого, каким я нашел его в каменном лесу, — собрал его в кулак и, сжав, попробовал сделать, как велела Орсия.

Где в прошлом была та Каттея, с которой Килан и я составляли неразрывное единство? Нет, не в Долине и не во время нашего бегства в Эскор, и не тогда, когда она была у колдуний, а мы с Киланом воевали на границе. Так, год за годом, я мысленным взором скользил в глубь прошлого, пока не достиг тех дней, когда мы, еще совсем дети, жили в Эстфорде, и мать приехала с убитым видом: Саймон Трегарт, наш отец, пропал, и никто не знал куда — разве что его взяло море.

Да, в те дни мы трое были едины, как никогда. Я извлек из колодца памяти образ Каттеи, еще не побывавшей в Обители Мудрейших, стремившихся воспитать ее по своему образу и подобию.

Я не знал, насколько верно мое воспоминание, но в том, что такой она мне тогда казалась, я не сомневался. Я мысленно восстановил ее образ со всей отчетливостью, на какую был способен. Та Каттея составляла третью часть неделимого целого, в единстве своем неизмеримо большего, чем любой из нас в отдельности. С ней я был связан неразрывными узами.

Шелковистая ткань, которую я сжимал в руке, казалось, начала сопротивляться давлению моих пальцев. Я разжал их, и она свилась жгутом; один его конец свесился вниз, жгут скользнул на каменный берег и пополз, как змейка, прочь.

Забыв обо всем, я бросился за ним и только позднее сообразил, что не попрощался с Орсией, а ведь я даже не был уверен, смогу ли снова найти тот каменный выступ в протоке, возле которого оставил ее. Но я твердо знал, что если позволю другим мыслям отвлечь меня от вызванного в памяти образа Каттеи, то лишусь своего проводника.

Не отрывая глаз от зеленого жгута, я карабкался по крутому берегу. Наверху туман начал рассеиваться. Я шел через заросли обычных кустов и деревьев, обрамлявших проток. Но вскоре растительность стала редеть, а дальше пошла какая-то странная трава отталкивающего вида.

Я отрезал от куртки снизу две полосы, чтобы подвязать башмаки, и теперь полуобнаженное тело пробирала осенняя промозглость.

Шарф, извиваясь, полз вверх по склону; я старался не отставать. Пока подъем не затруднял дыхание. Я держал в руке меч, и время от времени поглядывал на него, проверяя, нет ли на нем угрожающих рун.

Рядом с Орсией я был невидимым, но теперь остался один, и чары, скрывавшие меня, рассеялись. Окружающая местность казалась совершенно пустынной, хотя в этом и было что-то неестественное и зловещее, словно мне позволили беспрепятственно войти в западню, чтобы потом захлопнуть ее позади меня.

Я поднимался все выше, становилось все холоднее, меня колотила дрожь. Каттея... Потеряв сестру, я как будто лишился руки, — словно часть меня отсекли, и я стал калекой.

Неожиданно меч вспыхнул алыми рунами. Сквозь последние обрывки тумана я увидел женскую фигуру. Та, кого я ищу! Она бежала мне навстречу! Но на мече руны...

— Брат! — она простерла ко мне руки.

Однажды я уже видел другую Каттею — наваждение, которое чуть не обмануло меня в саду у колдуний.

Но может быть, это будущее, которое предвидела Лоскита? Не пролью ли я кровь сестры, если подниму меч на эту улыбающуюся девушку?

Доверься мечу, сказала Орсия. О т в р а т и т е л ь н о е п р е к р а с н о... так кажется?

— Кемок, — она тянула ко мне руки... потом зеленый жгут переполз через камень... Она издала дикий квакающий вопль, какой никогда не вырвался бы из человеческого горла — словно перед ней была ядовитая змея. И взмахнув мечом, я нанес удар.

Хлынувшая кровь обагрила меч и темными каплями оросила мою руку. Там, где упали эти капли, кожу обожгло, как огнем. На земле корчилось отвратительное чудовище. Испуская дух, оно пыталось дотянуться до меня когтистыми лапами.

Может быть, хозяин Черной Башни узнал о моем приближении? Или облик, который принял один из стражей, сам собой возник у меня в мозгу? Ведь Каттея, бежавшая мне навстречу, была той совсем юной Каттеей, которую я вызывал в памяти. Я несколько раз воткнул меч в песок, чтобы очистить его от дымящейся крови. Капли, которые я стер с руки, оставили на коже набухающие волдыри. Я бросился догонять зеленый жгут, который так и не остановился.

Вскоре он вывел меня к песчаной дороге, изборожденной колеями — кто-то явно проезжал по ней совсем недавно. Жгут устремился по колее, и мне ничего не оставалось, как идти следом, даже если эта дорога вела прямо к стражам, которых выставил Динзиль. С двух сторон возвышались скалы, и, как это было по пути от Лоскиты, казалось, будто в камне проступают, шевелятся какие-то гигантские твари, которые следят за мной, ощерившись, и тут же исчезают, если посмотреть на них в упор.

Послышались рыдания, похожие на отдаленное завывание ветра, они становились все громче. Дорога поднималась вверх, потом спускалась во впадину и снова поднималась с противоположной стороны. Во впадине я увидел привязанную к скале женщину в изорванном одеянии обитательницы Зеленой Долины. Ее тело, все в кровоподтеках, неестественно выгнулось. Она выла и бормотала что-то бессвязное, словно обезумев от боли и ужаса.

Меч запылал рунами...

Он действовал безотказно и разоблачал вот уже вторую ловушку Динзиля. Можно было бы пройти мимо этой очередной подделки, но я решил, что лучше не оставлять врага в тылу. Наваждение было настолько правдоподобно, что мне пришлось преодолеть себя, чтобы поднять на него меч.

Я рубанул, и в потоках крови передо мной была уже не женщина. На ее месте в предсмертной агонии бился мужчина. Человек? У него было тело и лицо человека, но то, что я увидел в обращенных на меня, полных ненависти глазах, и вопль, который он издал, умирая — в этом не было ничего человеческого.

Мертвое чудовище, а теперь еще этот мертвый мужчина... Знает ли Динзиль, что они убиты? Выдал ли я свое присутствие?

Я поднялся по противоположному склону впадины и наконец увидел ее.

Это была та самая Черная Башня, которую показывала мне Лоскита. Я остановился в нерешительности, вспомнив будущее, в котором мне предстояло сразить Каттею на некотором расстоянии от Башни. Я приготовился к любым неожиданностям...

Зеленая полоска шелка струилась дальше — туда, где с вызовом указывал в небо этот гигантский черный палец.

Да, Башня действительно оказалась черной — стены ее были сложены из черного камня. От нее веяло такой же невероятной древностью, какая ощущалась в той части города Эса, где вершили колдовство Владычицы Эсткарпа. Башня как будто подверглась не только воздействию веков, которыми люди исчисляют время, но и иному, непостижимому для нас старению.

В Стенах Башни не было ни единого проема, никакого входа. Она стояла на кургане, поросшем странной серой травой, густой и короткой. Дорога, по которой я пришел, обрывалась у подножия этого кургана, и свежая колея тоже обрывалась, точно те, кто ее проложил, с этого места совершили гигантский прыжок — на траве не было никаких следов.

Я медленно двинулся вперед, готовый реагировать на любой признак того, что предсказание Лоскиты может сбыться. Дойдя до кургана, я вздохнул свободнее. Два из трех жребиев мне уже не грозили — то, что могло произойти в Долине и на подступах к Башне.

Зеленый жгут остановился у подножия кургана. Один его конец приподнялся и стал раскачиваться в воздухе, словно шарф никак не решался коснуться травы, чтобы поползти по склону. Я направил меч на курган, и тотчас вспыхнули руны.

Я дотронулся мечом до шарфа, и, к моему изумлению, зеленый жгут тут же обвился вокруг меча, поднялся по нему и обернулся вокруг моей руки до самого плеча. От шарфа исходило тепло, распространяясь от руки по всему телу.

Но как проникнуть в Башню? Теперь мысль о Каттее отодвинулась на задний план, и я стал обдумывать задачу, непосредственно стоящую передо мной. Здесь действовало колдовство, к которому у меня не было ключа.

Или был? Что если попробовать ключ, который давала древняя легенда? Конечно, в таком месте это было чрезвычайно опасно: по преданию, этот ключ, отпирая двери Тьмы, отчасти снимал защиту с того, кто им пользовался, делая его легкой добычей темных сил.

Насколько можно доверять легендам? Оказавшись в Эскоре, мы не раз убеждались, что в древних сказаниях больше правды, чем вымысла. Что если рискнуть и проверить легенду еще раз?

Мешкать было нельзя, надеяться на какую-то счастливую случайность не приходилось. Другого ключа у меня не было, и я решил повернуть этот.

Сжимая рукоять меча, я пошел навстречу солнцу вокруг кургана. Три, семь, девять — магические числа, вдруг какое-то из них поможет мне? Я трижды обошел курган, и ничего не произошло.

Я сделал еще четыре круга, все время ощущая тепло шарфа. Меч показывал опасность лишь тогда, когда я наводил его на склон.

Три и семь не подействовали, я продолжал обход. Когда я дошел до конца в девятый раз, последовал ответ. Трава вдруг незаметно пропала, и появился вход, но не в Башню, а внутрь кургана. Дверь отомкнулась, никаких стражей не было — но что ждало меня внутри?..

Держа меч перед собой, следя, не вспыхнет ли он огненными рунами, я медленно двинулся вперед. Но руны не появились. Передо мной был подземный коридор, стены которого озарял тусклый холодный свет.

Я шел, переводя взгляд со стен на меч и снова на стены, ища дверь или лестницу — какой-нибудь вход в Башню. Хотя в камне этих стен не было такого движения, как на глыбах вблизи владений Лоскиты, но при очень пристальном взгляде в них возникало какое-то необъяснимое тревожащее воображение искривление поверхности, от которого кружилась голова.

Сколько же тянулся этот подземный коридор? Мне казалось, я преодолел много миль, все тело уже ныло от усталости, но я не решался замедлить шаг или остановиться. Наконец я прошел под арку и оказался в круглом помещении, которое, судя по всему, находилось в основании Башни. По кругу шли двери, и если за ними были коридоры, значит они расходились от центра, как спицы колеса. Но лестницы наверх не было.

Я прошел по кругу, пробуя открыть каждую дверь. На них не было ни ручек, ни запоров, и ни одна дверь ничуть не подалась, когда я изо всех сил толкал ее плечом. Выйти отсюда я мог только тем же путем, каким пришел.

Я стоял посередине. Можно было вернуться назад, ничего не сделав. Третье будущее, показанное Лоскитой, пока не наступало. Не было никаких признаков

появления Каттеи или тени, во власть которой она могла меня отдать.

Каттея! Положив левую ладонь на шарф, обвивавший мою правую руку, я вызвал в памяти образ сестры. От моего прикосновения шарф шевельнулся и начал разматываться. Продолжая вспоминать, я отпустил пальцы. Шарф пополз вниз и, обвиваясь вокруг меча, скользнул на пол.

14

Я ожидал, что он устремится к одной из дверей, однако вместо этого он свернулся кольцом у моих ног и одним концом указал вверх, на потолок. Я посмотрел туда, но не увидел никакого отверстия.

Наваждение? Да, скорее всего так. Что же делать? Неожиданно в памяти всплыли обрывки фраз из лормтской рукописи. Прибегнуть здесь к заклинанию, означало еще больше ослабить свою защиту, но выбора у меня не было. В мече заключалась магическая сила — насколько она велика, я не знал, но надеялся, что меч даст необходимую искру. Я закрыл глаза и, подняв меч, прижал его к лицу так, что почувствовал на веках холодок металла.

Я не произнес эти древние слова вслух, а стал думать о них, представляя себе их на истертом пожелтевшем от времени пергаменте. Их было три, потом — еще три. За ними следовало изображение какого-то знака. Я опустил меч и открыл глаза.

Передо мной была каменная лестница. Шарф устремился по ней. Итак... магическое заклинание подействовало: путь в Черную Башню был открыт. Я стал подниматься по лестнице, следя, не запылают ли на мече руны. Но, как и в подземном коридоре и в помещении внизу, руны не появлялись.

Все выше и выше поднимался я по крутой лестнице. Стоя внизу, я видел над головой потолок, оказалось, что это тоже было наваждение: наверху не было этажей — только лестница, уходящая ввысь.

Взбираясь по ней, я видел вперед на несколько ступеней, дальше все зыбилось и расплывалось, и я не

решался смотреть туда, боясь, что на крутом подъеме закружится голова.

Шарф не останавливаясь полз вверх. Лестница рассекала пустоту, по обе стороны от меня было открытое пространство; чтобы не упасть, я не смотрел по сторонам. Тяжело дыша, я шепотом повторял заклинание. У меня возникло ощущение, что я вот-вот потеряю равновесие и кувырком полечу с высоты, это ощущение все нарастало, пока не превратилось в сущую пытку.

Но вот лестница кончилась, я выбрался через отверстие в потолке и оказался в круглом помещении, наподобие того, где лестница начиналась, только поменьше. Шарф лежал, свернувшись змейкой, подняв один конец вверх и покачивая им из стороны в сторону.

Здесь тоже были дверные проемы, но открытые, без дверей, и каждый из них вел в бездну! Не в туман, не в дымку, а в абсолютную пустоту. Глянув вниз, я отпрянул и сел на пол, держа меч на коленях, не в силах пошевелиться, охваченный паникой, которая находит на нас при мысли о падении с высоты: эти проемы неумолимо притягивали, манили к себе, и меня охватил страх, какого я еще никогда не испытывал.

Я не знал, куда попал, но что это вход в пределы, куда человеку путь заказан, — в этом не было сомнений. Но ведь шарф привел меня сюда...

Каттея! Закрыв глаза, я вызвал в сознании образ сестры, сконцентрировав на этом всю свою волю, все стремление к цели. Потом снова открыл глаза. Шарф развернулся и пополз к одному из проемов, ведущих в никуда.

Я решил, что это наваждение, что шарф обманывает меня, и, чтобы рассеять чары, снова поднял меч к глазам и повторил заклинание.

Когда я открыл глаза, все оставалось по-прежнему: шарф лежал, свернувшись, напротив открытого проема и покачивал поднятым концом, как у подножия кургана, когда не решался коснуться серой травы.

Я не мог встать на ноги — боялся потерять равновесие — и пополз на четвереньках, толкая перед со-

бой меч. Я остановился перед своим проводником, чувствуя, что не могу преодолеть себя и приблизиться к краю. Рука потянулась к шарфу и легла на него, он снова обвил мое запястье и пополз вверх по руке. В отчаянии я позвал:

— Каттея!

Теперь я сосредоточил всю свою волю на мысленном контакте; никогда в жизни не вкладывал я в него столько энергии. От напряжения я так обессилел, что лег, задыхаясь, словно в полном боевом снаряжении бегом поднялся на вершину холма и выдержал неравную схватку с врагом.

Я лежал ничком на полу, чувствуя лбом прохладную поверхность меча. Наверное, мне помогла его магическая сила — слабый, едва уловимый, пришел ответ:

— К е м о к? — не громче вздоха.

И все-таки это был настоящий ответ, а не наваждение, я не мог обмануться.

Значит... она жива, хотя, наверное, ее держат в заточении. Чтобы пробраться к ней, я должен — д о л ж е н — пройти через этот проем. Но смогу ли я пересилить себя?

На что я мог рассчитывать? У меня был шарф, который Орсия наделила магической силой; меч, неведомо кем выкованный, и несколько слов, которые могли либо помочь, либо погубить меня... Я, как слепец, брел наугад.

Я пополз дальше, встать и идти было выше моих сил. Я полз, а внутри у меня зрел пронзительный крик, все мое существо отчаянно сопротивлялось этому безумию, этому добровольному самоуничтожению. В мозгу стучало: нельзя, ведь у меня нет необходимой защиты, это верная смерть, и не только телесная.

Я подполз к самому краю и, заглянув вниз, зажмурился; мысли смешались, я почувствовал, что теряю рассудок.

Последним невероятным усилием воли я заставил себя перевалиться через край...

Я провалился в никуда; как в кошмарном сне, я падал, падал, падал...

Нечеловеческая боль пронзила все тело, я корчился в агонии, но сознание не оставляло меня, я падал и чувствовал нарастающую страшную боль. Я был уже не человек, а только существо, которое кричало, выло, визжало от невыносимых мучений.

Цветовое пятно, вспышка ярчайшего цвета... Что такое цвет? Я полз... по какой-то ровной поверхности. Прямо передо мной поднимались гигантские сполохи чистого, яркого, режущего глаза цвета. Слышалось какое-то монотонное гудение... ползти...

Глаза, полные слез, жгло огнем, этот огонь прожигал мне мозг.

М н е? Кому м н е? Что значит м н е?

Ползти... не останавливаться. Закрыть глаза, чтобы не ослепила следующая мощная вспышка пламенеющего цвета. Ползти дальше... Зачем?

Трудно выразить, кому «мне» принадлежало это тело. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем снова начало осознавать себя личностью то существо, которое ползло, плакало и вздрагивало при каждой вспышке пламени, поднимавшейся от земли до неба. Сначала в мозгу зашевелились неясные вопросы, потом — отрывочные ответы.

Наконец я остановился и посмотрел сквозь пелену слез на то, что стало с моим телом. Я больше не был человеком!

Зеленовато-серая бородавчатая шкура, вместо рук и ног толстые перепончатые лапы. Я попытался разогнуть спину, но не смог и обнаружил, что голова у меня торчит между высоко поднятыми сгорбленными плечами. Вокруг правой лапы обвивалась полоска зеленого пламени. Пламени? Я медленно поднял левую лапу и прикоснулся к полоске — она была бесплотной дымкой, и лапа погрузилась в нее.

Но это прикосновение и вид полоски вызвали во мне всплеск памяти. Шарф... Но ведь было что-то еще... Меч! Это слово, проскользнув в моем вялом сознании, подействовало как ключ, отпирающий сундук, из которого хлынула ожившая память.

Меч! Я в отчаянии огляделся. Неужели я потерял его?!

Меча не было, но передо мной на каменной поверхности в отблесках опаляющего цвета мерцал золотой луч. Вид его, как и зеленой дымки вокруг лапы, подействовал успокаивающе на воспаленные глаза. Я потянулся к лучу, лапа погрузилась в полосу золотого света, и меня охватил страх, — я не мог взять меч!

Но я должен! Я медленно разжал и снова сжал лапу. Короткие перепончатые пальцы прошли сквозь луч, ничего не ухватив. В страхе и ярости я стал колотить лапами по каменному полу. Потом я почувствовал боль, из ссадин на лапах сочилась густая зеленоватая жидкость. Я прижал лапы к выпуклой безобразной груди, раскачиваясь из стороны в сторону со стонами, срывавшимися, как я догадывался, не с человеческих уст.

Откуда здесь этот золотой луч? Когда ко мне начал возвращаться разум, я полз без меча, и однако вот он передо мной. Значит, он попал сюда сам собой?

Я вытер тыльной стороной лапы липкие слезы и содрогнулся от прикосновения бородавчатой шкуры. Был только один способ узнать, как попал сюда этот луч — начать двигаться вперед и посмотреть, что произойдет. Но не ползти, нет! Это отвратительное тело не мое, хотя я и обитаю в нем. Я человек, я встану на ноги и пойду навстречу неизвестности во весь рост — ко мне вернулась прежняя решимость.

Но подняться на задние лапы и удержать равновесие оказалось не так-то просто; из-за сгорбленной спины туловище перевешивалось вперед. Я едва мог приподнять голову и видел только на несколько шагов перед собой. С трудом ворочая шеей, я попытался получше рассмотреть это тело. Горбатая спина, массивные плечи, слишком узкая поясница и бедра. Я медленно поднял лапу и с замиранием сердца потрогал лицо. Рот оказался широкой почти безгубой щелью с торчащими наружу острыми клыками. Носа не было вообще, на его месте зиял разрез, служивший ноздрей. На безволосой голове, от уха до уха колыхался зазубренный мясистый гребень. Уши были огромные, без мочек. Я был таким чудовищем, что мой вид поверг бы любого в смертельный ужас.

Балансируя широко расставленными передними лапами, я сделал один нетвердый шаг, потом — другой, словно шел по узкому мосту над пропастью. Полоса золотого света двигалась впереди меня на одном и том же расстоянии. Ободренный этим, уверенный, что меч и в таком виде — лучший талисман, я продолжал двигаться вперед.

Вперед, но куда?

Я пришел в это жуткое место, чтобы отыскать сестру. Каттея! Глядя на свое отвратительное тело, я содрогнулся при мысли, что нечто подобное могло произойти и с ней. Где я? Несомненно в каком-то запредельном мире, противном человеческому естеству.

Может быть, Черная Башня охраняет Ворота? Но вряд ли Динзиль сделал так, что Каттее никогда не вернуться в прежний мир. Если верить Лоските, он видит в Каттее средство добиться власти над неизвестными ему силами. Он не станет добровольно терять такой ключ.

Е с л и только он не предпринял непоправимых шагов...

Остановившись, с трудом приподняв свою уродливую голову, я огляделся. Впереди не было ничего, кроме непрерывных вспышек цвета над ровной поверхностью, по которой я продвигался с таким трудом.

Эти цвета... наверное, я начал к ним привыкать: глаза болели уже меньше и не так слезились. Я стал считать вспышки и обнаружил, что они объединяются по три, по семь и по девять. В таком же порядке чередовались и сами цвета. Все, что происходило здесь, подчинялось некой магической закономерности.

Но куда мне идти?

— Каттея!

И как однажды передо мной предстали начертанными в воздухе с л о в а, так и теперь то же самое произошло с именем сестры. Ярко-зеленое, как кольцо света, в которое превратился шарф, оно устремилось по воздуху вправо.

С трудом переставляя ноги, я двинулся следом. Имя сестры скрылось во вспышке багрового огня.

— Каттея!

И снова мысленно произнесенное имя полетело вперед. Золотой луч меча у моих ног двигался вместе со мной. Я дотронулся до зеленой полоски на лапе.

— Каттея!

Летучие, зримые мысли уносились вперед и вели меня! Но Каттея не отвечала, и мне оставалось только надеяться, что я иду к ней, а не в ловушку. Вдруг впереди, после ярко-синего сполоха, немного левее того направления, в котором летели мысли, я увидел какую-то неясную массу — тускло-красную, не затронутую постоянной игрой разноцветных отблесков. Сначала мне показалось, что это обломок скалы, потом я решил, что это какое-то грубо вытесанное древнее изваяние.

Оно сидело на четвереньках, передние лапы, зажатые между торчащими вверх коленями, упирались в камень. Голова была повернута в сторону пролетавших мимо мыслей. Это отвратительное существо было женского пола. Над коленями свисали огромные груди. Лицо было едва намечено: ни рта, ни носа — только глазные впадины. Что-то темно-красное, похожее на кровь, сочилось из них, капая и стекая на грудь и колени. Туловище было в два-три раза больше моего. От этого существа веяло такой подавленностью и отчаянием, что я совсем пал духом.

Кем бы ни было это существо когда-то, сейчас оно пребывало в заточении, и тень его страданий витала вокруг, тяжким грузом ложась мне на сердце. В ужасе я медленно пошел прочь, но дважды оглянулся: при всем своем чудовищном виде это существо всколыхнуло во мне жалость.

Обернувшись в последний раз, я с трудом поднял лапу и хотел произнести старинное пожелание покоя, которое мы на границе обращали к павшим братьям по оружию. Но из щели, служившей мне ртом, не вырвалось ни слова. Тогда я произнес эти слова мысленно:

— Земля, прими свое; вода — свое; а то, что освободилось ныне — да будет свободно и да поднимется ввысь по воле Ситри...

Последние слова появились неизвестно откуда, они не имели отношения к верованиям моего народа. Но

едва возникнув в моем сознании, эти слова пронеслись по воздуху — на этот раз не зеленые, а золотистые, как меч. Они устремились к существу, плакавшему кровью, и исчезли, словно вошли в него — в лишенную лица голову и в тело.

За этим не последовало ни звука — только прокатилась мощная волна чувства, повалившая меня навзничь, словно штормовой вал. Я лежал, захлестнутый ею, изо всех сил стараясь внутренне преодолеть ее напор и остаться самим собой. Потом эта волна схлынула, и я с трудом поднялся на четвереньки. Плакавшее существо распадалось на части, оседая и оползая, как необожженная глина под действием воды. Наконец оно рассыпалось окончательно, и на его месте осталась только груда красной пыли.

Весь дрожа, я неуклюже поднялся на ноги. Рядом со мной что-то лежало. Изумленный, я увидел, что луч, двигавшийся вместе со мной, принял очертания меча. Но когда я, тяжело опустившись на колено, хотел поднять меч, выяснилось, что я могу только немного подвинуть его.

Я снова поднялся во весь рост и ощутил еще одну перемену — какую-то тревогу, разлитую вокруг. Я подумал, не навлек ли я на себя, разжалобившись, какую-нибудь страшную опасность.

— Каттея!

Я двинулся дальше, стараясь переставлять лапы побыстрее и гадая, отчего изменился луч.

По воле Ситри — откуда взялись в моем сознании эти слова? А раньше, когда я сразил чудовище в темном туннеле, — к кому я взывал? К Ситри! Значит, это слово или имя наделено магической силой? Надо было проверить мою догадку. Я остановился, глядя на бесплотный золотистый меч.

— Именем Ситри! — подумал я. — Стань снова оружием в моей руке! На этот раз сокрушительной волны чувства не последовало, но по всему моему телу прошла сильная дрожь, словно что-то невидимое тряхнуло меня. Яркая вспышка света неистово заплясала по призрачному мечу, и он, засияв, больно ослепил меня. Я

зажмурился и издал какой-то звериный вопль. Но когда заставил себя снова открыть глаза...

Передо мной был меч, реальный, а не луч света — тот самый меч, который я взял в склепе. Я стоял на коленях там, где застал меня приступ старинной дрожи. В третий раз потянулся к мечу — и, хоть и с трудом, сжал его в непослушной лапе. При этом мне показалось, что какая-то новая сила влилась в мое тело.

Кто такой (или что такое) Ситри? Он, определенно, имеет здесь власть. Может быть, он вернет мой прежний облик, чтобы я мог, если потребуется, защищаться мечом?

Я решил попробовать:

— И м е н е м С и т р и, д а б у д у я ч е л о в е к о м, к а к п р е ж д е...

Я ждал нового сотрясения, какого-то действия магической силы, но ничего не произошло, и человеческий облик ко мне не вернулся. Я тяжело поднялся с колен. Меч был связан с Ситри, я — нет; зря только надеялся, ничего и не могло произойти.

— Каттея!

Посланная мысль снова устремилась вперед, и я продолжал свой нескончаемый путь по этому чуждому пространству, не связанному никакими известными мне измерениями. Едва переставляя неуклюжие лапы, я все-таки продвигался вперед. Через некоторое время что-то замаячило в цветовых вспышках. На этот раз — не громадная сгорбленная фигура, а стена, отливающая ровным постоянным светом. Она состояла словно из гигантских граненых драгоценных камней, сужающимися концами уходящих в горизонтальную поверхность. В чередовании этих камней была та же система чисел: три желтых камня, семь фиолетовых, девять красных. Я приблизился, стена была выше моего роста.

Мои мысли устремились через нее — к той, которая, как я надеялся, была за стеной. Я медленно прошел вдоль стены сначала в одну, потом в другую сторону. В обоих направлениях она тянулась насколько хватало глаз. Перелезть через нее нечего было и пробовать — камни слишком гладкие, а я — слишком неповоротлив.

Я опустился на четвереньки перед одним из красных камней, все тело ныло от усталости. Казалось, моим странствиям пришел конец. В раздумье я водил лапой по мечу. На нем не было и следа рун. Прикосновение к прохладному металлу действовало успокаивающе. Я опять посмотрел на разноцветные камни.

Насколько прочно основание стены? Камни неподвижно вставлены в поверхность? Я на четвереньках подполз ближе. Да, стена не составляла с горизонтальной поверхностью единого целого, между ними виднелась едва заметная щель. Это было единственное уязвимое место.

У меня не было другого орудия, кроме меча, но я боялся подвергать его такому испытанию — с чем я останусь, если он сломается? С другой стороны, какая мне польза от меча, если здесь действительно конец моих поисков?

Неуклюже орудуя мечом, я начал долбить основание красного камня. Меч скользил и срывался. Я покопался в памяти: может быть, помогут какие-то сведения из Лормта? Но мысли о лормтских рукописях тоже требовали напряжения, и я тут же промазал.

Значит, Лормт — не подмога. А Ситри?

В первый раз меч ударил точно туда, куда я метил!

— Именем Ситри, властью Ситри!

Я помедлил и продолжил попытку. Я мысленно повторил это имя и слова благодарности три раза, затем — семь и наконец — девять раз.

Меч вывернулся из моей непослушной лапы и, нацелившись, стал сам долбить в нужном месте. По стене прошел гул, он все нарастал, в голове у меня тоже загудело, и я зажал уши лапами, пытаясь избавиться от этого звука. Меч продолжал долбить.

Красные осколки, сверкая, летели в разные стороны. Некоторые порезали мою бородавчатую шкуру, но я не заслонялся от них, боясь отнять лапы от ушей. Мелькание меча слилось теперь в сплошное пятно яркого света. Глаза у меня стали слезиться, и сквозь пелену я видел уже не меч, а молнию, ударяющую в подножие стены.

Камень дрогнул и закачался. Меч взвился в воздух и, развернувшись, метнулся в середину камня. От это-

го удара камень с треском раскололся и рассыпался на красные осколки. Вслед за ним треснули и обрушились дождем осколков два соседних камня, и трещины расползлись по всей стене.

Я не стал ждать, что будет со стеной дальше. Поднявшись во весь рост, я протянул вперед правую лапу, меч повернул назад и прочно приладился к ней рукоятью. Вздрагивая от боли, я по острым осколкам прошел в пролом и оказался в другом мире.

Если царство цветовых вспышек было для меня совершенно чуждым, то этот мир имел сходство со знакомыми мне местами. Я даже подумал, что опять оказался в Эскоре. Передо мной лежала дорога среди скал, по которой я вслед за зеленым жгутом пришел к Черной Башне. Но ступив на эту изрезанную колеями дорогу, я понял, что сходство было чисто внешним.

Здесь ни в чем не было постоянства. Скалы таяли, уходя в землю, и снова вырастали в другом месте. Дорога зыбилась и текла, и я пробирался по ней, словно по колено в воде. То, что раньше лишь мерещилось мне в поверхности скал, теперь было отчетливо видно, и я не смотрел на скалы, боясь сойти с ума.

Только одно оставалось неизменным — мой меч. И когда я задерживал на нем взгляд, а после этого смотрел на дорогу, она тоже обретала некоторую надежность, хотя и ненадолго.

Я дошел до впадины, в которой убил одного из стражей, — она была до краев наполнена пузырящейся зловонной жижей. Дорога продолжалась на противоположной стороне.

15

Пузыри, поднимавшиеся на поверхность отвратительной жидкой грязи, лопались, испуская зловонный газ. Плыть? Способно ли на это мое неповоротливое тяжелое тело? Я огляделся слезящимися глазами, ища обходной путь, но вокруг впадины была только беспрестанная изменчивость, помрачающая сознание, и я сразу отвел взгляд.

Мой путь лежал через эту впадину. Я дотронулся до шарфа, обвивавшего мою бородавчатую лапу, покрепче сжал рукоять меча и вошел в эту гниющую жижу. Она оказалась слишком густой, и я не поплыл, а стал медленно погружаться все глубже, хотя барахтался из последних сил.

Я боялся, что меня скроет с головой, но мне удалось удержаться на плаву, и благодаря неимоверным усилиям я стал немного продвигаться вперед. От тошнотворных испарений я едва не терял сознание, глаза отчаянно слезились. Вскоре я заметил, что вокруг меча жижа сама собой расступается, и стал рубить ее, прокладывая себе путь.

Наконец я добрался до уступа скалы и попробовал выкарабкаться на него, но зловонная грязь не отпускала, жадно засасывая тело. Повернувшись, я, выбиваясь из сил, рубанул позади себя мечом, выполз и в изнеможении растянулся на краю, задыхаясь и ловя ртом воздух, насыщенный зловонными испарениями. «Скорее наверх, — подгонял меня внутренний голос, — наверх и прочь отсюда». Я пополз, оставляя за собой липкий след. «Скорее», — стучало в мозгу.

Позади раздались чавкающие звуки, заглушившие бульканье пузырей. Такие же звуки сопровождали меня, когда я плыл. Лапы мои еще больше напряглись, борясь с тяжестью тела. Я полз, держа меч в зубах, и при каждом неосторожном движении ранил губы, но не решался ни на мгновенье выпустить оружие.

Чавканье позади нарастало, приближаясь, но я не мог оглянуться. Подгоняемый страхом, я прополз еще немного и, с трудом встав на колени, развернулся всем туловищем назад.

Они плыли по этой мерзости со скоростью, на которую я не был способен. Их было двое и...

Обессиленный, я не мог без опоры подняться на задние лапы и подполз к большому камню. Цепляясь за него, я каким-то образом умудрился встать и привалился к нему спиной, лицом к зловонной впадине.

У них была серая бородавчатая шкура, сильные лапы, широкие плечи и жабьи морды; в прорези рта виднелись острые клыки. Поперек черепа от одного

огромного уха до другого тянулся зазубренный мясистый гребень. В этих тварях было сходство с моим нынешним обликом!

Разевая длинные щели ртов, они перекрикивались на неведомом мне языке. Каждый держал топор — огромный, как Топор Вольта, который я видел у Кориса, правда, рукояти были гораздо короче. Я догадался, что эти твари гонятся за мной.

Бежать было некуда, да я и не смог бы, даже если бы заставил свое изможденное тело сделать величайшее усилие. Похожие топоры были на вооружении у сулькарцев и применялись не только в ближнем бою, но и для метания издалека — страшное оружие в руках опытных воинов. Были ли таковыми эти жабообразные твари, я не знал, но противника всегда лучше переоценить, чем недооценить.

У меня был только меч, и, чтобы пустить его в ход, я вынужден был дожидаться, пока враги приблизятся. Вряд ли им удастся метнуть топоры, пока они барахтаются в жиже, лихорадочно соображал я. Надо вернуться к краю уступа и не дать им выбраться, тогда у меня будет преимущество.

Но я был слишком неповоротлив и совсем выдохся, пробираясь через эту зловонную яму, и не мог даже оторваться от камня, к которому привалился. Я попробовал взмахнуть мечом, но лапа плохо повиновалась мне, и на миг показалось, что исход боя уже предрешен в пользу врага.

— Ситри! — я поднял меч и, держа рукоять на уровне губ, направил его острием вверх — туда, где могло быть в этом пространстве небо. — Твоим именем буду я сражаться... Не лишай меня покровительства... Помоги выстоять против Тьмы! Ибо я должен выполнить то, что начал. — Я бормотал наугад первое, что приходило в голову, не надеясь быть услышанным.

Если бы я сделал только несколько шагов к краю, я мог бы пронзить этих тварей мечом, пока они вылезали на уступ. Но я чувствовал, что не в силах идти, а если бы пополз, то оказался бы лежащим перед ними, подставляя шею под топор.

Они, наверное, считали меня легкой добычей или просто были слишком несообразительны, чтобы, выбравшись, сразу метнуть топоры. С боевыми кличами ринулись они ко мне, держа оружие наготове, и я попробовал взмахнуть мечом, как если бы у меня было обычное человеческое тело.

Меч вырвался из моих лап и метнулся по воздуху. Это опять был уже не меч, а проблеск золотого света, мелькнувший так стремительно, что я не успел за ним уследить и не понял, что произошло дальше. Я увидел только, как сначала один, потом другой враг падает с зияющей на горле раной, и оба они, выронив топоры, зазвеневшие о камень, сползают по наклонному уступу, обливаясь кровью. Я стоял, прижавшись спиной к камню и раскрыв рот от изумления.

Тут раздался другой звон, более громкий, похожий на колокольный, — передо мной лежал меч. Я оттолкнулся от своей опоры, шатаясь, сделал шаг к нему, но, наклонившись, потерял равновесие и рухнул ничком. Я лежал, чувствуя под собой стальную поверхность меча, от нее через мою отвратительную шкуру в тело начало вливаться тепло, а потом — свежие силы. Я приподнялся, опираясь на передние лапы.

Там, где упали тела жабообразных, курилась черная копоть, как от разворошенного потухшего костра, и оседала на поверхности уступа. Вместо жабьих тел я увидел останки двух крайне истощенных людей — почти скелеты.

Ощущая в себе силы, которые влил в меня меч, я поднялся на задние лапы и подошел сквозь черную копоть к ближайшему из мертвецов. Глядя на его неестественно заострившиеся черты, я подумал, что когда-то он, наверное, принадлежал к древней расе или был близок ей по крови. Смерть рассеяла чары и вернула ему его истинный облик. Смерть... Я взглянул на свои бородавчатые лапы. Неужели е д и н с т в е н н ы й путь к возврату — смерть?

Останки на глазах менялись, распадаясь и рассыпаясь в прах, как плачущее существо по ту сторону стены из драгоценных камней. Я отвернулся от них и увидел, как и ожидал, возвышавшуюся на кургане Башню, ждущую меня, как до этого — ее двойник.

Эта Башня казалась еще чернее, еще отчетливее были ее очертания, превосходящие резкостью все виденное мною в этом жутком мире. Курган тоже был черный.

И снова я пошел по дороге, в которой мои лапы утопали, как в воде. Когда я достиг подножия кургана, мне не пришлось прибегать к заклинаниям, чтобы попасть внутрь — черный проем уже зиял, поджидая меня.

— Каттея! — мысленно позвал я и увидел, как имя пролетело передо мной и быстро исчезло во мраке проема.

Я сжал обеими лапами рукоять меча и, тяжело ступая, осторожно вошел в курган. Внутри мрак был не таким густым, как казался снаружи, разбавленный тусклым желтовато-серым светом, исходящим, судя по всему, от моего собственного тела. При этом освещении я разглядел пол и стены, сложенные из черных каменных плит, плотно прилегающих друг к другу. Пройдя по коридору, я вновь попал в круглое помещение; на этот раз дверей не было, в центре поднималась лестница, но в ней не заключалось ничего сверхъестественного.

Мои лапы не были приспособлены к восхождению по лестнице. Мне снова пришлось зажать меч в зубах и медленно передвигаться на четвереньках. Стоило мне пошатнуться, и я сорвался бы вниз на каменные плиты.

Наконец голова моя высунулась в отверстие, появившееся словно ниоткуда, и я попал в призрачную комнату. Здесь были призраки не живых существ, а предметов, составлявших обстановку, — бесплотные туманные тени.

Стулья, стол, уставленный склянками и колбами с коленчатыми трубками непонятного назначения, сундуки и шкафы — все это полупрозрачное, как дымка над рекой, и однако явственно видимое на фоне каменных стен. Я хотел положить лапу на стол, но она, не встретив преграды, прошла насквозь.

В этом помещении была следующая каменная лестница, шедшая не в центре, а вдоль стены, и осязаемая — в отличие от иллюзорных предметов обстанов-

ки. Я стал подниматься по ней, она была не такая крутая, как предыдущая, и я преодолевал ступеньку за ступенькой на задних лапах, опираясь о стену, чтобы не покачнуться в сторону внешнего края.

Вокруг царило безмолвие. Я старался двигаться неслышно, но мне это плохо удавалось. Даже дышал я так тяжело и с таким шумом, что уже одним этим мог выдать себя.

Выше была еще одна комната, обставленная призрачной мебелью. Здесь я увидел стол с двумя придвинутыми к нему стульями, накрытый к ужину. Против каждого стула стоял призрачный кубок и тарелка.

Я сглотнул слюну. С тех пор, как мы целую вечность назад расстались с Орсией, у меня маковой росинки во рту не было. Но лишь увидев этот стол, я вспомнил о еде, и сразу ощутил мучительный голод. Где взять пищу? Что нужно этому жабьему телу? Я невольно подумал о тех истощенных мертвецах. Может быть, они голодали в том обличье до самой гибели?

Столовая была обставлена с претензией на роскошь. На стенах висели призрачные гобелены, настолько тонкие, что я не мог различить рисунка. Бесплотные сундуки вдоль стен все были резные, как в богатом замке.

И еще одна лестница звала меня наверх. Я медленно поднимался по ней, пока мне не преградила путь крышка люка. Зажав меч в зубах, я уперся в стену и изо всех сил надавил на крышку.

Она подалась и откинулась назад с ужасающим грохотом, вдвойне оглушительным в окружающей тишине. Я поспешно протиснулся в открывшийся проем, опасаясь, что теперь уже точно выдал себя...

— Добро пожаловать, доблестный герой!

Я с трудом повернул голову.

Динзиль! Да, это был он.

Но не в образе жабообразной твари, а такой же высокий, статный и красивый, каким я видел его в Долине. От него исходили волны мощной энергии, словно внутри у него полыхал огонь — не пожирающий тело, а дающий неведомую, нечеловеческую силу.

При взгляде на него слепило глаза, слезы градом покатились по моему чудовищному лицу, но я не отвел глаза. Ненависть придает стойкости, а вся ненависть, испытанная мною прежде, была ничто в сравнении с той, что захлестнула меня сейчас.

Он стоял подбоченясь и беззвучно хохотал — как кнутом, хлеща меня презрением.

— Приветствую тебя, Кемок Трегарт из неразлучной троицы. Ты, кажется, что-то потерял? Да, но зато ведь и приобрел нечто, хотя и способное смутить твой дух и взоры тех, кто смотрел на тебя с любовью. Хочешь знать, что они увидели бы теперь? Смотри!

Он щелкнул пальцами, и тут же передо мной появилась какая-то блестящая поверхность, и я увидел то, что было теперь моим отражением. Но я не испытал того потрясения, на которое рассчитывал Динзиль — я уже знал, какие перемены произошли в моем облике.

Наверное, мое самообладание произвело на Динзиля некоторое впечатление, если его вообще могли трогать человеческие чувства.

— Говорят, — снова осклабился он, — есть такие места, где видимой в человеке становится не внешность, а его внутренняя сущность — то, что он сам создал в себе за годы своими порочными страстями и тайными желаниями — тем злом, которое он хотел бы, но не отважился совершить. Теперь ты узнаешь себя настоящего, Кемок Трегарт, перебежчик из-за гор?

Я не удостоил его ответом.

— Каттея! — мысленно позвал я.

И увидел уже не ярко-зеленое слово, а птицу — раненую, бьющую крыльями, тщетно стремящуюся к цели, не в силах преодолеть какую-то незримую преграду.

Динзиль, повернув голову, следил за ней, в его взгляде промелькнуло удивление. Он угрожающе взмахнул рукой, и птица-мысль исчезла. Динзиль снова посмотрел на меня, он больше не улыбался.

— Похоже, я недооценил тебя, мой безобразный герой. Признаться, я думал, ты оплошаешь и сгинешь на пути сюда. Значит, ты все еще надеешься найти

Каттею? — он задумался, а потом громко хлопнул в ладони и снова расхохотался. — Превосходно. Герои — моя слабость. Твое упорство и преданность должны быть вознаграждены. Да и забавно будет проверить, насколько сильны ваши узы, выдержат ли они, если ты увидишь Каттею.

Он произнес какое-то с л о в о, воздел руки над головой и резко опустил вниз. Все закружилось, я начал падать, не за что было ухватиться...

Мы стояли в круглой столовой, на полу лежала откинутая крышка люка. Комната была такой, как прежде, только вся ее призрачная обстановка стала более реальной. Поблекшие от времени гобелены мерцали драгоценными камнями и золотыми и серебряными нитями. На старинных сундуках и стульях отчетливо вырисовывалась резьба. Передо мной по-прежнему стоял Динзиль, он отвесил мне издевательский поклон:

— Рад, рад дорогому гостю. Я бы поднес тебе кубок, мой бедный герой, да боюсь, не повредило бы тебе мое вино — а вдруг ты умрешь? Нет, я этого не хочу — пока. Но что-то мы заболтались. Ты ведь пришел не просто так, ты кого-то искал?

Он повернул голову, и я, проследив за его взглядом, увидел у стены небольшой столик, по обе стороны от него на высоких консолях стояли два канделябра с горящими свечами. Над столиком висело зеркало, перед которым медленно двигался вверх-вниз усыпанный бриллиантами гребень, словно там сидел кто-то невидимый, расчесывая длинные распущенные волосы.

Я проковылял к зеркалу.

— Каттея! — вырвался у меня пронзительный мысленный зов.

Действительно ли она сидела там, невидимая для меня? Или этот движущийся гребень был просто уловкой Динзиля, желавшего меня помучить?

В зеркале появилось отражение, но это был мой собственный жабий облик, а не прекрасное лицо Каттеи.

Гребень упал на пол, из пустоты раздался крик ужаса. Динзиль, бросившись вперед, обхватил руками что-то невидимое.

Хотя все это могло быть ловким трюком...

— Каттея! — снова мысленно позвал я.

— Зло! — это был не ответ, а взрыв отвращения, я ощутил его как мощный порыв ветра, а следом за этим — с л о в а, некоторые из них я узнал: она колдовала. Динзиль не разыгрывал меня, это могла быть только Каттея.

— Ну, конечно, зло, дорогая, — заговорил он тоном, каким успокаивают ребенка. — Это чудовище выдает себя за Кемока, который будто бы пришел за тобой. Успокойся, не трать даром свою силу, она тут не поможет.

— Каттея! — к этому мысленному зову я прибавил два с л о в а. Если в ней осталось что-то от прежней Каттеи, она поймет: стоящий перед ней принадлежит не к темным, а к светлым силам.

— Зло! — снова как порыв ветра, на этот раз — еще сильнее. Но с л о в за этим не последовало. — Убери его прочь, Динзиль! — раздался из пустоты крик, и это был голос сестры. — Убери его. Я не могу на него смотреть!

— Хорошо, дорогая! — он отпустил невидимое тело и, снова воздев руки, произнес какое-то с л о в о. Все закружилось, и мы очутились в комнате с призрачной обстановкой.

— Она сделала выбор, не так ли, герой? Сейчас я тебе кое-что покажу.

И снова откуда-то возникло то же зеркало. Но теперь в нем отражался не я и не комната. Я увидел в нем существо женского пола — похожее на плакавшее чудовище — но на сгорбленных плечах отвратительного туловища была голова моей сестры; по этим плечам и обвислым грудям струились ее волосы. Передние лапы оканчивались белеющими кистями нежных женских рук.

— Вот такой теперь стала Каттея.

Меня захлестнула ярость. Динзиль, конечно, ожидал этого: он сделал движение рукой, и я прирос к

месту, словно мои лапы пустили корни в каменном полу.

— Я тот, кому здесь подвластно все. Я — Динзиль, и таковым пребуду. Каттея постепенно постигает мою науку. Когда она совсем уподобится мне, тогда к ней окончательно вернется ее прежний облик. Она хорошо и быстро все усваивает, ведь уродство ужасает всех женщин. Я дал Каттее посмотреть на ее нынешнее тело — со стороны, конечно, и не сказал, что она видит самое себя; я объяснил лишь, что такое может случиться и с ней, если она не будет пользоваться защитой, которой я ее обучаю. С тех пор она стала очень понятливой. Да, я недооценил тебя, Кемок Трегарт. Я считал, что основная сила — у твоей сестры. Не стоит отказываться ни от какого оружия — все может со временем пригодиться. Так вот: ты побудешь пока в надежном месте, а потом посмотрим, что с тобой делать.

Он опять поднял руки, и все закружилось. Я оказался в каменной темнице, где не было другого света, кроме желтоватой ауры, исходящей от моего тела. Каждая стена была цельной каменной плитой. Я опустился на пол посреди этого тесного холодного пространства и задумался.

Герой... Называя меня так, Динзиль насмехался надо мной и был прав. Чтобы защитить себя и найти Каттею, я не сделал ничего, кроме того, что навязал мне враг. Это была не борьба, а жалкое беспомощное трепыханье. Неожиданная встреча с Динзилем прошла именно так, как хотел он.

Но что толку сокрушаться о случившемся? Надо решать, как быть дальше. Что Динзиль владеет колдовской силой, я знал с самого начала этой — пока безуспешной — попытки спасти сестру. Однако я добрался до Башни — чего он никак не ожидал, — и при мне по-прежнему был мой меч. Ха! Он лежал у меня на коленях. Почему Динзиль не отнял его у меня? Не считал для себя опасным или просто не видел его?

Я задумался. Что если меч для Динзиля так же невидим, как для меня — Каттея? Отчего это может быть? И почему я не применил меч против него? Я

словно был в каких-то оковах, не в силах поднять на Динзиля руку.

Башня — его оплот. В ней наверняка есть множество защитных средств — не из камня и стали, а неосязаемых. Наверное, они воздействовали на меня с того момента, как я вошел в курган.

Мне ни разу не пришло в голову пустить в ход меч, пока Динзиль не упрятал меня в каменный мешок. Меч разрушил стену из драгоценных камней. Не одолеет ли он и камни моей нынешней тюрьмы?

Но если я и выйду из нее, что мне это даст? Ведь я по-прежнему останусь в Башне. Каттея отшатнулась от меня, ища защиты у Динзиля. Она не признала меня. И она слишком изменилась под влиянием Динзиля. То существо, которое он показал мне... — лучше бы уж оно целиком было чудовищем, учитывая то, что означало возвращение прежнего облика Каттеи.

Каттея обладала познаниями колдуньи, но большую часть из них могла применить только девственница. Колдуньи Эсткарпа косо смотрели на мою мать за то, что ей удалось сохранить Силу даже после брака с моим отцом. Динзиль не мог полностью подчинить себе Каттею, не лишив ее способности воспользоваться Даром Силы.

«Дорогая»... Вот как он называл ее... Задыхаясь от ярости, я стиснул рукоять меча и коснулся обернутой вокруг лапы полоски света — шарфа Каттеи, которому Орсия внушила свою магию.

Это тоже была женская магия. Она помогла мне, но до конца ли я ее использовал? И щ и с е р д ц е м, сказала Орсия...

Сердцем... Шарф вел меня, потому что я вспоминал Каттею, которая еще не пользовалась никакой Силой, кроме той, что была для нас троих врожденной — которой мы пользовались так же естественно, как дышали, спали, ходили, разговаривали.

Держа одну лапу на полоске света, а другую — на рукояти меча, я призвал на помощь эту нашу силу, неизвестную ни Динзилю, ни кому-либо в Эскоре, ибо это была магия нашего прошлого. Я мысленно устремился далеко-далеко назад, к первым воспомина-

ниям из нашей жизни — моей, Килана и Каттеи. Мы сидели на медвежьей шкуре перед очагом, от огня взлетали искры.

Анхорта, наша кормилица, пряла, и нить плавно струилась из-под ее неутомимых искусных пальцев.

— Вон волшебный лес, а вон волшебные птицы на деревьях... — долетела до меня мысль Каттеи.

Я посмотрел в огонь и увидел то, о чем она говорила.

— Вон едет верхом наш отец со своим отрядом, — мысленно продолжил Килан.

И действительно, языки пламени были точь-в-точь как всадники.

— А вдали горы, — добавил я, не ведая, как изменится наша жизнь за этими горами.

Нет, не думать о том, что было позднее. Ничто не должно заслонять и затемнять воспоминания!

Анхорта сверху вниз взглянула на нас — какой большой она казалась нам тогда...

— Сидите спокойно и слушайте: я расскажу вам про снежного духа и про то, как его обхитрил Самсау...

Но мы продолжали мысленно переговариваться друг с другом. Уже тогда мы знали, что это умение недоступно окружающим, и у нас была своя тайна.

Я извлекал из памяти воспоминание за воспоминанием, стараясь не упустить ни малейшей подробности, чтобы картина была живой и яркой. Однажды мы поехали верхом в весенние луга. Килан сломал цветущую благоухающую ветку розовой жимолости, я нарвал луговых цветов и травы и сплел венок. Мы возложили его, как корону, на голову Каттее и дали ей ветку, как скипетр. Мы сказали ей, что она прекрасней всех на свете, и даже цветы зарделись от смущения, потому что не могут с ней сравниться.

— Я п о м н ю...

Это вкралось в сплетение моих мыслей так незаметно, что я не сразу сообразил, в чем дело. Усилием воли сдержав волнение, я продолжал вспоминать. Та, чей облик был теперь так страшно искажен, присоединилась ко мне, и мы стали вместе ткать гобелен нашего прошлого. Я не решался приблизиться к ней по тонкой нити, тянущейся из прошлого, и только все

крепче привязывал ее к себе этой нитью общих воспоминаний.

— Ты... ты Кемок?

Она первая преодолела преграду этим неуверенным тревожным вопросом.

— Да, — ответил я осторожно.

16

— Если ты Кемок, — внутреннее напряжение ее нарастало, — тогда тебе лучше уйти! Здесь тебя подстерегает зло. Ты не знаешь, что случается с теми, у кого нет защиты. Я видела отвратительных чудовищ!

Конечно, она видела то, что позаботился показать ей Динзиль.

— Динзиль! — встрепенулась Каттея. — Он защитит тебя...

Она так доверяла Динзилю, что когда нуждалась в помощи, тотчас обращалась к нему.

— Я пришел за тобой, Каттея, — сообщил я ей прямо. Если она еще не успела слишком далеко зайти по тому пути, который ей уготовил Динзиль, тогда, может быть, я достучусь до нее, ведь пробудились же в ней воспоминания.

— Но зачем? — спросила она простодушно. Я не узнавал сестру. Прежняя Каттея была слишком независимой и самостоятельной, чтобы поддаваться чужому влиянию. Ее словно подменили.

Я старался выражать свои мысли как можно проще, чтобы она не потеряла связавшую нас сейчас тонкую нить.

— Неужели ты думала, что нам безразлично, куда ты пропала?

— Но ведь вы же знали! — сразу возразила она. — Знали, что я ушла на поиски средоточия колдовской силы и хочу научиться тому, что защитит нас от Тьмы. Здесь, Кемок, я постигаю мудрость, о которой Владычицы-колдуньи могли только мечтать. Теперь я понимаю, как мало они знают и могут. Они только заглядывают за дверь, но не решаются войти.

Странно, что мы испытывали перед ними такой благоговейный трепет.

— Знания знаниям рознь, ты сама это говорила, Каттея. Одни входят в человека и расцветают, другие недоступны ему, пока он не перестанет быть самим собой.

— Человек — да! — подхватила она. — Но я принадлежу к колдуньям Эсткарпа. То, что недоступно человеку, доступно нам. И когда я запасусь знаниями, за которыми пришла сюда, я вернусь, и вы скажете мне спасибо.

Третье будущее, показанное Лоскитой, — внезапно возникло в моем сознании; я увидел его так же явственно, как тогда в выемке с голубым песком. Я увидел скачущих всадников Тьмы и среди них — Каттею, метавшую огненные молнии в нас, ее родных братьев.

— Нет! — резко оборвала меня Каттея. — Это лживое предсказание — козни злых сил. Тебя обманули! И ты поверил, что я — ваша сестра — способна на это? Динзиль говорит...

Она помедлила, и я спросил:

— Так что же говорит Динзиль?

Ее слова обдали меня холодом, как это было в Долине:

— Тебе не нравится, что у меня есть настоящие друзья, ты хочешь держать меня при себе. Килан великодушнее, он понимает, что мы по-прежнему останемся едины, даже если пойдем дальше порознь. Но ты не можешь этого допустить, почему-то считаешь себя вправе все решать за меня.

— Это тебе сказал Динзиль?

Ничего другого я от него и не ждал. Но такой довод трудно было опровергнуть. Мои попытки освободить Каттею могли в ее глазах только подтвердить правоту Динзиля. Что я мог на это возразить?

— Ты невзлюбил Динзиля. У него много недругов, я знаю. И ты, и еще кое-кто в Долине, не доверяете ему. Но теперь он старается собрать непобедимую силу. Неужели вы думаете, что с помощью меча и каких-то жалких заклинаний сможете противостоять

Великим, которых растревожил бунт в Эскоре? Тут нужны силы могущественнее всех, известных людям.

— И Динзиль может собрать такие силы и управлять ими?

— Да! С моей помощью! — в этом была удесятеренная самоуверенность прежней Каттеи.

— Возвращайся, Кемок. Ты же любишь меня, я знаю, хотя эта любовь для меня как оковы. Ты пришел с любовью, и я хочу тебе добра. Динзиль позаботится, чтобы ты вернулся в тот мир, который тебе подходит. Скажи всем в Долине, что когда мы придем, с нами будут такие силы, что Тьма отступит еще до того, как мы нанесем первый удар.

Я закрыл от нее свой ум — от э т о й Каттеи — чудовища, которое показал мне Динзиль, — и, собрав всю свою волю, снова стал вспоминать ту Каттею, которую знал и любил, которая была частью меня самого...

— Кемок! — ее высокомерие как рукой сняло, это был крик страдания. — Кемок, что ты делаешь? Не надо, перестань! Ты снова налагаешь на меня свои оковы, их так трудно разорвать. А я должна беречь силы, чтобы выполнить свое предназначение.

Я продолжал вспоминать. Каттея, юная, чистая душой, веселая танцует на зеленом лугу, и на ее пение к ней с неба слетаются птицы. Смеющаяся Каттея, протянув руку, отламывает с карниза сосульку и подносит к губам, а вокруг заснеженный морозный сад, переливающийся бриллиантами под зимним солнцем. Каттея роняет сосульку и тихим свистом подзывает снегиря... Каттея ныряет в речную прохладу и плывет с нами наперегонки, но, увидев запутавшегося в тростнике детеныша выдры, останавливается, забыв обо всем, и заботливо вызволяет малыша из плена... Каттея сидит между нами при свете очага, слушая сказки Анхорты...

— Не надо! — мольба стала слабее и глуше. Я вспоминал и вспоминал, не отнимая лап от шарфа и меча — моих талисманов, на которые я только и мог рассчитывать во владениях Динзиля.

Каттея бежит с нами по золотому жнивью, вместе с поселянами мы вяжем снопы. Каттею, по старинно-

му обычаю, выбирают встречать с праздничной чашей проезжающих. Она идет собирать дань и возвращается довольная удачей, смеющаяся — звенит наполненная чаша: мимо проехал целый отряд всадников, и каждый бросил монету.

Вот какую Каттею я вспоминал, но только не Каттею-колдунью, ведущую к нынешней, здешней Каттее, которую я не знал, которой боялся.

— Кемок... Кемок, где ты?

Сначала я подумал, что это голос Каттеи из моих воспоминаний — совсем юный, неуверенный, почти растерянный.

Я открыл глаза и огляделся. Где я? В каком-то «надежном месте», как сказал Динзиль. Но теперь я чувствовал себя увереннее. Хотя вряд ли у меня для этого были основания. Но в безнадежной ситуации человек способен на самое стойкое сопротивление и, случается, побеждает — просто потому, что уже нечего терять.

— Кемок,.. где же ты?

— Я здесь и скоро приду к тебе, — ответил я, хотя совсем не был в этом убежден.

Я с трудом поднялся во весь рост, сжимая рукоять меча.

— Каттея! — снова выслал я вперед летучее имя. Оно исчезло, достигнув каменной поверхности, и я подошел к стене.

На ощупь она была сплошная, но моя решимость не убывала. Я направил меч острием в стену, снова произнес слово «Ситри» и на удачу — еще несколько слов из Лормта.

Рукоять обожгла мне лапу, но я не дрогнул. Острие меча скользнуло по стене и остановилось в углу на стыке двух плит. Я повторил заклинание, и каменная поверхность сама расступилась перед мечом — он проложил мне дорогу сквозь камень, как до этого — сквозь зловонную жижу. Я вышел из темницы и снова оказался в подземном круглом помещении, откуда вела лестница в Черную Башню.

Я снова стал подниматься по ступенькам и попал в первую комнату. Но теперь обстановка в ней была более реальной, предметы меньше походили на собст-

венные призраки. Я протянул лапу к шкафу, чтобы потрогать его — и чуть не выронил меч. Что это у меня — лапа или человеческая рука? Я увидел пальцы! Они скрылись в чудовищной шкуре — и снова появились.

Я был потрясен. У существа, которое показал мне Динзиль, назвав его Каттеей, голова и руки женщины сочетались с телом чудовища. Голова и руки нужны были ей, чтобы колдовать. Динзиль сказал... к ней вернется человеческий облик... когда она будет полностью подчинена его целям. И вот... я протянул перед собой другую лапу: да, и эта лапа переходила в руку. Но лапа была реальной, а рука только призраком.

Отчего произошла эта перемена? Не связал ли я себя с миром Тьмы, прибегнув здесь к заклинаниям? Но разве был у меня другой выход? Я поднялся по следующей лестнице в столовую. И здесь тоже очертания предметов стали рельефнее, цвета — ярче. Каттея... Неужели она так и останется невидимой для меня, а я — чудовищем, вызывающим в ней только ужас?

Последняя лестница. В конце виднелся открытый проем люка. Если Динзиль снова поджидал меня наверху, то у него есть явное преимущество. Я держал перед собой меч. Ни разу в этом мире на нем не загорались руны, но теперь я полностью зависел от меча и полагался на него, как военачальник перед битвой полагается на испытанных разведчиков.

Я добрался до конца лестницы. Пока все было тихо. Я с трудом протиснулся в люк и увидел столик с зеркалом, но движущегося гребня не было — комната казалась совершенно безжизненной.

— Каттея! — мысленно позвал я. Зримое имя пронеслось в темную противоположную часть комнаты, где на стене висел гобелен. Навстречу мне из мрака двинулось существо, которое показывал мне Динзиль, только голова была прозрачная и сквозь нее проступал овал, лишенный черт, похожий на голову плакавшего чудовища.

Это существо передвигалось с таким же трудом, как и я, и смотрело на меня с ужасом, словно увидело оживший кошмар.

— Нет! — пронзительно крикнула, почти взвизгнула она.

Пусть даже я теперь потерял бы ее, до нее оставался всего один шаг.

— Я же Кемок!

— Но Динзиль говорил... в тебе нет зла, ты не можешь быть таким отвратительным. Я же знаю тебя... твои мысли, твою душу...

Я вспомнил, как Динзиль злорадно объяснил мне, что здесь человек выворачивается наизнанку и взгляду открывается его душа. Но я знал, что он лжет. Если то же самое он сказал Каттее, и она поверила, то надо было как можно скорее переубедить ее, иначе мы оба пропали.

— Думай самостоятельно, не считай мысли Динзиля своими!

Не слишком ли я резок, не решит ли она снова, под воздействием его колдовства, что мной движет ревность?

Я протянул к ней лапу, в которой проступала рука. Каттея смотрела на нее, не отрываясь, широко раскрытыми глазами. Я хотел дотронуться до ее волос. Каттея отпрянула, но я крепко схватил ее за руку и потащил к зеркалу. Я не знал, увидит ли она то же, что и я, но изо всех сил сжимал рукоять меча, горячо желая, чтобы она увидела.

— Нет! Нет! — она вырвалась и отшатнулась от зеркала. — Я пропала... пропала... — она повернула голову, которая теперь была то гладким овалом без лица, то снова ее собственной головой, и посмотрела на меня. — Это из-за тебя... ты все испортил... Динзиль предупреждал... Я пропала! — в отчаянии она ломала руки; никогда в жизни я не видел сестру такой несчастной и потерянной. — Динзиль! — она оглядывалась по сторонам. — Прости! Спаси меня! Спаси меня! — со страстной мольбой твердила она.

Мне было мучительно больно видеть ее сломленной. Та Каттея, которую я знал прежде, могла глубоко страдать, но всегда боролась до конца и ни перед кем не унижалась.

— Каттея, — я снова протянул к ней лапу, но она отступала все дальше, глядя на меня безумными глазами, заслоняясь руками. — Каттея, опомнись!

Что мне было делать? Прибегнуть к заклинанию означало сильнее связать себя с этим миром, но другого выхода не было, иначе я окончательно потерял бы сестру.

Я протянул между нами меч и произнес слово. Опять вспыхнул огонь, обжигая меня, но я крепко держал этот стержень золотого пламени.

— Каттея, разве в тебе гнездится зло? Колдуньи часто проверяют свое душевное состояние, свои побуждения — они знают, сколько ловушек подстерегает тех, кто протягивает руки к колдовству. Ты долго жила среди колдуний, и твое нежелание остаться с ними происходило не от зла в тебе, а от того, что у тебя были другие, более прочные узы. А с тех пор, как ты покинула Эсткарп и оказалась в Эскоре, разве ты совершила или помышляла совершить какое-то зло?

Да слушала ли она меня? Она стояла, прикрыв лицо руками, но не прикасаясь к нему, словно боясь, что это уже не человеческая плоть.

— Нет, Каттея, в тебе нет зла, я никогда в это не поверю! А если так, то разве ты увидела сейчас свою внутреннюю сущность? Это только наваждение — те, кто обитают здесь, пользуются им на каждом шагу. Тебя заколдовали, как и меня.

— Но Динзиль... — мысленно начала она.

— Он в своей стихии, он стал с нею един. Он сказал мне, что ты перестанешь быть чудовищем, когда станешь частью этого мира и орудием в его руках. Ты этого хочешь, Каттея?

Она дрожала всем своим приземистым отвратительным телом. Лицо ее постепенно исчезало, теряя черты, и я увидел безобразную голову с пустыми глазницами, принадлежавшую чудовищной плакальщице.

— Я чудовище... я погибла...

— Ты обитаешь в оболочке, которую тебе здесь навязали. Есть силы, способные сделать прекрасное отвратительным, а отвратительное прекрасным.

Теперь она, кажется, слушала. Медленно потянулась ко мне ее мысль:

— Чего ты хочешь от меня? Зачем ты пришел мучить меня воспоминаниями?

— Пойдем со мной!

— Куда?

И правда, куда? Можно было снова пересечь пространство, населенное цветовыми вспышками, пройти через пролом в стене из драгоценных камней, миновать плачущее чудовище. А куда потом? Смогу ли я найти выход из Башни? Я не был в этом уверен, и Каттея, почувствовав мою неуверенность, ухватилась за нее.

— Пойти с тобой? Когда я спрашиваю, куда, — тебе нечего ответить. Что же мы, по-твоему, будем делать, брат? Бродить здесь, где повсюду таятся опасности, которых ты и вообразить себе не можешь? Не сомневайся, Динзиль начнет нас искать.

— Где он сейчас?

— Где он сейчас? — взвизгнула она, передразнивая меня. — Ты боишься, что он явится сюда?

Потом она вдруг смягчилась, и между нами снова прошел прежний поток тепла.

— Кемок!

— Да?

— Кемок, что случилось с нами, со мной? — она говорила совсем как ребенок, сбитый с толку тем, что он видит и чувствует.

— Здешний мир чужд нам, Каттея, и стремится переделать нас по своему образу и подобию. Должен же быть какой-то выход отсюда... Ты не знаешь, где выход?

Голова, на которой почти исчезли черты ее лица, медленно повернулась, словно Каттея впервые огляделась вокруг:

— Я попала сюда...

— Как?

Я понимал, что нельзя слишком давить на нее, но если ей известна дверь Динзиля между мирами, и это не та дверь, через которую проник я, тогда у нас была надежда спастись.

— По-моему, — рука, которая еще была человеческой, неуверенно поднялась к голове. Каттея неуклюже повернулась к стене, завешанной гобеленом. — Вот здесь...

Она проковыляла к стене, взялась за край гобелена и приподняла его. В каменной поверхности горел пурпурно-красным светом какой-то знак. Я видел его впервые, хотя однажды встречал отдаленно похожий, и теперь понял, что передо мной знак такой силы, какую я не осмелился бы вызвать.

Я почувствовал, что мысли моей сестры сжались в какое-то с л о в о. Я не успел остановить ее, знак в камне стал извиваться, словно отвратительная змея, ползущая по кругу. Я отвернулся, содрогаясь от омерзения, подавленный тем, что Каттея знает это с л о в о. Затем каменные плиты расступились, и только горящие извивающиеся линии бежали и бежали, расплескивая на пол огонь лужей цвета тусклого расплавленного металла.

Я оттащил Каттею от лужи. Впереди зияла разверзшаяся бездна — такая же, как в той, первой Башне, через которую я попал сюда.

— Дверь открыта, — к Каттее вернулась ее холодная самоуверенность. — Иди, Кемок! Ради всего, что когда-то нас связывало, — иди!

Я стоял, обхватив Каттею за плечи лапой, на которой был заколдованный Орсией шарф, другой лапой сжимая рукоять меча. Каттея не успела вырваться — увлекая ее за собой всем своим весом, я бросился вперед. Я не знал, действительно ли это дверь Динзиля, но это был единственный выход для нас обоих.

Мы падали... падали... Я отпустил Каттею. Мысль о том, что она со мной, я нес с собой в никуда.

Я очнулся оглушенный, чувствуя боль во всем теле. Я лежал ничком на холодном каменном полу. Приподняв голову, я огляделся. Здесь не было цветовых сполохов, я увидел мрачные каменные стены и подумал, что Динзиль каким-то образом снова заключил меня в темницу. Меч... где меч?

Слабый свет исходил от моей лапы... Лапы? Значит, мне не удалось выбраться из того мира. На меня навалилось безграничное отчаяние.

Но... Я с трудом приподнял голову повыше: лапа была в конце руки, человеческой руки! На руке возле локтя виднелся небольшой шрам, я помнил бой, в котором его получил.

Я поднялся на колени и окинул взглядом свое тело. Это было мое собственное человеческое тело, прикрытое остатками одежды. Но лапы... Я не сразу решился дотронуться ими до лица, боясь, что на него перейдет их скверна, хотя все еще не мог поверить, что больше не ношу на плечах жабью голову.

Позади меня во мраке что-то зашевелилось. Таща за собой меч, я на четвереньках подполз туда и увидел женское тело в одежде для верховой езды жительницы Долины. Тонкие нежные руки заканчивались бурыми лапами, еще более уродливыми, чем мои. Бурая голова, голая, гладкая — ни волос, ни лица, только глазные впадины. При моем приближении это жуткое подобие головы покачнулось, и глазницы уставились на меня.

— Каттея! — я потянулся к ней, но она отстранилась от меня. Только выставила вперед свои лапы, словно хотела подчеркнуть их чудовищный вид, а потом заслонилась ими.

Не знаю, что меня толкнуло, но я потянул за конец шарфа, обвязанного вокруг моей руки — он уже больше не был полосой света — и, сняв, протянул его Каттее.

Глазницы уставились на шарф. Потом Каттея выхватила его у меня и обмотала им голову, оставив лишь узкую щель для глазниц.

Я снова огляделся. Мы были или в Башне или в ее двойнике и сидели на полу возле спускающейся вниз крутой лестницы. Дверные проемы, ведущие в другие миры, были закрыты, но я решил, что надо поскорее уходить, и повернулся к сестре.

— Пойдем...

— Куда? — мысленно спросила она. — Куда я такая пойду, как я покажусь людям?

Я со страхом подумал: а что если мы действительно теперь навсегда останемся такими?

— Пойдем...

Я помог ей встать, мы друг за другом спустились по этой опасной лестнице и оказались у начала подземного коридора в основании кургана. Снова на мече выступили красные руны. Но я устремился вперед, увлекая за собой Каттею. Она шла молча, двигаясь как сомнамбула, не заботясь, куда она идет и зачем.

Мы вышли наружу в серый дождливый день. Перед нами лежала изборожденная колеями дорога.

Ум Каттеи не открывался мне, как ни старался я заинтересовать ее в нашем побеге. Между нами возник непроницаемый барьер. Я следил за мечом, но руны, погасшие, когда мы вышли из кургана, больше не вспыхивали. Мы спустились во впадину и поднялись по противоположному склону. Я окинул взглядом открывшуюся впереди местность, ища знакомые ориентиры. Точно, вон там я сразил чудовище — одного из стражей Черной Башни.

Голод, который я едва осознавал в том, другом мире, теперь стал мучительным, я вынул из поясной сумки корни, которые дала мне Орсия, и протянул один Каттее.

— Ешь, они вкусные... и хорошо сохранились, — сказал я.

Неожиданно она выбила корень у меня из рук, он покатился и исчез в трещине между камней. Нас по-прежнему разделяла стена отчужденности. Я так ненавидел Динзиля, что если бы он теперь стоял передо мной, я бросился бы на него, как дикий зверь, и разорвал на куски.

Каттея шла, спотыкаясь, я хотел поддержать ее, но она с силой оттолкнула меня. Я упал, а она, шатаясь, пошла назад к Башне...

Я догнал ее и повернул обратно, на этот раз у нее не хватило сил сопротивляться — я крепко держал ее, готовый к любой новой выходке.

Мы спускались по неровному склону. Местность была пустынная, нам не попадалось ни одного живого существа, и руны на мече не загорались. Мне показалось, я узнал кусты впереди, хотя теперь они не

были окутаны туманом. Наконец мы достигли протока и подводного уступа, возле которого я расстался с Орсией. Я надеялся увидеть ее на том же месте ждущей меня и, когда ее не оказалось, ощутил волну разочарования.

— Зря ты понадеялся на водяную девчонку, мой глупый брат, — вонзилась мне в мозг жестокая мысль этой новой Каттеи. — Но ей повезло.

— Что ты хочешь этим сказать?

В мозгу у меня раздался ее смех. Я был поражен: так смеялся только Динзиль.

— Просто, бесценный мой братец, я могла бы кое о чем попросить тебя — вряд ли ты смог бы мне отказать, — и вот тогда бы ей не повезло.

— Что ты хочешь сказать? — повторил я, но опять наткнулся на барьер. Только этот жуткий смех звучал у меня в голове. Я понял, что потерял Каттею, хотя она и шла рядом со мной.

Наш путь лежал по протоку, а дальше — по реке. Теперь я знал дорогу и мог идти без Орсии, но я беспокоился за нее. Хорошо, если она просто предусмотрительно ушла в безопасное место, а не стала жертвой какой-нибудь злой силы, бродящей в этих местах.

Близилась ночь. Мы дошли до заброшенного жилища аспта, и я уговорил Каттею залезть внутрь. Она устроилась во мраке у противоположной стены, как можно дальше от меня.

— Каттея, пойми, живущие в Долине знают намного больше нашего. Они помогут тебе — они придумают, что делать.

— Кемок, я и сама знаю, что делать! Но для этого мне нужна твоя водяная девчонка. А если не она, так другая. Но и она как раз подойдет. Приведи ее ко мне или меня к ней, и мы славно поколдуем — ты удивишься, Кемок, ведь ты думаешь, что постиг тайную мудрость, а сам только долбишь заученное — жалкие обрывки, которыми гнушаются те, кто истинно велик.

Я почти потерял терпение:

— Такие, как Динзиль, наверное?

Она долго не отвечала, затем в голове у меня снова зазвучал тот смех:

— Динзиль? Да, он хочет взобраться по тучам на небо. Он многого хочет, но получится ли у него хоть что-нибудь, это другой вопрос, и с этим он должен считаться. Знаешь, Кемок, я возненавидела тебя за то, что ты вырвал меня из того мира. Но теперь я вижу, что, пожалуй, все к лучшему. Там я зависела от Динзиля — ты не зря боялся этого. Твои услуги, дражайший брат, будут вознаграждены, — голова, обмотанная зеленым шарфом, кивнула.

Я похолодел при мысли о том, что за существо поселилось в Каттее. Может ли оно быть изгнано? Я вспомнил о двух жребиях Лоскиты, в которых сестра была заодно с врагом, и подумал, что лучше бы она умерла.

Но человеку свойственно цепляться за надежду: если бы только привести ее в Долину, размышлял я, там уж наверняка сумеют не только вернуть ей прежний облик, но и изгнать вселившееся в нее чудовище.

— Спи, Кемок. Клянусь тебе, я не убегу. Теперь мне ничего другого не надо, кроме как идти туда, куда идешь ты.

Я чувствовал, что она не лжет, но это не успокаивало меня. Я не знал, уснула ли Каттея, но она лежала не двигаясь, положив повязанную голову на руку. Наконец усталость взяла свое, и я провалился в сон.

17

С рассветом мы выползли из своего убежища. Я снова предложил Каттее корней, но она отказалась, объяснив, что не ест такое, и снова установила непроницаемый барьер, однако пошла дальше без принуждения.

Над протоком клубился туман, я был рад этому: проток служил нам дорогой, а туман скрывал нас от посторонних глаз. Я прислушивался и всматривался вперед — не послала ли Орсия нам навстречу Кофи. Правда, она могла и не верить в мое возвращение,

считая мой поход в Черную Башню безнадежной затеей...

Листва деревьев, местами смутно проступавшая сквозь туман, поредела, тронутая дыханием осени. Было холодно, и я подумал, что не за горами зима. Я дрожал, и сейчас мне очень пригодился бы плащ, из которого я сделал чучело.

То и дело я поглядывал на меч — нет ли на нем рун. Туман странным образом скрадывал звуки, и только меч мог предупредить нас об опасности.

Мы могли бы добираться по воде до самых гор, но возвращаться по подземным туннелям — нет, это было бы безрассудством.

Продолжать путь по суше тоже было слишком рискованно, но я знал, что этого не избежать.

Опять послышался тихий, издевательский смех. Быстро повернув голову, я посмотрел на Каттею.

— Боишься, что мы не попадем в Долину, мой дорогой брат? Ты наделен немалым даром предвидения. Но не забывай, ты идешь со мной, и я могу показать тебе чудеса, о которых ни твоя водяная девчонка, ни колдуньи Эсткарпа никогда слыхом не слыхивали. Не волнуйся, мы вернемся в Долину; раз мы оба этого хотим, значит, так оно и будет.

Снова то же высокомерие, самонадеянность и насмешливый тон. При этом я почувствовал, что она действительно знает, о чем говорит. Однако я не хотел никакой помощи от нее, тогда как помощь Орсии принял бы с радостью.

— Что это? — отвернув от меня свою обмотанную шарфом голову, Каттея не отрываясь смотрела на воду, туда, где сквозь туман виднелось какое-то странное волнение.

— Кофи! — воскликнул я, и мысленно позвал: — Орсия!

Никто не откликнулся.

Послышались всплески, мерфей шел по мелководью нам навстречу.

— Что это? — снова спросила Каттея. — Мысленно я ничего не улавливаю, но там что-то живое.

— Это мерфей. Он был нашим проводником.

— Друг твоей водяной девчонки? — Каттея остановилась, словно не хотела к нему приближаться.

То, как она называла Орсию, раздражало меня.

— Ее зовут Орсия, и она тоже обладает Силой. Орсия помогла мне найти тебя, — сказал я резко

— Орсия, — повторила Каттея. — Что ж, извини, брат. Пусть будет Орсия. Значит, она помогла тебе отыскать меня? Это я тоже запомню. Ее магия в шарфе... Ну, а этот Кофи? Что от него толку — ведь мы же не видим его и нам не установить с ним мысленный контакт. Может быть, он хочет нам что-то сообщить?

— Думаю, что да.

Я опустился на мелководье на колено и протянул вперед руку — то есть лапу — как делал это, когда Орсия помогла мне увидеть Кофи. Всплески приблизились, но никакого прикосновения я не почувствовал, наверное, Кофи не решился дотронуться до того, что теперь служило мне рукой. Я не мог винить его за это, но надеялся, что он воспримет мой жест, как приветствие.

Невидимый Кофи стал удаляться вниз по течению. Я не знал, то ли он не хочет больше иметь с нами дело, то ли снова собирается вести нас за собой, однако я надеялся на второе.

Наверное, так оно и было — Кофи не удалялся, а приноравливаясь к нам, поджидал нас, хотя и на почтительном расстоянии. Один раз на мече проступили руны, и я жестом остановил Каттею, прислушиваясь и всматриваясь в густую завесу тумана. Послышалось приглушенное карканье и какие-то крики. Затем все стихло. Мы стояли, не шелохнувшись; руны постепенно пропали.

— Это он, — уловил я мысль Каттеи.

Для меня теперь был только один «он».

— Динзиль? Он преследует нас?

Она опять расхохоталась:

— Неужели ты думаешь, что он так просто отпустил меня? После всего, что он сделал, чтобы добиться от меня помощи? Я думаю, теперь Динзиль нуждается во мне больше, чем я в нем. Значит, мы сможем с ним договориться.

— Договориться?

— Я не хочу оставаться таким чудовищем ни в этом, ни в каком другом мире, Кемок! — не самоуверенность, а отчаяние и гнев уловил я на этот раз.

— Но что же ты можешь поделать? — спросил я, понимая, что причиняю ей боль, и все-таки желая выведать, что, по ее мнению, может предпринять Динзиль и чего ждать от нее самой. Я больше не доверял Каттее — э т о й Каттее.

— Я знаю, что делать. Но Динзиль способен на все. Обратной дороги мне не будет. И кроме того... — она оборвала свою мысль, и между нами снова возник барьер.

Холод пронизывал мое полуголое тело, меня била дрожь. Каттея повернулась ко мне узкой щелью, через которую смотрела, и показала на росший рядом тростник.

— Принеси-ка мне вот это.

Я нарвал непослушными лапами большую охапку и протянул ей. Держа тростник на вытянутых руках, она наклонила голову и подышала на него. Хотя между нами был барьер, я ощутил, как от ее колдовства распространяется волна какого-то смутного беспокойства. Стебли тростника вытянулись, стали расплываться и слились друг с другом. Каттея протянула мне толстую куртку на вате, какие мы носили в Эсткарпе осенью. Надев ее, я почувствовал, что она не только защищает от холода и сырости, но излучает тепло — меня словно согрело весеннее солнце.

— Видишь, без колдовства не обойтись даже в мелочах, а не только в главном, — долетела до меня мысль Каттеи.

Я потрогал куртку — обычная, самая настоящая куртка. Мне оставалось лишь надеяться, что чары продлятся подольше. Каттея ответила на мою мысль:

— Куртка послужит, сколько потребуется, тебе будет в ней удобно и уютно.

Мы добрались до реки, туман рассеивался. Я настороженно следил за мечом, но Каттея уверенно шла по мелководью, как человек, которому нечего бояться. Впереди, рассекая воду, плыл незримый Кофи.

Тишину снова нарушили какие-то отдаленные звуки, и я прислушался: на этот раз не карканье, а лай — так лаяли, преследуя жертву, гончие, которыми ализонцы травили людей.

— Сарны... — встрепенулась Каттея.

Я не мог видеть выражения ее лица, но почувствовал, что она взволнована — не так, как если бы ей угрожала опасность, а как сторонний наблюдатель. Похоже, она была уверена, что Динзиль слишком дорожит ею, и ей незачем опасаться встречи с этой сворой.

— Динзиль знает, чего хочет. — Она снова отвечала на мои мысли. — Он не пойдет на приступ небес, пока хорошенько не подготовится. Для достижения своих целей он использовал разные средства, но с Силой из Эсткарпа имеет дело впервые. Тут ему не избежать неожиданностей.

Лай все приближался. Я увидел, как треугольник рассекаемой мерфеем воды устремился к противоположному берегу. Зашевелилась трава — Кофи прятался. Я огляделся: нам укрыться было негде. Мы могли уйти на глубину и попробовать отсидеться под водой, но Каттея решительно воспротивилась.

— Это твоя Орсия любит хорониться в илистых ямах и ползать по дну. Но я не Орсия, у меня не жабры, а легкие. Да и у тебя тоже, дорогой брат. А что это у тебя за меч?.. — Она протянула к нему лапу и тут же, вскрикнув, отдернула, прижав ее к груди и поглаживая. — Что это?

— Оружие и талисман.

У меня почему-то не было желания рассказывать ей, откуда у меня меч и чем я ему обязан.

На нем проступили руны, все ярче разгораясь на золотистом фоне. Не в первый раз пожалел я, что не могу их прочесть и узнать, насколько на самом деле велики возможности меча, чтобы при случае использовать его в полную силу, а не действовать наугад.

У подножия скал на противоположном берегу появилось какое-то движение. Я попытался столкнуть Каттею на глубину, но она увернулась и встала в стороне, спокойно поджидая тех, кто издалека направлялся к нам. Мне волей-неволей пришлось ос-

таться рядом с ней. Я сжимал рукоять меча; руны словно налились кровью, которая, казалось, вот-вот закапает в воду.

Они приближались: впереди трусили трое серых — это их лай мы слышали. За ними скакали всадники — такие же, как меченосцы, захватившие Орсию, а следом — еще двое, вроде тех, что метали молнии, помогая расправе с кроганами.

Снова в мозгу у меня раздался жуткий смех Каттеи:

— Жалкая кучка, и они еще думают с нами тягаться! Динзиль слишком забылся — так оскорбить меня!

Она повернулась к приближавшимся и начала медленно разматывать шарф, закрывавший ее ужасную голову. Рукоять моего меча сильно нагрелась.

Из клыкастых разинутых пастей серых сочилась слюна, глаза зловеще вспыхивали красным. Всадники позади осадили скакунов и поехали шагом. Животные, на которых они сидели, были похожи не на рентанов, а скорее на лошадей Эсткарпа, только крупнее и мощнее. Вороные, без сбруи, они заставили меня вспомнить кеплиана — демонического жеребца, который чуть не погубил Килана.

Они достигли реки и, остановившись, смотрели на нас. Серые сели у кромки воды, остальные выстроились в ряд позади них. Меченосцы, как и Динзиль, походили на представителей древней расы — во всяком случае, ничем не выделялись бы среди них. Но двое с огненными посохами отличались от остальных всадников сложением, а лица их скрывали капюшоны. Я заметил у них лапы — такие, как теперь были у меня, и подумал, что если сдернуть капюшоны, то под ними наверняка окажутся жабьи головы. Должно быть, Динзиль вызвал своих приспешников из того жуткого мира, входом в который служила Черная Башня.

Шарф спал с головы Каттеи. Ее чудовищное «лицо» безжалостно открылось взгляду при свете дня. Впервые я увидел его так отчетливо и невольно отшатнулся, хотя тотчас преодолел себя.

Ни рта, ни носа — только пустые глазницы на гладкой бурой голове. Я вспомнил прекрасное лицо

сестры и понял, что такое несчастье могло повлиять на ее рассудок, и что пытаясь вернуть себе прежний облик, она в самом деле пойдет на все.

Серые не решались войти в воду, и я вспомнил, что, по словам Орсии, текущая вода отпугивает некоторые злые силы. Но я видел, как оружие таких тварей в капюшонах плевало огнем через реку, и напряженно ждал, что оно вот-вот будет нацелено в нашу сторону.

Каттея протянула перед собой руки и стала медленно водить ими, словно подавала знаки стоящим на противоположном берегу. При этом она мысленно что-то произносила. Мой мозг пронзила нечеловеческая боль, я хотел бежать прочь, но от меча по моей руке стало подниматься тепло, оно дошло до мозга и установило там защитный барьер, непроницаемый для сил, которые призывала Каттея, и я стал нечувствителен к их воздействию.

Серые, запрокинув головы, дико, отчаянно взвыли, начали биться и стенать, как проклятые и обреченные, потом заметались по берегу и, наконец, бросились прочь от реки и исчезли среди скал.

Кеплианы заржали, встали на дыбы и помчались вслед за серыми. Некоторые сбросили своих седоков, и они лежали на земле ничком, не шевелясь, словно сраженные насмерть. Только двое в капюшонах, соскользнув со своих несчастных скакунов, умчавшихся прочь, стояли рядом, наблюдая за Каттеей. Но они не двигались и не наводили на нас свое оружие.

Руки сестры упали вниз. Я различил поток ее мыслей:

— Передайте вашему властелину: там, где летает орел, ястреб не охотится. Пусть больше не посылает за мной свой жалкий сброд. Если он хочет мне что-то сказать, пусть говорит, как раньше, — сам, стоя передо мной и глядя мне в лицо. — Она расхохоталась. — Расскажите ему, что вы видели. Пусть задумается, ведь мы можем договориться.

Они никак не прореагировали на это — просто повернулись и пошли прочь, не оборачиваясь, явно не опасаясь удара сзади. Каттея снова обмотала голову шарфом.

— Ты бросила Динзилю вызов, — сказал я вслух.

— Да, — отозвалась Каттея. — Вряд ли он еще раз пошлет в погоню за нами своих ничтожных прихвостней. Славно сбежали его рабы! Он явится сам, в полной силе, которой, как ему кажется, он обладает.

— Но...

— Но этого-то ты и боишься, брат? Напрасно. Динзиль думал, что сделает меня своим орудием, чем-то вроде железных щипцов, которыми вынимают из огня горячие угли. На время, — она засунула концы шарфа за пазуху, чтобы они не свисали, — ему, может быть, это отчасти и удалось. Но, знаешь, он раскрыл передо мной все свои знания. А поскольку я прошла хорошую школу у колдуний, мне удалось влить эти знания в другой сосуд, неизвестный ему. Пусть видит, как я сильна, и ему еще больше захочется иметь с нами дело. Ну что, пошли? — повернув обмотанную шарфом голову, она огляделась вокруг. — Я не хочу идти по воде. Думаю, нас уже больше не побеспокоят. Долина там, — она кивнула налево.

— Откуда ты знаешь?

Ее самонадеянность и высокомерие раздражали меня. Она поигрывала своими мыслями, как охотник хлыстом. Да, это была уже совсем не та Каттея, которую я знал всю жизнь.

— Долина — обиталище силы, ведь правда? А потому от нее исходит сигнал ко всем, кто способен его воспринять. Попробуй сам, брат, с помощью твоего таинственного меча.

Поддавшись ее влиянию, я поднял меч, держа его свободно, чтобы проверить, может ли он служить указателем. Могу поклясться, я не наклонял его, но он действительно указал в том же направлении, что и Каттея.

Мы пошли прочь от реки — я не хотел этого, но рано или поздно нам все равно пришлось бы это сделать, чтобы не идти через подземные туннели.

Мы быстро миновали полосу прибрежных зарослей и вышли на холмистое пространство, покрытое каменными глыбами. Каттея шла вперед уверенно, без всякой опаски, но я держал меч наготове и, когда заго-

рались руны, заставлял ее обходить подозрительные места. Вскоре я заметил, что справа и слева от нас и за нами по пятам крадутся какие-то призрачные существа. В некоторых я сразу узнал прислужников зла, других видел впервые. Многие из них выглядели отвратительно. Возможно, это было наваждение, но сколько ни старался, я не мог его преодолеть.

Никто из них не мешал нам идти вперед, но они в любой момент могли наброситься на нас по приказу своего повелителя, и я ждал, что вот-вот появится сам Динзиль, принявший вызов Каттеи.

Я был плохо снаряжен для схватки с ним. У меня было только одно оружие на крайний случай, как сказала Орсия, — те с л о в а из Лормта, на которые последовал о т в е т. Я мог снова воззвать к той силе, которая о т в е т и л а тогда. Но это был риск, на который можно пойти только от безысходности.

В этих безжизненных местах нам попадались участки плодородной почвы — в основном возле родника или ручейка, или озерца, словно вода сдерживала зло, произведшее здесь такие разрушения. Идти было трудно: как мне удалось некогда разглядеть сквозь дымку с выступа скалы, местность была разбитой и изломанной, гребни каменных глыб перемежались с узкими впадинами, и мы постоянно то куда-то карабкались, то спускались вниз, то снова поднимались наверх. Каттея явно не сомневалась в правильности выбранного направления, и все время забирала влево. Наконец, в подтверждение ее правоты, я увидел горы.

Мы остановились возле небольшого озерца. Я съел один из оставшихся корней, которые дала мне Орсия, хотя был так голоден, что мог бы съесть их все. Каттея, как и прежде, отказалась от пищи. Она сидела, прислонившись спиной к каменной глыбе, и смотрела на воду.

Меня не покидало ощущение, что за нами со всех сторон наблюдают.

— Надо найти место для ночевки, — попытался я нащупать обыденную тему для разговора с этой чужачкой, которая, как ни трудно мне было поверить, доводилась мне сестрой.

— Да, конечно, и... — ее мысль прервалась. — Если все пойдет хорошо, мы найдем по дороге то, что нам так необходимо. Но нельзя терять времени.

Каттея встала и пошла мимо озерца по выемке среди глыб. Я двинулся вслед за ней и вдруг увидел на влажной земле клинообразные отпечатки ног с едва намеченными вмятинами от пальцев. Я сразу узнал эти следы: они принадлежали кому-то из крогановъ! Следы вели прочь от озерца — прочь от воды! — что было очень странно.

Орсия? Но разве мог я быть в этом уверен? Если крогаиы вступили в союз с Тьмой, что вполне могло произойти за это время, то кто-то из них мог быть среди тех, кто теперь следил за нами. Только почему же следы вели не к озерцу, а в противоположную сторону? Ведь крогаиы так боятся отрываться от воды. Поблизости не было больше ничьих следов, и я не мог предположить, что крогана увели насильно или преследованием вынудили удалиться от озерца.

Те же следы, хотя и менее отчетливые, виднелись среди камней на сухой земле. Кто-то из крогановъ неизвестно почему, против своей природы и привычки, проделывал тот же путь, что и мы сейчас. Дважды опускался я на колени, чтобы получше рассмотреть следы, думая, что ошибся, и один раз коснулся отпечатка острием меча, проверяя, не появятся ли руны — следы могли быть наваждением. Но руны не вспыхнули.

Сгущались сумерки. Мы достигли поднимающегося в гору узкого прохода в нагромождении каменных глыб, и Каттея без колебаний вошла в него. Те же следы виднелись и здесь, но по ним было заметно, что оставивший их шел уже с трудом. Была ли впереди вода? Если так, я надеялся, что неизвестному бедняге удалось до нее добраться.

Вдруг вдали во мраке я увидел проблеск белого огня. Это мог быть только жезл Орсии, защищавший ее от злых сил. Орсия вдали от воды — но почему?

— Потому что она нам нужна, брат! — впервые за долгое время достигла меня мысль Каттеи. — В этом шарфе ее магическая сила, а значит, это дорога в обе стороны. Я знала: если в шарф обернуть что-то, при-

надлежащее мне, я смогу отыскать девчонку — и теперь она ждет нас.

— Но здесь же нет воды! Она кроганка, ей нельзя без воды!

— Не беспокойся, сейчас вода ей уже не понадобится.

Я валился с ног от усталости, но, забыв обо всем, спотыкаясь, бросился вперед. Я подбежал туда, где в песке стоял, слабо мерцая, рог единорога. Возле него лежала Орсия. Она слабо пошевелилась, когда я опустился рядом с ней на колени. Воды! Но у меня не было ни капли этой драгоценной жидкости. Нести Орсию обратно во тьме, по бесконечным подъемам и спускам к озерцу, где я впервые заметил ее следы? Это была бы почти безнадежная попытка, но в отчаянии я готов был на все.

— В этом нет необходимости, — Каттея стояла над нами обоими, пристально глядя на нас сверху вниз. — Все, что надо, можно сделать здесь, сейчас же.

— Здесь нет воды, без воды она умрет!

Каттея медленно разматывала шарф. Орсия повернула к ней голову, лежавшую у меня на руке. Я почувствовал желание закрыть ей глаза, чтобы она не смотрела на чудовище, в которое превратилась моя сестра.

— Да, чудовище...

Мне стало стыдно, что сестра прочла эту мысль.

— Но теперь у нас есть средство... Ты должен сделать это для меня, Кемок. Я знаю, ты сделаешь... сделаешь... сделаешь... — она словно вколачивала в мой мозг это слово, и я почувствовал, что не смогу противиться ее воле.

— Возьми свой добрый меч, Кемок, и дай мне крови... крови, чтобы смыть злые чары, чтобы снова стать Каттеей.

— Крови?! — я в ужасе вышел из оцепенения.

— Крови! — она наклонилась ближе, протягивая к Орсии лапы. — Убей водяную девчонку, мне нужна ее кровь! Или ты хочешь, чтобы я осталась чудовищем до конца своих дней?

Неотразимо властным тоном Каттея говорила еще что-то, и я поднял меч. На нем полыхали руны, руко-

ять обжигала мне лапу. Я посмотрел на Орсию: она вглядывалась в мое лицо, но не молила о пощаде, и в ее больших глазах был не страх, а только терпеливое ожидание неизбежного.

Я вскрикнул и воткнул меч в землю — он встал, дрожа, между нами и Каттеей. Она издала жуткий стон, от которого я содрогнулся — для нее я был предателем, отнявшим у нее единственную надежду. Эта ее боль помогла мне почувствовать в ней прежнюю Каттею. Сжавшись, заслонившись руками, она отвернулась от нас.

Я опустил Орсию на землю и взялся за рукоять меча.

— Если тебе нужна кровь... — начал я, направляя острие меча себе в грудь.

Но Каттея не слушала меня. Она вдруг расхохоталась своим зловещим смехом и бросилась прочь в темноту.

— Хорошо же! Пусть так! Я сделаю по-другому, но ты еще пожалеешь об этом, Кемок Трегарт! — донеслась до меня ее мысль.

18

Я хотел броситься вслед за ней, но Орсия схватила меня за ногу, и я упал. Я повернулся, пытаясь освободиться, но она из последних сил держала меня:

— Не надо!.. Не ходи, Кемок!.. Она уже не та... не твоя сестра... Она привела бы тебя... прямо к ним!.. Посмотри на меч!

Пытаясь разжать ее руку, я посмотрел на лежавший рядом меч, острием указывавший во мрак, туда, где скрылась Каттея. Никогда еще руны не горели так ярко.

— Но там же Каттея! — наконец я разжал ее пальцы. — Нас преследовали силы Тьмы.

— Это уже не та Каттея... — слабо повторила Орсия. Глаза ее закрылись, и она с трудом приоткрыла их вновь. — Подумай, Кемок... разве та, к кому ты был... так привязан, могла бы... потребовать от тебя такое?

— Но почему, почему она это сделала? — я сжимал рукоять меча, однако уже не порывался бежать за Каттеей, ко мне вернулась способность рассуждать.

— Потому что... кровь — это жизнь, Кемок. Есть нечисть, которая... пьет кровь лучших из своих жертв... чтобы обладать их жизненной силой... и смелостью. А разве воины... не смешивают кровь друг друга... чтобы стать братьями?

— Да, у сулькарцев есть такой обычай.

— Твоя сестра... меченая, на ней лежит... печать другого мира... Каттея не обретет целиком свой... прежний облик, пока кровь... не вернет ее полностью в этот мир... Кемок! Что у тебя... с руками?!

Она не отрываясь смотрела на мои лапы. Я поднес их поближе к свету, льющемуся от рога, чтобы она могла получше их рассмотреть.

— На мне тоже печать. Но Каттея страдает неизмеримо больше. Быть прекрасной девушкой, а потом однажды вдруг взглянуть на себя в зеркало и... увидеть такое! От этого можно лишиться рассудка!

— Да, правда... — прошептала Орсия. — Скажи... ведь это она... колдовством завлекла меня сюда?

— Да.

Я оторвал взгляд от своих лап и, посмотрев на кроганку, вышел из задумчивости. Воды... Орсия умрет без воды. Если бы я пошел за Каттеей, Орсия погибла бы в этой каменной пустыне так же неминуемо, как если бы я выполнил требование сестры. Если я не мог убить Орсию ударом меча, то тем более не мог оставить ее умирать мучительной медленной смертью.

— Воды! — в отчаянии я огляделся вокруг, словно ожидая, что по моему слову из какой-нибудь глыбы забьет фонтан или водопад. — Скорее назад к озерцу, — подумал я, хотя понимал, что это невыполнимо. Даже если бы я нашел в темноте путь назад, Орсия наверняка умерла бы у меня на руках, прежде чем мы добрались бы до цели. К тому же на обратном пути нас могла поджидать та разношерстная шайка, что следила за нами с Каттеей.

— Через перевал... — раздался у меня в голове мысленный шепот Орсии.

Я посмотрел вперед: проход среди каменных глыб круто поднимался вверх. Такое восхождение в темноте...

Орсия с усилием потянулась к рогу. Я хотел было взять его, чтобы подать ей, но она встрепенулась:

— Нет... если ты прикоснешься к нему... сила уйдет. Помоги мне... взять его.

Я поддержал Орсию, и ее слабеющие пальцы сомкнулись на роге. Я повесил меч на пояс и, встав, поднял Орсию на руки. Рог опирался ей на грудь, и от него исходило уже не тусклое мерцание свечи, а сияние, раздвигавшее мрак на несколько шагов вперед.

Это была ночь страха, отчаяния, борьбы и упорства. Орсия каким-то образом еще держалась за жизнь, и я, спотыкаясь и едва не падая, из последних сил продолжал восхождение. На мече то и дело загорались руны, но я на свой страх и риск шел, не останавливаясь — каждая потерянная минута могла стоить Орсии жизни.

Небо уже бледнело, начинало светать, когда я, шатаясь, достиг перевала и окинул взглядом уходившее под уклон пустынное, заваленное каменными глыбами пространство. Где-то внизу была Долина. Но сейчас нам требовалось только одно — вода.

— Вода... — вырвалось у Орсии не как стон отчаяния, а как радостный вздох облегчения. — Теперь налево...

Едва переставляя ноги, я двинулся налево вниз по склону, продираясь сквозь кусты. Я совсем обессилел, и если бы упал, вряд ли смог бы снова подняться. Но когда я споткнулся и почти рухнул вперед вместе со своей ношей, то увидел рядом небольшое озерцо с чистейшей родниковой водой.

Опустив Орсию на землю, я стал плескать драгоценную влагу ей в лицо и чуть не вскрикнул от радости, когда она пошевелилась. Я подтащил ее к самому краю озерца, она окунула в него голову и плечи и лежала без движения, впитывая в кожу живительную силу воды.

Затем она подняла голову и села, опустив в озерцо ноги. Я наблюдал в эти минуты самое большое чудо,

которое мне когда-либо доводилось видеть: тело — ослабевшее и иссохшее, ставшее почти невесомым, на моих глазах наливалось силой, снова становилось упругим и молодым. Я растянулся неподалеку, зная, теперь Орсия спасена, и наконец, перестав противиться усталости, почувствовал, как проваливаюсь в сон, и ничто, даже появление Динзиля, не заставило бы меня пошевелиться.

Меня разбудило какое-то пение, слов я разобрать не мог. Звучание тихого голоса успокаивало и отгоняло страхи, ползущие из мрака в населенной призраками пустыне. Снова была ночь, неподалеку сидела Орсия — такая же, как прежде, когда мы вместе шли к Черной Башне. Перед Орсией стоял мерцающий рог, и она протягивала руки к его свету, словно греясь у костра.

Едва я подумал о Черной Башне, как вспомнилось и все остальное. Я резко сел и огляделся: перед нами было озерцо, позади в темноте — перевал через горы, где все еще, наверное, блуждала Каттея.

— Назад пути нет! — Орсия подошла ко мне.

Она опустилась на колени позади меня и прижала ладони к моим вискам, как делала это, показывая мне Кофи, и я «увидел», что позади нас все кишит приспешниками Тьмы, и они объединяются, готовясь к сокрушительному удару. Я знал, что удар этот будет нанесен по Долине. Сердце мое разрывалось на части между стремлением спасти Каттею и необходимостью предупредить об опасности тех, кто остался в Долине.

— Еще не настал тот час, когда ты сможешь выйти победителем в борьбе за Каттею. Если вернешься назад, в этот бурлящий котел темных сил, то лишь напрасно истощишь свои силы и Дар. Но может случиться и худшее: разве Динзиль не намекал, что он не прочь сделать своим орудием и тебя? Он может пойти на это, раз Каттея вышла у него из повиновения. Ты для него находка.

— Откуда ты знаешь, что говорил мне Динзиль? — прервал я ее.

— Пока ты спал, тебе снились сны, и за это время я многое узнала, — ответила она просто. — Пойми,

Кемок, твоя сестра преступила пределы, за которыми ты мог бы ее дозваться.

Мне не хотелось в это верить:

— Но ведь должны же быть какие-то силы... и с их помощью...

— Это не в твоей власти. Твоих познаний не хватит, чтобы противостоять Динзилю, ты можешь слишком много потерять. Ты должен сделать выбор: бросить все и вернуться назад или идти в Долину и предупредить.

Я понимал, что она права, но от этого мне было не легче. Я потерпел поражение и теперь должен жить с этим. Все складывается так, что вряд ли эта жизнь будет долгой, и уж лучше до последнего сопротивляться Тьме...

От озерца бежал ручеек, и мы пошли по нему, хотя это значительно удлиняло путь. Как ни просила Орсия, я не оставил ее одну, слишком хорошо зная, что грозило ей в таком случае. Я был сам виноват в том, что потерял Каттею — я мог дать ей свою кровь, — и теперь не хотел по собственной вине потерять еще и Орсию.

Она шла, держа перед собой рог, который попрежнему освещал нам путь. Орсия сказала, что, кроме того, он может защитить нас в случае необходимости. Но мне не хотелось, чтобы нам пришлось пустить его в ход: сила вызывает ответную силу.

На рассвете мы сделали привал между двумя огромными валунами. Ручеек, по которому мы шли, вливался здесь в более многоводный поток, и Орсия сначала долго лежала в воде, восстанавливая силы. Мы уснули, но вскоре нас разбудил топот копыт. Я подполз к щели между валунами и увидел внизу всадников, они скакали не на кеплианах, а на рентанах. Передовой отряд из Долины, подумал я, но, прочитав девиз на их стяге, понял, что это люди Динзиля.

В Долине они будут приняты как свои и откроют двери остальным... Надо скорее предупредить, рванулся я. Рука Орсии легла на мою лапу:

— Они скачут не в Долину, а из Долины... Но времени у нас действительно мало.

Мы двинулись по потоку дальше. Дважды нам пришлось прятаться: один раз мимо прошли какие-то призрачные светящиеся существа, оставлявшие за собой невыносимый смрад, а в другой — пронеслись огромными прыжками трое серых.

В пути Орсия изредка наклонялась и, пошарив руками по дну, вынимала что-то из воды, протягивала мне и ела сама. Я решительно жевал и глотал, стараясь не думать о том, что я ем.

Наша водяная дорога, к счастью, шла в нужном направлении. Когда солнце уже клонилось к закату, Орсия показала мне расходящиеся треугольником волны.

— Кофи?

— Нет, но кто-то из его сородичей. Может быть, у него для нас какая-то новость.

Она вывела тихую трель и защебетала, как раньше — с Кофи; затем, нахмурившись, повернулась ко мне.

— На пространстве между нами и Долиной повсюду расползлись силы Тьмы. Они ждут приказа наступать.

— Как же мы пройдем в Долину?

— Не знаю. Надо бы искать глубокие места, но ведь ты не можешь долго плыть под водой.

— Если надо, я готов. Веди меня, — решительно ответил я.

Она явно колебалась. Но после дальнейших переговоров с мерфеем кивнула:

— Ну что ж, придется.

Однако не успели мы добраться до «глубоких мест», как, откуда ни возьмись, нас с разных сторон окружила, судя по волнам, целая стая мерфеев. Поверхность воды вокруг Орсии, можно сказать, закипела. Я различил тонкие, едва уловимые крики, должно быть, издаваемые с большой силой, если они достигали моего слуха.

— Что случилось?

— Они говорят, что приближаются мои сородичи...

— Значит, кроганы присоединились к темным силам?

— Нет, они все еще надеются, что смогут остаться в стороне, если откупятся жертвой от тех, кого так

боятся. И эта жертва — мы с тобой. Они знают, что мы идем по этому потоку.

— Ты можешь спрятаться. Мерфеи, конечно, покажут тебе надежное место. А я пойду дальше по суше, — я горел нетерпением поскорее попасть в Долину.

Орсия, казалось, не слышала меня. Она снова повернулась к мерфеям и что-то прощебетала.

— Пойдем, — она двинулась вниз по течению в окружении невидимых мерфеев, которые, судя по следам на воде, выстроились по обеим сторонам от нее в качестве эскорта.

— Но как же? Ведь ты сказала...

— Тут неподалеку есть обходной путь, частично он идет под землей...

— Через пещеру со склепом?

— Нет, это внешняя часть той системы переходов. Она тоже неизвестна моим сородичам.

Вскоре мерфеи поплыли быстрее и оставили нас далеко позади. Орсия остановилась и взяла меня за лапу:

— Они постараются отвлечь от нас внимание. Мои сородичи не знают этих мест и послушают мерфеев. Теперь — сюда!

Она отпустила мою лапу и раздвинула свисающие в воду ветви кустов. За ними открылся мелкий ручей, текущий в расщелине, обильно поросшей вверху кустами. Мы на четвереньках поползли по ней, ветки хлестали по лицу. Ручей впадал в озерцо, Орсия остановилась:

— Вход под водой, надо нырять.

— Сколько придется плыть под водой?

— Для тебя — долго, но другого пути нет.

Я покрепче привязал меч к поясу, снял теплую куртку, которую дала мне Каттея, свернул ее и запрятал под корни кустов — она тут же рассыпалась ворохом желтоватого тростника. Я вдохнул полные легкие воздуха и нырнул.

И снова этот кошмар, и вся надежда — на спасительную руку Орсии, направляющую меня за плечо. Наступил момент, когда я почувствовал, — легкие вот-вот лопнут, и тут голова моя вынырнула из воды,

и я стал жадно дышать. Вокруг царил непроглядный мрак, но из него пришел мысленный голос Орсии.

— Ну вот, все порядке, — она подтолкнула меня вперед, и я медленно поплыл — тяжелый меч тянул меня вниз. В темноте трудно оценивать расстояние — не знаю, сколько мы проплыли, но это был долгий и утомительный путь. Наконец мы словно через дверной проем выплыли в сумрачную пещеру и увидели в стене совсем невысоко над нашими головами расщелины, через которые проникал свет.

До них нетрудно было добраться, и мы вылезли наружу. Вокруг громоздились скалы; внизу, в слабых отсветах заката, простиралась равнина, на которой выстраивалось войско: обходной путь вывел нас прямо к врагу.

Я не узнавал открывшуюся перед нами местность и не мог определить, была ли она частью Долины.

— Вряд ли они уже вступили в Долину, — отозвалась Орсия. — Смотри...

Справа, совсем недалеко от нас был уступ, на нем стояли какие-то люди. Я разглядел обмотанную зеленым голову.

— Каттея!

— И Динзиль, — указала Орсия на фигуру в плаще, возвышавшуюся рядом с сестрой. — А вон и предводитель сарнов, да и другие — тоже важные птицы. И... ты чувствуешь, Кемок? Они колдуют.

И верно, в воздухе чувствовалось какое-то дрожание, напряжение, он словно был насыщен некой энергией, которая все нагнеталась. Однажды мне уже довелось испытать что-то подобное в ночь, когда колдуньи Эсткарпа готовились нанести решающий удар по армии Карстена, двигавшейся из-за гор с юга. При этом казалось, как будто нечто неуловимое высасывает из тебя жизненные силы, все нарастая и нарастая.

— Они хотят нанести мощный удар и потом гнать ваше войско в глубь Долины.

Но объяснения Орсии были излишни, я и сам все понял. Хуже того, я уловил, что, колдуя, Каттея мысленно призывает — не меня, а Килана! Теперь она безраздельно принадлежала Тьме и направила наш

врожденный дар на то, чтобы использовать брата как ключ к Долине.

Тогда я понял настоящий смысл предсказания Лоскиты: поистине, лучше Каттее умереть, и мне назначено судьбой убить ее.

— Оставайся здесь! — велел я Орсии и пополз по скале, чтобы незаметно подкрасться к уступу сверху. На это не потребовалось много времени. Распластавшись на вершине скалы, я заглянул вниз. Они были настолько поглощены своим занятием, что, наверное, не заметили бы меня, даже если бы я открыто спустился к ним.

Я встал во весь рост, снял с пояса меч и направил его на сестру. Всю тайную мудрость, известную мне, я сосредоточил в призыве, который послал вперед ударом молнии.

Каттея покачнулась, схватившись руками за обмотанную голову. Потом повернулась и, пробежав по уступу, стала карабкаться ко мне. Остальные все еще были так поглощены сведением в одну точку своих сил и волевых устремлений, что не сразу опомнились и не успели ее остановить. Потом Динзиль бросился за ней, я понял, что она не успеет добежать до меня, и сделал то, что видел на песке у Лоскиты: метнул в Каттею меч, желая ее смерти.

Меч повернулся в воздухе, рукоять ударила ей между глаз, Каттея упала и полетела бы в пропасть, если бы не зацепилась за большой камень. Рядом воткнулся в землю меч.

Динзиль остановился. Он посмотрел вверх на меня и расхохотался; это был смех, который я слышал от Каттеи, только еще более издевательский и зловещий. Динзиль приветственно поднял руку, словно поздравляя меня с отличной работой.

Я подбежал к Каттее и опустился возле нее на колени, потом взял меч и, подняв Каттею, перенес ее к выступу скалы.

— Увы, герой! — крикнул мне Динзиль. — Ты опоздал!

Он провел рукой по воздуху, и меч выскользнул из моей лапы — сколько я ни старался, я не мог снова поднять его.

— Вот так-то лучше! — снова расхохотался Динзиль.

Он стоял и хохотал вместе с остальными, которые собрались позади него и наблюдали за мной. Конечно, это были не Великие, но те, кто стремился сравняться с ними, и даже колдуньи Эсткарпа предпочли бы не связываться с такой силой.

— Да, ты нашел талисман, — Динзиль бросил взгляд на меч. — Но если бы ты еще и знал, как им пользоваться, тогда тебе повезло бы больше. А теперь...

Не знаю, какую он уготовил мне участь... Но тут позади меня послышался шум осыпающейся земли и камней — ко мне спускалась Орсия. В правой руке, прижатой к груди, она держала рог единорога.

Может быть, с помощью какой-то своей магии ей удалось ненадолго ввести Динзиля в оцепенение — не знаю. Но Орсия была уже рядом со мной, а он все еще стоял на месте. Она вонзила острие рога себе в ладонь, и из раны хлынула кровь. Орсия схватила мою онемевшую лапу и вымазала ее алой кровью, я почувствовал в ладони покалывание возвращающейся жизни и увидел, что отвратительная жабья плоть сходит, и из нее появляются человеческие пальцы. Я схватил меч.

Враг надвигался на нас во всеоружии тайного знания. Словно кузнечный молот против муравья, он обратил против нас с Орсией все силы, которые собирался бросить на Долину. Это был поистине роковой момент. И тогда я решил прибегнуть к крайнему средству.

Вскочив на ноги, заслоняя собой Орсию и тело сестры, я поднял над головой меч, словно приветствуя некоего верховного владыку, и произнес т е с л о в а...

Когда мы заметили врагов, солнце только что село. Сгущающиеся сумерки словно были частью нагнетаемой злой силы. Теперь же внезапной, ослепительно яркой вспышкой засиял день. Я почувствовал, как энергия этого света ударила в меч, прошла по нему сквозь мое тело и снова вырвалась наружу. Я оглох, ослеп. И все-таки услышал о т в е т — и увидел...

Нет, мне не описать, что я увидел. Это были все темные силы, выпущенные в Эскоре во время древних битв. Как Динзиль всеми средствами стремился найти один из ключей, так я, случайно и от отчаяния, нашел другой.

Я стал каналом для энергии, о т в е т и в ш е й на мой призыв, и она прошла через меня. Я стал не человеком, а дверью, открывшей ей путь в наше пространство и время.

Что произошло, я не видел. Но ушла эта энергия так же внезапно, как и явилась. Я лежал, беспомощный, на земле, а в небесах бушевала неслыханной мощи гроза, и только вспышки молний разрывали кромешный мрак. Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой, словно все жизненные силы во мне истощились. Я дышал, видел молнии, чувствовал, как по мне хлещет ледяной дождь — и все.

Время от времени я проваливался в небытие, потом снова приходил в себя. Слабо шевелились в голове мысли, а тело было неподвижно. Казалось, прошла целая вечность. Наконец я позвал:

— Орсия!

Она не откликалась, и я продолжал звать — это было единственное, что связывало меня с внешним миром. Я чувствовал, что если перестану звать, то провалюсь в пустоту и уже навсегда останусь там.

— Орсия!

— Кемок... — уловил я мысленный ответ.

Это подействовало на меня как вода на умирающего от жажды. Я попробовал приподняться и обнаружил, что теперь могу шевелиться, хотя лежу засыпанный землей и мелкими камнями. Онемевшее тело начинало чувствовать боль.

— Орсия, где ты?

— Здесь...

Я пополз — едва приподнимаясь, пополз. Затем, пошарив перед собой, нащупал тело, и мою руку сжали перепончатые пальцы. Мы с Орсией придвинулись друг к другу, дождь стихал, молнии ударяли в дальние гряды скал. Гроза уходила. Мы лежали рядом молча, радуясь, что оба уцелели.

Наступило утро. Мы были на уступе, где Динаиль пытался с помощью тайной силы перевернуть мир. Из-за оползня мы едва не оказались в ловушке. Но врагов нигде не было видно.

— Каттея! — ко мне вернулась память.

— Она там... — Орсия уже ползла к телу, наполовину засыпанному землей. Голова сестры все еще была обмотана зеленым шарфом. Я потянулся к нему и, посмотрев на руки, которые вернула мне Орсия, начал неистово откапывать тело Каттеи.

Я перетащил его на ровное место и, опустив на спину, сложил ей лапы на груди. Теперь никто не узнает, какой она стала и почему, подумал я, и вдруг под рукой у себя почувствовал слабое биение сердца — сестра была жива!

— Орсия, — повернулся я к кроганке, — ты... ты вернула мне руки. Могу ли я вернуть Каттее ее руки и лицо?

Орсия, ползая на коленях, оглядывалась вокруг, искала что-то среди обломков.

— Рог... — слезы навернулись ей на глаза и побежали по щекам. — Он пропал.

Вдруг неподалеку что-то блеснуло, я подполз и стал копать, ломая ногти. Пальцы мои снова сомкнулись на рукояти меча. Я потянул за нее и вытащил из земли короткий обломок меча — не блестящий, а тусклый, почерневший. Я попробовал его большим пальцем: он был острый.

Я вернулся к Каттее и сорвал с ее чудовищной головы выцветший шарф. Затем обломком меча я нанес себе рану и оросил своей кровью сначала голову, а потом лапы Каттеи. На моих глазах стала происходить перемена: бурая шкура исчезала, лицо сестры и ее нежные руки освобождались от своей жуткой оболочки. Обняв Каттею, я заплакал. Она шевельнулась и медленно раскрыла глаза: в них стояли недоумение и растерянность. Я попробовал позвать ее мысленно и встретил сначала изумление, а потом — страх. Она стала вырываться от меня, словно я был каким-то кошмарным чудовищем.

Орсия схватила ее за руки и, держа их крепко, но осторожно, повторяла:

— Все хорошо, сестра. Не бойся. Все хорошо.

Каттея, прильнув к ней, с опаской смотрела на меня.

Я отошел и окинул взглядом разрушения, произведенные бурей. Среди каменных обломков виднелись какие-то тела, но ничто не двигалось под великолепными лучами восходящего солнца.

— Как она? — спросил я у подошедшей Орсии.

— Хорошо... она чувствует себя хорошо... Но... Кемок... она забыла, кто она... И утратила Силу.

— Навсегда? — я не мог представить себе Каттею лишенной Дара.

— Этого я не знаю, — ответила Орсия. — Теперь она такая, какой была бы и раньше, если бы не родилась колдуньей — милая, добрая девушка, и она очень нуждается сейчас в твоей помощи. Но не пытайся напоминать ей о прошлом.

Итак, когда мы вернулись в Долину, сестра уже не была прежней. И никто, в том числе и ни одна колдунья, не мог бы сказать, станет ли она когда-нибудь снова той же Каттеей, какой мы знали ее. Но силы Тьмы потерпели второе поражение, и в Эскоре воцарилось спокойствие, хотя мрак рассеялся еще не до конца, и повесть о нас троих была еще далека от своего завершения.

КНИГА V

ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА

1

Стылое дыхание Ледяного Дракона словно заморозило сам воздух над холмами... впрочем, ничего удивительного: стояла середина зимы, и надо было еще прожить этот год, который с самого начала был так недобр ко мне. Именно тогда, в дни Ледяного Дракона, я впервые всерьез задумалась о будущем и с горечью осознала, что я должна делать. Мне нужно спасти, освободить от страшной Тьмы то, чем я дорожу больше всего на свете, больше собственной жизни, ведь именно я, как ни горько это сознавать, была ее орудием. Я — Каттея из дома Трегартов, воспитанная как колдунья, несмотря на то, что так и не давала их последней клятвы и ни разу не надевала священный дымчатый камень, который с такой гордостью носили посвященные. Так или иначе, познания эти даны мне, хотя я и была лишена права выбора.

Я одна из троих, тех троих, которые могли, когда это было необходимо в некотором смысле становиться единым целым: Килан-воин, Кемок-мудрый, Каттея-колдунья, — так наша мать нарекла нас при рождении. Она тоже была колдуньей Эсткарпа, но Владычицы отреклись от нее за то, что она вышла замуж за Саймона Трегарта. Впрочем, он тоже не был обычным человеком, этот чужестранец, проникший в Эсткарп через Ворота, связывающие наш мир с другим. Он был сведущ в суровом искусстве войны — чем и оказался весьма полезен в Эсткарпе, ведь эта израненная и измученная земля была словно в тисках зажата между двумя враждебными соседями — Карстеном и Ализоном. Но наш отец обладал тем качеством, которого Владычицы в мужчине допустить не могли, — он владел Силой.

После замужества Джелита, а таково было имя нашей матери, не утратила своего колдовского Дара,

как должно было произойти, но напротив, обнаружила неизвестные дотоле способности, дающие власть над Силой. Это вызвало гнев Владычиц, так и не простивших ее выбора, а тем более — нарушения обычаев. Однако им приходилось опираться на ее поддержку, когда в этом возникала надобность, а надобность такая была.

Отец с матерью выступили вдвоем против кольдеров, этих демонов-чужестранцев, что так долго угрожали Эсткарпу. Родители мои нашли гнездо зла и по мере сил способствовали его уничтожению. Ибо кольдеры, подобно моему отцу, явились из иного времени, из другого мира, воздвигнув свои собственные Ворота, через которые гибельный яд проникал в Эсткарп.

После этой победы Владычицы не отважились открыто выступать против Дома Трегартов, хотя ничего не забыли и ничего не простили нашей матери. И вина ее была даже не в том, что она вышла замуж — с этим они могли бы еще смириться; к тому, кто позволял чувствам возобладать над разумом и отвращался от их сурового пути, они испытывали только презрение, — но ведь Джелита, несмотря на свой выбор, по-прежнему оставалась колдуньей, то есть одной из них, как бы они к этому не относились.

Как я уже сказала, мы трое, мои братья и я, родились в один и тот же день, причем я появилась на свет последней. Долгое время после нашего рождения мать болела. Нас троих поручили заботам Анхорты, женщины из племени горцев-сокольничьих. Судьба обошлась с ней сурово, но она окружила нас той теплотой, какой не могла нам дать наша мать. Что же касается отца, то он был настолько обеспокоен страданиями матери, что вряд ли все эти месяцы знал, живы мы или уже умерли. И мне кажется, что в глубине своего сердца он не испытывал к нам теплых чувств, потому что наше появление на свет явилось причиной ее мучений.

В детстве мы видели наших родителей очень мало, потому что военное время требовало их присутствия в Южном Форте, — отец был Хранителем Границы, а мать — передающей вести. Мы жили в тихом уютном

поместье, которое стараниями госпожи Лоисы, близкой приятельницы наших родителей, стало настоящим островком покоя.

Довольно рано мы узнали об особенности, которая отличала нас троих: при необходимости мы могли соединить все наши способности в некую Триединую Силу. В те годы мы использовали ее для самых незначительных целей и не подозревали даже, что с каждым разом Дар наш растет и крепнет. Однако уже тогда мы инстинктивно чувствовали, что эту нашу особенность следует держать в тайне.

Из-за разрыва нашей матери с Советом Владычиц я не подвергалась испытаниям, через которые обычно проходили все девочки Эсткарпа при отборе в Обитель Мудрейших. Не знаю, догадывались ли родители о нашем особом Даре, но уже тогда они приняли все мыслимые меры предосторожности.

Затем случилось так, что отец наш пропал. Когда на границе наступило некоторое затишье, он отплыл на корабле сулькарцев, союзников Эсткарпа и своих старых друзей по оружию, намереваясь исследовать острова, на которых, по слухам, творилось что-то неладное. С тех пор ни его, ни корабль никто не видел и не слыхал о них.

В те дни мать впервые наведалась в наше убежище и призвала нас, всех троих: Килана, Кемока и меня, чтобы на деле испытать наш Дар. Как только наша утроенная сила соединилась с ее, взгляд матери словно пронзил саму неизвестность, и она смогла увидеть нашего отца. Какой бы слабой ни казалась эта путеводная нить, она, оставив нас, отправилась на его поиски.

Когда Килан и Кемок стали Хранителями Границы, а я осталась одна, колдуньи осуществили, наконец, давно задуманный план: меня похитили и отправили в Обитель Мудрейших. Там в течение многих лет я была отрезана от привычного мне мира и от моих братьев. Зато я увидела другие края и получила от колдуний такие знания, что невольно возжаждала постичь их сполна. И все же это не возмещало мне потери всего остального. Я боролась, о, как я боролась все эти годы с искушением сытной едой и беззя-

ботной жизнью, чтобы сохранить хотя бы частицу собственной свободы. В конце концов мне удалось разыскать Кемока. И прежде чем колдуньи успели связать меня клятвой, братья пришли и освободили меня.

Вряд ли нам удалось бы бежать от них, если бы день и ночь вся наша сила не была собрана вместе, словно кто-то держал в кулаке нити одного полотна. Владычицы задумали нанести один-единственный, последний удар по Карстену, дабы раз и навсегда покончить с самым своим могущественным врагом, и направили всю Силу на горы, потрясая холмы, изгибая земную твердь своей совокупной волей.

Теперь их Сила не являлась преградой — колдуньи слишком ослабели, чтобы помешать нам. И мы отправились на восток, так как Кемок обнаружил одну тайну, давнюю тайну древней расы.

Мы отправились через горы на поиски Эскора. И там, чтобы спастись и узнать то, что нам было необходимо, я произнесла несколько заклинаний, едва не разрушив целую страну. Ибо древним мудрецам земли этой открылась в далеком прошлом власть над могущественными силами. Борясь за владычество, они чуть не погубили эти края. В конце концов те, кто основал Эсткарп, бежали отсюда, превратив горы за собой в непреодолимый барьер.

Едва я произнесла слова заклинания, утихомирившиеся некогда темные силы проснулись, легкое неустойчивое равновесие, установившееся здесь в последнее время, было нарушено, и возобновилась борьба добра со злом.

Мы отправились в Зеленую Долину, которой владели люди, чьи прародители обосновались на этой земле раньше предков древней расы. Однако в их жилах текла наша кровь. Они тоже не подчинились безумию Тьмы. И был вынут Меч Союза, и собран Совет, призвавший все добрые силы на битву против Тьмы; и пришел туда некто, который, как всем казалось, тоже был из их древнего рода.

Да, он принадлежал древней расе, этот прирожденный командир, которому жить бы да жить, как все люди, защищая покой Эскора.

К сожалению, Динзиль был не только умен, но и честолюбив. Впрочем, когда он впервые приступил к своим поискам, он еще не был развращен жаждой господства. Зеленый народ знал его как прославленного воина с давних времен, и они встречали Динзиля с почестями и радостью. Многое в этом человеке вызывало искреннее расположение — я сама могу это подтвердить.

Мне, окруженной до сих пор лишь братьями и стражниками, которых отец приставил к нам, человек этот показался другом. Что-то трепетало во мне, когда я вглядывалась в его смуглое лицо, испытывая волнение, неведомое прежде. К тому же он стал ухаживать за мной, и это было самое прекрасное время в моей жизни.

Килан уже отыскал свою Дагону, Владычицу Зеленого Безмолвия, а сердце Кемока еще не было тронуто никакой привязанностью. Я, не таясь, выказывала благоволение Динзилю, и братья, ослепленные ревностью, еле сдерживали свои чувства.

Однажды Кемок исчез, а я поверила обещаниям Динзиля, поверила, что он искренне хочет помочь мне найти брата, и тайно отправилась с ним к Черной Башне.

Теперь, пытаясь вспомнить, что же там произошло, я не могу этого сделать. Как будто некто тщательно смыл всю память о тех днях, когда я помогала Динзилю в его колдовстве. И пробуя невероятными усилиями воскресить в памяти все происшедшее, я испытываю лишь сильнейшие страдания.

Кемок вместе с Орсией из рода кроганов отправились искать меня, о чем рассказывается в той части хроники, которая написана им. Брат приложил поистине нечеловеческие усилия, чтобы вырвать меня из Черной Башни, которая стала местом обитания Тьмы. К тому времени я была настолько заражена всем, во что вовлекли меня Динзиль и мое собственное безрассудство, что готова была причинить боль тем, кого больше всего любила. И Кемок, предпочитая, чтобы я была скорее мертва, нежели так низко пала, произнес древнее заклинание.

Я осталась жива, но с тех пор была подобна новорожденной, позабыв все, чему меня когда-то обучили. Сначала я, как маленькая девочка, делала только то, что мне велели другие, не имея собственных желаний, и некоторое время была даже довольна таким своим состоянием.

Но потом начались сновидения... Проснувшись утром, я не могла вспомнить их целиком, и хорошо, что не могла, поскольку были они таковы, что здравый рассудок не вынес бы подобного кошмара. Даже нечеткие, тусклые воспоминания, возвращаясь небольшими отрывками, причиняли мне невыносимые муки, и я чувствовала себя больной и словно окоченевшей изнутри. Я часами лежала на кровати в комнате Дагоны и не могла есть, и боялась заснуть... Вся защита против подобных несчастий, которой меня учили некогда колдуньи, теперь была недоступна мне, и я чувствовала себя так, словно порыв ледяного ветра сорвал с меня одежду. И страшнее всего оказалось то, что этот ледяной ветер, продувавший меня насквозь, был грязным, отвратительным ветром Тьмы.

Дагона сделала для меня все, что могла — она ведь была целительницей. Но врачевание ее могло исцелить лишь плоть или разум, болен же был дух. Килан и Кемок целыми днями сидели возле моей постели, они боролись за меня, отгоняя Тьму. Все познания обитателей Долины были собраны и направлены на мое спасение. Но я сознавала, что, занимаясь мною, зеленые оставляют без защиты, на каковую сил уже не оставалось, границы Долины.

Мне нужно было отвыкнуть от безопасности и комфорта, которыми меня окружили. День ото дня я взрослела, не желая больше оставаться бездумным ребенком, и вскоре поняла, что сны мои — страшное предвестие того кошмара, который через меня наступал на всех нас. Мои собственные познания исчезли, и образовавшуюся пустоту заполняло нечто враждебное и чужое.

Вдобавок я, хотя уже освободилась от влияния мыслей, внушенных мне Динзилем, по-прежнему была враждебно настроена к тем, кого больше всех любила.

А самое ужасное — что через меня несчастье могло настичь всех нас.

Я дождалась часа, когда однажды Килан и Кемок отправились на военный совет. Оставшись без их опеки, я обратилась к Дагоне и Орсии, с которыми могла говорить совершенно искренне обо всем том, что нужно было сделать для блага всех и для моего блага тоже.

— Здесь мне нет покоя, — не спрашивала, но утверждала я, и по глазам своих собеседниц видела, что им нечего возразить. — Я понимаю, что из меня сейчас можно вылепить все, что угодно, я просто глина, принимающая любую форму. И поэтому я вам ныне худший из врагов, которого только можно себе представить. Ты сильна в древней магии, Дагона, Владычица Зеленого Безмолвия, и все живущее и растущее, все звери и птицы подчинены тебе. И ты, Орсия... ведь у тебя тоже есть твоя собственная тайна, и твоя магия не так проста, как может показаться на первый взгляд. Но я чувствую, что силы, которые объединились против меня, неподвластны вам обеим. Я теперь полностью опустошена, и вы, даже представить себе не можете, чем может заполниться мое сознание и на что может быть направлена моя воля.

Дагона медленно кивнула головой. Я почувствовала острую, словно от удара кинжалом, боль. Конечно, я с самого начала знала, что мои ощущения не обманывают меня, и все же маленькая, слабая часть моего сознания изо всех сил противилась этому — где-то в глубине души еще жила неясная надежда, что, может быть, я просто все выдумала, и Дагона, превосходившая в своем искусстве любого, сейчас скажет мне об этом. Но она кивнула головой, соглашаясь, и в ее глазах я прочитала приговор себе.

— Что же ты собираешься делать? — спросила Орсия. Она шла ко мне от ручья, волосы ее плескались на ветру; казалось, в воздухе за ней плывет светящееся серебристое облако, словно бы пряди, которые она не вытирала и не встряхивала, выйдя из воды, жили своей собственной жизнью.

— Я должна уйти отсюда.

В ответ на это Дагона отрицательно покачала головой.

— Ты забыла про охрану, она непременно пойдет за тобой следом. А потом еще Килан и Кемок... они тебе никогда этого не позволят. .

— Конечно, — согласилась я. — Но я сказала еще не все. Я могла бы вернуться туда, откуда пришла, и попросить помощи. Вы ведь слышали, что Совета Владычиц больше не существует. Многие умерли тогда, потому что не смогли перенести разрушительную мощь Силы. В Эсткарпе пала власть колдуний. К тому же, наш славный друг — Корис из Горма — должен знать, чем в конце концов здесь все завершилось. Вдобавок, если хотя бы несколько колдуний еще живы, они помогут мне, Корис прикажет им сделать все, о чем я ни попрошу. Позвольте мне вернуться на родину, я смогу там исцелиться, а вы будете продолжать нелегкую битву за Эскор, как велит вам долг.

Дагона ничего не ответила на это. Владычица Зеленого Безмолвия обладала удивительной особенностью — в глазах других ее облик время от времени менялся. Иногда казалось, что она принадлежит древней расе: темные волосы, светлая кожа... но порой она вдруг представала медноволосой, с золотистой кожей. Происходило все это по ее собственной воле или нет, я не знаю. В ту минуту мне казалось, что она из нашей расы: черные волосы аккуратно приглажены, сквозь приоткрытые губы виден ряд белоснежных зубов.

Наконец она кивнула:

— Я могу произнести заклинание, которое перенесет тебя целую и невредимую в горы, чтобы никто не мог помешать тебе. Но для этого и тебе придется собрать всю свою силу.

— Разумеется, я сделаю все, что необходимо, — ответила я. — Но сейчас мне нужна совсем другая помощь; я прошу вас обеих быть рядом со .мной во время моего разговора с Киланом и Кемоком. Я чувствую, что буду в безопасности только тогда, когда увижу Кориса. Но братья, возможно, не поймут и попытаются удержать меня здесь. Наши узы родились вместе с нами, им невозможно противиться. Мы с вами должны твердо стоять на своем, обещайте, что по-

можете мне уговорить их. В конце концов убедим их, что я вернусь тотчас же, как получу новую защиту.

— А это действительно так? — спросила Орсия. Не знаю, какие чувства она испытывала, глядя на меня. Ведь когда-то я в ослеплении просила Кемока убить ее, я была тогда с Динзилем — ее злейшим врагом; казалось бы, у нее нет причин желать мне добра. Но если она в дружбе с Кемоком, а я подозревала, что это именно так, она могла хотя бы ради него оказать мне эту услугу.

— Не знаю точно. Даже если мне удастся стать прежней, я не уверена, что осмелюсь вернуться сюда, — искренне ответила я.

— И ты думаешь, что сможешь совершить это путешествие?

— Я должна.

— Ладно! — согласилась она. — Обещаю, что помогу тебе.

— И я тоже, — вставила Дагона. — Но вдруг они захотят поехать с тобой?

— Вот тогда вы обе прочтете свои заклинания, чтобы братья только проводили меня и вернулись. Впрочем, я не думаю, что они бросят здесь все свои дела. С Эсткарпом их не связывает сейчас ничего, они отдали свои сердца этой стране.

— Я думаю, мы сможем сделать то, о чем ты просишь, — произнесла Дагона. — Когда ты едешь?

— Чем быстрее, тем лучше. Внутренняя борьба может так ослабить меня, что я пропаду прежде, чем доберусь до границы.

— Но сейчас месяц Ледяного Дракона, горы скоро станут непроходимы... — Дагона размышляла вслух, не отговаривая меня от задуманного, а словно предупреждая о трудностях, которые встретятся на моем пути. — Правда, здесь Валмунг, он как-то проехал по этой дороге тысячу миль; и потом не надо забывать об острых глазах Форлонга и вранга — они могут разведать все прежде, чем ты отправишься в дорогу, и если кто-нибудь устроит засаду... Тебя ждет опасный и жестокий путь, сестра моя, подумай об этом, не будь слишком самонадеянна.

— Это не самонадеянность, — возразила я. — Просто чем быстрее я окажусь за пределами Эскора, тем быстрее то, что всем нам дорого, будет в безопасности.

Итак, меж нами троими все было улажено, а коль скоро наши мысли были нацелены на решение одной задачи, неужели кто-нибудь сумел бы нам помешать? Какие бы веские и суровые возражения братья ни приводили, мы сумеем доказать целесообразность задуманного, и они вынуждены будут согласиться, они поймут, что мы правы. Я снова и снова клялась им, что, едва исцелившись, возвращусь, и не одна, а с кем-нибудь из эсткарпцев. Время от времени отряды из-за гор приходили в Эскор, об их приходе всегда предупреждали наблюдатели, преданно служившие зеленым. Среди них были и разведчики из Долины, и несколько бывших воинов из отрядов хранителей границы, перешедших на службу к моим братьям, и фланнаны — птицы Дагоны с изумрудным, переливающимся на солнце оперением, чьи послания могла расшифровать только она сама. Иногда прилетал даже воинственный Форлонг, ширококрылый страж заоблачных высей.

Вот один-то из них не оставил камня на камне от нашего первоначального плана, сообщив, что прямого пути, по которому мы когда-то пришли в Эскор, больше не существует. Некий властитель Тьмы наложил на эту дорогу печать, и теперь пройти по ней невозможно. Мне кажется, Килан и Кемок восприняли это известие с радостью, решив, что уж теперь-то я откажусь от задуманного.

Но я все громче кричала по ночам от мучительных изнуряющих видений, и они, должно быть, поняли, что я уже не в состоянии сопротивляться тому, что неумолимо становилось как будто частью меня самой. Здесь меня ждала лишь смерть, я так и сказала братьям.

И вот в Зеленую Долину призвали Форлонга. Он взгромоздился на скалу, испещренную следами его когтей; красная голова этого существа ярким пятном выделялась на серо-голубом туловище, покрытом перьями, длинная шея медленно поворачивалась, ког-

да он переводил глаза с одного из нас на другого. Наконец Дагона заговорила с ним.

Поначалу Форлонг совсем не хотел помочь нам, но его так долго уговаривали, что он все-таки вынужден был уступить и сказал, что если пройти чуть дальше на северо-восток, можно отыскать другой путь, менее трудный и опасный. Он мог бы послать крылатого разведчика. От Зеленого народа предложил свою помощь лучший из горцев — Валмунг.

Ледяной Дракон в Зеленую Долину не заглядывал — в это время года здесь было не холоднее, чем у нас в Эсткарпе поздней осенью; но едва лишь мы переступили границы Долины, нас встретили сильные порывы зимнего ветра.

Нас было пятеро, мы ехали на рентанах — четвероногих существах, бывших для нас не просто животными, а скорее товарищами по битве, неоднократно доказавшими свою преданность; рентаны не только не уступали нам умом, но и превосходили нас храбростью и выносливостью.

Килан ехал впереди, Кемок держался справа, а Валмунг слева от меня. Позади всех ехал Ранкар из Эсткарпа; он вызвался идти со мной через горы, поскольку хотел найти некоторых своих вассалов, намереваясь увеличить отряды Эскораг. Этот человек был старше других моих попутчиков, и я знала, что братья мои всецело ему доверяют.

За пределами Зеленой Долины, когда рентаны уже несли нас, разбивая копытами снежную корку, в небе появилась точка; она все увеличивалась и становилась отчетливее — это был вранг, проводник, обещанный Форлонгом.

Мы двигались только днем, потому что по ночам набирали силу и рыскали всюду приспешники Тьмы. Вероятно, непогода заставила их отсиживаться в своих берлогах — хотя мы и слышали вдали крики серых, нам так ни разу и не довелось их увидеть. Мы не могли идти напрямик — приходилось петлять, чтобы избежать тех мест, которые вранг считал опасными. Иногда это были безобидные с виду рощицы, иногда — открытые площадки, уставленные камнями. Однажды мы заметили некое мрачное строение — ка-

залось, время не властно над ним. В массивных стенах не было прорублено ни единого окна, здание высилось огромной глыбой, будто воздвигнутое чьей-то гигантской рукой. Вокруг этой глыбы, как ни странно, снега не было, хотя по соседству, совсем рядом высились большие сугробы, алмазным блеском сверкая под слабым зимним солнцем. Создавалось впечатление, что почва вокруг этой зловещей постройки была прогрета, что возвели ее на дышащей паром земле.

Ближе к ночи мы нашли укрытие на поляне, уставленной голубыми менгирами, она показалась нам островком безопасности в море несчастий и бедствий. Когда стемнело, камни засветились изнутри слабым бледным светом, и его хватало, чтобы разглядеть то, что находилось поблизости.

Я, как могла, боролась со сном, только бы тягостные сновидения снова не навалились на меня страшным грузом, но не в силах была преодолеть усталость и, вопреки своей воле, все-таки уснула. По всей вероятности, эти голубые камни обладали целебной силой, более действенной, чем сила Дагоны, не единожды пытавшейся помочь мне, потому что спала я в этот раз безо всяких сновидений, а проснувшись, почувствовала себя такой отдохнувшей и бодрой, какой не была уже давным-давно. Я позавтракала, к своему удивлению, с большим аппетитом, и это тоже лишний раз убеждало меня, что решение принято правильное, и наше путешествие должно пройти благополучно.

В следующую ночь с местом для лагеря нам повезло меньше. Обладай я по-прежнему познаниями, полученными в Обители Мудрейших, я бы заклинаниями призвала силы, способные защитить нас. К сожалению, в те дни я была самым беспомощным существом на свете. Вранг и Форлонг привели нас к подножию гор, через которые нам предстояло перебраться. Мы еще какое-то время шли в северном направлении, забирая немного на восток, наверное, чуть больше, чем следовало бы.

Мы остановились на ночлег под чахлыми, худосочными деревцами; их ветви переплетались над нами плотным навесом, несмотря на то, что с них уже об-

летели последние листья. Здесь спокойно можно было отдохнуть, прислонясь спиной к стволу, съесть лепешку — нашу дневную норму, и выпить вина Долины, смешанного с водой из родника, — это был прекрасно восстанавливающий силы напиток.

Вранг полетел к скале, а остальные распределили между собой часы караула. Я снова страшно боялась уснуть, помня о том, что не имея защиты, слишком уязвима для любых посланников Тьмы.

Я не хотела думать о том, что будет, когда мы наконец переправимся через горы и прибудем в Эсткарп. Мне трудно было представить себе события столь отдаленные.

Валмунг сидел слева от меня, расправив свой зеленый плащ. Даже в сгустившемся мраке (мы не осмеливались развести огонь) я разглядела, что голова его повернута в сторону гор, хотя сквозь густую завесу ветвей ничего нельзя было увидеть. Но что-то, наверное, настороженность в его позе, заставило меня спросить приглушенным шепотом: «Там, впереди, опасность?»

Он внимательно посмотрел на меня: «В это время в горах всегда опасно».

— Ты имеешь в виду охотников? А кто именно? — удивилась я. В долине нас действительно могли подстерегать какие угодно неожиданности, но что за отвратительные чудовища выслеживали нас здесь, в горах?

— Нет, опасно само по себе это место, — он и не пытался скрыть от меня тревогу, и я была ему благодарна за это. Что бы Валмунг ни сказал, все казалось мне меньшим злом, нежели мучительные сновидения. — Здесь часто случаются снежные обвалы.

Снежные обвалы... Я совсем не думала об этом.

— Это очень опасный путь? Более опасный, чем тот, другой? — спросила я.

— Не знаю. Я с этими местами незнаком, и мы должны быть осторожны вдвойне.

Я все же уснула в эту ночь, и вновь, как и накануне, мои страхи оказались напрасными. Может быть, это место и не было таким безопасным, как то, предыдущее, но так или иначе, мне опять ничего не приснилось.

Утром, когда посветлело достаточно для того, чтобы можно было продолжать путь, вернулся вранг. С первыми лучами солнца он облетел ближайшие горные вершины, и вести, принесенные им, были не слишком утешительны. Да, в горах действительно существовал путь, который вел прямо на запад, но рентаны не смогли бы пройти там, и нам предстояло одолеть перевал пешком, а для этого требовались изрядная сноровка и опыт.

Своими длинными сильными когтями вранг начертил на снегу нашу тропу — линия заботливо огибала места, опасные для нас. Затем он взлетел снова, чтобы еще раз осмотреть вершины и выверить тот участок пути, который нам предстояло пройти сегодня. Так началось наше путешествие в горах.

2

Поначалу оно было нисколько не хуже, чем любое путешествие подобного рода. К тому часу, когда поднялось бледное солнце, мы уже успели проделать часть пути, намеченного для нас врангом, и должны были распрощаться с рентанами, ибо дальше они идти не могли — мы стояли перед крутым подъемом, и грубые ступени, вырезанные в скале, проще было преодолеть на двух ногах, чем на четырех.

Мужчины упаковали наши скудные запасы, достали веревки и посохи с заостренными железными наконечниками (Валмунг лучше чем кто-либо другой знал, как найти им применение; он теперь и возглавлял наше шествие). Так мы начали восхождение, ставшее для нас испытанием на выносливость.

Можно было подумать, что лестница, по которой мы поднимались, была создана не прихотью ветра и воды, но руками разумных существ. С трудом верилось, однако, что создатель или создатели этой лестницы были людьми подобными нам, потому что ступеньки эти оказались слишком крутыми и узкими — порой с трудом хватало места, чтобы пристроить носок сапога, и лишь изредка удавалось встать на всю ступню.

За все время подъема мы так и не встретили никаких признаков, указывающих на то, что этим путем кто-то уже проходил. От того, что мы все время шли в гору, мучительно ныли икры ног. Хорошо еще, что ветер смел снег с этих пальцеобразных выступов, и мы ступали на голый камень, не боясь поскользнуться, отыскивая опору для ног.

Лестница казалась бесконечной; сначала она шла по прямой, затем после первого же крутого подъема резко повернула влево, огибая утес впереди, — это и навело меня на мысль, что создана она разумом, а не стихией. Наконец ступени вывели нас на вершину плоскогорья.

Солнце, неизменно сопровождавшее нас в течение всего восхождения, теперь скрылось за тяжелыми темными тучами. Валмунг остановился лицом к ветру, и крылья его носа затрепетали, словно он чуял неведомую опасность. Он начал разматывать веревку, которой был опоясан, делая через равные промежутки петли; на веревке я заметила крючья, блестевшие на одинаковом расстоянии друг от друга.

— Дальше пойдем в связке, — сказал он. — Если буран настигнет нас здесь... — Он обернулся, вглядываясь в бездну, и, как мне показалось, намекая на то, что следовало бы поискать укрытие, пока не разбушевалась вьюга.

Я дрожала от холода, хотя была тепло одета и из-за этого с трудом могла передвигаться, но ветер все же пробирал меня до костей своими ледяными щупальцами.

Мы поспешили повиноваться его приказу, обвязавшись веревкой и прицепив крючья к поясам. Валмунг шел впереди, за ним Килан и Кемок, следом — я, и Ранкар замыкал шествие. Я была самой неловкой из всех. Во время приграничной войны мои братья и Ранкар воевали в горах, и хотя они не были так многоопытны, как Валмунг, у них все-таки было достаточно практики, чтобы чувствовать себя вполне уверенно.

Валмунг медленно продвигался вперед с посохом в руке, мы шагали следом, держась за ослабшую веревку, соединяющую нас, но идти становилось все труднее. Тяжелые тучи сгущались над нами, и хотя еще

не посыпал снег, рассмотреть дальний край плоскогорья было довольно трудно. Вранг почему-то не возвращался, и никто не ведал, что нас ждет дальше.

Валмунг, прежде чем сделать очередной шаг, проверял посохом глубину наста, как будто под прочной на вид опорой нас могла поджидать какая-нибудь ловушка; он передвигался не так быстро, как мне бы этого хотелось, а лютый ветер все крепчал.

Казалось, этому подъему не будет конца, а до цели оставались еще долгие часы и дни. Впрочем, я утратила ощущение времени. Если бы снег не валил без передышки, бешеный ветер разнес бы уже сугробы, наметенные прежде. Я со страхом думала, что Валмунг сейчас подобен слепцу, ведущему других слепцов; по-моему, ему было ровным счетом все равно, карабкаться ли по ледяным скалам или идти по безопасной тропинке.

К счастью, мы добрались все-таки до укромного места под отвесом скалы, где смогли спрятаться от снежной круговерти. Мои спутники стали совещаться, продолжать ли путь или остановиться пока здесь, ибо Валмунг всерьез опасался пурги. Я прислонилась спиной к скале, и, задыхаясь, жадно хватала открытым ртом ледяной воздух, который, достигая моих легких, становился сухим и горячим, словно я вдыхала огонь. Больше всего я боялась, как бы Валмунг не дал команду снова вступить в эту битву со стихией, а я уже не могла сделать ни шага.

Выбившись из сил, я, очевидно, впала в забытье, и только гортанные крики вернувшегося вранга разбудили меня. Вранг, неуклюже переваливаясь, пробрался под навес, где мы нашли приют; лишенный своей стихии — высокого неба — он казался весьма неловким существом. Крылатый разведчик энергично встряхнулся, отчего во все стороны полетели брызги и снежные хлопья, а затем примостился возле Валмунга с таким видом, словно обосновался здесь надолго. Я поняла, что на сегодня наше путешествие закончено, и со вздохом облегчения села, прислонившись к скале; натруженные ноги гудели от усталости.

Мы не могли развести костер — вокруг не было никакой растительности. Нам грозила опасность за-

мерзнуть под хлесткими ударами ветра, который доставал нас и в этом ненадежном убежище. Но Валмунг, как оказалось, был готов ко всему.

Из своего ранца он вытащил прямоугольный кусок какой-то материи, совсем узкий — не шире моей руки. Но когда он, встряхивая, начал разматывать его на ветру, кусок, становясь все больше и больше, превратился в огромное пушистое покрывало, под которое мы все и забрались, тесно прижавшись друг к другу. Я почувствовала, как по моему изнемогшему телу растекается блаженное тепло; мои товарищи, должно быть, испытывали то же самое. Вранг придерживал покрывало за один конец, при этом сам он так и не снял свою поклажу, казавшуюся горбом на его спине.

Покрывало, спасшее нас от стужи, на ощупь было мягким и пушистым; моей щеки касались словно бы нежные перья, но внешне оно походило скорее на мох. Когда я все-таки решилась спросить, Валмунг объяснил, что и в самом деле ткань эта соткана из растительных нитей маленькими ручными гусеницами, которые в изобилии водились в Долине. Они питались мхом и, перерабатывая его, в результате давали довольно прочные пушистые нити, из которых можно было соткать полотно, невесомое и плотное, хорошо защищающее от любой непогоды. Зеленые издавна научились выращивать гусениц, заботливо ухаживая за ними, ради этих нитей. Правда, для того чтобы соткать только одно такое покрывало, требовалось сотни и сотни гусениц и несколько лет работы; их и было-то всего несколько штук, и они являлись настоящим сокровищем Зеленой Долины.

Мои спутники продолжали о чем-то тихо переговариваться — но их слова сливались в монотонный убаюкивающий гул, и я задремала — мое ноющее исстрадавшееся тело больше не могло сопротивляться желанию спать. Казалось, все мои тревоги куда-то отступили. Я уже больше не была той Каттеей, которая день и ночь вынуждена жить в страхе, опасаясь стать добычей врага; теперь я была просто слабым, ни о чем не думающим существом, нуждающимся только в отдыхе и покое.

Я дремала, и эта ночь тоже не обернулась ночью кошмаров, что преследовали и мучили меня дотоле. Я лежала под этим успокаивающим покрывалом, с ленивым удовольствием слушая рев урагана; здесь, со своими защитниками, я чувствовала себя в полной безопасности.

В полудреме мне привиделся наш путь, лежащий сквозь метель; светящаяся линия стояла у меня перед глазами, словно зависнув над нашими прижавшимися друг к другу телами. Даже во сне я понимала, что именно эту дорогу искал мой разум, так долго находившийся под властью чужой Силы. Серебристое сияние колебалось в воздухе надо мной, раскачивалось и вдруг замерло, и мне показалось, что я проснулась, почувствовав неясную опасность. Но когда я попыталась собрать все свои защитные силы, которые еще оставались у меня, сияние исчезло вообще, и я поняла, что окончательно проснулась. Мы по-прежнему лежали все вместе под покрывалом, а снаружи бушевала вьюга.

Я ничего не сказала братьям, ведь это был только сон, вряд ли они прислушались бы ко мне. Тогда я мысленно настроилась на их волну и попыталась внушить им, что в горах нас ждет какое-то несчастье. В тот час я решила, что если почувствую приближение настоящей угрозы, когда мы будем подниматься по этому опасному склону, мне просто надо отстегнуть от пояса веревку, связывающую меня с моими спутниками, и броситься вниз, чтобы раз и навсегда покончить со всеми бедами и не мучить себя и других.

Остаток дня и всю следующую ночь мы провели в нашем укрытии. На рассвете вьюга выдохлась, тучи рассеялись и небо над нами посветлело. Вранг поднялся в воздух и долго парил в вышине, а вернувшись, сообщил, что небо очистилось до самого горизонта и можно не опасаться возобновления урагана. Мы наскоро позавтракали и двинулись в путь.

Лестницы дальше не было, и теперь мы карабкались вверх на утес вдоль выступов. Валмунг нет-нет да поглядывал вверх, напряженно всматриваясь в небеса; его тревожное состояние передалось и нам, во

всяком случае, мне — точно, хотя я и не могла с уверенностью сказать, чего именно он боится, может быть, обвала?

К полудню мы отыскали выступ более широкий, чем те, которые нам встречались до сих пор, и смогли, наконец, сделать привал и подкрепиться. Валмунг сообщил, что перевал уже недалеко и, может быть, часа через два закончится самый тяжелый участок пути. Миновав перевал, мы должны будем повернуть на восток. Это известие всех заметно приободрило. Проглотив свои порции дорожных лепешек, мы стали маленькими глотками потягивать из фляжек напиток Зеленой Долины.

Одолев перевал в назначенное Валмунгом время, мы начали уже спускаться, что было гораздо легче, чем карабкаться вверх, когда наш проводник объявил остановку. Он попробовал узлы на веревке и сказал, что должен их перевязать. Мы стояли, ожидая, пока он снимет с себя ранец и примет необходимые меры предосторожности. И в эту минуту произошло то, чего он так боялся.

Я, едва заслышав грохот и рев, вздрогнула и невольно отступила назад, словно пытаясь спастись от чего-то неведомого, недоступного осознанию. Защищаясь, я взмахнула рукой... и больше не помню ничего.

Было очень темно и холодно, а на мне лежало что-то страшно тяжелое — попробовав в полубессознательном порыве избавиться от мучительной тяжести, я не смогла пошевелить ни рукой, ни ногой. Я лежала навзничь, и лишь голова, шея и половина одного плеча были свободны от этого груза. Что же произошло? Последнее, что я помнила — это ощущение, будто бы кто-то схватил меня. Мой истерзанный разум отказывался что-либо понимать.

Я снова попыталась шевельнуть рукой, плечо которой было свободно, и после больших усилий мне, наконец, удалось это сделать. Освободив руку, я стала ощупывать пространство вокруг; мои онемевшие пальцы наткнулись на что-то твердое, и я подумала, что это скала, — пальцы заскользили по жесткой поверхности. В этом непроглядном мраке я ничего не могла

разглядеть, а, ощупывая пространство рукой, сумела прояснить немногое: я поняла, что меня завалило снегом и только одна рука и голова свободны, и что как раз верхняя часть моего туловища находится внутри пещеры. Я осталась жива каким-то чудом, ибо огромный снежный пласт мог раздавить меня насмерть. Однако я не хотела смириться с тем, что оказалась похороненной заживо, и начала с яростью, пробужденной страхом, отгребать от себя снег свободной рукой. Я отбрасывала его пригоршнями, а он вновь летел мне в лицо; и все-таки я была жива и могла лишь благодарить судьбу за то, что пещера спасла меня от смерти.

Я стала работать медленнее, стараясь осторожно отталкивать снег от себя, и вскоре поняла, что завалена слишком плотно. Какова же вообще толщина снежного слоя надо мной, понять было невозможно.

В конце концов, уставшая и измученная, я бросила свои попытки и, тяжело дыша, впервые за все это время попробовала обуздать охвативший меня страх и вновь впала в отчаяние от бесполезности своих усилий. Должно быть, действительно произошел обвал, нас снесло вниз по склону и завалило снегом... Нас? — или только меня?.. А все остальные сейчас, конечно, пытаются меня найти! А может быть, они... Но я решительно отгоняла от себя эту мысль. Страшно было даже подумать о том, что спаслась благодаря пещере лишь я одна. Мне хотелось верить, что другие живы тоже. Острее, чем когда бы то ни было, я пожалела о том, что потеряла способность мысленно общаться с братьями и что у меня нет теперь моего Дара, и что в этом виновата только я, ведь по своей вине я оказалась во власти Тьмы. Может быть... Я закрыла глаза, спасаясь от давящей темноты, окружавшей меня, и попыталась настроить разум на поиски Килана и Кемока, чтобы снова объединиться с братьями, стать с ними почти единым целым, как было даровано нам от рождения.

Мне почудилось, будто перед моими глазами открылась страница манускрипта, на которой я разглядела четко написанные слова, но язык был мне совсем незнаком, и я осознавала лишь одно: от того,

прочту я их или нет, зависит моя жизнь. Жизнь или смерть... — я подумала вдруг, что Килан, Кемок и все мои другие спутники живы; и что для них было бы лучше, если бы они не нашли меня... Однако в каждом из нас есть некая неугасимая искра жизни, не позволяющая так вот покорно сдаться, отказаться от борьбы. Я снова попробовала сосредоточиться только на братьях, на необходимости говорить с ними напрямую, разум с разумом. Кемок... — если уж остановить поиски на ком-то одном, я выбрала бы Кемока, потому что он всегда был мне ближе. Я мысленно нарисовала любимое лицо и удерживала образ, нащупывая контакт с братом... Никакого ответа.

Дикий холод пронзил меня, но это был отнюдь не холод снега, завалившего мое тело. Кемок... может быть, я хотела докричаться до того, кого уже нет?! Ну что ж, тогда — Килан. Я стала представлять себе лицо старшего брата, разыскивая в пространстве его разум, но вновь безуспешно.

«Нет, они не умерли, — уверяла я себя, — просто не существует больше моего Дара! Я могу это доказать — мне нужно это доказать!» И я начала с тем же неистовым напряжением думать о Валмунге, затем — о Ранкаре. Ничего.

Вранг! Конечно же, вранга не коснулось наше несчастье! Впервые за все это время во мне вспыхнул слабый огонек надежды. Почему бы не попробовать связаться с врангом? Но ведь у этого существа мозг наверняка устроен совсем иначе, смогу ли я дозваться его, если у меня ничего не получилось с людьми? И я приложила все усилия, стараясь отыскать вранга, как до того пыталась найти других моих спутников.

В моем воображении возникла красная голова, раскачивающаяся на серо-голубом туловище, покрытом перьями. И — получилось! Мне удалось поймать отголосок мыслей, которые принадлежали не человеку! Вранг — это мог быть только вранг! Я громко закричала, и звук моего голоса в этой заваленной снегом маленькой пещере был оглушающим.

Вранг!

Но мой изнуренный мозг не мог удерживать этот слабый контакт столь долго, чтобы успеть передать

сообщение. Я теряла его, вновь находила и не сомневалась только в одном: связь становилась сильнее, он приближается. Должно быть, вранг находился где-то рядом и разыскивал нас. Я удвоила усилия, заставляя себя послать внятный сигнал. Но вдруг связь прервалась вовсе, и я почувствовала растущую во мне тревогу. Любое разумное существо, уловив мысленный призыв, обычно старалось определить, откуда он исходит. Создание же, с разумом которого я так упорно поддерживала контакт, не торопилось отыскать меня. Значит, связь была односторонней и не могла привести Вранга туда, где лежала я?

Как долго еще я смогу удерживать эту слабую связь? Я задыхалась. Впервые за все это время я отчетливо осознала, что дышать мне неимоверно трудно. Неужели я сама набросала на себя столько снега, когда сделала эту злополучную попытку освободиться? Или просто пещера так мала, что запасы кислорода в ней начали истощаться?

Вранг! Его изображение вдруг исчезло, и вместо него появилось другое.

Это был уже не крылатый страж. Существо покрывала густая шерсть, у него была вытянутая морда, острые уши, белого или серого цвета, как снег вокруг меня, и лишь в раскосых прорезях глаз блестели желтые янтарные зрачки. Это серый! — человек-волк! Выходит, мне предназначена судьба худшая, чем быть заживо погребенной под снегом. Нет, я бы предпочла задохнуться в пещере, чем быть разорванной на куски тварью — или тварями — которые сейчас разыскивают меня.

Я заставила себя успокоиться, не думать вообще, я намеренно погружала сознание в глубокую дрему, надеясь, что это еще может спасти меня, поможет мне спрятаться, отгородиться от жуткой смерти. То ли мне хорошо удалось это, то ли отсутствие воздуха сделало свое дело, но я погрузилась во тьму, которую так жаждала.

Однако это был еще не конец. Я почувствовала колебание воздуха возле своего лица, и тело предательски отозвалось. Но открывать глаза я не рискнула. Может быть, если они ткнутся в меня, а я не шевель-

нусь, они решат, будто я умерла уже несколько дней назад, и оставят меня в покое. Как ни ничтожен был этот шанс, ничего другого мне не оставалось, мой Дар ушел, я была безоружна.

Послышался отдаленный лай. Впрочем, это трудно было назвать лаем — в нем не было резкости и пронзительности; на завывание звук тоже не походил, скорее, это было нечто среднее между тем и другим. Потом раздалось фырканье, и я ощутила дыхание прямо возле своего лица. Тело мое дернулось, но не собственные мышцы привели его в движение, кто-то грубо схватил меня за куртку возле горла и куда-то потащил. Сопротивляться я не могла, да это было бы равносильно самоубийству; самое лучшее пока — притворяться мертвой, безвольно подчиняясь чужой силе.

Движение прекратилось. Невидимое мною существо снова резко фыркнуло мне прямо в лицо. Вероятно, тварь уже почуяла, что я вовсе не мертва. Этого я и боялась. Но тут мне показалось, что я слышу какое-то удаляющееся движение, и во мне впервые вспыхнула надежда, что все-таки еще удастся спастись.

Я открыла тяжелые веки, и на секунду-другую свет причинил мне нестерпимую боль — я слишком долго находилась в темноте. Ярко светило солнце. Некоторое время глаза привыкали к свету, а затем я стала жадно всматриваться в то, что было передо мной.

Будучи уверенной, что из пещеры меня выволок именно один из серых, я довольно долго не могла поверить своим глазам, что ни одного человека-волка здесь нет. Передо мной сидел просто волк, волк от хвоста до кончиков ушей. Шкура его была не серой, как у тех злобных прислужников Тьмы, а светло-кремовой, уши острые, по хребту вдоль всего туловища шла длинная темная полоса, а мускулистые ноги были светло-коричневого цвета.

Но удивительнее всего было то, что на шее у него блестело нечто вроде ошейника — широкий кожаный ремень ослепительно сверкал, будто усыпанный драгоценными камнями. Я с волнением смотрела на зверя во все глаза, а он сидел, слегка отвернувшись от меня, словно кого-то ждал. Его клыкастая пасть была

слегка приоткрыта, и я видела огненно-красный язык.

Передо мной был самый настоящий зверь, а не человек-волк. Больше того, зверь несомненно подчинялся человеку, недаром на нем сиял этот ошейник. Увиденное немного меня успокоило. Но в Эскоре все необычное вызывает опасение; здесь, чтобы сохранить жизнь — или нечто большее, чем жизнь — надо всегда быть начеку. По-прежнему стараясь не двигаться, я только слегка повернула голову, испытывая желание получше осмотреться.

Я лежала возле огромной горы снега, которая, по-видимому, еще и выросла, когда зверь откапывал меня. Был день, хотя тот ли самый день, когда мы перебрались через перевал, я сказать не могла. Мне почему-то подумалось, что это другой день. Солнце светило так ярко, что у меня разболелись глаза, и я невольно прикрыла их.

К сожалению, я не заметила никаких свидетельств того, что, кроме меня, из нашего отряда спасся кто-то еще. А когда я собралась с силами, чтобы осмотреться другой раз, зверь залаял, словно призывая (я не сомневалась, что это был именно призыв) своего хозяина или спутника.

Тут же раздался резкий отрывистый свист, на который собака, если это только была собака, отозвалась заливистым настойчивым лаем. Зверь так и сидел с высунутым языком, чуть отвернувшись от меня, и я собрала все жалкие остатки своих сил, чтобы попробовать подняться на ноги — мне почему-то непременно хотелось встретить хозяина собаки, стоя на ногах, если только у меня это получится.

Судя по всему, собака не заметила моих усилий; она, неожиданно вскочив, наоборот, бросилась прочь от меня, вздымая за собой белый снежный вихрь. Со всей поспешностью, на какую лишь была способна, я встала на колени, затем поднялась во весь рост и теперь стояла, чуть покачиваясь от слабости и головокружения, не решаясь сделать ни одного шага по снегу, боясь, что упаду снова. А собака, барахтаясь в сугробах, пробиралась вперед, не оглядываясь на меня.

Ну скорее же! Балансируя, чтобы не упасть, я осторожно повернулась, отыскивая глазами хоть какое-нибудь доказательство того, что я не единственная из нашего отряда спаслась на этой ледяной горе. Я покачнулась и, удерживая равновесие, обо что-то споткнулась. Глянув вниз, я упала на колени и принялась торопливо разгребать снег руками, пока не откопала ранец, который Валмунг собирался открыть за мгновение до настигшей нас катастрофы.

Кажется, я расплакалась — очертания предметов расплывались перед глазами; я продолжала стоять на коленях, от отчаяния совсем лишившись сил. Рука моя все еще цеплялась за ранец, словно это был якорь, единственный надежный якорь для меня, сбившейся с пути в этом чуждом мире.

Такой и нашли меня собака и ее хозяин. Пес зарычал, но даже если бы у меня было сейчас оружие, я все равно не смогла бы его удержать. Я подняла затуманенные слезами глаза на того, кто пробирался ко мне по глубокому, выше колена, снегу.

Всмотревшись, я увидела самого обычного человека. Во всяком случае я не могла найти в нем ничего общего с теми кошмарными существами, что рыскали в потемках по земле Эскора. Но судя по лицу, к древней расе он не принадлежал. Одет он был в костюм из меха, непохожий ни на что, виденное мной прежде; на нем была свободная пуховая туника, стянутая широким, украшенным драгоценными камнями, поясом. Капюшон, отделанный длинным зеленоватым мехом, соскользнул с головы, и я удивилась, увидев огненно-рыжие волосы, хотя брови и ресницы были черными, а кожа — темно-коричневой. Оттенок его волос казался настолько неестественным, что можно было подумать, будто это парик, специально так ярко окрашенный.

Лицо было широкое, а не длинное и узкое, как у людей древней расы, нос — плоский, губы — полные и яркие. Когда он заговорил, я услышала поток глуховатых неразборчивых слов, и лишь некоторые из них отдаленно напоминали обычную речь обитателей Долины, отличавшуюся, в свою очередь, от того языка, на котором разговаривали в Эсткарпе.

— Другие, — я наклонилась вперед, опершись на руки, которые по-прежнему крепко сжимали ранец, — помощь... найти... другие... — я старалась отыскать самые простые слова, делая между ними большие паузы, надеясь, что он поймет меня. Но он стоял молча, вытянутой рукой поглаживая собаку, словно успокаивая ее. Позади этого человека я разглядела еще одного крупного пса.

— Другие, — я настойчиво добивалась, чтобы он понял меня; ведь если я смогла выжить под этим обвалом, значит, и другие могли. Тут я вспомнила про веревку, которая связывала всех нас, и стала ощупывать себя, отыскивая ее. Она, конечно же, могла привести меня к Кемоку, который шел впереди.

Но я с досадой обнаружила только дыру в куртке, очевидно, проделанную крюком, который вырвало с огромной силой.

— Другие! — Мой голос поднялся до пронзительного крика. Я поползла назад к завалу; среди больших сугробов здесь и там виднелись огромные валуны, вспоровшие снежный наст своими остриями. Я стала бездумно и беспорядочно разрывать снег руками, надеясь, что если уж чужеземец не понял моих слов, хотя я и старалась употреблять интонации, свойственные языку обитателей Зеленой Долины, то мои действия он поймет непременно.

Вместо этого он внезапно и резко шагнул вперед, и я со страхом отскочила от него. Собака тут же впилась зубами в мою куртку чуть пониже плеча. Сцепив клыки, она с недюжинной силой поволокла меня к своему хозяину. Конечно, мне с ней было не тягаться, и я перестала ей противиться.

Человек не сделал ни единого движения, ни для того, чтобы приблизиться ко мне, ни для того, чтобы помочь своей собаке. Он больше не сказал ни слова, просто стоял и равнодушно наблюдал, словно происходящее не имело к нему никакого отношения.

Собака глухо зарычала, когда ей наконец удалось оттащить меня назад; я бы все равно не смогла отбиться от нее, пока она тащила меня к хозяину. Но теперь, сделав отчаянный рывок, я растянулась на

спине и заскользила вниз по склону, прочь от того места, где лавина чуть не погребла меня под собой.

Где-то надо мной снова раздался пронзительный свист, и на этот раз на него ответили, причем ответила не та собака, которая по-прежнему с рычанием преследовала меня, лай послышался откуда-то издалека. Человек спустился вниз ко мне, но не пытался даже дотронуться до меня, он все так же молча чего-то ждал.

Вскоре показались два большущих пса с крепкими ременными ошейниками, впряженные в сани довольно сложной конструкции. Собака, нашедшая меня, перестала рычать и ринулась к саням, барахтаясь в снегу; там она заняла место чуть впереди своих приятелей, будто ожидая, что ее тоже поставят в упряжку. Тем временем незнакомец наклонился и, крепко сжав мое плечо, неожиданно сильно толкнул меня вперед. Я начала вырываться, противясь его молчаливому приказу.

— Нет! Другие!.. — Я выкрикивала эти слова прямо в его бесстрастное лицо. — Найти! Другие!

Я увидела только, как поднялась и мелькнула возле моих губ его рука. На мгновение вспыхнула боль, пронзившая все мое тело, и — больше ничего.

3

Ноющая боль растекалась по телу; время от времени меня встряхивало так, что она становилась совершенно невыносимой. Я лежала на чем-то качающемся, непрочном, движущемся, и каждое движение только увеличивало мои муки. Я открыла глаза. Солнце, словно резкая вспышка, ослепило меня, и на глазах выступили слезы. Однако за этот короткий миг в поле моего зрения попали бегущие псы, длинными прочными ремнями привязанные к саням, и я все вспомнила. Попытавшись сесть, я тут же с удивлением обнаружила, что мои запястья и лодыжки чем-то скручены, а поверх меня накинута меховая полость, не дающая шевельнуться; очевидно, она была крепко привязана к основанию саней.

Может быть, это было сделано, чтобы я не замерзла или чтобы не свалилась с саней, но в тот момент, обнаружив свою полную беспомощность, я видела в этом лишь очередную преграду, лишь путы, мешающие мне обрести свободу.

Все сани, виденные мною раньше, были очень громоздкими, в них запрягали лошадей. Но эти, влекомые сильными псами, неслись вперед с поразившей меня скоростью. Мы мчались в полной тишине: не перекликались колокольчики на упряжи и на передке саней, как обычно они звенели в Эсткарпе, и было что-то непонятно-пугающее в этом беззвучном полете.

Мысли мои постепенно прояснялись, но боль сосредоточилась в голове — по-видимому, давал о себе знать удар, полученный при падении; нечего было и пытаться сейчас разрешить какую-либо задачу, это было невыполнимо, и ужас мой перед оковами был скорее инстинктивным, нежели осознанным.

Я перестала вырываться из пут, просто закрыла глаза, чтобы защититься от слепящего солнечного света, усиливающего головную боль до отчаяния, и решила, что самое разумное — восстановить в памяти все происшедшее, собрав вместе обрывки воспоминаний.

Наконец мне удалось вспомнить все, вплоть до удара, нанесенного незнакомцем, и я с досадой поняла, что являюсь не спасенной, а пленницей, и сейчас мы едем по направлению к его дому или лагерю. Я знала об Эскоре очень немного (даже Зеленые не забредали далеко от цитадели Долины), в основном слухи и легенды, но ни разу прежде не слыхала я о таких людях и таких собаках.

Теперь я не видела того, кто захватил меня в плен, он, должно быть, шел сзади, за санями. А может быть, он вообще отправил меня одну, под присмотром своих четвероногих слуг, в которых был полностью уверен, а сам остался с другими спасенными?

Другие спасенные! У меня перехватило дыхание, эта мысль причинила мне острую боль.

Килан... Кемок...

Я цеплялась за это, как человек цепляется за страховочную веревку в горах, вдруг поскользнувшись

и потеряв под ногами опору. Так тесно, так близко были связаны мы трое, что я твердо знала: если один из нас покинет этот мир, другие в то же мгновение узнают о роковом ударе. И хотя я потеряла свой Дар, у меня еще оставалось достаточно интуиции и разума, чтобы понять — братья мои живы. А если они живы...

Я опять дернулась, силясь освободиться от спутывающих меня веревок, но тщетно — только резко ударилась о заднюю перекладину саней, да так, что новый приступ боли чуть было снова не лишил меня чувств. И я поняла, что теперь, именно теперь, мне нужно, отринув страх, призвать себе на помощь все хладнокровие и бдительность.

За годы, проведенные среди колдуний, я постигла такие науки, каким не обучался ни один воин, и сейчас мне важно было собрать и объединить то немногое, что у меня еще осталось, то, что послужило бы ныне и оружием, и защитой. Не все сразу. Разве можно надеяться помочь братьям, если я сама не свободна? Пока я — только пленница, и значит, должна быть все время настороже, чтобы не упустить возможность, которая вдруг да представится мне.

Я очень мало знала о человеке, взявшем меня в плен, и плохо представляла, как его перехитрить. Вероятно, самое лучшее до поры до времени притворяться слабой испуганной женщиной, в которую, как он наверное считает, ему удалось вбить покорность. Однако будет безумно трудно изображать кротость мне, Каттее, принадлежавшей к древней расе и выросшей в Эсткарпе, где колдуньи издавна ставили себя выше мужчин, и воины принимали их главенство безоговорочно, не смея оспаривать его. И все-таки мне нужно было казаться беспомощной и безропотной, как бы ни было это противно моей душе.

И я лежала неподвижно в санях, наблюдая за прыжками собак, тащивших их, пытаясь разобраться в своих запутанных мыслях. Если бы я сейчас владела всей своей Силой, как когда-то, я была бы свободна уже с момента пробуждения, потому что нисколько не сомневалась, что сразу бы подчинила себе и собак, и их хозяина. Я с горечью думала, что похожа

на человека, некогда здорового, ловкого, быстроногого, который, вдруг став калекой, должен смириться с тем, что отныне любой путь для него — мучительно долог и опасен.

Уже дважды собаки делали привал — они, тяжело дыша, садились в снег, высунув длинные языки и показывая устрашающие клыки. Когда псы остановились во второй раз, хозяин направился к саням, очевидно, проверить не пришла ли я в себя, но скрип снега под его ногами вовремя предупредил меня, и я закрыла глаза, вполне убедительно, как мне кажется, изображая бессознательное состояние. И пока собаки снова не тронулись в путь, я не смела открыть глаза.

Когда я очень осторожно открыла их снова, то увидела, что снежный покров вокруг уже не так девственно чист, как прежде — снег повсюду был испещрен следами других санных упряжек. Очевидно, мы приближались к цели, и я заставила себя сосредоточиться, чтобы как можно убедительнее сыграть свою роль испуганной, смиренной пленницы. Однако я решила притворяться, что нахожусь без сознания, сколько это будет возможно — мне хотелось побольше узнать о людях, к которым я попала, ибо по обилию следов на снегу я поняла, что человек, захвативший меня, живет не один, и там, куда мы направляемся, в соплеменниках его недостатка не будет.

Собаки понесли вниз по склону, потом — по долине, где деревья, как черные растопыренные пальцы, выделялись на снегу; солнце уже село, и на небе виднелась только неяркая полоска света. Деревья скрывали тех, к кому мы спешили, но я заметила за ними несколько взметнувшихся языков пламени. А затем раздался бесконечно унылый вой, и собаки, везущие сани, громко вторили ему.

Вскоре, слегка приподняв веки, я разглядела, что действительно нахожусь в лагере, а не в постоянном поселении, какие имели люди зеленой расы. Хотя уже совсем смерклось, я все же смогла различить среди деревьев какие-то шатры, так искусно поставленные, что сами деревья казались их естественным продолжением. Я вспомнила рассказ Кемока о моховухах, у

которых стены жилищ были сделаны из мха, а каркасом служили ветви старых деревьев.

Стены этих шатров были не из мха, из больших кусков выделанной кожи, сшитых из узких полос; они были очень удобны в обращении, ибо стоило лишь натянуть их на колья — и вот уже готово жилище. Все шатры были поставлены под деревьями, и перед входом в каждый горел костер.

Возле каждого жилища сидели две, три, а то и четыре собаки, яростным лаем встречавшие наше приближение. Несколько мужчин выскочили наружу выяснить причины этого шума. Насколько я могла разглядеть при слабом сумеречном свете, все они и чертами, и цветом лица походили на моего спутника так, что казалось, будто они принадлежат не просто одному племени или клану, а одному и тому же семейству. Когда сани замедлили ход, а затем и вовсе остановились на опушке леса, обитатели поселка столпились вокруг них, и я сочла за лучшее продолжать делать вид, что все еще не пришла в себя.

Покрывало, одновременно бывшее моими оковами, сбросили на снег, а меня подняли и понесли туда, где ароматы готовящейся на костре еды смешивались с запахами свежевыделанных шкур, собачьей шерсти и давно не мытых человеческих тел. Меня опустили на какое-то упругое ложе, которое мягко подалось, принимая мое измученное, изболевшееся тело, избавив его от лишнего всплеска боли.

Вокруг меня слышалась вполне внятная речь, было довольно тепло, и я чувствовала свет даже сквозь закрытые веки, словно кто-то поднес светильник прямо к моему лицу. Голова моя ничем не была покрыта с тех пор, как меня откопала собака, и кто-то запустил в мои волосы руку и откинул их на одну сторону; раздались возбужденные возгласы, словно мой вид вызвал удивление.

В конце концов меня оставили в покое, однако я еще какое-то время не решалась пошевелиться и, напряженно прислушиваясь, пыталась понять, впрямь ли я осталась одна — мне не терпелось осмотреть место моего заточения.

Я начала медленно считать про себя, решив, что, досчитав до пятидесяти, нет, лучше до ста, я рискну открыть глаза, хотя поворачивать голову и вообще шевелиться пока, наверное, не стану. Может быть, даже такой ограниченный обзор даст возможность оценить ситуацию.

Досчитав наконец до ста, я, собравшись с духом, открыла глаза. К счастью, после придирчивого осмотра представителями этого племени я осталась лежать, повернув голову прямо к незавешенному входу, что позволяло мне разглядеть кое-что снаружи и не быть застигнутой врасплох.

Мое тело покоилось на куче пушистых шкур, брошенных поверх свежесрезанных веток; постель была очень удобной. Справа я вполглаза рассмотрела несколько сундуков, покрытых выделанными шкурами; на коже отчетливо были заметны узоры, хотя во многих местах краска уже выцвела и облупилась, и, как ни вглядывалась, я не смогла различить ни одного знакомого символа.

С другой стороны, напротив входа, висело несколько узких, наклоненных к стене, полок. Они были завалены сумками, деревянными коробками и глиняной посудой удивительно красивой формы, но не расписанной, вообще — лишенной каких-либо украшений. Здесь же висели два охотничьих копья.

Источник света, благодаря которому я смогла все это разглядеть, вызвал мое глубочайшее изумление. От шеста, расположенного в центре, тянулись во все углы жилища веревки, на которых висели лоскутья покрытой пленкой ткани, очень напоминающей тот превосходный шелк, что сулькарские мореходы иногда привозили из-за моря. Основой этой тончайшей ткани были мириады мелких насекомых, причем не мертвых, как в тенетах паука, а живых. Внутри каждого копошащегося насекомого мерцала искра света, так что все вместе они давали необыкновенное освещение, может быть, более тусклое, чем то, к которому я привыкла, но его вполне хватало, чтобы осмотреться.

Я с изумлением продолжала таращиться на все вокруг и поздно заметила, как в жилище вошел незнакомец. Он так и застал меня с широко открытыми

глазами, и больше не имело смысла разыгрывать беспамятство. Досадуя на свою глупость, я попыталась сыграть другую, продуманную заранее роль, надеясь, что хоть это мне удастся, и со страхом на лице стала пятиться от него по постели, словно желая спастись бегством.

Он встал на колени сбоку от ложа, уставился на меня, словно оценивая, и вдруг резким движением засунул руку мне под куртку. Теперь мне не нужно было изображать ужас, потому что я действительно испытывала его, нимало не сомневаясь в намерениях мужчины, словно бы прочла его мысли.

Я больше не могла притворяться безвольной пленницей, я не могла без борьбы позволить ему сделать то, что он вознамерился сделать. Я изогнулась, пытаясь укусить его руку, а он тем временем вцепился другой рукой в куртку, стараясь разорвать и ее, и рубашку под ней. Я отбивалась изо всех сил, я отталкивала обидчика и руками, и ногами.

Казалось, он все принимает за игру и даже находит в этом удовольствие. Он сидел, опершись на пятки, и усмешка на его лице не сулила мне ничего хорошего. Быть может, он наслаждался властью надо мной и хотел продлить свое торжество, но во всяком случае к дальнейшим действиям он не переходил, продолжая разглядывать меня, словно тщательно обдумывал каждый последующий шаг, смакуя в воображении то, что собирался сделать.

Но он так и не успел воспользоваться случаем. Раздался резкий оклик, полог отдернули, показалась голова, затем — плечи, и глазам моим впервые предстала женщина этого племени.

У нее были такие же своеобразные черты, как и у человека, взявшего меня в плен, только волосы свернуты кольцом и уложены в замысловатую прическу; на голове возвышалась целая башня, поблескивающая булавками, украшенными драгоценными камнями. Ее свободный меховой плащ был распахнут, и я увидела, что несмотря на довольно прохладную погоду, она обнажена до пояса, только на шее болталось несколько ожерелий весьма искусной работы. Груди были большими и тяжелыми, а соски выкрашены в желтый

цвет, и от них, изображая цветок, во все стороны отходили лепестки.

Разговаривая о чем-то с моим захватчиком, она с презрительным любопытством пристально оглядывала меня, и при этом вид у нее был такой властный, как у какой-нибудь колдуньи. Откровенно говоря, я не рассчитывала встретить здесь нечто подобное; не знаю уж почему, но я решила, что нахожусь в обществе, где главенствуют мужчины.

Говорила женщина очень быстро, и этот язык, этот выговор странно волновал меня: когда временами удавалось ухватить обрывок разговора, он казался смутно знакомым, хотя значения слов я уловить не могла. Немудрено, что я так забеспокоилась, слушая эту женщину — меня не покидала надежда вновь обрести свой утраченный Дар. Только тот, кто некогда обладал Силой и потерял ее, смог бы понять, что тогда творилось со мной. Я была жестоко опустошена, и потеря казалась столь огромной, что с каждым днем я ощущала ее все больше и больше.

Хотя я и не могла понять, о чем говорили эти двое, было ясно, что они недовольны друг другом, — их захлестывало раздражение, и судя по всему, именно женщина приказывала моему мучителю сделать что-то такое, чего он делать не хотел. Вдруг она вполоборота повернулась к двери и сделала жест, из которого я заключила, что она грозится позвать кого-то на помощь.

Издевательская усмешка уже давным-давно исчезла с его толстогубого лица — теперь на нем было столько угрюмой злобы, что на месте этой женщины я бы просто побоялась смотреть на него. Ее же презрение и нетерпение только усиливались, и она снова повернулась, словно тот, кого она могла позвать на помощь, только и ждал снаружи сигнала. Однако прежде чем она сделала это, если действительно таково было ее намерение, раздался медный гул, и тяжелое протяжное мычание, повторенное эхом, достигло наших ушей.

Пораженная услышанным, я на короткое мгновение совершенно забыла, где я, и что меня ждет еще немало тяжких испытаний. Этот звонкий гул воскре-

сил в моей памяти то, что я считала навсегда потерянным — на него отозвалась не просто какая-то часть меня, но в один миг откликнулось все мое существо, да с такой ужасающей силой, что лишь удивляюсь, почему я не закричала.

Хотя Дар мой был, очевидно, потерян для меня, память оставалась со мной, я нет-нет да вспоминала, чему меня когда-то учили, пусть даже не могла сейчас ничем воспользоваться. И память подсказала мне, что я услышала здесь, в лагере варваров, не что иное, как сигнал колдовского гонга.

Женщина нескрываемо торжествовала, а мой мучитель еще больше встревожился. Он достал из-за широкого ремня острый нож, наклонился надо мной и перерезал веревки, которыми крепко были скручены мои ноги. Освободив от пут, он грубо поставил меня на ноги, его руки злобно обшарили все мое тело, и это, похоже, обещало мне в будущем много неприятностей, если учесть, что сегодня его вынудили отказаться от задуманного.

Он резко толкнул вперед мое безвольное тело, и, если бы не женщина, не уступавшая ему по силе, я, беспомощная, угодила бы прямо в стену, но она подхватила меня за плечи.

Ее ногти больно вонзились в мою ладонь, и она, подталкивая, вывела меня из шатра в холодную ночь, слегка озаренную огнями костров. Люди, что сидели, сгрудившись, у огня, не обращали на нас никакого внимания, и мне подумалось, что они нарочно избегают смотреть в нашу сторону по какой-то неведомой мне причине. В воздухе до сих пор чувствовалась вибрация, вызванная звуком гонга — она не умерла, когда оборвался звук, породивший ее.

Я спотыкалась, женщина одновременно поддерживала и подталкивала меня, мы проходили мимо костров и других жилищ, примостившихся среди деревьев, по извилистой дороге. Костры остались далеко позади, тьма сгустилась, стала еще непроглядней, казалось, в ней немыслимо что-либо различить. Но моя охранница — или проводница — шла ровно и уверенно; либо она видела в темноте гораздо лучше

меня, либо так часто ходила этим путем, что знала его наизусть.

Затем показалось пламя еще одного костра, и было оно не красным, как обычно, а синим. Курились ароматические смолы — я знала этот запах исстари, хотя здесь дым шел спиралью не только от жаровни, но и от палочек, воткнутых в отверстия. Неужели меня привели к истинным колдуньям, неужели несколько изгнанниц из Эсткарпа пришли сюда через горы, также как и мы, в поисках древнего отечества?

Костер горел перед большим шатром, почти целиком занимавшим поляну, на которой был поставлен. Некто, закутанный в плащ, с лицом, скрытым капюшоном, сидел у костра, сторожа вход; при нашем приближении он протянул руку и подбросил в огонь какой-то травы, отчего дым стал еще более ароматным. Вдыхая сладкое благоухание, зная, что это такое, я несколько приободрилась — как бы то ни было, но здесь властвует не Тьма, ведь все, требующее подобной пищи и вскормленное ею, может исходить лишь от силы Света.

Конечно, колдовство — палка о двух концах. Взлелеянное волей колдуньи, оно питается силами природы, силами земли, воды и растений. Но любой, заключив договор с Тьмой, может обратить его во зло. Так растения могут излечивать, а могут и убивать.

И прирожденная колдунья, стремящаяся как можно лучше преуспеть в своем искусстве, и та, что совсем лишена Дара, но старательно учится пользоваться Силой — обе рано или поздно встают перед выбором между светом и тьмой.

Колдуньи Эсткарпа обычно были наделены Даром от рождения, а я — одна из них, хотя и не приносила клятвы и на груди у меня не было их дымчатого камня, поэтому неизвестно, как меня встретят.

«Что ждет меня там?» — гадала я, когда провожатая подвела меня ко входу в жилище. Встречу ли я прирожденную колдунью или ту, которая выучилась колдовству? Мне подумалось, что я могла бы лучше подготовиться к недавним событиям, если бы чуть раньше услышала звук гонга...

В жилище, куда мы вошли, было довольно светло. Здесь тоже висели лоскуты ткани со своими насекомыми-пленниками, копошащимися в изобилии, но кроме этого на низком столике, предназначавшемся для того, кто располагался рядом на корточках или сидел на полу, — лежал мерцающий кристалл в форме шара. Едва только мы вошли в шатер, свет, который, казалось, растекался, словно влага, внутри шарообразного сосуда, вспыхнул ярко, как солнце.

«Добро пожаловать, дочь». По меркам Эсткарпа произношение казалось устаревшим, но это уже не было тем невнятным бормотанием, какое мне пришлось несколько раз слышать здесь, в поселении. Я согнулась перед шатром, но вовсе не потому, что меня вынудила к этому моя провожатая, просто я хотела рассмотреть того, кто заговорил со мной.

Возраст людей древней расы трудно определить, хотя живут они долго: я знала лишь одну или двух колдуний, выглядевших столь откровенно старо, и подумала, что эта склонившаяся, словно высохший цветок, над столиком с кристаллом, в самом деле уже на закате жизни.

Волосы ее, совсем седые и редкие, не были собраны и закреплены сверкающими заколками, как у других женщин племени. Однако они были забраны сеточкой, и насколько я знала, именно так, как это было свойственно колдуньям Эсткарпа. При этом она не была так туго закутана в одежды, как это делали колдуньи. Плечи были обернуты большой меховой накидкой, и незамысловатое одеяние позволяло видеть ожерелье с одним единственным драгоценным камнем, что, словно кулон, висело между дряхлыми грудями, уродливо трепыхавшимися под жесткой кожей. Лицо с глубоко посаженными глазами, изрезанное морщинами, не было ни широким, ни толстогубым — узкий овал и тонкие точеные черты, каких я, пожалуй, никогда не видела.

— Добро пожаловать, дочь, — повторила она, или, может быть, ее слова все еще продолжали звучать в моей голове? Она вытянула вперед свои руки, но даже если бы я хотела в знак приветствия положить свою ладонь на ее, я не могла бы сделать этого, по-

тому что руки мои по-прежнему были связаны. Старуха повернулась к моей охраннице, та пробормотала что-то злобно и одновременно униженно, затем ее нож разрезал связывающие меня веревки.

Мои онемевшие руки двигались с трудом, кровообращение еще не восстановилось, но я поспешила коснуться кожи ее ладоней, показавшейся мне очень сухой и горячей. На некоторое время мы так, не двигаясь, и застыли, и я не противилась, почувствовав, что ее разум проникает в мой, изучает мою память, мое прошлое, словно все это было отчетливо написано на листе бумаги.

— Вот оно что! — произнесла она мысленно, и я безумно обрадовалась, восприняв ее мысль так легко, как этого никогда не получалось даже с Киланом и Кемоком.

— Ты должна была прийти сюда, — продолжала она. — Я чувствовала твое присутствие, дочь моя, еще когда ты была далеко, и внушила Сокфору — не открыто, а так, чтобы он думал, будто это его собственная мысль — отправиться разыскивать тебя.

— А мои братья, — довольно резко прервала я. Может быть, в ее власти сказать мне хотя бы одно — живы ли они.

— А, эти самцы... какое нам до них дело? — ответила она с надменностью, знакомой мне издавна. — Впрочем, если тебе интересно, посмотри в этот шар.

Она резко отпустила мои руки, указав на пылающий кристалл, что стоял между нами.

— У меня давно уже нет Дара, — сказала я мысленно. Впрочем, она, конечно же, не могла не знать об этом.

— Уснуть — не значит умереть, — произнесла она в ответ. — Спящего можно разбудить.

Она невольно оживила во мне ту слабую надежду, что согревала меня, когда я отправилась в Эсткарп. Я не только боялась того, что пустота во мне может быть заполнена каким-нибудь злом, но мне было нужно, крайне необходимо во что бы то ни стало вновь обрести хотя бы мизерную часть дарованного от рождения.

— Ты можешь это сделать? — спросила я ее, не надеясь, по правде говоря, услышать «да».

В ее сознании промелькнули радость, гордость и еще многие чувства, столь быстротечные и так глубоко запрятанные, что я не смогла их уловить. Однако самым сильным чувством была все-таки гордость, и это я поняла из ее ответа.

— Не знаю. Время еще есть, но оно стремительно течет между пальцами, как бусинки четок, — она поднесла правую руку к поясу и покачала четками; каждая бусинка, нанизанная на некотором расстоянии от другой, была гладкой, прохладной и словно слегка закопчённой на ощупь. Колдуньи пользовались такими, чтобы управлять чувствами или особым образом контролировать память. — Я стара, дочь моя, и часы текут для меня слишком быстро. Но все, что у меня есть — принадлежит тебе.

Я, возликовав от этой откровенно предложенной помощи, готова была расплакаться от радости и облегчения, ведь она посулила то, о чем я мечтала больше всего на свете. Мне даже в голову не пришло, что я, возможно, только околдована ее Даром, а тем более — что это просто выгодная сделка. Вероятно, влияние Динзиля до сих пор сказывалось на мне, судя по тому, с какой легкостью я, ничуть не насторожившись, покорилась чужой воле.

Так я встретила Ютту и стала ее ученицей, ее «дочерью». Я ничего не знала про Ютту, кроме того, что это, конечно, ее не настоящее имя, ведь знание настоящего имени дает власть над колдуньей. Я также никогда не узнала, почему она оказалась в этом племени кочующих охотников, известно было только то, что она здесь с тех времен, когда нынешние старики были еще детьми. Ютта была их легендой и богиней.

Время от времени она выбирала «дочь», чтобы та помогала ей, но среди женщин племени не было ни одной, обладающей Даром, и Ютта все не могла найти ту, которой она могла бы передать свои познания, воспитать как замену себе, как колдунью. Она была очень одинока.

Я рассказала ей свою историю, не вслух, конечно, просто она прочитала мои мысли. Борьба, развернув-

шаяся в Эсткарпе, битва света и тьмы, не слишком заинтересовали ее. Давно, очень давно она по собственному желанию ограничила свой мир заботами маленького племени и теперь уже не хотела, да и не могла разрушить границы, установленные ею же самой. Я понимала, что, помогая мне вернуть утраченное, Ютта и сама, пожалуй, обрела новый смысл жизни. Не знаю, так ли было в самом деле, но она крепко уцепилась за эту возможность сделать из меня хотя бы призрачную копию той, какой я была прежде.

4

Вапсалы — так называли себя эти кочевые охотники, о своей истории сохранили лишь смутные легенды. Ничего из того, что я случайно слышала, живя среди них, не наводило на мысль, будто когда-то у них было постоянное место обитания, даже когда в Эскоре было еще спокойно. У них было природное чутье к ремеслу, и Ютта, отвечая на мой вопрос, подтвердила, что они могли быть кочевыми ремесленниками, равно как и пастухами или кем-нибудь вроде этого, пока не перешли к более суровой жизни охотников.

Обычное их местонахождение было много западнее, и сюда они пришли из-за набегов каких-то чужеземцев, разбивших их многочисленный народ на кочевые кланы. И еще я узнала от Ютты и ее служанок, что на востоке, на расстоянии в несколько дней пути, лежало море или, по крайней мере, очень большое водное пространство, откуда и приходили их враги, которым домами служили корабли, как и у сулькарцев на западе.

Я старалась собрать как можно больше точной информации, чтобы сделать карту. То ли они искренне не понимали, что я от них хочу, то ли от природы были рассеянны, но все, что я узнавала, было довольно смутно и расплывчато.

Здесь, на западе, племя не нашло ни покоя, ни счастья; они не могли угомониться, бесцельно скитаясь в предгорьях. На одном месте вапсалы оставались лишь столько дней, сколько пальцев на обеих руках,

и не больше; настолько примитивным было их понятие о порядке вещей, что считали они именно так, на пальцах.

С другой стороны, они являлись просто чудо-мастерами в работе с металлом, их украшения и оружие были не хуже самых искуснейших образцов, какие я видела в Эсткарпе, разве что узоры — погрубее и попроще.

Мастерство кузнеца ценилось у них превыше всех прочих ремесел, а сам кузнец претендовал на роль жреца племени, если там не было такой, как Ютта; кланов же, имеющих свою пророчицу, было немного.

Хотя Ютта могла управлять их чувствами и при необходимости нагнать страху, предводительницей клана она не стала. У вапсалов был вождь, некто Айфенг, человек довольно молодой и обладавший, повидимому, всеми достоинствами, необходимыми вожаку. Был он отважен, но при этом отнюдь не безрассуден, обладал безупречным охотничьим чутьем и не был лишен здравого смысла. Порой он бывал необдуманно жесток, к тому же, как я подозреваю, завидовал влиянию Ютты, хотя и не решался в открытую оспаривать ее авторитет.

Это сын его старшей сестры нашел меня с помощью своей гончей собаки. Ранним утром — на следующий день после того, как Ютта взяла меня к себе на службу, он сам явился в ее шатер вместе с племянником, собираясь, согласно давнему обычаю, заявить о его правах на меня.

Племянник стоял чуть позади него, очень довольный тем, что вождь отстаивает его права, а я в это время сидела, поджав ноги, на расстоянии шпаги позади моей новой хозяйки, предоставив старейшим решать мою судьбу. Молодой охотник так жадно смотрел на меня, что я возблагодарила судьбу за то, что есть Сила превыше других сил и что поэтому Ютта не даст меня в обиду.

Айфенг сразу заявил, что спорить не о чем — есть обычай и следует его соблюдать. Я не понимала его речь, но смысл ее уловила прекрасно, благодаря частым и настойчивым взглядам в мою сторону; время от

времени он делал красноречивые жесты по направлению ко мне и в сторону гор.

Ютта внимательно слушала его, и вдруг единственной, язвительно брошенной фразой разбивала все аргументы. Затем до меня дошел ее мысленный приказ:

— Девочка, воспользуйся своим Даром. Взгляни-ка на тот кубок, подними его и поднеси к Айфенгу одной лишь своей волей.

Как легко мне было сделать подобное в прежние дни, но сейчас это казалось невыполнимым. Однако я не посмела ослушаться, подняла руку и, указав на один из серебряных кубков, сконцентрировала свою волю на задаче, которую она поставила передо мной.

Я больше чем уверена, что не моя, а ее воля, действующая через мою, привела в ту минуту к желаемому результату: кубок действительно поднялся в воздух, поплыл и остановился у правой руки Айфенга. Тот громко вскрикнул от удивления и резко отдернул палец, коснувшийся сосуда, словно он был раскален.

Затем вождь повернулся к племяннику, голос его поднялся до крика, а отругав охотника, он снова обернулся к Ютте, коснулся рукой лба, что на языке их жестов означало прощание, и вышел из жилища, заставив молодого человека следовать за собой.

— Но это сделано не мной, — тихо произнесла я, как только наши посетители отошли достаточно далеко.

— Спокойно! — раздался у меня в голове ее голос. — Ты сможешь сделать гораздо больше, наберись терпения. Или, может быть, ты предпочитаешь лежать под Сокфором и ублажать его? — Она улыбнулась — ее лицо избороздили тысячи мелких морщинок — прочитав в моих глазах ужас и отвращение. — То-то же! Я давно служу этому племени, и знаю — никогда ни Айфенг, ни Сокфор, ни кто-либо другой не осмелится перебежать мне дорогу. Запомни, девочка, и будем вместе выполнять нашу работу: я одна защищаю тебя от всех этих самцов, пока ты заново не обретешь свою Силу и не сможешь постоять за себя сама.

Ее доводы были весьма убедительны, и мне захотелось приступить к обучению немедленно.

Среди ее домочадцев были две другие женщины, о которых стоит упомянуть. Одна — старуха, на вид почти такая же древняя, как Ютта, хотя по годам она была гораздо моложе, да и много сильнее, чем могло показаться на первый взгляд; своими жилистыми руками со скрюченными пальцами она выполняла работу в жилище, а было ее поистине не мало. Именно ее я видела той ночью в лагере, когда она, закутанная в плащ с капюшоном, подбрасывала в костер траву. Звали ее Аторси, и я редко слышала ее голос. Она была безгранично преданна Ютте, и я допускаю, что мы все, остальные, существовали для нее только лишь как тени ее хозяйки.

Женщина, которая привела меня к Ютте, тоже была вапсалкой, хотя и не из этого клана. Как я узнала, она была вдовой погибшего вождя другого племени, которое вапсалы разгромили во время одного из жестоких набегов, после чего оба клана объединились и стали единым племенем. Само собой разумеется, в качестве военной добычи она должна была достаться Айфенгу, но в его шатре уже имелось две жены, причем одна из них была безумно ревнивой.

После двух-трех дней бурных домашних перебранок состоялась торжественная церемония передачи этого военного трофея Ютте в качестве служанки. И здесь, среди прислуги колдуньи, Висма нашла именно то место, которое более всего подходило ей и какого она не получила бы у Айфенга, даже став его главной женой. Этой женщине от природы было присуще желание господствовать, и ее нынешнее положение связующего звена между Юттой, которая очень редко покидала жилище, а вернее, только тогда, когда наступала пора сниматься с места, и она усаживалась в сани, закутанная в меха — и прочими представителями клана, — устраивало ее как нельзя лучше. В качестве охранницы и надзирательницы она была просто незаменима.

Поначалу казалось, что она жестоко обижена моим появлением, но едва Висма поняла, что я никоим образом не претендую на ее место и не угрожаю ее

авторитету, она успокоилась и приняла меня. В конце концов она сумела использовать молву о моей растущей силе как новый аргумент в пользу своего высокого положения.

В жизни этого кочевого племени была одна странность. С одной стороны, Ютта и ее приближенные олицетворяли образ жизни, который был мне хорошо знаком, а именно — общину женщин, использующих свой Дар для поддержания порядка и закона. С другой стороны, Айфенг и остальные обитатели лагеря следовали совсем другим законам — законам общества, управляемого мужчинами.

Вскоре я поняла, что Ютта была права, советуя мне быстрее выучить заново или вспомнить то, что я прежде умела, поскольку дни ее, похоже, приближались к концу. Скитальческая жизнь утомляла ее: она плохо переносила холод и частые перемещения, хотя была окружена всем возможным комфортом, какой только Аторси и все мы могли ей предоставить.

Наконец Висма направилась к Айфенгу и решительно заявила, что нужно срочно найти пристанище, где бы можно было обосноваться на длительное время, ибо никому не ведомо, как долго еще протянет Ютта в этих непрестанных скитаниях, тягостных для нее. Слова Висмы так напугали вождя, что он немедленно снарядил своих лучших разведчиков на поиски подходящего места; что ни говори, услуги Ютты несомненно приносили охотникам удачу, все осознавали это — их везение не шло ни в какое сравнение с удачливостью других подобных кланов.

Дней через десять после моего пленения кочевники снялись с места и отправились на восток. Я не могу сказать, сколько лиг сделали мы, удаляясь от гор, которые по-прежнему неясно вырисовывались далеко позади. Я не единожды умоляла Ютту узнать по ее волшебному шару хоть что-нибудь о моих братьях, но она каждый раз неизменно отвечала, что не намерена понапрасну растрачивать себя на подобные пустяки и что я сама выясню все, когда наберусь сил для того, чтобы прибегнуть к мысленному поиску, а ее эти неоправданные усилия только сведут в могилу раньше времени. В общем, получалось, что в моих собственных

интересах по возможности скорее научиться пользоваться шаром, если я не хочу ее преждевременной смерти. Впрочем, я с мрачным недовольством отметила, что, следуя своим собственным стремлениям, она была гораздо более могущественной, нежели тогда, когда я просила ее выполнить какие-либо мои желания.

Однако я отдавала себе отчет, что кроме нее никто не поможет мне вернуть потерянное, не говоря уж о том, что она оставалась своеобразным буфером между мною и мужчинами племени, особенно Сокфором, который не переставал преследовать меня своими мерзкими взглядами всякий раз, когда мы с ним встречались. Обрети я вновь хотя бы частицу своего утраченного Дара, я могла бы освободиться по крайней мере от этой угрозы: настоящую колдунью нельзя взять силой, против ее воли, и это однажды доказала моя мать в крепости Верлена, когда некий высокородный вельможа из Карстена хотел было затащить ее в постель.

Конечно, мне незачем было ссориться с Юттой. А она, мало сказать, что она была довольна, она просто торжествовала, когда в течение долгих часов обучала меня, явно надеясь, что я стану во всем похожа на нее.

Я непрерывно убеждалась в том, как неистово ждала она долгие годы ученицу, и теперь все ее чаяния были устремлены на меня.

Она располагала многими приемами колдуний, и я с легкостью усваивала их. Впрочем, очень скоро я стала находить эти занятия утомительными, потому что ее память рассеянно перескакивала с одного раздела на другой, который, как ей в тот момент казалось, мне должно было освоить в первую очередь. Все, что я в конце концов приобрела (со всем старанием, на какое только была способна), представляло собой путаницу из разрозненных обрывочных знаний, которую, как мне казалось, совершенно невозможно привести в порядок. Я начала уже опасаться, что останусь такой, какая есть, разве что смогу изредка помогать Ютте при необходимости, но могущества, достаточного для того, чтобы хоть как-то защитить свои интересы, так и не получу. Судя по всему, ее это вполне устраивало.

Дважды с начала нашего пути мы устраивали более или менее длительные стоянки. В первый раз — по прошествии десяти дней, когда мужчины отправились на охоту, пора было пополнить наши запасы. Перед тем как им уйти, Ютта творила заклинания, вовлекая и меня в колдовские действа, и я помогала ей по мере сил. Картины, вызванные ее колдовством, ярко запечатлялись в сознании охотников, причем она показывала им не только те места, где водилась дичь, но и те, которых следовало избегать, ибо они находились под властью Тьмы.

Подобные действа полностью истощали ее силы, и она не могла заниматься со мной ни в этот день, ни на следующий, а я сумела понять, как ценен ее дар для этих людей и сколько опасностей поджидает кочевников, у которых нет такого хранителя.

Я не знала точно, сколько прошло времени с момента моего пробуждения в пещере под завалившим меня снегом. Но приблизительно на тридцатый день пути наши сани въехали в долину меж двух суровых скалистых гребней, изборожденную, словно морщинами, маленькими ручейками, которые в эту пору еще находились подо льдом. Мы продолжили путь и некоторое время спустя достигли низменности, где ручьи, как ни странно, вовсю журчали среди талого снега, а плотных и тяжелых сугробов как не бывало. Здесь все, кроме Ютты, слезли с саней и пошли пешком, облегчая труд собакам, которые уже выбились из сил.

Вскоре снег исчез совсем, и тогда двое молодых мужчин впряглись в сани, где сидела Ютта, помогая собакам тащить их. Понемногу на коричневой земле стали появляться зеленые живые островки: сначала это был грубый мох, затем пучки травы и низкорослые кустарники. Я испытывала странное ощущение, казалось, мы перешли из одного времени года в другое, и расстояние между ними всего лишь в несколько сот шагов.

Было уже тепло настолько, что мы впервые за много времени смогли, наконец, расстегнуть плащи, откинуть капюшоны, а немного погодя и совсем раздеться: мужчины и женщины племени шли голые по

пояс, а на мне осталась только туника, влажная от пота, неприятно прилипавшая к телу.

Мы двигались вдоль реки, и если бы не пар, который стлался над ней, я бы непременно попила, потому что в горле совсем пересохло — от влажного зноя ужасно хотелось пить. Но вода была горячей, вероятно, она текла из какого-нибудь кипящего источника, и наверное поэтому долина, куда мы пришли, была уголком вечного лета.

Наше продвижение постепенно замедлялось, и не только потому, что отсутствие снега мешало нормальному ходу саней. Айфенг часто останавливался, чтобы посоветоваться с Юттой. Несмотря на то, что кочевники стремились именно сюда, здесь, по-видимому, могла таиться большая опасность для них. Ютта, поколдовав, давала знать, что можно безбоязненно двигаться дальше; так мы пришли туда, где должны были разбить лагерь на долгое время.

Повсюду виднелись следы старых костров, а расстояние между беловатыми деревьями было достаточным, чтобы поставить шатры; к тому же, своеобразная стена из беспорядочно нагроможденных камней служила дополнительной защитой на случай опасности. И вапсалы принялись спешно устраивать постоянное поселение.

Стены жилищ были укреплены снаружи завалами камней, так что из-под них едва виднелись только меховые верхушки. Впрочем, здесь, в этой теплой, насыщенной мягкими испарениями долине, в подобной защите не было такой необходимости, как в снежной пустыне, через которую мы пришли сюда.

Бесчисленные бассейны и горячие источники в изобилии снабжали нас водой, которую не нужно было кипятить. И оставшись, наконец, одни в нашем шатре, мы вымылись, что было для меня ни с чем не сравнимым и почти забытым наслаждением.

Из ярко раскрашенных сундуков Висма достала для всех нас чистую одежду, и теперь я была одета как все женщины племени — в штаны с вышитыми узорами, и подпоясана широким ремнем, украшенным драгоценными камнями, а на шее появились многочисленные ожерелья. Она хотела разрисовать мою

грудь наподобие своей, но я отрицательно покачала головой. Позже я узнала от Ютты, что поступила совершенно правильно, потому что девушка не разукрашивает себя подобным образом до тех пор, пока не захочет допустить к себе воина, и, согласись я на предложение Висмы, я бы невольно сделала приглашение мужчинам племени.

Однако мне некогда было углубляться во все тонкости обычаев вапсалов, потому что Ютта, наконец, взялась за мое обучение как следует, и у меня едва оставалось время на сон и еду. Я очень уставала и похудела, и если бы никогда прежде не сталкивалась с дисциплиной, царящей у колдуний, то, наверное, просто сломалась бы от перенапряжения. В то же время мне казалось, что Ютта чувствует себя превосходно и вовсе не страдает так, как я.

Все, чему она учила меня, были те самые приемы, которые она использовала во благо клана. Нередко в последние дни она призывала меня помочь тем, кто приходил к ней, и хотя она всегда была рядом, наблюдая за моими действиями, но не вмешивалась, позволяя мне творить мои собственные заклинания. На удивление, обитатели поселка не отвергали мою помощь и не обижались на то, что вместо всемогущей Ютты ими занимается всего лишь ученица. Впрочем, возможно, именно ее присутствие заставляло их доверять мне.

Я выучила заклинания, исцеляющие больных, и те, которые необходимы для удачной охоты. Но до сих пор она не посвящала меня в дар предвидения, и я начала подозревать, что она не делает этого намеренно, не желая дать мне возможность связаться с кем-нибудь из моих близких, а это и впрямь легко было сделать, поскольку способы предвидения и мысленного поиска на большом расстоянии в значительной степени похожи.

Словом, борьба за мои собственные интересы была крайне затруднена; туман, застилавший в памяти мои последние дни с Динзилем, наконец, рассеялся, и мне стало ясно, что я злоупотребила Даром и, может быть, никогда уже больше не смогу восстановить его. Я вспомнила с дрожью в сердце и с ощущением ост-

рой вины, что Кемок сказал мне, как, будучи полностью во власти Тьмы, я использовала свое призвание, пытаясь заставить Килана изменить Зеленой Долине. Ничего удивительного, что Дар у меня отнят. Ведь в саму его природу заложено это: если им злоупотреблять, использовать для недобрых целей, он может быть отнят, а если и восстановлен потом, то не в полной мере.

По-прежнему мольбы, обращенные к Ютте, сказать мне, живы ли мои братья, оставались без ответа; я получала лишь весьма туманные и загадочные заявления, которые могла истолковать как угодно. И все так же меня питала вера, что связь наша от рождения сильна настолько, что я бы непременно почувствовала, будь мои братья мертвы.

Количество дней, подсчет которых я вела на изнаночной стороне своей куртки булавочными царапинами, достигло уже сорока, и я прикинула, что успела сделать за это время. За исключением умения мысленного поиска на большом расстоянии, я сейчас обладала теми же познаниями, как и по истечении второго года пребывания в Обители Мудрейших, но и здесь имелись пробелы, которые Ютта не могла — или не хотела — восполнить.

Несмотря на то, что для вапсалов отпала жесткая необходимость скитаний, обитатели поселения не оставались в праздности. Теперь они взялись за ремесленные работы: выделывали шкуры и шили прекрасную одежду, а кузнецы, окружив себя учениками, которых выбирали сами, передавали им тайны своего мастерства.

По долине теплых источников бродили отряды охотников, убежденных Юттой, что бояться им нечего. Очевидно, зимой можно было не опасаться нападения морских бродяг, и таким образом вапсалы обрели ненадолго покой в этих необитаемых местах, ибо других племен поблизости тоже не было.

В благодатном краю теплых источников я чуть не забыла, что нахожусь в Эскоре; здесь не встречались руины, где гнездились пороки Тьмы, вообще, ничто не напоминало Эскор, который я знала. А люди племени были так непохожи на людей древней расы или оби-

тателей Зеленой Долины, что я иногда задумывалась, действительно ли они уроженцы этого мира или тоже пришли через какие-нибудь Ворота, открытые одним из всесильных властителей?

Однажды в наш шатер принесли ребенка, упавшего со скалы и разбившегося так сильно, что вапсалы не могли спасти его своими средствами. Я смогла определить, что у мальчика повреждено, так как просматривала его тело насквозь. Сотворив заклинания, я погрузила ребенка в глубокий сон, чтобы он не навредил себе каким-нибудь неосторожным движением. Ютта нисколько не помогала мне, предоставив все делать самой.

Когда мать ушла, унося своего ребенка, колдунья пристально посмотрела на меня, приподнявшись на своей подбитой мехом постели — она теперь лежала так день и ночь, не в силах держать свое дряхлое тело.

— Хорошо. Ты достойна называться «дочерью».

В тот момент ее одобрение значило для меня очень многое, ибо нас связывало не просто уважение. Мы не были ни друзьями, ни недругами, мы скорее походили на две срубленные ветки одного дерева, кружившиеся вместе в одном омуте; но слишком велика была разница в возрасте, жизненном опыте и знании.

— Я уже стара, — продолжала она. — И когда вглядываюсь в это, — она указала на шар, что неизменно находился возле ее правой руки и которым она в последнее время ни разу не пользовалась, — когда вглядываюсь в это, я хочу видеть только одно: скоро ли опустится последний занавес. — Она замолчала, а я приблизилась к ней, с волнением чувствуя, что сию минуту она скажет что-то исключительно важное для меня. Ютта чуть приподняла руку, указывая пальцем на полог, закрывавший вход в наше жилище, и, казалось, даже такое незначительное движение исчерпало ее силы.

— Посмотри... коврик внизу...

Темный коврик, сшитый не из обрезков шкур, как все остальные, а из какого-то полотна, казался очень старым. Повинуясь ее приказу, я направилась к выходу, пытливо вглядываясь в коврик, словно никогда прежде его не видела.

— Подними... его... выше... — Эти слова, переданные мне мысленно, воспринимались еле слышным увядающим шепотом.

Я вертела коврик так и сяк, затем провела ладонью над его поверхностью и почувствовала жжение, исходящее от рун, начертанных на нем. Теперь я знала, что за договор заключила она со мной, и отнюдь не по моей, а только по ее собственной воле — Ютта сотворила заклинания над этими рунами, чем насильно привязала меня к себе и к своему образу жизни. В душе моей поднялась волна негодования.

Она подтянулась выше на постели; ее высохшие руки безжизненно лежали по бокам.

— Мой народ — ему нужно... — Было ли это объяснение или, может быть, даже мольба? Я подумала, что, пожалуй, вернее второе. Однако вапсалы не были м о и м народом: я никогда их таковыми не считала. И я лишь потому не пыталась убежать отсюда, что она обещала мне вернуть утраченную Силу. И конечно же, как только за ней опустится последний занавес, я буду считать себя свободной и уйду.

Ей не составило труда прочесть мои мысли — наши отношения были таковы, что я не могла не догадываться об этом. Она медленно покачала головой.

— Нет, — твердо произнесла Ютта, отвергая мои планы, хотя они, эти планы, были еще неясны мне самой. — Ты им нужна...

— Но я не их колдунья! — решительно воспротивилась я.

— Ты... будешь... ею...

Сейчас нельзя было спорить с ней, даже небольшая размолвка могла смертельно ослабить это полуживое существо, от которого я так зависела.

Подняв глаза и взглянув на нее внимательнее, я встревожилась и громко позвала Аторси. Мы дали Ютте укрепляющий настой трав, но, видимо, пришло время, когда ничто уже не способно поддерживать дух в истощенной, изношенной оболочке.

Она жила еще, благодаря своему сильному духу, но и он уже нетерпеливо метался в спутавших его силках, страстно желая вырваться на свободу.

Ютта лежала, не приходя в себя весь этот вечер, ночь и следующий день. Что ни делали Аторси и Висма, они не смогли разбудить ее. Даже я не могла связаться с ней с помощью своего дара и узнать, не оборвалась ли уже нить, связывающая ее с землей и со всеми нами. А как-то выглянув из шатра, я обнаружила, что все племя сидит на земле молчаливо и неподвижно, не сводя глаз с нашего входа.

Ровно в полночь жизнь неожиданно всплеснулась в ней, и я подумала, что высшая точка прилива может затопить ущелье. Я опять услышала ее призыв, затем глаза колдуньи открылись, она осмотрела нас всех с пониманием, но во взгляде была еще и просьба.

— Айфенг!

Я пошла к двери, чтобы позвать вождя, сидевшего на земле между двух костров — вапсалы привыкли везде, где бы они ни останавливались, воздвигать защиту против сил зла, которые таятся во мраке. Нельзя сказать, чтобы он торопливо вскочил, но явно и не медлил.

Висма и Аторси приподняли хозяйку как можно выше, прислонив к спинке кровати, и теперь она почти сидела, ровно и прямо, со всем своим былым величием. Она махнула мне рукой, призывая к себе, и Висма отодвинулась, пропуская меня. Я опустилась на колени возле постели и взяла холодную старческую руку, тотчас ее пальцы крепко, до боли, вцепились в мое запястье, но мысль ее больше не достигала моего сознания, эту связь мы потеряли. Ютта держала за руку меня, но смотрела на Айфенга.

Он тоже опустился на колени на почтительном расстоянии от колдуньи. Вдруг она громко заговорила, и голос ее был также силен и тверд, как в прежние годы, когда была она в полном расцвете сил и конец ее был еще далеко.

— Айфенг, сын Трена, сына Кена, сына Джупы, сына Айверта, сына Столла, сына Креола, чей отец Апон был первым моим спутником, пришло время мне скрыться за мой последний занавес и уйти от вас навсегда.

Он пронзительно вскрикнул, но Ютта властно призвала его к себе, подняв свободную руку, а другой

еще сильнее и больнее стиснула на миг мою кисть, а затем неожиданно отпустила ее, соединив с ладонью Айфенга.

Колдунья с огромным напряжением сжала наши руки, и в эту минуту я прочла на ее лице скорбь и печаль, смешанные со страхом, какой испытывает маленький ребенок, который боится, что если уйдут взрослые, никто не защитит его от неведомых ужасов тьмы.

Ютта отпустила наши руки, но тут же снова взяла только мою ладонь и вдруг сжала с такой силой, что я закричала от боли и неожиданности.

— Я сделала для тебя все, что могла, — сказала она, и гортанный звук ее речи был столь же резок, сколь сильна была хватка ее пальцев. — Я старалась быть полезной тебе, — она яростно боролась со смертью, чтобы закончить эту фразу, было видно, скольких усилий ей это стоит, и все-таки они увенчались успехом. Раскачиваясь из стороны в сторону, Ютта повторила:«...могла...» Она выдавила из себя это последнее слово вместе с торжествующим криком, словно бросила боевой клич прямо в лицо смерти, затем откинулась навзничь, и тончайшая нить, связывающая ее с нами, оборвалась навсегда.

5

Похороны Ютты обещали стать у вапсалов пышной и торжественной церемонией. Ничего похожего я прежде не видела и была поражена подобными приготовлениями: такой ритуал мог существовать не у кочевого племени варваров, а у древней, развитой цивилизации. Возможно, это был всего лишь отголосок некоего давнего действа, которое они когда-то привезли с собой в эти края, но смысл его был так размыт в туманном прошлом, что они сами не могли до конца осознать его.

Аторси и Висма уложили Ютту в самый красивый дорожный сундук, затем ее тело с ног до головы обвязали полосами смоченных в воде шкур, которые, высохнув, сжались, и бренная плоть была готова к путешествию в вечность. Тем временем мужчины пле-

мени отправились на юг, и на исходе дня начали копать яму, такую широкую и большую, что там вполне мог поместиться шатер Ютты. И действительно, к яме привезли не только жилище колдуньи, но и сани, нагруженные камнями.

Я надумала было, воспользовавшись суетой вокруг погребальной церемонии, бежать, но колдовство Ютты держало крепко, у меня не хватало сил разрушить оковы рун, как ни пыталась я это сделать. Стоило мне выйти за границы поселения, я тут же чувствовала призыв вернуться и не могла ему противиться. Вдобавок, беглецу первым делом важно знать, куда бежать, а я и этого не знала.

Те четыре дня, пока шла подготовка к церемонии, я провела одна в новом шатре, поставленном чуть в стороне. Возможно, обитатели лагеря и надеялись на то, что я применю свой Дар, чтобы помочь им, но во всяком случае они никак не принуждали меня принять участие в похоронах Ютты, и я была им за это благодарна.

На второй день после ее смерти женщины принесли и оставили в моем жилище два походных сундука. Исследовав их содержимое, я выяснила, что один был набит связками травы; многие из них я знала, они использовались, чтобы исцелять больных или вызывать видения, сны и наваждения. В другом лежал колдовской кристалл Ютты, ее жаровня, палочки из белой отполированной кости и два манускрипта, заключенные в металлические трубки, изъеденные временем.

Я нетерпеливо схватила эти футляры, но поначалу мне долго не удавалось открыть их. На металлических трубочках были выгравированы какие-то символы, некоторые из них были мне знакомы, хотя слегка и отличались от тех, что я видела много лет назад. На концах трубок весьма отчетливо были вытиснены узоры, и казалось, они гораздо меньше повреждены временем, чем сам футляр. Витая, изящная надпись изображала руны, но я не могла их прочесть. Руны были обрамлены, словно каемкой, мелкими, но очень отчетливыми изображениями меча, скрещенного с колдовским жезлом. До сих пор я никогда не видела

сочетания этих двух знаков, потому что в Эсткарпе жезл был символом колдуньи, а меч — символом воина, и не подобало, да никому бы и в голову не пришло, рассматривать их в единстве.

Старательно изучая рисунки, я вдруг заметила едва различимую трещинку, с помощью которой можно было открыть футляр, и после изрядных усилий трубка туго поддалась. Велико же было мое разочарование, когда я обнаружила, что, хотя содержимое футляра не повреждено, прочесть я все равно ничего не могу. Очевидно, это были записи какого-нибудь Великого, из тех, что взбаламутили некогда Эскор, и он нарочно придумал эти руны, чтобы никто не проник в его тайны.

В начале и конце каждого свитка перекрещенные меч и жезл были изображены в цвете, очень ярко и отчетливо: красный меч и зеленый с позолотой жезл. И это окончательно убедило меня в том, что предмет, который я держу в руках, не принадлежит Тьме, ибо эти два цвета — зеленый и золотой, однозначно подвластны добрым силам.

И еще раз манускрипты удивили меня, когда я обратила внимание на одну деталь, которую не заметила на узорах футляра: на рисунках меч перекрывал жезл, как будто изобразивший это намекал — главенствует воин, и воин руководит Даром, ведет его за собой, а не наоборот. Ниже широким пером были написаны буквы, и в этом наверное заключался какой-то смысл; по крайней мере, они явно означали какое-то слово, но было ли это имя человека или название местности, я не знала. Я повторила это слово вслух несколько раз подряд, надеясь, что, может быть, звуки воскресят в моей памяти что-нибудь.

— Илэриэн! Нет, оно ничего не значило для меня, и я никогда не слышала его от Ютты. Но она так мало рассказывала мне о своем прошлом, будучи до предела поглощена моим обучением. Разочарованно вздохнув, я скатала оба свитка и вновь убрала каждый в свой футляр.

Я присела невдалеке, положив руки на поверхность дымчатого кристалла, вопреки всякой логике надеясь, что почувствую тепло под ладонями, когда

он вспыхнет, и я смогу в нем, как в зеркале, увидеть то, что так хочу знать. Но ничего не происходило, и тогда я вновь заглянула в сундук, где лежал еще костяной жезл, который я знала не только на ощупь; подобные жезлы власти слушались только того, кому принадлежали.

На пятый день, не спрашивая разрешения, в мой шатер уверенно вошли две женщины. С собой они несли тяжелый кувшин с горячей водой и миску для умывания. Вслед за ними вошла третья, через ее локоть была перекинута какая-то одежда, а в руках она держала большой поднос с флаконами и коробочками.

Если две первые женщины, что принесли кувшин и миску, были женами простых охотников, то третья, с одеждой и подносом, являлась второй женой Айфенга, ее звали Айлия. Она была очень юна, почти ребенок, но держалась чересчур заносчиво и высокомерно; ее маленькие груди были разрисованы аляповато, с такой безвкусицей, что это на редкость вульгарное зрелище производило более неприятное впечатление, чем узоры и рисунки у других женщин.

Она злобно взглянула на меня; с тех пор, как Ютта сделала меня своей ученицей, никто не смотрел на меня так. Она выпятила губы вперед, изображая недовольство, и окинула меня долгим оценивающим взглядом, ничуть не скрывая враждебности.

— Пора, — первой нарушила она молчание, и я подумала, что она с трудом сдерживает злобу; будь ее воля, она бы еще не так обращалась со мной. Я не задала ни единого вопроса. — Мы несем старуху в ее временный дом, мы оказываем ей честь...

Почти ничего не зная об их обычаях, я сочла за лучшее повиноваться. Женщины вымыли меня принесенной ими горячей водой, в которую бросили полную пригоршню мха; он разбух, и получилось нечто вроде губки, источающей слабый запах, не то, чтобы неприятный, но странный.

Впервые за все это время я не надела кожаных штанов и меховых шкур, что носила обычно. Меня облачили в то, что принесла Айлия — в длинную широкую юбку из ткани, как мне показалось, очень старой, но прошитой металлическими нитями, вероятно,

они и помогли ей сохраниться. Нити образовывали кружевной узор, похожий на листья папоротника, однако они настолько потускнели, что рисунок был едва заметен, и его можно было разглядеть, только тщательно присмотревшись. По подолу шла кайма все из той же металлической нити темно-синего цвета. Широкое тяжелое полотнище оканчивалось где-то на уровне лодыжек, и я чувствовала, как юбка тянет меня к земле.

По приказу Айлии женщины разрисовали мою грудь, но не лепестками, а блестящими лучами. К моему наряду не добавили ни одного ожерелья, зато на голову накинули покрывало, причем сеть была вытканa такими же металлическими нитями. Разодетую таким образом, Айлия вывела меня из палатки, и сама вышла следом.

Все племя выстроилось в длинную процессию, впереди которой стояли сани. В них не были запряжены собаки — та четверка, которая обычно служила Ютте, бегала в своре вместе с другими собаками племени — сани держали на плечах четверо охотников. И на этом высоком ложе, закутанная в лучшие шкуры, лежала колдунья. Прямо за санями оставалось свободное место, куда Айфенг жестами пригласил меня. Как только я повиновалась, подошли Висма и Аторси и встали одна справа, другая слева от меня; обе они были по-новому одеты и разрисованы. Когда я переводила взгляд с одной на другую, собираясь им сказать что-нибудь, пусть не в утешение — кто бы мог сейчас утешить их? — но хотя бы просто что-нибудь теплое и дружеское, — они не отвечали на мои взгляды, глаза обеих были устремлены на сани, на их страшный груз. В руках, примерно на уровне груди, каждая держала по каменному кубку, которых я раньше не видела. В кубках пенилась и пузырилась какая-то темная жидкость, словно там бился дикий огонь.

Позади нас шел Айфенг и с ним самые достойные охотники и воины, за ними — женщины и дети, и так, вытянувшись в одну линию, все племя медленно шествовало к могиле. Только мы миновали долину с ее горячими ключами и рекой, резко похолодало —

здесь под ногами все еще лежал снег. Я дрожала от холода в своем ветхом облачении, но все шедшие позади меня были вообще полуобнажены, как они привыкли ходить в своих жилищах, но, похоже, не испытывали никаких неудобств.

Наконец мы добрались до того места, где была вырыта яма. Те, кто нес сани, спустились в нее по отвалу и установили внизу шатер Ютты. Когда они вновь выбрались наверх, Висма и Аторси подняли кипящие кубки и с жадностью выпили содержимое, словно давно уже испытывали жажду и вот теперь наконец-то смогли напиться свежайшей, чистой воды. Продолжая держать теперь уже пустые кубки, они спустились рука об руку в яму и вошли в шатер; больше мы их не видели.

Я не сразу осознала смысл того, что только что произошло у меня на глазах, пока не увидела собак, которые возили сани Ютты; тот, кто держал их сейчас, достал нож и резкими взмахами умертвил всех, одну за другой, быстро и безболезненно. Животные тоже были отнесены вниз. Я рванулась вперед — может быть, еще не поздно... Висма, Аторси... они не должны...

Айфенг схватил меня за плечо с такой силой, что я сделалась слабой и беспомощной, а воины положили собак в яму рядом с жилищем, привязав всех четверых к столбу, вбитому в землю, как будто они просто уснули — их шкуры не обагрила темная кровь.

И хотя мне отчаянно хотелось броситься в яму и вытащить этих двух женщин, которые так верно служили Ютте, я понимала, что это было совершенно бессмысленно. Они уже последовали за своей хозяйкой туда, где за ней опустился последний занавес и откуда нет возврата.

Я больше не вырывалась от Айфенга, стояла спокойная и безразличная ко всему на свете, не пытаясь освободиться от его железной хватки, и лишь все время дрожала, окоченев на этой холодной земле. Я обернулась и долгим взглядом окинула племя: мужчин, женщин, детей, вплоть до младенца с разрисованной грудью; все они шли к яме. И, проходя мимо, каждый бросал туда что-то, даже младенец, которого мать взяла за ручку и заставила это сделать. Муж-

чины бросали оружие, женщины — золотые украшения, маленькие, но дорогие шкатулки с благовониями, корзинки с лакомствами; каждый бросал в могилу то, чем дорожил сам, что было для него самым ценным. И я впервые по-настоящему поняла, с каким почтением относились кочевники к Ютте. Должно быть, им казалось, будто бы вместе с нею умер целый мир, ведь она жила среди них в течение многих лет, пережила не одно поколение и сама уже была легендой.

Потом мужчины перешли все на одну сторону; каждый держал в руке лопату из твердой коры, была у них и прочная веревка, чтобы перетягивать камни. Судя по всему, для них было важно зарыть яму до наступления сумерек. Тем временем женщины племени собрались вокруг меня и повели назад, в сторону лагеря, но и там, когда мы пришли, меня не оставили одну.

Айлия вошла в шатер вместе со мной, за ней — еще несколько пожилых женщин, среди которых я не нашла первую жену вождя, Аусу. Едва я села на подушечку, сшитую из меха и набитую свежей травой, Айлия дерзко выдернула другую, похожую на мою, и я заметила, что при этом остальные женщины недовольно нахмурились. Я не знала, что ждет меня в будущем, и все-таки хорошо понимала, что мне придется постоять за себя. Сама Ютта назвала меня колдуньей перед Айфенгом, пусть у меня и не было намерения навсегда связать свою жизнь с вапсалами, как это сделала она. Как только мне удастся порвать узы рун, вытканных на коврике, я буду свободна.

Но для этого я должна пожить в тишине и покое и осознать, какая часть Силы вернулась ко мне, а все происходящее сейчас выглядело так, словно меня не хотели признавать.

Во всяком случае колдунья-то уж наверняка не может признать Айлию равной себе, неважно, что она жена вождя племени, — это было бы огромной ошибкой. Для начала необходимо сделать нечто такое, что внушит ей страх, иначе я лишусь даже того небольшого преимущества, какое имею.

Я стремительно повернулась, чтобы взглянуть этой девице прямо в глаза, и голос мой был суров и резок,

когда я спросила: «Что ты хочешь, девочка?» Я подражала интонациям Ютты, ей приходилось иногда разговаривать свысока; таким же тоном Владычицы Эсткарпа ставили на место какую-нибудь новенькую в Обители Мудрейших, если она слишком много позволяла себе и мнила о себе больше, чем была на самом деле.

— Я та, кто может сидеть рядом, — Айлия не выдерживала моего пристального взгляда и выказывала явное беспокойство, но ответ ее был дерзок, в нем звучал вызов: «Я — рядом с тобой».

Мне следовало бы побольше знать о том, что она из себя представляет, тогда бы я лучше подготовилась. Теперь же я могла полагаться лишь на свою интуицию, а она подсказывала одно — во что бы то ни стало мне необходимо сохранять превосходство над остальными членами племени.

— Ты так разговариваешь, девочка, с Той, Кто Видит Впереди? — холодно спросила я.

Я сознательно не называла ее по имени и обращалась так, будто вовсе не знаю его, ибо подобный пустяк, конечно, не достоин моего внимания. Мне хотелось таким образом унизить ее в глазах других. Может быть, я и совершала ошибку, превращая ее в своего врага, но она никогда не относилась ко мне дружелюбно, я это почувствовала с самого начала, с нашей первой встречи, а теперь и вообще было ясно, что я потеряю гораздо больше, если начну заискивать перед ней.

— Я говорю с той, кто нуждается во мне, в том, чтобы я была рядом, — начала она, но тут в шатер кто-то вошел.

Я присмотрелась — это была пожилая женщина, она передвигалась с большим трудом, опираясь на руку молодой девушки, груди которой не были разрисованы узорами, а лицо портило ярко-красное клеймо на щеке. У старухи на затылке топорщился пучок седых волос, некогда выкрашенных в красный цвет, теперь там блестели грязно-серые нити. Ее и без того круглое лицо было, к тому же, опухшим, неуклюжее тело заплыло жиром, груди висели как две подушки. Это была не естественная полнота, а болезненная

опухлость, бросались в глаза и другие признаки нездоровья, и я даже удивилась, почему — во всяком случае, за те недели, что я здесь — она ни разу не обращалась к Ютте за помощью.

Две женщины, сидевшие до этого возле двери, стремительно вскочили и, подтащив вперед свои подушки, сложили их одну на другую, соорудив сравнительно удобное и высокое сиденье для пришедшей — ей было трудно стоять на ногах.

С помощью сопровождающей ее девушки она с великим трудом опустилась на это сиденье, а, усевшись, несколько минут не могла выговорить ни слова от мучительной одышки, лишь приложив обе руки к своей огромной груди, страдальчески морщилась от непереносимой боли... Она сделала Айлие знак приблизиться, и та повиновалась, передвигаясь боком вдоль стены. Выражение ее лица стало еще угрюмее и капризнее, вот разве что легкая тревога, с которой она появилась передо мной, превратилась в откровенный страх.

Старухина служанка встала сбоку от нее так, чтобы ей было удобно наблюдать и за мной, и за своей хозяйкой.

— Это, — голос ее был едва слышен из-за свистящего, хриплого дыхания хозяйки, — Аусу из шатра Вождя.

Я вскинула руки и сделала жест, похожий на движение сеятеля, разбрасывающего семена, — я переняла его у Ютты, и он означал, что я согласна продолжать беседу.

— Аусу, мать мужчин, правительница шатра Вождя, желает тебе благ больше, чем все люди на свете могут удержать в руках.

Казалось, тяжело вздымавшаяся грудь больной почувствовала какое-то облегчение, дыхание стало спокойнее, и вдруг я подумала о том, что она единственная из всего племени не провожала Ютту к месту ее последнего успокоения. Теперь было совершенно понятно, почему: ее огромный вес и нездоровье сделали бы этот поход мучительным для нее.

Наконец она раздвинула свои полные губы и заговорила сама.

— Ютта сказала Айфенгу, что оставляет тебя вместо себя, чтобы ты охраняла наши пути. — Она замолчала, словно дожидаясь от меня подтверждения. Отрицать я не стала.

— Так сказала Ютта. — Это было чистой правдой, но ни в коем случае не значило, что я согласилась с повелением колдуньи и отказалась от права распоряжаться собственной судьбой.

— Так же, как это было с Юттой, ты ныне переходишь в распоряжение Айфенга, — продолжала Аусу. Ее голос прерывался, она задыхалась, хрипела, и нелегко было разобрать слова, каждое буквально со свистом вырывалось из ее губ и стоило ей ощутимых усилий. — Я пришла сказать тебе: ты, какая ты есть, будешь главной в шатре Айфенга.

Ее голова повернулась на полных плечах ровно настолько, чтобы она смогла метнуть на Айлию взгляд, исполненный такого холода и угрозы, что я испугалась, но Айлия даже не потупилась.

Однако сейчас было не время любоваться этой немой сценой, разыгравшейся между женами вождя, мне было не до этого, поскольку, если я правильно поняла, мне грозил брак! Мне придется выйти замуж за Айфенга! Но, вероятно, они не знают, что колдунья не может принадлежать мужчине: брачные узы означают для колдуньи потерю Силы. Или нет? Например, с моей матерью такого не произошло. А может быть, это всего лишь древний предрассудок, и колдуньи намеренно распространяют его, да так, что и сами поверили, будто бы в безбрачии — неуязвимость их власти? Ведь в Эскоре, например, нет ничего подобного. Я знала, что Дагона не опасалась утратить Силу, отдав сердце моему брату и войдя в его дом. Вот и Ютта тоже была супругой Айфенга еще до того, как он стал вождем клана.

Как бы там ни было, я боялась, что брачный союз — слишком серьезная угроза моему частично восстановившемуся Дару, угроза мне самой. И я не собиралась сдаваться, разве только этот грубый варвар решится овладеть мной насильно. И эта опасность показалась мне в ту минуту такой близкой и реальной, что я решила умереть в его постели, если все-таки

наихудшее произойдет. Но это в крайнем случае, а пока нужно использовать все возможные способы, дабы избежать этого. Кое-что уже пришло мне на ум, и оставалось только надеяться, что я успею осуществить задуманное. Никто из сидящих здесь женщин не мог прочесть мои мысли, и я старалась подготовить такой ответ, который удовлетворил бы всех присутствующих.

Я, не выдав смятения, снова сделала доброжелательный жест в сторону Аусу и сказала:

— Мать многих людей оказывает мне честь. и я нахожусь среди тех, кто как сестры, — я открыто соглашалась на равенство, чего мне, честно говоря, совсем не хотелось делать в отношении Айлии. — Хотя мы и не разделили один сосуд, родившись от одной матери, однако да пусть не будет это препятствием между нами.

Я услышала удивленный шепот женщин, находящихся в шатре; мой отказ от главенства в доме Айфенга, горячо обсуждался ими.

Она сама продолжала рассматривать меня внимательно и настойчиво глубоко посаженными глазами, спрятанными в складках лица. Мне стало не по себе от этого слишком пристального, изучающего взгляда. Вдруг плечи ее, до сих пор напряженно расправленные, упали, разом обмякнув, и я по достоинству оценила железную волю этой немолодой женщины, так же как и решимость идти до конца и настаивать на том, что она считала верным.

И я поспешила уверить ее, что более всего нуждаюсь в уединении.

— Я ведь не Аусу, — сказала я, наклонилась вперед и отважилась взять ее отекшие руки в свои. — Я так же, как и Ютта, разговариваю с духами, и поэтому мне лучше жить там, куда бы они могли приходить.

— Это так, — согласилась она. — Но и жена должна приходить к своему повелителю. Ютта некоторые ночи проводила с Айфенгом, когда это было нужно.

— Таковы обычаи, — согласилась я, судорожно соображая, что бы еще сказать. — Даже если я живу отдельно. Послушай, сестра, есть ли что-нибудь, что я

могла бы сделать для тебя? Твое тело страдает, может быть, и душа твоя ищет исцеления?

Одутловатое лицо ее скривилось, и стали отчетливее видны катышки жира под кожей.

— Этот недуг еще с севера. Ты мало живешь с нами, сестра, и можешь не знать. Это расплата за безрассудство, совершенное мною когда-то. А... — она неожиданно вырвала свои руки из моих и быстро поднесла их к груди: боль, пронзившая ее, была такой сильной, что она вскрикнула. У служанки в руках появился остроконечный кубок, сделанный из рога, она торопливо откупорила его и поднесла хозяйке, чтобы та попила. Несколько бесцветных капель скатились с ее губ, оставляя влажные следы на массивном подбородке.

— Расплата, — повторила Аусу свистящим шепотом, — и нет спасения, терпеть мне это до смертного часа.

Я что-то слышала о подобных проклятиях — это была болезнь духа, настигавшая тех, кто умышленно или ненароком прикасался к источнику древнего зла, причем недуги души передавались и телу. Чтобы избавиться от этого, нужна неимоверно большая сила. Впервые со дня моего появления среди вапсалов мне пришлось столкнуться с древним недугом Эскора.

Вдруг снаружи раздался какой-то шум, громкий металлический лязг, очень испугавший меня. Услышав его, женщины в шатре что-то очень тихо запели. Айфенг? Может быть, мой новоявленный жених уже пришел за мной? Но нет! Я же еще не готова! Что мне делать? На какой-то миг уверенность покинула меня.

— Это Айфенг, — выдавила из себя Айлия, и я заметила, что она не бросилась к двери встречать своего повелителя. — Он пришел за своей невестой.

— Пусть он войдет, — все-таки в Аусу, несмотря на ее гротескный вид, было величие.

Другие женщины почтительно отступили к стене, и с ними служанка Аусу. И когда Айлия не последовала их примеру, Аусу, обернувшись к ней, бросила такой свирепый и пронзительный взгляд, что та немедленно повиновалась.

После этого старшая жена издала громкий гортанный призыв. Занавеска, закрывающая вход в жилище, поднялась, и Айфенг вошел, пригнув голову, и направился прямо к ней. Он осторожно нащупал ее пухлую руку и поднес свою, сухую, темно-коричневую, чтобы она могла коснуться ее, но при этом оба смотрели не друг на друга, а на меня.

Я не нашла в его взгляде того, что неизменно видела в глазах племянника, что сулило мне позор и стыд. Скорее, он был беспристрастен и невозмутим, словно решал задачу, стоящую перед ним, просто потому, что это входило в обязанности вождя, и он должен был соблюдать традиции. Но за его плечом я отчетливо видела лицо Айлии, и невозможно было ошибиться в том, что оно выражало, а в ее глазах бушевал огонь жгучей ревности.

Айфенг опустился на колени чуть позади своей старшей жены; теперь она протянула мне левую руку, я подала ей свою, и она поднесла мою ладонь к его ладони, как однажды это сделала Ютта. На хриплом глухом выдохе она произнесла какие-то слова, которые я не поняла, возможно, это был какой-то архаичный выговор. Затем рука ее упала, оставив сцепленными наши руки. Айфенг еще больше подался вперед, и другой рукой отодвинул в сторону покрывало с металлической нитью, которым я плотно укутала плечи, спасаясь от холода, хотя это и было совершенно бесполезно. Затем его пальцы спустились ниже, коснулись моей груди и начали стирать нанесенные краской рисунки, словно сдирали с меня одежду. В эту минуту все женщины, стоявшие вдоль стен палатки, одновременно издали весьма странный крик, отчасти похожий на тот, что Ютта издала перед смертью, победный и торжествующий.

Меня чрезвычайно беспокоило, как далеко зайдет Айфенг, ведь казалось, теперь не было никакой возможности применить те меры предосторожности, на какие я рассчитывала. Но судя по всему, малоприятная процедура уже подходила к концу.

Возможно, понимая, что мне незнакомы их обычаи, Аусу любезно объяснила, что предстоит дальше, и объяснение это было не лишним.

— Теперь нужно разделить блюдо и кубок, сестра. И благословение этому шатру.

Служанка и другие женщины быстро устремились вперед и почтительно подняли Аусу на ноги. Я тоже встала, выказывая ей уважение, и вышла из жилища проводить ее, а на прощание поклонилась. Айлия уже успела исчезнуть, вероятно, столь разозленная моими узами с ее господином и повелителем, что просто не могла на это больше смотреть.

Когда я вернулась в палатку, Айфенг сидел на одной из подушек, а я немедленно направилась к Юттиному сундуку, набитому разными травами. Достав оттуда горсть высушенных листьев, которые могли превратить самый обычный напиток в очень вкусное, ароматное вино, я положила их в кубки, что были принесены на подносе ко входу и подсунуты под занавеску в знак того, что никто не должен нас беспокоить.

Айфенг увидел, что я собираюсь делать, и глаза его разгорелись — он уже знал вкус Юттиных угощений, и теперь с жадным нетерпением следил за тем, как я опускаю несколько таких листочков в кубок и размешиваю содержимое.

Сейчас не было никакой надобности произносить вслух заклинания, была важна лишь сила желания, направленная на достижение нужного результата. А этой ночью у меня было лишь одно желание, самое твердое, какое только можно себе представить. Я ничего не добавляла в питье Айфенгу, кроме тех трав, которые он уже хорошо знал, но то, что я произнесла при этом мысленно, должно было стать первым шагом к моему спасению.

В этом Ютта помешать мне не могла. Айфенг потягивал напиток и ел пищу, лежавшую на блюде. Затем он задремал и через минуту уже крепко спал. Из Юттиной циновки я выдернула длинный шип ярко-красного цвета, обмотала вокруг него два своих волоса и плюнула на него, произнеся несколько слов, от которых ухо Айфенга было надежно закрыто.

Когда все было готово, я глубоко воткнула шип в кожаную подушку, на которой покоилась голова вождя, и начала «ткать» его сон. Очень трудно предста-

вить себе то, что когда-то испытал другой, и я не осмелилась следовать за ним. Но вот Айфенг повернулся, что-то невнятно пробормотал во сне и я смогла попасть в его мысли и понять: сейчас ему снится, что он обладает женщиной.

Может быть, так же было с Юттой? Мне очень хотелось бы это знать и я села совершенно опустошенная, следя за его сновидениями по полотну, сотканному из насекомых. Может быть, именно потому она была женой нескольких вождей, но продолжала оставаться колдуньей? Все станет ясно, когда он проснется: воспримет ли он свой сон как реальность?..

6

Ночь была длинной, и у меня оставалось достаточно времени для раздумий; я хорошо представляла опасности, что могли меня подстерегать. Ютта научила меня гораздо большему, чем я знала прежде, и все же она оставила, может быть, преднамеренно, а может, просто потому, что мы с ней изначально принадлежали к разным школам, значительные пробелы в моих знаниях, и я походила на израненного воина, пытающегося защитить крепость, сражаясь одной рукой, и то — левой.

Она не смогла (или не захотела) вернуть мне дар предвидения, хотя из всех навыков, какие вапсалы могли у меня востребовать, именно этот, очевидно, был самым важным и нужным для них. Я все больше и больше удивлялась, размышляя над тем, что не дала мне Ютта. Само собой разумеется, она боялась, что я с помощью мысленного общения рано или поздно позову кого-нибудь на помощь из Зеленой Долины, но так или иначе, она прежде всего обездолила свой народ.

Айфенг продолжал крепко спать. Я осторожно прокралась через весь шатер к выходу и подняла с пола циновку с рунами, вновь пытаясь прочесть строки, связывающие меня с этим племенем. Одновременно я судорожно рылась в памяти, отыскивая хоть что-нибудь похожее на нужные мне заклинания.

Для колдуньи, владеющей Даром, существует очень много способов связать заклинанием другую, особенно ту, что обладает меньшим могуществом, чем она сама, или ту, которая вообще не подозревает о подобной возможности. Так, например, можно подарить жертве какую-нибудь ценную вещь, и если она ее примет, то будет подвластна вам до тех пор, пока вы не сочтете возможным освободить ее. Но когда жертва — тоже колдунья, возникает серьезная опасность, ибо откажись она почему-либо от подарка, заклинание может обернуться против дарителя. Колдунью могли сглазить с помощью ее же заклинания; вторжение в чужие сны могло «выгнать» колдунью из собственного тела, в результате чего появлялось два существа, рабски подвластных чарам: в одном измерении — бездушное тело, в другом — бестелесная душа.

Руны на коврике были колдовством Тьмы, а я точно знала, что Ютта (сколько хорошего принесла она народу, у которого жила) в своем искусстве не подчинялась ни тьме, ни свету. Нет, если мне и суждено будет разрушить эти руны и убежать (а мне непременно надо было это сделать, и как можно быстрее!), то я должна воспользоваться познаниями, данными мне Юттой.

Я очень беспокоилась, сможет ли мой недавно возродившийся Дар помочь мне в этом. И все-таки я уповала на то, что для любого мастерства есть неизменное правило: чем больше им пользуешься, тем оно сильнее. Я на цыпочках подкралась к Айфенгу, внимательно прислушиваясь к его дыханию. Ему уже не снился тот сон, который послала я, он видел что-то совсем другое, да и этому сну скоро должен был прийти конец. Двигаясь со всей осторожностью, на какую только была способна, я сняла с себя свадебный наряд, в который меня облачили, и тщательно сложила его. Теперь я стояла посредине шатра совершенно обнаженная и дрожала от холода, стирая с груди остатки ярких узоров, словно убирала все, что сближало меня с племенем. Ничто не должно было связывать меня с этим народом, потому что я собиралась попробовать колдовство, которое, как я опасалась, было слишком могущественным для моего едва

восстановившегося слабого Дара, но ничего другого не оставалось. Мне нужно было, хотя бы на немного, заглянуть в будущее.

Дело в том, что любой предмет, которым пользовался человек, обязательно оставлял на себе следы своего обладателя. И хотя большую часть вещей, принадлежащих Ютте, положили после ее смерти вместе с ней в могилу, у меня все же были два сундука, которые хранили следы ее колдовства.

Содрогаясь от холода, я опустилась на колени перед сундуком, где нашла свитки с рунами, что так и не сумела прочитать. По крайней мере я доставала их из сундука и держала в руках, а до этого они принадлежали Ютте, и на этих рукописях еще оставалась сконцентрированная сила ее дара.

Теперь я достала их опять и села, держа по одному свитку в каждой руке, пытаясь представить мой собственный разум пустым водоемом, который ждет, чтобы его наполнили, зеркалом, где должно отразиться нечто... так я пыталась уловить какие-нибудь флюиды, отблески и отсветы, что могли бы посылать мне эти вещи.

Дрожь возникла внезапно — едва заметная, слабая, словно сама сопротивлявшаяся своему появлению — так много времени прошло между тем днем и этим, что могла возникнуть лишь тень другой тени, призрак призрака, несмотря на все усилия и старания.

Я больше не была зеркалом, но теперь сама смотрела в зеркало, а оно все туманилось легкой мглой. И в этом тумане передвигались тусклые, смутные, темные фигурки. Все бесполезно! Я бессильна сделать изображение ярче и отчетливей.

А футляры с манускриптами внезапно потяжелели, и я почувствовала, что они оттягивают мне руки. Обнаженная кожа моего тела словно ощущала ледяные уколы.

Если ничего не получалось с рукописями, упакованными в футляр, может быть, надо их вынуть оттуда? Одну трубочку я отложила в сторону, другую открыла и достала свиток. Я взяла его обеими руками, опустила голову и коснулась рукописи лбом; ощу-

щение было такое, как если бы я прикоснулась к давно уже высохшему листу.

Теперь...

Я чуть не закричала от радости — в этих резких, отчетливых изображениях, врезавшихся в мою память, не было угрозы наказания для меня. Явилось то самое наполнение, какого я жаждала, хотя оно было вроде бы не совсем во мне, а где-то рядом; сценки вспыхивали так быстро и стремительно, что я никак не могла уловить их смысл. Передо мною промелькнули столбики рун, колонки формул, но я не могла угадать их значения или во всем этом не было ни смысла, ни логики, ни последовательности. Словно бы некто набросал в пустой сундук кучу каких-то вещей, не связанных друг с другом, не имеющих один к другому никакого отношения, и хорошенько все это перемешал.

Я вновь свернула рукопись трубочкой и убрала в футляр. Вдруг я почувствовала головокружение и схватилась руками за голову, потому что эти обрывки, эти куски несвоевременных бессмысленных познаний вызывали такую боль, какую я испытала в день своего первого появления в лагере вапсалов. В тот момент я менее, чем когда либо, чувствовала себя готовой идти дальше к разгадке Юттиной страшной тайны. Веки мои неожиданно отяжелели, и я не могла открыть глаза. С легкой волной беспокойства я подумала, что это похоже на то, как если бы я сама выпила напиток, что налила в кубок Айфенга, и стала его спутницей в мире снов.

Наконец, я кое-как поднялась, отыскала свою обычную одежду, которую убрала, когда меня заставили надеть свадебный наряд, и оделась, действуя как во сне, медленно и лениво. Волоча за собой плащ с капюшоном, я скорее отступила, чем уступила сну. И я оказалась права, это был действительно сон.

Я увидела во сне замок с башней, такой же высокой, или, во всяком случае, так казалось, как и крепость, возвышающаяся в центре Эса. Это было самое величественное творение человеческих рук, какое я когда-либо видела. Порой оно виделось столь же прочным и цельным, как цитадель Эса, но иногда сте-

ны вдруг начинали как бы мерцать, приближаться и отдаляться, словно крепость принадлежала и этому, и какому-то иному миру, и я каким-то образом знала это, хотя откуда — было абсолютно непонятно.

Существовал некто, сотворивший этот замок, и было это одновременно и творение рук, и результат колдовского вмешательства Силы. Но создала это вовсе не колдунья, а некий могущественный заклинатель. И замок его был всего лишь внешней оболочкой, таящей под собой нечто беспредельно странное и гораздо более могучее и таинственное, чем стены, заключавшие в себе это нечто.

Потом я увидела его, сначала как тень, которую заметила, еще когда держала в руках свернутые рукописи, но вдруг образ проявился так четко и ясно, словно человек выступил из-за пелены, наброшенной на него с помощью заклинаний. Он принадлежал древней расе, но при этом чувствовалось нечто такое, словно на нем лежала печать иного мира, иного времени.

Все, что он создавал, делалось с помощью Дара; я видела, как он собирает воедино сырые, необработанные нити, чтобы ткать из них полотно, придает ему ту или иную форму, согласно своим желаниям, но подчиняясь правилам. Держался он уверенно, будто прекрасно знал, что надлежит ему сделать, и не опасался, что ему вдруг могут не подчиниться, был уверен в том, что требования его выполнят. Наблюдая за ним, я испытывала горькую зависть, и чувство это возрастало оттого, что я сама прежде знала подобную уверенность, пока не потеряла себя, пока не стала вслепую пробираться там, где мне хотелось бежать.

Руны под его ногами вдруг вспыхнули яркими огненными линиями, а сам воздух вокруг него сотрясали произносимые им слова или это была мощь его мысленных посланий. Действо, развернувшееся передо мной, было гораздо могущественнее всего, что я когда-либо видела, хотя мне раз или два доводилось наблюдать за самыми сильными колдуньями в те минуты, когда они творили свои заклинания.

Потом я поняла, что все происходящее сосредоточено в зале, где он творил: и вспыхивающие линии рун, и дрожание и шевеление воздуха, и все, что он ткал

и выстраивал. А главное, я увидела здесь сводчатую арку света, после чего не оставалось никаких сомнений, что во сне я наблюдаю за процессом сотворения Ворот в другой мир, и мне почему-то следовало отыскать их в этой древней, погруженной в колдовство стране. То, что такие Ворота существовали, было хорошо известно, но то, что они были открыты заклинателями — мы узнали, только лишь проникнув в Эскор. И теперь я своими глазами видела, как открывали одни такие Ворота.

Он стоял, слегка отставив в сторону ногу, стремительно вскинув руки вверх и чуть назад, в таком знакомом, хорошо узнаваемом человеческом жесте триумфа и победы. Выражение спокойной сосредоточенности на его лице сменилось жестоким ликованием. Однако, сотворив свои Ворота, он явно не спешил пройти через них.

Он скорее отступал назад, шаг за шагом, хотя при этом непохоже было, чтобы его уверенность поколебалась. Я думаю, он, скорее, чувствовал некую тревогу, которая и удерживала его от стремительного броска в неведомое. Затем он уселся на какое-то кресло, сложил вместе ладони и, подпирая пальцами острый подбородок, пристально уставился на Ворота, словно обдумывая что-то или замышляя.

И пока он сидел вот так, рассматривая свое создание, я с любопытством разглядывала его лицо, привлекшее мое внимание не менее заклятий и колдовства, в которые он был погружен. Насколько я поняла, он в самом деле принадлежал древней расе, или, по крайней мере, находился в близком родстве с кем-нибудь из древней расы. А вот был ли он молодым или старым? Годы не оставили на нем своих следов. Он выглядел человеком физически сильным и, скорее всего, был воином, хотя меча при нем я не заметила. Одеяние серого цвета было украшено золотыми и серебряными строчками; при долгом рассматривании эти линии принимали, казалось, форму рун, но они так быстро вспыхивали и гасли, что прочесть их было невозможно.

Наконец, он все-таки пришел к какому-то решению, потому что вдруг решительно встал, вскинул ру-

ки и замер так на мгновение. Когда он быстрым хлопком соединил ладони, я увидела, что его губы шевелятся. Словно в ответ на его действия, Ворота вдруг исчезли, а он так и стоял все там же в затемненном зале. Но я понимала, что, сделав однажды, он все может сотворить снова, поскольку и триумф, и ликование его были искренними.

Казалось бы, сон был дан мне, чтобы я могла увидеть то, что свершилось внутри этого зала, однако вдруг я очутилась снаружи, и шла уже по коридору, а затем — между высоченными, увенчанными башней воротами, над которыми корчились кошмарные, уродливые существа; они поворачивали мне вслед головы, торжественно провожая меня взглядом; и опять я почему-то вполне определенно знала, что их задача — защищать замок от непрошеных гостей.

Этот путь привиделся мне настолько подробно, что невольно подумалось — окажись я там, я сразу же узнаю и смогу проделать его так уверенно и решительно, словно родилась в том замке и жила в нем с самого детства.

Я не знала, почему мне приснился этот сон, хотя прекрасно понимала, что все это не случайно, подобные сны посылаются нам с какой-то целью. Проснувшись, я лишь предположила, что он появился в результате моей попытки прочесть свитки. Еще болела голова той самой болью, какая превращает утренний свет в мучение для глаз. Я села резким толчком и первым делом посмотрела в ту сторону, где спал Айфенг. Он шевельнулся, я быстро рванулась к нему, чуть не упав, но успела извлечь шип из подушки и спрятать его в шве своего плаща и опустилась рядом, потому что он открыл глаза.

Айфенг моргнул и окончательно проснулся, улыбаясь с какой-то робкой застенчивостью, такой неожиданной для дикаря.

— Прекрасное утро...

— Прекрасное утро, повелитель, — произнесла я в ответ это церемонное приветствие.

Он уселся на подушке и начал с удивлением озираться, словно не узнавая место. На долю мгновения я даже встревожилась, спрашивая себя, уж не плохо

ли соткан был сон, не заподозрил ли вождь, что все ему только приснилось? Но похоже, боялась я напрасно, ибо Айфенг поклонился мне и произнес: «Сила увеличивает силу, Прозорливейшая. Я взял подарок, который ты дала мне, мы всегда будем великими, даже если это еще была власть Ютты», — он вытянул руку с двумя скрещенными пальцами. Этот жест был свойствен вапсалам, когда они говорили о мертвых, словно называя зло, которое уже произошло, они тем самым пытались предотвратить другое зло. И он ушел от меня с видом человека, довольного исполненным долгом.

Хотя этот сон удовлетворил Айфенга, а косвенно и всех остальных жителей поселка, в то же время он принес мне врага — и такого, о каком я прежде и думать не думала. По обычаю, все утро мне наносили визиты самые высокородные женщины племени и жены вождя, каждая приносила какой-нибудь подарок. Аусу не пришла, и ничего удивительного: ведь я дала ей понять, что мы с ней равны по положению в семье Айфенга. А вот Айлия явилась в мой шатер, причем последней.

Она вошла одна, я в тот момент тоже была одна, и можно было подумать, что она специально выжидала, когда все уйдут. Когда она появилась передо мной, мне подумалось, что враждебность окутывает ее подобно темной грозовой туче. Дар мой к тому времени настолько усилился, что, очутившись с ней лицом к лицу, я смогла ясно разглядеть опасность.

Казалось, из всего племени ей единственной моя колдовская Сила не внушала никакого страха, больше того, возникало ощущение, что сама она каким-то непостижимым образом читает мои мысли и догадывается, сколь мало я на самом деле могу. Переступив порог, она не села, но и не удостоила меня хотя бы подобием приветствия, просто молча швырнула мне маленькую шкатулку, своеобразно и красиво раскрашенную. Ларец ударился о землю у моих ног, раскрылся и из него выпало ожерелье, насколько я смогла заметить, очень тонкой и искусной работы.

— Подарок невесте, старейшая, — губы ее скривились, как будто произнесенные слова имели отвратительный привкус. — И пожелания от Аусу...

Я решила, что не должна позволять ей подобную наглость.

— А от тебя что, младшая сестра? — холодно спросила я.

— Нет! — со злостью выдавила она, хотя не забылась до такой степени, чтобы повысить на меня голос. Я видела, что Айлия так и кипит от гнева и все же умудряется сдерживать себя, словно не хочет, чтобы кто-нибудь, услышав нас, догадался о той откровенной неприязни, какую мы питали друг к другу.

— Ты меня ненавидишь? — прямо спросила я. — Отчего?

Тогда она опустилась на колени, и ее лицо оказалось почти на одном уровне с моим. Она резко подалась вперед, и я увидела, сколько нескрываемой ненависти было в ее глазах, а в уголках широкого рта пенилась слюна.

— Аусу уже старая, она почти не правит в шатре Айфенга. Она больная — ее больше не любят. — Слова резко и стремительно вылетали вместе со слюной, брызги которой летели мне в лицо. — Я, — Айлия в первый раз ударила себя по уродливо разрисованной груди, я — главная у Айфенга, я была главной, пока твое колдовство не похитило его сердце и разум. Ты, которая творит заклинания, погуби меня, обрати меня в мерзкого червя, и пусть раздавит меня сапог, обрати меня в гончую собаку, — пусть впрягут меня в сани, обрати в камень, брошенный на дороге, — я согласна на все, это лучше, чем быть той, какой я стала в палатке Айфенга теперь.

Я поняла: все, что она говорит, — правда. В приступе жгучей ревности она действительно хотела, чтобы я заколдовала ее, полагая, будто бы я пойду на это охотнее, чем уступлю свое место рядом с Айфенгом. Ей же самой легче было умереть, нежели видеть мой триумф над нею. Отчаяние, вызванное безысходностью и нестерпимой завистью, заставляло ее восстать против меня.

— Я не хочу Айфенга, — равнодушно ответила я. Раньше я могла бы, воздействуя на ее разум, ее волю, внушить ей это, вовсе ничего не говоря. Сейчас же я старалась убедить ее вот так, безо всяких колдовских чар, и боюсь, не слишком в этом преуспела.

Во всяком случае она сидела молча, словно обдумывая мой ответ, и я тут же поспешила воспользоваться этим крошечным затишьем.

— Я та, которая творит заклинания, это твои слова, Айлия, — произнесла я, обращаясь к ней. — И я не завишу от воли другого человека, будь он вождь племени или простой воин. Это все внутри меня самой, меня, ты это можешь понять, девочка? — Я поднесла руки к груди, напуская на себя видимость высокомерия, того высокомерия, в какое владычицы облачались, как в платье, оно было так же естественно для них, как камень Силы на груди. А я всего лишь хотела произвести впечатление на Айлию, дабы как-то развеять ее подозрения.

— Ты была с Айфенгом этой ночью, — угрюмо произнесла она, но опустила глаза, словно внимательно разглядывала открытую шкатулку и выпавшее на землю ожерелье, лежавшее между нами.

— Для благополучия племени. Разве нет такого обычая? — Я могла, конечно, могла обезоружить ее полностью, рассказав о том, что на самом деле произошло этой ночью, но все же решила этого не делать. Хранить тайну — первая заповедь любой колдуньи, и я не хотела рисковать.

— Но он придет еще! Раз он уже попробовал, значит, пожелает отведать снова, и так будет до тех пор, пока он голоден! — уже не сдерживаясь, прокричала она.

— Нет, больше он не придет, — сказала я, надеясь, что это окажется правдой. — И это истина для тех, кто встал на путь служения Дару. Мы не можем находиться с мужчиной и сохранить наши познания. Один раз — да, ради того чтобы наша сила перешла вождю в той мере, в какой это необходимо — но не более.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и я убедилась, что гнев ее уже почти угас, но оставалось еще упрямство, не позволяющее смириться. — Разве мо-

гут слова утолить голод мужчины? Это всего лишь шум в его ушах, и не более. Может, ты и думаешь так, но Айфенг думает по-другому! Ведь он как будто спит и...

Я насторожилась. Не натолкнулась ли она случайно на правду, выслушав меня? Если это так, каких неприятностей мне ждать от ее обиды?

— Скажи мне, — она наклонилась еще ближе, и я ощутила на своих губах ее дыхание, — какое колдовство употребляют колдуньи, чтобы заманить в ловушку мужчину?

— Никакого. — Я ответила на ее вопрос очень быстро. Мои руки судорожно сжали край накидки, наброшенной на плечи, и сквозь ткань я почувствовала укол шипа, который сама же сюда и воткнула, пряча от чужих глаз. — Успокойся, Айлия, и поверь, если он случайно был одурманен колдовством, я смогу разрушить чары, и очень быстро. Уверяю тебя, я хочу этого не меньше, чем ты!

— Я поверю тебе лишь тогда, когда Айфенг взойдет на мое ложе с таким же пылом и нетерпением, как две ночи назад, — холодно произнесла она. Хотелось верить, что она все же поверила мне хоть немного. Айлия поднялась на ноги. — Докажи, докажи мне, колдунья, что ты не питаешь вражды ко мне — и ни к кому из нас!

Она повернулась на каблуках и вышла из шатра. Удостоверясь, что она отошла достаточно далеко, я опустила занавеску, прикрывающую вход, и закрепила ее на столбе, вбитом внутри — если полог опущен, по обычаю никто без зова не может войти к колдунье. А я не хотела, чтобы меня беспокоили.

У меня не было верных служанок, как у Ютты, не было и ученицы, которой я могла бы передавать свои познания, и действовала я с большими предосторожностями, опасаясь, что кто-нибудь может наблюдать за мной.

Одна из жаровен, в которой лежали угли, еще не совсем остыла, и я вновь раздула в ней огонь, положив туда немного древесной коры и пучок высохшей травы. Как только вверх поднялся ароматный дым, я

погрузила шип в самый жар разгорающегося огня. Если Айлия права и я так прочно овладела мыслями и сердцем Айфенга, нужно немедленно разрушить узы, навеянные сном.

Похоже, это получилось, потому что вождь больше не приходил ко мне, и вообще никто не беспокоил меня посещениями. Кажется, я мало занимала мысли вапсалов, они были озабочены другим. Внешне кочевники казались спокойными и уравновешенными, но изнутри их всечасно жгло нетерпение, какой-то зуд. Они не могли быть довольны и счастливы, долго находясь на одном месте, даже если это сулило легкую и спокойную жизнь.

Они приносили еду и дрова для костра к моей двери каждое утро, но в основном я проводила целые дни одна, стараясь вспомнить с помощью Юттиных вещей все, что могло хоть как-то помочь мне. Рано или поздо, и скорее всего рано, Айфенг и его воины придут ко мне с требованием о предвидении. Я бы могла, конечно, разыграть перед ними спектакль, но это обман, на который я не решусь. Я не имею права изображать то, чего нет, это было бы предательством по отношению к Дару, а мне теперь и вовсе нельзя было творить что-то недостойное, иначе я бы потеряла и то немногое, что приобрела с таким трудом.

Попытки предвидения ровным счетом ни к чему не приводили и только усиливали мое отчаяние. Я пробовала много раз — и все безрезультатно. Разумеется, мне мог бы помочь кто-нибудь другой, наделенный Даром, но нужно было еще войти в контакт с ним. Однажды я случайно наткнулась на другие вещи Ютты, не замеченные мной сразу, они были плотно завернуты и лежали на самом дне второго сундука, словно это было что-то давно забытое и никому ненужное. Я сидела, держа их в руках, и внимательно изучала.

Среди них нашлась вещь, похожая на те, что используют новички в Обители Мудрейших — просто детская игрушка в сравнении с другими, гораздо более сложными и могущественными приспособлениями; однако, заново обретая навыки в колдовстве, я и была ребенком и обрадовалась своей находке. Это все-

таки лучше, чем ничего... Мне только и остается смиренно пользоваться тем, чем могу.

...Передо мной лежала деревянная доска, на ней в три ряда были вырезаны руны. Следы красной краски, едва различимые теперь, виднелись в глубоких трещинах первого ряда, золото — в маленьких потускневших линиях второго, а третья строка казалась совсем темной, и я не сомневалась, что некогда она была выкрашена густым черным цветом.

Только в том случае, если я справлюсь с этим, я смогу получать ответы на вопросы Айфенга, и мне не придется никого обманывать. Нужно испробовать немедля. А мой собственный вопрос, что так беспокоил меня? Может быть, начать с него?

Килан! Кемок! Я закрыла глаза, представила их обоих как можно ближе — это были не просто братья, это были еще два «я» — и шепотом начала песнь, слова которой были такими древними, что давно утратили свое первоначальное значение, они стали не более чем звуками, помогающими собрать необходимую энергию.

Положив доску себе на колени, придерживая ее для равновесия правой рукой, пальцами левой я прикоснулась к изрезанной поверхности и начала как бы сметать пыль от верха до самого низа, сначала красный ряд, затем золотой, потом, хотя у меня уже почти не оставалось сил, черный. Я сделала это один раз, второй, наконец, третий раз...

Я получила ответ — неожиданно пальцы мои остановились на неровной поверхности, как будто погрузились в нее или приросли к доске. Я открыла глаза, чтобы прочитать выпавшее мне послание.

Золотое! Если у меня получилось, золотой цвет означает жизнь, и не просто жизнь, но благополучие тех, кого я так мечтаю отыскать. И немедленно, как только я разрешила себе поверить в это, деревянная хватка доски ослабла, и я смогла освободить руку.

Огромная ноша, с которой я жила все это время, упала с моих плеч, и я больше ни секунды не сомневалась, что прочла правильно.

А теперь... мое собственное будущее. Убежать? Как? Когда?

С этим было сложнее. Я не могла мысленно изобразить побег и реально представить его, как это было с лицами моих братьев. Я могла лишь попытаться сформулировать отчетливое желание быть где-нибудь — и дожидаться ответа.

Через некоторое время пальцы мои вновь остановились, но на этот раз возле колонки красных рун, а это значило, что побег возможен, но встретится много опасностей, и случится это еще не скоро.

Тут кто-то стал царапаться у входа в шатер.

— Колдунья, мы ждем, — раздался голос Айфенга. Значит, мое антиколдовство не удалось? Но если бы он пришел ко мне, как к жене, он не стал бы вызывать меня таким возгласом, да еще стоя за порогом.

— Те, кто ждут, могут войти, — я воспользовалась словами Ютты и быстро отвязала занавеску от столба, позволяя Айфенгу войти.

Он был не один; позади него я увидела трех воинов — самых высокородных людей племени, входивших в своего рода совещательный совет. В ответ на мой приглашающий жест они опустились на колени, затем, откинувшись назад, сели на пятки. На протяжении всего визита говорил со мной один Айфенг.

— Мы должны уйти отсюда; здесь больше нет жизни, — начал он.

— Это так, — согласилась я. И добавила, вспомнив еще одно выражение Ютты: — И куда хочет отправиться народ?

— Это мы спрашиваем у тебя, колдунья. По-нашему, надо опять идти на восток, вниз по реке к морю, где раньше был наш дом, еще до того, как с другого берега пришли враги. Но не будет ли это нам во зло? Как ни боялась я этой минуты, она настала, ко мне пришли с просьбой о предвидении. А из всех инструментов у меня только и было, что эта деревянная доска и мои пальцы. Но я должна была сделать все, надеясь на хороший исход.

Я вытащила доску: они смотрели на нее в замешательстве, словно увидели что-то необычайное.

— Ты не будешь смотреть на светящийся шар? — спросил Айфенг. — Так делала Ютта!

— А разве ты, — ответила я вопросом на вопрос, — носишь то же самое копье и точно такой же меч, как и Тоан, который сидит справа от тебя? Я не Ютта и пользуюсь другими средствами.

Вероятно, это объяснение его удовлетворило, он только всплеснул руками и больше ни о чем не спросил. Я закрыла глаза и попыталась представить себе наше путешествие ясно и отчетливо, как только могла. Это была трудная задача, ведь невозможно было представить то, что я не знала. В конце концов я решила, что будет лучше, если я сконцентрируюсь на себе одной и постараюсь вообразить свое путешествие. И в этом была моя ошибка.

Я положила пальцы на доску, и они довольно быстро остановились. Я открыла глаза и увидела, что замерли они чуть ниже первого ряда.

— Мы отправимся в путь, — сказала я. — Опасности будут, но не очень серьезные. Все окончится хорошо.

Вождь удовлетворенно кивнул головой.

— Пусть будет так. Вся жизнь состоит из опасностей, но на то мы и мужчины, чтобы идти вперед; у нас есть глаза, чтобы смотреть, уши, чтобы слушать, у нас есть разведчики, которые умеют пользоваться и тем, и другим лучше всех. Восток там, колдунья, и мы отправимся, когда солнце взойдет во второй раз, начиная с этого дня.

7

По правде говоря, я не испытывала никакого желания отправляться на восток, все дальше и дальше от Зеленой Долины, значившей для меня так много. Ведь даже если мне сейчас вдруг удастся разорвать узы рун и сбежать отсюда, между мною и Долиной лежат многие лиги пути по незнакомой стране, полной тайных и хитроумных ловушек. Но заклятие Ютты лишило меня выбора, и, когда вапсалы отправились в путь, вместе с ними пошла и я. Единственное, что я могла — это запоминать дорогу, по которой мы двигались, чтобы потом, когда удастся снять закля-

тие и освободиться, я бы не заблудилась; но скоро ли все это произойдет, я не знала.

Мы — или только я — забыли холодные укусы зимы за время, проведенное в долине горячих источников, а уходя отсюда, мы волей-неволей возвращались из раннего лета в суровый холод зимы.

Юттины сани и собаки, которые тащили их, оказались вместе с нею в могиле, но Айфенг, согласно обычаю, дал мне новые сани и пару отлично выученных гончих собак; он же прислал служанку Аусу, чтобы она помогла мне уложить вещи. У меня еще не было служанки из племени, да я и никогда не просила, чтобы мне прислали ее, так как не хотела, чтобы кто-нибудь видел мои тщетные попытки восстановить былое мастерство. Однако теперь я оценила, как много забот во время наших переходов Висма и Аторси брали на себя. И поскольку работа в шатре была новой для меня, я хотела теперь попросить кого-нибудь в помощь себе.

Каким бы маленьким ни казалось само племя, в нем было несколько каст, и так повелось очень давно. Одни люди здесь приказывали, такие, как Айфенг и другие вожаки, остальные безропотно повиновались. И еще я узнала, что последние, как, например, Висма, были либо пленниками, либо их потомками.

В пути я с особым вниманием наблюдала за этими отношениями, потому что хотела присмотреть себе женщину, которую могла бы взять прислугой в свой шатер. Выбрав, наконец, двоих, я колебалась, какую предпочесть. Одна была вдовой и жила у сына. У нее было очень глупое невыразительное лицо, на нем всегда царили покорность и смирение, и мне казалось, что она похожа на кольдеровских невольников, о которых рассказывала наша мать. Я не думала, что в ней еще живет любопытство и ей вздумается шпионить за мной. Возможно, она будет даже благодарна мне, если я заберу ее из шатра, где к ней относятся как к невольнице, заставляя выполнять самую тяжелую работу.

Вторая была совсем молодой девушкой, на вид весьма послушной. У нее была перебита нога; это вроде бы не мешало ей в работе, но лишало возможности

когда-нибудь выйти замуж, разве что она вошла бы к кому-нибудь в шатер второй или третьей женой и была бы, скорее, на положении служанки, а не супруги. Но я боялась, что она окажется излишне любопытной.

Я научилась управлять собаками с помощью нужных команд, к которым те были приучены со щенячьего возраста, и когда все необходимое было уложено в сани, заняла свое место в цепочке как раз позади Айфенга.

Мужчины выстроили сани с женщинами и скарбом в ряд, а сами следовали на легких санях по бокам нашей колонны; в пути они охраняли тяжело нагруженные сани, а порой, если ход почему-либо затруднялся, помогая собакам тащить, тянули их за веревки или подталкивали сзади. Но по песку, камням и земле мы двигались недолго и вскоре, поднявшись вверх по обледеневшему заснеженному склону, попали совсем в другой мир. Ехать по снегу стало несравненно легче, наша охрана развернулась веером чуть в стороне от основной вереницы саней, создавая защитный барьер на случай нападения.

Мы передвигались по совершенно пустынной земле, я нигде не видела ни единого признака цивилизации, хотя бы очень давней, какие всюду были заметны, например, в западной части Эскора. Все это было очень странно. Эта страна, несмотря на то, что сейчас была спрятана под заносами зимних бурь, казалась мне очень богатой и плодородной, она могла бы стать пристанищем для многих людей, дать кров и пищу. Однако нигде не встречалось никаких следов ферм, никаких развалин, говоривших о том, что некогда, может быть, еще у древних здесь были какие-то хозяйственные постройки.

На второй день нашего нутешествия мы, наконец, вышли к реке. Ледяная корка покрывала оба берега и простиралась дальше по самой поверхности реки, оставляя нетронутой лишь темную полоску воды на середине. И тут я впервые увидела хоть какой-то признак того, что это не совсем заброшенная, дикая местность. Берега реки соединял мост, столбы опор

довольно хорошо сохранились, за исключением нескольких, стоящих посредине потока.

По краям моста возвышались башни-близнецы с бойницами для защиты от нападения, очень большие — в каждой без труда можно было бы разместить гарнизон. Одна из этих башен сохранилась прекрасно, три других полуразрушены, на верхних ярусах не было крыши, да и стены сохранились не везде.

Как раз посередине между двумя ближайшими к нам башнями стояла огромная каменная арка с письменами, вырезанными так глубоко и четко, что их до сих пор можно было различить. И символ, который был высечен там, я уже видела прежде на Юттиных манускриптах с рунами: перекрещенные меч и жезл.

Гладкий снежный покров по другую сторону моста наводил на мысль, что там проходит дорога, но никто не знал, что может ждать на ней. И хотя я не обнаружила никаких следов Тьмы среди этих развалин, мы сделали большой крюк, чтобы обойти это место и не приближаться к руинам.

Возможно, вапсалы уже давно знали, что здесь могла быть ловушка, и остатки древних строений вызывали их недоверие. А я внимательно вглядывалась в этот мост, хотела знать, куда он ведет, вернее, куда вел когда-то и что означают эти знаки над воротами. На мой взгляд, это были не руны, а скорее геральдические символы какого-нибудь народа или племени.

Подобного рода опознавательные знаки уже давным-давно не встречались в Эсткарпе, однако некоторые люди древней расы, которым удалось избежать резни, устроенной в Карстене, и спастись бегством через горы, продолжали использовать символику.

Мы не стали переправляться через реку, на этой стороне не было никаких признаков дороги, и сани двинулись параллельно течению, на восток. Я подумала, что эта река должна впадать в восточное море, очевидно, к нему мы и направлялись.

После долгих раздумий я выбрала женщину, которая могла бы мне помогать по хозяйству и во время второго нашего ночного привала попросила Айфенга дать мне в помощь вдову Бахаи, что он тотчас же

разрешил. Вероятно, первая жена сына Бахаи не очень обрадовалась этому, потому что Бахаи, несмотря на свою тупую и невыразительную внешность, была великолепной работницей. Когда она обосновалась в моем жилище, все пошло с такой же легкостью, как и раньше, когда служанки Ютты заботились о нас и вели хозяйство. Кроме того, она не проявляла никакого интереса к моим колдовским занятиям, а когда наступала ночь, забиралась под свое покрывало и сразу начинала храпеть, и я вскоре перестала обращать на нее внимание.

Я продолжала свои поиски с каждым днем все настойчивее и напряженнее. В последние дни у меня часто возникало почти физическое ощущение опасности. И как только это тягостное чувство поднималось во мне, я брала деревянную доску и гадала по ней, но всякий раз она успокаивала меня. Однако я опять сделала очень большую ошибку, спрашивая про себя одну, и по сей день не перестаю сожалеть об этом.

Наш путь вдоль реки в конце концов вывел нас к морю; под зимним небом лежало мрачное и унылое пространство; ледяные пальцы ветра старались отыскать какую-нибудь прореху в одежде. Наверное, это и были те самые места, куда стремилось племя, и под этими ветрами они, судя по их лицам, чувствовали себя счастливыми, как изгнанники, вернувшиеся в родные края после долгих скитаний.

Отсюда хорошо были видны руины, обойденные нами. Большая башня возвышалась на мысе, а он вонзался, подобно узкому лезвию меча, в угрюмое, с металлическим отливом море. Что это было — обычный оборонительный замок, башня, подобно той, какую сулькарские мореплаватели когда-то воздвигли на морском побережье Эстка́рпа — определить на таком большом расстоянии я не могла.

Расстояние было действительно большое, и вапсалы решили здесь остановиться. Их лагерь располагался в самой середине бухты, в которую впадала река, а развалины башни были где-то там, за изгибом, в нескольких лигах от нас, и время от времени туман скрывал их совсем. В первый раз я видела, чтобы вапсалы воспользовались остатками каких-то соору-

жений. Очевидно, когда-то здесь были доки, в которых люди древней расы ремонтировали корабли; каменная кладка неплохо сохранилась, и вот сюда-то съезжалось племя.

Наши шатры словно бы встроились в эти стены; жилище получилось довольно удобным и, что немаловажно для меня, теплым. Я отметила, что вапсалы, должно быть, хорошо знали это место и уже жили здесь, возможно, очень давно; упряжки с санями уверенно шли каждая в своем направлении, словно люди возвращались к себе домой. Бахаи, не дожидаясь никаких указаний, направила наших собак к постройке, стоявшей в некотором отдалении от всех прочих; она была в относительно хорошем состоянии. Мне подумалось, что, может быть, именно здесь жила Ютта, когда племя останавливалось в этих местах в предыдущий раз. Я одобрила выбор Бахаи, меня устраивало, что я буду жить чуть в стороне от всех остальных.

Я довольно неловко пыталась помочь ей поставить шатер в это каменное строение, подходящее по размеру, но без потолка. Затем из веток дерева она соорудила метлу и вымела из нашего жилища песок и другой мусор, и у нас под ногами оказался гладкий, ровный настил из квадратных брусков. Она принесла огромную охапку веток с высохшими душистыми листочками. Часть из них она разложила по нашим постелям вдоль стен, другие разломала на кусочки и усыпала ими пол, так что аромат от этой душистой массы поднимался вверх и перебивал тюремный запах каменной кладки, который мы почувствовали, едва только вошли сюда.

В углу нашлось удобное место для очага, это было весьма кстати. И когда, устроив все, мы, наконец, расположились в нашем новом доме, я подумала, что это самое удобное жилище из всех, какие мне пришлось сменить со времени ухода из Зеленой Долины. Я грела руки у огня в то время, как Бахаи готовила нам ужин, и думала о том, кто же воздвиг некогда это сооружение, служившее теперь жилищем нам, много ли времени прошло с тех пор, как строители оставили этот поселок на волю песка, ветра, снега, дождя и нечастых посещений кочевников, вроде нас.

Невозможно было высчитать, как давно Эскор был ввергнут в хаос и остатки людей древней расы бежали на запад в Эсткарп, наложив печать на горы позади себя. Однажды я с помощью своих братьев пыталась выяснить это, узнать, что произошло здесь, и почему некогда благодатная страна превратилась в край, напичканный ловушками, подстроенными Тьмою. Мы сумели прочесть рассказ о том, что случилось. Счастье благодатного края было жестоко разрушено из-за человеческой жадности и безрассудных поисков недозволенных страшных познаний. И я не знала, сколько лет или веков лежало между нашим костром, зажженным этой ночью, и самым первым огнем, появившемся в этом месте.

— Здесь уже жили раньше, Бахаи? — спросила я, когда она опустилась на колени возле меня и сунула в самую середину пламени горшок на длинной ручке, в котором готовила пищу. — Ты была уже здесь когда-то... давно?

Она медленно повернулась ко мне, на лбу появилось несколько неглубоких морщинок, словно она пыталась что-то вспомнить или сосчитать, хотя система счета у этого народа была на удивление примитивной.

— Когда я была еще ребенком... помню... — она произнесла это очень тихим голосом, колеблясь, с остановками, словно ей так редко приходилось говорить, что она с трудом подыскивала каждое слово. — И моя мать — она тоже помнила. Мы приходили сюда очень давно. Но это хорошее место — здесь много еды. — Она кивнула подбородком на юг. — А в море много рыбы, она большая и вкусная. Еще здесь есть плоды, их можно сушить, их собирают, когда наступают первые холода. Это хорошее место, на нас здесь никто не нападет.

— А вон то место, где много камней, — я указала рукой на север, — там ты была?

Она, шумно всасывая воздух, перевела дыхание, и все ее внимание неожиданно переключилось на кастрюлю. Но несмотря на ее явное смущение, я решила не отступаться и выяснить все до конца, потому что было в этом мысе, со всех сторон подставленном ветру

и дождю, нечто такое, что мой разум непременно должен был понять.

— Так что это за место, Бахаи?

Ее правое плечо слегка приподнялось, она еще больше отодвинулась от меня, словно ожидая удара.

— Бахаи! — я и сама не понимала, почему так настойчиво добиваюсь ответа, просто чувствовала, что непременно, во что бы то ни стало, должна его получить.

— Это... очень странное место, — ее смятение было совершенно очевидно, но я никак не могла понять, было ли это следствием страха или просто ее убогий разум с трудом отыскивал слова, пытаясь описать то, что там находилось. — Ютта — однажды она ходила туда... давно... когда я была еще маленькой девочкой. Когда она вернулась, то сказала, что это место, где есть Сила, только это не такая сила, как у колдуний.

— Место, где есть сила, — задумчиво повторила я. Но что это за Сила? Может быть, именно там находился омут зла, подобный тем, какие оставляла повсюду Тьма, пробираясь по этой измученной стране и отравляя ее воздух и землю. А может быть, напротив, это было место, где подобные мне могли получить пищу и помощь? И если эти руины на мысе были той же природы, что и убежища из синих камней, возможно, поход туда укрепит мои силы, едва вернувшиеся ко мне?

Впрочем, это находилось далеко от нашего поселения, и я сомневалась, что узы рун, наложенные Юттой, позволят мне отправиться туда. Время от времени я делала подобные попытки, желая определить, на какое расстояние могу отойти от племени, и всякий раз оказывалось, что очень недалеко.

Предположим, я могла бы убедить кого-нибудь из них пойти вместе со мной, хотя бы до границы, откуда начинается это место, коль скоро они испытывают такой благоговейный страх, что боятся идти до конца? Вдруг это сможет удлинить невидимый поводок, которым привязала меня Ютта, и я сумею обследовать развалины?

Однако, будь это место обиталищем Тьмы, я не могла рисковать в моем нынешнем положении, пока

была так слабо защищена. Но может быть, Ютта оставила какие-нибудь записи о днях, проведенных с племенем? Судя по всему, она жила с вапсалами несколько поколений.

Я вновь подумала о тех двух таинственных свитках, найденных в Юттином сундуке. Может быть, они появились как раз из этой крепости на мысе, а башня была как раз той, какую я видела во сне...

В сундуке лежало два свитка — но в ту ночь, когда я видела колдуна и открытые им ворота, я держала в руках только один из них. Может быть, другой содержит какую-то тайну, которая принесет мне то, что жажду я сейчас — свободу? Подумав об этом, я захотела немедленно приступить к опыту, попытаться вновь увидеть этот сон и вырвать из него необходимые сведения.

Однако в шатре находилась Бахаи, и хотя я была почти уверена, что она именно такая, какой кажется — нелюбопытная и слабоумная — подобный сон мог перенести меня из моего тела в иное пространство, а мне не хотелось, чтобы кто-то видел мою беззащитность.

И тогда я решила прибегнуть к такому же способу, что и в тот раз с Айфенгом; я бросила в кубок несколько сухих листьев из запасов Ютты и превратила обычную воду в изысканный напиток. Бахаи очень удивилась, что ей предлагают столь роскошное питье, и я упрекнула себя, почему не додумалась до этого раньше. Я тут же решила, что непременно должна что-нибудь сделать для нее. Так почему бы не сейчас? Вряд ли удастся найти более подходящее время.

Когда Бахаи уснула, я стала плести ткань сна специально для нее: такого сна, какой мог принести ей самое большое наслаждение; я повернула ключ в замке и отперла дверь, через которую в ее разум ворвался фантастический мир, где она, упиваясь радостью, чувствовала себя свободно и легко. Затем я завесила вход в шатер и торопливо разделась. Приложив второй свиток к груди, я наклонилась вперед, коснулась лбом его верхнего конца и открыла свой разум всему, что только могло войти туда.

Я почувствовала, как меня уносит, подхватив, какой-то чудовищный поток, ворвавшийся в мое сознание. А немного погодя мне казалось, будто я сижу за столом, на котором лежит груда драгоценностей, и мне нужно рассортировать их за очень короткое время, а должна я выискивать все изумруды, отодвигая в сторону рубины, сапфиры и жемчужины, самые прекрасные и редкие, какие только могли существовать на свете.

Свои «изумруды» я находила здесь и там, и все эти кусочки и частички при пробуждении значили для меня больше, чем настоящие драгоценные камни. Я вновь положила свиток в футляр и взглянула на Бахаи. Она лежала на спине, и на лице ее светилась улыбка, какой прежде я никогда не видела.

Я натянула плащ на дрожащее от холода тело и дотянулась до очага, подбрасывая в огонь побольше дров; я вновь задумалась над тем, что бы еще могла сделать для своей служанки. Конечно же, — совсем незначительное заклинание — и она до конца жизни будет каждую ночь видеть счастливые сны, приносящие покой и радость. Для того, кто хочет от жизни нечто большее, чем сновидения, это было бы скорее проклятием, а не даром, но для Бахаи могло стать действительно благом. Поэтому я произнесла нужное заклинание и только потом приступила к более важным делам.

Мои «изумруды» и в самом деле оказались сокровищами. Как я знала с самого начала, колдовство Ютты было близко природному, естественному, а теперь выяснила, что наложенные ею узы рун держались на крови... Хотя это могло быть очень болезненно и даже опасно для меня, я должна была испробовать этот способ.

Разостлав на полу циновку с рунами, я провела рукой по тусклой поверхности, и линии ярко вспыхнули. Тогда я взяла один из длинных охотничьих ножей и проткнула вену у сгиба локтя. Из раны хлынула струя красной крови, я взяла из Юттиных запасов жезл, который нашла, когда впервые перебирала ее вещи, погрузила его в свою кровь и стала тщательно и осторожно прорисовывать каждую ли-

нию рун; от прикосновения окровавленного жезла они темнели и тускнели... Я часто прерывалась, погружая острие ножа еще глубже, чтобы кровь текла сильнее.

Закончив все, я быстро наложила на рану повязку с целебным эликсиром из трав; теперь можно было приступать к заклинаниям. Я не знала точно, какие именно силы призывала Ютта, чтобы связать меня этими узами, но зато помнила, что в таких случаях проделывали колдуньи, и стала звать эти силы одну за другой, наблюдая, как свертывается кровь, а руны окончательно исчезают под кровяной коркой. Когда я решила, что все готово, я собрала спекшуюся кровь тряпицей и бросила коврик в огонь.

В эту минуту решалось все. Если бы оказалось, что я в чем-то ошиблась, мне грозила смерть. Но в любом случае я понимала — мне сейчас будет очень трудно.

И я не ошиблась; как только пламя лизнуло циновку и начало ее поглощать, тело мое скорчилось от мучительной, пожирающей боли, и я так вонзила зубы в губу, сдерживая крик, что тонкая струйка крови скатилась на подбородок. И хотя из меня готов был вырваться пронзительный вопль, я сдерживалась, стараясь не проронить ни стона, боясь разбудить Бахаи. Я терпела и следила за циновкой, пока ее окончательно не пожрал огонь. Тогда я подползла к Юттиному сундуку и достала оттуда небольшой котелок с густым жиром, которым я смазала — при этом пальцы мои дрожали и перехватывало дыхание — свою рану; все тело покраснело и болело, словно бы это я, а не циновка, лежала только что в огне и корчилась на угольях.

Заклинание было разрушено, однако состояние мое было таково, что ни в этот день, который уже разгорался, ни на следующий я не могла приступить к осуществлению своего плана. Вдобавок, еще нужно было принять меры предосторожности, чтобы никакая гончая собака из лагеря, пущенная по следу, не смогла бы учуять меня и настигнуть в тот момент, когда я почувствую себя в безопасности.

Бахаи проснулась при свете дня, но двигалась, как сомнамбула, словно не хотела расставаться со своим сном; она выполняла обязанности с обычным старани-

ем, но, похоже, почти не замечала меня, разве только тогда, когда нужно было подавать еду. К счастью, в тот день никто не нарушил нашего одиночества, потому что над поселком разразился такой буран, нагнавший на небо тяжелые тучи, что все вапсалы сидели по своим жилищам и не высовывались наружу.

Ближе к вечеру тело мое ожило до такой степени, что я смогла передвигаться по шатру, хотя с трудом и испытывая сильнейшую боль. Я начала готовиться к побегу; мысль о развалинах на мысе не давала мне покоя. Ютта уже была там однажды и сказала, что это место, где обитает Сила. И она не сказала, что это Сила зла. Но вапсалы этого не знают, и значит, добравшись туда, я избегу их преследования.

Если я смогу скрыться там, дикари сочтут это проявлением колдовства, во всяком случае, будут слишком напуганы, чтобы пытаться настичь меня. Я могла бы отсидеться в руинах и, дождавшись хорошей погоды, отправиться, наконец, на запад.

Я разбирала и сортировала Юттины пожитки, коробку за коробкой, сверток за свертком, кувшин за кувшином, и мне казалось, что пока все идет очень хорошо, и я с успехом одолею это рискованное предприятие. Хотя мне и не удалось восстановить все познания, утраченные мною, однако я все же знала теперь достаточно много для того, чтобы не представлять больше угрозы для своих близких, и могла благополучно вернуться в Зеленую Долину.

Я собрала небольшой пакет целебных трав и всего того, что мне понадобится для заклинаний, которые, конечно же, придется произносить не раз за дни долгого и опасного путешествия. И когда Бахаи снова уснула, я отложила для себя запас еды, отбирая самые питательные продукты, которые вдобавок можно хранить продолжительное время; к тому же они не занимали много места.

Я решила, что если открыто, на виду у всех, отправлюсь к тем развалинам, то, пожалуй, могу на первом этапе моего путешествия получить сани. Однако потом пожитки мне придется нести на собственной спине. Как бы там ни было, я понимала, что прежде

всего нужно до конца оправиться от недуга, полученного при уничтожении рун.

Буря пришла с севера, она бушевала над нами день, ночь и еще день. Завывание ветра вверху временами было до странности похоже на громко зовущий голос, и мы с Бахаи, тревожно переглядываясь, садились ближе к огню, тесно прижавшись друг к другу, и я бросала в огонь пучки травы, беря их из тающей кучи дров.

Но на второй день, ближе к вечеру, ветер утих, и вскоре мы услышали, как в полог нашего шатра кто-то скребется. На мой оклик отозвался Айфенг, он вошел в шатер, стряхивая снег с тяжелого меха. Он принес нам охапку дров, собранных на берегу, свалил их возле очага и еще протянул Бахаи серебристо-чешуйчатую рыбу, и та приняла дар с довольным урчанием.

Сделав эти подношения, он взглянул на меня. «Колдунья, — начал вождь, и нерешительно остановился, словно колебался, не зная, как облечь свою просьбу в слова. — Колдунья, посмотри, что ждет нас в эти дни. Такой шторм, бывало, приносил врагов...»

Я достала доску, а он уселся в своей любимой позе на корточках и стал внимательно наблюдать. Я спросила его, как выглядят корабли тех, кто несет смерть, и он, запинаясь, описал мне их. По описанию они почему-то напомнили сулькарские корабли, виденные мной в детстве. Я еще подумала тогда, что, возможно, скитальцы всех морей принадлежат к одной расе.

Удерживая изображение в голове, я закрыла глаза и стала читать ответ с помощью пальцев. Они быстро скользнули по красной строке рун и по золотой тоже, но на третьей колонке зловещего черного цвета намертво остановились, словно прилипли к лужице смолы. Я тревожно воскликнула:

— Опасность... великая опасность... и очень скоро!

Вождь поднялся и вышел из шатра, оставив полог открытым. Я отбросила в сторону доску, собираясь последовать за ним, и еще видела его в стремительно наползавших сумерках. Время от времени он останавливался возле опущенного полога и что-то кричал пронзительно и предостерегающе, и каждое жилище наполнялось возбужденной суматохой.

Но слишком поздно! Айфенг неожиданно покачнулся, словно поскользнулся и, потеряв равновесие, упал навзничь. Он вскочил, вытащил свой меч, но так и не успел им воспользоваться. Даже в сумерках я разглядела, как боевой топор ударил его сбоку, в нижнюю часть затылка, оборвав жизнь вождя. Топор, брошенный издалека, — еще одна хитрость сулькарцев.

Еще прежде чем он упал, убитый, на землю, я увидела толпу теней, которые легко и бесшумно двигались среди низких, полуразрушенных строений; потом я услышала пронзительный крик с другого края поселка, где налетчики уже, наверное, успели ворваться в жилище.

Повернувшись к Бахаи, я схватила приготовленный накануне сверток.

— Бежим! Это набег!

Но она изумленно таращилась на меня, словно не понимая, и мне ничего не оставалось, как набросить на нее плащ, подтащить к двери и подтолкнуть, чтобы она шла вперед. Я подгоняла, я толкала Бахаи, пытаясь заставить ее идти вместе со мной на север.

Какое-то время это удавалось и она шла вперед, но вдруг неожиданно вскрикнув, коротко и резко, словно очнувшись ото сна, она, оттолкнув меня, бросилась бежать обратно. Прежде чем я опомнилась, она была очень далеко, устремляясь прямо в самую гущу побоища. Остановить ее я уже не могла.

Глядя ей вслед, я думала, что если бы была такой, как Ютта, если бы владела таким сильным даром, какой был у нее, я бы, конечно, смогла хотя бы чем-нибудь помочь вапсалам. Но в ту минуту я была им плохой защитой.

Я решительно повернула на север и пошла, пробираясь от одного укрытия до другого, оставляя все дальше за спиной жестокую драку. И тут снова начался снегопад.

8

Круговерть снега скрывала то, что происходило сейчас в поселке, а дикие завывания ветра заглушали крики людей. Я думала, что мое бегство — это худшее из двух зол, и была совершенно растеряна, но продолжала вслепую, на ощупь пробираться вперед, пока не забрела в кустарник, едва различимый в сумерках. Сначала я отпрянула в испуге от этих зарослей, но вскоре поняла, что нахожусь за пределами поселка, и этот кустарник закрывает от меня отдаленные развалины.

Кусты были достаточно высокими и толстоствольными и могли служить хорошим прикрытием. Мне удалось найти узкий проход между ними; очевидно, это была звериная тропа, потому что петляла и извивалась так, что становилось ясно: она проложена животными, а не прорублена топором. Люди предпочитают идти напролом, навязывая природе свою волю.

Самые высокие стволы кустарников, которые больше походили на деревья, выдержали ярость недавно стихшей бури, и я могла идти, хотя и спотыкаясь, но довольно быстро. Мне казалось, я все-таки правильно выбрала направление и в конце концов доберусь до той таинственной массы обветшалых строений на мысе.

Может быть, было бы разумнее уходить прочь от моря, на запад — но в такую погоду это было немыслимо. Кроме того, я не была уверена в том, что меня никто не преследует, по-прежнему надеясь, что постройки на берегу смогут стать для меня великолепным убежищем.

Все это время я старалась думать только о своем бегстве, о том, что в ближайшее время ждет меня, и гнала от себя всякие мысли о судьбе племени. За недолгое свое пребывание у кочевников я поняла, что кровавые схватки и набеги для них привычны, однако морские бродяги были наихудшими из всех возможных врагов. Мужчин побежденного племени ждала неминуемая смерть, женщины, если они были еще достаточно хороши собой, как правило, становились младшими женами вождей-победителей, а некрасивые

превращались в рабынь. Это была тяжелая и суровая жизнь, но, увы, привычная для них.

Да и я сама, сколько помню себя, постоянно жила в мире войн; я родилась, когда Эсткарп воевал с Карстеном и смерть была самым обычным делом. Мои родители, и отец, и мать, охраняли границы, где им всегда грозила опасность. Братья мои сели верхом на лошадей и отправились сражаться задолго до того, как на щеках их стал пробиваться первый пушок. А с тех пор, как мы убежали в Эскор, спасаясь от гнева колдуний, борьба вообще стала привычным делом для нас, а руки словно срослись с мечом. Свои щиты мы тоже привыкли носить с раннего детства и никогда не расставались с ними.

Именно поэтому этот набег не стал для меня слишком тяжелым ударом. Будь мой Дар силен как прежде, я бы попыталась использовать всю силу, чтобы защитить племя от обрушившегося на него зла. Если бы Бахаи послушалась меня, я взяла бы ее с собой. С некоторым сожалением вспоминала я и об Аусу. Но больше во всем племени не было никого, к кому бы я испытывала хоть какую-нибудь привязанность и ради кого могла бы поднять меч для защиты.

Извилистая тропинка, по которой я пробиралась, неожиданно привела меня к другой полосе зарослей, откуда начиналась более широкая тропа. Я решила, что под снежным настом есть дорога, ведущая к мысу, и повернула туда. Конечно, вапсалы могли настигнуть меня со своими собаками, выиграв битву. Но даже если собаки приведут их сюда, осмелятся ли охотники натравить их на меня? Что ни говори, вряд ли после случившегося я нужна им как колдунья, уж, скорее, меня будут преследовать просто из мести.

Буря становилась все сильнее, ветер сбивал меня с ног, поднимая такие снежные вихри вокруг, что я не на шутку встревожилась. Как мне хотелось отыскать хоть какой-нибудь приют и укрыться в нем, чтобы не упасть, чтобы меня не занесло белым покрывалом — это была бы позорная смерть для колдуньи.

Кусты росли по обе стороны тропы, и между ними едва виднелись припорошенные снегом какие-то черные островки земли. Я добралась до ближайшего та-

кого места и обнаружила, что это даже не земля, а куча щебня, остатки какого-то строения. И скорее, руками, чем глазами, ослепленными снегом, я обнаружила здесь какое-то углубление и с облегчением забралась в него.

Я почувствовала себя в относительной безопасности и внимательно осмотрелась, изучая место, куда загнала меня буря. Пространство, где я очутилась, напоминало пещеру, образованную несколькими разрушенными стенами. И похоже было, что пока для своей безопасности я сделала все, что могла.

Время и ветер нанесли сюда множество сухих листьев, я разгребла их, устраиваясь поудобнее, и набросила на себя побольше листьев для тепла. Затем, понимая, что сейчас самое главное — успокоиться, я развязала сверток с высушенными листьями, оставшимися еще от Ютты, набрала полную горсть и, отправив в рот, разжевала их.

Не то чтобы я целиком и полностью отключилась — я и не хотела этого: при нынешних обстоятельствах нельзя было терять бдительность, — но теперь я почти не ощущала холода, а это было уже победой, ибо холод мог вызвать смертельный сон.

Я осознавала, где нахожусь, что вокруг темнота и буря, но было такое ощущение, что это не важно, словно вся я сосредоточилась в совсем маленьком участке моего тела и погрузилась в спокойное, неспешное ожидание того, когда же окончится этот ураган.

Сновидений не было. Я просто хотела, чтобы разум мой отдохнул, и старалась не думать о том, что принесут мне ближайшие часы и утро, которое вскоре наступит — все эти мысли могли разрушить заклинание, которое я воздвигла защитой между мною и злом. Сейчас требовалось лишь терпение; тот, кто долгое время жил в Обители Мудрейших, знает, как стойко нужно держаться в подобных обстоятельствах.

Ближе к утру ветер заметно ослабел. У входа в мое убежище намело сугробы снега, так что мне была видна лишь узкая полоска света снаружи, но этого было достаточно, чтобы понять, что буря, наконец, закончилась или, по крайней мере, заметно успокоилась.

Я откопала в листьях сверток и достала прессованные плитки сушеного мяса, толченого с ягодами; их было немного, видимо в спешке я захватила не все, что собрала. Положив в рот немного этой массы, я взвалила на плечо свою котомку и выбралась из убежища.

Из-под снега торчали лишь верхушки кустов, обозначая очертания старой дороги, виднелись сугробы, а между ними ветер вымел весь снег, оголив землю. Барахтаться среди сугробов было очень тяжело, но, к счастью, промучилась я недолго, вскоре мне удалось отыскать дорогу ближе к зарослям.

Несмотря на то, что я измучилась, я все же хорошо представляла себе, в каком направлении мне нужно идти, впрочем, идти — это мягко сказано: то, что проделывала я, нельзя было назвать ходьбой, я скользила, спотыкалась и падала, кое-как продвигаясь вперед.

Одно мгновение я была на волосок от гибели, но лед и снег, казавшиеся мне таким несчастьем и мучением, помешали и моему врагу. Айлия бросилась на меня с охотничьим ножом, но, потеряв равновесие, упала, успев только толкнуть меня в сугроб. Я барахталась, стараясь выбраться из него, чтобы отразить ее стремительный натиск, и мне вовремя удалось выбить нож из ее руки — он упал далеко, зарывшись в глубокий снег. Ни минуты не раздумывая, она набросилась на меня голыми руками, царапаясь и кусаясь, не помня себя от ярости и бешенства, и я защищалась как могла.

Я изо всех сил ударила ее, и она опрокинулась навзничь. Я тут же бросилась на нее, удерживая обеими руками, а она извивалась и корчилась на снегу, плевалась и скалила зубы, словно бешеный зверь.

Я призвала остатки своей воли и все познания, какие только имела, сконцентрировала всю силу, и вот она, уже успокоившись, лежала под моими руками, не сопротивляясь больше, не пытаясь вырваться, лишь в глазах полыхала яростная, неукротимая ненависть.

— Он мертв! — она бросила эти слова так, словно они были одновременно и обвинением, и клятвой. — Ты убила его!

Айфенг — неужели он так много значил для нее? Я была даже несколько удивлена. Наверное, в жизни я слишком полагалась на невысказанные вслух мысли и не научилась оценивать людей по каким-то другим признакам, как это умеют делать те, у кого нет никакого Дара в отличие от меня. Мне-то казалось, что Айлие нравится положение второй жены (а фактически первой, ведь состояние Аусу делало ее лишь формально главной в шатре Айфенга), больше, чем сам вождь, который дал ей это положение. Но по-видимому, я ошиблась, и гибель Айфенга стала для нее настоящим горем, заставившим выследить и поймать ту, на которой, по ее разумению, лежала такая же кровавая вина, как и на воине, что бросил топор и отнял жизнь у ее мужа.

Ненависть глуха ко всему, и если Айлия уже перешла некую критическую точку, когда ее можно было еще в чем-то убедить, я оказывалась в затруднительном положении: убить девушку я не могла, оставить здесь — тоже. О том, чтобы вернуться обратно в поселок, и думать нечего, но и пускаться в путь вместе с ней было бы в высшей степени неразумно.

— Я не убивала Айфенга, — произнесла я, стараясь придать словам как можно больше убедительности.

— Ты, — она плюнула. — Ютта была его защитницей, она все предсказывала правильно. Он думал, что ты такая же колдунья, как и она. Он надеялся, он верил тебе!

— Я никогда не говорила, что у меня такая же сила, как у Ютты, — возразила я. — И я не по своей воле осталась в племени, чтобы служить вам...

— Конечно! — прервала она. — Ты всегда хотела убежать от нас! И это ты позволила убийцам прийти, чтобы сбежать, пока их мечи пьют кровь... Ты — сила Тьмы...

Слова ее обжигали меня, словно острое лезвие меча, о котором она говорила. Я действительно прежде всего думала о том, как мне сбежать из племени, и может быть, этим я, хотя и невольно, сама того не желая, предала их? Разве я не спрашивала руны только про себя одну и, забыв все меры предосторож-

ности, пренебрегала интересами вапсалов, тем самым подставив их под удар? Динзиль служил Тьме, а я слишком долго была с ним; неужели так сильно Тьма захватила меня, и Айлия права, посылая проклятия на мою голову! Неужели до сих пор во мне осталось это, словно следы затяжной болезни, и я ответственна за все беды, в которых эта девушка обвиняет меня?

Я страстно желала получить обратно свой Дар, я хотела вернуть его любой ценой, забывая, чем это может обернуться и что в подобных делах одно рано или поздно уравновешивается другим. Если Дар используется во зло, он сам становится злом, и это нарастает как снежный ком и наступает момент, когда ты не сможешь призвать добро, как ни захочешь этого, ибо все, что ты сделаешь, будет обезображено и изуродовано Тьмою. Неужели я искалечена настолько, что отныне, что бы я ни сделала, будут страдать другие?

Обладающий Силой должен сдерживаться, применяя ее, тем более, если колдовство для него так же естественно, как дыхание. Лишившись Дара, я превратилась в пустую оболочку, в безжизненную скорлупу, которая существует, ничего не чувствуя и не осязая, и, чтобы жить по-настоящему, мне нужно было стать собой, а добиться этого я могла, лишь вернувшись в свою среду, получив то, что было дано мне от рождения.

— Да, мне нужна была свобода, — произнесла я наконец, продолжая убеждать, скорее, не Айлию, а саму себя. — Но я готова присягнуть Тремя Именами, что не хотела зла ни тебе, ни твоим сородичам. Ютта сделала меня пленницей, она держала меня своим заклинанием даже после смерти, я совсем недавно смогла разорвать узы, которыми она меня связала. Послушай, если бы тебя захватили те, кто напали на вас, и силой держали в своем лагере, превратив в рабыню, разве ты не хотела бы освободиться любой ценой и не воспользовалась первым же удобным случаем? Я не насылала на вас врагов, и я не умею, подобно Ютте, предвидеть несчастья, она не научила меня этому. Айфенг пришел ко мне в палатку перед самым нападением; я воспользовалась тем, что имела, обратилась к рунам — и предупредила его...

— Слишком поздно! — воскликнула она.

— Слишком поздно, — согласилась я. — Но во мне не течет ваша кровь, я не присягала, не клялась служить вам. Мне нужна была только свобода...

Удалось ли мне убедить ее, я не знаю, но в этот самый момент издалека донесся какой-то неприятный, режущий слух звук. Айлия крепко вцепилась в мою руку, голова ее дернулась назад — она пыталась оглянуться на запорошенную дорогу, где виднелись на ровной глади снега следы нашей недавней борьбы.

— Что это?

— Морские собаки! — она приложила руку к губам, сделав знак молчать, мы прислушались, и почти сразу острый пронзительный звук раздался справа от нас, на западе — похоже, две группы сжимали нас, как в тиски. Я вскочила на ноги, всматриваясь вперед. Солнце не появлялось, но, хотя день был мглистым и туманным, было достаточно светло. Совсем недалеко виднелись первые полуразрушенные постройки на оконечности мыса, где, по моим представлениям, можно было найти укрытие. Чтобы отыскать нас там, преследователям понадобилось бы немало времени и терпения. Я схватила Айлию за руку и потянула ее за собой.

— Пошли!

Она, не сопротивляясь, быстро вскочила на ноги, и мы уже продвинулись вперед на несколько шагов, когда она, наконец, осознала, что я веду ее в то место, против которого их предостерегала Ютта. Наверное, она бы вырвалась и убежала от меня, если бы не звуки, доносившиеся с запада. Восток тоже был нам недоступен — колючая изгородь зарослей была такой густой, что проложить там дорогу мы могли бы только огнем.

— Ты... ты хочешь убить... — Она попыталась вырвать свою руку. Но хотя она и была дикаркой, выносливой и грубой, привыкшей к дракам и войне, освободиться от меня ей не удалось. А я все тянула ее вперед, потому что завывание послышалось опять, и уже гораздо ближе.

Каждый человек инстинктивно боится погони, это что-то необъяснимое, врожденное, этот страх поглощает любую другую опасность.

По-видимому, он гнал и Айлию — она больше не сопротивлялась, и сама торопливо направилась в сторону руин, обещавших нам убежище.

Пока мы шли, я рассказала ей то, что считала возможным, объяснив, что эти развалины не так-то просто обшарить, если кому-нибудь придет в голову искать нас там, и что это самое надежное место, где мы сможем отсидеться, пока преследователи не уберутся отсюда и не оставят нас в покое. Кроме того, я уверила ее, что, хотя, по сравнению с Юттой, мой Дар очень слаб, все же он достаточно силен, чтобы мы могли противостоять злу Тьмы.

Мне самой было страшновато, хотя в этом я ей не призналась, а ведь здесь, возможно, действительно обитала Тьма, и место могло быть опасным для нас. Впрочем, Ютта ходила сюда и благополучно вернулась, а колдунья никогда бы не стала рисковать своим Даром.

Дорога привела нас к воротам, опорами которых служили две башни, увенчанные грозными, кошмарными чудовищами. Когда мы подошли ближе, послышался оглушительный вой, Айлия громко вскрикнула и хотела было убежать, но я решительно удержала ее за плечи и резко встряхнула, стараясь как-то успокоить — ведь мне подобные устройства были хорошо знакомы. Ворота в Эсе были украшены подобным же образом, а то, что ее испугало, был просто вой ветра в отверстиях, искусно устроенных изобретательными строителями.

Не знаю, поверила ли она мне, однако то, что я стояла спокойно, а чудовищные монстры, несмотря на ужасающий рев, вовсе не собирались прыгать с башен и набрасываться на нас, наверное, убедило ее лучше всяких слов, и мы смогли двинуться дальше.

Как только мы миновали ворота, нам больше не нужно было торопиться, и дальше я пошла медленно, хотя и без остановок, и по-прежнему не выпускала руку Айлии из своей. В отличие от поселка, здесь мы не нашли развалин, но только запустение; как и в

Эсе, на всем чувствовалась печать древности, словно огромные камни были отягощены грузом многих веков и под этим невыносимым бременем ушли в землю. Время не разрушило их, но покрыло паутиной вечного, незыблемого существования.

Наружные стены были весьма прочными и толстыми, и казалось, что за ними — потайные комнаты, потому что я заметила, проходя мимо них, забранные решеткой отверстия. Похоже, в прежние времена там содержалась охрана, причем состояла она не из людей, судя по тому, что помещения эти очень уж походили на клетки.

Затем мы попали на вымощенную булыжником дорогу, которая отлого поднималась к площадке, на которой возвышались несколько башен и каменных колец — это и была, очевидно, центральная часть города или крепости. Возможно, это все-таки был город, потому что между наружными воротами и центральным замком теснилось множество строений. Теперь они обернули к нам свои лики с мертвыми глазницами окон, распахнув двери, словно беззубые старческие рты. Там и здесь, среди камней, пробивались высохшие, сморщенные стебли растений. Рваные островки снега дополняли картину запустения и уныния.

Теперь же стало очевидным еще и другое: эта улица, полого ведущая вверх к другим воротам, воротам замка, была мне почему-то знакома, словно я знала ее очень давно и сейчас почти позабыла. Но не успели мы достигнуть вторых ворот, я заметила изображение, высеченное на камне, и вспомнила, что уже видела его прежде. На камне были изображены скрещенные жезл и меч. Сомнений не оставалось: именно здесь я проходила во сне, в том самом сне, когда наблюдала, как заклинатель открывает Ворота.

Уйти, повернуть назад я не могла, нас обеих влекло вперед, и мы продолжали идти путем, проделанным мною однажды во сне, я помнила здесь каждый камень, каждый поворот дороги. Я услышала, как Айлия негромко вскрикнула, словно чего-то испугалась, но взглянув на нее, я увидела ее застывшие глаза и что она движется вперед, как будто подгоняемая кем-то. Я и сама чувствовала, что меня что-то

толкает вперед, но, в отличие от нее, осознавала: нас ведет притяжение двух Сил, моей и чужой. Что бы заклинатель ни делал в этом месте, даже давным-давно, здесь осталась его энергия, которой невозможно было противиться.

Мы двигались все быстрее и быстрее, затем почти побежали. Мы входили в двери, пересекали длинные коридоры, пробегали через комнаты и залы, все скорее, скорее. Айлия больше не проронила ни звука.

Наконец мы оказались в помещении с высокими каменными стенами, они, должно быть, были выше, чем обычный этаж этого огромного внутреннего двора замка. Войдя сюда, я не ощутила ни унылой заброшенности, ни давящего груза лет, вернее, он не был таким мрачным и тягостным как повсюду. Здесь, казалось, присутствовало дыхание мудрости и энергии, ощущение это было почти физическим, осязаемым, трудно объяснить, но это чувствовалось в самом воздухе, атмосфере, необычной освещенности...

На стенах я увидела гобелены с потускневшими от времени рисунками, но вытканные с необычайным мастерством; лица людей и морды чудовищ, что смотрели на нас со стен, казались совсем живыми; их выражения были такими яркими и узнаваемыми, словно отражались в зеркале, а не были изображены на полотне.

Вдоль стен стояли огромные сундуки, на крышках которых были вырезаны символы, уже знакомые мне: точно такие я видела на свитках. Может быть, именно отсюда Ютта и взяла те два? У меня появилось искушение подойти к этим сундукам, поднять крышки и осмотреть сокровища, хранившиеся там, но, пересилив себя, я вновь взяла за руку свою спутницу и медленно повела ее по кругу вдоль стен этого огромного зала, не осмеливаясь выйти на середину, казавшуюся такой пустой и светлой. Но и здесь, у стен, света хватало, чтобы разглядеть рисунки на раскрашенных камнях и странные металлические полосы на них.

Глубоко инкрустированные, явно на века, а не ради единственного обряда, виднелись пентаграммы, магические круги, большие и маленькие печати... Среди всех этих символов, являющихся ключевыми для

стольких познаний, виднелись и непонятные линии, значение которых мне трудно было определить — словно продвигаясь к центру помещения, ты продвигался и в своих познаниях, и реальные знаки уже не нужны были в качестве руководства. Про одни я не знала ничего, а другие, которые я узнавала, все-таки немного отличались от тех, что я видела прежде.

Все это напоминало школу, где обучали колдовству — совсем как Обитель Мудрейших, правда, эта была гораздо больше, и, глядя на непонятные линии на камнях, я подумала, что, наверное, властелин, обитавший здесь, наблюдал за колдуньями Эсткарпа, как за детьми, делающими свои первые ученические шаги.

Не было ничего удивительного и в том, что здесь царило ощущение неушедшей жизни: камни стен за гобеленами, камни под нашими ногами, они в течение долгих веков впитывали в себя излучение силы, так что теперь отражали накопленную энергию.

Мы уже довольно далеко отошли от двери, когда я заметила кресла, стоявшие на узорчатом полу. Это были, скорее, троны, чем просто кресла — огромные, в три человеческих роста высотой, вырезанные из синего камня; в каждом виднелись глубоко выдавленные руны, они тускло светились, словно внутри камня тлел огонь, тлел и не собирался умирать.

У этих кресел были широкие подлокотники и высокие спинки, на которых тоже виднелись пылающие символы. На сиденье одного из них лежал колдовской жезл, словно его оставили здесь всего на несколько минут, пока владелец куда-то ненадолго отлучился.

На спинке этого трона было вытиснено изображение, которое я уже видела на печатях свитка, на полуразрушенном мосту, на воротах этой крепости: жезл и меч. И я была уверена, что это был знак одного и того же человека — или более чем человека — при котором установилось господство крепости над всем этим краем. Я не сомневалась, что именно этот трон был троном самого правителя.

Взглянув внимательнее на него, я вновь вспомнила подробности моего сна. Именно здесь тот заклинатель

сидел, наблюдая, как пылают открытые им Ворота. Что же произошло потом? Ушел ли он, — если легенды вещали правду о колдунах — прошел ли он сам через свои ворота, чтобы узнать, что находится по ту сторону?

Я поймала себя на том, что заглядываю за спинку кресла, словно пытаюсь отыскать следы тех самых Ворот, так живо и ярко вернулся ко мне сон, виденный однажды. Но там, где тогда, во сне, стояла арка, теперь виднелись лишь голые плиты, никаких знаков, даже самых смутных и неопределенных, нельзя было различить на полу. Я подумала о колдуньях, потом о Динзиле, о том, что они-то достигли настоящих высот в подобных вещах. Наверное я, встретив бывшего хозяина этого трона, была бы подобна Айлие или Бахаи, наивная и беззащитная рядом с ним. И еще здесь у меня возникло ощущение, что я, кажется, сама могу вспомнить и понять наконец, почему утратила свой Дар. А потом я осознала еще одну важную вещь: все то, что я когда-либо знала и умела, для создателя этих ворот было лишь первой строкой из самых наипростейших рун на свете.

Поняв это, я вдруг почувствовала себя маленькой, уставшей и испуганной, хотя зал по-прежнему был пуст, а тот, перед кем я преклонялась, уже давно умер. Я взглянула на Айлию, которая принадлежала, по крайней мере, человеческому роду, как и я сама. Она стояла там, где я оставила ее. На лице ее читалась странная опустошенность, и я вздрогнула от мрачного предчувствия: может быть, приведя ее сюда, где по-прежнему ощущается влияние силы, я погубила ее, ведь она не была защищена так, как я? Неужели я в своем упрямом, непростительном эгоизме вновь сотворила зло?

Я подошла и осторожно положила руку ей на плечо, слегка повернув Айлию к себе, чтобы заглянуть в глаза, и напряглась, пытаясь установить с ней мысленный контакт. Нет, я почувствовала, что это вовсе не гибель, чего я так опасалась, это было что-то вроде сна. И я решила, что, по-видимому, в этом и есть ее защита, и так будет продолжаться все то время, пока мы находимся здесь. Впрочем, пора уже было

уходить отсюда, чтобы токи прежней силы, накопившиеся под этими сводами, не поработили нас.

Но выходя отсюда, нам придется двигаться против течения, и оно будет разворачивать нас, сносить в другую сторону, обратно. К своему ужасу я обнаружила, как этот невидимый вихрь уже поднимается и начинает кружить вокруг третьего трона, и эпицентр его лежал где-то близко, там, где некогда я видела Ворота.

Айлия с готовностью уступила ему, прежде чем я окончательно осознала, что нам грозит реальная опасность. Я успела крепко схватить ее и удержать, хотя ее напряженное тело сопротивлялось моим усилиям, а глаза расширились и, невидящие, поражали пустотой. Но вот ее вторая, свободная рука вздрогнула, пальцы стали слепо ощупывать воздух, словно пытаясь найти какую-то опору, которая помогла бы ей высвободиться, оторваться от меня.

Я осторожно искала, что может помочь мне — моих сил не хватало, чтобы сопротивляться за двоих, но если бы мне самой удалось ухватиться за что-то, я бы могла удержать Айлию, и мы бы все-таки выбрались из этого зала, а выйдя за порог, наверное, оказались в безопасности.

Пока все, что я могла сделать, это тащить ее к выходу, но Айлия упиралась с каждым шагом упорнее и упорнее, и вот мы очутились возле третьего трона, да так близко, что я могла положить руку на его высокую спинку. На сиденье лежал жезл, удастся ли мне схватить его, когда мы будем пробираться мимо? А если да, то что мне это даст? Такие колдовские жезлы, жезлы Силы, были грозным оружием, им пользовались, творя заклинания. Но я знала наверняка, что они могут служить только одному колдуну. Будет ли он могуществен, оказавшись в моих руках? В голове стремительно промелькнуло, что он мне может еще понадобиться, не сейчас, так потом, позже.

Наконец мы поравнялись с сиденьем третьего трона. Нужно было рвануться и схватить этот жезл сейчас или мне это больше никогда не удастся, потому что Айлия, успокоившись было ненадолго, вновь нача-

ла вырываться, и мне приходилось держать ее обеими руками.

Секунду я колебалась и, наконец, рискнула — резким толчком я прижала Айлию к креслу как можно плотнее, прыжком приблизилась к нему, и левой рукой нащупала конец жезла.

9

Мои пальцы прикоснулись к жезлу, и я почти уже схватила его, при этом ощущение было такое, что я дотронулась до куска холодного металла, и кожу обожгло от этого ледяного прикосновения. Мне показалось, будто жезл сам вцепился в меня прежде, чем я схватила его.

В это мгновение Айлия вышла из-под моего контроля, бросилась вперед, и прежде чем я смогла схватить ее снова, я поняла, что мне ее уже не настичь. Едва ноги ее коснулись пола, выложенного мозаикой, она покачнулась, отступила назад и упала, да так и застыла, опираясь на локти и колени. Очевидно, от тяжести ее тела при падении на камни сработала какая-то пружинка, вверху сверкнула вспышка, и, как в моем давнем сне, возникли Ворота, высвеченные пылающими огненными линиями.

— Айлия! Нет! — Если она и услышала мой крик, то до ее зачарованного сознания он не дошел. По-прежнему стоя на четвереньках, похожая на раненого зверя, она стремительно бросилась вперед и пронеслась между столбами этих огненных Ворот.

Насколько мне было видно ту часть зала, Айлия исчезла, как только пересекла арку. Продолжая сжимать в руке колдовской жезл, я резкими прыжками устремилась за ней, решив, что мои трусость и эгоизм не станут больше причиной чьей-то гибели.

Какое-то мгновение мне казалось, что меня раздирают на части, но это была даже не боль, а скорее, мучительное ощущение потери ориентации, ведь я переходила в такое пространство, куда человеческое тело проникать не должно, и никогда до этого не проникало. Потом меня опрокинуло на какую-то твердую

поверхность, и я будто издалека услышала свой собственный стон, словно за все плохое, что я сделала в этой жизни, меня наказывали сейчас, в этот краткий промежуток времени... впрочем, было ли время?

Я сидела, испытывая сильнейшее головокружение. Сама я уже молчала, но жалобный стон по-прежнему продолжал звучать в моих ушах, и я неуверенно огляделась по сторонам. Против какого-то темного высокого предмета, неясно вырисовывающегося во мраке, лежало скорчившееся, человеческое тело; именно оттуда доносился стон. Я подползла к Айлие и осторожно взяла ее руку в свою. Ее глаза были крепко закрыты, а тело судорожно извивалось и корчилось. Голова беспокойно моталась из стороны в сторону, как это бывает в приступе лихорадки. И все это время с ее губ слетали короткие, пронзительные крики.

Прижав ее к себе как можно теснее, я обернулась назад, в сторону Ворот. И — ничего не увидела.

Раньше я много раз слышала о том, что отец мой пришел в наш мир как раз через такие Ворота, и, оказавшись где-то поблизости от Торовых Топей, он видел два столба в том месте, где прошел. Когда они с матерью восстали против твердыни Кольдера, такие Ворота тоже были видны и в том, и в другом мире. Здесь же, очевидно, вход и выход существовали в разных местах, потому что на том месте, где должны были быть Ворота, лежало огромное, голое пространство.

День уже наступил, но тяжелые облака висели низко, а свет был мрачным и пасмурным. В то время, как там, по ту сторону исчезнувших Ворот Эскор был одет в холодный снежный покров, здесь было знойно и душно, и я закашлялась, протирая кулаком внезапно заслезившиеся глаза, потому что воздух был насыщен удушливыми невидимыми парами.

Никакой растительности поблизости не было — кругом однообразно-серая земля, такая же, как и небо; наносы песка говорили о том, что здесь, в этом пустынном краю, давно не произрастало ничего живого. В некоторых местах виднелись кучки какого-то темного порошкообразного вещества, похожего на пепел, как будто по земле этой прошел страшный пожар. Я взглянула на столб, возле которого упала Айлия.

Высокий, выше человеческого роста, он не был ни высохшим стволом дерева, ни выточенным из камня, а скорее напоминал металлическую опору, выщербленную и чешуйчатую, словно этот едкий, насыщенный испарениями воздух, разъедал ее понемногу, снимая слой за слоем. Может быть, именно этот столб обозначал Ворота с этой стороны? Но он стоял слишком далеко от того места, через которое мы проникли сюда.

Я посадила Айлию на землю. Поднявшись на ноги, которые плохо слушались меня, я увидела недалеко на земле какой-то отблеск и, пошатываясь, направилась туда. Там лежал жезл; выделяясь светлым пятном на тускло-коричневом песке, он действительно казался отблеском света.

Задыхаясь, я наклонилась поднять его. Ледяной холод больше не обжигал пальцы, теперь я держала в руке обычный гладкий жезл, похожий на любой другой. Я осторожно заткнула его за пояс, и снова чуть обернулась назад, с робкой надеждой увидеть все-таки Ворота.

Пепельными дюнами громоздился песок, они были похожи одна на другую, и я подумала, что затеряться среди них ничего не стоит. И не было вокруг никакого опознавательного знака, кроме этого странного столба. Но когда я встала прямо перед ним и огляделась внимательно, я увидела в некотором отдалении еще один.

Айлия пошевельнулась, пытаясь приподняться, и я поспешила ей на помощь. Взгляд ее все еще оставался бессмысленным — в душе по-прежнему была пустыня, и я не могла дозваться ее. Она, шатаясь, держась за выщербленный столб, поднялась на ноги, затем повернулась лицом ко второй такой колонне. Голова ее, закинутая чуть назад, медленно покачивалась из стороны в сторону, словно у гончей собаки, отыскивающей знакомый запах. Затем, пошатываясь, вапсалка медленно пошла ко второму столбу.

Я положила ей руку на плечо. Она окинула меня равнодушным неузнающим взглядом, затем, будто силы внезапно вернулись к ней, рванулась, пытаясь оттолкнуть мою руку, и вдруг неожиданно размахну-

лась и ударила меня резким, точным ударом, от которого я не смогла удержаться на ногах.

Пока я подымалась с земли, она была уже далеко впереди и шла, почти не пошатываясь, настолько твердо, насколько это позволяли ей ослабевшие ноги. Я карабкалась по песку вслед за ней, хотя мне так не хотелось уходить отсюда, с этого места, не изучив его как следует, я боялась даже подумать о том, что Ворота пропали навсегда и у нас нет надежды вернуться назад.

Неподалеку от второй выщербленной колонны виднелась третья, и Айлия направлялась прямо к ней. Однако у меня создалось впечатление, что ее привлекают отнюдь не колонны, но, как и тогда в замке, заставляет идти вперед нечто невидимое, неосязаемое, управляющее ее разумом.

Так мы миновали шесть одинаковых колонн; как и первая, все они были изъедены и выщерблены. Мы уже ушли довольно далеко от той равнины с песчаными дюнами, и перед нами лежала совсем другая местность. Повсюду виднелись высохшие побеги каких-то растений, похожих на траву, они росли на чахлых болезненных клочках земли и были скорее желтого, а не зеленого цвета. Ровная линия колонн шла и через эти места, теряясь вдали, хотя здесь они были немного другими — выше и как будто менее изъеденные временем. Наконец мы подошли к двум из них, что, казалось, недавно замерзли, а теперь оттаяли, слезясь каплями мелкой испарины. Рядом с ними я увидела здесь впервые живые и сильные растения. Это были довольно неприятного вида стебли пурпурного цвета с тонкими темно-красными волокнами, которые трепыхались на кончиках листьев, словно щупальца, отыскивающие жертву, и у меня не возникло желания рассмотреть их поближе.

За оттаявшими колоннами виднелась дорога. Эти два столба уже не напоминали опорные стойки ворот, кроме того, их совсем не тронуло время — казалось, они стоят здесь недавно. Их поверхность была ровной и гладкой, глубокого черного цвета. Айлия подошла к одной из них и остановилась, слегка покачиваясь; она по-прежнему не смотрела вниз, под ноги, хотя

там могли подстерегать какие-нибудь ловушки, а пристально вглядывалась вперед.

Наконец мне удалось настичь ее. Подкравшись сзади, я схватила ее за плечо и крепко стиснула. На этот раз она почему-то не сопротивлялась нисколько. Мне очень не нравилась эта дорога, и совсем не хотелось идти по ней, и я стояла, размышляя о том, что же теперь делать, как вдруг услышала странный звук. Было похоже, что кто-то — или что-то! — приближается на огромной скорости. Я навалилась всем телом на Айлию, пытаясь вдавить ее в эту песчаную землю, горячо надеясь, что наша темная одежда не будет выделяться на серо-коричневом фоне.

Нечто неслось вдоль дороги так стремительно, что я никак не могла понять, что же это такое. Конечно, животным это быть не могло. Мне показалось, что это какое-то тело цилиндрической формы, сделанное из металла, мчится прямо по воздуху, не касаясь поверхности дороги. Оно пронеслось мимо на бешеной скорости, взвихрив воздух вокруг и осыпав нас придорожной пылью; не остановившись ни на мгновение, оно исчезло из виду.

Я гадала, осталось ли наше присутствие незамеченным. Если нас все-таки заметили, было достаточно причин для беспокойства. Возможно, нас не могли преследовать здесь, в этом месте. Судя по тому, как это мчалось, со свистом рассекая воздух, останавливаться оно не собиралось.

Но что это была за штука, которая могла вот так нестись, не касаясь земли, не пытаясь при этом казаться незаметной? У кольдеров были подобные машины. Неужели мы попали во владения кольдеров, как когда-то давно мои родители? Если так, то мы сейчас в опасности; то, что кольдеры проделывали со своими пленниками, было чудовищно: они лишали людей души, превращая их в ходячих мертвецов, об этом невозможно было подумать без содрогания.

В моем пакете нашлось немного еды, но я не взяла с собой воды, потому что там, где собиралась путешествовать, было в изобилии снега и текли реки, я без труда могла бы утолить жажду. Здесь же атмосфера была такой едкой и душной, а порывы ветра такими

иссушающими, что жажда опалила мой рот, словно бы я наглоталась горячего песка.

Нам нужны вода и еда, чтобы держаться на ногах. Оглянувшись и окинув взглядом окрестность, насколько хватало глаз, я поняла, что здесь мы не найдем ни того, ни другого, а это означало только одно — нам придется отважиться на самое худшее — отправиться по этой дороге, может быть, даже в том направлении, куда промчалось это стремительное нечто.

Я протянула руку Айлие, но она по-прежнему стояла, отвернувшись к колонне, и взгляд ее оставался пустым и бессмысленным. Вот она качнулась и подошла к краю дороги; другого проводника все равно не было, и я отправилась вслед за ней.

То, что мы увидели вдалеке, было похоже и на башни Эса, и на крепость так и не исследованного мною восточного мыса, и в то же время на самое величественное творение человеческих рук. Но я не могла понять, что же это такое, и не верила, что это создано человеком. Башни, если это действительно были настоящие башни, вздымались так высоко в небо, что пронзали серые облака. Нет, похоже, это в самом деле башни: их махины поддерживали внизу низенькие каменные постройки. Между башнями были проложены узкие дорожки, словно бы их создатель руководил работой с небесной выси. И все эти постройки и дорожки между ними были того же серо-коричневого цвета, что и земля вокруг. Казалось, они возникли сами из этой песчаной почвы в каком-то фантастическом порыве. Впрочем, стены строений отдавали металлическим блеском.

Ровная гладкая дорога, вдоль которой мы шли, привела нас прямо к подножию ближайшей башни. Отсюда мы увидели другие такие же дороги, что расходились от центра города, петляя среди других башен. Я внимательно рассматривала центр этой густой паутины, эти нити-дороги, расходящиеся из одной точки, и мне пришла в голову мысль, что если бы кто-нибудь смог воспарить над этим сооружением или городом и взглянуть на него сверху, он бы увидел именно паутину. Нельзя сказать, что эта мысль обра-

довала меня, я не раз наблюдала, как охотится паук, и не хотела бы оказаться в роли его жертвы.

Я провела языком по пересохшим, растрескавшимся губам и, взглянув на Айлию, поняла, что она испытывает такие же муки. Она снова начала стонать. Жажда казалась нестерпимой, и что бы там ни было, мы вынуждены сами проникнуть в эту металлическую паутину и найти воду.

Вдруг послышался уже знакомый звук стремительного приближения машины, и я прижала свою спутницу к земле. Эта штука пронеслась опять, но не по той дороге, по которой пришли мы, а по соседней, чуть в стороне. Когда оно было уже на безопасном расстоянии, я слегка приподнялась на локтях, и мне удалось разглядеть какое-то темное пятно в воздухе, что увеличивалось при каждом ударе моего сердца.

Это не могло быть птицей. Но отец что-то рассказывал нам в детстве. В том мире, откуда он пришел, люди делали машины, совсем как кольдеры, и на этих машинах летали, подчиняя себе ветер. Может быть, мы попали в тот мир, откуда пришел отец? Вот только этот город — он никогда не рассказывал ни о нем, ни об этой стране, засыпанной песком и пеплом.

Небесный аппарат все рос и рос; вот он замедлил движение, а потом завис над площадкой между двумя башнями. Мне удалось разглядеть плоскую платформу, еще более ровную, чем паутины — дороги, по которым можно было пройти от одной громады к другой. С большими предосторожностями летающая машина опустилась на эту платформу.

Я находилась слишком далеко от того места, чтобы разглядеть, вышли ли оттуда люди и направились ли они в какую-нибудь из башен, что со всех сторон окружали место посадки. Все это было так странно, что я не на шутку встревожилась.

Рассказы о кольдерах, их машинах и о людях, которых они превращали в роботов, отнимая разум и волю, были для нас просто страшными сказками, и мы испытывали к кольдерам огромное отвращение; все, что было связано с ними, было пропитано зловонием подлости.

Но сейчас нам с Айлией во что бы то ни стало надо было найти еду и питье, иначе мы умрем, и выбора нет: нельзя добровольно идти на смерть, пока существует хоть малейший шанс выжить. Так мы стояли неподвижно и смотрели на этот невообразимый город, вернее, смотрела я, а Айлия просто стояла, по-прежнему словно ничего не видя перед собой.

Входы в башни находились на уровне земли — это были туннели, казавшиеся продолжением дорог. В стенах не было никаких дверей, а казались они выше, чем самые высокие башни, которые я когда-либо видела. Окон не было вовсе.

Оставалось только одно: решиться и войти в туннель, хотя мне крайне не хотелось ступать на эту гладкую поверхность. Однако надолго ли хватит наших сил без еды и питья? Откладывать — значило ослабить нас еще сильнее, тогда как нам необходимо собрать всю энергию, все силы, чтобы выжить.

Сумерки сгущались, и я надеялась, что темноту принесла ночь, а не надвигающаяся буря. Может быть, она станет нашим союзником? Поначалу, оглядывая башни, я не увидела ни единого проблеска света, но сейчас вдруг заметила внезапную вспышку искрящегося сияния — оно очертило светящимся контуром каждый из межбашенных проходов, будто на паутине заблестела роса.

Несколько более тусклый свет высветил и пещерообразное помещение, в которое вела дорога. Но этот свет был весьма некстати, поскольку он мог не столько помочь, сколько выдать нас. И все же выбора не оставалось, а наше и без того ничтожное преимущество с каждой минутой лишь уменьшалось, и дальше медлить было нельзя.

Я коснулась руки своей спутницы. Она давно отказалась от роли проводника, но и не колебалась, не сопротивлялась мне, когда я устремилась вперед, к озаренному матовым сиянием входу.

Когда мы подошли ближе, я с некоторым облегчением увидела, что входное отверстие шире, чем ведущая в него дорога, и подумала, что там должна быть обочина, а потому нам совсем необязательно ступать на гладкую поверхность. Но сможем ли мы где-нибудь

укрыться в туннеле, если одна из летающих машин войдет туда одновременно с нами? Я уже дважды слышала завывание ветра, когда они приближались, и могла судить, какими необыкновенно мощными были они; в замкнутом пространстве встреча с такой махиной стала бы роковой.

У входа я еще раз остановилась и прислушалась. Ничто не говорило об опасном соседстве, и нужно было немедленно входить и попытаться разыскать какой-нибудь боковой проход.

Поверхность, на которую мы ступили, войдя под арку входного отверстия башни, как мне показалось, имела металлическую основу, покрытую эластичным губчатым веществом, которое слегка пружинило при каждом шаге. Мы были уже в туннеле, я тащила свою спутницу вдоль стены, на ходу внимательно осматриваясь в поисках какого-угодно отверстия, пролома в стене, двери или коридора.

Наконец мы нашли такой проход, тоже освещенный тусклым матовым светом. На стене, чуть ниже светильника, был изображен незнакомый мне символ. Проход был узким и длинным и шел под прямым углом от основного. Оказавшись внутри, я вздохнула немного свободнее — теперь не нужно было прислушиваться к ужасающему вою над головой.

Расслабившись, я отметила, что здесь воздух был не таким знойным и душным, как снаружи, но дышать было по-прежнему тяжело, потому что сюда доносился какой-то весьма неприятный запах, определить природу какового я не могла, но он вызывал у меня кашель, и я все время чихала.

Вдоль стены приблизительно на равном расстоянии один от другого находились светильники; но свет был таким слабым и тусклым, что пространство между ними казалось непроглядно темным. Мы были уже на довольно большом расстоянии от туннеля, когда я поняла, что забрались мы в этот коридор как раз вовремя — позади раздался мощный грохот, от которого задрожали стены и пол. По-видимому, в туннель вошла машина. И тут же нас настиг такой едкий, удушливый дым, что мы обе задохнулись от кашля и рванулись вперед, пытаясь вырваться из зловонного

облака. Ослепнув от слез, я почти машинально продолжала идти, пошатываясь, держась рукой за стенку, а другой подталкивая свою спутницу, чтобы как можно скорее миновать это место.

Наконец мы добрались до следующего светильника, где смогли немного передохнуть — я прислонилась к стене, долго терла кулаком глаза и никак не могла отдышаться. Тут я заметила, что пол под нашими ногами покрыт каким-то налетом, он был мягкий, словно пепел с выжженной равнины, но черного цвета. За нами остались хорошо различимые следы, но впереди, насколько я видела, налет был не тронут. Судя по отсутствию каких бы то ни было следов, этой дорогой уже давно никто не ходил — может быть, многие годы. Хотя это открытие утешило меня, но нельзя сказать, что оно очень облегчало наше положение.

Коридор вывел нас в конце концов на круглую площадку, весьма напоминающую дно колодца. Запрокинув голову и всмотревшись вверх, я увидела, что этот колодец простирался отсюда и до самой верхней оконечности башни; вдоль стен на некотором расстоянии друг от друга виднелись отверстия. Некоторые из них были освещены тускло, другие — необыкновенно ярко. Впрочем, приставной лестницы не было, и не было никаких намеков на ступени, которые могли вести хотя бы к самому низко расположенному отверстию. «Нам остается, — подумала я, — разве что вернуться обратно в опасный туннель и попытаться поискать другой проход».

Неожиданно Айлия сделала резкий шаг вперед, увлекая меня за собой, я взмахнула рукой, пытаясь удержать равновесие, и больно ударилась ладонью о стену.

Произошло неожиданное — мы больше не стояли на дне колодца, мы поднимались, наши тела парили в воздухе, словно у нас выросли крылья. Мне кажется, я закричала. Одна моя рука невольно потянулась к поясу, за который был заткнут жезл, а другой я пыталась ухватиться за гладкие стены колодца, по которому мы взлетали, тщетно стараясь остановиться — ногти ломались, но мне не удавалось даже чуть-чуть замедлить движение.

Вот мы поравнялись с первым отверстием, очевидно, это был второй ярус, если считать, что туннель и

коридор, по которому мы прошли, располагались на первом. У входа горел светильник, и я успела разглядеть, что здесь начинался проход на противоположную сторону, причем был он даже шире, чем тот коридор, по которому мы пришли в эту ловушку.

Я начала перебирать ногами, словно шагая по воздуху, и вскоре заметила, что мне удается направлять полет, и я сумела пододвинуться ближе к стене. Теперь бы еще остановиться на следующем уровне вместе с Айлией. Я напрягла все силы, и в конце концов нам удалось выбраться из колодца, кое-как проникнув в один из боковых проходов, ведущих в сторону, противоположную той, откуда мы пришли.

Он был гораздо лучше освещен, но здесь слышались странные звуки и чувствовалась вибрация, шедшая, как казалось, и от пола, на котором мы лежали, и от стен, нас обступивших. Пол был устлан таким же слоем пористого, эластичного вещества, но наноса сажи или пепла здесь не было. Очевидно, эта часть башни посещалась много чаще, и нам следовало быть гораздо осторожнее.

Айлия вдруг села, посмотрела на стены, на меня, снова на стены, и я заметила, что взгляд ее вновь стал осмысленным. Потом она задрожала и прижала руки к лицу.

— Пути Балемата! — хрипло прошептала она.

— Да нет же! — Я протянула руку на этот раз не для того, чтобы вести ее куда-то, просто хотелось прикоснуться к ней и успокоить. — Мы живы, мы не умерли. — Я понимала, в ней говорит сейчас наивная дикарская вера в злого духа Балемата, который дожидается за последним занавесом тех людей, над кем не был совершен похоронный обряд.

— Я знаю, — она все никак не решалась отнять ладони от глаз, — это страна Балемата, а мы сейчас — в его доме.

У меня оставался еще один аргумент, который мог, пожалуй, убедить ее, что она не прошла за свой последний занавес.

— Скажи, ты голодна? Хочешь пить? А ведь мертвые не испытывают ни голода, ни жажды.

Она, наконец, отняла руки от глаз. Лицо ее выражало зловещую безысходность.

— Кто может это сказать? Разве кто-нибудь возвращался оттуда, из-за занавеса, чтобы рассказать, что он там чувствовал? Если это не Дом Балемата, тогда где мы, колдунья?

— Мы сейчас находимся в другом мире, но это не мир мертвых, нет. Мы нашли колдовские Ворота и проникли через них в другой мир...

Она покачала головой.

— Я ничего не знаю о твоей магии, колдунья, знаю только, что она принесла много зла мне и моим близким и продолжает приносить зло. Но я и впрямь хочу есть и пить. И если здесь есть где-нибудь пища и вода, мне бы хотелось найти их.

— Мне тоже. Но нам нужно быть очень осторожными. Я не знаю, кто или что живет здесь, знаю только, что вокруг очень много непонятного, и нужно все сначала разведать, как будто мы в стане врагов.

Я развязала свой сверток и достала остатки еды. Нам досталось по куску прессованного мяса, но жажду, которая становилась сильнее с каждой минутой, приходилось терпеть. Еда все-таки придала нам сил.

Когда мы продолжили путь, то обнаружили в коридоре двери, за которыми, возможно, были другие проходы. Но все двери были заперты, и я не нашла ни ручек, ни замков или задвижек, с помощью которых их можно было бы открыть. Я навалилась плечом на одну, на другую — безрезультатно, они не поддались с места. Зря я рассчитывала найти что-то в конце коридора, поскольку он оказался сквозным и обрывался прямо в ночь. Правда, зависая над бездной, от него шла воздушная дорога, связывающая эту башню с другой, более отдаленной от центра города, но взглянув на эту узкую поверхность, казавшуюся такой непрочной и ломкой, я поняла, что не смогу ступить на нее. Спутница моя закрыла глаза и бросилась назад в коридор.

— Я не могу! — вскричала она.

— Я тоже не могу! — Но что нам было делать? Вернуться снова в колодец, довериться его воздушно-

му потоку, и перенестись в другой коридор, ярусом выше... а дальше?

Я спросила Айлию, помнит ли она что-нибудь о том, как мы добирались сюда. Она ответила, что помнит, но словно во сне, как будто видела себя со стороны, — разве только самый первый момент, когда она ясно чувствовала, что кто-то — или что-то — толкает ее, но и это прекратилось, когда мы пошли по обочине гладкой дороги.

Мы направились к колодцу, не очень надеясь, что в этот раз нам повезет больше, но приходилось вновь довериться ему. Однако прежде чем мы достигли конца коридора и вышли к площадке, мы услышали слабый щелчок и буквально вжались в стену, понимая, что, как бы нам ни хотелось, в этом коридоре не найти никакого укрытия.

Одна из плотно закрытых дверей, в чем я сама имела возможность убедиться незадолго до этого, открылась, и оттуда вышла какая-то фигура. Вернее, нельзя сказать, чтобы она вышла, скорее, выкатилась или воспарила над полом, как те летательные машины в небе. Но этот облик...

Мне уже не раз доводилось видеть всяких мутантов и монстров — Эскор в изобилии был населен существами, появившимися в результате многовековых колдовских опытов. Я видела кроганов, водяных людей, видела фланнанов с огромными крыльями, и Серых — эту чудовищную помесь волков и людей. Но это... ничего более страшного я не встречала никогда в жизни... Я даже не слышала про такое.

Казалось, некто решил сотворить существо, которое было бы машиной и человеком одновременно, ибо оно состояло из металла и живой плоти. Нижняя часть представляла собой металлический овал, ног не было, но к этому яйцеобразному туловищу были присоединены какие-то отростки с когтями, сейчас они были сведены вместе, словно существо это сжало пальцы в кулак.

Верхняя часть тела чудовища была меньше нижней, и тут начинался человек или, во всяком случае, человекообразное существо. У него была голова, хотя волос я не заметила, только какой-то металлический

шлем на макушке. А позади этого шара-с-головой появилось другое существо, тоже человек-машина, и у этого, второго, были человеческие ноги и руки, но грудь и все остальное тело были металлическими, и голову тоже венчал металлический шлем.

В нашу сторону чудовища даже не взглянули; выйдя из дверей, оба они направились к колодцу, причем один парил в воздухе, а другой шел по полу; добравшись до колодца, они взмыли вверх, и мы потеряли их из виду.

10

— Нет! — Айлия хотела закричать, но из ее губ вырвался лишь хриплый шепот. И снова она застыла неподвижно, с отчаянной пустотой во взгляде.

Между тем я размышляла о том, удастся ли нам воспользоваться необычной силой колодца так, чтобы поток перенес нас вниз, а не вверх. Теперь, после того, как я увидела тех, кто населяет эту башню, у меня пропало желание обследовать ее, и похоже, нам следовало распроститься с надеждой добыть здесь еду и питье. Конечно же, эти кошмарные создания из металла и плоти не едят и не пьют, и даже если бы нам удалось отыскать кладовую в этом лабиринте, мы бы не пополнили своих запасов.

Я постаралась вспомнить, как начался тогда наш полет в колодце. Рука моя случайно оперлась на стену... я напрягла память и отчетливо вспомнила, что стены были выложены разноцветными металлическими плитками. Моя рука скользнула вниз, но поднялись мы вверх. Может быть, на какой-нибудь плитке был знак?

Если так, то смогу ли я найти другую пластинку, которая поможет нам перенестись вниз? Во всяком случае, стоило попытаться, ибо оставаться здесь было жутко, нас в любую минуту могли обнаружить, я похолодела от одной мысли, что придется столкнуться — и может быть, гораздо ближе! — с этими чудовищами. Нам просто повезло, что они не смотрели в нашу сторону!

— Пойдем! — Я взяла Айлию за руку и потянула за собой.

Она попыталась вырваться:

— Нет!

— Ну оставайся здесь, — холодно ответила я. — Они вернутся и найдут тебя.

— Но если мы пойдем туда, — она указала на дно колодца, — они тоже пойдут за нами!

— Не пойдут! — хотя в этом я отнюдь не была уверена. Я наспех объяснила ей, почему нам необходимо спуститься.

— А если у нас не получится?

— Если не получится, значит, придется переправляться через мост. — Я постаралась произнести это уверенно и спокойно, однако, по правде говоря, мне самой это казалось почти таким же страшным испытанием, как встреча лицом к лицу с теми монстрами. Кроме того, единственный мост, что был нам доступен, вел прямо в центр города, а нам лучше было бы выбираться из него.

Моей спутнице все это нравилось не больше, чем мне, поэтому она послушно повернулась и зашагала к колодцу; мы продвигались очень осторожно, прислушивались возле каждой двери, ощупывая их руками, прежде чем перебраться к следующей, больше всего на свете боясь, что дверь вдруг откроется, и мы столкнемся нос к носу с этими мерзкими тварями. Когда мы поравнялись с последней дверью, через которую вышли те двое, я, преодолевая страх, решилась приоткрыть ее, и это вдруг удалось.

Гудение, исходящее, как казалось, от стен, усилилось, и сквозь узкую щель я увидела какие-то металлические конструкции и механизмы непонятного предназначения, рассмотреть которые у меня не было времени.

Наконец мы добрались до колодца, и я внимательно начала разглядывать стены справа и слева от нас. Обнаружить нужную пластинку оказалось не просто, но все-таки я нашла ее, эту плитку с двумя углублениями, одно над другим. Итак, если тогда я нажала на нижнее, значит, сейчас надо попробовать другое. Так я и сделала, немного помедлив и переведя дыха-

ние, — мне было очень страшно проверять свою догадку.

Если мы выйдем в колодец и опять воспарим вверх, вслед за той чудовищной парой из металла и плоти, очень может статься, что мы попадем не в убежище, а прямо в их руки. Тут я вспомнила про сверток, что был у меня, и решила сначала попробовать с ним...

Я развязала веревки и кинула пакет в шахту колодца. От моего броска он пролетел почти до противоположной стены, затем стал опускаться вниз — я оказалась права.

— Вперед! — приказала я и шагнула в пустоту, преодолевая испуг; падать было еще страшнее, чем взлетать.

Айлия чуть заколебалась, коротко вскрикнула и все же последовала за мной. Спуск оказался быстрее подъема. И все же падением это назвать было нельзя. Перебирая ногами в воздухе, я добралась до стены, в которой виднелись входные отверстия, потому что вспомнила, что мы миновали один тускло освещенный ярус, когда поднимались наверх. Теперь, когда у нас была возможность уйти вниз, я приободрилась и решила проверить ярус, хотя он почти наверняка был пустым или почти пустым.

Мне показалось, что Айлия не хочет туда забираться, но оставаться одной ей тоже не хотелось. Мы подобрались к этому ярусу, и я схватилась за край отверстия, Айлия, цеплявшаяся за мой плащ, пробралась туда вслед за мной. Мы уселись в проходе, и я почему-то вспомнила, как вранг восседал на скале... Мой пакет пролетел мимо нас и упал на дно шахты — но теперь я о нем уже не думала.

Очень скоро я обнаружила, что на этот раз мы оказались не в таком коридоре, как в верхнем ярусе, а, скорее, в углублении, выдолбленном в стене, но не проходящем насквозь. Внизу был другой коридор, однако при слабом освещении можно было рассмотреть лишь то немногое, что находилось поблизости. В том нижнем проходе стояло множество довольно крупных предметов, на некотором расстоянии один от другого. В конце концов я поняла, что это и есть те самые ле-

тающие устройства, которые мы видели на дороге, хотя сейчас они бездействовали.

Это были цилиндры высотой приблизительно в два человеческих роста, на верхушке каждого виднелось нечто конусообразное. Удалось мне разглядеть и входные отверстия с каждой стороны, но все они были плотно заперты, кроме одного, ближайшего к нам.

Впрочем, этот кому-то тоже удалось открыть не сразу. Присмотревшись, я увидела на его боках пятна и опалины, а металл был покорежен и изъеден ржавчиной, торчали острые зазубрины стального листа, и это подсказывало мне, что машина была взломана. Присмотревшись внимательноее, я разглядела то же самое и на втором цилиндре, хотя зачем обитателям башни понадобилось крушить свои же собственные машины, оставалось совершенно непонятным.

Может быть, машины эти служили для перевозки припасов в город, как в Эсткарпе — повозки, на которых из поместий возили продовольствие в Эс? Если так, то там могла быть еда, и я сказала об этом Айлие.

— Вода? — хрипло переспросила она. — Вода?

Мне не верилось, что здесь хранятся запасы воды, но очень не хотелось отнимать у нее эту маленькую надежду. Нам действительно нужно найти воду и как можно скорее, иначе у нас просто не будет сил, чтобы выбраться из города.

Не было ни ступеней, ни приставной лестницы, чтобы спуститься с площадки, на которой мы стояли, в проход внизу, но расстояние казалось не очень большим, и я рискнула. На этот раз Айлия не последовала за мной, она пообещала оставаться на месте и никуда не совать свой нос.

То, что я обнаружила, думая, как бы спуститься, нельзя было назвать ни веревкой, ни канатом, скорее всего это напоминало сеть, очень прочную с крупными металлическими ячейками. Размер их оказался достаточным, чтобы я могла поставить туда кончик сапога, но нога чуть больше моей туда бы не поместилась.

Я оглянулась назад. Айлия стояла, прижавшись к ограждению, отделявшему пустоту колодца от входного отверстия. Прежде чем начать спуск, я махнула ей рукой, и она в ответ махнула мне. Когда я достиг-

ла опаленного края машины, я согнулась, чтобы получше осмотреться и чуть было не потеряла равновесие. Я невольно придержалась рукой за стенку цилиндра, и словно в ответ на это внутри машины все озарилось светом.

Я увидела беспорядочное нагромождение ящиков, сундуков, свертков, вскрытых и взломанных — здесь явно орудовали воры. Но содержимое ящиков меня разочаровало, ибо в них были, главным образом, металлические бруски и плитки. В довершение всего, там стоял отвратительный запах, шедший от липкой лужицы, в которой на боку лежал большой барабан.

Хотя сама лужица уже почти высохла и превратилась в сальное пятно, испарения были такими сильными, что я побоялась оставаться дольше в этом замкнутом пространстве, так как начала кружиться голова. Вероятно, испарения были ядовитыми.

Я стала пробираться назад, размышляя о том, стоит ли попытаться продвинуть одну из машин ближе к выходу, но вдруг так раскашлялась, что мне уже не хотелось ничего, лишь бы сбежать отсюда, и не только из этого места, а вообще из этого проклятого города.

Едва я приблизилась к отверстию и нащупала рукой сетку-трос, как застыла на месте, увидев свет, льющийся из глубины помещения — яркий луч ослепил меня на мгновение. Впрочем, там, где я находилась, оставаться все равно было невозможно: зловонные испарения опалили и горло, и легкие. Ничего не видя, я протиснулась через разлом и, держась за трос, спустилась еще ниже, и вновь меня настиг сильный приступ кашля, я только и могла, что прислониться к боку машины, и стояла, прижав руки к груди, ослепшая от слез.

Тут сверкнула еще одна вспышка света, но на этот раз я стояла боком, и огонь не попал мне в глаза. Теперь это было ровное свечение, и я подумала, что, наверное, это воры, разграбившие виденные мною машины, продолжают что-то искать, и упорство, с каким вели они поиски, доказывало, что они разыскивают нечто очень важное для себя.

А что если это такие же люди, как и мы сами, и они тоже ищут еду и воду? В конце концов за многие годы Ворота могли поймать в ловушку не только нас двоих. Как ни ничтожна была эта надежда, мне так не хотелось расставаться с ней, что я решила выяснить все и выследить того, кто зажигает огонь, кем бы он ни оказался.

Но чтобы выполнить задуманное и достичь источника света, мне придется еще дальше уйти от Айлии, и она опять останется в одиночестве, а если вернуться и объяснить — это только отнимет время...

Я думаю, мозг мой был тогда затуманен испарениями, которыми я надышалась возле машин, но в те минуты все решения казались мне логичными и правильными. Я не стала возвращаться к Айлие, а вместо этого обошла кругом ближайший цилиндр и направилась туда, где виднелся отблеск света.

Хорошо уже то, что у меня достало здравого смысла продвигаться осторожно и медленно. Я пряталась и таилась со всей ловкостью, какую приобрела еще в Эскоре. Полумрак, царящий здесь, был весьма кстати, а ряды машин оказались прекрасным укрытием — спрятавшись за одну, можно было выждать и осмотреться, прежде чем перебираться к другой.

Кашель перестал меня мучить, хотя и здесь воздух нельзя было назвать свежим, но уже не было того тошнотворного одуряющего запаха. Вот только жажда усилилась до такой степени, что я просто обезумела, и мне почему-то казалось, что я непременно найду воду там, впереди. Это была уже какая-то мания.

Наконец я прижалась к боку очередной машины, наблюдая пристально за теми, кто копошился здесь. Двое из них уцепились за паутинообразную сеть возле машины, которую собирались взломать, и следили за действиями двух других, а те сидели на полу и возились с каким-то прибором. Он высекал яркие, с металлическим отливом, пучки света, что разбрызгивались во все стороны, и медленно разрезали стенки машины.

Я совершила тогда ошибку, взглянув прямо на этот свет, — и мгновенно ослепла. Я отшатнулась назад и закрыла глаза, дожидаясь, пока зрение вернет-

ся ко мне. Одного беглого взгляда на этих взломщиков было достаточно, чтобы понять: они не имеют ничего общего с теми полумашинами-полулюдьми, которых мы видели. Они были похожи на самых обычных людей с руками и ногами.

Наконец я решилась открыть глаза, но не отняла ладони от лица, словно пытаясь защититься ими от ослепительного блеска. «Что им подчиняется? — думала я. — Настоящий огонь или энергия света? Если огонь, то я могла бы и сама вызвать его, потому что это — проявление природных сил, а они подвластны колдуньям. Но похоже, это было совсем другое, потому что вспышка возникала из трубки, которую один из них держал в руках, а она, в свою очередь, с помощью гибкого шланга соединялась с ящиком, стоящим на полу рядом со взломщиками.

Неожиданно огонь погас. Те двое, что находились возле ярко освещенного троса, начали взламывать размягченный металл.

Однако я на них больше не смотрела. Один из тех, кто держал трубку, сложил свое странное орудие и подошел к груде пакетов. Он поднял с полу флягу, поднес ее к губам — и стал пить!

Вода!

В эту минуту все свои познания, всю свою колдовскую силу, какую я имела и еще могла приобрести, я отдала бы за тот сосуд, что держал незнакомец!

Наконец, он поставил флягу обратно и вернулся к своей трубке. Он поднял ее, собираясь вновь начать работу, а я, не выдержав, осторожно стала передвигаться вдоль ряда машин, скрывающих меня от их глаз. Впрочем, они были слишком поглощены своим занятием, причем работали совершенно открыто, не таясь, словно им некого опасаться, и я тоже позабыла об осторожности.

Вся моя жизнь, мой мир, мое будущее сузились до размеров этой фляги. Я пробиралась к ней, почти не таясь, лишь время от времени бросая короткие взгляды на работающих, чтобы удостовериться, что они не заметили меня. Рука моя, наконец, дотянулась до фляжки, и я поднесла ее к губам.

Там оказалась не совсем вода, питье в этом мире имело какой-то кисловатый привкус, но оно необыкновенно освежило мои растрескавшиеся губы, опаленный рот и иссушенное горло, и я с трудом удержалась, чтобы не выпить все залпом, ограничив себя несколькими глотками.

Вдруг оттуда, где копошились взломщики, раздался крик, и я в испуге обернулась, уверенная, что они заметили меня. Но волновалась я напрасно — просто им удалось, наконец, взломать дверь.

Я стала ощупывать пакеты и свертки, наваленные здесь в беспорядке. Было среди них несколько, в которых, судя по всему, находилась еда, и два из них я решила взять с собой. Унести больше я не могла, потому что тут же наткнулась еще на фляжку с водой, по весу — полную.

Развязав пояс и соорудив с его помощью нечто вроде рюкзачка за спиной, я осторожно пристроила свои трофеи; пора было пробираться назад, к Айлие, она уже заждалась меня, и я вновь вступила за спасительную тень машин. Отсюда мне хорошо был виден вход и сами незнакомцы, которые, закончив свои дела, тоже уходили. Если они так же, как и мы, оказались в этом городе случайно, мы обязательно должны встретиться. После того, как я утолила жажду, осмотрительность вернулась ко мне, я понимала, что опасно искать встречи с незнакомцами, пока мы окончательно не убедимся, что они не враги.

Когда я добралась до места, где оставила Айлию, девушки там не оказалось. Позвать ее во весь голос я не осмелилась: меня могли услышать чужие. Я не знала, смогу ли выбраться отсюда с грузом за плечами.

Однако выбраться мне удалось, и, нагруженная запасами, я поспешно направилась в сторону колодца, но и здесь не было никаких следов Айлии. Я заглянула в шахту, пристально осмотрела ее дно, но там моей спутницы тоже не было, хотя что-то говорило мне — она проходила здесь.

Когда ноги мои коснулись дна колодца, я огляделась по сторонам, отыскивая взглядом сверток, брошенный мной вниз перед тем, как мы перебрались в нижний ярус. Пол был изборожден следами — они

ясно выделялись на пепельных наносах — но их было гораздо больше, чем могли оставить мы. Может быть, те, кто сейчас возились у машин, тоже пришли этим путем? Но когда мы шли сюда, никаких следов, кроме наших, не было вообще. Я внимательно стала изучать каждый фут устланного плитами пола, пока не оказалась рядом с тем проходом, по которому мы проникли сюда, на дно колодца.

Сейчас я была уже довольно далеко от источника вибрации, находившегося на том ярусе, где от нее гудели стены и пол, но вновь услышала какой-то звук впереди. Это не был рев, предупреждающий о приближении летающей машины, он скорее походил на крик и, вроде бы, человеческий. Я едва удержалась, чтобы не окликнуть Айлию, но вовремя спохватилась: если она попала в беду, действовать следовало с удвоенной осторожностью.

И я пошла назад, по запыленному коридору, ведущему к туннелю, потому что мне показалось, будто впереди я увидела какое-то движение. Я шла медленно и прислушивалась; если что-то — или кто-то! — движется мне навстречу, я, возможно, успею отступить, а если — удаляется — могу спокойно следовать за ним.

В неярком мерцающем свете я, наконец, увидела Айлию. Ее тащили по коридору двое, разглядеть их я не сумела, увидела лишь, что ростом они были ниже ее. На моих глазах один из них злобно ударил девушку по спине, отчего она пошатнулась и чуть было не упала. На ногах она все же удержалась, но шла так, словно была в полубессознательном состоянии или напугана до такой степени, что ей и в голову не приходило сопротивляться.

Они были уже очень близко от туннеля и через секунду или две вошли в него. Я бросилась бежать, наполненные водой тяжелые фляги больно били меня по спине и по ребрам, наверняка оставляя синяки, и все же это были не такие удары, как тот, что получила Айлия.

Оказавшись в туннеле, я ненадолго остановилась, однако не столько прислушиваясь к тому, не приближается ли летающая машина, сколько стараясь опре-

делить, в какую сторону увели Айлию — в глубь башни или, наоборот, наружу?

Но как я ни вглядывалась, как ни вслушивалась, понять так ничего и не смогла. В конце концов я почему-то решила, что они покинули башню и подумала, что едва ли обитатели города могли выбрать другой путь, ведь здесь так часто проносятся летающие машины.

В полной растерянности я выходила из башни, холодея при мысли, что мои рассуждения неверны, и вместо того, чтобы следовать за Айлией, я иду совсем в другую сторону.

Но не успела я выйти из этого узкого туннеля и оказаться под ночным небом, как убедилась, что была совершенно права. В темноте я споткнулась о какой-то предмет, и нога моя нечаянно отшвырнула его, так что он завертелся на полу в матовом лунном свете — нельзя сказать, чтобы снаружи была непроглядная темень, светила полная, очень яркая луна, и весь мир был окутан серебристой дымкой.

То, что я поддала ногой, было мне очень хорошо знакомо, ведь я делала его своими собственными руками: это был пакет из-под высушенных трав — наследство Ютты. Сверток не мог выпасть тогда, когда мы впервые оказались здесь, ведь уже после этого я развязывала пакет, доставая сушеное мясо; я хорошо помнила, как крепко он был завязан, я чуть ногти не сломала, развязывая бечевку. Значит, кто-то раскрыл этот пакет здесь и выбросил или выронил траву.

Я опустилась на колени и стала осторожно ощупывать землю вокруг. Даже если что-то выпало еще, я ничего не нашла. Значит, можно было заключить, что тот, кто захватил мою спутницу, взял и пакет, обыскал его и выбросил ненужное или, может быть, выронил случайно.

Те взломщики, которых я застала в пещере, и призрачные фигуры, виденные мною рядом с Айлией — мне показалось, что они похожи. Это, конечно же, были люди, правда, ростом несколько ниже обычных людей. Теперь, когда я закрыла глаза и попыталась представить их, мне показалось, что руки и ноги у них были чересчур тонкими. Тут же вспомнились оби-

татели Эскора — фасы, их раздутые, обрюзгшие тела и паучьи конечности; эти существа, забравшись под землю, настолько отдалились от людей, что теперь выглядели крайне отвратительно, как казалось нам, живущим в нормальном мире над их темными мрачными норами.

Может быть, это фасы нашли проход через Ворота? Но нет, фасы боятся огня, они бы не смогли пользоваться таким инструментом.

Главное, те, которых я выслеживала, явно проходили здесь судя по моей находке... а дальше? Могла ли я настичь их сейчас, при свете луны, или уже слишком отстала? Впрочем, нет, кажется, времени прошло не так уж много.

Земля здесь была довольно твердой, впрочем, на мое счастье, присыпана серым песком, на котором следы должны были выделяться довольно четко. Я шла, низко опустив голову, вглядываясь в землю, стараясь отыскать хоть какие-нибудь отпечатки, и вскоре вышла на другую дорогу, гораздо более грубую, чем та, что вела к башням. Дорожную пыль испещряли следы — было очевидно, что здесь недавно прошли. Наклонившись, чтобы получше их рассмотреть, я обнаружила ясные отпечатки ног, среди которых резче всего выделялись следы остроносых сапог — следы Айлии. Другие казались значительно меньше и уже, а носки обуви были не круглыми, как обычно, но расходились длинными острыми лучами — такие следы прежде мне никогда не встречались. Но раздумывать об этом было некогда, и я пошла вперед.

Следы привели меня на открытую площадку, где я заметила глубокую и широкую колею — вероятно Айлию на чем-то увезли. Я отправилась дальше, следуя по колее.

Она привела меня к другой дороге, но не пересекла ее, а пошла параллельно ей, но в обратном направлении; я по-прежнему придерживалась колеи и вскоре очутилась в местах, похожих на те, где мы проходили, направляясь к башням. Но эта местность была более холмистой и неровной, чем та. Дорога шла не отклоняясь, прямо через холмы, в то время как колея петляла, огибая неровности и препятствия. Вдали ни-

чего невозможно было разглядеть, и я прислушалась, надеясь уловить хоть какой-нибудь звук, который подскажет, близко ли я от цели или, может быть, слепо и безрассудно иду сейчас прямо в руки врагов.

С каждым шагом холмы становились все выше, а между ними торчали причудливые скалы — вернее, я думала, что это скалы, пока, услышав какой-то шум, не нашла укрытия за одной из них. Моя рука оперлась о каменную поверхность, и я нащупала странный шов или рубец. Вглядевшись, я поняла вполне определенно, что это отнюдь не создание природы, а скорее, творение рук человека или, по крайней мере, разумного существа — меня окружали остатки строений, наполовину уже занесенные песком.

Я размышляла об этом недолго, снова услышав звук, насторожившийся меня: то ли свист, то ли шипение и вслед за этим слабый хруст. Выглянув из своего убежища, при свете луны я разглядела какую-то странную, невиданную прежде машину. По сравнению с теми, стремительно летающими по воздушным дорогам над городом, это была довольно неуклюжая, уродливо сконструированная машина, изобрести которую, по-моему мнению, мог лишь извращенный разум.

Колес не было, но широкие ленты, охватывающие машину с боков от передней части до задней, вращались, приводя в движение громоздкое сооружение, на крыше которого был установлен какой-то ящик или коробка. Если эта машина и везла людей, то они могли находиться только в этой кабинке наверху; воздух туда поступал через узкие вертикальные щели, прорезанные равномерно по периметру.

Машина ползла медленно, тяжело, равномерно и казалась настоящей двигающейся крепостью, и я удивилась изобретательности разума, задумавшего такое и давшего ему жизнь. Передвигалась эта махина вдоль колеи по направлению к башням. Может быть, у тех, кто находился сейчас в кабинке наверху, была цель — захватить грабителей?

Я стояла в своем убежище, держась за край полузасыпанной песком стены, и смотрела на ползущую машину, пока она не скрылась из глаз.

11

Можно ли определить, что такое «запах» Силы? Я знаю только, что можно почувствовать запах зла, рожденного Тьмою, хотя никогда не могла определить, физическое ли это ощущение или нечто из области духа. Но могу поклясться, что в Эскоре я могла определить места, где селилась Тьма, места, которых следовало избегать. Однако в этом мире стояло повсеместно едкое и острое зловоние, от него невозможно было отделаться, и способность предвидения даже в той малой степени, в какой я овладела ею вновь, притупилась. Словно бы, пройдя через Ворота, я утратила право на нее, и у меня не было теперь никакого оружия для защиты.

Я могла надеяться только на свои пять органов чувств, а для меня это было почти равносильно слепоте. Однако мне очень важно было знать, могу ли я хоть немного рассчитывать на свой Дар. Если бы мы находились по-прежнему в нашем мире, у меня оставалась хотя бы слабая надежда установить с Айлией мысленную связь, и тогда мне, может быть, удалось бы узнать о ней хоть что-нибудь: где она находится и что ей угрожает, и даже, при удачно сложившихся обстоятельствах, заглянуть ей в глаза.

Здесь это была почти безнадежная затея, но я оперлась спиной о полуразрушенную стену и стала выстраивать в памяти образ Айлии, сконцентрировавшись на ней, добиваясь от нее ответа.

Только...

Вот!

Изумленная, я не могла ничего понять. Это была не вапсалка — я коснулась, только слегка коснулась одной грани разума столь могущественного, что даже этот ничтожный контакт меня буквально опустошил, иссушил, столкнул с моего пути, потому что это была Сила, превосходящая мою стократ.

Конечно, это была не Айлия, тут не оставалось никаких сомнений. Однако была ли я уверена, что то, чего я коснулась, тоже появилось из моего мира и так же, как и я, было облечено Даром. Ворота... мо-

жет быть, я была права, и другим тоже удалось пройти через них? Вот только...

Какая-то часть меня страстно желала вновь обрести этот успокоительный контакт с близким мне разумом. Но с другой стороны, я не могла избавиться от тревоги. Хорошо зная историю Эскора, я помнила и о том, что прошедшие через Ворота могут оказаться посланцами Тьмы, а вступить во взаимодействие с черной силой означало стать проводником ее, для меня же это было равнозначно гибели.

Я не могла поверить, что те создания из плоти и металла или те, кто ползли по дороге в движущейся крепости, были уроженцами Эскора. Мы никогда не попадали в зависимость от машин и механизмов — как раз это мы больше всего ненавидели в кольдерах, они являлись для нас полулюдьми, превратившимися в придатки механизмов, которые обслуживали.

Но где-то здесь, причем не очень далеко отсюда, был, по крайней мере, некто из моего мира. И я горячо желала отыскать его, но не смела, понимая, что прежде надо разузнать о нем побольше.

Колея, прорытая этой железной гусеницей, отчетливо виднелась при свете луны. Тяжелое скрежетание затихло где-то вдали. Я не сомневалась, что этим самым путем увезли Айлию, и решила следовать за ней до конца. Осторожно, боясь пролить, я отхлебнула воды из фляжки и, не теряя больше ни минуты, пошла по колее.

Я шла, все больше и больше убеждаясь, что вдоль дороги виднелись не холмы и пригорки, а остатки полуразрушенных строений. Наверное, раньше здесь был город, не такой, конечно, как тот, с башнями и воздушными дорогами, но тоже достаточно большой.

Затем дорога стала резко петлять между высоких стен и неожиданно вывела меня к большому котловану, напоминающему громадный кратер, уходящий глубоко в землю. Рядом не было видно остатков строений, а следы железных гусениц обходили котлован стороной.

Самый центр этого котлована зиял беспредельной чернотой, как и горловина шахты колодца, когда мы

глядели в нее, но был он гораздо больше, почти как основание одной из таких башен-небоскребов.

Укрыться здесь было негде. Когда я приблизилась к краю котлована, я стала видна при лунном свете любому наблюдателю как на ладони, равнозначно было протрубить тревогу, стоя на крыше башни. Однако Айлия находилась именно здесь, я чувствовала, и надо было что-то делать, ибо на мне тяжелым грузом лежала ответственность за нее, ведь именно я, как ни горько это сознавать, была в какой-то мере виновна в ее несчастьях и теперь должна была для ее спасения сделать все, что в моих силах.

Я не знала, может быть, сейчас и за мной кто-то внимательно наблюдал. Может быть...

Чтобы обдумать все еще раз, я отошла от котлована назад, туда, где можно было спрятаться за разрушенную стену. Остановившись, я подняла левую руку и прикрыла ладонью глаза, а правой коснулась жезла, что по-прежнему висел у меня на поясе. Другого знака Силы у меня с собой не было, а мне так не хватало хотя бы чего-нибудь, что помогло бы моим слабым усилиям.

Я вновь, закрыв глаза, мысленно нарисовала образ Айлии, и мой разум устремился на ее поиски.

Я натолкнулась на черноту и узнала ее, эту черноту — опять кто-то, более могущественный, чем я, опередил меня. Душа Айлии была словно заперта на замок, кто-то воздвиг барьер, лишив меня возможности дозваться ее. Встревоженная, я попыталась осторожно, одним легким прикосновением, найти разум того, кто это сделал, и то, чего я коснулась, оказалось совсем непохожим на что-либо знакомое мне прежде.

Машина, обладающая Силой? Я не верила, это было немыслимо. Сила вообще несовместима с какими бы то ни было машинами и механизмами — так было всегда. Колдунья, если возникала необходимость, умела обращаться с мечом, и моей матери случалось пользоваться оружием, и все же в основном она полагалась на свою Силу. С машинами же мы не имели дела никогда!

Я только и смогла понять, что разум Айлии заперт, изолирован подобно моему, а сделала это маши-

на! Может быть, познания Эскора вкупе с мастерством обитателей этой страны и создали такую чудовищную помесь?

Идти вперед, в это логово, не зная ничего о противнике, который мне противостоит, было чистейшим безумием. Но установить контакт со своей спутницей мне тоже не удавалось. Я разрывалась на части, не в силах обуздать свой разум и заставить его служить мне. Подобное состояние настолько было чуждо моей природе, что я отбросила все колебания, тем более, что легко могла стать жертвой преследователей.

И вдруг я почувствовала присутствие этой, другой Силы так ярко и отчетливо, словно сама она стала искать со мной контакта, а я не могла уклониться и спрятаться от нее. Тотчас же, против моей воли, меня подхватила незримая волна и повлекла вперед, прочь от углубления в стене, где я пыталась найти укрытие, прямо в зияющее чернотой жерло норы. Это было почти физическое ощущение, сходное по природе с потоком Силы в том зале, где мы открыли Ворота, правда, на этот раз гораздо сильнее.

После короткого замешательства я, собрав все силы, начала сопротивляться, подобно пловцу, который барахтается в воде, а стремительное течение безжалостно и неумолимо несет его прямо на острые крутые скалы. И к своему ужасу я почувствовала, что Сила, захватившая меня, обладает человеческими эмоциями, да-да, сейчас она торжествовала и ликовала, осознавая свою победу, и нетерпеливо жаждала довести все до конца; а я уже утратила свою волю и не могла противиться ей.

Так донесло меня, наконец, до разверстой черной пасти котлована, готовой поглотить меня, утянуть вниз. И тут я разглядела, что меня подтащило к какой-то платформе. Нельзя сказать, чтобы она была широкой, и предназначалась, вероятно, для ползающих махин, на ней эти железные гусеницы опускались вниз. Заглянув туда, я не смогла разглядеть ничего, видно, глубина тут была неизмеримая, подобно тому, как бесконечно уходили вверх башни города.

На некотором расстоянии от платформы я увидела ступеньки лестницы, что, прилепившись к стене кот-

лована, винтообразно уходили вниз, насколько хватало глаз. Я все еще пробовала сопротивляться безжалостной силе, неумолимо тянувшей меня туда, но понимала, что обречена, что освободиться мне уже не удастся, и покорно начала спускаться.

Я почувствовала мучительное головокружение и, быстро сообразив, что не нужно смотреть под ноги, в разверзшуюся тьму, стала разглядывать стены, мимо которых спускалась.

Время потеряло всякий смысл, мой мир сузился до пространства между лестницей и стеной, где кончается эта пучина, я не знала, и казалось, что спуск продолжается долгие часы и дни. Стена была гладкой и ровной, и взгляд легко скользил по зеркальной поверхности отполированных плит, но иногда из нее вдруг выступали острые, неровные камни, выделяющиеся на однородной поверхности.

Лунный свет, который там, наверху, изливался серебряными блестками, теперь уже не достигал меня, и пришлось двигаться медленнее, ощупывая ногой каждую ступеньку. Конца этому пути, думалось, не будет никогда.

Наконец, когда мне уже казалось, что спуск мой длится целую вечность, я нащупала ногой не ступеньку, а ровную поверхность. Покачиваясь от напряжения и усталости, я прислонилась к стене, не решаясь поднять голову и взглянуть наверх, туда, где внешний мир виднелся слабой точкой матового лунного света; вокруг меня по-прежнему царила непроглядная тьма. Мне было невыразимо страшно отважиться и шагнуть прочь, отделиться от стены, которая давала хотя бы призрачное ощущение безопасности, если вообще в таком месте, как это, можно было говорить о какой-то безопасности. Но выбирать не приходилось, воля моя по-прежнему была парализована, и неведомая сила не отпускала меня.

Мне ничего не оставалось, как только начать двигаться вперед, держась рукой за стену и пробуя ногой поверхность перед каждым шагом. Я прошла уже, наверное, несколько десятков шагов, и тут рука моя, которая ощупывала стену, неожиданно почувствовала пустоту. Это был боковой коридор, и неумолимая си-

ла тянула меня именно туда. Обезумев от страха, я первым делом вновь нащупала стену, и так всю дорогу пальцы указывали мне путь. Я продвигалась медленно, не отрывая ног от пола, чтобы не попасть в ловушку, и, как оказалось, была права, потому что коридор внезапно оборвался ямой.

Не успела я прийти в себя от изумления, как усилилось ощущение, что я барахтаюсь в потоке, который стремительно несет меня куда-то помимо моей воли. Я безумно хотела знать, кто или что? — подстроили эту ловушку, куда я не попала только чудом. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений, что какой-то колдун заманил меня, колдунью более слабую; но именно этого я боялась больше всего, потому-то и бежала в Эсткарп, понимая, что пленение духа будет пострашнее физического рабства. А сейчас желанный Эсткарп был далек как никогда, и я сама была на волосок от гибели.

Тут впереди послышался какой-то звук, напоминающий слабый свист или шипение. Одновременно вдали возникла полоса света, которая все расширялась, и я закрыла глаза, не в силах смотреть на это ослепительное свечение. В стене появилось отверстие, и я шагнула в него, в последний раз тщетно попытавшись сопротивляться. Но вступив в эту полосу света, я почувствовала, что принуждение ослабло и я, можно сказать, свободна.

Впрочем, я не успела ощутить преимущества этой своей неожиданной свободы, потому что створки двери захлопнулись за мной, и я оказалась запертой в пространстве настолько тесном и узком, что передвигаться было невозможно. Я стояла, боясь пошевелиться, и страстно мечтала о каком-нибудь оружии...

Насколько можно было понять, я оказалась внутри машины и стояла на карнизе или, во всяком случае, на каком-то довольно узком возвышении, а впереди меня происходило некое действо, смысла которого я постичь была не в силах. Я разглядела доску или экран, на котором вспыхивали, мерцали и гасли пятна света, а затем вспыхивали вновь, беспорядочно и, на первый взгляд, бессмысленно. И надо всем этим слы-

шались престранные звуки, вовсе не похожие на человеческую речь.

Казалось, этот экран разделял лежащее ниже пространство на две части, хотя существовал и проход — низкая каменная кладка, ведущая от того самого места, над которым я находилась, и до узкой арки под экраном.

С каждой стороны этой кладки виднелись клеткоподобные отсеки, отделенные друг от друга перегородками, высотой чуть ниже человеческого роста, каждый была похож на маленькую комнату. Некоторые из них были заняты, и, разглядев, кто же занимал их, я в ужасе отпрянула назад, больно ударившись о плотно закрытую за моей спиной дверь. Я вспомнила, что уже видела такие силуэты там, в коридоре, вместе с Айлией, хотя издалека и нечетко. Теперь же я смогла разглядеть их при ярком свете и поняла, что хотя эти существа отдаленно напоминают людей, выглядят они гораздо страшнее всех монстров Эскора. Исчезла моя последняя надежда, что я могу здесь найти людей, которые, подобно нам, прошли сюда через Ворота.

Были эти существа маленького роста, с бледно-серой кожей, вид которой вызывал отвращение. Если у тех полулюдей из башни на голове не было волос, то этих отличала желто-белая, соломенная шевелюра, у некоторых сквозь волосы проглядывались грязно-красные, покрытые струпьями пятна, при одном взгляде на которые подкатывала тошнота. Они были одеты в какие-то странные костюмы, так плотно прилегавшие к телу, что казались второй кожей. Эта так называемая одежда была одинаково серого цвета, но гораздо более темного оттенка, чем кожа под ней, так что голые руки выделялись как бледные клешни, и были они невероятно худы — просто кости, обтянутые кожей.

Когда я вновь сделала шаг или два вперед, чтобы разглядеть их получше, я заметила, что лица их совершенно одинаковы, словно все они были копиями, сделанными с одной и той же модели, но некоторые из них были обезображены грубыми красными рубцами, а кожа других изъедена оспинками.

Двигались они медленно и лениво, если двигались вообще. Большинство из них лежало на узких грубых

полках, каждый в своей комнате-клетке. Другие просто сидели, уставившись вперед прямо на низкую стену, словно дожидаясь какого-то знака или сигнала, который их убогий разум мог если не понять, то хотя бы просто воспринять. Один или двое ели прямо руками из круглых чаш, вытаскивая и отправляя в рот какую-то зеленоватую, отвратительного вида гадость. Я поспешно отвернулась от них, передернувшись от отвращения, не выдержав вида этих чавкающих слюнявых рож.

По внешнему виду они, скорее всего, были мужского пола, хотя вообще-то больше напоминали животных.

Неожиданно на большой доске-экране вспыхнул какой-то сигнал, и одновременно послышался хлопок. Те, кто лежали на своих полках, быстро вскочили и встали каждый возле своей двери. Те, кто ели, отбросили чаши и сделали то же самое.

Но только некоторые из них выбрались из своих клеток и столпились возле прохода. Затем, выстроившись в шеренгу, они повернулись и зашагали, удаляясь от того места, над которым я стояла, по-прежнему, казалось бы, не замеченная никем.

Остальные остались стоять, где стояли. Время шло, но они не выказывали никакого нетерпения, не спешили разойтись, чтобы продолжить свой прерванный отдых или вновь приступить к еде, но в то же время не стремились куда-то уйти.

Световой сигнал на экране растаял, затерявшись среди других огней, и я решила, что пора позаботиться о собственной судьбе, хотя было совершенно очевидно, что мне не удастся выбраться за дверь, накрепко запертую за мной.

Айлии не было ни в одной из этих клеток; но что находилось позади светящегося экрана — я не знала, а именно туда направились, выстроившись в колонну, эти твари. Может быть, как раз сейчас они настороженно следят за мной, дожидаясь, когда я спущусь к ним, на нижний уровень. Я никак не могла понять, действительно ли они ничего не знают о моем присутствии. А попытаться связаться с Айлией мысленно я не решалась.

Да у меня и не хватило бы времени, чтобы осуществить это. Можно было не сомневаться, что тот, кто командовал этим подземным городом, принял все меры предосторожности, в чем я довольно быстро убедилась — неожиданно меня словно сковало жестким, негнущимся панцирем, и я, как ни старалась, не могла сбросить его с себя. Только глаза еще слушались меня, я могла поднимать и опускать веки. Все остальное тело было словно заморожено, будто бы одна из страшных сказок моего детства вдруг стала явью, и я превратилась в камень.

Заключенная в своем панцире, я могла лишь наблюдать, как четверо из тех, кто стоял в ожидании внизу, обернулись и зашагали в мою сторону. На этот раз недалеко от меня стена словно разошлась, и я увидела в углублении на платформе четырех охранников. Они окружили меня, и один из них нацелил на мои ноги какую-то штуку, похожую на охотничий дротик. Едва он сделал это, узы, которые сковывали нижнюю часть моего тела, словно упали, и я смогла двигаться; они провели меня на свою платформу, и мы стали опускаться на ней, пока, наконец, не оказались рядом с перегородкой, которая заканчивалась аркой и светящимся экраном.

Видимый только с уровня двери, но никак не выше, экран этот со своими бегающими огоньками вызывал страх. Он был какой-то инородный, совершенно чуждый мне, но при этом было в нем нечто такое, что я могла признать Силой, которой владели колдуньи. Однако на меня эта сила нацелена не была, я чувствовала, что не его сила заманила меня сюда.

Сопровождаемая охранниками, я прошла сквозь арку под экраном. Здесь, по эту сторону, не было никаких отсеков, прямо передо мной возвышался помост на четырех ступенях. На нижнем уровне вокруг помоста были расставлены маленькие экраны, но только два из них, напротив меня, светились огнями. Под каждым экраном я заметила доски, направленные под углом вниз, к полу, густо покрытые кнопками и рычагами. С каждой минутой все неотвязнее преследовали меня воспоминания о Цитадели кольдеров,

вернее, не сами воспоминания, а рассказы, слышанные в детстве.

Возле каждой такой доски была закреплена скамья. Одетые в серое люди сидели за теми двумя экранами, что светились огнями, устремив на них неподвижный взгляд; их руки лежали на досках, готовые в любую минуту при необходимости нажать на кнопку или перевести рычаг.

Однако на самом помосте находилось нечто такое, что сразу привлекло все мое внимание; очевидно, в этом и была разгадка тайны, так занимавшей меня. Там стоял высокий, в форме колонны, прямоугольный прозрачный кристалл, внутри которого находился человек из Эскора. И не просто представитель древней расы, — это я определила сразу, как только внимательно взглянула на него, но именно тот самый человек, которого я видела в своем давнем сне, тот, который открыл Ворота, а потом долго сидел, вглядываясь в их очертания.

Он был погребен там, но нет, не мертв. Милосердная смерть не взяла его. Сквозь верхушку его хрустальной гробницы струилась паутина серебряных проводов, они не спускались неподвижно, но извивались и трепетали, искрились в воздухе, словно были не металлическими, словно сквозь кристалл текли ручейки воды.

Глаза пленника были широко открыты, и он смотрел прямо на меня. В его пристальном взгляде я увидела свирепый огонь, требовательность, напряженную и жестокую, и все это было обращено на меня. За эти несколько мгновений он попытался перевернуть мое сознание, сломить, подчинить полностью своей воле. И еще, я почему-то сразу поняла, что каким-то образом через меня лежит его путь к свободе, только поэтому он и завлек меня сюда.

Возможно, если бы я подчинилась его требованию, ему бы тотчас удалось выполнить задуманное. Но я отпрянула почти машинально, не думая — никто из древней расы не уступал силе без сопротивления, любое насилие вызывало в нас желание противостоять и одолеть его. Попроси он меня, вместо того чтобы заставлять силой, все было бы по-другому. Но он так

жаждал освободиться, а просить не мог, не доверяя, по-видимому, никому и ничему в этом мире.

Яростно метались и пульсировали серебряные нити, словно он пытался овладеть моим разумом, превратить меня в послушную ему невольницу. Тут я услышала недоуменный вскрик и увидела, как из-за одного светящегося экрана вскочил человек. Он весь подался вперед, пристально всматриваясь в замурованного в кристалле пленника, затем обернулся и уставился на меня; удивление на его лице сменилось возбуждением, а затем довольством.

Он, так же как и я, отличался от этих серых существ, населяющих подземелье, но древней расе не принадлежал. Не обладал он и Силой, что я поняла сразу, едва взглянув на него. В лице его были живость и ум, но при этом чувствовалась такая беспристрастность и отчужденность, что хотя он и выглядел, как человек, не оставалось сомнений — он не был им.

Он высоко держал голову, был довольно худ, но не настолько, как обтянутые кожей скелеты — его слуги. Лицо его и руки также не были мертвенно-бледного цвета, как у них, однако тело обтягивал такой же костюм, правда, украшенный гербом, вытканным желтыми, красными и зелеными нитками.

Волосы почти такого же ярко-желтого цвета, что и герб, достаточно густые и длинные, до плеч, он убирал за уши, как это делали сулькарцы. Но внимательнее всмотревшись в его лицо, я поняла, что не был он и морским скитальцем, нечаянно проникшим сюда через Ворота, ибо черты лица были слишком резкими и острыми, а широкий нос сильно выдавался вперед, что делало лицо похожим на птичью маску, какую надевали сокольничьи, вступая в бой.

— Ты... Женщина...

Он нажал какую-то кнопку на своей доске, а затем подошел ближе и остановился передо мной, уперев руки в бедра; он окинул меня с ног до головы таким дерзким, оскорбительным взглядом, что я почувствовала, как во мне поднимается гнев.

— Женщина, — повторил он на этот раз уже не удивленно, а задумчиво. Затем перевел взгляд с меня

на пленника в кристалле и обратно. — Ты не похожа, — продолжал он, — на другую.

Он махнул рукой куда-то в сторону, за помост, но я не могла повернуть головы — верхняя часть тела была по-прежнему скована, и смогла разглядеть лишь краешек плаща, однако не сомневалась, что там была Айлия. Она не двигалась, и я подумала, что, наверное, ее держат сейчас в таком же панцире, как и меня.

— Так, — теперь он повернулся к пленнику, — значит, ты задумал воспользоваться ее помощью. Почему же с той, другой, ты этого не хотел. В чем же между ними различие?

Пленник в кристалле даже не поднял глаза на вопрошающего, я лишь почувствовала, как огромная волна ненависти захлестнула его, рванулась через хрустальную колонну, в которой он заключен, ненависть, которая не сжигает, а замораживает, ненависть, которую я когда-то чувствовала к своим братьям, и никогда еще я не видела, чтобы ненависть была такой яростной и неистовой.

Человек в сером обошел вокруг меня, в то время как я даже не могла повернуть головы, чтобы взглянуть на него. Я чувствовала, что он не может признать во мне колдунью, как сразу определил это его пленник. И эта мысль пробудила во мне надежду... Впрочем, глядя на беспомощного пленника, я не смела надеяться на многое... Потому что если он признал во мне колдунью, то я признала в нем заклинателя, одного из тех, которых уже нет в Эскоре и которые никогда не были известны в Эсткарпе, где колдуньи тщательно контролировали все познания, чтобы какой-нибудь самонадеянный наглец не обрел эти запретные знания и не возвысился.

— Женщина, — повторил незнакомец в третий раз. — Однако ты хотел передать ей что-то. Значит, она не та, за кого себя выдает, она гораздо выше, хотя по ее виду этого не скажешь. И если она хотя бы совсем немного похожа на тебя, мой недруг, значит, этой ночью фортуна действительно улыбнулась мне.

— Теперь, — он кивнул моим охранникам, и те сгрудились вокруг меня, причем, казалось, существо-

вал какой-то барьер, препятствие, и они почему-то не могли прикоснуться ко мне, — теперь мы передадим тебя в надежные руки, девочка, пока у нас не появится больше свободного времени, чтобы разрешить эту загадку.

Охранники повели меня к противоположной от входа части комнаты, позади узника в кристаллической колонне, и он больше не мог видеть меня, да и вряд ли ему было нужно это — он так же все знал обо мне, как и я о нем. Охранники ушли, а с четырех сторон из пола поднялись металлические столбы шириной с мое запястье; они заскользили вверх, вытягиваясь надо мной, а потом начали светиться, и сразу путы, сковывающие меня, исчезли, словно свалился панцирь. Однако попробовав протянуть руку чуть больше вперед, я обнаружила, что меня окружили невидимой стеной, идущей от одного столба до другого, и я тоже оказалась заключена в прозрачной клетке.

Теперь у меня было нечто вроде квадратной комнаты с невидимыми стенами, здесь можно было сесть, что я и сделала, и немедленно начала осматриваться, словно хотела как можно лучше узнать все о месте, где нахожусь — хотя зачем мне это надо, пока было непонятно, никаких планов я не строила.

Отсюда я могла видеть Айлию. Она полулежала в бессознательном или сонном состоянии на второй ступени помоста, голова ее была повернута в мою сторону. Я могла видеть, как вздымается и опускается ее грудь, значит, она жива.

Мне тоже было необходимо уснуть. За часы, проведенные в этом мире, что закрылся за мной, как будто опустился занавес, накопилось столько напряжения и усталости, что разум и тело требовали отдыха. Мне нужно было сосредоточиться и по мере сил обезопасить себя, чтобы тот, кто стоял сейчас в кристаллической колонне, не мог застать меня врасплох и заставить выполнять свои приказания. Сделав все необходимое, я опустила голову на колени.

В руке моей, спрятанной от света, был зажат колдовской жезл, который я принесла из Эскора. Может быть, он принадлежал этому колдуну-пленнику? Если да, значит, он сразу же при моем появлении почувст-

вовал, что он здесь, и, наверное, захотел получить обратно. Но как он рассчитывал заполучить его сквозь стены кристалла? То, что пленник обладает большой ценностью для человека в сером, совершенно очевидно. А может быть, и меня заключат в такой столб? Я гнала эту мысль прочь, мне просто необходимо было уснуть, ведь завтра я должна была быть решительной и бодрой.

12

Я заснула и увидела сон. Но это было не то сновидение, что грубо вторгается в разум и парализует волю. Мне словно кто-то протянул руку, чтобы отвести в безопасное место, туда, где можно устанавливать мысленный контакт, не опасаясь, что тебя подслушают. Я стояла лицом к лицу с пленником из хрустальной колонны, но происходило все это не там, где мы наяву встретились с ним, а в каком-то другом, незнакомом месте. Он выглядел почему-то гораздо моложе и как-то уязвимей. Не полыхала в глазах ненависть и решимость сломать оковы и взорвать мир, чтобы удовлетворить месть, которой жаждал его дух, и весь он казался совсем не таким, каким я видела его накануне.

То, что он был заклинателем, я уже знала; и он был настолько могущественнее владычицы Эсткарпа, насколько я сама была могущественнее Айлии. И теперь во сне я узнала его имя, вернее, то имя, которым его называли, ведь в нашем мире существовал древний закон, согласно которому настоящие имена подлежат забвению, их нельзя произносить, ибо, став известным врагу, оно давало ему ключ к силе владельца. Его звали Илэриэн, и обитал он когда-то в той самой крепости, где мы нашли Ворота.

Он сам и создал эти Ворота, потому что его ищущий дух всегда стремился к новым познаниям. Открыв Ворота, он прошел через них, намереваясь исследовать то, что находилось по эту сторону. Он пришел сюда, надменный и властный, уверенный в

своей силе; это высокомерие и погубило его, так как он пренебрег мерами предосторожности.

Он угодил в паутину, против которой бессильны были все его познания, стал беспомощным и слабым, и никакие заклинания не могли спасти его. Ведь Сила здесь исходила от машины: механизма, который противоположен самой природе Дара, и заклинатель не сумел оказать ей сопротивление — он встретил то, что смогло сломить его.

Между башнями и этой подземной норой издавна велась война. Нынешние обитатели башни сами не нападали на подземелье, в то время как серые существа под командованием того человека, что говорил со мной накануне, совершали набеги на город, воруя запасы пищи и воды. И война эта продолжалась с незапамятных времен, Илэриэн не мог сказать, когда она началась, во всяком случае, задолго до того, как сам он попал в ловушку, а это случилось много веков назад. Это я понимала и сама, потому что времена заклинателей из Эскора миновали уже давным-давно.

И машины, которые я видела в комнате, тоже были установлены целое тысячелетие назад, именно для того, чтобы вести войну; они продолжали работать и теперь, хотя мир на поверхности был разрушен, и не уцелело ничего, кроме нескольких башен. Когда сюда попал Илэриэн, механизмы уже были на пределе возможностей, но захват пленника даровал им вторую жизнь. Сила Илэриэна была передана им, он в известной степени регулировал их и управлял ими, хотя сам, в свою очередь, находился под контролем Зандора, хозяина этого подземелья. Говорили, Зандор всегда был здесь хозяином, но трудно было поверить, что человек может жить так долго.

— Это не совсем человек! — возразил Илэриэн. — Может, он и был им когда-то очень давно. Он научился создавать себе другие тела и переселялся туда, когда то, которое он носил, становилось старым или больным. Машины сплели вокруг него такое поле защиты, что он стал неуязвим, его не может достичь никакой импульс, а я пытался сделать все, что мог. Он скоро узнает, что ты — подобна мне, и тогда пле-

нит тебя тоже, чтобы его машины стали еще могущественнее.

— Нет!

— Я тоже когда-то говорил: «Нет! Нет! и Нет!» Но только мои «Нет!» — это ничто против его «Да». Мне бы только освободиться из этого кристалла: находясь в нем, я бессилен, хрустальные стены не пропускают ничего, но вместе, вдвоем, мы еще покажем, кто сильнее, человек или машина! Ведь теперь я знаю эти механизмы так, как не знает никто, знаю, в чем их слабость и уязвимость, на них можно напасть! И разрушить их! Освободи меня, колдунья! Отдай мне свою силу, и мы вдвоем одолеем Зандора. Если же ты мне не поможешь, то сама попадешь в западню, как и я когда-то, и тогда мы навсегда останемся здесь...

— Он уже поймал меня, я в ловушке, — уклончиво ответила я. Доводы Илэриэна я, конечно, понимала прекрасно, вот только не забыть мне было первые мгновения нашей встречи, когда он пытался подчинить, сломить мою волю и сделать меня не союзником в борьбе, а просто орудием в своих руках.

Он прочел мои мысли и ответил: «Мое положение сделало бы любого слишком нетерпеливым, и ты должна понять: если человек видит перед собой ключ от своей тюрьмы, и так близко, разве он не протянет руку, чтобы взять его? Ты принесла сюда то, что принадлежит мне, и в моих руках это имеет большую ценность, чем любой, самый крепкий меч.

— Жезл...

— Да, он мой, и я уже не надеялся когда-нибудь увидеть его снова. Но тебе он служить все равно не будет никогда. А мне, мне он даст силу, которую отнял этот мир!

— Но как ты получишь его? Не думаю, что твой кристалл так легко разрушить...

— Он действительно кажется прочным, но стены эти можно разрушить. Прикоснись жезлом...

— Значит, чтобы освободиться самой, мне тоже нужно...

— Нет, не то! Ты же знаешь природу такого жезла. Он будет повиноваться только тому, кто создал

его, в других руках это бессильная игрушка. Это ключ мой, а не твой!

Я понимала, что он говорит правду. Значит, я по-прежнему оставалась пленницей, а жезл был все так же недоступен своему хозяину, словно тоже был заключен в кристалл.

— Но... — я не успела услышать то, что он хотел сказать, потому что неожиданно он исчез, исчез из моего сна, растаял, словно свеча, которую задули, и я осталась одна. Уснула ли я снова или сразу же после этого проснулась, я не знаю. Но когда я открыла глаза, казалось, все осталось по-прежнему. Я сидела, охраняемая столбами света, в то время как Илэриэн стоял в своей колонне, и я видела только его спину.

Однако в самой комнате многое изменилось: серебряные стебельки, проходящие через вершину кристаллической колонны, теперь равномерно мигали, а еще я заметила, что вспышки и световые блики возникали теперь не на одном экране, а на многих, хотя, когда я засыпала, большинство из них были темными. Сейчас возле них сидели серые человечки. А Зандор вышагивал вокруг помоста, останавливаясь снова и снова возле светящихся экранов и читая световые сигналы, словно это были руны. Вокруг него усиливалось поле напряженности, хотя, казалось, серые существа действовали автоматически, словно бы их не интересовало ничего, кроме этой работы.

Тут раздался громкий шум, и Зандор отошел взглянуть на большой экран, тот самый, который отделял эту комнату от секций, где ютились серые. Его поверхность покрылась рябью световых пятен, как раз в той части, которая за минуту до этого была темной и тусклой.

Зандор некоторое время изучал экран, затем вернулся к одной из маленьких досок, пальцы его побежали по кнопкам и рычагам. И неожиданно, словно в ответ на его действия, я почувствовала такой сильный удар, как будто по обнаженному телу хлестнули плетью. Это уже было не во сне, и я поняла, каким мукам подвергался Илэриэн, хотя, наверное, по-настоящему за меня еще не взялись.

Так вот, значит, как Зандор заставлял пленников подчиняться своим приказаниям. А Илэриэн ничего не успел сказать мне об этом. Оставалось только поражаться силе духа человека, который так долго испытывает подобные мучения.

Однако существуют способы избежать ощущения боли, это целая дисциплина, которую преподавали таким, как я, ибо в жизни немало случаев, когда надо сохранять жесткое самообладание, и меня учили, как это делать. Илэриэн наверняка тоже постигал в свое время эту науку и мог бы, наверное, защитить себя, если бы не эта машина... Она настолько чужда его природе, что против нее он оказался бессилен.

Я должна, обязательно должна сделать для Илэриэна все, что в моих силах, и не только из жалости, хотя жалость во мне пробудилась, но я чувствовала, что должна быть рядом с ним. Я вертела в руках его жезл. Илэриэн предупредил, что он не будет подчиняться мне, что подвластен только ему, но пока у меня не было никакой возможности передать жезл хозяину. А я была уверена, что, когда Зандор поймет, кто я такая, он уж позаботится о том, чтобы ограничить мою свободу.

Оставалась еще Айлия. Я взглянула, лежит ли она по-прежнему там, где я видела ее в последний раз. Знать бы, все ли мысленные контакты может обнаружить Зандор? Машины по-прежнему оставались для меня загадкой, понять, как они действуют, я не могла.

Наверное, среди них были такие, которые перехватывают мысли и предупреждают хозяина о любых попытках пленника связаться с кем-нибудь? А умение посылать мысленные сигналы было к тому же частью моего Дара, который еще не восстановился до конца, и я не могла полагаться на ослабленную, искалеченную Силу.

Однако мне подумалось, что если Айлия не заперта подобно нам в невидимый футляр, может быть, она способна воспринимать мысли. То, что она лишилась сознания, даже облегчало мою задачу — галлюцинации и сновидения часто использовались колдуньями, когда они хотели побудить кого-нибудь что-либо сделать. Теперь... я могу попробовать связаться с

Айлией, и если мое мысленное послание не будет обнаружено...

Казалось бы, Зандор без остатка был поглощен действом, которое творилось на экране. Вапсалка лежала на том же месте, на ступенях помоста, но в другой позе, подложив руку под голову, и теперь это больше походило на настоящий сон. Если так, то можно попробовать...

Я начала медленно, дюйм за дюймом, оглядывать комнату. Это был обычный способ мысленного контроля, и я проделывала все так же тщательно и осторожно, как тогда, когда шла сюда по темному коридору; сейчас я только пробовала свои силы и одновременно пыталась отыскать возможную ловушку.

Это упражнение было знакомо мне издавна, но никогда еще я не была настолько робка и неуверенна. Получится у меня или нет, зависело от того, насколько восприимчива окажется Айлия. Вдобавок, прежде, в Эсткарпе, мне не приходилось действовать в таких условиях. Слишком многое могло здесь помешать. Мне ни в коем случае нельзя было касаться кристаллического саркофага, где стоял Илэриэн, иначе это бы немедленно дало импульс на экран, и Зандор бы все понял.

Я закрыла глаза, вернее, прикрыла их, чтобы видеть только тело Айлии, и больше ничего. Мне не нужно было рисовать ее мысленный образ — она лежала передо мной. Я начала поиск в пространстве, пытаясь напрямую связаться с ее разумом. По всей вероятности, за ней по-прежнему не наблюдали, но, может быть, это очередная ловушка.

Я изо всех сил напрягала свой искалеченный Дар.

— Айлия! — я мысленно выкрикнула это имя, снова и снова повторяя: — Айлия! Айлия!

Я была терпелива, как рыбак, неподвижно застывший над своей удочкой и смотрящий на поплавок: вот его повело, он нырнул, рыбак дергает удочку — и безрезультатно. Примерно то же самое происходило и со мной. Я старалась подавить растущее отчаяние; то, что казалось мне когда-то легким и необременительным упражнением, сейчас не получалось.

— Айлия! — Бесполезно... я не могла коснуться ее. Или Сила окончательно покинула меня, или здесь есть нечто, что препятствует моим попыткам.

Но почему я решила, что это Илэриэн внушил мне то сновидение? А если это галлюцинация, вызванная самим Зандором?

Некоторые колдуны никогда не появлялись в стране Тьмы, но многие из них чувствовали себя там как дома. Может быть, он принадлежит Темным Силам? Я колебалась, неудача подавила меня, вызвала горечь и апатию.

Мне пришлось отступить, и я снова принялась размышлять. Зандор использовал колдовскую силу своего пленника так, что она стала деталью механизма, машины. Для подобного эффекта необходим мысленный контакт, ведь тело Илэриэна заключено в кристалл. А для меня было совершенно очевидно, что серые человечки, нажимающие на кнопки, делают это механически, не понимая смысла своей работы. Следовательно, здесь существовала некая энергия, сходная по природе с нашим Даром, и в то же время способная соединиться с ним. Предположим, мне удастся объединить свою силу с этой, неведомой, я получу поддержку...

Попытаться сделать это было соблазнительно, хотя, надо признаться, довольно опасно, ведь в случае неудачи эта сила могла притянуть меня к себе, как магнит притягивает железо. И было очевидно, что для того, чтобы это получилось, требовалась огромная концентрация сил Илэриэна. Нуждался ли Зандор в сне или его искусственному телу была незнакома эта, свойственная всем людям, потребность? Наступало ли когда-нибудь время, когда его энергия истощалась? И еще мне весьма хотелось знать, как скоро Зандор вспомнит, что у него есть второй пленник?

Я стала наблюдать за тем, что происходит вокруг, и обнаружила, что за это время, пока внимание мое было полностью сосредоточено на Айлие, в комнате опять произошли некоторые изменения. Дополнительные экраны, которые прежде были освещены и за которыми работали серые, теперь погасли, а скамьи перед ними опустели.

Зандор... я перехватила его взгляд, когда он стоял по ту сторону помоста, очевидно, лицом к лицу с Илэриэном. Он внимательно смотрел на заклинателя, и по лицу его блуждала довольная улыбка. Он заговорил голосом тихим и низким, однако мне удалось разобрать слова.

— Прекрасно, мой недруг, сделано неплохо. Ты опять действовал нам во благо, хотя, боюсь, не по своей воле, а? — Он медленно повел головой из стороны в сторону, словно с гордостью рассматривал то, что находится внутри этой комнаты. — Нам работается гораздо лучше, чем предполагали вначале, когда мы только обосновались в этой комнате, не так ли? Машины — вот они... они делают наши руки длиннее, глаза острее, разум яснее. Пока их больше. Но пока... — лицо его конвульсивно передернулось, и он поморщился, словно острая боль терзала его изнутри, — но управляют не они, управляют ими! Человек, — он ударил кулаком одной руки по ладони другой, — человек есть, человек живет!

«Человек? — удивилась я. — Неужели он сказал это о себе самом?» Илэриэн утверждал, что его нельзя назвать человеком в обычном смысле этого слова. Или он имел в виду те серые существа, что копошатся возле механизмов, послушные его приказам, а сами не имеют ни воли, ни разума? Зандор говорил так, словно вел борьбу за справедливое дело. Так говорили мы в Эскоре, когда боролись против Тени, так говорили в Эсткарпе, когда сражались против Карстена и Ализона.

Во всех ожесточенных войнах есть ловушка, которую удается избежать немногим. Наступает момент, когда кто-либо из сражающихся говорит, что цель оправдывает средства. Владычицы, прибегнув к последнему средству, расшатали горы и положили конец нашествию Карстена, но поплатились за это своими жизнями.

Здесь, должно быть, произошло другое. Возможно, вначале Зандор был таким, как мой отец, братья, но потом пошел по тому же пути, что и Динзиль, соблазненный мыслью о великой победе или почувствовав аромат власти, такой сладкой и притягательной. Ско-

рее всего, он обманывал самого себя, будто все, что он делает, он делает ради великой цели, становясь, таким образом, еще опаснее и страшнее.

— Человек живет, — повторил Зандор, — слышишь, человек живет! — он вскинул вверх руку, взглянув на своего пленника так, как будто этими словами бросал вызов — пусть, мол, только попробует оспорить!

Серебряные проводки, которые до этого так упруго и напряженно стояли на крыше кристаллической колонны, теперь словно опали вяло и безжизненно. Даже если Илэриэн и мог ответить, он не стал этого делать.

И вдруг впервые за все это время меня пронзила одна мысль, непонятно почему не пришедшая мне в голову раньше. Как я вообще понимала речь Зандора? Он определенно говорил не на языке людей древней расы, даже искаженном и видоизмененном, как, например, язык жителей Эскора. Не похож он был также и на язык сулькарцев. Почему же тогда?.. Ведь это другой мир, если только Зандор тоже не проник сюда через Ворота.

И тут мне на ум пришел вполне возможный ответ: очевидно, это тоже объяснялось действием машин. Они как-то улавливали произносимые им слова и переводили их для меня. Машины... Интересно, существует ли что-нибудь, чего бы они не могли? Я на мгновение решила было отказаться от своего плана, но, поразмыслив, вновь обратилась к нему. Энергия механизмов объединялась с энергией Илэриэна. Мне нужно...

Но время... мне необходимо время! Зандор отошел от помоста и направился ко мне. К счастью, после пробуждения я не переменила своей позы, только бы мне удалось обмануть его, заставить поверить, что я все еще сплю... Сейчас даже столь ничтожный обман был бы мне весьма кстати.

Я закрыла глаза. Стихло шелестение огоньков, я слышала лишь звуки его шагов, они становились все ближе и ближе. Может быть, он уже остановился и смотрит на меня? Я не видела его, но, зная, что он рядом, напряженно ждала — вот сейчас он объявит, что моей свободе пришел конец.

Но он молчал, и через минуту я вновь услышала шум шагов, на этот раз удаляющихся. Я мысленно сосчитала до пятидесяти, затем, чтобы быть абсолютно уверенной, еще раз до пятидесяти. Потом открыла глаза и убедилась, что он уже ушел. Перед пультом с кнопками и рычагами сидел единственный серый человечек, его экран был зажжен, а все другие — слева и справа — отключены. Итак, кроме Айлии, пленника в кристаллическом цилиндре и меня, в комнате больше никого не было.

Илэриэн? Нет! Пытаясь сейчас нащупать контакт с ним, я рисковала быть узнанной, этого нужно избегать любой ценой. Однако я не совсем понимала, что мне теперь делать, разве попытаться установить связь с Киланом и Кемоком, мне давно не удавалось этого, но вдруг получится?

Мне кажется, что я все-таки не закричала. Во всяком случае, серый человечек, сидящий возле пульта с кнопками, не повернул головы в мою сторону, как если бы он услышал мой крик. Дело в том, что я только что услышала громкий отчетливый оклик, прикосновение, которое я чувствовала раньше, еще вверху, когда Илэриэн устанавливал со мной контакт.

Килан? Кемок? Однажды Кемок уже последовал за мной в мир страшный и неведомый, не менее чуждый нашему сознанию, чем этот. Может быть, он снова нашел меня?

— Кемок, — позвала я.

— Кто ты? — услышала я в ответ. Голос был такой резкий, что он отдавался в моей голове, как будто звучал в действительности. Мне показалось, что я на мгновение оглохла.

— Каттея, — ответила я прежде, чем подумала, надо ли отвечать вообще. — Кемок, это ты? — и какая-то часть меня страстно жаждала получить в ответ «да», а другая страшилась этого до беспамятства. Я понимала, что ответственность за его безопасность лежит на мне, и тяжесть этой ноши была мне непосильна.

Словесного ответа я не дождалась, но мне показалось, я начинаю что-то различать зрением, смутно, словно смотрю сквозь стекло в темную, плохо освещенную комнату. На невысоком помосте стояла ка-

менная чаша. В ней пылали угли, слабо озаряя небольшую часть помещения вокруг помоста. Возле чаши я увидела женщину. Она была одета так, как одеваются люди древней расы: костюм для верховой езды — штаны и короткая мужская куртка темно-зеленого цвета, волосы гладко причесаны и убраны тугой сеткой. Поначалу я не видела ее лица, она стояла спиной ко мне, пристально вглядывалась в огонь. Затем она обернулась и взглянула на меня.

Я увидела широко расставленные глаза; ее удивление, наверное, превзошло мое.

— Джелита!

Моя мать! Но как? Здесь? Прошли годы после нашей последней встречи, когда она отправилась на поиски отца, исчезнувшего где-то за морем. Она искала его с помощью колдовства, и однажды мы трое помогли ей в этом, соединившись воедино — именно тогда мы впервые не таясь использовали присущий нам Дар.

Время было не властно над ней, она оставалась такой, как раньше, хотя я уже была не маленькой девочкой, а взрослой женщиной. Но я увидела, что перемены во мне ее не обманули, она узнала меня в ту же минуту, как увидела.

— Каттея! — Она шагнула навстречу мне, прочь от помоста с жаровней, и протянула руку, словно между нами не лежало это неизмеримое, недоступное разуму пространство. Затем лицо ее исказила боль, и она быстро спросила: «Ты где?»

— Не знаю. Я прошла через Ворота.

Она взмахнула рукой, словно отгоняя ненужную мысль.

— Хорошо. Тогда опиши место, где ты находишься.

Я попыталась сделать это, по возможности точно и немногословно. Когда я закончила, мне показалось, что она с облегчением вздохнула:

— Могло быть гораздо хуже. По крайней мере, мы в одном и том же мире. Но скажи — ты пыталась отыскать нас?

— Нет. Я не знала, где вы. — И я стала рассказывать ей, что мне нужно сделать.

— Значит, заклинатель, который построил эти Ворота, сам оказался пленником, — она задумчиво

смотрела на меня. — Кажется, дочь моя, ты совершенно случайно наткнулась на то, что может спасти всех нас. А твой план воспользоваться помощью этой девочки вполне разумен. Но кроме того, тебе понадобится помощь извне. Посмотрим, что здесь можно сделать. Саймон! — мысленно позвала она. — Быстрее иди сюда! — Затем снова повернулась ко мне. — Покажи мне ту девочку... и комнату, в которой вы находитесь...

И я смогла сделать то, что у меня никак не получалось с Илэриэном — ее разум соединился с моим, я медленно поворачивала голову, и она видела все моими глазами, а я старалась не пропустить ни одной мелочи, чтобы она смогла рассмотреть все.

— Это кольдеры? — спросила я.

— Нет. Но что-то вроде. Когда-то этот мир был очень близок кольдеровскому, у них много общего. Впрочем, сейчас это несущественно. Я знаю, где находится вход в эту нору. Мы придем к тебе как можно быстрее. До тех пор связывайся с нами только в случае крайней необходимости, крайней, понимаешь? Например, если Зандор захочет сделать с тобой то же, что и с Илэриэном, сразу же постарайся отыскать нас.

— А Айлия?

— Ты права, она действительно станет ключом к вашей свободе. Но пока она никак не может нам помочь, еще не пришло время. Прежде всего необходим заклинатель. Он знает все про эти Ворота, он сам их создал, они повинуются ему. Они нам нужны, чтобы вернуться в Эскор.

Неожиданно она улыбнулась.

— Похоже, для тебя время бежало быстрее, чем для меня. По-видимому, я родила именно такую дочь, о какой мечтала, ты дитя не только моего чрева, но и моего духа. Будь осторожна, Каттея. Не потеряй случайно то, что может спасти всех нас. Теперь я прерываю связь, но как только будет нужно, немедленно позови меня!

Окно комнаты расплылось и пропало, а мне оставалось только гадать, каким образом мои отец с матерью попали сюда? Она ведь разговаривала с ним, и даже если между ними было большое расстояние, они

находились в одном мире. Может быть, он нашел другие Ворота, ведущие в этот мир, а она последовала за ним? Если это так, значит, и тот вход был заперт за ними?

И снова я подумала про Илэриэна. Ворота, которые он создал, должны подчиняться ему, так сказала моя мать. Значит, чтобы вернуться назад, мы должны освободить его. Вот только время — оно наш союзник или враг? Я нащупала в складках плаща, а затем достала пакет с едой, который утащила из запасов, хранившихся в башне. У меня в руках был прямоугольник чего-то темно-коричневого, и когда я отщипнула кусочек, он раскрошился. Я разломила этот кусок и понюхала: запах незнакомый, нельзя сказать, приятный или не очень. В любом случае, никакой другой пищи у меня нет, а я была очень голодна. Я положила кусок в рот и разгрызла — пища была сухой и скрипела на зубах, словно песок, который покрывал здешнюю землю. Я запила это водой из фляги и кое-как проглотила. Теперь мне больше ничего не оставалось, как только сидеть и ждать, и было это невыносимо тяжело.

13

Но мне ничего не мешало вспоминать и размышлять. Как сказала моя мать, в этой стране время идет чуть медленнее, чем там, у нас. В самом деле, в мысленном изображении она выглядела не старше, чем была давно, много лет назад, когда отправилась на поиски нашего отца. Но тогда мы трое были детьми и еще не вступили на путь, предназначенный нам. И я почувствовала себя неизмеримо старше, чем была в самом деле.

Похоже, что она и наш отец, попав однажды в этот мир, тоже оказались его пленниками, потому что не смогли отыскать Ворота, чтобы вернуться обратно. Теперь они связывали свои надежды с Илэриэном. Но кто поручится, что, даже отыскав дорогу к этой норе, они не попадут в ловушку, как я? Пожалуй, мне нужно связаться с матерью и предостеречь ее. Тут я

вспомнила ее слова о том, что она знает это место, но если так, то конечно же, она знает и об опасностях, подстерегающих здесь.

Я закончила свою скудную трапезу. С четырех сторон от меня по-прежнему светились четыре колонны, серебряные проводки опутывали заклинателя в его заточении. Кажется, он спал.

Неожиданно я уловила слабое движение в том месте, где лежала Айлия. Очевидно, на нее не наложили никаких оков, во всяком случае, — она могла двигаться. Айлия явно приходила в себя, очнувшись от бессознательного состояния, в котором пребывала так долго. Она медленно села, поворачивая голову, глаза были широко открыты. Когда я всмотрелась в нее, то поняла, что она не вполне отдает себе отчет, где находится, и с изумлением оглядывается вокруг, не понимая, как она здесь оказалась; так уже было во время наших скитаний в башенном городе.

Айлия не поднялась на ноги, а поползла на четвереньках вдоль ступени, на которой лежала. Я перевела взгляд на серого человечка у пульта — он по-прежнему сидел перед своим экраном так равнодушно, словно не видел ничего, кроме мерцающих огоньков.

Айлия добралась до угла ступеньки, обогнула его и медленно стала переползать на другую сторону. Через какое-то мгновение я потеряла ее из виду, и, может случиться, когда мне понадобится, не смогу отыскать ее. Я мысленно послала ей приказ остановиться, но даже если он настиг ее, она никак не отреагировала и исчезла из поля моего зрения, оказавшись на другой стороне помоста.

Тут я заметила, что один из серебряных усиков, выступающих из верхушки кристалла, шевельнулся вправо, так что кончик его коснулся соседнего с ним проводка, тот, в свою очередь, коснулся своего соседа, и так далее, и так далее. Мне почему-то показалось, что все эти манипуляции не предназначались для посторонних глаз. Я же никак не могла вспомнить, когда все это началось: качались ли проводки еще до того, как Айлия шевельнулась и поползла, или начали шевелиться только после ее пробуждения. Может

быть, Илэриэну удалось то, что тщетно старалась сделать я: установить контакт с разумом вапсалки, и сейчас именно он ведет ее, чтобы она помогла ему освободиться?

Две стороны помоста были от меня скрыты. Сама я сидела как раз напротив третьей, где прежде на ступени лежала Айлия, четвертая тоже была мне видна. Но если продолжать двигаться по ступеням вдоль помоста, непременно окажешься в поле зрения серого человечка за пультом, хотя вряд ли он заметит, что она проползла мимо, но вдруг...

Я напряженно ждала, когда Айлия снова появится из-за угла, но ее все не было. Мне хорошо была видна арка под главным экраном, и если бы она попыталась пройти на ту сторону, я бы заметила ее. И тогда — тогда мне нужно будет немедленно вызывать Джелиту, забыв всякую осторожность, поскольку только она одна сможет помочь мне.

Но Айлия к двери так и не подползла. Зато экран вновь покрылся рябью огней, а вслед за этим раздался довольно резкий звук, который раньше поднял серых человечков по тревоге. Я увидела, как серебряные нити на колонне зашевелились и медленно выпрямились, настолько медленно, что можно было подумать, будто на каждой из них висит очень тяжелый груз.

Через арку под экраном вновь промаршировал отряд серых человечков, одновременно откуда-то сзади меня появился Зандор. Это произошло так неожиданно, что я не успела вновь притвориться спящей. Но еще больше я испугалась, когда поняла, что серые направляются прямо ко мне и, подойдя ближе, окружают мою маленькую тюрьму с четырех сторон.

Зандор подошел медленнее, но остановился прямо передо мной; он стоял так же, как незадолго до этого стоял перед Илэриэном, уперев руки в бока, внимательно разглядывая меня. Я непроизвольно поднялась на ноги, и охранники тут же придвинулись ближе. На этот раз я встретила его пристальный взгляд со всей твердостью, на какую была способна.

Это не было похоже на состязание, где столкнулись две воли; так могло случиться, если бы передо мною стоял некто, подобный мне, как, например, про-

изошло при моей встрече с заклинателем. Сейчас было совсем другое, и я решила, что этому человеку нелегко будет подчинить меня себе. Я не стала призывать на помощь Джелиту, решив, что сделаю это в самом крайнем случае, когда уже не останется ничего другого.

Казалось, Зандор принял какое-то решение — он громко щелкнул пальцами правой руки, и один из его подчиненных обошел помост с другой стороны, затем вернулся, толкая перед собой нечто, похожее на сундук, и поставил его неподалеку. На одной его стороне виднелась узкая панель из какого-то непрозрачного материала, возможно, это был экран, он оказался прямо напротив меня.

Зандор встал за пульт, и его пальцы забегали по кнопкам, сначала спокойно, затем нетерпеливо, словно он надеялся получить ответ на весьма простой вопрос и — не получил. Он не произносил ни слова, серые человечки вокруг него молчали тоже, не выказывая решительно никакого интереса к действиям хозяина. Они просто стояли вокруг меня, как забор или решетка.

Трижды Зандор нажимал на кнопки, но лишь когда он сделал это в четвертый раз, темный экран, наконец, ожил, однако появились не шипящие огни, как на других экранах, а голубоватый мерцающий блеск.

Этот цвет! Именно такими были скалы Эскора, этот цвет означал безопасность! Даже глядя на него, я ощущала облегчение и покой. У меня было странное чувство, что если я просто положу руку на экран, мерцающий голубоватым цветом, меня это освежит и подкрепит больше, чем пища, которую я недавно съела.

Но Зандор с резким возгласом отдернул руку от вспыхнувшего экрана, словно обжегся, словно прикоснулся к огню.

Он поспешно нажал какую-то другую кнопку, и голубое свечение погасло, экран опять потемнел. Я подумала, что он, должно быть, пытался определить, есть ли у меня Дар. Довольно долго он беспорядочно и быстро нажимал какие-то кнопки, пока верхняя часть экрана не посветлела. На этот раз она просто

светилась ровным цветом, не гасла и не вспыхивала. Зандор удовлетворенно кивнул и убрал палец с кнопки, свечение сразу исчезло.

— То же самое... и все-таки не совсем. — Это были первые слова, которые он произнес. Адресовал ли он их мне или просто высказывал вслух свои мысли, как бы там ни было, я решила не отвечать. — Ты, — он снова взмахнул рукой, и один из сопровождающих убрал сундук за помост, — что ты, интересно, за штука?

Что за штука? Еще не хватало, чтобы он считал меня чем-то вроде своих дурацких машин! Я была для него просто неодушевленной вещью, а не человеком. И я почувствовала, что меня охватывает гнев, такой же, какой я видела в глазах Илэриэна. Зандор признавал в нас только Силу, способную служить его бездушным механизмам!

— Я — Каттея из Дома Трегартов! — Я вложила в ответ всю свою гордость и надменность, желая подчеркнуть, что я в большей степени человек, чем он.

Он рассмеялся, и в его издевательском смехе было столько презрения, что гнев мой вспыхнул с новой силой, но я подавила негодование, словно кто-то внутри меня отчетливо произнес: «Не давай ему играть на твоих чувствах, на этом пути тебя подстерегает опасность. Ты должна обдумывать каждый свой шаг». Я хорошо помнила эту первейшую заповедь колдуний, не раз она выручала меня, и я приказала себе смотреть на Зандора бесстрастно и равнодушно; владычицы могли бы гордиться своей ученицей в ту минуту! А может быть, мне помогла сейчас их глубокая убежденность в том, что мужчины — это низшие существа, и к ним следует относиться снисходительно. Нельзя сказать, чтобы я полностью разделяла эту сентенцию, ведь я знала своих братьев и отца, а они обладали Силой — но когда подобная мысль преподносится как аксиома с раннего детства, поневоле начинаешь считать ее истинной.

И сейчас передо мной стоял просто мужчина, во всяком случае тот, кто когда-то был мужчиной. Он не мог опереться на Дар ввиду отсутствия оного, лишь

безжизненные и бездушные машины повиновались ему, как наш дух и разум служили нам. Следовательно, он был все-таки не из тех, кто мог бы на равных соперничать с колдуньей Эсткарпа.

Однако Илэриэн, могущественный заклинатель, попался в раскинутую Зандором паутину. Очевидно, это случилось только потому, что он был не готов, и угодил в западню прежде, чем успел оценить опасность, нависшую над ним. Но я должна быть готова ко всему, я еще постою за себя.

— Каттея из Дома Трегартов! — повторил он издевательским тоном, словно передразнивая ребенка, сказавшего что-то неправильно. — А я впервые слышу такое название. Трегарты — это что: страна или клан? Впрочем, это неважно, главное, у тебя есть то, что мне нужно, и, стало быть, мы сделаем с тобой то же самое, что сделали с тем, другим, — он мотнул головой в сторону Илэриэна.

— И будет лучше для тебя, Каттея из Дома Трегартов, — снова с насмешкой передразнил он, — если ты станешь делать то, что от тебя требуется, в противном случае наказание будет столь ужасным, что смерть покажется тебе избавлением и милостью. Впрочем, можно себе представить, если ты в самом деле сродни этому, другому, упрямства тебе не занимать.

Я ничего ему не ответила, не хватало еще вступать с ним в дискуссию. Не добившись от меня ни слова, он замолчал тоже, тишина становилась невыносимой. Я была уверена, что без помощи своих машин Зандор не может прочитать мои мысли, да, по правде говоря, в глубине души я не очень-то верила в силу машин, и решила, что могу строить планы, не боясь быть подслушанной.

Казалось, что этим серым существам словесные приказы не нужны, как будто хозяин управлял ими также, как я пыталась управлять Айлией. Их отряд разделился на две части, и они промаршировали в темноту комнаты позади меня, но я не обернулась посмотреть на них, боясь даже на мгновение потерять из виду хозяина.

А он уселся возле одного из маленьких экранов, повернув скамью так, чтобы видеть меня. Зандор держался с такой сдержанностью и непринужденностью, словно нисколько не сомневался в своем превосходстве, и я не на шутку встревожилась... Ведь если он так уверен в своей власти надо мной, значит, дела мои обстоят значительно хуже, чем я себе представляла.

Что же касается Айлии, то она так и не появилась в поле моего зрения, не выползла из-за помоста и к арке под большим экраном тоже не пробиралась. По-видимому, она так и находилась где-то возле Илэриэна. А в комнате, кроме Зандора и одного из серых человечков, сейчас не было никого.

Я не стала закрывать глаза, чтобы лучше сосредоточиться, но прекрасно понимая, что более удобного момента у меня больше не будет, позвала:

— Джелита! Саймон!

Ответ пришел тотчас же, уверенный, отчетливый, я почти физически почувствовала, как их руки легли мне на плечи, защищая меня; родители, казалось, прикрыли меня щитом, преграждая путь острию меча. Я вспомнила древнее поверье: чтобы защитить человека от того, кто причиняет ему горе и страдания, колдун или колдунья должны встряхнуть плащом между жертвой и ее обидчиком. И сейчас с пронзительной явью я ощутила этот плащ между нами — мною и Зандором, я могла увидеть, пощупать его. Несмотря на то, что меня охватило чувство безопасности, я не забыла о том, где нахожусь и что нужно делать.

— Что ты хочешь? — быстро спросила мать.

— Разобраться с Зандором... сейчас!

— Возьми! — в этом слове одновременно было разрешение и приказ. В следующее мгновение я ощутила в себе столько силы, сколько не знала с тех самых дней, когда ушла с Динзилем. Все то, что я восстановила с помощью Ютты и чего добилась сама, казалось теперь слабым коптящим пламенем свечки по сравнению с этим ярким полуденным солнцем. Невероятным напряжением я сконцентрировала всю эту силу в одном мысленном приказе — это и было моим безмолвным ответом Зандору.

— Айлия!

На этот раз допустить неудачу было нельзя, и мне удалось добиться своего: моя удесятеренная сила, облеченная в приказ, достигла разума вапсалки. Я завладела им безраздельно, я заполнила его, подобно сосуду, тем содержимым, какое было необходимо мне, я внушила ей свои мысли; доведенная до отчаяния, я запрещала себе думать о том, что имею дело с живым существом, в эту минуту она была для меня лишь орудием, тем орудием, которое позволит всем нам обрести свободу.

Помню несколько мгновений странной раздвоенности, забытья, когда я удивленно оглядывалась, как будто не могла вспомнить, где нахожусь; я смотрела на Зандора, сидевшего развалясь на скамье, и на помост со ступенями и видела все это насквозь, словно тела и предметы стали вдруг прозрачными, и еще я увидела переднюю часть кристаллической колонны, как будто смотрела глазами Айлии.

Тогда я сконцентрировала свое внимание на втором видении. Я никогда еще не пробовала так управлять другим человеком, разве только в Обители Мудрейших, когда постигала азы колдовства, но то были лишь ученические упражнения, которые, к тому же, тщательно контролировались моими наставницами. На деле это оказалось настолько чудовищно, что я чувствовала душевную боль так, как если бы душа была простым органом тела; я узнала в те минуты, что ощущению власти над чужим разумом не должно быть места среди человеческих чувств. Но я преодолела эту боль и переместилась в оболочку, которая прежде звалась Айлией.

Поначалу ее тело поддавалось мне с большим трудом. Я чувствовала себя странствующим кукольником, что появлялся в праздничные дни на ярмарке, но кукольником слишком неумелым, неловко дергающим за веревочки, привязанные к рукам и ногам куклы, заставляя ее неуклюже передвигаться туда, куда было нужно.

Однако, если я действительно хочу добиться успеха, мне и нужно быть неуклюжей. Поэтому я не стала вставать на ноги, а поползла, как незадолго до

этого делала сама Айлия, направляясь туда, откуда она ушла. Если бы мне удалось оказаться на той же ступеньке, где была она, я смогла бы появиться в нужном мне месте вовремя.

Я уже не осознавала присутствия рядом с собой Саймона и Джелиты, а только ощущала силу, которую они вдохнули в меня, ее все возрастающий поток. Я передвигалась быстрее и быстрее, и каждый шаг, каждое мгновение приносили мне все больший контроль над телом Айлии, хотя до сих пор я всего-то и делала, что пыталась переместить его назад, поближе к Зандору.

Я пробралась к дальней стороне помоста и оттуда увидела Зандора, который по-прежнему сидел перед четырьмя светящимися колоннами и разглядывал стоящую там — м е н я.

Редко кому выпадает случай взглянуть на себя самого так, как видела себя в то мгновение. Однако это продолжалось недолго, ибо я почувствовала странное головокружение, пол начал уходить из-под ног, и я словно очутилась в пустом пространстве, ни здесь, ни там. Это было довольно непривычное, почти болезненное ощущение, и я поспешила перевести глаза на Зандора.

Страх полз впереди меня, и все-таки расстояние, дюйм за дюймом, сокращалось, и я не понимала только, почему хозяин до сих пор не обернулся, не обнаружил меня. Мне казалось, что скопление энергии, отчаянно толкающее меня вперед и вперед, давно должно было коснуться его, ведь несомненно же, что невидимая линия протянулась в пространстве от «меня» в прозрачной клетке до «меня», которая в оболочке Айлии передвигалась по комнате.

В конце концов я добралась до того места, где лежала Айлия, когда я увидела ее впервые, и остановилась, чтобы перевести дыхание. Если бы он обернулся сейчас, мне бы по-прежнему ничего не угрожало, но, чтобы достичь своей цели, мне нужно было оказаться у него за спиной, а для этого преодолеть большое, невероятно большое пространство. И обернись он в это время — я бы пропала.

Зандор выпрямился, и я уже съежилась от страха, но он не оглянулся, продолжая пристально вглядываться во тьму комнаты за моей (той, которая сидела в клетке с колоннами) спиной. Там возникла какая-то суматоха, похоже, возвращались его серые слуги. Вдруг он встал и подошел прямо к прозрачной клетке. Догадается ли он, что в оболочке моего тела на самом деле не было меня? Все зависело от того, есть у него Дар или нет, ибо любой колдун понял бы это мгновенно. Но Зандор, казалось, ничего не заподозрил.

Теперь мне осталось проделать путь вдоль ступени, подняться на ноги и оказаться позади него, и самое главное, чтобы он ни разу не обернулся за это время. Сейчас успех зависел от того, смогу ли я правильно все рассчитать. Я отдала приказ спящему разуму вапсалки, объяснив, что должна она будет сделать в нужную минуту.

Затем я вернулась в свою оболочку и крепче сжала в руках жезл. Серые существа оказались в поле моего зрения. Все они, кто в одиночку, кто вдвоем с соседом, несли какие-то предметы, а Зандор разбирал и сортировал их, причем некоторые складывал по одну сторону помоста, а другие оставлял здесь, возле меня.

Чутье подсказало мне, что в запасе у меня будет лишь несколько мгновений, на одно-два биения сердца, не больше, и я должна быть готова к этому. Я ждала. Я видела, как Айлия поднялась на помосте; глаза ее были широко открыты, взгляд остановился на мне, и мысленный контакт убедил меня, что моя последняя команда прочно засела в ее голове и она непременно выполнит свою роль.

Зандор подошел и вновь остановился передо мной.

— Теперь, моя Каттея из Дома Трегартов, — насмешливо произнес он, — я имею право называть тебя моей, поскольку ты будешь выполнять мои желания отныне, с этого часа, и навсегда. Но пусть тебя не огорчает подобная судьба. Напротив, надеюсь, ты будешь ежечасно благодарить меня, ибо сможешь постичь мою мудрость, Каттея из Дома Трегартов.

Очевидно, он отдал один из безмолвных приказов своим подчиненным, потому что те начали быстро

раскрывать коробки и сундуки и выкладывать на углу помоста светящийся круг.

Зандору доставляло истинное удовольствие объяснять мне, что именно они делают; прежде всего он хотел дать мне понять, что мне не удастся избежать своей участи, он исполнит все, что задумал, и говорил он об этом с гордостью. Очевидно, он слишком долго жил один, и рядом с ним не было никого, равного ему по уму, ведь серые существа не могли быть его товарищами, это — просто слуги, ему нужны были их руки и ноги, а не разум.

Не оставалось никаких сомнений, что он намерен упрятать меня в такую же колонну, в какую заключил Илэриэна. Оказавшись в заточении, я вынуждена буду выполнять волю Зандора, и мой Дар сделает его драгоценные машины еще более сильными и могущественными. Кажется, он был совершенно уверен, что, коль скоро он все объяснил мне, я не стану сопротивляться и покорно дам перевести себя в клетку на помосте, которая станет отныне моим постоянным жилищем, ведь я, по его мнению, не могла не понимать, что помощи ждать неоткуда и остается лишь смириться с неизбежным.

По-видимому, война между башнями и подземельем велась так давно, что уже никто и не помнил, когда она началась, и Зандору трудно было себе представить, что может существовать другая жизнь. Он думал только о том, как укрепить свое могущество, и если уж судьба дала ему в руки дополнительное оружие (а им оказалась я), он, конечно же, не мог отказаться от него.

Его подручные работали четко и без лишних движений, они знали свою задачу и ни в каких указаниях не нуждались. Установив круг на уровне помоста, они подтащили к нему какой-то незнакомый мне аппарат.

Когда они закончили работу и отошли, я тоже была готова. Для того чтобы перевести меня на помост, им придется все-таки убрать невидимые стены, что окружали меня сейчас. Понимая, что в моем распоряжении будут считанные секунды, я переложила жезл в правую руку и вся собралась, превратившись в один

комок энергии. При этом внешне я старалась казаться запуганной и сломленной, чтобы у Зандора сложилось впечатление, будто я полностью подчинилась ему.

Конечно, он тоже понимал, что нужно действовать быстро и неожиданно, дабы исключить какую бы то ни было попытку бегства. Светящиеся колонны, среди которых я стояла, вдруг погасли безо всякого его знака, однако меня невозможно было застать врасплох.

Я не отпрыгнула прочь, как он, может быть, ожидал, но резким броском швырнула жезл вапсалке и с радостью увидела, что она поймала его. Не теряя ни минуты, Айлия повернулась, вспрыгнула на последнюю, самую верхнюю ступень помоста и ткнула жезлом в колонну, где находился Илэриэн, так, словно пыталась пронзить тело врага.

Очевидно, все происшедшее было для Зандора полной неожиданностью. Он был настолько уверен в своей неуязвимости, что сама возможность подобного сговора между мною и заклинателем не приходила ему в голову, вдобавок, все случилось настолько стремительно, что он не успел ничего предпринять. Я думаю, несколько столетий абсолютной, безраздельной власти над этим миром сделали его слишком самоуверенным; он не сомневался, что владычество его безгранично, сопротивление невозможно, и поэтому не мог предвидеть того, что произошло.

Прикосновение колдовского жезла разрушило колонну, и вслед за этим над нашими незащищенными головами разразился такой невообразимый ураган, какой могла вызвать только могущественная владычица.

Вспышки холодного света слепили, обжигая глаза, грохот, напоминавший гром, но звучавший с удесятеренной силой, обрушился на нас и оглушил, кругом клубился едкий, удушливый дым.

Я пришла в себя и бросилась к арке под большим экраном, услышав позади крик Зандора. Серые существа метались среди ослепительных вспышек и зловонного чада, заполнившего подземелье. Потом я увидела, как на пол сверху падают огненные черви — они корчились, словно живые существа. Я отпрыгнула назад и достигла передней части помоста.

— Айлия! — Я послала ей мысленный призыв, и она, спотыкаясь на каждом шагу, добралась до меня. Мне не было нужды звать Илэриэна — он уже бежал к арке, он был свободен, он, потерявший свободу в незапамятные времена. В руке он держал свой жезл и, размахивая им, разгонял во все стороны огненных змей, ползущих за нами. Атаковал ли он Зандора и его серых прислужников, я не видела, потому что удушливый желтый туман вызвал раздирающий внутренности кашель, и глаза слезились. Однако в то же время эта плотная завеса хорошо скрывала нас от преследователей.

Илэриэн взглянул на меня, и я смогла прочесть в его глазах все, что он чувствовал в этот победный миг. Однако заклинатель не потерял от счастья рассудка; свободной рукой он указывал нам на проход под большим экраном, и я доверилась ему, полагая, что он лучше знает подземелье.

По ту сторону экрана нас встретила первая шеренга серых человечков. В руках они держали огненные трубки — я уже видела такие однажды у тех, кто вскрывал машины в башне, и помнила, с какой легкостью такая трубка разрезала металл. Я призвала к себе силу, способную вызвать наваждение. То, что получилось, было сделано, конечно, наспех и несовершенно, но большего сейчас и не требовалось. Айлия, шедшая справа от меня, приняла облик Зандора. Увидев рядом с нами своего хозяина, серые человечки, хотя и не побросали своих трубок, но опустили их, дав нам свободно пройти.

Мы оказались на площадке прямо под карнизом и, повинуясь взмаху руки Илэриэна, остановились на ней. Подчиняясь ему, площадка начала подниматься и перенесла нас на более высокий уровень, и, как оказалось, вовремя. Серые существа, вероятно, поняли свою ошибку, а может, увидели настоящего Зандора, так или иначе — они подожгли то место, где мы находились за несколько мгновений до этого. Огненные тропинки метались взад и вперед по плитам пола, я видела сверху, как дымная завеса проникает под экраном и на эту половину

помещения, слышала неистовство урагана, вызванного освобождением Илэриэна.

— Хорошо, колдунья, — это были первые слова, которые он произнес. — Но мы еще не свободны. Только не думай, что Зандором управлять так же легко, как этой девочкой, которая выполняла твою волю.

— Я знаю, недооценивать врага нельзя, — ответила я ему, — и помощь идет.

— Так! — Было совершенно очевидно, что последние слова испугали его. — Значит, вы прошли через эти Ворота не вдвоем? С вами был еще кто-то?

— Я не одна, — сказала я, ничего больше не поясняя. Теперь Илэриэн был нашим орудием, как раньше была орудием Айлия, к тому же я до конца не доверяла ему. Только тогда, когда рядом со мною будут отец и мать, я, наверное, осмелюсь потребовать от него ответа... на один очень важный вопрос, что с самого начала не дает мне покоя. Некоторые из Великих возвращались в Эскор, призванные Тьмой. Может быть, Илэриэн тоже заражен этим, хотя было не похоже, чтобы он принадлежал темным силам. Впрочем, однажды я уже больно обожглась, доверившись Динзилю — он ведь казался другом даже обитателям Зеленой Долины, а в действительности предстал страшным и коварным врагом. Такова была реальность войны в Эскоре, и она научила меня осторожности, научила не принимать желаемое за действительное, тем более при встрече с человеком, обладающим Силой.

Однако общая опасность может временно объединить даже недругов, в чем я могла уже убедиться. А дальше? Предположим, Илэриэн проведет нас через Ворота, которые открыл в незапамятные времена, и сам войдет в Эскор, а там окажется, что он — один из тех, из прислужников Тьмы. Нет, нам придется быть все время настороже, пока мы не выясним все точно. Вопрос только в том, как это узнать?

14

Мы стояли перед прочной монолитной стеной, и я вспомнила, что, когда входила сюда, она сначала расступилась, а потом плотно сомкнулась за моей спиной. Может быть, здесь есть какой-нибудь другой путь, который не контролируют машины Зандора: у нас ведь не было оружия, стреляющего огнем, какое имелось у наших преследователей. Им понадобится не так много времени, чтобы добраться до нас, и тогда свобода будет навсегда потеряна, а мы рассыплемся в пепел.

Но Илэриэну были не ведомы сомнения. Он приблизился к стене, хотя я заметила, что двигался он медленно, но не от страха, а так, словно долгое пребывание в заточении сковало холодом, довело до окоченения его тело. Да, мышцы слушались его еще плохо, однако Дар по-прежнему служил ему. Как и Айлия незадолго до этого, он держал свой жезл наперевес, словно копье, наставленное на противника; он ткнул концом жезла в стену, туда, где виднелась слаборазличимая линия — видимо, здесь, по этой черте, стена раздвигалась.

Я стояла на некотором расстоянии от Илэриэна, и все равно ясно ощутила поток волевой энергии, исходившей от него в эту минуту. На конце жезла появилась голубоватая искра, она коснулась линии в стене и скользнула вдоль нее сначала вниз, затем вверх. Вдруг плиты пола задрожали, и стена неохотно расступилась, оставляя нам узкий темный проход. Я протолкнула Айлию, сама последовала за ней, а Илэриэн, по-прежнему держа жезл наперевес, прошел последним.

Мы оказались в том самом темном коридоре, по которому я ощупью пробиралась сюда когда-то, как мне казалось, очень давно. В узкой полоске света, струящегося из расщелины в стене, я разглядела Илэриэна, который опять собирался прикоснуться к двери кончиком жезла. На ней вновь мелькнул голубоватый отблеск, и дверь стала закрываться так же медленно и неохотно, как открылась. И когда осталась щель толщиной с палец, я вдруг снова увидела

голубую вспышку, на этот раз не у поверхности двери, а на полу; потом заклинатель провел жезлом черту вверху над входом.

— Не думаю, что им удастся взломать ее очень быстро, — в его голосе слышалось удовлетворение, но я уловила и еще кое-что: он делал большие паузы между словами, глотал звуки. Мне доводилось наблюдать такое у людей, которые находились на пределе возможностей, на грани истощения, физического и духовного.

— Каттея? — позвал он. В темноте я его совсем не видела.

— Я здесь, — быстро отозвалась я, мне почему-то показалось, что он нуждается в моей поддержке и помощи. Его состояние меня весьма обеспокоило; судя по всему, борьба, которую он вел за свою, а стало быть, и за нашу свободу, беспредельно изнурила его, лишила сил.

— Мы... должны... добраться... до... поверхности... — паузы стали еще отчетливее, и теперь я явственно слышала тяжелое, свистящее дыхание — он задыхался, словно только что на большой скорости одолел крутой подъем. Я вытянула руку и прикоснулась к этой теплой голубой искре, которая еще светилась на кончике жезла, и тут же почувствовала, что пальцы мои попали в плен — их сжали, не больно, но довольно сильно. Немедленно я ощутила головокружение и слабость, словно силы мои постепенно перетекали к нему.

— Нет! — Я хотела высвободиться из этого плена, я была такой слабой, каким казался мне до этого момента он сам, но он не выпускал моих пальцев.

— Да! Да! — В его словах я слышала гораздо больше силы и энергии. — Моя маленькая колдунья, не забывай, что мы еще не выбрались из этой западни, и, возможно, наша первая схватка будет далеко не последней. Мне нужны силы, я должен получить то, что ты даешь мне; ты не знаешь здешних ловушек, как их знаю я; вспомни, я и сам долгие века был одной из таких ловушек, хотя и не по своей воле. Я был слишком долго заперт в этой тюрьме и, конечно же, отвык ходить и владеть оружием. Если ты и в

самом деле хочешь быть свободной от Зандора, ты отдашь то, что мне нужно.

— Но машины... пожар... — продолжала сопротивляться я, вспоминая ураган, поднявшийся в подземелье.

— Не такой уж это сильный удар; нечто подобное было много лет назад, у Зандора есть возможность все это починить, и довольно быстро, а он, конечно не замедлит вновь запустить свои механизмы. Не забывай, Каттея, само это место создано, чтобы вести войну, и я не думаю, чтобы ты вполне представляла себе, какая это война, моя очаровательная колдунья. Такой войны никогда не видела ни ты сама, ни кто-либо из твоих близких. Здесь очень много ловушек, и, уверяю тебя, большинство из них уже поджидают нас. Зандор позаботится об этом еще прежде, чем починит свои машины. Поэтому не противься, отдай мне свою силу, ибо нам нужно спешить.

Вспомнив свой долгий спуск по крутой лестнице на пути сюда, я засомневалась, сможем ли мы теперь подняться наверх. Айлия шла довольно бодро, не жалуясь на усталость, но все-таки ее нужно было вести за собой, я уже потеряла контроль над ее сознанием.

— Отдай ему то, в чем он нуждается, — раздался у меня в голове голос матери. — Напитай его, а мы напитаем тебя! Он говорит правду: время работает против нас, оно идет тяжелой поступью и грозит нам.

Больше не сопротивляясь, я оставила свою руку в его, и мы пошли по мрачному пустынному коридору, и я физически ощущала, как моя энергия вытекает из меня, а он впитывает ее, словно губка впитывает влагу. Но я не испытывала слабости, Саймон и Джелита пришли мне на помощь, питая меня своей силой, не позволяя мне обессилеть, чего я так боялась. И мне очень хотелось знать намерения Илэриэна, что он действительно собирается сделать с Айлией и со мной — почему-то мое недоверие к нему росло с каждым шагом.

Мы добрались, наконец, до начала крутого, долгого подъема, но колдун не повернул к лестнице. Вместо этого, в полутьме (потому что луны над нами не было, виднелось лишь закрытое тучами небо, очень да-

лекое, серое и враждебное) он снова взмахнул своим жезлом, наставив его на ту часть колодца, которая, как казалось, была прикрыта чем-то вроде крышки.

Очень медленно, но послушно, этот странный предмет стал опускаться, и когда он оказался достаточно близко, я узнала платформу, на которой перевозились вверх и вниз те страшные железные гусеницы. Она двигалась очень медленно, и Илэриэн был этим весьма обеспокоен, хотя не произнес ни слова. Он поворачивал голову то направо, то налево, словно к чему-то прислушивался. Я слышала только какое-то жужжание, ощущала вибрацию, подобную той, в башне, но никакого другого шума не различала, вроде бы никто не крался за нами в темноте. Я безумно стремилась вперед, хотела оказаться как можно дальше отсюда и предпочла бы, наверное, снова тот извилистый путь по лестнице, если бы не зависимость от познаний Илэриэна, от его уверенности, что он избрал лучший и наилегчайший путь — это удерживало меня на месте.

Платформа, наконец, достигла дна колодца, и мы все трое вскарабкались на нее. Она сразу начала подниматься, к счастью, несколько быстрее, чем опускалась, и я почувствовала некоторое облегчение. Как только мы окажемся на поверхности, все будет намного проще, здесь в окрестностях можно легко найти укрытие...

Но нам не удалось достичь поверхности; платформа неожиданно остановилась, причем гораздо ниже того места, откуда можно было как-то выбраться на землю. Какое-то время я еще надеялась, что остановка временная, и мы двинемся снова, и тут увидела, что Илэриэн касается жезлом самого центра плиты под нашими ногами. На этот раз голубая искра на конце жезла появилась еще до того, как он прикоснулся к поверхности. Илэриэн попытался снова, и было видно, каких усилий ему это стоит, но маленький, едва заметный огонек, быстро вспыхнув, тут же погас, а с места мы не сдвинулись. Заклинатель повернулся ко мне:

— Есть только один выход, — сказал он бесстрастно и твердо. — Именно его я предпочту всему остальному. Советую и вам сделать то же самое.

— Сделать что?

— Прыгать. — Он показал в колодец. — Это лучше, чем быть захваченными живыми.

— Ты ничего не можешь?

— Я же говорил тебе, здесь все напичкано ловушками, сейчас мы как раз в такой вот ловушке, и у нас есть возможность дождаться Зандора и полюбоваться его довольным лицом. Надо прыгать теперь — пока он не добрался сюда.

Сказав это, Илэриэн собрался уже выполнить то, о чем сказал, но я вцепилась в него, и слабость его в ту минуту была так велика, что, хотя он был значительно крупнее и в обычном состоянии гораздо сильнее, он покачнулся от моей хватки и чуть не упал — моего рывка хватило, чтобы он потерял равновесие.

— Нет! — закричала я.

— А я говорю «да»! Я не хочу снова превратиться в вещь!

— Нам обязательно помогут, — крикнула я, оттаскивая его назад, к середине платформы, уже получив ответ на свой призыв.

Хотя я не могла сказать точно, как помогут нам мои родители, я верила, что они придут на помощь.

— Это безумие, — пробормотал он, и голова его бессильно упала на грудь; он покачнулся, почти падая на меня, словно в этот самый миг последняя капля силы покинула его. Я сама не могла устоять на ногах под тяжестью его безвольно поникшего тела и опустилась на пол. Я села, поддерживая Илэриэна рукой и плечом, с другой стороны присела Айлия. Край колодца дразнил меня своей недоступностью, я, не спуская глаз, смотрела на него.

Какие ловушки Зандор мог устроить наверху, я не знала и начала побаиваться, не оказалось бы их так много, что преодолеть все не удастся и нам не спастись. А может, Илэриэн прав, и то, что он предлагал, хотя это и страшно, было все же наилучшим выходом? Как сказала моя мать, время — наш главный враг.

И это самое время, как всегда бывает в моменты величайшего напряжения, ползло медленней медленного на своих свинцовых неповоротливых ногах, а мне оставалось только смотреть на край колодца и

ждать, ждать, я и сама уже не знала, чего жду. Еще я прислушивалась к звукам на дне колодца, и время от времени с тревогой поглядывала на стены вокруг, проверяя, не спускаемся ли мы обратно, повинуясь приказу Зандора. Расстояние, на которое мы успели подняться, я чувствовала это — было единственным нашим спасением, потеряв его, мы потеряем все.

И тут я уловила наверху какое-то движение. Похолодев от ужаса, я ждала, кто или что появится сейчас над колодцем и увидит нас. Немного прояснилось, свет был уже не такой тусклый, как раньше. Может быть, мы вышли к колодцу рано утром, а теперь наступил день? По крайней мере, я смогла разглядеть, что спускается к нам с края колодца, ударяясь о стену с резким металлическим звоном, и мне страстно хотелось приказать этому предмету перемещаться тише, чтобы не спугнуть тех, кто мог сидеть в засаде внизу.

Спускалось к нам не что иное, как лестница, похожая на цепь, — такие используют при спусках в пещеры. Когда эта лестница коснулась поверхности платформы, я услышала голос матери:

— Поднимайтесь, быстрее!

— Айлия! — Впервые за все это время я послала ей мысленный приказ. Она тут же поднялась и, не задавая ни единого вопроса, подошла к лестнице и начала карабкаться вверх.

— Прекрасно! — одобрила Джелита. — А теперь надо помочь заклинателю.

Я уже сделала это однажды, но на этот раз не моя собственная сила, а сила тех, кто стоял наверху, наполнила его живительной энергией. Илэриэн, освободившись из моих рук, сам медленно встал на ноги.

— Лестница... — Я подвела его к ней. Но как только его рука уцепилась за цепь, он почувствовал прилив сил и стал карабкаться уверенно и ровно, хотя и гораздо медленнее, чем мне хотелось бы, терпение мое было на исходе.

Как только он оказался выше моей головы, я в свою очередь тоже уцепилась руками и ногами, чтобы начать, наконец, подъем. Мне оставалось только надеяться, что цепь выдержит троих, потому что Айлия,

хотя и поднималась не останавливаясь, была еще довольно далеко от края.

— Держитесь крепче! — Команда матери прозвучала в третий раз, и я вцепилась в лестницу, а она закачалась так, словно эту жесткую и одновременно податливую цепь, по которой мы все карабкались, кто-то поднимал вверх.

И вдруг снизу раздался резкий, скрипучий звук. Я опустила глаза, вглядываясь в глубину колодца, на нашу застрявшую платформу. Нужели это она поднимается так быстро? Нет, платформа опускалась, утопая в черном мраке, и внизу ее, несомненно, поджидал Зандор со своим отрядом. Мы успели как раз вовремя.

Мы поднимались все выше и выше. Я быстро поняла, что мне лучше не смотреть вверх и, конечно же, ни в коем случае нельзя смотреть вниз, надо просто ползти, вцепившись как можно крепче в эту раскачивающуюся цепь, и надеяться, что нас успеют вытащить — только так и можно было ослабить страх, и я словно уговаривала саму себя. Наконец, наш подъем кончился, и мы все трое друг за другом очутились на земле, под серым облачным небом.

И тут впервые за долгие годы я увидела перед собою тех, кто произвел меня на свет. Моя мать выглядела совершенно такой же, какой явилась передо мной в мысленном изображении, а вот Саймона Трегарта я не видела так давно, что почти уже и не помнила. Он стоял здесь же, рядом с нею, шлема на его голове не было, но плечи и грудь были закрыты кольчугой из Эсткарпа. Он тоже выглядел довольно молодо — обыкновенный человек среднего возраста, но на лице его можно было прочесть столько усталости и терпения, что не оставалось сомнений, жизнь сурово обошлась с ним. Он был черноволос, как и люди древней расы, но черты лица были резкими и даже немного грубоватыми. А вот глаза казались незнакомыми — незнакомыми мне — они были широко раскрыты и напряженно смотрели на собеседника. Сейчас он смотрел так на меня.

Наша встреча была сдержанной и немного натянутой, несмотря на то, что передо мною стояли мои

мать и отец. Ребенком я не была особенно близка к ним, они все время находились на границе, выполняя свой долг, и почти совсем не уделяли внимания нам, детям. После нашего рождения мать очень тяжело и долго болела, и, как однажды заметил Кемок, очевидно, это и вызвало нелюбовь к нам отца.

Анхорта из поселения сокольничьих стала нашей настоящей матерью, а не Джелита Трегарт. Наверное поэтому сейчас я испытывала смущение, какую-то отчужденность и не спешила раскрыть объятия моим вновь обретенным родителям.

Отец вскинул руку в жесте, похожем на приветствие, и тут же показал туда, где стояла одна из тех страшных железных гусениц, что я видела ночью, когда искала Айлию.

— Залезайте! — подгонял он нас, а сам задержался лишь для того, чтобы свернуть свисающую в колодец лестницу, и, перебросив ее через плечо, пошел следом. В боку железной машины зияло отверстие, куда все мы по очереди и забрались.

Внутри было очень тесно и душно. Отец захлопнул за нами двери, а сам прошел вперед и сел на скамью, стоящую перед доской с рычагами, похожей на те, какие я видела у экранов в подземелье. Справа от него оставалось еще одно свободное место, его заняла моя мать, но она, не глядя на эту доску, сразу повернулась лицом к нам, сидящим возле самой двери.

— Нужно как можно быстрее уйти отсюда, — сказала она. — Каттея, и ты, заклинатель, мы должны объединиться, нам предстоит много работы. Враги идут по нашему следу, а мы пока не можем дать им отпор, у нас еще слишком мало сил, но можем защититься.

В полутьме этого тесного пространства я видела, что Илэриэн кивнул в ответ. Один конец своего жезла он стиснул в руках, а другим коснулся скамьи, на которой сидела Джелита, левую руку он протянул мне.

Когда мы все трое, Джелита, Илэриэн и я, соединили свои силы, мать вложила пальцы свободной руки в ладонь отца. Теперь разум каждого трудился над одной задачей, хотя что касается Илэриэна и меня, то мы сейчас мало что могли, разве только предо-

ставить в распоряжение моих родителей нашу силу, полностью доверяя им наши жизни и судьбу. Я не знаю, что делалось снаружи, по крайней мере, на нас пока никто не нападал, и я подумала, что родители, возможно, собрав наши силы, создают видимость, будто машина движется совсем в другом направлении, чем на самом деле.

В передней части машины был установлен экран, сейчас на нем появилось изображение котлована, от которого мы удалялись, так что хотя щели были слишком узки, чтобы что-то увидеть в них, мы все же имели представление о местности, по которой передвигались.

Когда я впервые оказалась здесь, в этом мире, следуя за Айлией — трудно даже сказать, как давно это случилось! — я была так поглощена тем, чтобы не потерять ее из виду, что почти ничего не замечала вокруг. Теперь на экране я видела землю, изрезанную следами машин, расходившимися от колодца, откуда мы выбрались. Но вскоре мы повернули, и машина направилась к какой-то насыпи, которую я не сразу и разглядела. Не оставляем ли мы слишком явных следов, по которым нас легко будет разыскать? Впрочем, Саймон с Джелитой знали, что делали, а мне оставалось только напрягать свой разум, чтобы хоть немного помочь им.

У отца моего была репутация хитрого и изобретательного воина, любое безнадежное дело он заканчивал успешно. Так было, например, когда он буквально голыми руками боролся против кольдеров и сумел победить их. И поэтому можно было не сомневаться — он знает, что надо делать, даже если со стороны могло показаться, что в его действиях нет логики.

Айлия вновь погрузилась то ли в сон, то ли в беспамятство, в каком я застала ее в подземелье, когда она лежала на ступенях между мною и Илэриэном. Заклинатель неподвижно сидел, прислонившись спиной к стене кабины. Глаза его были закрыты, а черты лица искажены таким же напряжением, какое я видела на лице моего отца; хватка его — я чувствовала, как он держит мою руку — была крепкой и сильной.

В том, что мы можем рассчитывать на его помощь в этой стране, напичканной ловушками, я не сомневалась, потому что для него неудача означала еще более страшное поражение, нежели для нас всех. Но что произойдет, если мы все-таки пройдем через Ворота и окажемся в Эскоре? Не случится ли так, что его появление принесет моим братьям и другим обитателям Зеленой Долины страшную опасность, какой они не смогут противостоять?

У меня не было ни кристаллического шара для предвидения, ни Юттиной доски, чтобы попытаться предсказать вероятное будущее — «вероятное», потому что с полной уверенностью будущее не может предсказать никто, даже самая могущественная владычица.

В конце концов я решила, что следует переговорить обо всем наедине с матерью и не доверять мысленному контакту, который Илэриэн легко может перехватить. Да, мне нужна помощь родителей, чтобы выяснить, не принесем ли мы в свой мир новую опасность. До того момента Илэриэн, конечно нам необходим: он один может найти Ворота и открыть их снова. Я не думала, что мне самой удалось бы отыскать то место, где мы оказались, впервые попав сюда; возможно, что, предельно сосредоточившись, я могла бы устремиться на поиски — подобные нарушения структуры времени и пространства должны оставлять особый «дух», и человек, обладающий Даром, способен ощутить его.

Путешествовать в этой железной коробке оказалось совсем непросто — нас трясло и раскачивало так, словно мы находились на спине настоящей гусеницы, пол под нами ходил ходуном. Вдобавок, мы были совершенно оглушены грохотом и скрежетом, машина пульсировала, словно живой организм, а едкий воздух, поступающий сюда из внешнего мира, казался еще отвратительнее, смешиваясь с удушливым дымом, вырабатываемым двигателями. Но приходилось не обращать внимания на все эти неудобства, сосредоточившись лишь на том, чтобы собрать энергию, необходимую для обмана преследователей.

На экране появились развалины строений, окружающие котлован. Сейчас они показались мне более величественными и достойными внимания, чем раньше, когда я проходила здесь. Когда-то здесь, видимо, был такой большой город, что по сравнению с ним Карс или Эс казались всего лишь деревушками.

Мы продолжали двигаться по извилистому пути, видя на экране опустошенную, безжизненную землю. Помоему, скорость нашего передвижения была не больше скорости быстро идущего человека, и я подумала, что наше бегство было бы успешнее, если бы мы шли на своих собственных ногах, а не тряслись в этой зловонной коробке, подпрыгивающей и дребезжащей, кое-как ползущей по изрытой, вздыбленной земле.

Неожиданно мы резко остановились. Мгновением позже я увидела то, что, должно быть, встревожило моего отца: на верхушке разрушенной стены возникло какое-то движение. Но это был не человек, нет, а какая-то черная трубка, которая направила свое зияющее жерло прямо на нас. Отец встал на свою скамью ногами, и его голова и плечи исчезли в отверстии наверху. Что он сделал, я, конечно, не поняла, лишь увидела огненную вспышку во весь экран. После этого огненного удара, направленного на трубку, угрожавшую нам, она начала светиться сначала тусклым красным цветом, затем все ярче и ярче.

В то же мгновение наша железная крепость стала быстро удаляться от этого места, раскачиваясь из стороны в сторону. Но прошло несколько долгих минут, пока отец вновь опустился на свое место и стал наблюдать за экраном.

— Автоматическое орудие, — произнес он. — Его не собьет с толку никакое наваждение. Я думаю, оно установлено так, что стреляет по любому движущемуся предмету, если не получит ответ на определенные позывные.

В том мире, где родился отец, ему приходилось встречать подобное оружие, и здесь, в этой кошмарной стране, он был готов вести войну такими противоестественными средствами.

— Есть еще что-нибудь? — спросила мать.

Я услышала, что отец зловеще рассмеялся.

— Ловушки на то и есть ловушки, что не показываются до поры до времени. Во всяком случае, я не сомневаюсь, что здесь их предостаточно.

Мы продолжали продвигаться вперед, а я с большим вниманием вглядывалась в экран, стараясь уловить малейший намек на движение. Мы обнаружили еще двух железных часовых, подобных первому, и тоже уничтожили их, вернее, не мы, конечно, а мой отец.

Руины огромного города остались позади, и мы вышли на открытое пространство, чего отец и добивался. На засыпанной пеплом земле лишь изредка встречались чахлые высохшие травинки, или совсем мертвые, или, что было еще неприятнее, до отвращения уродливые.

Казалось, путешествию нашему не будет конца. Закрытое облаками небо стало темнеть. Кроме того, очень хотелось есть, а еще сильнее — пить, но все припасы, взятые мною из башни, остались в подземелье, ведь при бегстве было не до них.

Вскоре мы остановились, и мать дала каждому из нас выпить по несколько глотков воды; затем мы поели сушеного мяса с довольно неприятным запахом, впрочем, жевать и глотать его было можно, а главное — оно принесло насыщение и придало сил. Отец сидел на скамье, откинувшись назад, но при этом не убирал рук от доски с рычагами, лицо его посерело от усталости. Продолжая наблюдать за экраном, он так и не позволил себе расслабиться и был готов ко всяким неожиданностям.

Джелита повернулась к Илэриэну. «Мы ищем твои Ворота, — прямо сказала она. — Их можно найти?»

Он поднес к губам сосуд с водой и глотал не торопясь, словно растягивая время, чтобы собраться с мыслями и принять решение. Заговорив, он не ответил на ее вопрос, а задал свой: «Ты колдунья?»

— Была когда-то, потом избрала другой путь. — Она наклонилась вперед, внимательно разглядывая лицо заклинателя.

— Но ты ведь не потеряла то, что имела прежде, — сказал он, не спрашивая, а утверждая.

— Я нашла больше! — В голосе матери слышались гордость и торжество.

— Кто бы ты ни была, — задумчиво произнес Илэриэн, — ты понимаешь сущность Ворот.

— Да, и я также знаю, что ты сам создал Ворота, которые мы сейчас хотим найти. Мы очень давно разыскиваем тебя, по некоторым признакам мы догадывались, где ты находишься. Но ты не одной с нами природы, это мешало нам достичь тебя. Однако это удалось Каттее, и она привела нас к тебе. Раз ты создал эти Ворота, значит, можешь управлять ими.

— Могу? Я не узнаю этого, пока не попробую. Когда-то я уверенно мог сказать «да», но сейчас я искалечен машинами и не знаю, что осталось от моего Дара. Может быть, я оставил всю Силу в подземелье и Ворота не подчинятся мне.

— Все так, но это на одной чаше весов, — согласно кивнула Джелита. — Есть еще и другая, и мы не знаем, что лежит на ней и что в конечном итоге перетянет. Ты был настоящим колдуном, иначе не смог бы открыть эти Ворота. Я думаю, долгое пленение — это твое несчастье, но не конец. Так можешь ты привести нас к Воротам?

Он перевел глаза с нее на свой жезл, повертел его, рассматривая со всех сторон, словно в руку ему попало нечто совершенно невиданное и незнакомое, и он никак не мог понять, что это такое.

— Даже это, — произнес он тихо. — Сейчас я не уверен. Одно знаю твердо — я не смогу быть вашим проводником, находясь в этой машине; следы чужой Силы неистребимы...

— Но если мы выйдем отсюда, — впервые вступил в разговор отец, — мы будем совершенно беззащитны, как в шторм в открытом море. Эта машина защищает нас, здесь мы словно в движущейся крепости.

— Вы спросили меня, — Илэриэн нетерпеливо пожал плечами, — я ответил, и я говорю вам правду. Если вы хотите добраться до Ворот, мы должны выйти из этой коробки, придется выдержать шторм!

— А может быть, ты один выйдешь наружу, — начала я, — и отыскав нужное направление, вернешься?

Отец и мать внимательно взглянули на Илэриэна. Он продолжал вертеть в руках жезл, молчание становилось тягостным. Наконец он ответил:

— Может быть, но это тяжелое искушение, — в его голосе звучала такая неуверенность и усталость, что я вдруг подумала — любая задача, которую он попытается решить, может надломить его. Однако через минуту Илэриэн сказал, на этот раз обращаясь прямо к моему отцу:

— Более удобного случая нам не представится. Не сидеть же здесь и ждать, пока Зандор отправится по нашему следу. А у тех, что в башнях, тоже есть свои тайны, и будь уверен, они, обнаружив, не пожалеют нас и сумеют расправиться с нами не хуже, чем те, из подземелья. Ты катаешься на этих зандоровских штуках, у тех есть летающие машины, они поражают молниями.

Мы все вместе выбрались из нашей железной крепости и стояли, с отчаянием разглядывая местность, раскинувшуюся вокруг.

15

Скудные останки растительности казались безжизненнее под ночным небом. Луна, такая яркая и полная в ту ночь, когда я спускалась в колодец, теперь пошла на убыль. Впрочем было достаточно светло, чтобы разглядеть, что же находилось вокруг нас. Отец велел нам оставаться на месте, а сам бесшумно пропал — так бесшумно и быстро, что я даже не могу подобрать подходящих слов, чтобы описать его стремительное исчезновение в ночи, он словно растворился в ней, слился с местностью, пронзил темноту, как стрела пронзает звериную шкуру — вновь ему пригодились навыки Хранителя Границы. Как только он скрылся, Джелита заговорила:

— Кажется, здесь нам ничто не угрожает. Куда идти? — спросила она Илэриэна.

Он поднял голову: я увидела, как расширенные ноздри его затрепетали, будто у гончей собаки, почуявшей след. Он поднял свой жезл и коснулся им лба,

вернее, переносицы, по-видимому, для того, чтобы лучше видеть, видеть внутренним зрением, ведь то, что видят глаза — поверхностно и неглубоко.

Жезл качнулся, указывая вправо, туда, где стояли мы. Илэриэн открыл глаза, и теперь мы увидели в них вспышку жизни, словно что-то открылось ему.

— Там! — Он произнес это так уверенно и торжественно, что не оставалось никаких сомнений — он будет нашим проводником в этой занесенной пеплом пустыне.

Когда отец вернулся, а вернулся он довольно быстро (я думаю, это мать послала ему сигнал), Илэриэн указал ему направление, и он, забравшись в махину, решил проехать немного в ту сторону, чтобы разведать путь.

Однако мы решили, что, пока есть возможность, всем нам следует отдохнуть. Я спала без сновидений, а когда проснулась, луна уже скрылась, но небо было так плотно затянуто облаками, что тусклый свет едва достигал земли. Мы снова очень скудно поели и выпили немного воды, экономя ее — неизвестно было, когда еще удастся пополнить запасы.

Мы снова отправились в путь, но уже в направлении, указанном Илэриэном. Не прошло и часа, как отец резко развернул машину, и она, сильно раскачиваясь на ходу, направилась к выступу под скалой, казавшемуся хорошим укрытием. С доски, на которой размещались рычаги управления, раздалось громкое жужжание, и отец торопливо стал нажимать кнопки и переводить рычаги. Пульсация прекратилась, машина замерла, и мы неподвижно сидели в полном молчании, видя на экране лишь голые скалы, меж которых мы спрятались.

Спина отца казалась неестественно прямой, он даже не обернулся объяснить, что же произошло, а сидел, неподвижно уставившись на приборную доску. И я испугалась, поняв, что нам угрожает жуткая опасность, а потом поймала себя на том, что напряженно прислушиваюсь, хотя понятия не имела, что должна услышать.

Наконец Илэриэн шевельнулся, словно хотел размять затекшее тело, стиснутое в этом маленьком за-

кутке; он не мог даже ноги вытянуть, впереди сидела спящая Айлия.

— Люди из башни, — произнес он наконец, и прозвучало это не как вопрос, а как утверждение.

— Один из их самолетов, — кивнул отец.

— Эта машина, — продолжал Илэриэн, — она так легко тебя слушается, однако она, — он кивнул подбородком в сторону матери, — она из людей древней расы, а они машин не любят.

— Я не из Эсткарпа, — ответил отец. — Миры, как ты знаешь, сообщаются при помощи Ворот. Вот и я пришел в Эсткарп через такие Ворота. А в моем мире я был военным, и мне приходилось иметь дело с машинами, не совсем, правда, такими. Эту мы нашли на берегу моря, когда только пришли сюда через Ворота, и они закрылись, не выпустив нас обратно. С тех пор это наша крепость.

— Только если держаться подальше от башен, — заметил Илэриэн. — И сколько же времени вы скитаетесь здесь, разыскивая Ворота, которые выпустят вас?

Саймон пожал плечами:

— Мы поначалу подсчитывали дни, но это бессмысленно, здесь время идет совсем иначе, чем в Эсткарпе.

— Неужели? — Илэриэн удивился. Как же будет он удивлен, узнав, сколько действительно прошло лет в Эскоре, пока он находился в плену, когда мы туда вернемся, если вернемся, конечно.

— Когда я уехал, моя дочь была маленькой девочкой, — ответил отец и обернулся ко мне с улыбкой, какой-то робкой, неловкой, словно умоляющей, — а теперь передо мною взрослая женщина, которая сама выбрала себе дорогу.

Эти слова повергли Илэриэна в еще большее изумление, он неподвижно уставился на моих родителей.

Джелита кивнула головой:

— Каттея — наша дочь, но сложилось так, что мы давно не виделись, и, — она взглянула на меня, — за эти годы многое изменилось.

Я подумала, что мне следует тщательно подбирать слова, рассказывая им обо всем, что произошло в Эс-

ткарпе и, может быть, частично о том, что случилось в Эскоре, поскольку я все-таки по-прежнему не доверяла Илэриэну. Поговорить же с родителями наедине вряд ли представится возможность, мне оставалось быть предельно осторожной.

Я стала рассказывать о том, что было с нами троими после того, как Джелита отправилась на поиски отца, о том, как меня увели колдуньи, и я много лет провела в Обители Мудрейших; потом я рассказала о последнем ударе, нанесенном Карстену колдуньями Эсткарпа, и о том, как братья мои пришли освободить меня и о нашем бегстве в Эскор. Начиная с этого момента, я отнюдь не стала лгать, а просто перестала говорить всю правду — рассказала, что мы оказались в стране, закрытой владычицами от умов эсткарпцев давным-давно и что там мы встретили людей, родственных нам по духу и разуму — при этом никаких имен я не называла.

О своих собственных неудачах говорить было проще — я поведала им, как некоему заклинателю обманом удалось заколдовать меня и как я отправилась в Эсткарп, чтобы восстановить свои силы и свой Дар. После этого я рассказала о вапсалах и о внезапном нападении, и под конец о том, как Айлия и я оказались в цитадели на берегу моря и проникли в этот враждебный мир.

Я ни разу не связывалась с моей матерью мысленно, чтобы дать ей понять, что существует еще нечто такое, о чем я сейчас не осмеливаюсь говорить. Но иногда я ловила ее взгляд и становилось ясно, что она все понимает, понимает, что я о чем-то умалчиваю и что мы непременно, при первом же удобном случае, переговорим об этом наедине.

Больше всего на свете я боялась тогда, что Илэриэн захочет подробнее узнать, что происходило в Эскоре, пока он находился в плену. Странно, что он так ни о чем и не спросил, и это насторожило меня еще сильнее, и мне все меньше нравилась перспектива вернуться в Эскор вместе с ним, хотя я прекрасно понимала, что без него мы вообще не выберемся отсюда.

Отец задумчиво вздохнул:

— Да, как мы ни старались подсчитывать дни здесь, все это, действительно, не имело никакого значения. Значит, Карстен побежден, а колдуньи сами уничтожили себя... Так кто же сейчас правит страной?

— Корис, по нашим последним сведениям. Говорят, он очень страдает от раны, полученной в последние дни войны, и давно уже не может поднять топор Вольта.

— Топор Вольта, — повторил отец, словно слова эти всколыхнули давно забытое... — Пещера Вольта и его топор... Это были славные дни... Нам уже больше не суждено пережить такое. Карстен сложил оружие, а что с Ализоном?

— От соратников Килана, — ответила я, — известно, что Ализон, увидев, какая судьба постигла Карстен, последнее время вел себя тихо.

— Сколько бы лет мне ни осталось, — задумчиво произнес отец, — мои руки еще пригодятся. — Он вытянул вперед свою правую руку. — Они снова поверят, что сильны и не забыли, как вытаскивать меч из ножен. Корис может править, и я знаю, он будет достойным правителем, но лучше, чтобы за спиной у него стояли его старые друзья, тем более если он сам уже не может удержать топор Вольта.

Насколько я могла прочесть мысли отца, я догадывалась, о чем он сейчас думает. Хотя он по рождению не принадлежал древней расе, он по своей воле верно служил ей. А между ним и Корисом с Горма были узы, скрепленные кровью и потом во время страшной битвы с кольдерами. И сейчас всей душой он жаждал оказаться в Эсе и сделать для своих друзей все, что от него потребуют.

— Да, — согласилась мать. — Но прежде чем поехать в Эс, нам надо еще вернуться в наш мир.

Она словно опустила нас с небес на землю, обратив мысли к насущному. Отец покачал головой, не то чтобы не соглашаясь с ней, а просто пытаясь отогнать мысли, которые сейчас могли только помешать. Затем он вновь взглянул на приборную доску и, очевидно, прочел на ней то, что для меня казалось лишь запутанной головоломкой.

Он обратился к Илэриэну:

— Ты имеешь какое-нибудь представление, далеко ли мы от твоих Ворот?

— Сейчас узнаю. — Он повертел в руках жезл. — Нельзя сказать, чтобы очень далеко, но какое-то расстояние преодолеть придется. А как твой самолет?

— Все в порядке. — Мысли отца были далеко отсюда. — Скоро мы сможем вновь отправиться в путь.

И в самом деле, прошло совсем немного времени, и отец вывел махину из расщелины, куда спрятал ее, почуяв опасность. Наша железная гусеница выкатилась на свой прежний путь, и мы опять увидели скудную, лишенную растительности землю.

По равнине были разбросаны невысокие дюны и холмики, и мы с трудом находили дорогу, пробираясь между ними, а видимость на экране стала очень плохой. Но к счастью, в машине имелись и другие приборы, предупреждающие о препятствиях, по ним отец и ориентировался.

Она казалась необыкновенно долгой, эта ночь, в течение которой нас трясло и подбрасывало так, что вскоре тела наши превратились в один большой синяк; впереди, там, где сидели отец с матерью, было чуть удобнее. Позже мы вынуждены были сделать еще одну остановку для отдыха, и после этого Илэриэн занял место матери — видимо, жезл подсказывал ему, что мы находимся недалеко от цели. Джелита уселась рядом с Айлией. Нам удалось влить несколько капель воды в рот девушки, но она так ничего и не ела с тех самых пор, когда мы разделили с ней в коридоре башни остатки пищи, захваченные мною еще из поселка — меня беспокоило, долго ли она так продержится. Но мать уверила, что в бессознательном состоянии организм требует гораздо меньше пищи и воды, и я успокоилась.

Мы остановили нашу гусеницу на гребне холма, и постояли немного, словно собираясь с силами перед решительным шагом. А потом я услышала, как отец громко вскрикнул, и руки его быстро взметнулись, вцепившись в рычаги управления. На экране появилась черная лента дороги, мы катились прямо на нее, и отец прилагал все усилия, чтобы остановить наш быстрый и могущий оказаться весьма опасным спуск.

Ему удалось развернуть машину резко влево, и мы теперь скользили, буксуя вдоль этой дороги. Когда нам удалось, наконец, остановиться, я услышала, как отец с облегчением вздохнул. Черные плиты дороги остались в стороне.

— И что теперь? — спросил он, не обращаясь конкретно ни к кому из нас.

— Теперь сюда! — от нетерпения Илэриэн не мог усидеть на месте, кончиком жезла он указывал прямо за эту черную ленту.

Отец горько рассмеялся.

— Не забывай, что здесь все не так просто. Мы не можем пересечь эту дорогу.

— Но почему? — волнение Илэриэна стало еще заметнее, словно теперь, когда цель была так близка, он не мог терпеть, чтобы ему противоречили и мешали достичь ее.

— Потому что это не обычная дорога, — повернувшись к нему, стал объяснять отец. — Здесь сильное магнитное поле, благодаря ему машины перемещаются из башни в башню. Наш танк своей конструкцией не приспособлен, чтобы передвигаться по такой дороге. Я даже не могу представить себе, что произойдет, если мы вскарабкаемся на нее, но не думаю, что машина выдержит подобное путешествие.

— Так что же нам делать? Искать мост? — спросил Илэриэн.

— Вряд ли такой мост вообще существует, — устало отозвался отец. — А пытаться разыскать какой-нибудь обходной путь... Боюсь, нам придется проехать немало лиг, мы даже не знаем, в какой стороне это может находиться. — Он отвернулся от экрана и взглянул прямо в глаза колдуну. — Ты можешь сказать хотя бы приблизительно, сколько еще до твоих Ворот?

— Лига, может быть, и того меньше...

— Есть один выход, — нерешительно начал отец, словно размышляя вслух. Было ясно, что оптимального варианта не существовало, и приходится выбирать меньшее из зол. — Что если воспользоваться нашим танком как мостом, хотя это очень опасно, и если мы

застрянем на полпути... — он с сомнением покачал головой.

— Я думаю, Саймон, — вмешалась мать, — что выбора у нас нет. Найдем ли мы какой-нибудь окружной путь, неизвестно, а времени потратить можем очень много, не говоря уж о том, что там нас тоже могут подстерегать ловушки. Нам нельзя терять ни минуты, и раз другого выхода нет, надо рискнуть...

Отец ответил ей не сразу, он не отрываясь смотрел на экран, будто решал трудную задачу, потом произнес:

— Я могу обещать тебе, что это будет не труднее, чем сражаться с остроконечниками Лотура.

Мать засмеялась:

— Но я же видела, как ты справился с ними, и после этого, Саймон, я всегда готова ставить на тебя! Жизнь все время бросает вызов, и от этого никуда не денешься, нужно принимать его!

— Прекрасно. Я точно не знаю, каково действие этой силы, но думаю, оно похоже на мощное течение, на неудержимый поток. Нам нужно быть осторожными и надеяться на лучшее.

Прежде всего необходимо было хорошо подготовиться. По приказу отца мы все выбрались из машины и через некоторое время загрузили почти всю кабину камнями, собранными поблизости. Тяжело нагруженная машина превратилась в подобие якоря и теперь могла успешнее сопротивляться потоку. Отец извлек цепь, которая служила нам лестницей, когда мы выбирались из колодца. Из нее мы сделали нечто вроде перил на плоской крыше машины, и сложили там все оставшиеся у нас съестные припасы и воду. Как только все мы, кроме отца, забрались наверх, он протиснулся в кабину на свое место, свободное от камней. Машина под нами ожила, чуть подалась назад, слегка вильнула в сторону и направилась под уклон, прямо к той самой черной поверхности, что так страшила отца.

Как только машина вновь заскользила вниз, отец выбрался из кабины и присоединился к нам. Похоже, его опасения были не напрасны — как только мы вползли на черную ленту дороги, почувствовался такой сильный толчок, словно на нас обрушился гнев

морского течения, против которого мы пытались плыть.

Неужели поток развернет нас и будет нести, как беспомощных пленников, в одну из тех башен? Или может быть, отцу все же удастся противостоять ему? Я лежала на крыше, вцепившись в лестницу, и звенья цепи болезненно впивались в мое тело, а машина подо мной металась и боролась. Течение пыталось развернуть ее вправо, что для нас было равносильно гибели. Я не могла понять, продвинулись ли мы хоть немного вперед, к противоположной стороне, или продолжаем раскачиваться на одном месте.

Мы уже были снесены течением довольно далеко от той точки, где начали свой путь. А что произойдет, если какая-нибудь летающая машина понесется сейчас из башни навстречу нам? Я столь живо представила себе последствия подобного столкновения, что, кажется, от страха потеряла сознание и поэтому не помню, как произошел переломный момент этой нашей битвы.

Неожиданно я осознала, что отец мой больше не лежит неподвижно рядом со мной, но стоит на коленях, освобождая мешки с припасами. Затем он сильно швырнул их влево от себя, и, приподняв голову, я увидела, как они упали на землю по ту сторону дороги. Отец крепко сжал мое плечо.

— Отпусти цепь! — крикнул он. — Как только я прикажу, прыгай!

Я не надеялась, что все это может закончиться благополучно, но доверилась отцу и, замирая от страха, оторвала онемевшие, непослушные пальцы от цепи и встала на колени. Затем, повинуясь взмаху отцовской руки, я поднялась на ноги, мельком заметив, что Айлия стоит между моей матерью и Илэриэном, недоуменно оглядываясь, словно только что проснулась.

— Прыгайте!

Я с трудом заставила свое безвольное тело сделать это, отгоняя мысли о том, что должно случиться в следующее мгновение. К счастью, мне удалось приземлиться прямо на холмик мягкого, пушистого пепла, я почти утонула в нем, но совсем не ударилась и вы-

бралась довольно быстро, сплевывая попавший в рот песок, прочищая нос и протирая запорошенные глаза.

Закончив с этим, я смогла спокойно осмотреться вокруг и отыскала глазами другие запорошенные песком фигуры, кажется, все приземлились удачно, на мягкое. Я, спотыкаясь, направилась к ним. Вскоре мы убедились, что сильных повреждений нет ни у кого, — все отделались незначительными синяками, кашлем от попавшего в горло песка и запорошенными глазами.

Тем временем танк уже полностью развернуло течением и быстро тащило от нас, а вскоре он совсем пропал из виду, унесенный к воротам одной из башен.

Приведя себя в порядок, мы тщательно обследовали дюны и после недолгих поисков нашли и откопали мешок со съестными припасами. Илэриэн достал жезл, который был спрятан в складках туники, повертел его в руках и решительно показал вперед.

— Сюда! — Конец жезла смотрел, казалось, в самую середину песчаной пустыни.

Айлия шла сама, хотя за ней приходилось следить, и я, поняв, что мать постоянно поддерживает с ней мысленный контакт, присоединилась к ней, зная как это нелегко.

Идти по зыбучим пескам, когда ноги постоянно проваливаются в мягкое, было очень тяжело. Иногда мы почти по колено погружались в эту смесь, похожую на пепел и песок одновременно. Все холмы выглядели одинаково, так что если бы не колдовской жезл Илэриэна, мы сразу бы заблудились, оставив позади черную дорогу.

Вдалеке неясно вырисовывалось что-то высокое и, приглядевшись пристальнее, я поняла, что это одна из металлических колонн, которые мы видели, пройдя в этот мир через Ворота. Увидев колонну, я почувствовала себя уверенней, и беспокоило меня только одно — сможет ли действительно Илэриэн узнать, что мы достигли Ворот? Ведь я помнила, что с этой стороны не было никакой пометки, никакого знака, по которому их можно было бы опознать.

Казалось, однако, что наш проводник не испытывает никаких сомнений — он твердо шел вперед, до-

верясь своему жезлу. Наконец мы остановились у одной из таких выщербленных колонн, хотя я не могла с уверенностью сказать, что это то самое место, где мы с Айлией появились, пройдя через Ворота, потому что местность вокруг была удивительно однообразной.

— Здесь, — в отличие от меня Илэриэн не колебался, однако то, на что он указывал, на мой взгляд, ничем не отличалось от всего остального — обычная пыльная земля, к тому же поднялся ветер, и в воздухе кружились вихри едкого песка.

— Нет никаких отметок, — произнес отец. Но мать, прикрыв глаза ладонью, как козырьком, напряженно всматривалась в это место, а затем перевела взгляд на заклинателя.

— Где-то здесь, — согласилась она. — Очень трудно...

Илэриэн, казалось, не слышал ее. Он быстрыми, резкими взмахами поднимал и опускал свой жезл, словно художник, рисующий картину, он водил его концом, точно кистью, вверх, вниз, в стороны, как бы прорисовывая в воздухе портал.

И словно повинуясь жезлу, пыль, поднятая ветром (а была ли пыль? Не уверена!), оставляла слабые, едва различимые линии — перед нами в воздухе появились очертания прямоугольника, пересеченного крестнакрест двумя линиями, каждая из которых шла из верхнего угла в противоположный нижний. В четырех секциях этого перекрещенного прямоугольника появились изображения символов; два из них были мне знакомы, во всяком случае, я уже встречала нечто похожее.

Два других я видела впервые, однако они были нарисованы крупнее и перекрывали остальные изображения. Когда Илэриэн опустил, наконец, свой жезл, мы смогли как следует разглядеть то, что он сделал — смутный, неясный и едва различимый портал все же стоял, крепко и прочно, несмотря на поднявшийся ветер и вихрь песка.

Тогда он начал снова, проходя жезлом вторично по всем линиям возникшего в воздухе рисунка. На этот раз его движения напоминали отрывистые мазки, после которых изображение начинало насыщаться зеле-

ным цветом, а на наших глазах темнея, он становился ярко-синим — я снова увидела этот «спасительный» цвет, так хорошо знакомый мне по Эскору. Но и этот цвет держался недолго, и еще прежде чем заклинатель кончил закрашивать весь рисунок целиком, он потускнел, словно выцвел.

Я видела в этот момент его лицо — на нем была жестокая неумолимость, губы искривлены усмешкой, с какой воины встречают опасность, требующую концентрации всех сил. Он снова, в третий раз, начал очерчивать жезлом рисунок, и цвет вновь стал заполнять изображение, затем, хоть и не выцвел, но побледнел.

Тогда шевельнулась моя мать. Она протянула одну руку мне, другую — отцу, и мы вновь объединили все силы, и эту энергию нашего единства она послала Илэриэну. Он на мгновение оглянулся, пораженный, и, вновь подняв свой жезл, начал вырисовывать заданный узор из линий и символов.

Я почувствовала, как укрепляется моя сила, вопреки тому, казалось бы, что я должна, наоборот, потерять ее, все отдав заклинателю, как того требовала моя мать. И тут я увидела, что цвет, окрасивший линии, не гаснет, не блекнет, а, напротив, разгорается все ярче зелено-синим огнем. Когда Илэриэн опустил жезл, рисунок переливался и пульсировал над мрачной землей. Вокруг застывшего в воздухе портала больше не дул ветер, хотя совсем рядом, немного в стороне, вовсю кружилась едкая пыльная завеса.

Несколько мгновений Илэриэн придирчиво осматривал свое творение, словно желая убедиться, что намерения его не разошлись с результатом, он создал именно то, что хотел, и нет здесь изъянов. Затем он сделал два шага вперед, не оборачиваясь, говоря при этом: «Мы можем идти... теперь!»

Разомкнув руки, мы с матерью подняли мешки, а отец крепко взял за руку Айлию. Илэриэн коснулся кончиком жезла точки скрещения линий в самом центре портала, словно вставил ключ в замочную скважину. Ворота открылись. Я увидела, как он исчез в них. Я прошла за ним, следом за мной — моя мать, затем отец и Айлия. И вновь меня подхватила болез-

ненная круговерть времени и пространства, и я, упав, покатилась по жестким каменным плитам и, наконец, остановилась, ослепленная болью от сильного удара головой обо что-то твердое.

Я сидела, прислонившись спиной к спинке кресла — или трона? — возвышающегося в середине зала цитадели. Свечение Ворот было единственным источником света в этом помещении, где само время сгустилось, точно сумерки.

Заметив краем глаза какое-то движение, я слегка повернула голову и увидела Илэриэна с жезлом в руке. Его совсем, казалось, не интересовали Ворота, через которые все мы только что проникли сюда, он с изумлением оглядывался вокруг, рассматривая зал, словно изучая его пядь за пядью. Не знаю, что — или кого? — ожидал он увидеть здесь, может быть, толпу слуг и охранников, или своих домочадцев? Так или иначе, но было несомненно, что эта пустота и безлюдье потрясли его до глубины души.

Он приложил руки ко лбу и стоял так, слегка раскачиваясь, возможно, пытаясь заглушить тяжелые воспоминания. Затем он направился куда-то в глубину зала, держась ближе к стене, как будто хотел во что бы то ни стало отыскать что-то, без чего не будет ему ни покоя, ни мира.

Когда он ушел, я почувствовала, как тревога понемногу начинает отпускать меня, ибо было ясно, что сейчас ему не до нас, у него доставало и собственных забот. Стоило ли тогда дожидаться более удобного случая, чтобы пуститься в путь?

Преодолев волну головокружения, которая раскачивала меня и не давала оторвать рук от подлокотников кресла, я кое-как встала и огляделась, нетерпеливо отыскивая своих спутников. Отец, оглядываясь, уже стоял на ногах, рядом с ним лежала Айлия. Он перешагнул через ее тело и протянул руки моей матери, помог ей подняться и обнял ее. Они так и застыли, обнявшись, зримо являя собой словно бы единое тело и единую душу.

Они стояли погруженные в мир, который принадлежал только им двоим, а я смотрела на них. Внезапный порыв холодного ветра пробрал меня, вызвав оз-

ноб. Я смотрела и думала, какое это счастье — чувствовать свое единство с другим человеком. Килан, наверное, познал это со своей Дагоной, а Кемок отыскал Орсию. Именно этого бессознательно жаждала и я, когда уходила с Динзилем, а оказалось, что я была ему нужна не как подруга, но просто как колдунья, способная помочь осуществлению его честолюбивой цели. И когда я смотрела на своих родителей и видела мир, которым они владели, то поняла вдруг, что мне мало быть колдуньей, и я не могу поставить Дар превыше всего этого. Однако ничего другого меня в этом мире, похоже, не ждало.

Не существовало времени для тех, кто мог так слиться разумом и душой. Но нам нужно спешить, и я шагнула, оторвавшись от поддерживающего меня кресла, навстречу своим родителям.

16

— Пожалуйста... — Я чувствовала себя бестактной и бесцеремонной и говорила очень тихо, опасаясь, что слова мои разнесутся эхом по всему залу, а Илэриэн, вероятно, вернется с минуты на минуту, оторвавшись от своих забот.

Мать повернула голову и взглянула на меня. Очевидно, она прочла тревогу на моем лице, и сама обеспокоилась.

— Ты боишься? Чего же, дочь моя?

— Илэриэна, — ответила я прямо. Отец тоже насторожился, услышав это, и хотя одна его рука по-прежнему покоилась на плечах Джелиты, другая скользнула к поясу, словно готовясь выхватить оружие.

— Слушайте, — зашептала я, не решаясь прибегнуть к мысленному общению — в этом доме, насыщенном колдовством, мысли могли прозвучать громче, чем слова, произнесенные вслух.

— Я рассказала вам далеко не все. Эскор разорен, давно уже разорен и разодран колдовством. Многие из его прежних властелинов либо поглощены Тьмой, которую сами же вызвали, либо ушли через подобные Ворота в другие миры. Они сами вызвали эту беду в

незапамятные времена, и на них лежит проклятье. Мы ведь мало что знаем про Илэриэна. Правда, я не верю, что он полностью принадлежит Тьме, ему подвластен синий цвет, а силы Тьмы им владеть не могут. Однако среди заклинателей Эскора были такие, кто вроде бы не следовал ни хорошему, ни плохому, но из любопытства, просто стремясь увеличить свои познания, они тоже несли зло. Мы сражаемся теперь за благополучие Эскора... я, к несчастью, способствовала возобновлению войны между силами Света и Тьмы, сотворив по неведению заклинание, чем и пошатнула установившееся здесь неустойчивое равновесие. И еще одна вина лежит на мне отныне, и я не смогу вынести это бремя. Боюсь, не случилось бы так, будто я привела сюда с собой колдуна, который вмешается в наши дела и, может статься, разрушит все, что мои братья и их товарищи создавали в тяжелых трудах.

Илэриэн знает слишком много, его нельзя ни оставить здесь, ни взять с собой в Зеленую Долину. Прежде чем мы дадим клятву быть его товарищами, мы должны поверить ему, но я...

— У нас мудрая дочь, — вставила Джелита. — А теперь расскажи нам, и как можно быстрее, то, что еще не рассказала.

И я, ничего не опуская, поведала им о Динзиле, о том, к чему привела наша встреча; когда я окончила рассказ, мать кивнула:

— Хорошо, теперь я понимаю, почему Илэриэн кажется тебе подозрительным. Но... — Она замолчала, словно прислушиваясь к чему-то, и я поняла, что она сейчас пытается установить с ним контакт, разыскивая его разум в лабиринтах цитадели.

— Так... — Ее пристальный взгляд, погруженный куда-то в глубь себя, наконец, встретился с моим. — Я не думаю, что нам надо бояться его. Между этим миром и тем существует огромная разница во времени. Мы даже представить себе не можем, какая это трагедия для него. Он ищет то, что ушло давным-давно, хотя годы оставили имена и события на свитках истории. Ему придется поверить, что это так, но он должен сам осознать это, сам, без подсказки. Пред-

ставь себе, каково видеть, что твой собственный мир сметен и уничтожен. Я не думаю... Ты действительно веришь, дочь моя, что Илэриэн может представлять угрозу для нас и для тех, кого мы любим?

Вспомнив Динзиля, я отбросила колебания и сказала «да». Но видимо, мать так до конца и не поверила моим подозрениям. На какой-то момент она позволила мне заглянуть в свои мысли, и я смогла прочитать, быть может, и не полностью, то, что она узнала об Илэриэне. Боль и отчаяние от того, что открылось мне, были столь велики, что я задрожала и отступила, мне хотелось крикнуть — не надо, я не хочу этого знать!

— Видишь, — сказала мать, отпустив мой разум, — ему есть о чем подумать, не будем ему мешать. Если мы должны уйти...

— Тогда давай уйдем сейчас! — Мне хотелось сию минуту оказаться как можно дальше от этого места, которое было обителью Илэриэна, как можно дальше от мыслей о нем (если мне когда-нибудь удастся избавиться от этих мыслей), мне хотелось бежать отсюда со всех ног, словно за мной гналась стая серых.

Но в любом случае, прежде чем уходить отсюда, нужно было разрешить одну важную проблему: ведь Айлия была до сих пор с нами, и я теперь гадала, что нам с нею делать. Если вапсалы до сих пор живут в том прибрежном поселке, нам остается лишь разбудить ее спящий разум и привести девушку обратно к соплеменникам. Вероятно, перед этим стоило произнести какое-нибудь заклятие и стереть из ее памяти воспоминание о путешествии по ту сторону Ворот. Но если же окажется, что после набега население поселка было полностью истреблено, нам придется увести Айлию с собой в Зеленую Долину и просить Дагону и ее близких взять вапсалку под свою защиту.

Отец оставил один из пакетов с пищей и водой лежать на полу там, где он его сбросил, а второй погрузил себе на плечи, велев нам с матерью смотреть за Айлией. Затем мы вышли наружу, и я поразилась переменам: когда я шла сюда тогда, убежав из поселка, стояла холодная зима, а теперь было совсем тепло

и светило весеннее солнце — шел месяц Кризалис. Еще рано было засевать поля, но новая жизнь уже бурлила вовсю, и в природе царила радостная суматоха, принося возбуждение и беспокойство. А ведь по моим подсчетам я отсутствовала всего несколько дней, но никак не недель!

Снег, лежавший рваными клочками на пустырях, уже совсем растаял. Не один раз, пока мы шли, нам пришлось вспугнуть ящериц, греющихся на солнце, и еще каких-то маленьких существ, названия которых я не знала, они то неподвижно застывали, словно окаменев, выпучив свои круглые глазки, то, напротив, стремительно прыскали во все стороны при нашем появлении.

Попав в лабиринт улочек, я немного испугалась, потому что плохо помнила дорогу, по которой мы шли в цитадель. Выбрав дважды неправильный путь, который заводил нас в тупики, я решилась высказать свои сомнения вслух.

— Может быть, ты ошиблась? — спросил отец. — Сюда-то ты добралась без помех, не так ли?

— Да, но тогда меня вела Сила. — Я не помнила, чтобы наш с Айлией путь в эту крепость был таким сложным и запутанным, мне казалось, что мы довольно просто добрались сюда от тех самых, внешних ворот, которые охраняли каменные чудовища, издающие ужасающий вой при порывах ветра. Никаких лабиринтов и тупиков тогда не было, я это помнила хорошо.

— А что если — защита? — вслух спросила я.

Переулок, который, казалось, должен был вывести нас из города, оборвался очередным тупиком, и мы в растерянности стояли перед высокой каменной стеной. Вокруг нас громоздились дома, в каждом над дверью был вделан синий камень, зияли пустотой черные глазницы окон; пустые дома словно бы съежились от холода, настигнутые порывами зимнего ветра.

— Наваждение? — спросил отец. — Ты думаешь, это колдовство?

Джелита закрыла глаза, и я поняла, что она осторожно пытается нащупать контакт с хозяином. На этот раз я отважилась последовать за ней, опасаясь

в то же время коснуться нити, связывающей ее с Илэриэном.

И тотчас мой разум узнал, что глаза не обманывают меня и память не подводит. Саймон Трегарт был прав; то, что мы видели — всего лишь наваждение. Сила колдовства воздвигла здесь стены, которых на самом деле нет, закрывая путь на волю любому, кто не владеет Даром. Мы словно каким-то другим зрением видели город, который стоял здесь прежде, очень давно. Как это получалось, я не понимала, Илэриэн не использовал никаких новых заклинаний, чтобы запутать нас; это колдовство было очень древним, таким древним, что давно уже износилось и, можно сказать, превратилось в лохмотья.

— Вижу! — Ф услышала резкий крик отца и поняла, что он тоже все понял. — Так... мы идем правильно... — его рука решительно схватила мою, и я чуть не вскрикнула от боли. Вторую руку я протянула Айлие, с другой стороны девушку поддерживала моя мать. Объединившись таким образом, мы начали разрушать колдовское видение, настигшее нас при ярком свете дня, наш разум настроился на другую мелодию. Для того чтобы выйти отсюда, нужно было закрыть глаза и довериться внутреннему зрению.

Теперь мы действительно шли по улице, которая шла от городской стены, и я узнала эти места, именно здесь мы проходили тогда. Я дважды открывала глаза только для того, чтобы проверить, продолжает ли действовать колдовство, и оба раза видела перед собой не свободную улицу, а стену дома. Я спешила закрыть глаза снова, и мы продолжали наш путь.

Если бы не эта наша уловка, мы бы, конечно, не смогли разрушить колдовское наваждение и благополучно добраться до ворот. На ничтожном расстоянии от них лежало окоченевшее тело; руки были вытянуты вперед, словно хотели дотянуться до свободы, которой не смогли увидеть глаза. Это был высокий человек, одетый в кольчугу. Распущенные волосы разметались по земле, а остроконечный шлем откатился чуть в сторону. Лица его мы не видели, и я была даже рада этому.

— Сулькарец! — Отец наклонился над телом, но дотрагиваться до него не стал.

— Не думаю, похоже, с этой расой мы еще не знакомы, — ответила Джелита. — Скорее всего, это один из тех морских бродяг, о которых говорила Каттея.

Я не могла ни утверждать этого, ни отрицать — в ту ночь, когда они напали на поселок вапсалов, я видела их лишь мельком. Возможно, она была права.

— Он умер уже довольно давно. — Отец отступил от тела. — Наверное, он преследовал здесь вас, Каттея, и похоже, не смог выбраться из ловушки.

Но нам удалось избежать ее и пройти сквозь стену между медными тварями, встретившими нас ревом и завыванием. По ту сторону городских ворот стоял камень, который притащили, как я думаю, из разрушенного поселка. На нем валялись в беспорядке разные предметы; наверное, поначалу они были разложены аккуратно, но потом птицы и животные растащили и разбросали их. Здесь были меховая куртка, уже одубевшая от дождя и наносов песка и заляпанная птичьим пометом, металлические пластинки, на которых когда-то была разложена еда. Кроме этого, меч и тяжелый топор, при виде которых отец мой вскрикнул от изумления. Он не очень любил сражаться мечом, хотя оружием этим владел неплохо; в том мире, откуда пришел он, мечами никто не сражался. Однако для воина, чьи руки пусты, такая находка — бесценна.

— Это оружие мертвого, — сказал он, беря меч. — Ты знаешь, как у них говорится — подними оружие убитого воина, и к тебе перейдет его боевое умение.

Тут я вспомнила, что Кемок, когда он шел за мной к Черной Башне, нашел в тайнике давно исчезнувшего народа меч и тоже взял его, ибо был безоружен... И я подумала, что если рука мужчины сама потянулась за мечом, то пусть примет его во благо, а не во зло.

Тут я увидела, что и мать взяла один из предметов, разложенных на камне, и, пристально вглядываясь, держит его обеими руками, а на лице ее — смятение.

— Эти бродяги и убийцы прячут свою добычу в необычном месте, — произнесла она. — Мне приходилось слышать о подобном, но сталкиваюсь — впервые.

Они принесли свои сокровища демонам, которые по их поверьям обитают здесь.

Она держала чашу, по-моему, каменную, искусно сделанную в форме двух тесно сложенных ладоней. Но это были не совсем человеческие руки: пальцы заметно длиннее и тоньше, ногти — узкие и заостренные, красно-коричневого цвета, очень гладкие, отполированные.

— Что это? — удивилась я.

— Зеркало, в которое можно смотреть. Его используют точно так же, как кристаллический шар. В эту чашу наливают воду. Я не знаю, как она оказалась здесь, но эту вещь нельзя тут оставлять, потому что... Потрогай, Каттея.

Она протянула мне чашу, и, дотронувшись до нее пальцем, я чуть не вскрикнула, вопреки ожиданию ощутив не холодный камень, а что-то обжигающее, словно я прикоснулась к горящей головне. Однако мать крепко держала чашу и вроде бы совсем не обжигалась. Впрочем, при мимолетном прикосновении я ощутила не только жар, но и приток силы и сразу поняла, что эта чаша — наше могущественное орудие, как и меч, так естественно оказавшийся в руках отца.

С этого жертвенного камня мать взяла еще кусок потрепанного шелка и обернула в него чашу, затем спрятала ее в складках одежды. Отец же засунул меч за пояс, затем, чуть подумав, воткнул туда и топор.

Все наши находки и сам этот камень у ворот несомненно доказывали одно: морские бродяги, а не вапсалы стали победителями в той битве. Я была уверена, что именно налетчики оставили здесь награбленную добычу, ибо за время жизни с кочевниками ни разу не наблюдала ничего подобного, разве только, когда хоронили Ютту... И это значило, что соплеменников Айлии в этих краях уже не найти.

Когда я объяснила это своим родителям, они согласились со мной. Стояло уже позднее утро, солнце светило вовсю, даря ласковое тепло. Так же, как и в крепости, снега не было и в помине, лениво жужжали какие-то ранние насекомые, слышались голоса птиц.

Мы покинули мыс и ступили на материк. Сначала я шла, напряженно каждую секунду ожидая оклика Илэриэна, боясь услышать его вопрос, куда мы идем и почему. Но вот его цитадель осталась далеко позади, а нас окружил мир, где распускались почки, цвели деревья и слышались обыкновенные звуки и запахи, и мое напряжение немного спало. И все-таки страх, что мы не свободны от нашего бывшего спутника, видеть которого мне хотелось менее всего на свете, не исчез совсем.

Когда мы добрались до полуразрушенного поселка, стало совершенно очевидно, что мое предположение верно: всюду валялся скарб кочевников и разорванные шкуры, из которых они так быстро устраивали свои жилища.

Словно мусорщики мы бродили среди развалин в поисках вещей, которые могли бы нам пригодиться в нашем далеком пути на запад. Я нашла шатер, откуда бежала — когда, неужели это было? Сколько недель или месяцев назад? Мне казалось, что прошло всего несколько дней. Морские бродяги побывали и здесь. Содержимое Юттиного сундука было на полу, пакеты с травами разорваны, листья и корешки валялись здесь же, как никому не нужный мусор.

Мать останавливалась, поднимая то листик, высохший и ломкий, то щепотку порошка, нюхала и тут же отбрасывала, качая головой. Я искала повсюду свитки с рунами, которые привели меня в цитадель, но они исчезли; вероятно, грабители захватили их, решив, что это ключ ко всем сокровищам. Мы нашли закатившийся в дальний угол кувшин с едой, которая была очень удобна в путешествии: прессованная плитка из копченого мяса и сухих ягод. В ту минуту эта находка была для нас дороже всех сокровищ на свете.

Айлия стояла возле входа, казалось, она не видит перед собой ничего и даже не понимает, что мы вернулись в поселок. Отец ушел посмотреть, что есть в других жилищах, и быстро вернулся назад, сделав нам знак следовать за ним.

— Место смерти, — произнес он бесцветным голосом. — Они все здесь и остались.

У меня не было друзей среди вапсалов, я была их пленницей, но никогда не желала им зла. Однако получалось так, что их гибель оказалась отчасти и на моей совести: они верили в мой Дар, а я обманула их и тем самым погубила. Мать прочитала мои мысли и, положив мне руку на плечо, тихо произнесла: «Это не так, ты же не нарочно их обманывала, просто, такова уж их судьба. Ты же не была Юттой и не выбирала этот путь, она навязывала тебе его силой. Не бери на себя эту ношу, она не твоя. В жизни много зла; ты чувствуешь, что на тебе лежит вина, но это не так, это только урок».

...Конечно, мать хотела утешить и поддержать меня, но в ту минуту это были для меня только слова, хотя они и запали мне в душу, и много позже я вспомнила их.

У нас сейчас не было ни саней, ни собак, не было и проводника, мы просто знали, что надо идти все время на запад. Но сколько дней пути лежало между этим заброшенным поселком и Зеленой Долиной и сколько опасностей подстерегает нас на этом пути, — не мог предугадать никто, и оставалось лишь полагаться на волю судьбы.

Я подумала, что, может быть, и вспомню дорогу над рекой и дальше, до долины горячих источников, но когда я предложила этот путь, отец покачал головой, сказав, что если эта долина хорошо известна кочевникам, значит, лучше обойти ее и держать путь строго на запад. Пожалуй, он был прав. Да и все равно идти быстро мы не могли: Айлия находилась под нашим контролем беспрестанно, о ней нужно было все время заботиться, как о неразумном, хотя и послушном ребенке.

Мы снова вернулись к морю, снова увидели мыс с черной тяжеловесной цитаделью, что возвышалась между морем и небом, и я, проходя, бросила на нее последний взгляд.

Наши запасы продовольствия были весьма незначительны: мясо с неприятным привкусом, которое мы захватили с собой из того мира, и кувшин, найденный в поселке. Воду мы не запасали — вокруг было

великое множество ручьев, напитавшихся талым снегом, и реки освободились ото льда.

Отец, подняв с земли два круглых камня, сделал странное орудие, какое прежде мне видеть не приходилось: он связал камни ремнем, раскрутил его вокруг головы и запустил в кусты. Там ремень, отягощенный весом камней, несколько раз закрутился вокруг ветки, сдирая с нее почки. Отец довольно засмеялся.

— Кажется, не потерял еще сноровку, — сказал он. И, распутав ремень, вновь забросил камни, но на этот раз он целил не в кусты, а в неосторожную зверушку, обитающую в траве — это было толстое, неповоротливое существо, настолько глупое, что захватить его не составляло никакого труда. Прежде чем мы остановились на ночлег, он поймал четырех таких зверьков, и, зажарив на углях, мы съели их с большим аппетитом, ведь все давно сидели на скудном, однообразном рационе.

К ночи ощутимо похолодало, и все же, поев, мы не остались сидеть у костра, хотя с ним было гораздо уютнее. Отец бросил в огонь последнюю охапку сучьев и отвел нас на место ночлега, что присмотрел заранее подальше от костра, который мог привлечь к нам чье-нибудь внимание.

В небольшой рощице, поблизости от деревьев, поваленных зимними бурями, он сделал на земле настил из веток, затем поставил над ним несколько стволов, прислонив их один к другому, и тоже забросал сверху ветками, соорудив подобие гнезда, куда мы все и забрались.

Мне бы очень сейчас пригодились какие-нибудь травы из Юттиных запасов, чтобы сотворить защитный барьер с помощью заклинаний, но налетчики так их все перемешали, что я не смогла отобрать нужные.

Однако мать достала из-за пояса какой-то металлический предмет, который светился неярким голубоватым светом, и, осторожно проведя по нему рукой вверх-вниз, положила его на землю, и он тускло мерцал в темноте. Я знала, что это такое — свет должен был ярко вспыхнуть, появись рядом с нами прислужники Тьмы. Но против обычных животных или даже

против бродяг и кочевников защиты у нас не было никакой, кроме собственных глаз и ушей, и нам пришлось разделить дежурство между собой: мне выпало дежурить первой. Все быстро уснули, крепко прижавшись друг к другу, потому что было довольно холодно. Я боялась шевельнуться, чтобы не побеспокоить, не разбудить своих измученных спутников.

Внимательно прислушиваясь к каждому шороху и вглядываясь в темноту, я время от времени творила защитное заклятье, но опасалась делать это часто, помня, что в этом краю их могут уловить силы Тьмы и тогда они обернутся для нас бедой. Во тьме, в ночи слышались странные хрипы, шорохи, стоны. Я цепенела, кровь леденела в жилах, и я вся обращалась в слух, тщетно пыталась понять, что это: крики животных или завывание ветра...

И все эти часы я боролась с искушением связаться мыслью с Илэриэном, я заставляла себя не думать о том, как он ходит в этот час в своей пустынной крепости, что некогда была сердцем флагманского корабля. Погружен ли он до сих пор в тягостные воспоминания о прошлом, которое никогда не вернется? Или оправился уже от этого удара? Что он теперь собирается делать? В одном я была уверена — он не станет вновь открывать ворота — длительное заточение у Зандора не прошло даром.

Зандор... мои мысли переключились на него, я стремилась как угодно уйти от тягостных мучительных размышлений об Илэриэне! Я стала думать, что же произошло с Зандором. Может быть, наше бегство из его подземелья воздействовало на машины неизмеримо сильнее, чем предполагал Илэриэн, и мощь их, а значит, и его, была окончательно подорвана? Мы ждали, что он бросится за нами в погоню, но он не сделал этого. Возможно, поломка могущественных машин ослабила его настолько, что обитатели башенного города нанесли удар по подземному убежищу и положили конец этой войне, начавшейся в незапамятные времена и превратившей страну в пустыню, где царит смерть и пепел.

Но воспоминания о Зандоре поневоле вновь приводили меня к Илэриэну, и я стала гнать их от себя. Я

вспомнила далекое прошлое, Зеленую Долину, Кемока, Килана — я уже много месяцев не была в Эскоре. Неужели там до сих пор длится эта безысходная, бессмысленная война? А что если, те, кого я люблю, ведут сейчас смертельную битву? Я так давно не разговаривала с ними, может, стоит попытаться? И я пустилась на поиски.

Я взволновалась так, что совсем забыла, какие обязанности лежат сейчас на мне. Я сосредоточилась, закрыла глаза, заткнула уши и согнулась, уронив голову на колени, чтобы меня ничто не отвлекало. Кемок! Перед моим мысленным взором возникло его лицо с тонкими чертами, худощавое, мужественное. Здесь — он был здесь! И, пытаясь удержать его образ в сознании, я вновь и вновь посылала ему свой призыв.

— Кемок! — Я собрала все силы и вложила их в этот зов. — Кемок!

И я получила ответ! Сначала слабый и едва внятный, он становился все громче. Кемок слышал меня — он был здесь! Предчувствие не обмануло меня — смерть не воздвигла между нами стену.

— Где? Где? — Его вопрос звучал ясно и отчетливо, но у меня вдруг сильно закружилась голова, и я крепко обхватила ее руками.

— На востоке — на востоке... — мне хотелось так много сказать ему, но я не могла ничего произнести, меня трясло, как в лихорадке, тело ходило ходуном, и сильнейшая боль пронзила голову. Такое происходило со мною впервые; с трудом обретенный мысленный контакт прервался, и я с гневным криком открыла глаза.

— Безумие! — Громкий шепот матери помог мне прийти в себя. Я видела перед собой только темную, расплывчатую массу, но ее сильные руки по-прежнему трясли меня за плечи. — Что же ты наделала, девочка?

— Кемок! Я разговаривала с Кемоком! — Горячая волна ненависти и гнева захлестнула меня.

— Но разговор мог подслушать кто угодно! — возразила она. — Неужели ты не понимаешь, как легко можно привлечь злую силу? Если мы до сих пор не

обнаружили никаких следов Тьмы, это вовсе не значит, что ее здесь нет. Разве же не ты сама говорила нам об этом?

Она была права. Но мне казалось, я права тоже — ведь Кемок мог прийти нам на помощь. А если меж нами и Зеленой Долиной встанет скопище зла, он предупредит нас. Когда я взволнованно объяснила все это матери, она вздохнула и выпустила мое плечо.

— Все может быть, — вслух ответила она. — Но не забывай об осторожности. Когда захочешь сделать это в другой раз, обязательно предупреди меня, вместе мы гораздо сильнее!

Конечно, все, что говорила она, было верно и справедливо. Но мне не забыть было упоительного ликования, которое я почувствовала, получив ответ Кемока. Ведь я так давно не была той Каттеей, что некогда составляла одно со своими братьями. Ютта дала мне так мало! А стану ли я когда-нибудь такой, какой была прежде...

— Какой была? — проговорила мать вслух, хотя и негромко, шепотом, мысленный разговор мы вести не решались. — Ты не можешь вернуться на дорогу, по которой шла. Когда вы родились, я просила для вас троих то, что, как мне казалось, больше всего пригодится вам в этом мире — меч для Килана, свиток для Кемока, Дар для тебя. Но ты выбрала путь, который я предвидеть не могла. И может, это наихудший для тебя путь.

— Нет! — не задумываясь, откликнулась я.

— Ты скажешь мне это еще раз, когда-нибудь потом, — неопределенно произнесла она, я и не поняла, что хотела она этим сказать. — А теперь, дочь моя, не надо больше беспокоить нас. Этой ночью мы все должны хорошо отдохнуть.

Я неохотно пообещала: «...Хорошо... этой ночью — нет...»

И я постаралась сосредоточиться лишь на этом, внешнем мире, что стоял у меня перед глазами, всматриваясь и вслушиваясь в ночь до того часа, пока не пришла пора Джелите заступать на дежурство.

Едва лишь поднялось солнце, отец разбудил нас, и мы наскоро подкрепились мясом и ягодами. Было

значительно холоднее, чем накануне. На ветках, нависших над нами, блестел иней.

Хотя отец раньше довольно много путешествовал вдоль границ, а мать нередко сопровождала его, им почти не приходилось ходить пешком, да и я обычно не путешествовала подобным образом. Наверное поэтому путь утомлял нас, и, пожалуй, раздражал; мы продвигались слишком медленно, а идти быстрее не могли из-за Айлии.

Утром нам удалось кое-как накормить ее и напоить из кувшина. Но двигалась вапсалка словно во сне, она настолько была погружена в себя и не воспринимала реальность, что я с тревогой думала, вернется ли она когда-нибудь в нормальное состояние. Сейчас, если бы мы даже нашли остатки ее племени, оставить ее среди кочевников было нельзя, для нее бы это было равнозначно смерти, ибо она стала бы для охотников только обузой. Старая Ютта так долго продержалась среди них лишь благодаря своему дару, а больная Аусу, первая жена вождя, только потому, что преданные служанки заменяли ей руки и ноги.

17

Еще в бытность свою Хранителем Границы, Саймон Трегарт в совершенстве научился не только устраивать засады, но равно и избегать вражеских засад. Вот и сейчас он уходил вперед, оставляя нас в укрытии ждать его возвращения или сигнала о том, что путь свободен и безопасен. Я всякий раз не могла понять, что же насторожило его, однако, доверяя отцу, полагала, что ему лучше знать, что делать.

Мы отказались от мысленных разговоров, потому что в этом краю нас легко могли подслушать. Дважды моя мать приказывала нам обходить места, где, как подсказывал ее Дар, таилась Тьма. В первый раз это был небольшой холмик; на его вершине возвышался один-единственный камень, который при ярком солнечном свете казался темно-красным. На черном холме не росло ни травы, ни кустов, словно земля эта

дотла была сожжена страшным пожаром. А верхушка камня, если смотреть на нее долго и пристально, вдруг вспыхивала и начинала менять свои очертания. Я заставила себя отвернуться, прекрасно зная, что нельзя разглядывать то, природа чего тебе неясна.

Во второй раз мы чудом избежали несчастья, попав в лес, где росли деревья без листьев. В этом не было бы, конечно, ничего странного, ведь стояла еще самая ранняя весна, но вместо листьев на ветвях висели желтоватые наросты вроде шишек с алой сердцевиной, один вид которых вызывал отвращение. Создавалось впечатление, что деревья изъедены открытыми язвами. Глядя на них я испытывала тошнотворное ощущение, мне казалось, что не только сами деревья уродливы и отвратительны, но и по земле в тени их стелется и ползает нечто такое, что не может существовать под солнцем, но существует, и словно жадная и прожорливая тварь, лишь дожидается удобного момента для нападения.

Чтобы быстрее покинуть эту изъязвленную рощу, мы повернули на юг, но лес оказался намного больше, чем мы предполагали, и нам долго пришлось пробираться меж пораженных проказой деревьев и кустарников. Кусты были похожи на животных, стелящихся брюхом по земле, которые, казалось, ползли, оскверняя ее, оставляя за собой черный след с рваной бахромой по краям. Наконец, впереди блеснула река, и мы в замешательстве поспешили на берег.

Нам предстояло либо отклониться от нашего пути, либо плыть по реке, если бы не удалось пройти по узкой прибрежной полосе под береговым выступом. Задача эта была не из легких, тем более с Айлией, нуждающейся в непрестанном присмотре.

Но вдруг из-за реки донеслись звуки, заставившие нас притаиться на высоком берегу; внизу между нами и водой виднелась редкая поросль. Я задыхалась, потому что ветер, пройдя через зараженную рощу, принес невыносимое зловоние. Ощущение было такое, словно в моих легких не осталось ни капли чистого воздуха. Однако мы не могли никуда уйти — на противоположном берегу появились те, чьи голоса заста-

вили нас спрятаться. Слов мы разобрать не могли, до нас долетали только звуки, то громче, то тише.

На какое-то мгновение мне показалось, что это вапсалы, оставшиеся в живых после набега. Но когда кочевники спустились к мелководью, чтобы наполнить сосуды водой, я, как ни вглядывалась, не могла разглядеть ни одного знакомого лица. Они очень походили на вапсалов, и все же это, видимо, был другой клан, по крайней мере, судя по одежде. На некоторых из них были накинуты яркие покрывала, у других такие же накидки, скатанные в узкую полосу, были перекинуты через плечо.

Они двигались не спеша; женщины и дети, спустившись на берег, начали собирать хворост для костра, доставали трехногие горшки для приготовления пищи. Несколько мужчин, разувшись, вошли, вскрикивая, в воду, очевидно, она была холодной. Несмотря на это, они настойчиво расставляли рыболовную сеть, надеясь на улов.

И тут впервые за все это время Айлия как будто пришла в себя; почувствовав это, я быстро обернулась. С лица ее исчезло бессмысленное выражение, в глазах появился какой-то проблеск ума; ее явно заинтересовала эта сцена, во взгляде промелькнуло нечто вроде узнавания. Она быстро вскинула голову, и я не на шутку испугалась. Хотя эти люди — не ее родного племени, но среди них могли оказаться те, кого она когда-то знала, и она могла закричать, позвать их. Я сжала ее руку, но она ловко вывернулась и оттолкнула меня, ее удар пришелся по голове, и на какое-то мгновение я растерялась. Тем временем Айлия приподнялась, но вопреки моему ожиданию не рванулась к людям на том берегу, а начала пятиться, словно желая скрыться, как будто увидела не друзей, а смертельных врагов.

Отступи она просто назад от края берега, все было бы хорошо, но в своем безрассудном ослеплении она рванулась на запад, туда, где поднималась эта страшная, изъязвленная поросль, и ее нужно было остановить во что бы то ни стало.

Отец бросился вслед за ней и в резком рывке сумел ухватить ее за лодыжку. Айлия упала, однако

при этом не закричала — ее страх перед этим племенем был почему-то так велик, что она не осмеливалась кричать. Зато она резко повернулась и набросилась на своего обидчика, пустив в ход и ногти, и зубы, отбиваясь с безумным ожесточением.

Но ее неожиданное нападение — было не самое страшное (Саймон без труда мог справиться со слабой девушкой), хуже всего то, что уродливые ветви начали вдруг шевелиться. Не так, как если бы их привел в движение ветер, а так, будто заросли были полны змей и те готовились напасть.

В эту минуту мы обе, я и мать, объединили нашу волю, чтобы ослабить силы Айлии, ведь ее внезапная враждебность грозила нам всем бедой. Мало того, что нас могли заметить люди племени, в пылу драки она могла увлечь отца в зловещие смрадные заросли, что отравляли воздух вокруг и грозили гибелью.

Наши с матерью усилия увенчались успехом, разум Айлии подчинялся нам, и она бессильно опустилась на землю. Отец по-прежнему стоял над ней, склонившись, переводя дыхание, а я не сводила глаз с омерзительных ветвей.

Они, все усыпанные этими жуткими шишкообразными наростами, изгибаясь и корчась, поползли вдруг наверх, а шишки начали лопаться и угрожающе раскачиваться. Мать, вскрикнув, бросилась вперед, я кинулась следом.

Мы вцепились в этих двоих, оттаскивая их как можно дальше от смертоносных ветвей, и успели-таки вовремя, потому что одна шишка взорвалась совсем рядом, выпустив в воздух облако тлетворных спор. К счастью, они не долетели до того места, где барахтались мы, а поднявшись в воздух, опустились на землю к подножию ядовитых кустарников.

Однако избежав одной страшной опасности, мы тут же оказались во власти другой. С противоположного берега неожиданно раздались крики, и я обернулась. Мужчины племени шли по воде в нашу сторону, и у каждого в руке блестел меч.

— Быстрее! — раздалась у меня в голове команда матери. — Нужно перевоплощение!

Я не знала, какой образ выбрала мать, чтобы обмануть рыбаков и защитить нас. Во всяком случае того, что получилось, было достаточно, чтобы остановить воинов посреди реки, а женщин и детей на берегу обратить в бегство. Впрочем, через миг ужаснулась и я сама — на моих глазах родители превратились в таких мерзких чудовищ, что мне стало тошно, хотя эти монстры создавались не без моего участия. Я нисколько не сомневалась, что сама превратилась в чудовище не менее устрашающее, и все же всей моей фантазии не хватало, чтобы представить — в какое. Из нас четверых одна Айлия, которая по-прежнему лежала неподвижно у отца на руках, сохранила человеческий облик.

Джелита дышала хрипло и тяжело; я по себе знала, сколько сил забирает перевоплощение — мы едва стояли на ногах. А как ужасен был ее облик! Она раскачивалась на страшных, заросших шерстью лапах с огромными когтями, кривые черные руки угрожающе поднялись, а лицо, ставшее маской чудовища, было повернуто в сторону реки. Из глотки вырывалось рычание, от которого лопались барабанные перепонки.

Обезумев от страха, мужчины племени с воплями повернулись и бросились вслед за женщинами и детьми. А мы продолжали стоять, стараясь не смотреть друг на друга.

— Хватит, — отец встал на ноги, опустив Айлию на землю. — Хватит, мы уже добились своего.

Легко сказать — хватит. Мы уже пытались вернуть наши прежние облики, как только племя обратилось в бегство, но, к нашему ужасу, ничего не получалось, колдовство оказалось сильнее нас. Чудовище, некогда бывшее Джелитой, медленно повернулось и стало пристально рассматривать уродливую рощу.

— Кажется, — проговорила она, с трудом шевеля толстыми красными губами, — кажется, все дело в том, что мы произнесли наше заклинание слишком близко от этого проклятого леса, сила его удвоилась, и мы превратились в этих уродов. Я хотела, чтобы мы стали просто невидимыми, но получилось иначе, кол-

довство пошло по другому пути. И пока я не знаю, что делать.

Тут я почувствовала, как во мне поднимается удушливая волна страха, и задрожала всем телом — однажды мне уже довелось носить позорное клеймо Тьмы, и столь тягостна и сурова была эта ноша, что взвалить ее на себя во второй раз я бы не хотела ни за что на свете. Кемок, пролив собственную кровь, сумел вернуть мне человеческий облик. Но до этого я натерпелась таких мучений, каких не пожелала бы никому. Неужели мне вновь суждено познать эту скверну?

— Ладно, тогда оставим перевоплощение на потом, — сказал отец. — Я думаю, то, что произошло, даже пойдет нам всем на пользу, и в дальнейшем будем держаться подальше от этих выгребных ям гнусности.

Он решительно направился к реке, и мы потащились за ним. Я подумала, что теперь-то нам уж точно можно не бояться возвращения племени. Мы вошли в реку, и я немного успокоилась, потому что бегущая вода — это не просто символ Дара, она словно барьер для сил Тьмы. Я даже надеялась, что в воде чудовищное обличье исчезнет, когда сильное течение обмоет мою чешуйчатую, в наростах, кожу. Но этого не случилось, и мы в том же виде перешли на противоположный берег, туда, где расположились было лагерем кочевники.

Среди вещей, брошенных беглецами, были и съестные припасы, которые я стала разыскивать и собирать, вскоре наполнив ими наш мешок. Мать ходила по берегу, низко опустив свою уродливую, увенчанную рогами голову, словно принюхиваясь к чему-то. Наконец, ее когтистые лапы вцепились в плетеную корзину и оттуда посыпалась высушенная трава; длинными уродливыми пальцами Джелита отобрала небольшую горсть веточек и листьев, сухих и ломких.

Не задерживаясь больше у реки, мы снова повернули на запад. Теперь отцу не было нужды отправляться вперед на разведку, нашей защитой служила уродливая внешность, способная, похоже, отпугнуть кого угодно. Отец вел Айлию, а мы передвигались по

обе стороны от него. Я вообразила, какой угрожающей компанией представились бы мы какому-нибудь храбрецу из племени, отважившемуся преследовать нас тайком. Пожалуй, даже собак, пущенных по нашему следу, и тех охватил бы ужас.

— Когда мы будем в безопасности... — произнесла мать, и голос ее был неузнаваем, а слова искажались, вылетая из уродливого рта, — ...мне кажется, у меня есть то, что поможет нам снова обрести наш облик.

— Прекрасно, — отозвался Саймон, — но пока не время, давайте уйдем подальше отсюда.

По эту сторону реки расстилались луга. Возможно, когда-то здесь были фермы, хотя мы не увидели никаких следов построек. И все-таки моя уверенность, что некогда человек жил в этих краях в покое и изобилии, укрепилась, когда мы вышли к рядам деревьев, так непохожих на скрученные, искривленные растения того ужасного леса! Это был фруктовый сад, несомненно, посаженный человеческими руками; на ветвях уже появилась первая завязь цветов.

Некоторые деревья умерли, сломленные бурями, некоторые сами высохли от старости, но многие цвели, словно воспевая продолжение жизни, и среди ветвей всюду виднелись птичьи гнезда.

И если в том страшном лесу в самом воздухе витала чумная зараза, то здесь все дышало благодатью, как будто именно тут находился источник покоя. Я вдыхала аромат трав, тонкий и слабый, но легко узнаваемый. Кто бы ни посадил этот фруктовый сад, он, казалось, вместе с деревьями вырастил здесь само благо, несущее исцеление. И пусть вокруг не было чудодейственных синих камней, дарующих ощущение безопасности, все равно это место было полно умиротворения, столь необходимого нам.

В этом саду мы остановились на отдых. Пока Айлия спала, мать достала чашу, похожую формой на сложенные ладони. Держа ее в своих когтистых лапах, она медленно поворачивала голову из стороны в сторону, оглядываясь. Затем, словно отыскав, наконец, то, что хотела, она направилась к ряду деревьев, шедшему под уклон. Я последовала за матерью, ощу-

щая тот же тонкий, едва уловимый запах, который, очевидно, вел ее.

Внизу во впадине пузырился ручей, я легко могла его перешагнуть. По обеим его берегам зеленели нежные стебельки, увенчанные желтыми головками цветов, очень хрупких, живущих всего один день — эти цветы первыми появляются весной.

Джелита опустилась на колени и наполовину заполнила чашу водой из ручья. Осторожно неся ее обеими лапами, она вернулась к месту нашей стоянки под деревьями.

— Огонь? — спросила она отца.

Он покачал из стороны в сторону своей рогатой головой.

— Это необходимо?

— Да.

— Ладно, так и быть.

А я уже собирала под деревьями отмершие сучья, выбирая те, которые дают ароматный дым, и в то же время достаточно сухие, чтобы разгореться быстро и ярко.

Отец осторожно запалил небольшой костер. Мать кивнула мне, и во взметнувшееся пламя я подбросила той самой сухой травы, которую она нашла на стоянке возле реки.

Джелита наклонилась над огнем, обеими лапами держа чашу с водой и пристально вглядываясь в нее. Я увидела, как вода замутилась, потемнела, а затем в ней, словно в зеркале, появился отчетливый контур. Это было изображение моего отца, но он предстал там не в обличье чудовища, которое сидело сейчас у огня, а в своем обычном виде. Я поняла, что мы должны делать, и поспешила матери на помощь, присоединившись к ее стараниям. Медленно, очень медленно изображение в чаше начало меняться, становясь страшным и уродливым: у человека, отраженного в воде, отрасли рога, изо рта высунулись длинные загнутые клыки, кожа покрылась струпьями и наростами. И вот перед нами возникло существо, как две капли воды похожее на то, что переводило нас через реку.

Увидев это чудовище, мать дунула на него, и изображение сразу же пропало, и снова в чаше была чистая прозрачная вода. Когда мы с трудом распрямили негнущиеся спины и подняли головы, перед нами уже сидел отец в своем обычном обличье.

И мать передала чашу ему, а не мне, посмотрев на меня как-то печально и грустно, если можно так сказать, описывая выражение, появившееся на ее уродливой, чудовищной морде. Словно извиняясь, она сказала: «Он ведь самый близкий...»

Я согласно кивнула. Она была права — у отца ее изображение получилось бы, конечно, лучше.

И я пришла теперь на помощь ему, снова отдавая свою силу и чувствуя, как во мне растет и растет усталость и опустошение. В чаше рисунок, изображающий мою мать, медленно менялся, вместо женщины, красивой и статной, появлялось безобразное чудовище; наконец, оно стало совсем похоже на того монстра, в которого превратилась Джелита, и когда отец дунул в это колдовское зеркало, изображение пропало.

— Отдохни, — сказала мне мать, — теперь мы с отцом объединим наши усилия и словно заново создадим твою жизнь.

Я легла на траву навзничь и видела, как отец и мать вместе склонились над чашей; я знала, что они лепили мое изображение в воде так, словно я стояла у них перед глазами. Но мы слишком долго находились вдали друг от друга, и мне стало страшновато, буду ли «я», которую они воссоздадут, такой, какую мне бы самой хотелось увидеть в зеркале? Я ощущала довольно странное и неприятное волнение. Я отвернулась от родителей, чтобы не смотреть, как творят они свое заклинание, и, подняв глаза, стала смотреть на цветущие ветви деревьев, под которыми лежала. И во мне поднималось такое острое желание стать вновь такой, какой я была, сбросить ношу, которую я взвалила на себя, что мне захотелось остаться здесь, и лежать, лежать...

Тело мое онемело, все стало безразлично. Глаза закрылись, и я еще успела подумать, что засыпаю. Когда я, наконец, проснулась, солнце припекало, на зем-

лю ложились косые лучи, говоря о том, что большая часть дня уже позади. Я удивилась, почему мы до сих пор не двинулись с места.

Приподняв голову и взглянув на себя, еще лежащую, я увидела, что вновь обрела свой собственный облик. Мать сидела, прислонившись спиной к стволу дерева, а отец лежал, положив голову ей на колени. По-моему, он спал, а она нет; вот ее рука поднялась, чтобы осторожно погладить его волосы, она плавно откинула их назад со лба. Мать смотрела не на отца, а куда-то вдаль, на ее губах играла улыбка, которая необыкновенным образом смягчала ее обычно строгое лицо, она была почти нежной, словно вспоминала что-то приятное и очень ей дорогое.

И меня вновь охватила тоска, невыносимое ощущение одиночества навалилось на меня, доводя до отчаяния, как случалось всякий раз, когда я становилась свидетельницей их нежных, глубоких чувств, словно украдкой заглядывала в теплую уютную комнату с улицы, где меня обступала темная, холодная и безысходная ночь. И у меня возникло жестокое, безрассудное желание разрушить это состояние счастливой безмятежности и крикнуть ей: а что со мной, со МНОЙ? Килан уже нашел ту, которая принадлежит ему, и Кемок нашел. А я... я думала, что нужна Динзилю. Неужели он был прав, когда говорил, что любой мужчина будет видеть во мне лишь орудие для достижения честолюбивых целей? А может быть, не стоит мучиться, не стоит предаваться несбыточным мечтам, а спокойно избрать судьбу колдуньи, да и отправиться по этой узкой и бесплодной дороге?

Я села на землю, и мать взглянула на меня. Я все-таки нарушила ее дрему, но не задала своего безумного вопроса, а она опять улыбнулась, на этот раз мне, излучая тепло и сердечность.

— Такое колдовство очень ослабляет человека. А здесь необыкновенно отдыхает и тело, и дух.

Отец пошевелился и, зевая, приподнялся.

— Как хорошо! Но нельзя спать целый день. Пора отправляться в путь, нам предстоит еще очень много, а при свете дня это, пожалуй, удобнее.

Кажется, наш отдых благотворно подействовал и на Айлию тоже, во всяком случае, мать решила, что ее можно выпустить из-под нашего жесткого мысленного контроля, и для нас это было большим облегчением. Она уже пришла в себя настолько, что могла самостоятельно съесть немного пищи из тех запасов, какие мы прихватили на берегу.

И нам пришлось оставить этот оазис покоя в старом фруктовом саду. Проходя мимо последнего цветущего дерева, я не сдержалась, сорвала веточку и поднесла ее к лицу, вдыхая аромат цветка, затем воткнула ветку в волосы, словно желая унести с собой частичку этого покоя и радости. И что очень странно, аромат не сделался слабее после того, как цветок увял и поник, наоборот, он усилился, стал явственней, благоухание прямо-таки омывало мое тело.

Этой ночью мы расположились на ночлег на вершине невысокого холма, откуда очень хорошо просматривались окрестности. Мы не стали разводить никакого огня, а когда темнота сгустилась вокруг, вдруг увидели вдалеке к югу от нас какую-то яркую точку, и отец решил, что там — стоянка племени. Он удивился тому, что она так далеко от реки, но, вероятно, напуганные до полусмерти кочевники боялись вернуться на берег даже за скарбом, брошенным ими при внезапном бегстве.

Спали мы снова по очереди. На этот раз мое дежурство выпало на самую середину ночи, и когда мать разбудила меня, чтобы передать вахту, я поплотнее закуталась в плащ, потому что было довольно холодно. Айлия лежала рядом со мной и вскоре после того, как мать легла и заснула, я услышала, что девушка шевелится и что-то бормочет во сне. Она вертела головой из стороны в сторону, и с ее губ срывались невнятные слова. Бормотание стало громче и отчетливее, я наклонилась над ней и неожиданно разобрала:

— На запад... через злой лес... на юг через реку... снова на запад... через фруктовый сад... затем на запад к холму, рядом с которым стоят два других, пониже. На запад... они это называют Зеленой Долиной...

Повторив это трижды, Айлия замолчала, а я сидела над нею, оцепенев от страха. Нет, это были отнюдь не сонные бредни, она словно сообщала наш путь кому-то, будто докладывала. Докладывала! Но кому и зачем?

Племя ее было перебито... А может быть, морские родяги захватили часть людей в плен и увезли с собой? Однако я не верила, что кто-нибудь из ее соплеменников может сообщаться с ней мысленно. Я вспомнила, как она перепугалась до смерти и пыталась бежать, увидев то племя у реки, и подумала — уж не было ли среди них колдуньи, подобной Ютте. Не она ли теперь следила за нами? Вполне возможно... и тут же мне в голову пришло другое объяснение, было оно гораздо страшнее и, увы! больше походило на правду.

Илэриэн! Конечно, он не осмелился бы установить контакт со мною или моими родителями, прекрасно сознавая, что при первой же попытке, даже весьма осторожной, мы тут же обнаружим его. Но Айлия — то беспомощное, слабое существо — никак не могла противостоять тому, кто понаторел в колдовском мастерстве. Значит, он добрался до нее и теперь, контролируя ее разум, выслеживает нас.

И опять меня затопили прежние страхи: кто он? Что собирается делать? Но в то же самое время я ощутила невероятные слабость и усталость, как тогда, когда мать показала мне, какое безграничное одиночество терзает его, когда я словно бы вместе с ним пережила потрясение, нет — катастрофу, вызванную в его душе тем, что застал он в мире, куда страстно мечтал вернуться, стоя там, внутри кристаллической колонны пленником Зандора.

Я никогда не верила, что он может сознательно причинить зло, но я знала подобных заклинателей, они нередко действовали напролом, безрассудно и вздумно, не из жестокости, а просто из любопытства и чрезмерной самоуверенности. Он уже был таким однажды, и его появление, возможно — новая угроза тому миру, что заново создавался в Эскоре. Если он может проследить наш путь до Зеленой Долины!..

Нам надлежит снова полностью взять под контроль разум Айлии. Правда, в таком случае она опять превратится в тягостную обузу, ее придется тащить за собой и постоянно следить за ней. А впереди нас ждет наверняка немало опасностей, и такая пленница может стать причиной нашей гибели. Проще всего, очевидно, было бы бросить ее, но это совершенно немыслимо. В конце концов, окончательное решение принимать не мне одной.

Оставшиеся часы моего дежурства я провела, внимательно прислушиваясь не только к ночным шорохам, но и к Айлие. Однако спала она спокойно.

Разбудив отца, когда настал его черед охранять нас, я предупредила его о том, что услышала, чтобы он тоже, в свою очередь, был настороже, хотя вряд ли должно было произойти что-нибудь еще, все, что от нее требовалось, Айлия уже сказала.

Когда настало утро, мы все трое стали совещаться. Джелита в задумчивости рассуждала:

— Не думаю, чтобы в племени была какая-нибудь колдунья, — сказала она. — Твоя Ютта была все-таки исключением, как она попала к кочевникам — загадка. Что же касается Илэриэна, это, конечно, более вероятно. Может быть, нам не стоило оставлять его...

— Но... — попыталась было возразить я.

— Вот именно, «но...» За всю жизнь у нас набирается столько «если» и «но», и все равно приходится выбирать, заведомо не зная, наилучший ли это выбор. У нас есть Дар, он делает нас сильнее других, но мы всегда должны быть настороже; самое опасное, это вдруг поверить, что мы сверхлюди. Я думаю, нам не следует сейчас опекать разум Айлии, иначе она превратится в обузу для нас. Я могла бы, конечно, поставить защиту против заклинаний, но человек, подобный Илэриэну, сумеет различить это так же легко, как след ноги на мокрой земле. Пусть он лучше думает, что мы ни о чем не подозреваем, а мы тем временем решим, что делать дальше.

Отец кивнул:

— Ты, как всегда, рассудила все замечательно, дорогая моя колдунья. Наша главная задача — выбраться отсюда в те края, где мы можем найти дру-

зей, и чем меньше мы будем думать об этом, тем лучше.

Они, конечно, были правы. Но когда при первых лучах солнца мы поднялись и пустились в дорогу, у меня возникло и уже не пропадало ощущение, что нас преследуют, я невольно оглядывалась назад, мне казалось, что какая-то едва различимая тень крадется за нами и прячется каждый раз, когда я оборачиваюсь; разглядеть ее мне не удавалось ни разу, и все-таки я твердо знала, что не ошибаюсь.

18

Нам не встретилось больше таких благодатных солнечных уголков, как тот фруктовый сад; однако и в леса, подобные роще с прокаженными растениями, мы, к счастью, не попадали тоже. Вообще, наш дальнейший путь лежал по земле дикой, казалось, здесь не ступала нога человека. В течение двух дней мы строго следовали на запад, каждую ночь выслушивая, как Айлия, погрузившись в беспамятство и дрему, описывает проделанный за день путь, словно кто-то требует от нее отчета — днем она шла с широко раскрытыми глазами и вполне осмысленным взглядом, будто сознательно впитывала в себя все подробности нашего перехода. Но заблокировать ее разум было нельзя, иначе она стала бы совсем беспомощной, и нам пришлось бы ее нести.

На третий день пути на северо-западе появились очертания горных вершин, и я приободрилась, обрадовавшись, что мы приближаемся к местности, хорошо мне знакомой. И, вполне вероятно, что не сегодня-завтра мне удастся отыскать какие-нибудь вехи, которые приведут нас в край, где уже можно повстречать дозоры Зеленой Долины.

К полудню мы преодолели горный хребет, и с вершины горы взглянули на расстилающиеся перед нами луга; трава еще представляла собой тускловато-коричневый ковер, побитый зимними морозами, лишь кое-где пробивались ранние зеленые стебельки. Зато здесь мы обнаружили следы пребывания человека —

полуразрушенную каменную изгородь, изъеденную временем; на камнях были заметны какие-то линии. Они все были проведены параллельно и указывали на дорогу, что заканчивалась сваями, омываемыми водой лениво текущей реки; некоторые из них стояли совсем глубоко в воде и только немного торчали над поверхностью, а одна виднелась на островке ровно посередине между берегами.

И на этом островке посреди реки происходило нечто такое, что повергло нас в ужас; мы стояли, окаменев, на гребне горы, изумленно вглядываясь вперед, пока отец не заставил нас распластаться на земле, чтобы мы не маячили на фоне неба, случайно оказавшись свидетелями жестокой схватки между двумя отрядами заклятых врагов.

С одной стороны потока становились на дыбы, били копытом, скакали галопом взад-вперед черные кеплианы — чудовища, отдаленно напоминающие лошадей, прислужники сарнов. А я-то думала, что сарны погибли вместе с Динзилем. Но, оказывается, многие выжили, по крайней мере, этот отряд был довольно велик. Сарны внешне выглядели как люди, они были закутаны в черные плащи с капюшоном. Вдоль противоположного берега реки бродили серые, уставив в небо свои волчьи морды; с оскаленных клыков капала слюна, они оглашали воздух воем, полным ненависти и злобы. Только бегущая вода удерживала тех и других от нападения. В небе пронзительно кричали ру — появление этих птиц всегда предвещало беду, они парили в воздухе и готовы были растерзать своими острыми когтями и клювами тех, кто находился сейчас на острове.

И как я уже сказала, лишь вода сдерживала это отвратительное скопище. Над ее поверхностью кружил водоворот желтоватого пара, который не растекался во все стороны, а плыл к острову, словно направляемый кем-то. Однако резкие хлопки боевых кнутов зеленых рассеивали этот пар и не подпускали его к островку. Возможно, силы Тьмы только тянули время, дожидаясь, пока не придет подмога, поскольку мы явственно видели какое-то движение на другом берегу реки, словно там собирались войска сарнов и

серых. Позади них наблюдалось еще какое-то довольно интенсивное шевеление, и хотя сквозь тусклое мерцание воздуха я не могла точно разглядеть, что это, чутье подсказывало мне, что и там копошатся какие-то прислужники Тьмы.

Однажды я и Кемок были окружены чудовищами в долине камней, и нас выручил Килан при помощи зеленых. Теперь, похоже, сами зеленые находились в безвыходном положении.

Кемок! Имя его чуть не сорвалось с моих губ, но я вовремя спохватилась, что могу невольно привлечь злые силы и стать орудием в их руках. Вновь взглянув на реку, я увидела, как бурлит и вспенивается вода возле острова, и подумала, что кроганы, которые всегда были мне отвратительны, видимо, перешли окончательно на сторону темных сил.

Отец внимательно наблюдал за происходящим. Наконец он произнес:

— Кажется, скучать нам не придется. Но надо сказать, что это не кольдеры... и не люди...

Джелита сделала пальцами движение, которое я хорошо поняла — она не пересчитывала врагов, что толпились сейчас перед нами возле реки, а как бы испытывала их. Затем она ответила отцу:

— Они не подозревают о нашем присутствии; среди них определенно есть те, кто владеют знанием, это не колдовской Дар, но что-то похожее. Не знаю, удастся ли нам одолеть их с помощью заклинаний, но попробовать стоит. Армия?.. — Последнее слово прозвучало с вопросительной интонацией.

— Можно начать и с нее, — согласился отец.

Из складок своей куртки Джелита достала горсть сухой травы, той самой, которая помогла нам вернуть человеческий облик и разрушить колдовство, превратившее нас в чудовищ. Мы с отцом тем временем наскребли немного земли, затем, смочив ее слюной, скатали из нее маленькие шарики, в которые Джелита вдавила по несколько кусочков сухих листьев и раскрошенных стебельков. Сделав это, она разложила шарики ровной линией впереди нас.

— Нареки их! — сказала она.

Отец пристально смотрел на каждый из них и давал им имена. Некоторые из произносимых им имен я уже слышала раньше.

— Откел, Брендан, Дермонт, Осберик.

Последнее имя принадлежало воистину великому человеку! Магнус Осберик был владыкой Сулькара и преградил дорогу кольдерам, взорвав крепость, когда уже не оставалось никакой надежды на победу.

— Финис... — он называл и называл славные имена, это были имена хранителей границы, имена сулькарцев, было там одно или два имени сокольничьих. Я знала, он называл людей, которые когда-то сражались вместе с ним, но сейчас все они были уже мертвы, и наше колдовство не могло принести им вреда.

Когда он замолчал и осталось совсем немного шариков, за дело взялась мать. Имена, которые называла она, звучали здесь совсем по-особому — мне они тоже хорошо были знакомы, эти имена владычиц, за которыми уже опустился последний занавес.

Когда она тоже закончила, остался всего один шарик. Может быть, я была тогда одержима? Нет, не могу сказать, что чья-то чужая воля завладела моим разумом и направила мою руку. Но палец коснулся этого последнего, еще не нареченного шарика, и я произнесла имя. Оно не было именем умершего человека, я хотела бы навсегда забыть его, ни разу больше не произносить, но на меня как будто что-то нашло и словно из ниоткуда на губах моих возникло:

— Илэриэн!

Джелита бросила на меня один-единственный, короткий и многозначительный взгляд. Но она ничего не сказала, просто, сосредоточившись, стала собирать свои силы, а мы с отцом помогали ей. И тогда из маленьких частиц земли, соединенных травой и слюной, приобретая форму и плоть, начали возникать подобия тех, чьи имена были названы.

В эту минуту были они настолько реальны, что можно было, дотронувшись рукой, ощутить живую плоть. А оружие, которое держали они, готово было разить и нести смерть врагу.

И только последний зародыш, который я нарекла так неожиданно, не пророс и не принес плода. Я

мельком подумала, что, наверное, это мой необъяснимый страх перед ним, подспудное желание видеть его мертвым и навсегда от него избавиться, — все это вместе и толкнуло меня на безрассудный поступок.

Впрочем, времени предаваться размышлениям не было, потому что вниз, с гребня холма, уже спускалось войско, которое мы призвали сюда; впереди шли вооруженные воины, а за ними несколько женщин, одетых в серые платья; каждая держала руки у груди, словно поддерживая свой колдовской камень, и был тот дымчатый камень таким же грозным оружием, как и мечи, которые крепко сжимали воины.

Видение было столь впечатляющим, что если бы я сама, собственными глазами, не видела процесса превращения с самого начала и до конца, я бы поверила в то, что это действительно настоящее войско, готовое к битве. А на земле передо мной все еще лежал один-единственный шарик, слепленный из земли и травы. Я хотела было отпихнуть его куда-нибудь, но поняла вдруг, что почему-то не могу этого сделать, и оставила его лежать там, где он лежал. Мы все четверо поднялись на ноги и вслед за армией, созданной нашими заклинаниями, пошли вниз по склону холма к реке.

Я не знаю кто из осаждающих первым взглянул на холм и увидел наше приближение, но волна темных сил накатилась на нас, и особенно неистовствовали серые. Наши воины врезались в гущу этой нечисти, размахивая мечами, и я поначалу опасалась, что враги почувствуют, что их противник не настоящий, что это лишь наваждение.

Сарны гарцевали кругами на вздыбленных конях, и в руках у них сверкали страшные огненные пики. Однако никто из тех, в кого они целились, не корчился в огне и не падал замертво. И когда воины нашего войска схватились с серыми, колдуньи, стоящие во втором ряду, послали вперед сияние своих камней. Лучи, коснувшиеся головы кеплиана, вызывали в нем такое безумие, что он с ужасным ржанием взвивался на дыбы и, неистово бия копытом, сбрасывал на землю всадника, тоже ослепленного блеском колдовского камня.

Наше превосходство было кратковременным, это я понимала прекрасно и вместе с родителями всем своим существом старалась как можно дольше удержать поток Силы, который питал созданное нами воинство; как только мы выдохнемся — оно тотчас исчезнет. Но силы наши были на исходе, мы уже едва переставляли ноги. На лбу у меня выступили капли пота, и все-таки я готова была держаться до последнего.

Войско, созданное нами, достигло, наконец, берега реки, и теперь сгусток желтоватого тумана, оставив в покое остров, плыл прямо на нас. Это облако было, в самом деле, настолько бесплотным, иллюзорным, что его не брали ни меч воина, ни луч колдовского камня; казалось, ничто не может его остановить.

Между тем, это странное облако подползало все ближе и ближе. Ни сарны, ни серые на том берегу не делали никаких попыток присоединиться к сражению, не пытались они и добраться до острова, а как будто дожидались, когда нам путь к отступлению будет отрезан окончательно, позволяя этому желтому туману завершить свое дело.

Неожиданно Джелита пошатнулась, вскинув руку, отец шагнул к ней и поддержал, обняв за плечи. Меня этот туман задел слегка, но мать потеряла большую часть своей силы. Безо всяких слов стало понятно, какая опасность исходила от этого мерцающего туманного облака. Однако и этому врагу не удалось смести наше войско, как выметают ненужный мусор, если оно намеревалось сделать это.

Наше иллюзорное воинство не упало замертво на землю, оно истаяло в воздухе, просто перестало существовать, потому что мы призвали назад Силу, которая наполняла жизнью этих созданных нами воинов и вела их в бой. Впрочем, они уже освободили путь, очистив этот берег, и те, кто находились на острове, сумели воспользоваться преимуществом, подаренным нами. Я увидела, как рентаны бросились в реку, а на их спинах качались люди, они хлестали огненными кнутами во все стороны, разгоняя остатки врагов. Вскоре, преодолевая огромными прыжками мелководье, рентаны подскакали к нам.

Кемок был, разумеется, в авангарде, а за его спиной сидела Орсия. С ее волос стекала вода, перламутровыми брызгами серебрилась кожа. За ними мчались еще четверо мужчин и две женщины, все из рода зеленых.

— Садитесь! — крикнул брат отрывисто и резко. Отец слегка подтолкнул Айлию к одному из зеленых, и затем помог матери взобраться на спину рентана, стоящего рядом. Я подала руку одной из женщин и уселась за ее спиной, а отец сел за спиной другой женщины.

Кеплианы и серые, которых наше иллюзорное войско разметало во все стороны, так и не успели объединиться вновь и помешать нам, а мы помчались на юго-восток, держась берега реки. Мы неслись во весь опор, зная, что нас преследует мерцающее смертоносное облако, и из всех врагов, которых мы встретили за сегодняшний день, именно оно было самым страшным и беспощадным.

Я обернулась, чтобы взглянуть на него: облако плыло уже не над водой, а над сушей и передвигалось очень быстро, ему ничто не мешало. Оно следовало за нами по берегу, и от того, как быстро оно будет двигаться дальше, зависела наша жизнь. Или смерть. Сейчас мы ни на миг не могли остановиться, чтобы сотворить новое войско, даже если бы у нас хватило сил вдохнуть в него жизнь.

Я никогда раньше не думала, что рентаны могут мчаться так стремительно, и теперь узнала, на что они способны, правда, ни за что на свете не хотела бы повторить подобное путешествие. Мне оставалось лишь уткнуться в спину женщины, сидящей впереди, буквально прилипнуть к ней и думать только о том, как бы удержаться и не упасть. Мир проносился передо мной так стремительно, что я закрыла глаза, чтобы не ослепнуть от мерцающих бликов, казалось, мы летели на крылатом коне, чье копыто ни разу не коснулось твердой земли.

Теперь мы мчались даже не по берегу, а над речными струями, все дальше и дальше на восток, отдаляясь от нашей цели. На мокром от речной волны гравии рентаны замедлили бег, хотя скорость по-

прежнему была столь высока, что с ними не могла сравниться ни одна лошадь Эсткарпа. Я не осмеливалась больше оглядываться назад, поскольку время от времени нас настигало что-то — я чувствовала прикосновение, от которого покалывало кожу и казалось, будто меня хотят скинуть вниз, на камни. И это цепкое напоминание о том, что противник близко и он не пощадит нас, было для меня хуже, чем удар меча.

Однако рентаны могли устать, и я боялась представить, что будет, если они замедлят бег или остановятся передохнуть.

Наше путешествие по реке завершилось так же неожиданно, как и началось — рентаны вдруг пересекли поток и оказались на противоположном берегу, довольно далеко от острова. Здесь они развернулись и вновь побежали на запад. Но уже начали сгущаться сумерки, еще немного, и солнце закатится совсем, а ночь — это время, когда царствует Тьма. И она могла созвать на нашу погибель такие создания, какие никогда не осмеливались появиться при свете дня. Мне думалось, что нам обязательно нужно найти цитадель, где мы бы могли укрыться в ночные часы. И я только надеялась, что мои спутники знают, что нужно делать.

Рентаны, наконец, замедлили бег, и я поразилась: только страшная усталость могла заставить их остановиться в месте, почти столь же опасном, как и то, откуда мы бежали. Мы стояли посреди открытой, голой равнины, где редкие чахлые кустики доходили рентанам едва до колен, и были видны здесь как на ладони. И нигде поблизости — никаких признаков светлых сил — ни голубых камней, ни даже просто ощущения покоя, которое мы нашли в том фруктовом саду. Нас было видно отовсюду, и вздумай враг напасть сейчас, мы оказались бы у него в руках.

Но зеленые соскользнули на землю со спин своих рентанов, и мы волей-неволей вынуждены были сделать то же самое. Очутившись на земле, Кемок сразу бросился к нашим родителям. Он был так же высок и силен, как Саймон, но более строен и гибок. Они с отцом долго смотрели друг другу в глаза, затем Кемок протянул вперед обе руки, отец сжал их и в ри-

туальном приветствии хранителей границы приложил руки сына сначала к правой, затем к левой щеке. Подойдя к матери, Кемок опустился на одно колено и склонил голову. Когда мать коснулась его головы, он поднял на нее глаза, и она провела рукой над его лбом, благословляя.

— Какая славная встреча в столь зловещий час, — сказал отец. — И мне кажется, это место не слишком безопасно, — добавил он, то ли утверждая, то ли задавая вопрос.

— Сейчас стоит полная луна, — отозвался брат. — В такую ночь для нас главное — свет, ибо тем, кто преследует нас, нужен мрак.

И все-таки, пожалуй, света луны было недостаточно. Зеленые двигались ловко и уверенно, словно уже не в первый раз им приходилось делать это: концами боевых кнутов они рисовали на земле звезду, заключив в нее пространство, на котором могли бы разместиться все мы. На концах этой обширной звезды они разожгли костры, кинув туда скрученные пучки сухой травы, а в середину каждого костра бросили кубик смолы размером с кулак. Огонь не вспыхнул от смолы сильнее и ярче, но и не поглотил подношение бесследно; от костров поднялись высокие тонкие столбы голубого света, ограждая нас от злых сил.

Оказавшись в безопасности, мы наскоро перекусили и разговорились — нам было о чем рассказать друг другу. Тут я узнала, что Килана и Кемока, а вместе с ними и Валмунга снежным обвалом снесло вниз, но никто из них серьезно не пострадал. Чуть позже они отыскали искалеченное и раздавленное тело Ракнара, но меня найти так и не смогли. Им не удалось продолжить поиски, потому что вскоре их настиг второй обвал, похоронивший под собой место, которое они с таким трудом раскопали. Словом, они были вынуждены вернуться обратно в Зеленую Долину, и оба не сомневались, что я жива, тоже считая, что о моей смерти им стало бы тотчас известно.

Вскоре после этого начались события, весьма тягостные для обитателей Зеленой Долины. Холод придал дерзости злым силам, по границе рыскали день и ночь их разъезды, и зеленые даже на быстроногих

рентанах не могли за всеми уследить. Дня не проходило, чтобы не случилось жестокой стычки, как будто силы Тьмы задались целью измотать жителей Долины, держа их в постоянном напряжении и тревоге. Моим братьям была знакома жизнь хранителей границы, и они вновь поступили на службу.

Казалось, что с наступлением весны силы, осаждавшие Зеленое Безмолвие, должны были ослабнуть, и дозорные Долины осмеливались отходить от границ все дальше и дальше. Как раз в таком разъезде и был Кемок, когда мне удалось связаться с ним, и он немедленно отправился нам на помощь. И сейчас мы находились еще слишком далеко от спасительных границ Зеленого Безмолвия — единственного надежного убежища в Эскоре.

Когда брат замолчал — начали свой рассказ мы, то по очереди, то сразу все вместе, и это заняло довольно много времени, хотя мы старались рассказывать лишь самое основное, не вдаваясь в подробности. Едва Кемок услыхал про Илэриэна, он насторожился, бросив на меня изучающий взгляд. Я понимала, кого он вспомнил в этот момент — он явно подумал, не придется ли нам всем снова бороться против очередного Динзиля, только на этот раз гораздо более могущественного. И я не могла ответить ему на это ни да, ни нет, я сама боялась и ничего не знала.

Рядом с братом сидела Орсия и тоже внимательно смотрела на меня. Я вздрогнула, поймав ее взгляд, и вспомнила, как, заколдованная Динзилем, требовала, чтобы Кемок убил ее, дабы спасти меня. Придет ли минута, когда рухнет стена недоверия и отчуждения, которую прошлое воздвигло между нами?

Глубокой ночью, когда все мы улеглись, наконец, спать, Орсия вдруг подошла ко мне, и в руке ее сверкнула маленькая бутылочка, размером с мизинец. Она откупорила ее очень осторожно и бережно и поднесла ко мне поближе — тонкий аромат защекотал ноздри.

— Спи, сестра, и ничего не бойся; сон, который придет к тебе, прогонит темные силы, они не найдут тебя. — Я почувствовала, что она всем сердцем хочет защитить меня. Смочив палец содержимым бутылочки, она коснулась моего лба, затем век и губ.

Я поблагодарила ее, а она улыбнулась и покачала оловой, потом тщательно закрыла свою бутылочку. роганка показала на Айлию, которая сидела и мотрела в ночь невидящими глазами.

— Ей нужен, хотя бы на время, полный покой, — роговорила Орсия. — Она не похожа на нас, она не з нашего рода и вдобавок то, что она видела, лежит а ней слишком тяжелым грузом. Когда вернемся в олину, Дагона исцелит ее, а пока мы навряд ли мокем помочь ей. — Она подняла голову и подставила ицо легкому ночному ветерку.

Хотя было довольно холодно, в воздухе не чувствоалось миазмов зла. Напротив, ощущалось какое-то бновление, возрождение жизни. Я глубоко вдыхала тот воздух и уже не сомневалась в том, что Орсия е помнит худа и искренне хочет помочь мне. Тяжкий амень упал с моих плеч, камень страха и недоверия.

Я огляделась и увидела, что большая часть нашего тряда уже спит; рентаны, преклонив колена, жевали вою бесконечную жвачку и думали о чем-то важном грустном. Вероятно, их думы нисколько не похожи а мои, но по-своему они тоже полны значения и мысла. Орсия по-прежнему сидела между мной и йлией; она протянула мне руку, и мы переплели альцы.

Она испытующе взглянула на меня:

— Так лучше, сестра.

Услышав в ее словах вопрос, я ответила ей тверже, ем, может быть, была уверена в этом:

— Лучше. Мои силы возвращаются.

— Твои силы, — повторила она задумчиво. — Если ты обрела то, что тебе дорого, цени и береги это, аттея.

Я не совсем поняла, что она хотела этим сказать, о переспрашивать не стала — очень хотелось спать, я, завернувшись поплотнее в плащ, попыталась усуть.

Если в ароматной жидкости, которую предложила не Орсия, и была какая-то колдовская сила, она се-таки не защитила меня от того, от чего я хотела крыться. Потому что стоило мне только закрыть глаа, как я вновь оказалась на том гребне горы, откуда

мы наблюдали за сражением и где создавали наше маленькое войско. И вновь палец мой коснулся последнего оставшегося шарика, и я произнесла имя, которое говорить не хотела.

Однако во сне на земле остались лежать другие шарики, а тот, кого назвала я, поднялся — но не таким, каким я видела его последний раз в безлюдной, покинутой всеми цитадели. Я увидела его как в том, первом сне, когда он сидел на своем троне и смотрел на Ворота.

Он обернулся, посмотрел на меня, и было в его взгляде нечто такое, от чего хотелось отвернуться, но я не могла.

— Ты назвала мое имя среди имен мертвых, — он не произносил этих слов, а я их слышала, я читала его мысли. — Ты меня так боишься... или ненавидишь?

И я набралась смелости ответить ему, ответить чистую правду:

— Да, я боюсь тебя, вернее, того, что ты можешь сделать, кто бы ты ни был. Твое время в Эскоре миновало, не пытайся вновь поднять свой стяг.

И поскольку в этом моем сне происходило то, чего я больше всего боялась, я и увидела этот стяг в небе над ним. Он был желтого цвета, словно солнечный отблеск на золотом песке, и на нем были изображены скрещенные меч и жезл.

— Не поднимай свой стяг... — задумчиво повторил он. — Ты думаешь, что мое время прошло, а твое, Каттея, колдунья? Из нас двоих никто не властвует и никто не подчиняется. И как знать: может статься, ты сама пожелаешь встать под этот стяг. Ты призовешь его, он будет тебе нужен.

Я сделала усилие над собой, заставив мой разум не подчиняться ему.

— Я хочу только, чтобы ты оставил нас в покое, Илэриэн. Дай нам добраться до своих. Я не желаю тебе зла, я знаю, ты не из тех, кто вместе с Тьмою. Только дай нам уйти.

В ответ на это он медленно покачал головой:

— У меня нет армии, у меня никого нет, я один. А ты назвала мое имя среди умерших, значит, ты дол-

жна мне сделать благое дело. Равновесие должно быть восстановлено.

Больше я ничего не помню, и остаток ночи спала крепко и без сновидений. Я проснулась со смутным предчувствием, что наступающий день несет нам немало опасностей и испытаний. Хотя первые час-два после того, как мы снялись с места, я думала, что предчувствия обманули меня.

Мы продолжали ехать строго на запад. Теперь рентаны двигались не так быстро, как накануне, но все-таки поспешали; казалось, они совсем не чувствуют веса своих седоков. Однако довольно скоро нам стало понятно, что хотя сарны и серые больше не гонятся за нами, мерцающее облако по-прежнему преследует нас.

Я заметила, что двое зеленых, которые скакали в арьергарде, нет-нет да оборачиваются назад и всматриваются во что-то. Оглянувшись, я удивилась их тревоге — облако находилось от нас довольно далеко. Однако очень скоро я убедилась, что беспокоились они не напрасно. Невидимые щупальца дотянулись до нас, туманя разум, притупляя наши мысли, действуя на наши тела так, что любое движение давалось с большим напряжением. И даже рентаны явно начинали поддаваться этой злой силе.

Солнечный свет, казавшийся поначалу таким ярким, теперь стал бледнее и глуше; видимо, на небе появилась тонкая дымка облаков. Холод сковывал наши дрожащие тела, словно здесь властвовал Ледяной Дракон, хотя он уже несколько месяцев назад убрался в свою берлогу.

Рентаны перешли на рысь, они задыхались, они еще пытались сопротивляться, но уже не могли бежать с прежней скоростью. В конце концов тот, кто скакал в авангарде с Кемоком на спине, громко взревел, и все рентаны остановились. Нам было слышно, как они переговариваются.

— Мы не можем двигаться дальше, необходимо заклинание.

— Заклинание! — живо откликнулась Джелита. — Моему Дару не сладить с тем, что нас преследует. Оно — порождение другой природы, других по-

знаний. Мне не приходилось иметь дело с чем-либо подобным.

После ее слов в мое и без того окоченевшее тело вполз холодок страха — ведь я так верила, что она готова, что она сможет противостоять этому порождению Тьмы.

— Мне доступна магия воды, — произнесла Орсия. — Но, боюсь, это не то, что нам сейчас нужно. Кемок?

Он покачал головой.

— Я призывал великие имена и получал от них помощь. Но теперь я не знаю, кто может помочь нам...

И тут я поняла, что одна из всх знаю, кто встанет перед нашим преследователем. Там, на гребне холма, я призывала к нему смерть, сама не знаю почему. Сейчас я призывала его на смерть, ибо ее дыхание опалило нас, и я почему-то знала, что если кто и может помериться с ней своим могуществом, так только он. Даже великие владычицы Эсткарпа были бы здесь бессильны.

Сейчас я его позову. И если он откликнется... тогда смерть завершит все. Так подсказывал мне страх. Обрекать кого-то на гибель... какая женщина может на это решиться? Но я уже однажды сделала это.

Однако в ту минуту не только моя жизнь была под угрозой — нужно было спасать близких мне людей, а может быть, и будущее Эскора. И я, соскользнув со спины рентана, отбежала от них, обратив лицо к невидимому.

Я позвала на помощь его, как зовут уже умершего. «Я призываю твой стяг...»

Почему я выкрикнула именно эти слова — не знаю. Но тотчас же мне в ответ на краю неба полыхнула золотая вспышка, словно возвращая солнечное тепло, которое было у нас отнято. Илэриэн стоял, не глядя на меня, оборотив лицо в сторону мерцающего облака, и в руке держал не обнаженный меч, но жезл.

Он взмахнул жезлом, как воин приветствует противника взмахом меча, прежде чем нанести первый удар. Коротким и строгим было это приветствие, такою же была и схватка, которая разразилась позади нас.

Впрочем, как происходила эта борьба, я не видела, вспышки и мерцания были столь яркими и яростными, так больно резали глаза, что мне пришлось закрыть их, чтобы не ослепнуть. Но хотя я и не видела, что происходит, сделать кое-что я все же могла: то, что Илэриэн просил у меня, когда мы бежали от Зандора, теперь я отдала ему сама, по своей воле; я отдала ему весь свой Дар, всю силу, какую имела, опустошив себя до дна, и мне не было жаль того, что я с таким трудом обрела.

Кажется, я опустилась на колени, прижав руки к груди; я не осознавала ничего, ощущая лишь невероятную слабость и желание, чтобы все быстрее кончилось. Сколько прошло времени, я не ведала.

Наконец, все стихло. Я была опустошена, и пустота эта казалась еще бездоннее, чем та, какую оставил во мне Динзиль. Даже мысленные усилия давались с невероятным трудом, и мне подумалось, что это — смерть. Но я не боялась ее, мне хотелось только покоя.

Неожиданно я почувствовала на плечах тепло рук, кто-то настойчиво пытался приподнять меня. И от теплого прикосновения в меня опять вливались жизненные силы, а я не хотела этого, сознавая, что я наделала своим призывом; смерть была заслуженной карой для меня.

— Не надо!

Я все же заставила себя открыть глаза, но не хаос и разорение ждали меня, я встретила взгляд того, кто стоял рядом, и увидела, что в этих глазах нет ничего похожего на то, что было в глазах Динзиля, который не давал, а только отнимал. И еще я поняла, что из нас *двоих*, действительно, никто не властвует и никто не подчиняется, мы на равных, мы вместе. Слова были не нужны, не нужны даже мысли, лишь одна промелькнула у меня в голове — как я была слепа, как одурманена бессмысленным страхом.

И мы вдвоем подошли к тем, кто ждал в стороне, наблюдая за исходом битвы. Так создатель Ворот стал отныне защитником жизни и света, так завершилась моя глава в бесконечном повествовании об Эскоре.

Теперь мы были вместе, силы наши соединились, мы путешествовали и боролись, избавляя эту страну от Тьмы, мы теснили ее все дальше и дальше, а когда отползла она за холмы и горы, мы наложили печать, чтобы не могла она вырваться обратно. И когда земля эта была освобождена, родители мои вернулись в Эсткарп, потому что ему принадлежали их сердца. Теперь путь между Эскором и Эсткарпом был свободен, а наши мысли летали еще быстрее, чем письма.

Мои братья и зеленый народ ушли из Долины, чтобы поднимать другие земли. А мне все мерещилась цитадель, окруженная высокими стенами, что стояла на мысе, глубоко выдающемся в море. И сквозь прах многих лет наступало пробуждение, и обещало оно быть плодородным и счастливым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга III. ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА 5

Книга IV. ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЛДОВСКОГО МИРА 169

Книга V. ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА 367

Литературно-художественное издание

АНДРЕ НОРТОН

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Ответственный редактор *Александр Кононов*
Редактор *Марина Новикас*
Художник *Денис Гордеев*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Технический редактор *Елена Глушкова*
Корректор *Нина Богачева*
Компьютерный набор *Валентина Лезина*
Верстка *Вера Волкова*
Макет *Сергей Арефьев*

Руководитель проекта *Максим Крютченко*
Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*
Главный редактор *Вадим Назаров*
Директор издательства *Николай Буцкий*

Подписано к печати с оригинал-макета 22.06.92. Формат 84×
×108 1/32. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 31,9.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 47. Заказ 1873.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

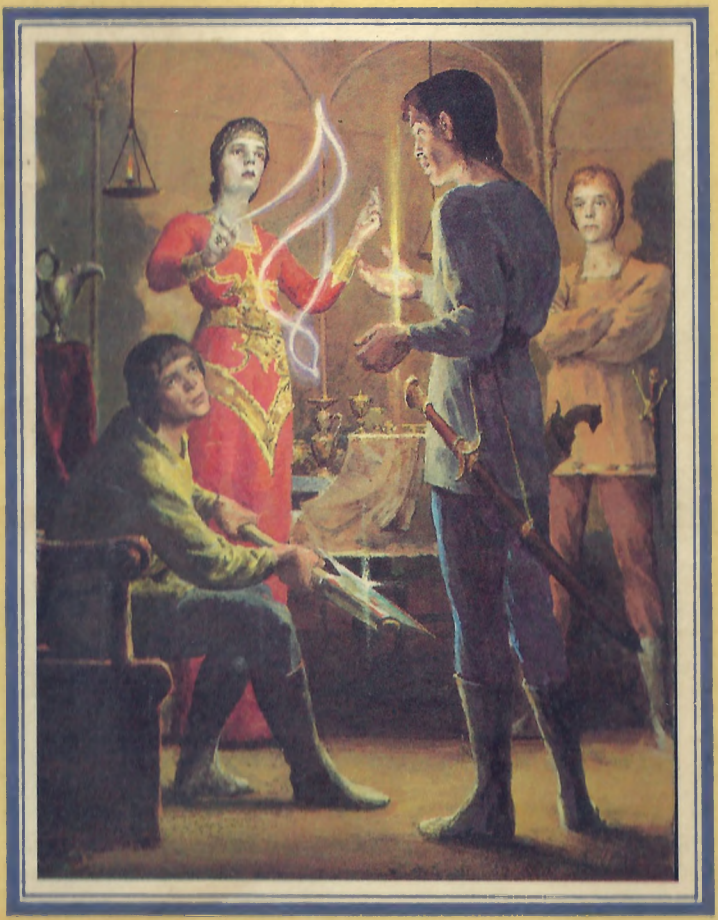
«Печатный Двор»
197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15

Тёмные топи
Эстмаут
Обитель мудрейших
Зеленая долина
Эс
Эстфорд
Кольцо Мёртвых
Форт Хорвана
Мертвый город

Черная
башня
Впадина
Дорога
река
Протока
Черная
скала
Озеро
Курганов
Котлован
С
З
В
Ю

fantasy

Трое против колдовского мира
Заклинатель колдовского мира
Волшебница колдовского мира

·Северо-Запад·